Н. ЛЕНИН
(В. УЛЬЯНОВ)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

В Т

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. ЛЕНИН (В. УЛЬЯНОВ)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Т. I

ПЕРВЫЕ ШАГИ РАБОЧЕГО С.-Д. ДВИЖЕНИЯ

1893 — 1900 г.г.

26—69 тыс.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Печатается по постановлению IX Съезда Р К П (б)

Отпечатано с матриц 16 типографии Мосполиграфа—Москва.

Гиз № 7576. Нижегородский гублит № 321. Тираж—43.000.

Нижполиграф. Н.-Новгород.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

I том Собрания сочинений Владимира Ильича по плану издания должен обнять его политические работы до выезда его за границу в середине 1900 г. Работы Владимира Ильича того же периода, не посвященные непосредственно обсуждению политических задач русского рабочего движения, вошли во II и III томы. От этого плана I тома нам пришлось отступить только в одном случае. Мы должны были включить в I том работу Владимира Ильича «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», ибо она была найдена как раз во время подготовки I тома и уже после выхода II и III томов.

Но эта статья Владимира Ильича — не единственная новинка I тома. Он весь почти состоит из таких новинок. Ряд работ Владимира Ильича, вошедших в I том, печатается в первый раз. Среди них столь важные для истории партии и рабочего движения, как «Проект программы с.-д. партии» 1896 г. и «Проект программы нашей партии» 1900 г., до сих пор совершенно не известные. Другие работы Владимира Ильича 90-х г.г., как «Об'яснение законов о штрафах», «Новый фабричный закон» или писанные Владимиром Ильичем в 1895 и 1896 г.г. прокламации, хотя и были в свое время напечатаны (или изданы на гектографе), но почти не перепечатывались и были совершенно недоступны. Наконец, I том включает в свой состав самую знаменательную и — теперь это можно сказать — пророческую работу Владимира Ильича 90-х г.г. — «Что такое друзья народа».

Эта работа тов. Ленина была им написана ровно 30 лет тому назад. Лишь теперь она выходит в свет в виде, который делает ее доступной широкой массе читателей *).

---

*) Несколько месяцев тому назад „Что такое друзья народа“ было издано в виде отдельного оттиска из подготовлявшегося тогда I тома Собрания сочинений. Следующие строки заимствованы из моего предисловия к этому изданию.

Тяжелая лапа царских жандармов, сумевшая на десятки лет задержать ознакомление рабочих с этим замечательным произведением, сказывается и до сих пор. Перерыв ряд русских и заграничных книгохранилищ, мы так и не нашли второй части работы Ленина и принуждены пока ограничиться перепечаткой первой и третьей частей.

В воспоминаниях т.т. С. Мицкевича, А. Ганшина и В. Масленникова, которые читатели найдут в примечаниях к этому тому, обрисованы те условия, при которых появилось в свет это произведение.

Пролежавшая 30 лет в тайниках охранных отделений, известная в момент своего появления лишь очень незначительному кругу первых работников-марксистов и затем как бы канувшая в воду забвения, эта работа Владимира Ильича представляет несомненно одно из замечательнейших произведений русской революционной публицистики.

У автора, писавшего под постоянной угрозой жандармского нашествия, пользовавшегося книгами, одно хранение которых стоило по тем временам длительной тюрьмы, не было, видимо, времени и расположения отделывать и подчищать свое произведение. Резкими чертами набрасывает он программу зарождающегося пролетарского социализма и с заражающим негодованием, не щадя идейных врагов, противопоставляет ее салонной публицистике тогдашних народников, духовных отцов последующего эс-эрства.

Этот резкий «голос из подполья» был по тем временам истинным криком «галльского петуха», задолго до пробуждения массового рабочего движения приветствовавшим зарю коммунистической революции в России. Этот голос был провозвестником и отголоском глубоких чувств возмущения, негодования и ненависти, которые копились в глубинах трудящихся масс. Вот почему эта работа насквозь пронизана чувством непримиримой вражды ко всем врагам трудящихся и глубочайшего презрения к аккуратным и благонамеренным «народолюбцам» из либерального и народнического стана.

После выстрелов героических народовольцев-семидесятников не было в русской истории последнего полустолетия XIX века более яркого, более мощного проявления ненависти к существующему порядку и презрения к примиряющимся с ним, чем этот раздавшийся из марксистского подполья голос, и он оставался таковым вплоть до того, как под аккомпанимент массовых стачек и рабочих демонстраций заговорила на всю Россию Ленинско-Плехановская «Искра».

Среди историков общественного и революционного движения, а за ними и среди широкой массы даже партийных товарищей долго держалась мысль, что первой более или менее широкой формулировкой взглядов марксистов внутри России явилась книжка Струве: «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Несомненно, что громадную роль в деле распространения марксизма среди интеллигенции сыграла блестящая книга Плеханова: «К развитию монистического взгляда на историю». Только теперь, с появлением издаваемой работы т. Ленина, и историкам, и читателям станет ясно, что первой и более мощной формулировкой задач рабочего социализма в России была не работа Струве и не книга Плеханова, а именно эта работа Ленина. Первая часть ее написана в апреле 1894 года, закончена она не позже июня того же года; между тем, книга Струве писалась летом 1894 года и вышла в свет только в сентябре того же года, а книга Плеханова писалась осенью и появилась в свет лишь в самом конце декабря того же года.

Когда Ленин писал свою книгу, он не мог быть знаком с этими работами Струве и Плеханова. Его труд является плодом самостоятельной работы над учением Маркса и над приложением его к своеобразным условиям политического и экономического строя России.

Но работа Ленина явилась не только первой формулировкой марксизма на русской почве, она явилась вместе с тем и лучшей, наиболее отвечающей и революционному духу марксизма, и специфическим условиям России формулировкой задач пролетарского социализма.

Вышедшая после работы Ленина книга Струве, как это доказал тогда же, осенью 1894 года, немедленно после выхода книжки Струве, тов. Ленин, формулировала не революционные задачи русского пролетариата, а прогрессивные тенденции русского буржуазного развития. Книга Плеханова в поистине блестящей литературной форме раскрывала общие источники и широкие перспективы материалистического истолкования истории. Но только работа Ленина, применяя методы Маркса к конкретному материалу российского экономического быта, раскрывала до конца глубину экономического рабства русского пролетария и мужика и апеллировала от этого рабства к духу возмущения и восстания.

Поразительна та громадная чуткость, которая позволила Ленину в этой работе наметить те тактические проблемы грядущей революции,

которые впервые широко сказались лишь через 12 (1905 г.), а целиком развернулись лишь через 25 лет (1917 г.). Кто хочет понять основное зерно тактических идей Ленина, кто хочет понять корни революционной программы Ленина и 1905 и 1917 годов, тот должен изучить данную работу Ленина, ибо в этой первой своей политической работе Ленин впервые уже наметил и подчеркнул те специфические классовые отношения в России, которые затем послужили твердым базисом для его идеи диктатуры пролетариата и крестьянства (1905 г.) и идеи революционного союза рабочих и крестьян (1917 и последующие годы).

Плеханов блестяще изложил, обосновал и проиллюстрировал учение Маркса, но в нем не было той почвенной силы, тех глубоких корней, той громадной чуткости, той стихийной связанности с миллионными массами трудящихся России, которые дали возможность Ленину не остаться т о л ь к о истолкователем марксизма, но превратили его в вождя русской революции и поставили во главе захваченного трудящимися государства.

Стихийная мощь молодого пролетариата, которому суждено было через четверть столетия открыть эру мировой пролетарской революции, чувствуется в каждой строке работы молодого Ленина. Она лежит в основе того великолепного презрения к установившимся авторитетам общественной мысли, в основе той идейной смелости и непримиримости, которыми, как динамитом, начинена эта литературная бомба, которую бросил тридцать лет тому назад Ленин в общество русских дворян, фабрикантов и слезоточивых народолюбцев-интеллигентов. Этим же об'ясняется и то, почему эта работа, трактующая о политических мертвецах и о решенных уже историей вопросах и сейчас еще заражает энтузиазмом и верой в победоносность революционного дела пролетариата.

Эта книжка учит марксизму и воспитывает революционную мысль и волю; читая ее, наша пролетарская молодежь научится понимать, как сухие рассуждения и статистические таблички могут доставить истинное умственное наслаждение. А когда читатели дочитают эту книжку до конца и прочтут ее заключительные строки,—«когда передовые представители его (рабочего класса) усвоят идею научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную эко-

номическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции», — пусть они вспомнят, что это написано 30 лет тому назад, почти одиноким марксистом в дни неслыханного могущества Российской монархии и мертвой спячки общества и пусть скажут себе: революционная воля пролетариата, вооруженная учением Маркса, действительно способна перевернуть весь мир!

***

Об'единяя все политические работы Вл. Ильича 90-х г.г., I том дает впервые связную картину развития политической мысли вождя рабочего класса в момент формирования коммунистического движения пролетариата и выработки основных линий идеологии, политики и тактики нашей партии. Только теперь, когда вновь отысканы и собраны политические работы Вл. Ильича за 90-е годы, становится возможной подлинная история первых шагов рабочего движения и марксистского коммунизма в России. В связи с подобным значением I тома, мы не поскупились на всякого рода «приложения» к основному тексту. Эти приложения, в которые включен ряд трудно-доступных документов, касающихся рабочего движения и истории революционной мысли того времени, помогут читателю восстановить ту обстановку, в которой В. И. Ленин вырабатывал основы программы и тактики революционной партии рабочего класса. Среди этих «приложений» читатель обратит, конечно, внимание на незначительные по об'ему, но очень значительные по количеству вложенной в них работы и по их роли для дальнейшей разработки истории партии и биографии Владимира Ильича «Список прокламаций петербургского «Союза Борьбы» за 1895 — 1897 г.г.» и «Список неразысканных произведений т. Ленина до 1900 г.», составленные тов. И. Товстухой.

Отнюдь не желая обращать свое краткое «предисловие» в исследование о значении и роли отдельных произведений Вл. Ильича в истории его идей и в истории нашей партии, я не могу, однако, обойти здесь молчанием двух фактов, придающих особое значение статьям I тома.

В ряде этих статей читатель найдет первые попытки Вл. Ильича сформулировать отношения между рабочим классом и крестьянством в революции. Вдумчивый читатель, несомненно, заметит в этих первых попытках решения основной проблемы российской революции борьбу двух тенденций.

Одна тенденция опирается на общую, абстрактную идею развития производительных сил и прогрессивности с этой точки зрения крупного хозяйства над мелким хозяйством крестьянина. Эта идея заставляет Вл. Ильича в своих проектах программы 90-х г.г. с особой осторожностью формулировать свои мысли о тех требованиях крестьянства, которые могли бы быть поддержаны рабочим классом.

Из этой «осторожности» — в атмосфере острой борьбы с реакционным мелко-буржуазным народничеством — вытекла и программа отрезков, происхождение которой теперь — по материалам I тома — может быть впервые детально прослежено.

Вторая тенденция — это глубокое понимание и ощущение Вл. Ильичем уже с первых шагов его работы того конкретного факта, что аграрная революция, революционное восстание крестьян, революционное решение вопроса о земле является необходимым моментом победы над дворянской монархией. Понимание того, что основой для победы пролетариата над этой монархией должно явиться крестьянское восстание против помещиков, было у Вл. Ильича уже в 90-х г.г. глубже и определеннее, чем у кого бы то ни было из марксистов того времени, не исключая членов Группы «Освобождение Труда» и будущих редакторов «Искры».

На работах I тома мы можем изучать сочетание этих двух тенденций для того, чтобы констатировать полную и безоговорочную победу второй тенденции уже в 1904 г., т.-е. всего через год после принятия «программы отрезков». Эта вторая тенденция привела Вл. Ильича уже в начале 1905 г. к программе «национализации земли» и «диктатуры пролетариата *и* крестьянства». Эту программу Вл. Ильич выдвинул как раз в тот момент, когда меньшевики, опошлив и доведя до абсурда идею об экономической реакционности крестьянского хозяйства, сделали ее орудием контр-революционных нападений на тактику «союза рабочих и крестьян» и положили ее в основу своей тактики союза рабочих с буржуазией.

Другое обстоятельство, на которое мы хотели бы обратить внимание, это та характеристика различных подходов к вопросу о роли рабочего класса в революции, которую дал Вл. Ильич в одном из примечаний к своей первой политической работе. На странице 204-й читатель прочтет следующие строки:

«К выводу о необходимости поднять рабочего на борьбу с абсолютизмом можно притти двумя путями: л и б о смотреть на рабочего, как на единственного борца за социалистический строй, и тогда видеть в политической свободе одно из условий, облегчающих ему борьбу. Так смотрят соц.-демократы. Л и б о обращаться к нему просто как к человеку, наиболее страдающему от современных порядков, которому уже нечего терять и который всего решительнее может выступить против абсолютизма. Но это и будет значить — заставлять его тащиться в хвосте буржуазных радикалов, не желающих видеть антагонизма буржуазии и пролетариата за солидарностью всего «народа» против абсолютизма».

В своей краткости, простоте, точности и выразительности эта характеристика 1894 г. должна быть признана гениальным предвосхищением всего смысла идейной и политической борьбы в России за последние 3 десятилетия. Ибо весь — весь без остатка — смысл этой борьбы, наложившей свой отпечаток на все области общественной жизни и мысли России—именно и заключался в решении вопроса: станет ли рабочий класс во главе всех трудящихся и поведет их на борьбу за социализм, ниспровергая с их поддержкой все препятствия на своем пути, — в первую очередь монархию, — или — по образцу классических буржуазных революций XIX века—принужден будет передать свою гегемонию либеральной буржуазии, тащась в ее хвосте на путях реформистского изживания сначала монархии, а потом «демократии». Все без исключения партии и группы—от «экономистов», «бернштейнианцев» и меньшевиков до эс-эров и кадетов—практически в течение десятилетий толкали пролетариат на этот второй путь. Ленин, точно и ясно определивший уже в 1894 г. о б а пути, звал его на первый путь. Рабочий класс пошел за Лениным. Из маленького «примечания» развернулась теория и практика, которая надолго определила ход русской и мировой истории.

Л. Каменев.

30/III—24 г.

НОВЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ В КРЕСТЬЯНСКОЙ ЖИЗНИ

ПО ПОВОДУ КНИГИ В. Е. ПОСТНИКОВА — «ЮЖНОРУССКОЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО»

Написано в 1893 г. [1])

Печатается с рукописи того же года.

I.

Вышедшая в 3-ьем году книга В. Е. Постникова «Южно-русское кр. хозяйство» (Москва, 1891. Стр. XXXII+391. Ц. 2.$_{50}$) представляет из себя чрезвычайно подробное и обстоятельное описание крестьянского хозяйства в губб. Тавр., Херс. и Екатеринославской, преимущественно же в материковых (северных) уу. Таврической губернии. Описание это основано, во-1°,— и главным образом—на земско-статистических исследованиях 3-х указанных губерний; во-2°, на личных наблюдениях автора, произведенных им отчасти по долгу службы *), отчасти с специальной целью изучения крестьянского хозяйства в 1887—1890 годах.

Попытка свести земско-статистические исследования по целому району в одно целое и изложить результаты их в систематической форме сама по себе представляет громадный интерес, так как земская статистика дает громадный и детальнейший матерьял об экономическом положении крестьянства, но дает в такой форме, что для публики эти исследования пропадают почти бесследно: земско-статистические сборники представляют из себя целые томы таблиц (обыкновенно каждому уезду посвящен отдельный том), одна сводка которых в достаточно крупные и ясные рубрики требует специальных занятий. Необходимость сводки данных земской статистики и обработки их чувствуется уже давно. В последнее время с этой целью предпринято издание «Итогов земской статистики». План этого издания таков: берется известный частный вопрос, характеризующий крестьянское хозяйство, и особое исследование посвящается сводке всех данных по этому вопросу, имеющихся в земской статистике; соединяются вместе данные, относящиеся и к черноземному югу России и к нечерноземному северу, к губерниям исключительно земледельческим **) и к губерниям промысловым. По этому плану составлены два вышедшие тома «Итогов»; 1-ый посвящен

*) Автор служил чиновником по устройству казенных земель в Таврической губернии.

**) В издании Истпарта: „землевладельческим“,—очевидная опечатка. *Ред.*

«крестьянской общине» (В. В.); второй — «крестьянским вненадельным арендам» (Н. Карышев) [2]). Позволительно усомниться в правильности такого приема сводки: приходится, во-первых, сводить вместе данные, относящиеся к различным районам с различными хозяйственными условиями *) (при этом отдельная характеристика каждого района представляет громадные трудности вследствие неоконченности земских исследований и пропусков многих уездов: трудности эти сказались уже во 2-ом томе «Итогов»; попытка Карышева распределить имеющиеся в земской статистике данные о вненадельных арендах **) к различным определенным районам не удалась); во-вторых, описывать отдельно известную сторону крестьянского хозяйства, не касаясь других сторон — совершенно невозможно; отрывать известный вопрос приходится искусственно, и цельность представления теряется. Крестьянские вненадельные аренды отрываются от аренды надельных земель, от общих данных об экономической группировке крестьян, о величине посевной площади; они рассматриваются только как часть крестьянского хозяйства, тогда как они представляют собой часто особый способ ведения частновладельческого хозяйства. Поэтому свод данных земской статистики по известному району с однородными хозяйственными условиями был бы, мне кажется, предпочтительнее [3]).

Излагая мимоходом свои мысли о более правильном приеме сводки земско-статистических исследований, мысли, на которые наводит сравнение «Итогов» с книгой Постникова, я должен однако оговориться, что Постников собственно не задавался целями с в о д к и : он отодвигает на задний план цифирный материал и все внимание обращает на полноту и выпуклость описания.

В своем описании автор почти с равным вниманием останавливается на вопросах характера экономического, административно-юридического (формы землевладения) и технического (межевой вопрос; система хозяйства; урожаи), но вопросы первого рода он намеревался выдвинуть на 1-ый план.

«Должен признаться — говорит автор в Предисловии — что я меньше останавливаю внимания на технике крестьянского хозяйства, чем это можно было сделать, но поступаю так потому, что условия экономического характера, на мой взгляд, играют более важную роль в крестьянском хозяйстве, чем техника. В нашей печати... обыкновенно игно-

---

*) В издании Истпарта: „к различным хозяйственным районам с различными экономическими условиями". *Ред.*

**) Слова: „о вненадельных арендах" в изд. Истпарта опущены. *Ред.*

рируют экономическую сторону... Очень мало внимания посвящается исследованию коренных экономических вопросов, какими являются для нашего крестьянского хозяйства вопросы аграрный и межевой. Настоящая книга более отводит места выяснению именно этих вопросов и в особенности вопроса аграрного» (Предисловие, с. IX). Вполне разделяя взгляд автора на сравнительную важность экономических и технических вопросов, я и намерен посвятить свою статью изложению *) лишь той части труда Постникова, в которой крестьянское хозяйство подвергается п о л и т и к о - э к о н о м и ч е с к о м у исследованию **).

Главные пункты этого исследования автор характеризует в Предисловии след. обр.:

«Являющееся в последнее время большое употребление машин в крестьянском земледелии и заметное расширение размеров хозяйства у зажиточной части крестьянства дают нашей аграрной жизни новую фазу, развитию которой, без сомнения, дадут новый толчек тяжелые хозяйственные условия настоящего года. Производительность крестьянского труда и рабочая способность семьи значительно повышаются с увеличением размеров хозяйства и употреблением машин, что до сих пор опускалось из виду при определении площади, какую может обработать крестьянская семья...

«Употребление машин в крестьянском хозяйстве вызывает существенные бытовые изменения: сокращая в земледелии запрос на рабочие руки и делая еще более чувствительной для крестьян существующую у нас перенаселенность земледелия, оно способствует увеличению семей ***), которые, становясь лишними для села, должны искать заработка на стороне и фактически становиться безземельными. Введение крупных машин в крестьянское хозяйство вместе с тем поднимает крестьянское благосостояние, при наличных приемах земледелия и его экстенсивности, на такую высоту, о которой до сих пор нельзя было и думать. В этом обстоятельстве лежит залог ****) силы **новых хозяй-**

---

*) В изд. Истпарта: „исследованию". *Ред.*

**) Такое изложение мне представляется не лишним, п. ч. книга П—ва, представляющая из себя одно из наиболее выдающихся явлений в нашей экономической литературе последних лет, осталась почти незамеченной. Отчасти, м.-б., объясняется это тем, что автор, хотя и признает бо́льшую важность экономических вопросов, но излагает их слишком отрывочно и загромождает изложение подробностями других вопросов.

***) В издании Истпарта: „числа семей". *Ред.*

****) В издании Истпарта: „закон",—результат, по всей вероятности, неправильного чтения рукописи. *Ред.*

ственных движений в крестьянской жизни [1]). Отметить и выяснить эти движения в южно-русском крестьянстве составляет ближайшую задачу настоящей книги» (Предисловие, с. X).

Прежде чем перейти к изложению того, в чем состоят, по мнению автора, эти новые хозяйственные движения, я должен сделать еще 2 оговорки.

Во-1°. Выше было замечено, что автор сообщает данные о губб.: Херс., Екатериносл. и Таврической, но достаточной подробностью отличаются только данные, относящиеся к последней губернии, и притом не ко всей: автор не дает данных о Крыме, поставленном в несколько отличные хозяйственные условия, ограничивается исключительно 3-мя северными материковыми уездами Таврич. губ.—Бердянским, Мелитопольским и Днепровским. Я ограничусь данными только по этим 3-ем уездам.

Во-2°. Таврическая губерния населена, кроме русских, также немцами и болгарами, число которых, впрочем, не велико сравнительно с русским населением: в Днепр. у. 113 дворов немецких колонистов (болгар нет) *) из 19.586 дворов (с. 9), т.-е. всего 0.6%. В Мелитоп. у.—немцев и болгар 1.874 + 285 = 2.159 дворов из 34.978, т.-е. 6.1%. Наконец, в Берд. у.—3.075 + 4.149 = 7.224 дворов из 28.794, т.-е. 25%. Всего по 3-м уу. колонистов 9.496 дворов из 83.358, т.-е. около $^1/_9$. След., в общем число колонистов очень незначительно, а в уезде Днепровском и совсем ничтожно. Автор описывает колонистское хозяйство подробно, отделяя всегда его от русского. Все эти описания я опускаю, ограничиваясь исключительно хозяйством русских крестьян. Правда, цифирные данные соединяют вместе русских и немцев, но присоединение последних, по незначительности их, не может изменить общих соотношений, так что вполне можно на основании этих данных характеризовать русское крестьянское хозяйство. Русское население Таврической губернии, заселившее этот край в последние 30 лет, отличается от крестьянства других русских губерний только своей большей зажиточностью. Общинное землевладение является в этой местности «типичным и устойчивым» **), по словам автора (с. 40), одним словом, за выделением колонистов, крестьянское хозяйство в Таврич. губ. не представляет никаких коренных отличий от общего типа русского крестьянского хозяйства.

---

*) Взятое в скобки в издании Истпарта опущено. *Ред.*

**) только 5 селений имеют подворное землевладение (с. 40).

II.

«В настоящее время — говорит П—в — всякое сколько-нибудь значительное южно-русское село (и то же, вероятно, можно сказать о большинстве местностей России) представляет столько разнообразия в экономическом положении отдельных групп своего населения, что крайне трудно говорить о благосостоянии отдельных селений, как целых *) единиц, и рисовать это благосостояние средними цифрами. Такие средние цифры указывают некоторые общие определяющие условия экономического быта крестьянства, но они не дают никакого понятия о всем разнообразии экономических явлений в действительности» (с. 106).

Несколько ниже П—в выражается с еще бо́льшей определенностью: «Разнообразие экономического благосостояния — говорит он — весьма сильно затрудняет вопрос об общей зажиточности населения. Лица, проезжающие бегло через большие селения Таврич. губернии, обыкновенно выносят заключения о большой зажиточности местных крестьян; но можно ли назвать село зажиточным, если в нем половина крестьян состоит из богатеев, а другая постоянно бедствует? И какими признаками следует определять относительно большую или меньшую зажиточность того и другого селения? Очевидно, что средние цифры, характеризующие обстановку населения всего села, или района, недостаточны для заключения о крестьянском достатке. О последнем можно судить лишь по совокупности многих данных, р а с ч л е н я я н а с е л е н и е н а г р у п п ы» (с. 154).

Может показаться, что в этом констатировании дифференциации в среде крестьянства нет ничего нового: о ней упоминается почти в каждом сочинении, посвященном крестьянскому хозяйству вообще. Но дело в том, что обыкновенно, упоминая об этом факте, не придают ему значения, считают его несущественным или даже случайным, находят возможным говорить о типе крестьянского хозяйства, характеризуя этот тип средними цифрами, обсуждают значение разных практических мероприятий по отношению ко всему крестьянству. В книге Постникова виден протест против таких взглядов. Он указывает (и не раз) на «огромное разнообразие экономического положения отдельных крестьянских дворов внутри общины» **) (с. 323) и вооружается против «стремления рассматривать крестьянский мир как нечто цельное и однородное,

*) В издании Истпарта: „цельных“. *Ред.*

**) Слова: „внутри общины“ в рукописи написаны более крупно, чем остальной текст. В изд. Истпарта вместо „общины“ -„общин“. *Ред.*

каким он и до сих пор еще представляется нашей городской интеллигенции» (с. 351). «Земско-статистические исследования последнего 10-тилетия—говорит он—выяснили, что наша сельская община вовсе не представляет такой однородной единицы, какою она казалась нашим публицистам в 70-х годах, и что в последние десятилетия в ней происходила дифференциация населения на группы с весьма различной степенью экономического достатка» (с. 323).

Свое мнение Постников подтверждает массой данных, разбросанных по всей книге, и мы должны теперь заняться систематической сводкой всех этих данных, чтобы проверить правильность этого мнения, чтобы решить вопрос, кто прав?—«городская ли интеллигенция», рассматривающая крестьянство как нечто однородное, или Постников, утверждающий, что разнородность огромная? и затем, насколько глубока эта разнородность? препятствует ли она общей характеристике крестьянского хозяйства со стороны политико-экономической, на основании одних только средних данных? способна ли она изменить действие и влияние практических мероприятий по отношению к различным разрядам крестьянства?

Прежде чем приводить цифры, дающие материал для разрешения этих вопросов, следует заметить, что все данные этого рода взяты Постниковым из земских статистических сборников по Таврической губ. Первоначально земская статистика ограничивалась при переписях данными пообщинными, не собирая данных о каждом крестьянском дворе. Скоро однако заметили различия в имущественном положении этих дворов и предприняли подворные переписи—это было первым шагом на пути к более глубокому изучению экономического положения крестьян. Следующим шагом было введение комбинационных таблиц: исходя из убеждения, что имущественные различия крестьян внутри общины глубже различий разных юридических разрядов крестьян, статистики стали группировать все показатели экономического положения крестьян по известным имущественным различиям, напр., разбивая крестьян на группы по числу десятин посева, по числу рабочего скота, по количеству надельной пашни *) и т. д.

Таврическая земская статистика группирует крестьян по числу десятин посева. Постников полагает, что такая группировка «представляется удачной» (с. XII), так как «в условиях хозяйства таврических уездов размер посева является наиболее существенным признаком крестьянского благосостояния» (XII). «В южном степном крае — говорит

*) В издании Истпарта добавлено: „на двор". *Ред.*

II—в—развитие всякого рода неземледельческих *) промыслов у крестьян пока относительно ничтожно и главным занятием огромного большинства сельского населения является в настоящее время земледелие, основанное на посеве хлебов» (108). «По показанию земской статистики, в северных уу. Таврич. губ. исключительно занимается промыслами 7.8% коренного сельского населения и, кроме того, 16.3% населения имеет при собственном земледелии подсобные промыслы» (с. 108 прим. 1) **).

По размерам посева земские статистики Тавр. губ. разделяют крестьян на 6 групп: 1) не сеющих; 2) сеющих ***) до 5 дес.; 3)—5—10 д.; 4) 10—25; 5) 25—50 и 6) более 50 дес. По 3-м уу. соотношение этих групп по числу дворов следующее (с. 111):

Проценты дворов.	Уезды Берд. %	Мелит. %	Днепр. %	(с. 116) Приходится на 1 двор в среднем десятин посева по всем 3-м уездам.
Не сеющих. —	6	7.5	9	—
Сеющих до 5 дес. —	12	11.5	11	3.5 дес.
5—10 дес.—	22	21	20	8 „
10—25 „ —	38	39	41.8	16.4 „
25—50 „ —	19	16.6	15.1	34.5 „
более 50 „ —	3	4.1	3.1	75 „

*) В издании Истпарта очевидная опечатка: „неземлевладельческих". *Ред.*

**) В рукописи после этого имеется приписка рукою Вл. Ильича:

[*№ 1. Добавление—в текст*].

Добавление это приведено в издании Истпарта:

„В самом деле, группировка по размерам посева даже и для других местностей России представляется гораздо более правильной, чем другие принятые земскими статистиками основания группировки, например, по числу десятин надельной земли или надельной пашни на двор: с одной стороны, количество надельной земли не указывает прямо на состоятельность двора, потому что размер надела определяется числом ревизских или наличных душ муж. пола в семье и находится только в косвенной зависимости от состоятельности хозяина, потому, наконец, что крестьянин, может быть, не пользуется надельной землей, сдает ее, и при отсутствии инвентаря и не может ею пользоваться. С другой стороны, если главное занятие населения—земледелие, то определение посевной площади необходимо для учета производства, для определения количества хлеба, потребляемого крестьянином, покупаемого им и поступающего в продажу, ибо без выяснения этих вопросов весьма важная сторона крестьянского хозяйства останется неосвещенной, будет неясен характер его земледельческого хозяйства, значение его сравнительно с заработком и т. д. Наконец, необходимо положить в основание группировки именно посевную площадь, чтобы иметь возможность сравнивать хозяйство двора с так называемыми нормами крестьянского землевладения и земледелия, с нормой продовольственной (Nahrungsfläche) и рабочей (Arbeitsfläche). Одним словом, группировка по посеву представляется не только удачной, но наилучшей и безусловно необходимой".

***) В издании Истпарта: „засевающих". *Ред.*

Общие соотношения (эти %% даны о всем населении, включая и немцев) мало изменяются с выключением немцев: так, всего автор считает в Таврич. уу. 40% малосеющих (до 10 дес.), 40% среднесеющих (от 10 до 25 дес.) и 20% многосеющих. Исключение же немцев понижает последнюю цифру до $^1/_6$ *), повышая соответственно число малосеющих (с. 112).

Определяя степень разнородности этих групп, начнем с землевладения и с землепользования **). Автор дает такую таблицу (с. 145) (Постников дает количество десят. пашни над., купчей и арендованной, а суммы не дает ***).

Группы крестьян.	у. Бердянский				у. Мелитопольский				у. Днепровский			
	Приходится на двор в среднем десятин пашни.											
	надельной.	купчей.	арендованной.	всего.	надельной.	купчей.	арендованной.	всего.	надельной.	купчей.	арендованной.	всего.
Не сеющие	6.8	3.1	0.09	10	8.7	0.[illegible]	—	9.4	6.4	0.9	0.1	7.4
Засев до 5 дес. . .	6.9	0.7	0.4	8.2	7.1	0.2	0.4	7.[illegible]	5.5	0.01	0.6	6.1
„ 5—10 дес.	9	—	1.1	10.1	9	0.2	1.4	10.6	8.7	0.05	1.6	10.8
„ 10—25 „ .	14.1	0.6	4	18.7	12.8	0.3	4.5	17.6	12.5	0.6	5.8	18.9
„ 25—50 „ .	27.6	2.1	9.8	39.5	23.5	1.5	13.4	38.4	16.6	2.3	17.4	36.3
„ более 50 „ .	36.7	31.3	48.4	116.4	36.2	21.3	42.5	100	17.4	30	44	91.4
По уезду	14.8	1.6	5	21.4	14.1	1.4	6.7	21.2	11.2	1.7	7.0	19.9

«Эти цифры показывают — говорит П—в — что более зажиточная часть крестьян в Таврич. уу. не только пользуется большим наделом, что может происходить вследствие большего состава семей, но в то же время она является и наиболее покупающей землю и наиболее ее арендующей» (с. 146)

По поводу этого следует только заметить, мне кажется, что возрастание надела от низшей группы к высшей не может быть вполне об'яснено увеличением состава семей. Автор дает следующую таблицу о составе семей по группам для 3-х уу. (с. 114):

---

*) 16.7%, т.-е. всего на 3.3% ниже.

**) В изд. Истпарта слова: „и с землепользования" опущены. *Ред.*

***) В изд. Истпарта последняя, взятая в скобки, фраза выражена так: „суммы трех указанных в ней разрядов земли автор не исчисляет". *Ред*

	Берд. у.		Мелитон. у.		Днепр. у.	
	душ	работ.	душ	работ.	душ	работ.
У не сеющих — —	4.5	0.9	4.1	0 9	4.6	1
Засев до 5 дес. —	4.9	1.1	4.6	1	4.9	1.1
5—10 д. —	5.6	1 2	5.3	1.2	5.4	1.2
10—25 „ —	7.1	1.6	6.8	1.5	6.3	1.4
25—50 „ —	8.2	1.8	8.6	1.9	8.2	1.9
более 50 „ —	10.6	2.3	10.8	2.3	10.1	2.3
По уездам .	6.6	1.5	6.5	1.5	6.2	1.4*)

Рассматривая данные о количестве купчей земли в различных группах, мы видим, что покупают земли почти исключительно высшие группы с посевом выше 25 дес., и главным образом совершенно крупные посевщики, с посевом в 75 дес. на двор. След., данные о купчей земле вполне подтверждают мнение Постникова о разнородности групп крестьянства. Такое, напр., сведение, которое дает автор на с. 146, говоря, что «крестьянами Таврич. уу. куплено 96.146 дес. земли»—совершенно не характеризует явления: почти вся эта земля находится в руках незначительного меньшинства, наиболее обеспеченного уже надельной землей, крестьян «зажиточных» (145), как говорит автор, а таких не более $^1/_5$ населения.

То же самое приходится сказать и об аренде. Вышеприведенная таблица содержит общую цифру арендованной земли, надельной и вненадельной. Оказывается, что размер аренды с полной правильностью возрастает по мере бо́льшего обеспечения крестьян, что, след., чем

*) В рукописи приписка *Добавление № 2*. Оно приведено в издании Истпарта:

„Из таблицы видно, что количество надельной земли на двор повышается от низшей группы к высшей гораздо быстрее, чем число душ обоего пола и работников. Иллюстрируем это, принимая цифры для низшей группы по Днепровскому уезду за 100:

	Надел земли.	Работников.	Душ обоего пола
У не сеющих	100	100	100
„ засев. до 5 дес.	86	110	106
„ „ 5—10 дес.	136	120	117
„ „ 10—25 „	195	140	137
„ „ 25—50 „	259	190	178
„ более 50 „	272	230	219

Ясно, что определителем величины надела является, кроме состава семьи, и состоятельность двора".

обеспеченнее крестьянин своей землей, тем более арендует он земли, лишая так. обр. беднейшие группы необходимой для них земельной площади.

Следует заметить, что это явление—общее для всей России. Проф. Карышев, подводя итоги крестьянским вненадельным арендам по всей России, где только имеются земско-статистические исследования, формулирует прямую зависимость между размером аренды и обеспеченностью арендатора, как общий закон *).

Впрочем, П—в дает еще более детальные **) цифры о распределении аренды (вненад. и над. земель вместе), которые я и привожу (с. 149).

	У. Бердянский.			Мелитоп. у.			Днепровск. у.		
	% ар. двор.	Пашни на аренд. двор.	Цена 1 дес.	% ар. двор.	Пашни на ар. дв.	Цена 1 дес.	% ар. двор.	Пашни на ар. дв.	Цена 1 дес.
У сеющих до 5 д.	18.7	2.1	11	14.4	3	5.50	25	2.4	15.25
„ 5—10 „	33.6	3.2	9.20	34.8	4.1	5.52	42	3.9	12
„ 10—25 „	57	7	7.65	59.3	7.5	5.74	69	8.5	4.75
„ 25—50 „	60.6	16.1	6.80	80.5	16.9	6.30	88	20	3.75
„ более 50 „	78.5	62	4.20	88 8	47.8	3.93	91	48.3	3 55
По уездам.	44.8	11.1	5.80	50	12.4	4 86	56.2	12 4	4.23

Мы видим, след., и здесь, что средние цифры совершенно не в состоянии характеризовать явления: говоря, напр., что в Днепровском уезде к аренде прибегает 56% крестьян, мы сообщаем очень неточное ***) представление об этой аренде, п. ч. в тех группах, которые имеют (как ниже будет показано) недостаточно своей земли, % арендаторов гораздо ниже—только 25% в 1-ой группе, между тем как высшая группа, вполне обеспеченная своей землей, почти вся (91%) прибегает к аренде. Разница в количестве арендованных десятин на 1 арендующий двор еще значительнее: высший разряд арендует в 30—15—24 раза более низшего. Очевидно, что это изменяет и самый характер аренды, п. ч. в высшем разряде это уже коммерческое предприятие, а в низшем—м. б. операция, вызванная горькой нуждой. Последнее предположение подтверждается данными об арендной плате: оказывается, что низшие группы дороже платят за свою землю, иногда даже вчетверо дороже сравнительно с высшим разрядом (в Днепр. у.). Напомнить следует по этому поводу, что и возрастание арендной платы по мере понижения размеров аренды не составляет особенности нашего юга: труд Карышева доказывает общую применимость этого закона.

---

*) В издании Истпарта имеется след. сноска: „Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. Т. I. *Н. Карышев.* Крестьянские вненадельные аренды. Дерпт. 1892 г., стр. 122, 133 и другие". *Ред.*

**) В изд. Истпарта: „достаточные". *Ред.*

***) В изд. Истпарта: „неполное". *Ред.*

«Арендой земель в Таврич. уу.—говорит автор по поводу этих данных—по преимуществу занимаются крестьяне зажиточные, имеющие достаточное количество надельной и собственной пашни; в особенности это следует сказать об аренде вненадельных земель, т.-е. земель владельческих и казны, находящихся на более дальних расстояниях от селений. В сущности это и весьма естественно: для аренды более дальних земель нужно иметь достаточное количество рабочего скота, а крестьяне менее зажиточные не имеют его здесь в нужном размере и для обработки своих надельных земель» (148).

Не следует думать, что подобное распределение аренды зависит от с'ема земли в одиночку. Дело нисколько не изменяется при с'еме земли обществом, не изменяется по той простой причине, что распределение ее делается по тем же основаниям, т.-е. «по деньгам».

«По окладным книгам Упр. Гос. Им.—говорит П—в—в 1890 г. из 133.852 дес. казенных земель 3-х уу., сдававшихся в аренду по контрактам, в пользовании крестьянских обществ состояло 84.756 дес. удобной земли, т.-е. около 63% всей площади. Но земля, арендуемая крестьянскими обществами, находилась в пользовании сравнительно небольшого числа домохозяев и притом преимущественно зажиточных. Подворная перепись земства указывает этот факт довольно рельефно» (с. 150).

Разряды крестьян.	У. Бердянский. Число			У. Мелитопольск. Число			У. Днепровск. Число			По 3-м уу. *). Число		
	аренд. дворов.	десятин.	на аренд. двор.	аренд. дворов.	десятин.	на аренд. двор.	аренд. дворов.	десятин.	на аренд. двор.	аренд. дворов.	десятин.	в %%.
Сеющ. до 5 д.	39	66	1.7	24	383	16	20	62	3.1	83	511	1
5—10	227	400	1.8	159	776	4.8	58	251	4.3	444	1.427	3
10—25	687	2.642	3.8	707	4.569	6.4	338	1.500	4.4	1.732	8.711	20
25—50	387	3.755	9.7	672	8.564	12.7	186	1.056	5.7	1.245	13.375	30
>50	113	3 194	28.3	440	19.365	34.9	79	1.724	21.8	632	20 283	46
Сумма .	1.453	10.057	7	2.002	29.657	14.8	681	4.593	6.7	4.136	44.307	100**)

*) В издании Истпарта имеется еще один столбец цифр, относящийся к последней части таблицы („по 3-м уу."), носящий надпись: „*Не аренд. дворов*" и имеющий соответственно след. цифры: 6.1; 3.2; 4.4; 10.7; 32.1; 10.7. *Ред.*

**) Последнего столбца этой таблицы (итоги по 3-м уу.) автор не дает. К таблице он замечает, что „по условиям аренды крестьяне имеют право распахивать только 1/3 часть арендованной земли".

«Таким образом—заключает автор—в Днепр. у. у зажиточной группы крестьян находилось в пользовании более ½ всей арендованной пашни, в Берд. у. $^2/_3$, а в Мелитоп. у., где всего более арендуется казенной земли, даже более $^4/_5$ арендованной площади. У беднейшей же группы крестьян (засевающих до 10 дес.) находилось во всех уу. всего 1.938 дес. или около 4% арендованных земель» (с. 150). Автор дает затем целый ряд примеров неравномерного распределения снятой о б щ е с т в о м земли, но приводить их излишне.

По поводу выводов П—ва о зависимости аренды от достатка арендаторов крайне интересно отметить противоположное мнение земских статистиков.

В начале книги П—в поместил свою статью: «О земско-статистических работах в губерниях Таврич., Херс. и Екатеринославской» (с. XI—XXXII). Здесь он рассматривает между прочим изданную Таврич. земством в 1889 г. «Памятную книжку Таврич. губ.», в которой были подведены краткие итоги всему исследованию. Разбирая тот отдел этой книги, который посвящен аренде, П—в говорит:

«В наших многоземельных южных и восточных губб. земская статистика обнаружила довольно видный процент зажиточного крестьянства, которое сверх собственного значительного надела, довольно много еще арендует земли на стороне. Хозяйство здесь преследует не только удовлетворение собственных потребностей семьи, но еще и получение некоторого излишка дохода, благодаря которому крестьяне улучшают свои постройки, заводят машины, прикупают землю. Желание довольно естественное и ничего греховного в себе не заключающее, т. к. никаких кулацких элементов в нем еще не выражается». [Кулацких элементов здесь действительно нет, но элементы эксплоатации, без сомнения, есть: арендуя земли в размере, далеко превышающем потребность, зажиточные крестьяне отбивают у бедных землю, нужную тем на продовольствие; расширяя размеры хозяйства, они нуждаются в добавочных рабочих силах и прибегают к найму.] «Но некоторые из земских статистиков, видимо считая такие проявления в крестьянской жизни чем-то незаконным *), стараются умалить их и доказать, что крестьянская аренда главным образом руководится нуждою в продовольствии и что если крестьяне зажиточные **) и арендуют много земли, то % этих арендаторов все-таки постоянно уменьшается с увеличением размеров надела» (с. XVII)—составитель «Памятной книжки» г. Вернер, чтобы доказать

---

*) В изд. Истпарта: „незаконченным". *Ред.*

**) В изд. Истпарта: „достаточные". *Ред.*

такую мысль, группировал по величине надела крестьян в с е й Таврич. губ., имеющих 1—2 работников и 2—3 штуки рабочего скота. Оказалось, что «с размером надела правильно понижается % арендующих дворов и менее правильно размер арендуемой на двор земли» (с. XVIII).

Постников совершенно справедливо говорит, что подобный прием совсем не доказателен, т. к. ч а с т ь крестьян (только те, кто имеет 2—3 шт. раб. ск.) выделены произвольно, при чем устранено именно зажиточное крестьянство, и кроме того, соединять вместе материковые уу. Таврич. губ. и Крым—невозможно, ибо условия аренды в них не одинаковы: в Крыму ½—¾ населения безземельны (т. наз. десятинщики); в сев. у.—только 3—4%; в Крыму почти всегда легко найти землю для аренды; в сев. уу.—иногда невозможно.

Интересно отметить, что у земских статистиков других губерний замечались такие же попытки (конечно, одинаково неудачные) затушевать такие «незаконные» проявления крестьянской жизни, как аренда, с целью получения д о х о д а (см. Карышева, Крестьянские вненадельные аренды).

Если таким образом распределение вненадельной аренды у крестьян констатирует существование между отдельными крестьянскими хозяйствами различий не только количественных (много арендует, мало арендует), но и в качественных (арендует из нужды в продовольствии; арендует с коммерческой целью),—то еще более приходится это сказать об аренде н а д е л ь н о й земли.

«Всей надельной земли—говорит П—в—снимаемой крестьянами в аренду у крестьян же, зарегистрировано в 3-х Таврич. уу. подворною переписью 1884—86 г.г.—256.716 дес., что составляет здесь ¼ всей крестьянской надельной пашни, и сюда еще не вошла та площадь, которую крестьяне сдают в наймы разночинцам, проживающим в селениях, а также писарям, учителям, духовным и др. лицам, не входящим в состав крестьянства и не подлежащим опросу при подворной переписи. Вся эта масса земель арендуется почти всецело крестьянами зажиточных групп, что показывают следующие цифры. Переписью зарегистрировано число десятин надельной пашни, снимаемой у соседей домохозяевами:

Засевающими до 10 дес. на двор	16.594 дес.	6%
— от 10 до 25 д. „	89.526 „	35%
— свыше 25 до 50 и более	150.596 „	59%
Всего	256.716 дес.	100%

«Наибольшее же количество этой сдаваемой земли, как и самое число сдатчиков земель, принадлежит к группе не сеющих, бесхозяйных

и малосеющих *) крестьян. Так обр., значительная часть крестьян Тавр. уу. (приблизительно около $^1/_3$ всего населения) частью по нежеланию, но в большинстве случаев по неимению нужного для ведения хозяйства скота и инвентаря, не эксплоатирует всей своей надельной земли, сдает ее в наймы **) и тем увеличивает землепользование другой более зажиточной половины крестьян. Большинство сдатчиков земель принадлежит, несомненно, к числу расстроенных, падающих домохозяев» (136—7).

Подтверждением сказанного служит следующая табличка «по 2-м уу. Тавр. губ. (по Мелитоп. у. земская статистика не дает сведений), показывающая относительное число домохозяев, сдающих наделы и % сдаваемой ими надельной пашни» (стр. 135).

	У. Бердянский		У. Днепровский	
	% домохоз., сдающих над. землю	% сдаваемой надельной земли	% домох., сдающ. над. землю	% сдав. над. земли
Не сеющие	73	97	80	97.1
Засев. до 5 дес.	65	54	30	38.4
„ 5—10 „	46	23.6	23	17.2
„ 10—25 „	21.5	8.3	16	8.1
„ 25—50 „	9	2.7	7	2.9
„ более 50 „	12.7	6.3	7	13.8
По уездам:	32.7	11.2	25.7	14.9

От землевладения и землепользования крестьян перейдем к распределению инвентаря. О количестве рабочего скота по группам П—в дает такие данные—по всем 3-м Тавр. уу. вместе:

	Всего лошадей	волов	вместе	Приходится на двор в среднем: Раб. скота	Прочего	Всего***)	% дворов, не имеющ. раб. скота.
У не сеющих	—	—	—	0.3	0.3	1.1	80.5
Сеющих до 5 д.	6.467	3.082	9 549	1.0	1.4	2.4	48.3
„ 5—10 „	25.152	8.924	34.076	1.9	2.3	4.2	12.5
„ 10—25 „	80.517	24.943	105.460	3.2	4.1	7.3	1.4
„ 25—50 „	62.823	19.030	81 853	5.8	8.1	13.2	0.1
„ более 50 „	21.003	11.648	32.651	10.5	19.5	30	0.03
	195.962	67.627	263.589	3.1	4.5	7.6	

*) В изд. Истпарта слова: „и малосеющих“ опущены. *Ред.*

**) В изд. Истпарта: „в аренду“. *Ред.*

***) В изд. Истпарта здесь имеется сноска: „В переводе на крупный“. Третий столбец цифр в изд. Истпарта опущен. *Ред.*

Сами по себе цифры эти не характеризуют разрядов — это будет сделано ниже, при описании техники земледелия *) и при группировке экономических разрядов крестьян. Здесь отметим только, что различие групп крестьян по количеству имеющегося у них рабочего скота так глубоко, что у высших групп мы видим гораздо больше скота, чем может потребоваться на нужды семьи, а у низших—так мало (особенно) рабочего скота, что самостоятельное ведение хозяйства становится невозможным.

Совершенно однородны данные о распределении мертвого инвентаря. «Подворная перепись, зарегистрировавшая крестьянский инвентарь в плугах и буккерах, дает следующие цифры для всего населения уездов» (стр. 214).

	% дворов.		
	Не имеющих пахотн. орудий	Им. только буккер	Им. плуг и др.
У. Бердянский . .	33 %	10%	57%
У. Мелитопольский	37.8	28.2	34
У. Днепровский. .	39.3	7	53.7

Эта таблица показывает, какая громадная группа крестьян лишена возможности вести самостоятельное хозяйство. Как обстоит дело в высших группах, это видно из следующих данных о количестве инвентаря, приходящегося на двор в различных группах по посеву (с. 275):

	Приходится инвентаря на двор					
	У. Бердянский		У. Мелитоп.		У. Днепровский	
	Перевозочного (бричек и пр.)	Пахотн. (плугов и буккеров)	Перевозочного	Пахотного	Перевозочного	Пахотного
Засев. 5—10 д.	0.3	0.5	0.8	0.4	0.8	0.5
„ 10—25 „	1.2	1.3	1.2	1	1	1
„ 25—50 „	2.1	2	2	1.6	1.7	1.4
„ более 50 „	3.4	3.3	3.2	2.8	2.7	2.4

По количеству инвентаря высшая группа превосходит низшую (группу с посевом до 5 дес. автор совсем отбросил) в 4—6 раз; по числу же работников **) она превышает ту же группу в $^{23}/_{12}$ раза, т.-е. менее чем вдвое. Уже отсюда следует, что высшая группа должна прибегать к найму рабочих, между тем как в низшей половина дворов лишена па-

*) В изд. Истпарта: „землевладения". *Ред.*

**) См. выше—таблицу о составе семей по группам.

хотного инвентаря (NB. эта «низшая» группа—3-ья снизу) и, след., возможности самостоятельного хозяйничанья.

Естественно, что вышеуказанные различия в количестве земли и инвентаря обусловливают собой и различия в размере посевной площади. Количество десятин посева, приходящееся на каждый двор 6-ти групп, было приведено выше. Общее количество посевной площади крестьянства Тавр. уу. распределяется между группами следующим образом (с. 117):

	Десятин посева.	%	
У сеющих до 5 д.	34.070	2.4	12% у 40% населения.
5—10 „	140.426	9.7	
10—25 „	540.093	37.6	38% у 40% населения.
25—50 „	494.095	34.3	50% у 20% населения.
более 50 „	230.583	16.0	
*)	Всего. 1.439.267	100%	

Цифры эти говорят сами за себя. Следует только добавить, что средней посевной площадью, при которой семья может жить только земледелием, автор считает (с. 272)—16—18 дес. посева на двор.

III.

В предыдущей главе были сведены данные, характеризующие степень имущественного обеспечения крестьян и размеры их хозяйства в разных группах. Теперь следует свести данные, определяющие характер хозяйства крестьян различных групп, способ и систему ведения хозяйства.

Остановимся прежде всего на том положении Постникова, что «производительность крестьянского труда и рабочая способность семьи значительно повышается с увеличением размеров хозяйства и употреблением машин» **) (с. X). Автор доказывает это положение, исчисляя, сколько приходится работников и рабочего скота на данную посевную площадь в разных экономических группах. При этом пользоваться данными о составе семей невозможно, так как «низшие экономические группы часть своих работников отпускают на сторону в батраки, а высшие группы принанимают ***) к себе батраков» (с. 114). Таврическая земская статистика не

*) С левой стороны настоящей таблицы в рукописи имеется еще один столбец цифр (мелким почерком) под названием: „*Средняя пос. площадь*“ со след. соответственными цифрами: 3.5; 8; 16.4; 34.5; 75. *Ред.*

**) В изд. Истпарта явная опечатка: „пашен“ *Ред.*

***) В изд. Истпарта: „принимают“. *Ред.*

дает числа нанимаемых и отпускаемых рабочих, и Постников вычисляет приблизительно это количество, исходя из данных земской статистики о количестве дворов, нанимавших работников, и из расчета, сколько необходимо работников на данный размер пахотной площади. Постников признает, что эти вычисленные данные не могут претендовать на точность *), но он думает, что его расчет может значительно изменить состав семьи только в 2-х высших группах, п. ч. в остальных число наймитов небольшое. Сравнивая вышеприведенные данные о составе семей с нижеследующей таблицей, читатель может проверить правильность этого взгляда (с. 116).

По всем 3-м уу. Тавр. губ.

	Работников нанималось	Работников отпускалось	Разность	Прих. на 1 двор душ в семье	Прих. на 1 двор раб-ов (с наймитами).
У не сеющих — —	239	1.077	— 838	4.3	0.9
Засев до 5 д. — —	247	1.484	— 1.237	4.8	1.0
„ 5—10 „ — —	465	4.292	—3.827	5.2	1.0
„ 10—25 „ — —	2.846	3.389	— 543	6.8	1.6
„ 25—50 „ — —	6.041	—	+6.041	8.9	2.4
более 50 „ — —	8.241	—	+8.241	13.3	5
Всего	18.079	10.242	+7.837**)		

Сравнивая этот последний столбец с данными о составе семей, мы видим, что Постников несколько уменьшил число рабочих в низших группах и увеличил—в высших. Так как цель его—доказать, что с увеличением размеров хозяйства уменьшается число рабочих на данную посевную площадь, то, след., приблизительные выкладки автора могли скорее ослабить, чем усилить это уменьшение.

После этого предварительного расчета, Постников дает такую таблицу соотношений посевной площади с количеством работников, рабочего скота, затем населения вообще в разных группах крестьян (с. 117):

	Посева на пару раб. ск.	Приходится на 100 дес. посева населения. дворов	(с наймитами) душ	раб-ков	Голов раб. скота
У сеющих до 5 д.	7.1 дес.	28.7	136	28.3	28.2
„ 5—10 „	8.2	12.9	67	12.6	25
„ 10—25 „	10.2	6.1	41.2	9.3	20
„ 25—50 „	12.3	2.9	25.3	7	16.6
„ более 50 „	14.5	1.3	18	6.8	14
Всего	10.9	5.4	36.6	9	18.3

*) В изд. Истпарта: „на полную точность". *Ред.*

**) В изд. Истпарта знаки + и — в этом столбце опущены. *Ред.*

«Так. обр., с увеличением размера хозяйства и запашки у крестьян расход по содержанию рабочих сил, людей и скота, этот главнейший расход в сельском хозяйстве, прогрессивно уменьшается и у многосеющих групп *) делается почти в 2 раза менее на десятину посева, чем у групп с малой распашкой» (с. 117).

То положение, что расход на работников и раб. скот является преобладающим в сельском хозяйстве, автор подтверждает ниже на примере подробного бюджета одного меннонитского хозяйства: из всего расхода 24.3% составляет расход для хозяйства, 23.6% — расход на рабочий скот и 52%—на работников (с. 284).

Своему заключению о повышении производительности труда по мере повышения размеров хозяйства Постников придает большое значение (что видно и из приведенной выше цитаты (с. X), помещенной им в предисловии) и нельзя не признать его действительную важность — во 1°, по изучению экономического быта нашего крестьянства и характера хозяйства в различных группах; во 2°, по общему вопросу о соотношении мелкой и крупной культуры. Этот последний вопрос сильно запутан многими авторами, и главной причиной путаницы было то, что сравнивались хозяйства не однородные, поставленные в различные общественные условия, отличающиеся по самому типу ведения хозяйства; сравнивались, напр., хозяйства, в которых доход извлекается посредством производства сельско-хозяйственных продуктов, с хозяйствами, в которых доход извлекается эксплоатацией нужды других хозяйств в земле (например, хозяйства крестьянское и помещичье в эпоху непосредственно следующую за реформой 61 года). Постников совершенно свободен от этой ошибки и не забывает основного правила сравнения: однородности сравниваемых явлений.

Подробнее доказывая свое положение относительно Тавр. уу., автор приводит данные, во-1°, по каждому уезду отдельно; во-2°, отдельно для русского населения, именно самой многочисленной его группы—б. госуд. крестьян (с. 273—274):

Приходится десятин посева на пару рабоч. скота

	Уезды (вообще)			Берд. Мелит. Днепр. [в группе б. госуд. кр—и]		
	Берд.	Мелит.	Днепр.			
У сеющих до 5 дес.	8.9	8.7	4.3	—	—	—
„ 5—10 „	8.9	8.7	6.8	8.9	9.1	6.8
„ 10—25 „	10.2	10.6	9.7	10.3	10.2	9.6
„ 25—50 „	11.6	12.1	12.3	12.3	12.8	11.9
„ более 50 „	13.5	13.8	15.7	13.7	14.3	15
В среднем	10.7	11.3	10.1			

*) В изд. Истпарта: „у многосеющих крестьян". *Ред.*

Вывод тот же: «в хозяйстве малого размера относительное число рабочего скота на данную площадь посева превышает в 1½—2 раза это же число в «полном» крестьянском хозяйстве. Тот же закон подворная перепись обнаруживает и для всех других, более мелких групп: б. помещ. крестьян, арендаторов и пр., и во всех даже самых небольших районах местности, ограниченных размером одной волости и даже одного селения» (с. 274).

Соотношение между размерами посева и расходами хозяйства оказывается не в пользу мелких хозяйств также и по отношению и к другого рода расходу: содержанию мертвого инвентаря и продуктивного скота. Мы выше видели, с какой быстротой возрастает число и того и другого на 1 двор от низшей группы к высшей. Если расчислить этот инвентарь на данную площадь посева, то получим у м е н ь ш е н и е его от низшей группы к высшей (с. 318):

	Приходится на 100 дес. посева		
	продукт. скота	плугов и буккер.	бричек
У сеющих до 5 д.	42 гол.	4.7	10
„ 5—10 „	28.8	5.9	9
„ 10—25 „	24.9	6.5	7
„ 25—50 „	23.7	4.8	5.7
„ более 50 „	25.8	3.8	4.3
По 3 уу.	25.5	5.4	6.5

«Эта таблица показывает, что с возрастанием посева на двор наиболее крупный инвентарь (орудия обработки и перевозки) прогрессивно уменьшается в числе на данную площадь посева, а потому в хозяйстве высших групп расход по содержанию орудий обработки почвы и перевозки должен быть на десятину относительно менее. Группа с посевом до 10 дес. *) представляет некоторое исключение: она имеет сравнительно менее орудий обработки, чем следующая группа с посевом 16 дес. на двор, но лишь потому, что в ней многие работают не собственным инвентарем, а наемным, что́ отнюдь не сокращает расходов на инвентарь» (с. 318).

«Земская статистика — говорит П—в — с неоспоримою ясностью показывает, что ч е м б о л е е р а з м е р к р е с т ь я н с к о г о х о з я й с т в а, т е м м е н е е на данную п л о щ а д ь п а х о т н о й

*) В изд. Истпарта добавлено: „на двор". *Ред.*

земли содержится инвентаря, рабочих людей и рабочего скота» (162).

«В предыдущих главах было уже показано *), что в Таврич. уу. это явление имеет место по всем группам крестьян и всем районам местности. Это явление обнаруживается в крестьянском хозяйстве, по данным земской статистики, и в других губерниях, где земледелие также является главною отраслью крестьянского хозяйства. Таким образом, явление это имеет широкое распространение и принимает вид закона, получающего большое экономическое значение, так как этим законом в значительной мере уничтожается экономический смысл мелкого земледельческого хозяйства» (313).

Последнее замечание Постникова несколько преждевременно: чтобы доказать неизбежность вытеснения мелких хозяйств крупными, недостаточно установить бóльшую выгодность последних (бóльшую дешевизну продукта); необходимо еще установить преобладание денежного [точнее: товарного] хозяйства над натуральным, п. ч. при натуральном хозяйстве, когда продукт идет на собственное потребление производителя, а не на рынок, дешевый продукт не встретится с дорогим на рынке, а потому и не в состоянии будет его вытеснить. Об этом, впрочем, подробнее будет речь ниже.

Чтобы доказать применимость вышеустановленного закона ко всей России, Постников берет те уезды, по которым земская статистика детально провела экономическую группировку населения, и вычисляет размер пахотной площади, приходящейся на пару рабочего скота и на работника в различных группах. Вывод получается прежний—именно, «что при малом размере крестьянского хозяйства пахотная площадь должна оплачивать содержание рабочих сил в 1½—2 раза более, чем при хозяйстве более достаточного размера» (с. 316). Это верно как для Пермской губернии (с. 314), так и для Воронежской, как для Саратовской, так и для Черниговской (с. 315), так что Постников, несомненно, доказал распространимость **) этого закона на всю Россию.

Перейдем теперь к вопросу о «доходах и расходах» (гл. IX) разных групп крестьянских хозяйств и об отношении их к рынку.

«В каждом хозяйстве—говорит П—в — представляющем собою самостоятельную единицу, площадь территории состоит из следующих 4-х частей: одна часть производит пищу для прокормления рабочей семьи и работников, живущих в хозяйстве; это—в узком смысле—

*) В издании Истпарта добавлено „—замечает Постников ниже—“. *Ред.*

**) В изд. Истпарта: „распространенность“. *Ред.*

пищевая площадь хозяйства; другая часть доставляет корм скоту, работающему в хозяйстве, и может быть названа кормовою площадью. 3-ья часть состоит из усадебной земли, дорог, прудов и пр., и той части посевной площади которая дает семена для посева; ее можно назвать хозяйственной площадью, так как она служит без различия всему хозяйству. Н—ц, 4-ая часть производит зерно и растения, подлежащие, в сыром или переработанном виде, сбыту из хозяйства на рынок. Это—торговая *) или рыночная площадь хозяйства. Разделение территории на 4 указанные части определяется в каждом частном хозяйстве не родом культивируемых растений, а ближайшей целью их возделывания.

«Денежный доход хозяйства определяется торговой частью его территории, и чем более эта последняя площадь и выше относительная ценность получаемых с нее продуктов, тем более запрос, пред'являемый рынку сельскими хозяевами, и то количество труда, которое страна может держать вне земледелия в районе своего рынка, тем выше является государственное (податное) и культурное значение для страны ее сельского хозяйства, а также выше и чистый доход самого хозяина и его рессурсы для производства сельско-хозяйственных затрат и улучшений» (с. 257).

Это рассуждение Постникова было бы совершенно верно, если бы сделать к нему одну, довольно существенную, поправку: автор говорит о значении торговой площади хозяйства для страны вообще, тогда как, очевидно, речь может итти только о такой стране, в которой денежное хозяйство является преобладающим, в которой большая часть продуктов принимает форму товаров. Забывать это условие, считать его подразумевающимся само собою, опускать точное исследование, насколько оно приложимо к данной стране—значило бы впадать в ошибку вульгарной политической экономии.

Выделение из всего хозяйства его рыночной площади—очень важно. Для внутреннего рынка имеет значение совсем не доход производителя вообще (которым (доходом) определяется благосостояние этого производителя), а исключительно денежный его доход. Обладание денежными средствами совсем не определяется благосостоянием производителя: крестьянин, получающий с своего участка вполне достаточное на собственное потребление количество продукта, но ведущий натуральное хозяйство, пользуется благосостоянием, но не обладает денежными средствами; крестьянин полуразоренный, получающий с участка только

*) В изд. Истпарта: „торговля". *Ред.*

небольшую часть нужного ему хлеба и добывающий остальное количество хлеба (хотя бы в меньшем количестве и худшего качества) случайными заработками,—не пользуется благосостоянием, но обладает денежными средствами *).

Для определения того, как велики 4 указанные части посевной площади в хозяйстве крестьян разных групп, Постников исчисляет предварительно годовое потребление хлеба, принимая круглым счетом 2 четверти хлебного зерна на душу (с. 259)—что́ составит $^2/_3$ дес. на душу в составе посевной площади. Затем определяет кормовую площадь в 1½ дес. на каждую лошадь, а посевную площадь—в 6% пахотной территории и получает следующие данные **) (с. 319):

	Приходится из 100 дес. посева на площадь.				Получается денежного дохода.	
	хозяйств	пищевую	кормовую	торговую	на 1 дес. посева	на двор
					(рубли)	
У сеющих до 5 д. . . .	6	90.7	42.3	—39	—	—
„ 5—10 „ . . .	6	44.7	37.5	+11.8	3.77	30
„ 10—25 „ . . .	6	27.5	30	36.5	11.68	191
„ 25—50 „ . . .	6	17.9	25	52	16.64	574
„ более 50 „ . . .	6	12.0	21	61	19.52	1.500

«Показанная разница в денежных доходах хозяйства у отдельных групп—говорит Постников—достаточно иллюстрирует значение величины хозяйства, но в действительности эта разница между доходностью посевов в группах должна быть еще больше, так как у высших групп следует предполагать бо́льшие урожаи на десятине и высшую ценность сбываемого хлеба.

«В этом учете доходности мы ввели в вычисление не всю площадь хозяйства, а только пахотную, п. ч. не имеем у себя точных данных потребления отдельными видами скота прочих угодий в крестьянских хозяйствах Таврич. уу.; но так как денежный доход южно-русского крестьянина, исключительно занимающегося земледелием, определяется почти

*) В рукописи отметка: *№ 7. Добавление.* Оно приведено в издании Истпарта: „Ясно отсюда, что всякое рассуждение о значении крестьянских хозяйств и их доходности для рынка, не основанное на учете денежной части дохода, не может иметь никакой цены".

**) В рукописи—в сноске имеется отметка: *Добавление № 3*, приводимое в издании Истпарта: „Для определения денежного дохода Постников поступил так: принимал, что вся торговая площадь находится под самым дорогим хлебом—пшеницей и, зная средний урожай ее и цены, вычислял получаемое с этой площади количество ценностей".

всецело посевной площадью, то приведенные цифры довольно точно обрисовывают различие в денежном доходе от хозяйства у различных групп крестьян. Эти цифры показывают, как сильно изменяется этот доход с размерами посева. Семья, имеющая 75 дес. посева, получает в год денежной выручки до 1.500 рублей, семья с посевом 34½ д. имеет в год 574 р., а с посевом в 16⅓ д. только 191 руб. Семья, засевающая 8 дес., получает только 30 р., т.-е. такую сумму, которая недостаточна для покрытия денежных расходов по хозяйству без сторонних промыслов. Конечно, приведенные цифры еще не показывают ренты от хозяйства, и для получения последней нужно вычесть из них все денежные расходы по хозяйству в налогах, инвентаре, постройках, на покупку одежды, обуви и т. д. Но расходы эти возрастают не пропорционально увеличению размеров хозяйства. Расходы по содержанию семьи возрастают пропорционально численности семьи, а увеличение состава последней, как видно из таблицы, идет гораздо медленнее, чем увеличение площади посева в группах. Что касается всех хозяйственных расходов (уплата земельного налога и арендной платы, ремонта построек и инвентаря), то они возрастают в хозяйстве во всяком случае не более, чем пропорционально размерам хозяйства, между тем как валовой денежный доход от хозяйства, как показывает предыдущая таблица, возрастает более чем пропорционально размерам посева. При том же все эти хозяйственные расходы весьма невелики сравнительно с главным расходом хозяйства по содержанию рабочих сил. Таким образом, мы можем формулировать то явление, что рента от земледелия в крестьянском хозяйстве прогрессивно уменьшается на десятину по мере уменьшения его размеров» (с. 320).

Из данных Постникова мы видим таким образом, что по отношению к рынку земледельческое хозяйство крестьян в различных группах является существенно различным: высшие группы (с посевом более 25 дес. на двор) ведут уже коммерческое хозяйство; целью производства хлеба является получение дохода. Наоборот, в низших группах земледелие не покрывает необходимых нужд семьи (это относится к посевщикам, обраб. до 10 дес. на двор); если подсчитать с полностью *все* расходы по хозяйству, то наверное окажется, что хозяйство в таких группах ведется в убыток.

Крайне интересно также воспользоваться теми данными, которые приводит Постников, для разрешения вопроса о том, в каком отношении стоит раскол крестьянства на разнородные группы к размеру пред'являемого рынку спроса? Мы знаем, что размер этого спроса зависит от вели-

чины торговой площади, а эта последняя возрастает с увеличением размеров хозяйства; но ведь параллельно с этим увеличением размеров хозяйства в высших группах идет уменьшение этих размеров в низших группах. По количеству дворов, низшие группы вдвое многочисленнее высших групп: первых—40% в Таврич. уу., вторых—только 20%. Не получается ли в общем и целом, что вышеуказанный хозяйственный раскол уменьшает размер пред'являемого рынку спроса? Собственно говоря, мы в праве ответить на этот вопрос отрицательно уже на основании априорных соображений: дело в том, что в низших группах размер хозяйства так мал, что все нужды семьи не могут быть покрыты земледелием; чтобы не умереть с голоду, представителям этих низших групп придется нести на рынок свою рабочую силу, продажа которой даст им известные денежные средства и уравновесит так. обр. (до известной степени) то уменьшение спроса, которое произойдет от уменьшения размеров хозяйства. Но данные Постникова позволяют дать на поставленный вопрос более точный ответ.

Возьмем какое-нибудь количество посевной площади, напр., 1.600 десятин и представим себе двоякое распределение ее: во-1°, между однородным экономически крестьянством и, во-2°, между крестьянами, расколовшимися на разнородные группы, какие мы видим в Таврич. уу. в настоящее время. В 1-ом случае, полагая на среднее крестьянское хозяйство 16 дес. посева (как это и обстоит на деле в Таврич. уу.), получим 100 хозяйств, вполне покрывающих свои нужды земледелием. Пред'являемый спрос рынку будет равняться 191 × 100 = *19.000 р.* Второй случай: 1.600 десят. распределены между прежними 100 дворами иначе, именно так, как распределяется в действительности посевная площадь между крестьянами Таврич. уу.: 8 дворов совсем не имеют посевной площади *); 12 засевают по 4 дес.; 20 по 8; 40 по 16; 17 по 34 и 3 по 75 (всего посева получается 12.4+20.8+40.16+17.34+3.75=1.583 дес. **), т.-е. немного даже менее 1.600 дес.). При таком распределении весьма значительная часть крестьян (40%) не будет в состоянии получить с своей земли достаточно дохода на покрытие всех нужд. Размер пред'являемого рынку денежного спроса, считая только хозяйства с посевом более 5 дес. на двор, будет следующий: 20.30+40.191+17.574+3.1500=*21.350 р.* Мы видим, так. обр., что, несмотря на опущение целых 20 дворов [несомненно получающих тоже денежный доход, только не от продажи

*) В изд. Истпарта вместо: „посевной площади"—„посева". *Ред.*

**) В изд. Истпарта приведена только окончательная сумма. *Ред.*

своих продуктов], несмотря на сокращение посевной площади до 1.535 дес.—общий размер пред'являемого рынку спроса *) повысился.

Было уже сказано, что крестьяне низших экономических групп вынуждены продавать свою рабочую силу; наоборот, представители высших групп должны покупать ее, так как собственных рабочих уже недостаточно для обработки их крупной посевной площади. Мы должны теперь поподробнее остановиться на этом важном явлении. Постников как будто не причисляет это явление к «новым хозяйственным движениям в крестьянской жизни» (по крайней мере, не упоминает о нем в Предисловии) **), но оно заслуживает гораздо большего внимания, чем введение машин или расширение запашки у зажиточных крестьян.

«Более зажиточное крестьянство в Таврич. уу.—говорит автор—вообще пользуется в значительной мере наемными работниками, и ведет свое хозяйство на такой площади, которая далеко превышает рабочую способность самих семейств. Так, в 3-х уу. на 100 семей держат наемных работников по всем разрядам крестьян:

Не имеющие посева . .	3.8%
Засевающие до 5 дес. .	2.5
„ 5—10 „ . .	2.6
„ 10—25 „ . .	8.7
„ 25—50 „ . .	34.7
„ более 50 „ . .	64.1
Всего	12.9%

«Эти цифры показывают, что наемных работников держат преимущественно хозяева зажиточные, с более значительными посевами» (с. 144).

Сравнивая вышеприведенные данные о составе семей по группам без наймитов (по 3-м уу. отдельно) и с наймитами (по 3-м уу. вместе), мы видим, что хозяева, засевающие от 25 до 50 дес. на двор, увеличивают число рабочих сил в своем хозяйстве посредством найма—примерно ***) на 1/3 (с 1.8—1.9 работника на семью до 2.4), а хозяева с посевом более 50 дес. на двор увличивают число рабочих почти вдвое (с 2.5 до 5); даже более чем вдвое по расчету автора, который считает, что они должны нанимать до 8.241 работников (с. 115), имея своих 7.129 человек. Что низшие группы должны отпускать на сторону рабо-

*) В изд. Истпарта: „денежного спроса". *Ред.*

**) В изд. Истпарта: „в предисловии, где резюмирует результаты труда". *Ред.*

***) В изд. Истпарта: „приблизительно". *Ред.*

чих в весьма значительном количестве, это явствует уже из того, что земледельческое хозяйство не в состоянии дать им необходимое на собственное содержание количество продуктов. К сожалению, точных данных о количестве отпускаемых на сторону работников мы не имеем. Косвенным показателем этого количества может служить число домохозяев, сдающих свои наделы: выше было приведено заявление Постникова, что в Таврич. уу. ок. $^1/_8$ населения не эксплоатирует вполне своей надельной земли.

IV.

Из приведенных выше данных видно, что Постников вполне доказал свое положение об «огромном разнообразии» в экономическом положении отдельных дворов. Это разнообразие простирается не только на степень имущественного обеспечения крестьян и размеры их посевов, но даже на характер хозяйства *) в разных группах. Мало этого. Оказывается, что термины: «разнообразие», «дифференциация» недостаточны для полной характеристики явления. Если один крестьянин имеет 1 штуку рабочего скота, а другой—10, мы называем это дифференциацией, но если один арендует десятки десятин земли сверх обеспечивающего его надела с единственной целью извлечь доход из ее эксплоатации, и тем лишает другого крестьянина возможности арендовать землю, в которой он нуждается для прокормления своей семьи,—то мы имеем перед собой, очевидно, нечто гораздо большее; мы должны назвать такое явление «рознью» (с. 323), «борьбой экономических интересов» (с. XXXII). Употребляя эти термины, Постников недостаточно оценивает всю их важность; он не замечает также, что и эти последние термины оказываются недостаточными. Аренда надельной земли у обедневшей группы населения, наем в батраки крестьянина, переставшего вести свое хозяйство,—это уже не только рознь, это—прямая эксплоатация.

Признавая глубокую экономическую рознь в современном крестьянстве, мы не можем уже ограничиться одним разделением крестьян на несколько слоев по степени имущественного обеспечения. Такое разделение было бы достаточно, если бы все вышеуказанное разнообразие сводилось к различиям количественным. Но это не так. Если у одной части крестьян целью земледелия являются коммерческие выгоды и результатом—крупный денежный доход, а у другой—земледелие не покрывает даже необходимых потребностей семьи, если высшие группы

*) Слово: „хозяйства“ в издании Истпарта опущено. *Ред.*

крестьян основывают свое улучшенное хозяйство на разорении низших, если зажиточное крестьянство в значительной степени пользуется наемным трудом, а бедное вынуждается прибегать к продаже своей рабочей силы,—то это уже, несомненно, качественные различия, и нашей задачей теперь должно быть группировать крестьянство по различиям в самом характере их хозяйства (разумея под характером хозяйства особенности не техники, а экономики).

Постников слишком мало обратил внимания на эти последние различия; поэтому хотя он и признает необходимость «более общего расчленения населения на группы» (с. 110) и пытается сделать такое расчленение, но попытка его, как мы сейчас увидим, не может быть признана вполне удачной.

«Для более общего расчленения населения на экономические группы—говорит П—в—мы воспользуемся другим признаком, который хотя по местностям и не представляет однородного экономического значения, но более согласуется с делением на группы, какое делают у себя сами крестьяне и которое также отмечено по всем уу. и земскими статистиками. Деление это делается по степени самостоятельности домохозяев в способах ведения хозяйства, в зависимости от количества рабочего скота во дворе» (с. 110).

«В настоящее время крестьянство южно-русского района можно разбить, по степени хозяйственной самостоятельности домохозяев и в то же время по способам их хозяйствования, на 3 следующие главные группы:

1) Домохозяев тягловых, или имеющих тягло, т.-е. полный плуг, или заменяющее его орудие для пахоты, и обходящихся в полевых работах собственным скотом, без найма скота и без супряги. При плужном или буккерном тягле, эти домохозяева имеют у себя 3—2 пары или более рабочего скота и, соответственно тому, во дворе 3-х взрослых работников, или, по крайней мере, 2-х взрослых работников и одного полурабочего.

2) Полутягловых или супряжников, т.-е. домохозяев спрягающихся между собою для полевых работ, по неимению достаточного числа скота для самостоятельной запряжки. У таких хозяев во дворе держится одна или 1½ пары и даже в некоторых случаях 2 пары рабочего скота и, соответственно тому, 1 или 2 взрослых работника. При тяжелой почве и при необходимости работать на плуге (или заменяющем его буккере) с тремя парами раб. скота такие домохозяева обязательно спрягаются, или имеют и 2 пары раб. скота.

3) Домохозяев безтягловых, или «пеших» *), вовсе не имеющих скота, или имеющих одну рабочую скотину (большею частью лошадь, т. к. волы обыкновенно держатся парами и ходят лишь в парной упряжи). Они работают наймом чужого скота, или сдают свои земли в наймы из части урожая и вовсе не имеют посева.

«Такая группировка по коренному в крестьянской жизни хозяйственному признаку, каким в данном случае является количество рабочего скота и способ запряжки, делается обыкновенно самими крестьянами. Но в ней есть большие вариации как в пределах каждой отдельной поименованной выше группы, так и в расчленении между собою самых групп» (с. 121).

Численный состав этих групп в %% к общему числу дворов следующий (с. 125):

	I.	II.	III.	
	Работавших собствен. скотом	Работавших супрягой	Работавших наймом скота	Не имевших посева
У. Бердянский . .	37	44.8	11.7	6.7
„ Мелитоп.	32.7	46.8	13	7.5
„ Днепровский. .	43	34.8	13.2	9

Рядом с этой таблицей, автор дает группировку дворов по количеству содержимого в них рабочего скота, чтобы определить состав тягла в описываемых уу.:

	Число дворов в % общего их числа. Имеющих во дворе раб. скота			
	4 и более шт.	2—3 шт.	1 штуку	Не имеющ. раб. скота.
У. Бердянский	36.2	41.6	7.2	15
„ Мелитоп.	34.4	44.7	5.3	15.6
„ Днепровский . . .	44.5	36.6	5.1	14

След., в Таврич. уу. полное тягло требует **) не менее 4-х штук рабочего скота во дворе.

Такая группировка Постникова не может быть признана вполне удачной прежде всего потому, что в пределах каждой из этих 3-х групп замечаются сильные различия. «В группе тягловых домохозяев—говорит автор—мы встречаем в южной России большое разнообразие: на-ряду с большим тяглом у зажиточных крестьян существует и тягло малое у

*) В изд. Истпарта здесь грубая корректорская ошибка: вместо слова „пеших" напечатано—„неразбор". *Ред.*

**) В изд. Истпарта добавлено слово: „наличности". *Ред.*

более бедных. Первое в свою очередь делится на тягло полное (6—8 штук рабочего скота) и неполное (4—6 штук)... Категория «пеших» домохозяев представляет также много разнообразия в степени достатка» (с. 124) *).

Другое неудобство принимаемого П—вым расчленения состоит в том, что в земской статистике группировка населения произведена, как уже было указано выше, не по количеству рабочего скота, а по размерам посева. Чтобы иметь возможность выражать точно имущественное положение разных групп, приходится поэтому взять группировку по размерам посева.

По этому признаку П—в делит население точно также на три группы: на домохозяев малосеющих—с посевом до 10 дес. и без посева; среднесеющих—с посевом 10—25 дес., и многосеющих—с посевом выше 25 дес. на двор. Первую группу автор называет «бедной», вторую—средней, 3-ью—зажиточной.

О численном составе этих групп П—в говорит:

«В общем у таврических крестьян (без колонистов) многосеющие составляют около $^1/_6$ части всего числа дворов, имеющие средние посевы около 40% и несколько более 40% дают дворы малосеющие с несеющими. В целом же населении Таврических уу. (с колонистами) к многосеющим принадлежит $^1/_5$ часть населения, или около 20%, к среднесеющим—40% и к малосеющим с не сеющими—около 40%» (с. 112).

Следовательно, присоединение немцев крайне незначительно изменяет состав групп, так что пользование общими данными о всем уезде не составит неправильности.

Наша задача теперь должна состоять в том, чтобы охарактеризовать по возможности точнее экономическое положение каждой из этих групп в отдельности и постараться таким образом выяснить размеры и причины экономической розни в крестьянстве.

Постников не поставил себе такой задачи; поэтому приводимые им данные отличаются большой разбросанностью, а общие отзывы о группах—недостаточной определенностью.

Начнем с низшей группы—бедной, к которой относится в Таврич. уу. $^2/_5$ населения.

Насколько эта группа в действительности бедна, об этом лучше всего судить по количеству рабочего скота (главное «орудие производства» в сельском хозяйстве). По 3-м уу. Тавр. губ. из всего количества

---

*) В издании Истпарта последняя фраза напечатана с новой строки и не имеет заключительных кавычек. *Ред.*

рабочего скота—263.589 штук, у низшей группы находится (с. 117)—43.625 штук, т.-е. всего 17%, в $2^1/_3$ раза менее среднего. Данные о % дворов, не имеющих рабочего скота, были приведены выше (80%—48%—12% по 3-м подразделениям низшей группы). Постников на основании этих данных сделал вывод, что «% домохозяев, не имеющих у себя собственного скота, значителен только в группах без посева и с посевом до 10 дес. на двор» (с. 135). Количество посева у этой группы находится в соответствии с количеством скота: на собственной земле сеется 146.114 десятин из всего количества 962.933 дес. (по 3-м уу.), т.-е. 15%. Прибавление арендованной земли увеличивает посев до 174.496 десятин, но так как при этом увеличивается посев и в других группах и увеличивается в бо́льшем размере, чем в низшей группе, то в результате получается, что посев низшей группы составляет лишь 12% всего посева—т.-е. $^1/_8$ *) на более чем $^1/_8$ населения. Если припомнить, что нормальным **) посевом на двор ***) автор считает именно средний посев таврича́нина, то легко видеть, насколько обделена эта группа с посевом в $3^1/_3$ раза менее среднего.

Очень естественно, что при таких условиях земледельческое хозяйство этой группы находится в крайне печальном положении: мы видели выше, что 33—39% населения в Таврич. уу.—след., подавляющее большинство низшей группы—совсем не имеет пахотных орудий. Неимение инвентаря заставляет крестьян бросать землю, сдавать наделы в аренду: Постников считает, что число таких сдатчиков (с хозяйством, несомненно, уже совершенно расстроенным) составляет ок. $^1/_3$ населения, т.-е. опять-таки значительное большинство бедной группы. Заметим мимоходом, что это явление «продажи» наделов (употребляя обычное крестьянское выражение) констатировано земской статистикой повсюду и в весьма значительных размерах. Пресса, отметившая этот факт, успела ****) уже изобрести и средство против него—неотчуждаемость наделов. Постников совершенно справедливо возражает против действительности подобных мер, обличающих в авторах чисто чиновничью веру в могущество предписаний начальства: «Несомненно—говорит он—что одно запрещение сдачи земель в наймы *****) не уничтожит этого явле-

---

*) В издании Истпарта здесь вставлено два слова: „посева приходится". *Ред.*

** Т.-е. покрывающим все нужды семьи. (В изд. Истпарта настоящая сноска вставлена в текст. *Ред.*)

***) В изд. Истпарта слова: „на двор" опущены. *Ред.*

****) В изд. Истпарта: „умела". *Ред.*

*****) В изд. Истпарта: „в аренду". В рукописи первоначально стояло также „в аренду", потом зачеркнутое и замененное: „в наймы". *Ред.*

ния, корни которого лежат слишком глубоко в настоящем экономическом строе крестьянского быта. Крестьянин, у которого нет инвентаря и средств для собственного хозяйства, фактически не может пользоваться своим наделом и должен отдавать его в наем другим крестьянам со средствами для ведения хозяйства. Прямое запрещение сдачи земель заставит производить эту сдачу тайно, без контроля и, вероятно, на худших условиях для сдающего землю, чем теперь, п. ч. сдающий землю вынужден ее сдавать. Затем, для оплаты казенных недоимок на крестьянах, наделы их чаще станут сдаваться через сельскую расправу, а такая сдача для бедных крестьян менее всего будет выгодна» (с. 140).

Полный упадок хозяйства замечается у всей бедной группы:

«В сущности—говорит П—в—не сеющие домохозяева и малосеющие, обрабатывающие свою землю наймом чужого скота, не представляют большой разницы в своем хозяйственном положении. Первые сдают в аренду односельцам всю свою землю, вторые только часть ее, но как те, так и другие либо служат батраками у своих односельчан, либо промышляют сторонними и б. ч. земледельческими же заработками, проживая в собственной усадьбе. Поэтому **обе категории** крестьян — несеющих и малосеющих **—можно рассматривать вместе;** и те и другие принадлежат к домохозяевам, теряющим свое хозяйство, в большинстве случаев разорившимся или разоряющимся, не имеющим нужного для ведения хозяйства скота и инвентаря» (с. 135).

«Если дворы бесхозяйные и не сеющие в большинстве случаев представляют собой разорившиеся хозяйства — говорит П—в несколько ниже—то малосеющие, сдающие в наймы свою землю, представляют собой кандидатов в первых. Всякий значительный неурожай, или случайное несчастье, как пожар, продажа лошадей и т. п., каждый раз выбивают из этой группы часть домохозяев в разряд бесхозяйных и батраков. Домохозяин, лишившийся почему-либо рабочего скота, делает первый шаг к упадку. Обработка земли наймом чужого скота представляет много случайного, беспорядочного и обыкновенно вынуждает к уменьшению запашки. Такому мужику отказывают в кредите местные сельские ссудо-сберегательные кассы и односельчане [в примечании: «В Таврич. уу. очень многочисленны ссудо-сберегательные товарищества в больших селениях, действующие с помощью ссуд из государственного банка, но пользуются займами из них лишь зажиточные и достаточные домохозяева»]; заем они получают обыкновенно на более тяжелых условиях, чем крестьяне «заможние». «Как ему дать—говорят крестьяне—когда с него

нечего взять». Раз запутавшись в долгах, он при первом несчастии теряет и землю, в особенности, если за ним числится еще и казенная недоимка» (с. 139).

До какой степени глубок упадок земледельческого хозяйства у крестьян бедной группы, это лучше всего видно из того, что автор отказывается даже ответить на вопрос, как именно ведется у них это хозяйство.

У хозяйств, засевающих менее 10 дес. на двор—говорит он—«земледелие стоит в условиях слишком случайных, чтобы оно могло быть охарактеризовано определенными приемами» (с. 278).

Приведенные характеристики хозяйства крестьян низшей группы, несмотря на свою многочисленность, совершенно недостаточны: они—исключительно отрицательные, тогда как должна же быть и положительная характеристика. Мы слышали до сих пор только о том, что относить крестьян этой группы к самостоятельным хозяевам - земледельцам не доводится, потому что земледелие у них в полном упадке, п. ч. посевная площадь крайне недостаточна, потому, наконец, что земледелие ведется у них случайно: «Придерживаться какого-либо порядка в посевах, замечают статистики в описании Бахмутского у., могут лишь состоятельные и зажиточные хозяева, не нуждающиеся в семенах, а бедняки сеют, что у них окажется налицо, где и как попало» (с. 278). Однако, существование всей той массы крестьянства, которую включает низшая группа (в 3-х Тавр. уу. свыше 30 тыс. дворов и более 200 тыс. душ об. п.), не может быть случайным. Если они кормятся не от своего собственного хозяйства, то чем же живут они? Главным образом, продажей своей рабочей силы. Мы видели выше, что Постников говорил про крестьян этой группы, что существуют они батрачеством и сторонними заработками. При почти полном отсутствии промыслов на юге эти заработки—большей частью земледельческие и сводятся, след., к найму на сельско-хозяйственные работы. Чтобы подробнее доказать, что именно продажа труда является главной чертой хозяйства крестьян низшей группы, обратимся к рассмотрению этой группы по тем разрядам, на которые делит ее земская статистика. О домохозяевах несеющих нечего и говорить: это полные батраки. Во 2-м разряде мы имеем уже посевщиков с посевом до 5 дес. на двор (в среднем 3.₅ дес.). Из приведенного выше разделения посевной площади на хозяйственную, кормовую, пищевую и торговую видно, что такой посев совершенно недостаточен. «Первая группа с посевом до 5 дес. на двор—говорит П—в—не имеет в своих посевах рыночной, торговой площади и

не имеет достаточной пищевой площади *); ее существование возможно лишь при сторонних заработках, добываемых батрачеством и другими способами» (с. 319). Остается последний разряд—хозяева с посевом 5—10 дес. на двор. Спрашивается, в каком отношении у крестьян этой группы стоит самостоятельное земледельческое хозяйство к так называемым «заработкам»? Для точного ответа на этот вопрос необходимо бы иметь несколько типичных крестьянских бюджетов, относящихся к хозяевам этой группы. Постников вполне признает необходимость и важность данных о бюджетах, но указывает, что «собирание таких данных весьма затруднительно, а во многих случаях для статистиков и просто невозможно» (с. 107). С последним замечанием согласиться очень трудно: московские статистики собрали несколько чрезвычайно подробных и интересных бюджетов (см. Сб. ст. свед. по Моск. губ. Отд. хоз. статистики. Т.т. VI и VII); по некоторым уу. Ворон. губ., как указывает сам же автор, данные о бюджетах собраны даже подворно. Очень жаль, что собственные данные Постникова о бюджетах крайне недостаточны: он приводит 7 бюджетов немецких колонистов (с. 279—286) и только один бюджет русского крестьянина (с. 286—7), при чем все бюджеты относятся к крупным посевщикам (minimum — у русского — 39½ дес.), т.-е. к такой группе, хозяйство которой можно достаточно ясно представить себе на основании имеющихся в земской статистике данных. Выражая сожаление, ч. ему «не удалось собрать при поездке большее количество крестьянских бюджетов», Постников говорит, что «точное определение этих бюджетов—дело вообще нелегкое **). Таврича не дают свои хозяйственные показания довольно открыто, но точных цифр своего дохода и расхода они большею ч. и сами не знают. Еще более верно припоминают крестьяне общую цифру своего расхода, или крупнейшие приходы и расходы, но мелочные цифры почти всегда ускользают из их памяти» (с. 288). Лучше бы, однако, собрать несколько бюджетов, хотя и без мелочных подробностей, чем собирать, как это сделал автор, «до 90 описаний с оценкой» (с. 212) хозяйственной обстановки, которая достаточно выясняется земскими подворными переписями.

За отсутствием бюджетов в нашем распоряжении оказываются только двоякие данные для определения характера хозяйства рассматриваемой группы: во-1°, расчеты Постникова о количестве посева на двор,

*) В изд. Истпарта слова: „и не имеет достаточной пищевой площади" опущены. *Ред.*

**) В издании Истпарта: „нелепое". *Ред.*

необходимом на прокормление средней семьи; во-2°, данные о разделении посевной площади на 4 части и о среднем количестве денежных расходов (на семью в год) у местных крестьян.

На основании подробных расчетов о количестве десятин посева, необходимом на продовольствие семьи, на посев и на корм скоту, автор делает такой окончательный вывод:

«Крестьянская семья среднего состава и достатка, живущая исключительно земледелием и сводящая свой баланс без дефицита, при средних урожаях должна иметь в своей посевной площади—4 дес. на продовольствие 6½ душ семьи; 4½ д. для корма 3-х рабочих лошадей; 1½ д. для сбора посевных семян и 6—8 д. для продажи зерна на рынок, всего 16—18 д. посева... Средний таврический имеет ок. 18 д. посева на двор, но 40% населения 3-х Таврич. уу. имеют посева у себя ниже 10 д. на двор, и если оно все-таки занимается земледелием, то лишь потому, что часть своего дохода добывает сторонними заработками и отдачей своей земли в наем. Хозяйственное положение этой части населения ненормальное, шаткое, п. ч. в большинстве случаев оно не может иметь у себя запасов на черный год» (272).

Так как средний размер посева на двор в рассматриваемой группе—8 д. на двор, т.-е. менее половины необходимого (17 д.), то мы вправе заключить, что крестьяне этой группы большую часть дохода получают от «заработков», т.-е. от продажи своего труда.

Другой расчет: по вышеприведенным данным автора о распределении посевной площади из 8 дес. посева—$0._{48}$ дес. пойдет на семена; 3 д. на корм скоту (в этой группе на двор приходится 2, а не 3 штуки рабоч. скота); $3._{576}$ д. на продовольствие семьи (состав ее тоже ниже среднего—ок. 5½ душ, а не 6½), так что на торговую площадь останется менее 1 дес. ($0._{944}$), доход с которой автор исчисляет в 30 р. *). Но сумма необходимых денежных расходов для таврического гораздо выше. Собрать данные о количестве денежных расходов гораздо легче, чем о бюджетах, говорит автор, потому что крестьяне нередко сами производят расчеты на эту тему. По этим расчетам оказывается, что «Для семьи среднего состава, т.-е. состоящей из мужа работника, жены его и 4-х детей и подростков, если она ведет хозяйство на собственной земле, примерно 20 десятинах, не прибегая к аренде, сумма необходимых денежных расходов в году таврическими определяется в 200—

*) В рукописи имеется взятая в скобки зачеркнутая рукой автора фраза: „(так высоко потому, что считает всю торговую площадь под самым дорогим хлебом, под пшеницей)“. *Ред.*

250 р. Сумма в 150—180 р. считается минимумом того денежного расхода, который должна иметь такая семья, если она при этом будет во всем ограничивать себя. Годовой доход ниже этой цифры считается уже невозможным, ибо работник с женою добывают в этой местности батрачеством, при готовом продовольствии и помещении, 120 р. в год, при чем не несет никаких расходов по содержанию скота, инвентаря и пр. и может еще получать «верхи» от земли, сдаваемой им в наймы своим односельцам» (с. 289). Так как рассматриваемая группа ниже средней, то мы возьмем минимальный, а не средний денежный расход и даже низшую цифру minimum'a—150 р., которые должны быть добыты «заработками». При этом расчете, собственное хозяйство дает крестьянину рассматриваемой группы (30+87.$_{75}$=) 117.$_{75}$ руб. *), а продажа своего труда—120 рублей. След., опять-таки мы получаем, что самостоятельным земледельческим хозяйством крестьяне этой группы могут покрыть только меньшую половину своих минимальных расходов **).

Таким образом рассмотрение характера хозяйства во всех подразделениях низшей группы приводит к тому несомненному выводу, что, хотя большинство крестьян и имеет небольшие посевы, тем не менее преобладающим источником средств к жизни является у них продажа своей рабочей силы. Все крестьяне этой группы—более наемные рабочие, чем хозяева-земледельцы.

---

*) 3½ дес. пищевой площади дадут по 25 р. ценностей на 1 десятину—расчет П—ва, с. 272).

**) В рукописи имеется пометка: *№ 5 Добавление.* Оно приведено в издании Истпарта:

„Расчеты г. Южакова в „Русской Мысли" за 1895 г. № 9 („Нормы народного землевладения") вполне подтверждают такой вывод. Продовольственной, т.-е. низшей нормой надела на двор он считает для Таврической губ. 9 дес. посева. Но г. Южаков относит на счет посева только продовольствие зерновыми продуктами и налоги, полагая, что остальные расходы покрываются заработками. Бюджеты земской статистики доказывают, что расходы второго рода составляют бо́льшую половину расходов всех расходов. Так, в Воронежской губ. средний расход крестьянской семьи—495,39 руб., считая и натуральный и денежный расход. Из этой суммы—109,10 идет на содержание скота (В. Южаков относит содержание скота на счет сенокосов и вспомогательных угодий, а не на счет пашни), 135,80—на продовольствие растительной пищей и налоги и 250,49—на остальные расходы—одежду, инвентарь, аренду, разные хозяйственные нужды и пр. (24 бюджета в Сб. ст. св. по Острог. у.).—В Московской губ. средний годовой расход семьи—348,83 руб., из них 156,03 — продовольствие зерновыми продуктами и налоги, и 192,80 — на остальные расходы (Среднее из 8 бюджетов, собранных московскими статистиками—в. с.)".

Постников не поставил этого вопроса о характере хозяйства крестьян низшей группы и не выяснил отношения заработков к своему хозяйству;—это составляет крупный недостаток его труда. В силу этого осталось у него недостаточно выясненным то странное на первый взгляд явление, что крестьяне низшей группы, имея слишком мало своей земли, забрасывают ее, сдают в наймы; в силу этого остался несвязанным с общим характером хозяйства тот крупный факт, что количество средств производства (т.-е. земли и инвентаря) у крестьян низшей группы значительно ниже среднего. Так как с р е д н е е количество средств производства, как мы видели, обеспечивает как раз только удовлетворение необходимых потребностей семьи, то из указанной обделенности бедных крестьян с безусловной необходимостью следует для них—обязательность искать чужих средств производства для приложения своего труда, т.-е. продаваться. —

Переходим ко второй группе—с р е д н е й, обнимающей тоже 40% населения. Сюда принадлежат хозяева с посевом от 10 до 25 дес. на двор. Термин «средний» является вполне применимым к этой группе, с тою впрочем оговоркой, что ее средства производства несколько (немногим) ниже средних: посев на двор—16.$_4$ дес. при среднем для всех крестьян—17 дес. Скота—7.$_3$ штуки на двор при среднем—7.$_6$ (рабочего скота—3.$_2$ при среднем—3.$_1$). Всей пашни на двор (надельной, купчей и арендованной) 17—18 д. при среднем 20—21 по уездам. Сравнение количества десятин посева на 1 двор с той нормой, которую дал выше автор, показывает, что хозяйство на собственной земле дает этой группе в обрез столько, сколько необходимо на прокормление.

По всем этим данным можно бы, казалось, думать, что хозяйство крестьян этой группы окажется наиболее прочным: крестьянин покрывает им все свои расходы; он работает не ради получения дохода, а только для удовлетворения первых потребностей. На самом деле, однако, мы видим как раз обратное: хозяйство крестьян этой группы отличается весьма значительной непрочностью.

Прежде всего, достаточным оказывается в этой группе средний размер посева—16 дес. След., хозяева, имеющие от 10 до 16 дес. посева, не покрывают земледелием всех расходов и вынуждены тоже прибегать к заработкам. Из приведенного выше приблизительного расчета автора мы видим, что в этой группе нанимается 2.846 рабочих, а отпускается 3.389, т.-е. больше на 543. Около половины хозяйств этой группы, след., обеспечены не вполне.

Далее, в этой группе приходится рабочего скота на двор—3.$_2$ шту-

ки, между тем на тягло требуется, как мы видели выше—4 штуки. След, значительная часть хозяев этой группы не может обойтись своим скотом при обработке земли, и должна прибегать к супрягам. Число супряжников в этой группе также не менее ½: так можно думать потому, что общее число тягловых хозяйств—ок. 40%, из которых 20% пополняют 1-ую *) высшую группу, а остальные 20% придутся на среднюю, так что ½ средней группы не имеет **) тягла. Точного числа супряжников в этой группе автор не сообщает. Обращаясь к Сборникам земской статистики, находим, следующие данные (по 2-м уу.) ***).

	Всего в группе с пос. 10—25 д. посева.		Из всего числа засеянных десятин обрабатывают							
			своим скотом		супрягою		наймом		другим способом	
	дворов	десят.	дворов	десят.	двор.	десят.	двор.	дес.	двоо.	дес.
У. Мелитоп.	13.789	226.389.$_{21}$	4.218	79.726.$_{55}$	9.201	141.483.$_{26}$	321	4.405.$_{8}$	49	773.$_{3}$
У. Днепровский.....	8.234	137.343.$_{75}$	4.029	71.125.$_{2}$	3.835	61.159.$_{05}$	320	4.352.$_{25}$	59	707.$_{25}$

Таким образом, по обоим уездам в средней группе меньшинство дворов обрабатывает землю своим скотом: в Мелитоп. у.—менее $^1/_3$ дворов; в Днепр. у.—менее ½. След., число супряжников, взятое для всех 3-х уу. выше (½), скорее слишком низко, а никак не преувеличено. Конечно, невозможность обработать землю своим скотом уже достаточно характеризует непрочность хозяйства, но для иллюстрации приведем описание супряги, даваемое П—вым, который уделяет, к сожалению, слишком мало внимания этому интересному (и в экономическом и в бытовом отношениях) явлению.

«У домохозяев, работающих супрягой—говорит П—в—норма рабочей площади ниже [чем у крестьян работающих своим скотом], в силу того же правила механики, по которому 3 лошади, будучи запряжены

*) В изд. Истпарта вместо: „1-ую"—„зажиточную". *Ред.*

**) В изд. Истпарта: „так что не менее ½ средней группы окажется не имеющей тягла". *Ред.*

***) Сб. ст. св. по Мелит. у. (прил. к I т. сб. по Тавр. губ.). Симферополь. 1885. Стр. Б 195. Сб. ст. св. по Днепр. у. (т. II, Сб. св. по Тавр. губ.). т. II. Симф. 1886. Стр. Б 123.

вместе, не оказывают тяги в 3 раза большей противу одной лошади. Спрягающиеся между собой могут жить в разных концах села (спрягаются преимущественно родственники), затем число полевых участков у 2-х домохозяев (спрягаются также и 3 хозяина) вдвое более, чем у одного. Все это увеличивает расходы на переезды. [В примечании: «При разделе земли каждый двор в известном клину получает на свои души сплошной участок, и потому у малодушных участки меньше. Условия супряги в Таврич. уу. очень различны. Кто из супряжников имеет буккер, тому выговаривается *) лишняя десятина, напр., одному 10, а другому—11 дес. или на не имеющего буккера падают все расходы по починке его во время работ. То же при неравенстве в количестве спрягаемого скота: одному пашут лишний день и т. д. В с. Каменке владелец буккера получает деньгами от 3 до 6 руб. за весну. Несогласия между супряжниками вообще очень часты»] **). Для того, чтобы наладить согласие, тратится также известное время, и случается, что до окончания работы согласие это расстраивается. В иных случаях супряжников не достает лошадей для боронъбы, тогда их выпрягают из буккера: одни лошади едут за водой, другие боронят. В селе Юзкуях мне передавали, что супряжники часто буккеруют в день не более 1 дес., т.-е. вдвое меньше против нормы» (с. 233—234).

К недостаточности живого инвентаря присоединяется малочисленность мертвого. Из приведенной выше таблицы о количестве инвентаря, приходящегося на 1 двор в разных группах, видно, что в средней группе во всех уу. приходится не менее 1 штуки пахотного инвентаря на 1 двор. Но на самом деле распределение инвентаря даже в пределах группы не отличается равномерностью. Постников не дает, к сожалению, об этом данных, и нам приходится обратиться к Сборникам земской статистики. В Днепр. у. 1.808 дворов из 8.227 совсем не имеют пахотных орудий; в Мелитоп.—2.954 из 13.789; в 1-м уезде % обделенных дворов=21.9%; во 2-м—21.4%. Несомненно, что домохозяева, лишенные пахотных орудий, приближаются по своему экономическому положению к низшей группе, тогда как домохозяева, имеющие их более 1 штуки на двор,—к высшей. Число домохозяев, не имеющих плугов—еще больше: 32.5% в Днепр. у. и 65.5% в Мелитопольском. Наконец, машинами для уборки хлеба (имеющими очень важное значение в хозяйстве южно-русского крестьянина вследствие недостатка рабочих для

*) В изд. Истпарта: „выделяется". *Ред.*

**) В изд. Истпарта заключенное в квадратные скобки напечатано в виде сноски. *Ред.*

ручной уборки и длинноземелья, растягивающего возовицу хлеба на целые месяцы)—хозяева этой группы обладают совершенно уже в ничтожном количестве: в Днепр. на всю группу приходится 20 косилок и жаток (1 штука на 400 дворов); в Мелит.—178½ (1 штука на 700 дворов).

Общую систему хозяйства крестьян этой группы П—в рисует *) так:

«Домохозяева, имеющие у себя менее 4-х голов рабочего скота, обязательно спрягаются для обработки полей и посева. Домохозяева этого разряда имеют во дворе либо 2-х работников, либо одного. Уменьшение относительной рабочей способности таких хозяев следует уже в силу меньшего размера хозяйства, супряги и более скудного инвентаря. Пахота производится супряжниками часто малым, 3-хлемешным буккером, который работает медленнее. Если такие хозяева убирают хлеб машиною, нанимаемой у соседей, то они получают ее тогда, когда сосед успел уже скосить свой хлеб. При ручной уборке хлеба она долее тянется, в некоторых случаях требует найма поденных рабочих и дороже обходится. У хозяев одиноких всякое экстренное домашнее дело, или исполнение общественных обязанностей, прерывает работу. Если домохозяин одиночка едет на полевые работы в дальнее поле, где крестьяне часто проводят целую неделю, зараз оканчивая посев и оранку, то он должен чаще возвращаться домой в село, чтобы навестить оставшуюся семью» (с. 278).

Таких одиноких домохозяев (имеющих 1 раб-ка) в рассматриваемой группе большинство, как видно из следующей таблицы, приводимой П—вым и показывающей рабочий состав семей в разных посевных группах во всех 3-х уу. Таврич. губ. (с. 143).

	На 100 дворов приходится			
	Без работника муж. пола	С 1 работником	С 2 работниками	С 3 и более работн.
Не сеющие —	19	67	11	3
Засев. до 5 десятин —	9	77.1	11.7	1.7
„ 5—10 дес. —	4.1	74.3	17.7	3.3
„ 10—25 „ —	1.7	59	29	10.3
„ 25—50 „ —	1.2	40	35.7	23.1
„ более 50 „ —	0.1	25	34.3	39.3
Всего . .	4.3	60.6	24.6	10.3

*) В изд. Истпарта: „разделяет". *Ред.*

Из этой таблицы видно, что в средней группе $^3/_5$ семей имеют по 1 работнику или вовсе без работника *).

Чтобы иллюстрировать отношение средней группы к высшей и вообще прочность ее хозяйства, приведем из Сб. стат. свед. по Днепр. у. данные о распределении между группами всей находящейся в распоряжении крестьян земельной площади и в частности площади под посевом. Получаем следующую таблицу:

(Данные относятся ко всему Днепр. у., включая селения, не причисленные к волостям.—Данные графы: «все землепользование» вычислены мною—сложено количество земли надельной, арендованной и купчей и вычтена земля, сданная в аренду.—Днепровский у. взят потому, что он почти сплошь русский) **).

ГРУППЫ КРЕСТЬЯН	Надельной пашни		Купчей земли		Арендованной земли		Сданной в аренду земли		Все землепользование группы		Посевная площадь		Состав группы % дворов.
	Дес.	%	Дес.	%	Дес.	%	Дес.	%***)	Дес.	%	Дес.	%	
Бедная группа	53.444.95	25.5	2.003.25	6	7.838.75	6	21.551.2	65.3	44.735.7	12.4	38.439.35	11	39.9
Средняя „	102.793.7	46.5	5.376	16	48.397.75	35	8.311	25.2	148.256.45	41.2	137.343.75	43	41.7
Зажиточная „	61.844.35	28	26.530.75	78	81.645.05	59	3.039.25	9.2	116.981.7	46.4	150.614.45	46	18.4
Всего по уезду	221.082.2	100	33.910	100	137.842.45	100	32.901.5	100	359.973.85	100	326.397.45	100	100%

Из этой таблицы видно, что по количеству надельной пашни средняя группа стояла впереди всех: в ее руках было 46½% земли. Недостаточность надельной земли вынудила крестьян прибегнуть к аренде, благодаря которой площадь крестьянского землепользования возросла в общем более чем в 1½ раза. Количество земли у средней группы а б с о л ю т н о тоже возросло, но **относительно** у м е н ь ш и л о с ь: у нее стало только 41.2 всей земельной площади и 43% посева; первое место заняла высшая группа. След., не только низшая группа, но и

*) В подтверждение своего положения о значительных преимуществах в хозяйстве, которыми пользуются домохозяева семьяные (в изд. Истпарта: „семейные". *Ред.*) (т.-е с многими раб-ками) над одиночками—П—в ссылается на известную книгу Трирогова: „Община и подать".

**) В изд. Истпарта заключенное в скобки напечатано в виде сноски. *Ред.*

***) В издании Истпарта настоящий и последний столбцы опущены. *Ред.*

средняя испытывает прямое давление со стороны высшей, отбивающей у них землю.

Все вышеизложенное дает нам право следующим образом характеризовать экономическое положение средней группы. Сюда относятся хозяева-земледельцы, живущие исключительно доходом от своего собственного посева; размер последнего почти равен среднему посеву местного крестьянства *) и покрывает в обрез необходимые потребности семьи. Но недостаток живого и мертвого инвентаря и неравномерное его распределение делают хозяйство крестьян этой группы непрочным, шатким, особенно в виду угрожающей тенденции высшей группы к вытеснению низшей и средней.

Обращаемся к последней, высшей группе, обнимающей зажиточное крестьянство. Сюда относится в Таврич. уу.—$^1/_5$ населения с посевом свыше 25 дес. на двор. Насколько действительно эта группа богаче других и рабочим скотом и инвентарем и надельной и др. землей—об этом приведено было достаточно данных выше. Чтобы показать, насколько именно состоятельнее крестьяне этой группы, чем средние крестьяне, приведем еще только данные о посеве: в Днепр. у. в зажиточной группе приходится 41.$_3$ дес. посева на двор, а в среднем по уезду—17.$_8$ дес., т.-е. менее в два с лишним раза. Вообще эта сторона дела, бо́льшая зажиточность многосеющих крестьян, выяснена Постниковым с достаточной полнотою, но он почти совсем не обратил внимания на другой, гораздо более важный, вопрос, какое значение имеет хозяйство этой группы в общем сельско-хозяйственном производстве района и какою ценою (для других групп) покупается успех высшей.

Дело в том, что численно—группа эта очень мала: в самой зажиточной области юга, в губ. Тавр., всего только 20% населения. Можно бы думать поэтому, что значение ее в хозяйстве всей местности—не велико **). Но на деле мы видим как раз обратное: в общем производстве сельско-хозяйственных продуктов это зажиточное меньшинство***) играет преобладающую роль. В 3-х Таврических уу.—из всей посевной площади—1.439.267 дес. в руках зажиточного крестьянства находится 724.678 дес., т.-е. более половины. Разумеется, цифры эти

---

*) Или несколько ниже. (В изд. Истпарта настоящая сноска включена в текст. *Ред.*)

**) В такую ошибку впадает, напр., г. Слонимский (В. Е) [6]) 93 № 3), который в статье о книге П—ва говорит: „Зажиточная группа крестьян теряется в массе бедноты и в иных местах как будто совершенно отсутствует“ (с. 307).

***) В издании Истпарта вместо: „меньшинство“—„крестьянство“. *Ред.*

далеко не точно выражают преобладание высшей группы, т. к. урожаи у зажиточных крестьян гораздо выше, чем у бедных и средних, не ведущих, по вышеприведенной характеристике автора, никакого правильного хозяйства.

Таким образом производят хлеб главным образом крестьяне высшей группы, и потому (что особенно важно и что особенно часто игнорируется) всевозможные характеристики сельского хозяйства, отзывы об агрикультурных улучшениях и т. п. относятся преимущественно и более всего (иногда даже исключительно) к состоятельному меньшинству. Возьмем, напр., данные о распределении улучшенных орудий.

Постников сообщает об инвентаре Таврического крестьянства следующее:

«Крестьянский инвентарь за небольшим исключением тот же, что и у немцев-колонистов, но менее разнообразен, отчасти хуже качеством и потому дешевле. Исключением является юго-западная, редко и мало населенная часть Днепровского уезда, сохраняющая пока первобытный малороссийский инвентарь с тяжелым деревянным плугом и деревянным ралом *) при железных зубьях. В остальном районе Таврических уездов у крестьян плуги употребляются повсеместно улучшенные, железные. На-ряду с плугом занимает первостепенное место в обработке почвы и буккер, который во многих случаях является даже единственным пахотным орудием у крестьян. Но чаще буккер употребляется на-ряду с плугом. ...Боронами служат повсеместно деревянные бороны, с железными зубьями, которые бывают 2-х родов: двуконные бороны, захватывающие полосу в 10 фут. шириною, и одноконные, имеющие в ширину около сажени. ...Буккер является в виде 3-х, 4-х и 5-тилемешного орудия. ...К буккеру очень часто прикрепляют впереди небольшую сеялку, действующую в связи с ходовым колесом буккера. Она производит посев одновременно с заделкой его буккером. Из прочих орудий по обработке почвы у крестьян встречается еще, хотя и не часто, деревянный каток, служащий для укатывания полей после посева. Жатвенные машины в особенности распространились у крестьян в последнее 10-тилетие. В зажиточных селах, по словам крестьян, их имеет у себя почти ½ дворов. ...Косилки у крестьян встречаются гораздо реже, чем жнейки... Точно также распространены у крестьян конные грабли и молотилки. Употребление веялок повсеместное. ...Для перевозки служат исключительно немецкие брички и мажары, приготовляемые теперь во

*) Слова: „и деревянным ралом“ в издании Истпарта опущены. *Ред.*

многих русских селениях. ...Для молотьбы повсеместно служат каменные зубчатые катки большей или меньшей длины» (с. 213—5).

Чтобы узнать, как распределяется этот инвентарь, приходится обратиться к земским статист. сборникам, хотя и в них данные не полны: Таврические статистики регистрировали только плуги и буккеры, жнейки и косилки и дилижаны (т.-е. брички или мажары). Сводя вместе данные по Мелитоп. и Днепровскому уу., получаем, что из всего числа плугов и скоропашек (46.522) в руках высшей группы находится 19.987, т.-е. 47.$_2$%; бричек—23.747 из 59.478, т.-е. 39.$_9$%; наконец, жнеек и косилок—2.841 из 3.061, т.-е. 92.$_8$%.

Выше были приведены данные, доказывающие, что производительность труда в высших группах крестьянства значительно выше, чем в низших и средних. Посмотрим теперь, какими особенностями техники обусловлена такая особенность хозяйства у крупных посевщиков.

«Размер землевладения и землепользования у крестьян—говорит П—в—определяет собой в значительной мере также систему и характер земледелия. Эта зависимость между тем и другим, к сожалению, до сих пор мало изучалась у нас исследователями крестьянского сельского *) хозяйства, для которых последнее еще нередко представляется однородным во всех слоях сельского населения. Оставляя в стороне систему земледелия, постараюсь вкратце резюмировать эти особенности в технике хозяйства отдельных групп крестьян, насколько они выяснились для меня из поездок в Таврич. уу.

«Домохозяева, работающие собственным скотом, обходящиеся без супряг, держат в хозяйстве 4—5—6 и более голов рабочего скота **), и хозяйственное положение их при этом представляет много различия. 4-хлемешный буккер требует запряжки 4-х голов скота, для 5-тилемешного нужно уже 5 голов. За вспашкой следует боронование, и если хозяин не имеет лишней лошади, то он должен бороновать поле не следом, а по окончании вспашки, т.-е. закрывать семена уже несколько просохшей землей, что́ для прорастания их является условием неблагоприятным. Если пахота идет на дальнем расстоянии от села и требует подвоза воды и корма, отсутствие лишней лошади также прерывает работу. Во всех этих случаях, при отсутствии полного комплекта рабочего скота, происходит потеря времени, запаздывание посевов. При большем количестве рабочего скота и работы многолемешным буккером

*) В изд. Истпарта слово: „сельского" опущено. *Ред.*

**) Крестьяне зажиточной группы имеют 6—10 штук раб. скота на двор (см. выше).

крестьяне производят свои посевы скорее, лучше пользуются благоприятной погодой, заделывают семена более влажной землей. Преимущества техники весеннего посева остаются так. обр. за хозяином «полным», имеющим во дворе 6, а еще лучше 7 штук рабочего скота. При 7 лошадях одновременно могут работать 5-тилемешный буккер и 2 бороны. У такого хозяина, говорят крестьяне, «нет остановки в работах».

«Еще важнее является различие в положении этих хозяев в период, следующий за жатвой хлеба, когда в местном хозяйстве, в случае хорошего урожая, требуется наибольшее напряжение рабочих сил. У хозяина с 6 головами раб. скота одновременно с возкою хлеба производится и молотьба его, хлеб в скирды не складывается, чем конечно сберегается время и рабочая сила» (с. 277).

Для окончательной обрисовки характера хозяйства у этих крупных посевщиков следует еще заметить, что посев является в этой группе земледельцев—«коммерческим» предприятием, по замечанию П—ва. Вышеприведенные данные о размере торговой площади вполне подтверждают характеристику автора, т. к. бо́льшая часть посевной площади дает продукт, идущий на рынок, именно (52% всей площади в хозяйствах с посевом от 25—50 д. посева и 61% в хозяйствах с посевом выше 50 д.). О том же свидетельствует количество получаемого денежного дохода: даже minimum этого дохода для зажиточной группы—574 р. на двор—более чем вдвое превышает сумму необходимого денежного расхода (200—250 р.), составляя так. обр. излишек, который накопляется и служит к расширению хозяйства и улучшению его. «У наиболее зажиточных крестьян, с посевом более 50 д. на двор», даже «одна из отраслей скотоводства—выращивание грубошерстных овец—принимает уже рыночный характер», как сообщает П—в (с. 188).

Перейдем теперь к другому вопросу, тоже недостаточно разработанному (даже почти не затронутому) П—вым: как отражаются хозяйственные успехи меньшинства крестьян на массе? Несомненно, совершенно отрицательно: вышеприведенные данные (особенно об аренде) дают достаточное доказательство этого, т. ч. здесь можно ограничиться только подведением итогов. По всем 3-м уездам Тавр. губ. арендуется крестьянами всего 476.334 дес. земли (вненадельной и надельной), из которых зажиточная группа берет 298.727 д., т.-е. более $^{3}/_{5}$ (63%). На долю бедной группы достается только 6%, и средней—31%. Если принять во внимание, что в аренде нуждаются более всего (если не исключительно) 2 низшие группы [вышеприведенные данные о распределении между группами крестьян земельной площади Днепр. у. показывают, что в высшей группе одной надельной пашни почти достаточно для

«нормальных» размеров посева], то будет понятно, какое громадное стеснение в земле должны они испытывать благодаря коммерческому расширению запашек зажиточных крестьян *).

Совершенно такие же выводы дает и распределение аренды надельных земель, данные о котором приведены выше. Чтобы показать, какое значение имеет для крестьян разных групп аренда наделов, приведем описание этого явления из IV главы соч. П—ва.

«Надельная земля—говорит он—служит в настоящее время предметом обширных спекуляций в южно-русском крестьянском быту. Под землю получаются займы с выдачею векселей, весьма распространенных здесь между таврическими крестьянами, при чем доход от земли остается в пользу ссудившего деньги впредь до уплаты долга, земля сдается или продается на год, два и более долгие сроки, 8, 9 и 11 лет, и такие сдачи наделов формально свидетельствуются в волостных и сельских правлениях. По воскресным и праздничным дням мне случалось видеть в больших селах пред зданием сельских правлений целые толпы оживленного народа. На вопрос о причинах сбора мне отвечали, что это идет утощение и продажа наделов, свидетельствуемая в книгах сельскими властями. ...Запродажа наделов в чужое пользование практикуется как в тех селениях, где существует раскладка земли по ревизским душам и никаких коренных переделов земли не происходит, так и в селах с раскладкой земли по наличным душам и коренными переделами, только в последних срок запродажи обыкновенно короче и рассчитан на срок передела земли, который в последнее время здесь б. ч. заранее определяется в мирском приговоре о переделе. В настоящее время эта запродажа надельной земли в южно-русских селениях сосредоточивает в себе самые жизненные интересы местного зажиточного крестьянства, столь многочисленного здесь, особенно в Таврич. уу. Она составляет, между прочим, одно из главных условий для широкой распашки земель, практикуемой здесь зажиточными тавричанами и доставляющей им большие экономические выгоды. Поэтому-то зажиточные крестьяне **) и относятся чувствительно ко всяким изменениям в их быте, которые могли бы лишить их этой, в большинстве случаев дешевой, аренды земель и притом земель, находящихся вблизи» (с. 140). Далее рассказывается, как Мелитопольское У. по Кр. Делам Присутствие потребо-

*) „Немец давит местного крестьянина..... тем, ч. лишает его соседней земли, которую он мог бы арендовать или купить" (с. 292),— говорит П—в о колонистах. Очевидно, ч. в этом отношении русский зажиточный крестьянин ближе к немцу-колонисту, чем к своему бедному соотечественнику.

**) В изд. Истпарта добавлено: „в настоящее время". *Ред.*

вало, чтобы каждый отдельный случай сдачи наделов происходил с согласия сельского схода, как стеснены были крестьяне этим распоряжением и как «последствием его явилось пока лишь то, что договорные книги о землях исчезли из расправ, хотя в качестве неофициальных книг они, вероятно, ведутся еще» (с. 141).

Несмотря на арендование громадных количеств земли, зажиточные крестьяне являются и почти единственными покупщиками земель: в Днепр. у. они купили 78% всей купчей земли уезда; в Мелит. у. —в их руках 42.737 д. купчей земли из всего числа 48.099 д., т.-е. 88% *). Наконец, этот же разряд крестьян исключительно пользуется и кредитом. В добавление к вышеприведенной заметке автора о сельских кассах на юге приведем следующую характеристику их:

«Те сельские кассы и ссудо-сберегательные товарищества, которые теперь распространены у нас местами—напр., они очень многочисленны в Таврич. уу.,—оказывают свою помощь главным образом зажиточным крестьянам. Помощь их, можно думать, существенная. Мне не раз приходилось слышать от таврических крестьян, где действуют эти товарищества **), такие речи: «Слава богу, теперь мы освободились от жидов», но говорят это крестьяне с достатком. Крестьяне маломощные поручителей за себя не находят и ссудами не пользуются» (с. 368). Такая монополизация кредита не представляет из себя ничего неожиданного: кредитная сделка есть не что иное, как купля-продажа с отсроченным платежом ***). Очень естественно, что произвести платеж может только тот, кто имеет средства, а таковыми среди южно-русских крестьян обладает только зажиточное меньшинство.

Для полной обрисовки характера хозяйства этой группы, превосходящей по результатам своей производительной деятельности все другие группы вместе взятые, остается только напомнить, что она «в значительной мере» пользуется наемным трудом, поставщиком которого вынуждены являться представители низшей группы. Необходимо заметить по этому поводу, что точный учет наемного труда в сельско-хозяйственном производстве представляет из себя громадные трудности, которых, кажется, еще не поборола наша земская статистика. Так как земледелие требует не постоянного и равномерного труда в течение це-

---

*) В изд. Истпарта иное построение фразы, а именно: „в Днепровском уезде в их руках — 78% всей купчей земли, в Мелитопольском — 42.737 дес., из всего числа" и т. д. *Ред.*

**) В изд. Истпарта: „кассы". *Ред.*

***) В рукописи здесь зачеркнута фраза, взятая в квадратные скобки: „[Зибер, (Эконом. теория и т. д.) в Знании]". *Ред.*

лого года, а лишь усиленного труда в известный период времени, то регистрирование одних только постоянных наемных рабочих далеко не выразит степени эксплоатации наемного труда, а подсчет рабочих временных (часто издельных) крайне труден. Рассчитывая приблизительно число наемных рабочих в каждой группе (см. выше), П—в принимал за рабочую норму в зажиточной группе—15 д. *) на 1 работника **). Из главы VII его сочинения, где автор подробно рассматривает, каков в действительности размер рабочей площади, видно, что подобная норма достигается лишь при машинной уборке хлеба. Между тем даже в зажиточной группе количество жаток не велико: напр., в Днепр. у. ок. 1 штуки на 10 дворов, так что, даже принимая во внимание заявление автора, что хозяева машин по окончании своей уборки отдают их в наймы, все-таки окажется, что большая часть крестьян должна обходиться без машин и, след., нанимать поденных рабочих. Пользование наемным трудом в высшей группе должно быть поэтому в бо́льших размерах, чем исчисляет автор, так что высокий денежный доход, получаемый крестьянами этой группы, представляет из себя в значительной степени (если не целиком) доход от к а п и т а л а в том специфическом значении этого термина, которое придает ***) ему научная политическая экономия.

Резюмируя сказанное о 3-й группе—получаем следующую характеристику ее: зажиточное крестьянство, у которого средства производства значительно выше среднего и труд в силу этого отличается бо́льшей продуктивностью, является главным, преобладающим над остальными группами, производителем сельско-хозяйственных продуктов во всем районе; по характеру своему, хозяйство этой группы—коммерческое, основанное в весьма значительной степени на эксплоатации наемного труда.

Произведенный краткий обзор политико-экономических различий в хозяйстве 3-х групп местного населения был основан на систематизации имеющегося в книге П—ва материала о южно-русском крестьянском хозяйстве. Обзор этот доказывает, мне кажется, что изучение крестьянского хозяйства (с политико-экономической стороны) совер-

---

*) В издании Истпарта добавлено: „посева". *Ред.*

**) На $1._8$—$2._3$ раб-ка это составит 27—$34._5$ д., а крестьяне зажиточной группы сеют $34._5$ — 75 дес. След., общая характеристика этой группы — та, что размеры ее хозяйства много выше рабочей нормы семьи. [В начале этой сноски в рукописи зачеркнутая фраза: „Такую же норму берет и г. Южаков (Р. М. $89._9$)". *Ред.*]

***) В рукописи зачеркнутая фраза: „[если хотите—должна придавать]". *Ред.*

шенно невозможно без разделения крестьян на группы. Постников, как выше уже было отмечено, признает это, и даже бросает земской статистике упрек, что она не делает этого, что ее комбинации при всем обилии цифр «неясны», что «за деревьями она не видит леса» (с. XII). Делать подобный упрек земской статистике П—в едва ли в праве, п. ч. он сам не провел систематически разделения крестьян на «ясные» группы, но правильность его требования не подлежит сомнению. Раз признано, что между отдельными хозяйствами замечаются различия не только количественные, а и качественные *), является уже безусловно необходимым разделять крестьян на группы, отличающиеся не «достатком», а общественно-экономическим характером хозяйства. Позволительно надеяться, что земская статистика не замедлит сделать это.

V.

Не ограничиваясь констатированием экономической розни в крестьянстве, Постников указывает на усиление этого явления: «Разнообразие в крестьянском достатке по группам существует у нас повсеместно—говорит он—и существовало исстари, но в последние 10-тилетия эта дифференциация крестьянского населения стала проявляться очень резко и, повидимому, прогрессивно возрастает» (130). Тяжелые хозяйственные условия 1891 года должны были дать, по мнению автора, новый толчок этому процессу [с. X].

Спрашивается, какие же причины этого явления, имеющего такое громадное влияние на все крестьянское население?

«Таврическая губерния—говорит П—в—представляется одною из наиболее многоземельных в Европейской России, с наибольшим наделением крестьян землей, в ней повсеместно существует общинное землевладение, с более или менее равномерным распределением земли по душам, и земледелие составляет почти исключительное занятие сельского населения, и однако же здесь подворная перепись показывает 15% сельского населения, которое не имеет у себя никакого рабочего скота, и около $^1/_3$ населения, не имеющего достаточного инвентаря для обработки своей надельной земли» (с. 106).—«От чего зависит—спрашивает

*) В рукописи здесь пометка: „*Добавление № 6*“ Оно приведено в виде сноски в издании Истпарта:

„Характер хозяйства—самопотребительский, коммерческий; характер эксплоатации труда—продажа своей рабочей силы как главный источник средств к жизни и покупка рабочей силы как необходимое следствие расширения посевов за пределы рабочей способности семьи“.

автор—такое широкое разнообразие в группах и, в частности, чем определяется при исключительно земледельческом хозяйстве такой высокий процент домохозяев без посева и без рабочего скота, какой существует теперь в описываемом районе?» (с. 130).

Отправляясь на розыски причин этого явления, Постников (к счастью, не надолго) совершенно сбивается с дороги *) и принимается рассуждать о «шалтайстве», «пьянстве», даже пожарах и конокрадстве. Вывод все-таки получается тот, что не в таких причинах «заключается наиболее существенная сторона дела». Сиротство семей, т.-е. неимение взрослых работников (133), точно также ничего не об'ясняет: из всего числа бесхозяйных дворов в Тавр. уу. (т.-е. не имеющих посева) сиротские семьи составляют только 18%.

«Главные причины бесхозяйности — заключает автор — должны быть отыскиваемы в других факторах экономического быта крестьян» (с. 134). Именно, Постников полагает, что «в числе указанных причин, служащих к упадку крестьянского хозяйства у отдельных домохозяев, та, которую можно считать наиболее коренной и которая, к сожалению, до сих пор мало выяснена нашей земской статистикой, заключается в измельчании наделов и в ограниченности размеров крестьянского землепользования, в уменьшении среднего размера крестьянского хозяйства» (с. 141).

«Коренная причина экономической бедности России — говорит автор — есть **малый размер крестьянского** землевладения **и хозяйства**, не позволяющий утилизировать всю рабочую способность крестьянской семьи» (341).

Чтобы пояснить это положение Постникова,—выраженное до крайности неточно, ибо автор там установил, ч. средний размер крестьянского хозяйства (17—18д.) достаточен для безбедного существования семьи, и что общая, огульная характеристика всего крестьянства в отношении размеров хозяйства невозможна—надо напомнить, что выше он установил общий закон о повышении производительности крестьянского труда по мере увеличения размеров хозяйства. Полная утилизация рабочих сил семьи (и рабочего скота) достигается, по его расчету, только в высших группах: напр., в Таврич. уу. только у зажиточных крестьян; громадное большинство населения «ковыряет землю непроизводительно» (с. 340), растрачивая даром массу сил.

---

*) В изд. Истпарта: „с пути". *Ред.*

Несмотря на то, что автором вполне доказана зависимость продуктивности труда от размеров хозяйства и крайне низкая производительность в низших группах крестьян, — видеть в этом законе (автор называет его перенаселенностью земледелия в России, пресыщенностью земледелия трудом) причину разложения крестьянства не доводится: вопрос ведь в том именно, почему распалось крестьянство на столь различные группы, а перенаселенность земледелия уже предполагает такое распадение; самое понятие о ней автор составил, сличая хозяйства мелкие и крупные и их доходность. Поэтому отвечать на вопрос: «отчего зависит широкое разнообразие в группах?» указанием на перенаселенность земледелия нельзя. Это сознает, повидимому, и Постников, но только он не поставил себе определенно задачи исследовать причины явления, так что его замечания грешат некоторой отрывочностью: рядом с недоговоренными, неточными положениями стоят и верные мысли. Так, напр., он говорит:

«Нельзя ожидать, чтобы ожесточенная борьба, происходящая теперь в сельской жизни на почве землевладения, способствовала в будущем развитию в населении начал общинности и согласия. И борьба эта не есть временная, вызываемая случайными условиями... Она представляется нам не борьбою общинных традиций и развивающегося в сельской жизни индивидуализма, а простою борьбой экономических интересов, которая должна окончиться роковым исходом для одной части населения, в силу существующего малоземелья» (с. XXXII).

«Истина довольно ясная—говорит П—в в другом месте—что при малоземельи и малом размере хозяйства, при отсутствии достаточных промыслов, не может быть достатка в крестьянстве, и все слабое в хозяйственном смысле так или иначе, рано или поздно, должно быть выброшено из крестьянского земледелия» (с. 368).

Эти замечания содержат в себе гораздо более верный ответ на вопрос, притом такой ответ, который гармонирует вполне с вышеустановленным явлением дифференциации населения. Ответ таков: появление массы бесхозяйных дворов и увеличение числа их определяется борьбой экономических интересов в крестьянстве. На какой почве ведется эта борьба и какими средствами? Что касается до средств, то таковыми является не только и даже не столько перебой земли (как можно бы подумать из приведенных сейчас замечаний П—ва), сколько уменьшение издержек производства, идущее вслед за увеличением размера хозяйства—о чем было достаточно говорено выше. Что же касается до почвы, на которой возникает борьба, то на нее указывает достаточно ясно следующее замечание Постникова:

«Есть известный minimum хозяйственной площади, ниже которого крестьянское хозяйство не может опускаться, т. ч. оно становится тогда невыгодным или даже невозможным. Для прокормления семьи и скота (?) в хозяйстве нужна известная пищевая площадь; в хозяйстве, у которого нет сторонних промыслов, или они малые, нужна еще и некоторая рыночная площадь для сбыта ее продуктов, чтобы дать крестьянской семье денежные средства на уплату податей, обзаведение одеждой и обувью, на необходимые для хозяйства расходы в орудиях, постройке и проч. Если размер крестьянского хозяйства опускается ниже этого минимума, оно становится невозможным. В таком случае крестьянин найдет более выгод бросить хозяйство и стать в положение батрака, расходы которого ограниченнее, а потребности могут быть удовлетворены полнее и при меньшем валовом доходе» (с. 141).

Если, с одной стороны, крестьянин находит выгодным расширять свои посевы далеко за пределы собственной потребности в хлебе, то это происходит потому, что он может продать свой продукт. Если, с другой стороны, крестьянин находит выгодным бросить хозяйство и итти в батраки, то это происходит потому, что удовлетворение большей части его потребностей требует денежных расходов, т.-е. продаж *); а так как, продавая продукты своего хозяйства, он встречает на рынке соперника, с которым борьба непосильна, то ему только уже и остается — продавать свою рабочую силу. Одним словом, почвой, на которой вырастают вышеописанные явления, является производство продукта на продажу. Основная причина возникновения в крестьянстве борьбы экономических интересов—существование таких порядков, при которых регулятором общественного производства является рынок.

Покончив с описанием «новых хозяйственных движений в крестьянской жизни» и с попыткой их об'яснения, Постников переходит к изложению практических мероприятий, долженствующих разрешить «аграрный вопрос». Мы не последуем за автором в эту область, во-первых, потому, что это не входит в план предлагаемой статьи; во-вторых, потому, что эта часть сочинения Постникова—самая слабая. Последнее

---

*) В рукописи здесь пометка: „*Добавление № 4*“. В издании Истпарта оно приводится (в сноске):

„Ср. вышеприведенные данные о пищевой и торговой площади посева (только с этих площадей доход идет на покрытие нужд земледельца, а не земледелия, т.-е. представляет доход в собственном смысле, а не издержки производства), а также данные о среднем денежном расходе тавричанина в связи с количеством идущего на продовольствие хлеба (2 четверти на душу обоего пола)“.

будет вполне понятно, если припомнить, что более всего противоречий и недомолвок встречалось у автора именно тогда, когда он пытался об'яснить хозяйственные процессы, а без полного и точного об'яснения их не может быть и речи об указании каких-нибудь практических мероприятий.

ЧТО ТАКОЕ „ДРУЗЬЯ НАРОДА" И КАК ОНИ ВОЮЮТ ПРОТИВ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ

(ОТВЕТ НА СТАТЬИ „РУССКОГО БОГАТСТВА" ПРОТИВ МАРКСИСТОВ)

Написано в 1894 г. [6])

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

«Русское Богатство» [7]) открыло поход против социал-демократов. Еще в № 10 за прошлый год один из главарей этого журнала, г-н Н. Михайловский [8]) об'явил о предстоящей «полемике» против «наших так называемых марксистов или социал-демократов» [9]). Затем появились статьи г-на С. Кривенко [10]): «По поводу культурных одиночек» (№ 12) и г. Н. Михайловского: «Литература и жизнь» (№№ 1 и 2 «Р. Б.» за 1894 г.) [11]). Что касается до собственных воззрений журнала на нашу экономическую действительность, то они всего полнее были изложены г. С. Южаковым [12]) в статье: «Вопросы экономического развития России» (в №№ 10 и 12). Претендуя вообще в своем журнале представлять идеи и тактику истинных «друзей народа», эти господа являются от'явленными врагами социал-демократии. Попробуем же присмотреться к этим «друзьям народа», к их критике марксизма, к их идеям, к их тактике.

Г-н Михайловский обращает более всего внимания на теоретические основания марксизма, и потому специально останавливается на разборе материалистического понимания истории. Изложивши, в общих чертах, содержание обширной марксистской литературы, излагающей эту доктрину, г-н Михайловский открывает свою критику такой тирадой:

«Прежде всего — говорит он — является сам собою вопрос: в каком сочинении Маркс изложил свое материалистическое понимание истории? В «Капитале» он дал нам образец соединения логической силы с эрудицией, с кропотливым исследованием как всей экономической литературы, так и соответствующих фактов. Он вывел на белый свет давно забытых или никому ныне неизвестных теоретиков экономической науки и не оставил без внимания мельчайших подробностей в каких-нибудь отчетах фабр. инспекторов или показаниях экспертов в разных специальных комиссиях; словом, перерыл подавляющую массу фактического материала частью для обоснования, частью для иллюстрации своих экономических теорий. Если он создал «совершенно новое» понимание исторического процесса, об'яснил все прошедшее человечества с новой точки зрения и подвел итог всем доселе существовавшим философско-историческим теориям, то сделал это, конечно, с таким же тщанием: действительно пересмотрел и подверг критическому анализу все известные теории исторического процесса, поработал над массой фактов всемирной истории. Сравнение с Дарвином, столь обычное в марксистской литературе, еще более утверждает в этой мысли. Что такое

вся работа Дарвина? Несколько обобщенных, теснейшим образом между собой связанных идей, венчающих целый Мон-Блан фактического материала. Где же соответствующая работа Маркса? Ее нет. И не только нет такой работы Маркса, но ее нет и во всей марксистской литературе, несмотря на всю ее количественную обширность и распространенность».

Вся эта тирада в высшей степени характерна для уразумения того, как мало понимают «Капитал» и Маркса в публике. Подавленные громадной доказательностью изложения, они расшаркиваются перед Марксом, хвалят его, и в то же время совершенно упускают из виду основное содержание доктрины и, как ни в чем не бывало, продолжают старые песенки «суб'ективной социологии». Нельзя не вспомнить по этому поводу очень верного эпиграфа, выбранного Каутским в его книге об экономическом учении Маркса:

Wer wird nicht einen Klopstock loben?
Doch wird ihn jeder lesen? Nein.
Wir wollen weniger erhoben
Und fleissiger gelesen sein! *)

Именно так! Г. Михайловскому следовало бы поменьше хвалить Маркса да поприлежнее читать его, или, лучше, посерьезнее вдумываться в то, что он читает.

«В «Капитале» Маркс дал нам образчик соединения логической силы с эрудицией»—говорит г-н Михайловский. Г. Михайловский в этой фразе дал нам образчик соединения блестящей фразы с пустотой содержания,—заметил один марксист. И замечание это совершенно справедливо. В самом деле, в чем же проявилась эта логическая сила Маркса? Какие дала она результаты? Читая приводимую тираду г-на Михайловского, можно подумать, что вся эта сила направлена была на «экономические теории» в самом тесном значении слова,—и только. И—чтобы оттенить сильнее узкие пределы поля, на котором проявлял Маркс свою логическую силу, г. Михайловский напирает на «мельчайшие подробности, на кропотливость, на никому неизвестных теоретиков» и т. п. Выходит так, как будто ничего существенно нового, достойного упоминания, Маркс не внес в приемы построения этих теорий, как будто он оставил пределы экономической науки такими же, какими они были у прежних экономистов, не расширив их, не внеся «совершенно нового» понимания самой этой науки. А между тем всякий читавший «Капитал» знает, что это—сплошная неправда. Нельзя не вспомнить по этому по-

*) Кто не хвалит Клопштока? Но читает ли его кто-нибудь? Нет. Мы хотим, чтобы нас меньше почитали, но зато прилежно читали. *Ред.*

воду того, что писал о Марксе г-н Михайловский 16 лет тому назад, полемизируя с мелко-буржуазным г. Ю. Жуковским [13]). Времена что ли тогда были другие, чувства что ли посвежее, но только и тон и содержание статьи г-на Михайловского были совсем не те.

— «Конечная цель этого сочинения — показать закон развития (в подлиннике: Das oekonomische Bewegungsgesetz—экономический закон движения) современного общества»—говорит К. Маркс о своем «Капитале» и строго выдерживает свою программу»,—так отзывался г. Михайловский в 1877 г. Посмотрим же поближе на эту, строго—по признанию критика—выдержанную программу. Она состоит в том, чтобы «показать экономический закон развития современного общества»

Самая уже эта формулировка ставит нас лицом к лицу с несколькими вопросами, требующими раз'яснения. Почему это говорит Маркс о «современном (modern)» обществе, когда все экономисты до него толковали об обществе вообще? В каком смысле употребляет он слово «современный», по каким признакам выделяет особо это современное общество? И далее—что это значит: экономический закон движения общества? Мы привыкли слышать от экономистов—и это, между прочим, одна из любимых идей у публицистов и экономистов той среды, к которой принадлежит «Р. Б-во»—что только производство ценностей подчинено одним лишь экономическим законам, тогда как распределение, дескать, зависит от политики, от того, в чем будет состоять воздействие на общество со стороны власти, интеллигенции и т. п. В каком же это смысле говорит Маркс об экономическом законе движения общества и еще рядом называет этот закон Naturgesetz—законом природы? Как понимать это, когда столь многие отечественные социологи исписали груды бумаги о том, что область общественных явлений выделяется особо из области естественно-исторических явлений, что поэтому и для исследования первых следует прилагать совсем особый «суб'ективный метод в социологии»?

Все эти недоумения возникают естественно и необходимо и, конечно, только полное невежество может обходить их, говоря о «Капитале». Чтобы разобраться в этих вопросах, приведем предварительно еще одно место из того же предисловия к «Капиталу»,—всего несколькими строками ниже:

«Моя точка зрения состоит в том—говорит Маркс—что я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественно-исторический процесс».

Достаточно простого сопоставления хотя бы приведенных только двух мест из предисловия, чтобы видеть, что именно тут заключается

основная идея «Капитала», проводится, как мы слышали, строго выдержанно и с редкой логической силой. Отметим прежде всего два обстоятельства по поводу всего этого: Маркс говорит только об одной «общественно-экономической формации», о капиталистической, т.-е. говорит, что исследовал закон развития только этой формации и никакой другой. Это во-первых. А во-вторых, отметим приемы выработки Марксом его выводов: эти приемы состояли, как мы сейчас слышали от г. Михайловского, в «кропотливом исследовании соответствующих фактов».

Теперь перейдем к разбору этой основной идеи «Капитала», которую так ловко попытался обойти наш суб'ективный философ. В чем собственно состоит понятие экономической общественной формации? и каким образом развитие такой формации можно и должно считать естественно-историческим процессом? — вот вопросы, стоящие теперь перед нами. Я уже указывал, что с точки зрения старых (не для России) экономистов и социологов понятие общественно-экономической формации совершенно лишнее: они толкуют об обществе вообще, спорят с Спенсерами [147] о том, что такое общество вообще, какова цель и сущность общества вообще и т. п. В таких рассуждениях эти суб'ективные социологи опираются на аргументы вроде тех, что цель общества—выгоды всех его членов, что поэтому справедливость требует такой-то организации, и что несоответствующие этой идеальной («Социология должна начать с некоторой утопии» — эти слова одного из авторов суб'ективного метода, г. Михайловского, прекрасно характеризуют сущность их приемов) организации порядки являются ненормальными и подлежащими устранению. «Существенная задача социологии — рассуждает напр. г. Михайловский — состоит в выяснении общественных условий, при которых та или другая потребность человеческой природы получает удовлетворение». Вы видите, этого социолога интересует только такое общество, которое удовлетворяет человеческой природе, а совсем не какие-то там общественные формации, которые притом могут быть основаны на таком не соответствующем «человеческой природе» явлении, как порабощение большинства меньшинством. Вы видите также, что с точки зрения этого социолога не может быть и речи о том, чтобы смотреть на развитие общества как на естественно-исторический процесс. («Признав нечто желательным или нежелательным, социолог должен найти условия осуществления этого желательного или устранения нежелательного»—«осуществления таких-то и таких-то идеалов», — рассуждает тот же г. Михайловский.) Мало того, не может быть речи даже и о развитии, а только о разных уклонениях от «желательного», о «дефектах», случавшихся в истории вследствие... вследствие того, что

люди были не умны, не умели хорошенько понять того, что требует человеческая природа, не умели найти условий осуществления таких разумных порядков. Ясное дело, что основная идея Маркса о естественно-историческом процессе развития общественно-экономических формаций в корень подрывает эту ребячью мораль, претендующую на наименование социологии. Каким же образом выработал Маркс эту основную идею? Он сделал это посредством выделения из разных областей общественной жизни области экономической, посредством выделения из всех общественных отношений—«отношений производственных», как основных, первоначальных, определяющих все остальные отношения. Сам Маркс так описал ход своих рассуждений по этому вопросу [15]):

«Первая работа, которую я предпринял для разрешения обуревавших меня сомнений, был критический разбор Гегелевской философии права. Работа привела меня к тому результату, что правовые отношения так же точно, как и политические формы, не могут быть выводимы и об'ясняемы из одних только юридических и политических оснований; еще менее возможно их об'яснять и выводить из так наз. общего развития человеческого духа. Корень их заключается в одних только материальных, жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века, называет «гражданским обществом». Анатомию же гражданского общества следует искать в политической экономии. Результаты, к которым привело меня изучение последней, могут быть кратко формулированы следующим образом: «При материальном производстве людям приходится стать в известные отношения друг к другу, в «производственные отношения». Последние всегда соответствуют той степени развития производительности, которою в данное время обладают их экономические силы. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальное основание, над которым возвышается политическая и юридическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Таким образом производственный порядок обусловливает социальные, политические и часто духовные процессы жизни. Их существование не только не зависит от сознания человека, но, напротив, последнее само от них зависит. Но на известной ступени развития своей производительности силы приходят в столкновение с производительными отношениями людей друг к другу. Вследствие этого они начинают противоречить и тому, что служит юридическим выражением производственных отношений, т.-е. имущественным порядкам. Тогда производственные отношения перестают соответ-

ствовать производительности и начинают ее стеснять. Отсюда—возникает эпоха общественных переворотов. С изменением экономического основания более или менее медленно или скоро изменяется вся громадная надстройка, над ним возвышающаяся. При рассмотрении этих переворотов всегда необходимо строго различать материальную перемену в условиях производства, которая должна быть, естественно, научно констатирована, и перемену в юридических, политических, религиозных, художественных и философских, словом—идеологических формах, в которых мысль о столкновении проникает в человеческое сознание и в которых скрытым образом из-за него происходит борьба. Об отдельном человеке мы не судим по тому, «что» он сам по себе думает; но нельзя также судить и об эпохе переворотов по ее собственному самосознанию. Напротив, это самосознание должно быть об'яснено из противоречий материальной жизни, из столкновения между условиями производства и условиями производительности... Рассматриваемые в общих чертах азиатские, античные, феодальные и новейшие буржуазные производственные порядки могут быть рассматриваемы как прогрессивные эпохи в истории экономических формаций общества».

Уже сама по себе эта идея материализма в социологии была гениальная идея. Разумеется, «п о к а» это была еще только гипотеза, но такая гипотеза, которая впервые создавала возможность строго научного отношения к историческим и общественным вопросам. До сих пор, не умея спуститься до простейших и таких первоначальных отношений, как производственные, социологи брались прямо за исследование и изучение политико-юридических форм, натыкались на факт возникновения этих форм из тех или иных идей человечества в данное время — и останавливались на этом; выходило так, что будто общественные отношения строятся людьми сознательно. Но этот вывод, нашедший себе полное выражение в идее о Contrat Social [16]) (следы которой очень заметны во всех системах утопического социализма), совершенно противоречил всем историческим наблюдениям. Никогда этого не было, да и теперь этого нет, чтобы члены общества представляли себе совокупность тех общественных отношений, при которых они живут, как нечто определенное, целостное, проникнутое таким-то началом; напротив, масса прилаживается бессознательно к этим отношениям и до такой степени не имеет представления о них, как об особых исторических общественных отношениях, что, напр., об'яснение отношений обмена, при которых люди жили многие столетия, было дано лишь в самое последнее время. Материализм устранил это противоречие, продолжив анализ глубже, на происхождение самих этих обще-

ственных идей человека; и его вывод о зависимости хода идей от хода вещей единственно совместим с научной психологией. Далее, еще и с другой стороны, эта гипотеза впервые возвела социологию на степень науки. До сих пор социологи затруднялись отличить в сложной сети общественных явлений важные и неважные явления (это—корень суб'ективизма в социологии) и не умели найти об'ективного критерия для такого разграничения. Материализм дал вполне об'ективный критерий, выделив «производственные отношения», как структуру общества, и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали суб'ективисты. Пока они ограничивались идеологическими общественными отношениями (т.-е. такими, которые, прежде чем им сложиться, проходят через сознание (т.-е., разумеется, речь все время идет о сознании «общественных отношений» и никаких иных) людей), они не могли заметить повторяемости и правильности в общественных явлениях разных стран, и их наука в лучшем случае была лишь описанием этих явлений, подбором сырого материала. Анализ материальных общественных отношений (т.-е. таких, которые складываются, не проходя через сознание людей: обмениваясь продуктами, люди вступают в производственные отношения, даже и не сознавая, что тут имеется общественное производственное отношение)—анализ материальных общественных отношений сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие «общественной формации». Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, «что» отличает одну капиталистическую страну от другой и исследующему то, «что» обще всем им.

Наконец, в-третьих, потому еще эта гипотеза впервые создала возможность «научной» социологии, что только сведение общественных отношений к производственным и этих последних к высоте производительных сил дало твердое основание для представления развития общественных формаций естественно-историческим процессом. А понятно само собой, что без такого воззрения не может быть и общественной науки. (Суб'ективисты, напр., признавая законосообразность исторических явлений, не в состоянии, однако, были взглянуть на их эволюцию, как на естественно-исторический процесс,—и именно потому, что останавливались на общественных идеях и целях человека, не умея свести этих идей и целей к материальным общественным отношениям.)

Но вот Маркс, высказавший эту гипотезу в 40-х г.г., берется за фактическое (это nota bene) изучение материала. Он берет одну из общественно-экономических формаций—систему товарного хозяйства—и на основании гигантской массы данных (которые он изучал не менее 25 лет) дает подробнейший анализ законов функционирования этой формации и развития ее. Этот анализ ограничен одними производственными отношениями между членами общества: не прибегая ни разу для об'яснения дела к каким-нибудь моментам, стоящим вне этих производственных отношений, Маркс дает возможность видеть, как развивается товарная организация общественного хозяйства, как превращается она в капиталистическую, создавая антагонистические (в пределах уже производственных отношений) классы буржуазии и пролетариата, как развивает она производительность общественного труда, и тем самым вносит такой элемент, который становится в непримиримое противоречие с основами самой этой капиталистической организации.

Таков «скелет» «Капитала». Все дело, однако, в том, что Маркс этим скелетом не удовлетворился, что он одной «экономической теорией» в обычном смысле не ограничился, что—«об'ясняя» строение и развитие данной общественной формации «исключительно» производственными отношениями—он тем не менее везде и постоянно прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки, облекал скелет плотью и кровью. Потому-то «Капитал» и имел такой гигантский успех, что эта книга «немецкого экономиста» показала читателю всю капиталистическую общественную формацию, как живую—с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями. Понятно теперь, что сравнение с Дарвином вполне точно: «Капитал»—это не что иное, как «несколько обобщающих, теснейшим образом между собою связанных идей, венчающих целый Мон-Блан фактического материала». И если кто, читая «Капитал», сумел не заметить этих обобщающих идей, то это уже вина не Маркса, который даже в предисловии, как мы видели, указал на эти идеи. Мало того, такое сравнение правильно не только с внешней стороны (неизвестно почему особенно заинтересовавшей г. Михайловского), но и с внутренней. Как Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, «богом созданные» и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установил изменяемость видов и преемственность между

ними,—так и Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический аггрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс.

Теперь—со времени появления «Капитала»—материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение, и пока мы не будем иметь другой попытки научно об'яснить функционирование и развитие какой-нибудь общественной формации—именно общественной формации, а не быта какой-нибудь страны или народа, или даже класса и т. п.—другой попытки, которая бы точно так же сумела внести порядок в «соответствующие факты», как это сумел сделать материализм, точно так же сумела дать живую картину известной формации при строго научном об'яснении ее,—до тех пор материалистическое понимание истории будет синонимом общественной науки. Материализм представляет из себя не «по преимуществу научное понимание истории», как думает г. Михайловский, а единственное научное понимание ее.

И теперь—можете ли себе представить более забавный курьез, как тот, что нашлись люди, которые сумели, прочитав «Капитал», не найти там материализма! Где он? — спрашивает с искренним недоумением г. Михайловский.

Он читал «Коммунистический Манифест» и не заметил, что об'яснение современных порядков—и юридических, и политических, и семейных, и религиозных, и философских—дается там материалистическое, что даже критика социалистических и коммунистических теорий ищет и находит корни их в таких-то и таких-то производственных отношениях.

Он читал «Нищету философии» и не заметил, что разбор социологии Прудона [17]) ведется там с материалистической точки зрения, что критика того решения различнейших исторических вопросов, которое предлагал Прудон, исходит из принципов материализма, что собственные указания автора на то, где нужно искать данных для разрешения этих вопросов, все сводятся к ссылкам на производственные отношения.

Он читал «Капитал» и не заметил, что имеет перед собой образец научного анализа одной—и самой сложной—общественной формации по материалистическому методу, образец всеми признанный и никем не превзойденный. И вот он сидит и думает свою крепкую думу над глубо-

комыслешным вопросом: «в каком сочинении Маркс изложил свое материалистическое понимание истории?».

Всякий, знакомый с Марксом, ответил бы ему на это другим вопросом: в каком сочинении Маркс не излагал своего материалистического понимания истории? Но г. Михайловский, вероятно, узнает о материалистических исследованиях Маркса только тогда, когда они под соответствующими номерами будут указаны в какой-нибудь историософической работе какого-нибудь Кареева [18]) под рубрикой: «экономический материализм».

Но что курьезнее всего, так это то, что г. Михайловский обвиняет Маркса в том, что он не «пересмотрел (sic!) всех известных теорий исторического процесса». Это уж совсем забавно. Да в чем состояли, на $^{9}/_{10}$, эти теории? В чисто априорных, догматических, абстрактных построениях того, что такое общество, что такое прогресс? и т. п. (Беру нарочно примеры, близкие уму и сердцу г. Михайловского.) Да ведь такие теории негодны уже тем, чем они существуют, негодны по своим основным приемам, по своей сплошной и беспросветной метафизичности. Ведь начинать с вопросов, что такое общество, что такое прогресс?—значит начинать с конца. Откуда возьмете вы понятие об обществе и прогрессе вообще, когда вы не изучили еще ни одной общественной формации в частности, не сумели даже установить этого понятия, не сумели даже подойти к серьезному фактическому изучению, к об'ективному анализу каких бы то ни было общественных отношений? Это самый наглядный признак метафизики, с которой начинала всякая наука: пока не умели приняться за изучение фактов, всегда сочиняли a priori *) общие теории, всегда оставшиеся бесплодными. Метафизик-химик, не умея еще исследовать фактически химических процессов, сочинял теорию о том, что такое за сила химическое сродство? Метафизик-биолог толковал о том, что такое жизнь и жизненная сила? Метафизик-психолог рассуждал о том, что такое душа? Нелеп тут был уже прием. Нельзя рассуждать о душе, не об'яснив в частности психических процессов: прогресс тут должен состоять именно в том, чтобы бросить общие теории и философские построения о том, что такое душа, и суметь поставить на научную почву изучение фактов, характеризующих те или другие психические процессы. Поэтому обвинение г. Михайловского совершенно таково же, как если бы метафизик-психолог, всю свою жизнь писавший «исследования» по вопросу, что такое душа? (не зная в точности об'яснения ни одного, хотя бы простейшего, психического явления)—принялся обвинять научного психолога в том, что он

*) — предположительно. *Ред.*

не пересмотрел всех известных теорий о душе. Он, этот научный психолог, отбросил философские теории о душе и прямо взялся за изучение материального субстрата психических явлений — нервных процессов, и дал, скажем, анализ и об'яснение такого-то или таких-то психических процессов. И вот, наш метафизик-психолог читает эту работу, хвалит — хорошо-де описаны процессы и изучены факты — но не удовлетворяется. Позвольте, волнуется он, слыша, как кругом толкуют о совершенно новом понимании психологии этим ученым, об особом методе научной психологии,—позвольте, кипятится философ,—да в каком же сочинении изложен этот метод? Ведь в этой работе «одни только факты»? В ней и помину нет о пересмотре «всех известных философских теорий о душе»? Это совсем не соответствующая работа!

Точно так же «Капитал», разумеется, не соответствующая работа для социолога-метафизика, не замечающего бесплодности априорных рассуждений о том, что такое общество, не понимающего, что вместо изучения и об'яснения такие приемы дают только подсовывание под понятие общества либо буржуазных идей английского торгаша, либо мещанско-социалистических идеалов российского демократа,—и ничего больше. Поэтому-то все эти философско-исторические теории и возникали, и лопались как мыльные пузыри, являясь в лучшем случае симптомом общественных идей и отношений своего времени и не подвигая ни на иоту вперед «понимания» человеком хотя бы каких-нибудь единичных, но зато действительных (а не тех, которые «соответствуют человеческой природе») общественных отношений. Гигантский шаг вперед, сделанный в этом отношении Марксом, в том и состоял, что он бросил все эти рассуждения об обществе и прогрессе вообще и зато дал «научный» анализ «одного» общества и «одного» прогресса—капиталистического. И г. Михайловский обвиняет его за то, что он начал с начала, а не с конца, с анализа фактов, а не с конечных выводов, с изучения частных, исторически определенных общественных отношений, а не с общих теорий о том, в чем состоят эти общественные отношения вообще! И он спрашивает: где же соответственная работа? О, премудрый суб'ективный социолог!!

Если бы наш суб'ективный философ ограничился одним недоумением по вопросу о том, в каком сочинении обоснован материализм,— это бы еще полбеды. Но он — несмотря на то, что не нашел нигде не только обоснования, но даже изложения материалистического понимания истории (а, может быть, именно потому, что не нашел)—начинает приписывать этой доктрине притязания, никогда ею не заявленные. Приведя цитату из Блоса о том, что Маркс провозгласил совершенно

новое «понимание» истории, он, нисколько не церемонясь, трактует дальше о том, будто эта теория претендует на то, что она «раз'яснила человечеству его прошедшее», об'яснила «все (sic!!?) прошедшее человечества» и т. п. Ведь это же все сплошная фальшь! Теория претендует только на об'яснение одной капиталистической общественной организации и никакой другой. Если применение материализма к анализу и об'яснению одной общественной формации дало такие блестящие результаты, то совершенно естественно, что материализм в истории становится не гипотезой уже, а научно проверенной теорией; совершенно естественно, что необходимость такого метода распространяется и на остальные общественные формации, хотя бы и не подвергшиеся специальному фактическому изучению и детальному анализу,—точно так же, как идея трансформизма, доказанная по отношению к достаточному количеству фактов, распространяется на всю область биологии, хотя бы по отношению к отдельным видам животных и растений и нельзя было еще установить в точности факт их трансформации. И как трансформизм претендует совсем не на то, чтобы об'яснить «всю» историю образования видов, а только на то, чтобы поставить приемы этого об'яснения на научную высоту, точно так же и материализм в истории никогда не претендовал на то, чтобы все об'яснить, а только на то, чтобы указать «единственно научный», по выражению Маркса («Капитал»), прием об'яснения истории. Можно судить по этому, какие остроумные, серьезные и приличные приемы полемики употребляет г. Михайловский, когда он сначала перевирает Маркса, приписывая материализму в истории вздорные претензии «все об'яснить», найти «ключ ко всем историческим замкам» (претензии, сразу же, конечно, и в очень ядовитой форме отвергнутые Марксом в его «письме»[19]) по поводу статей Михайловского), затем ломается над этими, им же самим сочиненными претензиями, и, наконец, приводя точные мысли Энгельса,—точные потому, что на этот раз дается цитата, а не пересказ,—что политическая экономика, как ее понимают материалисты, «подлежит еще созданию», что «все, что мы от нее получили ограничивается» историей капиталистического общества,—делает такой вывод, что «словами этими весьма суживается поле действия экономического материализма»! Какой безграничной наивностью или каким безграничным самомнением должен обладать человек, чтобы рассчитывать на то, что такие фокусы пройдут незамеченными! Сначала переврал Маркса затем поломался над своим враньем, потом привел точные мысли—и теперь имеет нахальство об'являть, что ими суживается поле действия экономического материализма! Какого сорта и качества это ломанье г. Ми-

хайловского, можно видеть из следующего примера: «Маркс нигде не обосновывает их» — т.-е. оснований теории экономического материализма — говорит г. Михайловский. Правда, Маркс вместе с Энгельсом задумал написать сочинение философско-исторического и историко-философского характера и даже написал (в 1845—1847 г.г.), но оно никогда не было напечатано. Энгельс говорит: «Первую часть этого сочинения составляет изложение материалистического понимания истории, которое показывает только, как недостаточны были наши познания в области экономической истории». Таким образом — заключает г. Михайловский — основные пункты «научного социализма» и «теории экономического материализма» были открыты, а вслед затем и изложены в «Манифесте» в такое время, когда, по собственному признанию одного из авторов, «нужные для такого дела познания были у них слабы».

Неправда ли, как мила такая критика! Энгельс говорит, что у них были слабы познания по экономической «истории» и что поэтому они и не печатали своего сочинения «общего» историко-философского характера. Г. Михайловский перетолковывает это так, что у них слабы были познания «для такого дела», как выработка «основных пунктов научного социализма», т.-е. научной критики «буржуазного» строя, данной уже в «Манифесте». Одно из двух: или г. Михайловский не умеет понять разницы между попыткой охватить всю философию истории и попыткой научно об'яснить буржуазный режим, или же он полагает, что у Маркса и Энгельса были недостаточны познания для критики политической экономии. И в таком случае он очень жесток, что не знакомит нас со своими соображениями об этой недостаточности, своими поправками и пополнениями. Решение Маркса и Энгельса не публиковать работы историко-философской и сосредоточить все силы на научном анализе одной общественной организации характеризует только высшую степень научной добросовестности. Решение г. Михайловского поломаться над этим добавленьицем, что, дескать, Маркс и Энгельс излагали свои воззрения, сами сознаваясь в недостаточности своих познаний для выработки их, характеризует только приемы полемики, не свидетельствующие ни об уме, ни о чувстве приличия.

Другой образец: «Для обоснования экономического материализма, как исторической теории, больше сделал alter ego *) Маркса—Энгельс,— говорит г. Михайловский. У него есть специально исторический труд: «Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи (im Anschluss) с воззрениями Моргана» [20]). Этот Anschluss чрезвычайно замечателен. Книга американца Моргана появилась много лет спустя

*) — другой я, двойник. *Ред.*

после того, как были провозглашены Марксом и Энгельсом основы экономического материализма и совершенно независимо от него. «И вот, дескать, экономические материалисты примкнули» к этой книге и притом, так как в доисторические времена не было борьбы классов, то они внесли такую «поправку» к формуле материалистического понимания истории, что определяющим моментом на-ряду с производством материальных ценностей является производство самого человека, т.-е. детопроизводство, играющее первенствующую роль в первобытную эпоху, когда труд по своей производительности был слишком еще не развит.

«Великая заслуга Моргана состоит в том,—говорит Энгельс,—что он в родовых связях сев.-американских индейцев нашел «ключ к важнейшим, доселе неразрешимым загадкам древней греческой, римской и германской истории».

«Итак — изрекает по этому поводу г. Михайловский — в конце 40-х г.г. было открыто и провозглашено совершенно новое, материалистическое и истинно научное понимание истории, которое сделало для исторической науки то же самое, что сделала теория Дарвина для современного естествознания». Но это понимание—повторяет затем еще раз г. Михайловский — никогда не было научно обосновано. «Оно не только не было проверено на большом и разнообразном поле фактического материала («Капитал»—«не соответственная» работа: там одни только факты да кропотливые исследования!), но не было даже достаточно мотивировано хотя бы путем критики и исключения других философско-исторических систем». Книга Энгельса—Herrn E. Dührings Umwälzung der Wissenschaft *) — «только остроумные попытки, высказанные мимоходом», и г. Михайловский считает поэтому возможным совершенно обойти массу существенных вопросов, которые затронуты в этом сочинении, несмотря на то, что эти «остроумные попытки» очень остроумно показывают бессодержательность социологий, «начинающих с утопий»; несмотря на то, что в этом сочинении дана подробная критика той «теории насилия», по которой политико-юридические порядки определяют экономические, и которую так усердно проводят г.г. публицисты «Русского Богатства». В самом деле, гораздо легче ведь бросить о сочинении несколько ничего не выражающих фраз, чем серьезно разобрать хоть один вопрос, материалистически разрешенный в нем; это притом и безопасно, потому что цензура никогда, вероятно, не пропустит перевода этой книги, и г. Михайловский, без опасения за свою суб'ективную философию, может называть ее остроумной.

---

*) „Переворот в науке, произведенный г-ном Е. Дюрингом" („Анти-Дюринг"). *Ред.*

Еще характернее и поучительнее (к иллюстрации того, что язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли — или придавать пустоте форму мысли) отзыв о «Капитале» Маркса. «В «Капитале» есть блестящие страницы исторического содержания, НО (это замечательное «но»!.. Это даже не «но», а то знаменитое «mais», которое в переводе на русский язык значит: «уши выше лба не растут») они уже по самой задаче книги приурочены к одному определенному историческому периоду и не то что утверждают основные положения экономического материализма, а просто касаются экономической стороны известной группы исторических явлений». Другими словами: «Капитал» — только и посвященный изучению именно капиталистического общества—дает материалистический анализ этого общества и его надстроек, «НО» г. Михайловский предпочитает обойти этот анализ: дело тут идет, видите ли, об «одном» только периоде, а он, г. Михайловский, хочет обнять все периоды и притом так обнять, чтобы не говорить в частности ни об одном. Понятно, что для достижения этой цели —т.-е. для того, чтобы обнять все периоды, не касаясь по существу ни одного — есть только один путь: путь общих мест и фраз, «блестящих» и пустых. И с г. Михайловским никто не сравнится в искусстве отделываться фразами. Оказывается, что не стоит (отдельно) касаться исследований Маркса по существу на том основании, что он, Маркс, «не то что утверждает основные положения экономического материализма, а просто касается экономической стороны известной группы исторических явлений». Какое глубокомыслие!—«Не утверждает», а «просто касается»!— Как просто, в самом деле, можно замазать всякий вопрос фразой! Например, если Маркс многократно показывает, каким образом в основании гражданской равноправности, свободного договора и тому подобных основ правового государства лежат отношения товаропроизводителей,—что это такое? утверждает ли он этим материализм, или «просто» касается? Со свойственной ему скромностью наш философ воздерживается от ответа по существу и прямо делает выводы из своих «остроумных попыток» блестяще поговорить и ничего не сказать.

«Не мудрено —гласит этот вывод —что для теории, претендовавшей осветить всемирную историю, спустя 40 лет после ее провозглашения, древняя греческая, римская и германская история оставались неразрешенными загадками; и ключ к этим загадкам дан был, во-первых, человеком, совершенно посторонним теории экономического материализма, ничего об ней не знавшим, а во-вторых—при помощи фактора не экономического. Несколько забавное впечатление производит термин «производство самого человека», т.-е. детопроизводство, за который

Энгельс хватается для сохранения хотя бы словесной связи с основной формулой экономического материализма. Он вынужден, однако, признать, что жизнь человечества многие годы складывалась не по этой формуле». И в самом деле, очень «немудрено» полемизируете вы, г. Михайловский! Теория состояла в том, что для «освещения» истории надо искать основы не в идеологических, а в материальных общественных отношениях. Недостаток фактического материала не давал возможности применить этот прием к анализу некоторых важнейших явлений древнейшей истории Европы, например, гентильной *) организации, которая в силу этого и оставалась загадкой. (Г. Михайловский и тут не упускает случая поломаться: как это, дескать, так: научное понимание истории—и древняя история—загадка! Вы можете из всякого учебника узнать, г. Михайловский, что вопрос о гентильной организации принадлежит к числу труднейших, вызывавших массу теорий для своего об'яснения.) Но вот в Америке богатый материал, собранный Морганом, дает ему возможность проанализировать сущность гентильной организации, и он сделал тот вывод, что об'яснения ее надо искать не в идеологических отношениях (напр., правовых или религиозных), а в материальных. Ясное дело, что этот факт дает блистательное подтверждение материалистического метода—и ничего больше. И когда г. Михайловский «в упрек» этой доктрине ставит то, что, во-первых, ключ к труднейшим историческим загадкам нашел человек «совершенно посторонний» теории экономического материализма—то можно только подивиться, до какой степени люди могут не отличать того, что говорит в их пользу, от того, что их жестоко побивает. Во-вторых,—рассуждает наш философ,—детопроизводство—фактор не экономический. Но где читали вы у Маркса или Энгельса, чтобы они говорили непременно об экономическом материализме? Характеризуя свое миросозерцание, они называли его просто материализмом. Их основная идея (совершенно определенно выраженная хотя бы в вышеприведенной цитате из Маркса) состояла в том, что общественные отношения делятся на материальные и идеологические. Последние представляют собой лишь надстройку над первыми, складывающимися помимо воли и сознания человека, как (результат) форма деятельности человека, направленной на поддержание его существования. Об'яснения политико-юридических форм — говорит Маркс в вышеприведенной цитате — надо искать в «материальных жизненных отношениях». Что же уж не думает ли г. Михайловский, что отношения по детопроизводству принадлежат к отно-

*) — родовой. *Ред.*

шениям идеологическим? Об'яснения г. Михайловского по этому поводу так характерны, что на них стоит остановиться. «Как бы мы ни ухищрялись над детопроизводством—говорит он—стараясь установить хоть словесную связь между ним и экономическим материализмом, как бы оно ни перекрещивалось в сложной сети явлений общественной жизни с другими явлениями, в том числе и экономическими, оно имеет свои собственные, физиологические и психические корни. (Для трудных детей, что ли, рассказываете это вы, г. Михайловский, что детопроизводство имеет физиологические корни!? Ну, что вы зубы-то заговариваете?) И это напоминает нам, что теоретики экономического материализма не свели своих счетов не только с историей, а и с психологией. Нет никакого сомнения, что родовые связи утратили свое значение в истории цивилизованных стран, но едва ли можно сказать это с такой уверенностью о связях непосредственно половых и семейных. Они подверглись, разумеется, сильным изменениям под напором усложняющейся жизни вообще, но при известной диалектической ловкости можно бы было доказывать, что не только юридические, но и сами экономические отношения составляют надстройку над отношениями половыми и семейными Мы не станем этим заниматься, но укажем все-таки хоть на институт наследства».

Наконец-то посчастливилось нашему философу из области пустых фраз—(как назвать иначе, в самом деле, такой прием, когда упрекают материалистов в том, что они не свели счетов с историей, не попытавшись, однако, разобрать «буквально ни одного» из многочисленных материалистических об'яснений различных исторических вопросов, которые даны были материалистами? или когда говорят, что можно бы доказывать, но мы этим заниматься не будем?)—подойти к фактам, определенным, допускающим проверку и не позволяющим так легко «заговаривать» суть дела. Посмотрим же, каким образом доказывает наш критик Маркса, что институт наследства есть надстройка над половыми и семейными отношениями. «В наследство передаются—рассуждает г. Михайловский—продукты экономического производства («Продукты экономического производства»!! как это грамотно! как звучно! и какой изящный язык!), и самый институт наследства обусловлен до известной степени фактом экономической конкуренции. Но, во-первых, в наследство передаются и не материальные ценности,—что выражается в заботах о воспитании детей в духе отцов». Итак, воспитание детей входит в институт наследства! Напр., в российских гражданских законах есть такая статья, что «родители должны стараться домашним воспитанием приготовить нравы их (детей) и содействовать видам правительства». Уж не

это ли называет наш философ институтом наследства? — «а во-вторых,—оставаясь даже исключительно в экономической области,—если институт наследства немыслим без продуктов производства, передаваемых по наследству, то он точно также немыслим и без продуктов «детопроизводства»,—без них и без той сложной и напряженной психики, которая к ним непосредственно примыкает». (Нет, вы обратите внимание на язык: сложная психика «примыкает» к продуктам детопроизводства! Ведь это же прелесть!) Итак, институт наследства есть надстройка над семейными и половыми отношениями потому, что наследство немыслимо без детопроизводства! Да, ведь, это настоящее открытие Америки! До сих пор все полагали, что детопроизводство так же мало может об'яснять институт наследства, как — необходимость принятия пищи — институт собственности. До сих пор все думали, что если, напр., в России в эпоху процветания поместной системы земля не могла переходить по наследству (так как она считалась только условной собственностью), то об'яснения этому нужно искать в особенностях тогдашней общественной организации. Г. Михайловский полагает, должно быть, что дело об'ясняется просто тем, что психика, которая примыкала к продуктам детопроизводства тогдашнего помещика, отличалась недостаточной сложностью.

Поскребите «народного духа»—можем сказать мы, перефразировывая известное изречение—и вы найдете буржуа. В самом деле, какой иной смысл могут иметь эти рассуждения г. Михайловского о связи института наследства с воспитанием детей, с психикой детопроизводства и т. п. — как не тот, что институт наследства так же вечен, необходим и священен, как и воспитание детей! Правда, г. Михайловский постарался оставить себе лазейку, заявивши, что «до известной степени институт наследства обусловлен фактом экономической конкуренции»— но ведь это же не что иное, как покушение увильнуть от определенного ответа на вопрос и притом покушение с негодными средствами. Как можем мы принять к сведению это замечание, когда нам ни слова не сказано насчет того, до какой именно «известной степени» зависит наследство от конкуренции? когда не раз'яснено совершенно, чем собственно об'ясняется эта связь между конкуренцией и институтом наследства? На самом деле, институт наследства предполагает уже частную собственность, а эта последняя возникает только с появлением обмена. В основании ее лежит зарождающаяся уже специализация общественного труда и отчуждение продуктов на рынке. Пока, напр., все члены первобытной индейской общины вырабатывали сообща все необходимые для них продукты, — невозможна была и частная собственность. Когда же

в общину проникло разделение труда и члены ее стали каждый в одиночку заниматься производством одного какого-нибудь продукта и продавать его на рынке, тогда выражением этой материальной обособленности товаропроизводителей явился институт частной собственности. И частная собственность, и наследство—категории таких общественных порядков, когда сложились уже обособленные мелкие семьи (моногамные) и стал развиваться обмен. Пример г. Михайловского доказывает как раз обратное тому, что он хотел доказать.

Есть у г. Михайловского и еще одно фактическое указание—и опять-таки это в своем роде перл! «Что касается родовых связей—продолжает он исправлять материализм—то они побледнели в истории цивилизованных народов отчасти действительно в лучах влияния форм производства (опять увертка, еще только более явная. Каких же именно форм производства? Пустая фраза!), но отчасти распустились в своем собственном продолжении и обобщении—в связях национальных». Итак, национальные связи, это—продолжение и обобщение связей родовых! Г. Михайловский заимствует, очевидно, свои представления об истории общества из той детской побасенки, которой учат гимназистов. История общественности—гласит эта доктрина прописей—состоит в том, что сначала была семья, эта ячейка всякого общества (это—чисто буржуазная идея: раздробленные, мелкие семьи сделались господствующими только при буржуазном режиме; они совершенно отсутствовали в доисторические времена. Нет ничего характернее для буржуа, как перенесение черт современных порядков на все времена и народы), затем—дескать—семья разрослась в племя, а племя разрослось в государство. Если г. Михайловский с важным видом повторяет этот ребяческий вздор, так это доказывает только — помимо всего другого — что он не имеет ни малейшего представления о ходе хотя бы даже русской истории. Если можно было говорить о родовом быте в древней Руси, то несомненно, что уже в средние века, в эпоху московского царства, никаких родовых связей уже не существовало, т.-е. государство основывалось на связях совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные земли, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д. Только новый период русской истории (примерно

с XVII века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями, почтеннейший г. Михайловский, и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным, как созданием связей буржуазных. Обоими своими фактическими указаниями г. Михайловский только побил самого себя и не дал нам ничего, кроме образцов буржуазных пошлостей — «пошлостей» потому, что об'яснял институт наследства детопроизводством и его психикой, а национальность—родовыми связями; «буржуазных»—потому, что принимал категории и надстройки одной исторически определенной общественной формации (основанной на обмене) за категории настолько же общие и вечные, как воспитание детей и «непосредственно» половые связи.

Характерно тут в высшей степени то, что как только наш суб'ективный философ попробовал перейти от фраз к конкретным фактическим указаниям,—так и сел в лужу. И он прекрасно, повидимому, чувствует себя в этой, не особенно чистой, позиции: сидит себе, охорашивается и брызжет кругом грязью. Хочет он, напр., опровергнуть то положение, что история есть ряд эпизодов классовой борьбы, и вот, заявивши с глубокомысленным видом, что это—«крайность», он говорит: «Основанное Марксом международное общество рабочих, организованное в целях классовой борьбы, не помешало французским и немецким рабочим резать и разорять друг друга», чем, дескать, и доказывается, что материализм не свел счетов «с демоном национального самолюбия и национальной ненависти». Такое утверждение показывает со стороны критика грубейшее непонимание того, что очень реальные интересы торговой и промышленной буржуазии составляют главное основание этой ненависти и что толковать о национальном чувстве, как самостоятельном факторе, значит только замазывать сущность дела. Впрочем, мы уже видели, какое глубокомысленное представление о национальности имеет наш философ. Г. Михайловский не умеет отнестись иначе к Интернационали, как с чисто Буренинской [21]) иронией: «Маркс — глава международного общества рабочих, правда, распавшегося, но имеющего возродиться». Конечно, если видеть nec plus ultra *) между-

*) — крайний предел. *Ред.*

народной солидарности в системе «справедливого» обмена, как это с мещанской пошлостью размазывает хроникер внутренней жизни в № 2 «Русского Богатства», и не понимать того, что обмен, и справедливый и несправедливый, всегда предполагает и включает господство буржуазии и что без уничтожения хозяйственной организации, основанной на обмене, невозможно прекращение международных столкновений,— тогда понятно одно зубоскальство по поводу Интернационали. Тогда понятно, что г. Михайловский никак не может вместить той простой истины, что нет иного средства борьбы с национальной ненавистью, как организация и сплочение класса угнетенных для борьбы против класса угнетателей в каждой отдельной стране, как соединение таких национальных рабочих организаций в одну международную рабочую армию для борьбы против международного капитала. Что же касается того, что Интернациональ не помешала рабочим резать друг друга, то достаточно напомнить г. Михайловскому события Коммуны, показавшие действительное отношение организованного пролетариата к правящим классам, ведшим войну.

Что особенно возмутительно во всей этой полемике г. Михайловского, так это именно его приемы. Если он не доволен тактикой Интернационали, если он не разделяет тех идей, во имя которых организуются европейские рабочие,—пусть бы, по крайней мере, прямо и открыто критиковал их, излагая свои представления о более целесообразной тактике, о более правильных воззрениях. А то ведь никаких определенных, ясных возражений не делается, и только рассыпаются там и сям, среди разливанного моря фраз, бессмысленные издевки. Как же не назвать этого грязью? особенно если принять во внимание, что защита идей и тактики Интернационали легально в России не допускается? Таковы же приемы г. Михайловского, когда он полемизирует с русскими марксистами: не давая себе труда формулировать добросовестно и точно те или другие положения их, чтобы подвергнуть их прямой и определенной критике, он предпочитает уцепляться за слышанные им обрывки марксистской аргументации и перевирать ее. Судите сами: «Маркс был слишком умен и слишком учен, чтобы думать, что именно он открыл идею исторической необходимости и законосообразности общественных явлений... На низших ступенях марксистской лестницы. (По поводу этого бессмысленного термина надо заметить, что г. Михайловский выделяет особо Маркса (слишком умного и слишком ученого— чтобы наш критик мог прямо и открыто критиковать то или другое его положение), затем ставит Энгельса («не столь творческий ум»), потом более или менее самостоятельных людей, как Каутский,—и остальных

марксистов. Ну, какое серьезное значение может иметь эта классификация? Если критик недоволен популяризаторами Маркса,—кто мешает ему поправить их по Марксу? Ничего подобного он не делает. Очевидно, он покушался сострить, но вышло только плоско) этого не знают (что «идея исторической необходимости есть не изобретенная или открытая Марксом новость, а давно установившаяся истина») или, по крайней мере, имеют смутное понятие о той вековой затрате умственных сил и энергии, которая пошла на установление этой истины».

Понятно, что подобные заявления могут действительно произвести впечатление на такую публику, которая в первый раз слышит о марксизме, и по отношению к ней легко может быть достигнута цель критика: исказить, поломаться и «победить» (как, говорят, отзываются о статьях г. Михайловского сотрудники «Р. Б-ва»). Всякий, хоть немного знакомый с Марксом, сразу увидит всю фальшь и дутость подобных приемов. Можно не соглашаться с Марксом, но нельзя оспаривать что он с полнейшей определенностью формулировал те свои воззрения, которые составляли «новость» по отношению к прежним социалистам. Новость состояла в том, что прежние социалисты для обоснования своих воззрений считали достаточным показать угнетение масс при современном режиме, показать превосходство такого строя, при котором каждый получал бы то, что он сам выработал, показать соответствие этого идеального строя с «человеческой природой», с понятием разумно-нравственной жизни и т. д. Маркс считал невозможным удовлетвориться таким социализмом. Не ограничиваясь характеристикой современного строя, оценкой и осуждением его, он дал научное об'яснение ему, сведя этот современный строй, различный в разных европейских и неевропейских государствах, к общей основе—к капиталистической общественной формации, законы функционирования и развития которой он подверг об'ективному анализу (он показал «необходимость» эксплоатации при этом строе.) Точно также не считал он возможным удовлетвориться утверждением, что социалистический строй один соответствует человеческой природе,—как говорили великие утопические социалисты и их мизерные эпигоны, суб'ективные социологи. Тем же «об'ективным» анализом капиталистического строя доказывал он «необходимость» его превращения в социалистический. (К вопросу о том, как именно он это доказывал, и как г. Михайловский на это возражал—нам еще придется вернуться). Вот источник той ссылки на необходимость, которую часто можно встретить у марксистов. Извращение, которое г. Михайловский внес в вопрос,—очевидно: он опустил все фактическое содержание теории, всю ее суть и выставил дело в таком свете,

как будто бы вся теория сводится к одному слову «необходимость» («на нее одну нельзя ссылаться в сложных практических делах»), как будто «доказательство» этой теории состоит в том, что так требует историческая необходимость. Другими словами, умолчавши о содержании доктрины, он уцепился за одну ее кличку, и теперь начинает опять ломаться над тем «просто плоским кружком», в который сам же потрудился превратить учение Маркса. Мы не станем, конечно, следить за этим ломаньем, потому что достаточно уже познакомились с этою вещью. Пускай себе кувыркается на потеху и удовольствие г. Буренина (который недаром погладил по головке г. Михайловского в «Новом Времени») [22]), пускай себе, раскланявшись с Марксом, тявкает на него исподтишка: «полемика-де его с утопистами и идеалистами и без того односторонняя», т.-е. и без повторения ее доводов марксистами. Мы никак не можем иначе назвать этих выходок, как тявканьем, потому что «ни одного» буквально фактического, определенного, проверимого возражения им не приведено против этой полемики, так что, — как ни охотно бы вступили мы в разговор на эту тему, считая эту полемику крайне важной для разрешения русских социалистических вопросов,— мы прямо-таки не в состоянии отвечать на тявканье и можем только пожать плечами:

Ай, моська, знать она сильна, коль лает на слона!

Небезынтересно следующее за сим рассуждение г. Михайловского об исторической необходимости, так как оно вскрывает перед нами хотя отчасти действительный идейный багаж «нашего известного социолога» (звание, которым пользуется г. Михайловский наравне с В. В. у либеральных представителей нашего «культурного общества»). Он говорит о «конфликте между идеей исторической необходимости и значением личной деятельности»: общественные деятели заблуждаются, считая себя деятелями, тогда как они «деемые», «марионетки, подергиваемые из таинственного подполья имманентными законами исторической необходимости»—такой вывод следует, дескать, из этой идеи, которая посему и именуется «бесплодной» и «расплывающейся». Не всякому читателю, пожалуй, понятно, откуда взял всю эту чепуху—марионеток и т. п.—г. Михайловский. Дело в том, что это один из любимых коньков суб'ективного философа—идея о конфликте между детерминизмом и нравственностью, между исторической необходимостью и значением личности. Он исписал об этом труду бумаги и наговорил бездну сантиментально-мещанского вздора, чтобы разрешить этот конфликт в пользу нравственности и роли личности. На самом деле, никакого тут

конфликта нет: он выдуман г. Михайловским, опасавшимся (и не без основания), что детерминизм отнимет почву у столь любимой им мещанской морали. Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю. Равным образом и идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся слагается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей. Действительный вопрос, возникающий при оценке общественной деятельности личности, состоит в том, при каких условиях этой деятельности обеспечен успех? в чем состоят гарантии того, что деятельность эта не останется одиночным актом, тонущим в море актов противоположных? В этом же состоит и тот вопрос, который различно решают социал-демократы и остальные русские социалисты: каким образом деятельность, направленная к осуществлению социалистического строя, должна втянуть массы, чтобы принести серьезные плоды? Очевидно, что разрешение этого вопроса прямо и непосредственно зависит от представления о группировке общественных сил в России, о борьбе классов, из которой складывается русская действительность—и опять-таки г. Михайловский только походил кругом да около вопроса, не сделав даже попытки точно поставить его и попробовать дать то или иное решение. Социал-демократическое решение вопроса основывается, как известно, на том взгляде, что русские экономические порядки представляются буржуазным обществом, из которого может быть только один выход, необходимо вытекающий из самой сущности буржуазного строя—именно классовая борьба пролетариата против буржуазии. Очевидно, что серьезная критика и должна бы направиться либо против того взгляда, что наши порядки—буржуазные, либо против представления о сущности этих порядков и законов развития их,—но г. Михайловский и не помышляет о том, чтобы затрагивать серьезные вопросы. Он предпочитает отделываться бессодержательным фразерством насчет того, что необходимость—слишком общая скобка и т. п. Да, ведь, всякая идея будет слишком общей скобкой, г. Михайловский, если на подобие вяленой воблы сначала выкинете из нее все содержание, а потом станете возиться с оставшейся шелухой! Эта область шелухи, покрывающей действительно серьезные, жгучие вопросы современности,—любимая область г. Михайловского, и он, напр., с особенной гордостью подчеркивает, что «экономический мате-

риализм игнорирует или неверно освещает вопрос о героях и толпе». Изволите ли видеть—вопрос о том, из борьбы каких именно классов и на какой почве складывается современная русская действительность—для г. Михайловского, вероятно, слишком общий—и он его обходит. Зато вопрос о том, какие отношения существуют между героем и толпой, безразлично—есть ли это толпа рабочих, крестьян, фабрикантов, помещиков—такой вопрос его крайне интересует. Может быть, это и «интересные» вопросы, но упрекать материалистов в том, что они направляют все усилия на решение таких вопросов, которые имеют прямое отношение к освобождению трудящегося класса,—значит быть любителем филистерской науки, и ничего больше. В заключение своей «критики» (?) материализма г. Михайловский дает нам еще одну попытку неверно представить факты и еще одну подтасовку. Выразивши сомнение в правильности мнения Энгельса, что «Капитал» был замалчиваем присяжными экономистами (при чем в обоснование приведено такое курьезное соображение, что в Германии многочисленные университеты!), г. Михайловский говорит: «Маркс отнюдь не имел в виду именно этот круг читателей (рабочих) и ожидал кой-чего и от людей науки». Совершенно неверно: Маркс прекрасно понимал, как мало можно рассчитывать на беспристрастие и на научную критику со стороны буржуазных представителей науки, и в послесловии ко 2-му изданию «Капитала» высказался на этот счет совершенно определенно. Он говорит там: «Понимание, которое быстро встретил «Капитал» в широких кругах немецкого рабочего класса,—есть лучшая награда за мой труд. Г. Мейер [23]), человек, стоящий в экономических вопросах на буржуазной точке зрения, в одной брошюре, вышедшей во время франко-прусской войны, изложил совершенно верную мысль, что выдающиеся способности к теоретическому мышлению (der grosse theoretische Sinn), считавшиеся наследственным достоянием немцев, совершенно исчезли у так наз. образованных классов, но зато снова оживают у них в рабочем классе».

Подтасовка касается снова материализма и построена совершенно по первому шаблону. «Теория (материализма) никогда не была научно обоснована и проверена». Таков тезис.—Доказательство: «Отдельные хорошие страницы исторического содержания у Энгельса, Каутского и некоторых других тоже (как и в почтенной работе Блоса) могли бы обойтись без этикетки экономического материализма, так как (заметьте: «так как»!) на деле (sic!) в них принимается в соображение вся совокупность общественной жизни, хотя бы и с преобладанием экономической струны в этом аккорде». Вывод...: «в науке экономический материализм не оправдал себя».

Знакомая штука! Чтобы доказать необоснованность теории, г. Михайловский сначала извращает ее, приписав ей нелепое намерение не принимать в соображение всей совокупности общественной жизни,— тогда как, совсем напротив, материалисты (марксисты) были первыми социалистами, выдвинувшими вопрос о необходимости анализа не одной экономической, а всех сторон общественной жизни. (Это вполне ясно выразилось в «Капитале», и в тактике социал-демократов, сравнительно с прежними социалистами. Маркс прямо заявлял требование не ограничиваться экономической стороной. В 1843 г., намечая программу предполагавшегося журнала, Маркс писал к Руге[24]): «Социалистический принцип в целом представляет собой опять-таки только одну сторону... Мы же должны обратить такое же внимание и на другую сторону, на теоретическое существование человека, следовательно, сделать предметом своей критики религию, науку и пр.... Подобно тому, как религия представляет оглавление теоретических битв человечества, политическое государство представляет оглавление практических битв человечества. Таким образом политическое государство выражает в пределах своей формы sub specie reipublicae (под политическим углом зрения) все социальные битвы, потребности, интересы. Поэтому сделать предметом критики самый специальный политический вопрос—напр., различие между сословной и представительной системой—нисколько не значит спуститься с hauteur des principes *), так как этот вопрос выражает «политическим языком» различие между господством человека и господством частной собственности. Значит, критик не только может, но и должен касаться этих политических вопросов (которые завзятому социалисту кажутся нестоющими никакого внимания)»[25]),—затем констатирует, что «на деле» материалисты «хорошо» об'ясняли всю совокупность общественной жизни экономикой (факт, очевидно, побивающий автора)—и, наконец, делает вывод о том, что материализм не оправдал себя. Но зато подтасовки ваши, г. Михайловский, прекрасно оправдали себя! Вот все, что приводит г. Михайловский в «опровержение» материализма. Повторяю, тут нет никакой критики, а есть пустая претенциозная болтовня. Если спросить кого-угодно—какие же возражения привел г. Михайловский против того взгляда, что производственные отношения лежат в основе остальных? чем опровергал он правильность выработанного Марксом посредством материалистического метода понятия общественной формации и естественно-исторического процесса развития этих формаций? как доказывал неверность приведенных

*) — с высоты принципов. *Ред.*

хотя бы теми писателями, которых он называл, материалистических об'яснений различных исторических вопросов?—всякий должен будет ответить: никак не возражал, ничем не опровергал, никаких неверностей не указывал. Он только ходил кругом да около, стараясь замазать суть дела фразами и сочинял попутно разные пустяковинные увертки.

Трудно ждать чего-нибудь серьезного от такого критика, когда он продолжает в № 2 «Р. Б-ва» опровергать марксизм. Разница вся в том, что его изобретательность на подтасовки уже истощилась и он начинает пользоваться чужими.

Для начала он разглагольствует о «сложности» общественной жизни: вот, дескать, хотя бы гальванизм связывается и с экономическим материализмом, так как опыты Гальвани [26]) «произвели впечатление» и на Гегеля [27]). Удивительное остроумие! С таким же успехом можно бы связать и г. Михайловского с китайским императором! Что отсюда следует, кроме того, что есть люди, которым доставляет удовольствие говорить вздор?! Сущность исторического хода вещей—продолжает г. Михайловский—неуловимая вообще, не уловлена и доктриной экономического материализма, хотя она опирается, повидимому, на 2 устоя: на открытие всеопределяющего значения форм производства и обмена и на «непререкаемость диалектического процесса».

Итак, материалисты опираются на «непререкаемость» диалектического процесса! т.-е. основывают свои социологические теории на триадах Гегеля. Мы имеем перед собой то шаблонное обвинение марксизма в гегелевской диалектике, которое уже, казалось, достаточно истрепано буржуазными критиками Маркса. Не будучи в состоянии возразить что-нибудь по существу против доктрины, эти господа уцеплялись за способ выражения Маркса, нападали на происхождение теории, думая тем подорвать ее сущность. И г. Михайловский не церемонится прибегать к подобным приемам. Поводом для него послужила одна глава в сочинении Энгельса против Дюринга [28]). Возражая Дюрингу, нападавшему на диалектику Маркса, Энгельс говорит, что Маркс никогда и не помышлял о том, чтобы «доказывать» что бы то ни было гегелевскими триадами, что Маркс только изучал и исследовал действительный процесс, что он единственным критерием теории признавал верность ее с действительностью. Если же, дескать, при этом иногда оказывалось, что развитие какого-нибудь общественного явления подпадало под гегелевскую схему: положение—отрицание—отрицание отрицания, то ничего тут нет удивительного, потому что в природе это вообще не редкость. И Энгельс начинает приводить примеры из области естественно-исторической (развитие зерна) и общественной—вроде того, что, де, сначала был

первобытный коммунизм, затем—частная собственность и потом—капиталистическое обобществление труда; или сначала примитивный материализм, потом—идеализм и, наконец, научный материализм и т. п. Для всякого очевидно, что центр тяжести аргументации Энгельса лежит в том, что задача материалистов—правильно и точно изобразить действительный исторический процесс, что настаивание на диалектике, подбор примеров, доказывающих верность триады,—не что иное как остатки того гегельянства, из которого вырос научный социализм, остатки его способа выражений. В самом деле, раз заявлено категорически, что «доказывать» триадами что-нибудь—нелепо, что об этом никто и не помышлял,—какое значение могут иметь примеры «диалектических» процессов? Не ясно ли, что это—указание на происхождение доктрины и ничего больше. Г. Михайловский сам чувствует это, говоря, что происхождение теории не доводится ставить ей в вину. Но чтобы видеть в рассуждениях Энгельса нечто бо́льшее, чем происхождение теории, надо было бы, очевидно, доказать, что хоть один исторический «вопрос» разрешен материалистами не на основании соответствующих фактов, а посредством триад. Попытался ли доказать это г. Михайловский? Ничуть не бывало. Напротив, он сам вынужден был признать, что «Маркс до такой степени наполнил пустую диалектическую схему фактическим содержанием, что «ее можно снять с этого содержания, как крышку с чашки, ничего не изменив» (об исключении, которое делает тут г. Михайловский—насчет будущего,—мы еще ниже скажем). Если так, то к чему же возится г. Михайловский с таким усердием с этой ничего не изменяющей крышкой? К чему толкует, что материалисты «опираются» на непререкаемость диалектического процесса? К чему заявляет он, воюя с этой крышкой, что он воюет против одного из «устоев» научного социализма, тогда как это прямая неправда?

Само собой разумеется, что я не стану следить за тем, как разбирает г. Михайловский примеры триад, потому что, повторяю, никакого отношения ни к научному материализму, ни к русскому марксизму это не имеет. Но интересен вопрос: какие же все-таки были основания у г. Михайловского, чтобы так исказить отношение марксистов к диалектике? Оснований было два: во 1) г. Михайловский слышал звон, да не знает, откуда он; во 2) г. Михайловский совершил (или, вернее, присвоил от Дюринга) еще одну передержку.

Ad. 1) *). Читая марксистскую литературу, г. Михайловский по-

*) — к 1-му пункту. *Ред.*

стоянно натыкался на «диалектический метод» в общественной науке, на «диалектическое мышление» опять-таки в сфере общественных вопросов, «о которой только и идет речь» и т. п. В простоте душевной (хорошо еще если только в простоте) он принял, что этот метод состоит в разрешении всех социологических вопросов по законам гегелевской триады. Отнесись он к делу хоть чуточку повнимательнее, он не мог бы не убедиться в нелепости этого представления. Диалектическим методом—в противоположность метафизическому—Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим об'ективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития. Отношение диалектического метода к метафизическому (под каковое понятие подходит, без сомнения, и суб'ективный метод в социологии) мы ниже постараемся иллюстрировать на примере собственных рассуждений г. Михайловского. Теперь же отметим только, что всякий, прочитавший определение и описание диалектического метода у Энгельса ли (в полемике против Дюринга. По-русски: «Развитие социализма из утопии в науку»), или у Маркса (различные примечания в «Капитале» и «Послесловие» ко 2-му изданию; «Нищета философии»)—увидит, что о триадах Гегеля и речи нет, а все дело сводится к тому, чтобы рассматривать социальную эволюцию как естественно-исторический процесс развития общественно-экономических формаций. В доказательство приведу, in extenso *), описание диалектического метода, сделанное в «Вестнике Европы» [29]) за 1872 г., № 5 (заметка: «Точка зрения политико-экономической критики К. Маркса») [30]), которое Маркс цитирует в «Послесловии» ко 2-му изданию «Капитала». Маркс говорит там, что метод, который он употребил в «Капитале», был плохо понят. «Немецкие рецензенты кричали, понятно, о гегелевской софистике». И вот, чтобы яснее изложить свой метод, Маркс приводит описание его в указанной заметке. «Для Маркса одно важно — говорится там: именно — найти закон тех явлений, которые он исследует, и притом особенно важен для него закон изменения, развития этих явлений, перехода их из одной формы в другую, из одного порядка общественных отношений в другой. Поэтому Маркс заботится об одном: показать точным науч-

*) — в извлечении. *Ред.*

ным исследованием необходимость данных порядков общественных отношений, констатируя со всей возможной полнотой те факты, которые служат для него исходными и опорными пунктами. Для этой цели совершенно достаточно, если он, доказывая необходимость настоящего строя, доказывает вместе с тем и необходимость другого строя, который неизбежно должен вырасти из предыдущего,—все равно, верят ли люди в это или не верят, сознают ли они это, или не сознают. Маркс рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, подчиняющийся законам, не только не зависящим от воли, сознания и намерений людей, а, напротив, определяющим их волю, сознание и намерения. (К сведению для г.г. суб'ективистов, выделяющих социальную эволюцию из естественно-исторической именно потому, что человек ставит себе сознательные «цели», руководствуется определенными идеалами.) Если сознательный элемент играет столь подчиненную роль в истории культуры, то понятно само собой, что критика, имеющая своим предметом самое эту культуру, менее всего другого может опираться на какую-либо форму или какой-либо результат сознания. Другими словами, исходным пунктом для нее может служить никак не идея, но только внешнее, об'ективное явление. Критика должна состоять в том, чтобы сравнить и сопоставить данный факт не с идеей, а с другим фактом; для нее важно только, чтобы оба факта были по возможности точно исследованы и чтобы они представляли из себя, один по отношению к другому, различные моменты развития, при чем особенно необходимо, чтобы с такой же точностью был исследован весь ряд известных состояний, последовательность их и связь между различными ступенями развития. Маркс отрицает именно ту идею, что законы экономической жизни одинаковы и для прошедшего и для настоящего. Напротив, каждый исторический период имеет свои собственные законы. Экономическая жизнь представляет из себя явление, аналогичное с историей развития в других областях биологии. Прежние экономисты не понимали природы экономических законов, когда сравнивали их с законами физики и химии. Более глубокий анализ показывает, что социальные организмы так же глубоко разнятся друг от друга, как и организмы животных и растений. Ставя своей задачей с этой точки зрения исследовать капиталистическую экономическую организацию, Маркс этим самым строго научно формулирует ту цель, которую должно преследовать всякое точное исследование экономической жизни. Научное значение такого исследования состоит в выяснении тех особых (исторических) законов, которые регулируют возникновение, существование развитие и смерть данного общественного организма и замену

его другим, высшим организмом». Вот—описание диалектического метода, которое Маркс выудил из бездны журнальных и газетных заметок о «Капитале» и перевел на немецкий язык потому, что эта характеристика метода, как он сам говорит, совершенно точна. Спрашивается, упоминается ли тут хоть бы словом о триадах, трихотомиях, непререкаемости диалектического (метода) процесса, и т. п. чепухе, против которой так рыцарски воюет г. Михайловский? И Маркс вслед за этим описанием прямо говорит, что его метод—«прямо противоположен» методу Гегеля. По Гегелю, развитие идеи, по диалектическим законам триады, определяет собой развитие действительности. Только в этом случае, разумеется, и можно толковать о значении триад, о непререкаемости диалектического процесса. По моему—наоборот,—говорит Маркс: «идеальное есть только отражение материального». И все дело сводится таким образом к «позитивному пониманию настоящего и его необходимого развития»: для триад не остается и другого места, как роль крышки и шелухи («я кокетничал гегелевским языком»—говорит Маркс в этом же «Послесловии»), которой способны интересоваться одни филистеры. Как же, спрашивается теперь, должны мы судить о человеке, который пожелал критиковать один из «устоев» научного материализма, т.-е. диалектику, и стал говорить обо всем, что вам угодно, даже о лягушках и Наполеоне, но только не о том, в чем состоит эта диалектика, не о том, действительно ли развитие общества есть естественно-исторический процесс? правильно ли материалистическое понятие об общественно-экономических формациях, как особых социальных организмах? верны ли приемы об'ективного анализа этих формаций? действительно ли общественные идеи не определяют собой общественного развития, а сами определяются им? и т. д. Можно ли допустить в этом случае одно только непонимание?

Ad. 2) *). После такой «критики» диалектики г. Михайловский подсовывает Марксу эти приемы доказывания «посредством» гегелевской триады и, конечно, победоносно воюет против них. «Относительно будущего—говорит он—имманентные законы общества поставлены исключительно диалектически». (В этом и состоит упомянутое выше исключение.) Рассуждение Маркса о неизбежности экспроприации экспроприаторов в силу законов развития капитализма носит «исключительно диалектический характер». «Идеал» Маркса об общинности земли и капитала «в смысле неизбежности и несомненности держится исключительно на конце гегелевской трехчленной цепи».

---

*) — ко 2-му пункту. *Ред.*

Этот довод «целиком взят» у Дюринга, проводившего его в своей «Kritische Geschichte der Nationaloekonomie und des Sozialismus» (3-te Aufl., 1879, S. 486—487) *). При этом г. Михайловский ни словом не упоминает о Дюринге. Может быть, впрочем, он самостоятельно додумался до этого перевирания Маркса?

Дюрингу прекрасный ответ дал Энгельс, и так как он цитирует и критику Дюринга, то мы и ограничимся этим ответом Энгельса. Читатель увидит, что он целиком относится и к г. Михайловскому.

«Этот исторический очерк (генезис так наз. первоначального накопления капитала в Англии)—говорит Дюринг—представляет из себя еще сравнительно лучшее место в книге Маркса и был бы еще лучше, если бы не опирался, помимо научных, еще и на диалектические костыли. Гегелевское отрицание отрицания играет здесь—за неимением лучших и более ясных доводов—роль повивальной бабки, благодаря услугам которой будущее высвобождается из недр настоящего. Уничтожение индивидуальной собственности, совершившееся указанным образом с XVI в., представляет из себя первое отрицание. За ним последует другое, которое характеризуется, как отрицание отрицания и вместе с тем как восстановление «индивидуальной собственности», но в высшей форме, основанной на общем владении землей и орудиями труда. Если эта новая «индивидуальная собственность» в то же время называется т-ном Марксом и «общинной собственностью», то в этом именно и сказывается гегелевское высшее единство, в котором противоречие устраняется (aufgehoben—специально гегелевский термин), т.-е., по гегелевской игре слов, столько же превосходится, сколько и сохраняется.

...Экспроприация экспроприаторов является таким образом как бы автоматическим продуктом исторической действительности в ее материальных внешних условиях... Едва ли хоть один разумный человек убедится в необходимости общинного владения землей и капиталом на основании веры в гегелевские фокусы, вроде отрицания. Туманная уродливость представлений Маркса не может, впрочем, удивить того, кто знаком с тем, что можно сделать из такого научного материала, как гегелевская диалектика, или—лучше—какие нелепицы должны получиться из него. Для незнакомых с этими штуками скажу прямо, что первое отрицание играет у Гегеля роль заимствованного из катехизиса понятия грехопадения, а второе—роль высшего единства, ведущего к искуплению. На подобных фокусах аналогии, заимствован-

*) „Критическая история политической экономии и социализма" (3-е изд., 1879, стр. 486—487). *Ред.*

ных из области религии—конечно уж нельзя основать логику фактов... Г. Маркс успокаивается на своей путаной идее об индивидуальной и в то же время общинной собственности и предоставляет своим адептам самим разрешить эту глубокомысленную диалектическую загадку». Так говорит г. Дюринг.

«Итак—заключает Энгельс—Маркс не в состоянии доказать необходимость социальной революции, необходимость введения общинной собственности на землю и на произведенные трудом средства производства, не прибегая к гегелевскому отрицанию отрицания; основывая свою социалистическую теорию на таких, заимствованных у религии, фокусах аналогии, он приходит к тому выводу, что в будущем обществе будет существовать собственность в одно и то же время и индивидуальная и общинная, в качестве гегелевского высшего единства устраненного противоречия. (Что такая формулировка воззрений Дюринга целиком приложима и к г. Михайловскому, доказательством этому служит еще следующее место из его статьи: «К. Маркс перед судом г. Ю. Жуковского». Возражая г. Жуковскому, утверждавшему, что Маркс—защитник частной собственности, г. Михайловский указывает на эту схему Маркса и поясняет ее следующим образом: «В свою схему Маркс ввернул два общеизвестных фокуса гегелевской диалектики: во-первых, схема построена по законам гегелевской триады; во-вторых, синтезис основывается на тождестве противоположностей: индивидуальной и общинной собственности. Значит, тут слово: «индивидуальный» имеет особенный, чисто условный смысл члена диалектического процесса и ничего ровно на нем основывать нельзя». Это говорил человек с самыми благими намерениями, защищая перед русской публикой «сангвиника» Маркса от буржуа г. Жуковского. И вот с этими-то благими намерениями он поясняет Маркса таким образом, что тот свое представление о процессе основывает на «фокусах»! Г. Михайловский может извлечь отсюда небесполезную для него мораль, что одних благих намерений для какого бы то ни было дела немножко мало.)

«Оставим пока в стороне отрицание отрицания и посмотрим на эту «собственность, в одно и то же время и индивидуальную, и общинную». Г. Дюринг называет это «туманом», и он,—как это ни удивительно,—действительно прав в этом отношении. К несчастию только, находится в этом «тумане» совсем не Маркс, а опять-таки сам г. Дюринг... Поправляя Маркса по Гегелю, он подсовывает ему какое-то высшее единство собственности, о котором Маркс не сказал ни слова.

«У Маркса значится: «Это отрицание отрицания. Оно снова создает индивидуальную собственность, но на основании приобретений капита-

листической эры—кооперации свободных работников и их общинного владения землей и произведенными ими средствами производства. Превращение основанной на собственном труде раздробленной частной собственности отдельных личностей в капиталистическую, конечно, является процессом гораздо более долгим, трудным и тяжелым, чем превращение капиталистической частной собственности, фактически уже основывающейся на общественном процессе производства, в общественную собственность». Вот и все. Таким образом порядки, созданные экспроприацией экспроприаторов, характеризуются как восстановление индивидуальной собственности «на основании» общинного владения землей и созданными самими работниками средствами производства. Для всякого, кто понимает немецкий язык (и русский тоже, г. Михайловский, потому что перевод совершенно точен), это означает, что общинная собственность простирается на землю и другие средства производства, а индивидуальная собственность на остальные продукты, т.-е. на предметы потребления. А чтобы дело было понятно даже 6-летним ребятам, Маркс на стр. 56 (русск. изд., стр. 30) предполагает «союз свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу», т.-е. социалистически организованную общину, и говорит: «Весь продукт труда представляет из себя общественный продукт. Часть этого продукта служит снова в качестве средств производства. Она остается общественной». Но другая часть потребляется в качестве жизненных средств членами союза. «Поэтому она должна быть распределена между ними». Должно же это быть достаточно ясно даже и для г. Дюринга.

«Собственность и индивидуальная и общинная в то же время,—эта туманная уродливость, эта нелепица, получающаяся из гегелевской диалектики, эта путаница, эта глубокомысленная диалектическая загадка, которую Маркс предоставляет решить своим адептам, — опять-таки является вольным сочинением и выдумкой г. Дюринга...

«Теперь—продолжает Энгельс—какую же роль играет у Маркса отрицание отрицания? На стр. 791 и след. (русск. изд. стр. 648 и след.) сопоставляет он окончательные результаты изложенного на предыдущих 50-ти (русск. изд.—35-ти) страницах экономического и исторического исследования о так наз. первоначальном накоплении капитала. До капиталистической эры существовало, по крайней мере, в Англии, мелкое производство на основании частной собственности работника на его средства производства. Так наз. первоначальное накопление состояло здесь в экспроприации этих непосредственных производителей,

т.-е. в уничтожении частной собственности, основанной на собственном труде. Это уничтожение сделалось возможным потому, что упомянутое мелкое производство совместимо только с узкими, примитивными рамками производства и общества, и на известной ступени развития оно само создает материальные основания для своего уничтожения. Это уничтожение, превращение индивидуальных и раздробленных орудий производства в общественно-концентрированные—образует собой первоначальную историю капитала. Как скоро работники были превращены в пролетариев, а их средства производства в капитал, как скоро капиталистический способ производства стал на собственные ноги,—дальнейшее обобществление труда и дальнейшее превращение земли и других средств производства (в капитал), а, следовательно, и дальнейшая экспроприация частных собственников приобретает новую форму. Теперь подлежит экспроприированию уже не работник, ведущий свое хозяйство, а капиталист, эксплоатирующий многих рабочих. Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, вследствие концентрации капиталов. Один капиталист побивает на смерть других. Рука об руку с этой концентрацией или экспроприацией многих капиталистов немногими развивается кооперативная форма процесса труда в постоянно расширяющихся размерах, развивается сознательное технологическое применение науки, планомерная общественная эксплоатация земли, превращение орудий труда в такие, которые могут быть употреблены только общинно, и экономизирование всех средств производства вследствие употребления их в качестве общинных средств производства комбинированного общественного труда. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, узурпирующих и монополизирующих все выгоды этого превращения, растет масса нищеты, угнетения, рабства, деградации, эксплоатации, но также и возмущения постоянно растущего рабочего класса, обучаемого, об'единяемого и организуемого самим механизмом капиталистического процесса производства. Капитал становится оковами того способа производства, который расцвел вместе с ним и под его покровом. Концентрация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимы с их капиталистической оболочкой. Она разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют».

«И теперь спрашиваю я читателя, где диалектические хитрые завитки и арабески, где смешение понятий, сводящее все различия к нулю, где диалектические чудеса для правоверных и фокусы по масштабу гегелевского учения о логосе, без которых Маркс, по словам

Дюринга, не мог довести до конца своего изложения? Маркс доказывает исторически и здесь вкратце резюмирует, что точно так же, как некогда мелкое производство своим собственным развитием породило условия своего уничтожения, так точно теперь капиталистическое производство породило само материальные условия, от которых оно должно погибнуть. Таков исторический процесс, и если он в то же время оказывается диалектическим, то это уже не вина Маркса, как бы фатально ни казалось это г. Дюрингу.

«Только теперь, покончивши с своим историко-экономическим доказательством, Маркс продолжает: «Капиталистический способ производства и присвоения, а, следовательно, и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной собственности, основанной на собственном труде. Отрицание капиталистического производства производится им самим, с необходимостью естественно-исторического процесса. Это—отрицание отрицания и т. д. (как выше цитировано).

«Таким образом, называя этот процесс отрицанием отрицания, Маркс и не помышляет о том, чтобы в этом видеть доказательство его исторической необходимости. Напротив того: после того как он доказал исторически, что процесс этот отчасти уже действительно совершился, отчасти еще должен совершиться, только после этого характеризует он его как такой процесс, который притом происходит по известному диалектическому закону. Вот и все. Таким образом, это— опять-таки чистейшая передержка г. Дюринга, когда он утверждает, что отрицание отрицания оказывает здесь услуги повивальной бабки, при помощи которых будущее высвобождается из недр прошедшего, или будто бы Маркс требует, чтобы кто-нибудь убеждался в необходимости общинного владения землей и капиталом на основании веры в закон отрицания отрицания» (стр. 125).

Читатель видит, что вся эта прекрасная отповедь Энгельса Дюрингу целиком относится и к г. Михайловскому, утверждающему точно так же, что будущее у Маркса держится исключительно на конце гегелевской цепи и что убеждение в его неизбежности может основываться только на вере. (Не лишнее, кажется, отметить по этому поводу, что все это раз'яснение Энгельса помещено в той же главе, где он рассуждает о зерне, об учении Руссо и др. примерах диалектического процесса. Казалось бы, одного сопоставления этих примеров с такими ясными и категорическими заявлениями Энгельса (и Маркса, которому читана была предварительно рукопись этого сочинения), что не может быть и речи о том, чтобы «доказывать» что-нибудь триадами, или о том,

чтобы подсовывать в изображение действительного процесса «условные члены» этих триад,—совершенно достаточно, чтобы понять нелепость обвинения марксизма в гегелевской диалектике.)

Все различие между Дюрингом и г. Михайловским сводится к двум следующим небольшим пунктам: во-первых, Дюринг—несмотря на то, что он без пены у рта не может говорить о Марксе, тем не менее счел необходимым в следующем параграфе своей «Истории» упомянуть о том, что Маркс в послесловии категорически отвергает обвинение в гегельянстве. Г. же Михайловский об этом (вышеприведенном) совершенно определенном и ясном изложении Марксом того, что он понимает под диалектическим методом, умолчал.

Во-вторых. Вторая оригинальность г. Михайловского состоит в том, что он сосредоточил все внимание на употреблении времен глаголов. Почему, говоря о будущем, Маркс употребляет настоящее время?—с победоносным видом спрашивает наш философ. Об этом вы можете справиться в каждой грамматике, достопочтенный критик: вам скажут, что настоящее употребляется вместо будущего, когда это будущее представляется неизбежным и несомненным. Но почему же это, почему оно несомненно?—тревожится г. Михайловский, желая изобразить такое сильное волнение, чтобы оно могло оправдать даже передержку.—И на этот счет Маркс дал совершенно определенный ответ. Можно считать его недостаточным или неверным, но тогда надо показать, «в чем именно» и «почему именно» он неверен, а не говорить вздора о гегелианстве.

Было время, когда г. Михайловский не только сам знал, в чем состоит этот ответ, но и других поучал. Г. Жуковский, — писал он в 1877 г.,—мог основательно считать гадательным построение Маркса насчет будущего, но он не «имел нравственного права» обходить вопрос об обобществлении труда, «которому Маркс придает огромное значение». Ну, конечно! Жуковский в 1877 г. не имел нравственного права обходить вопрос, а г. Михайловский в 1894 г. имеет такое нравственное право! Может быть,—quod licet Jovi, non licet bovi?! *).

Не могу не вспомнить здесь одного курьеза насчет понимания этого обобществления, высказанного некогда «Отечественными Записками» [31]). В № 7 за 1883 г. помещено было там «Письмо в редакцию» некоего г. Постороннего [32]), который точно так же, как и г. Михайловский, считал «построение» Маркса насчет будущего гадательным.

---

*) — что приличествует Юпитеру, то не приличествует быку. *Ред.*

«В сущности,—рассуждает этот господин,—общественная форма труда при господстве капитализма сводится к тому, что несколько сот или тысяч рабочих точат, бьют, вертят, накладывают, подкладывают, тянут и совершают еще множество других операций в одном помещении. Общий же характер этого режима прекрасно выражается поговоркой: «каждый за себя, а уж бог за всех». При чем тут общественная форма труда?»

Вот это сразу уже видно, что понял человек, в чем дело! «Общественная форма труда» «сводится» к «работе в одном помещении»!! И после таких диких мыслей в одном из лучших еще русских журналов—нас хотят уверить, что теоретическая часть «Капитала» общепризнана наукой. Да, не будучи в силах ничего мало-мальски серьезного возразить против «Капитала», «общепризнанная наука» стала расшаркиваться перед ним, продолжая в то же время выказывать самое элементарное невежество и повторять старые пошлости школьной экономии. Приходится остановиться несколько на этом вопросе, чтобы показать г. Михайловскому, в чем состоит сущность дела, которую он, по своей постоянной привычке, совершенно обошел.

Обобществление труда капиталистическим производством состоит совсем не в том, что люди работают в одном помещении (это только—частичка процесса), а в том, что концентрация капиталов сопровождается специализацией общественного труда, уменьшением числа капиталистов в каждой данной отрасли промышленности и увеличением числа особых отраслей промышленности;—в том, что многие раздробленные процессы производства сливаются в один общественный процесс производства. Если, например, в эпоху кустарного ткачества мелкие производители сами пряли пряжу и выделывали из нее ткани, то мы имели немного отраслей промышленности (прядение и ткачество сливались вместе). Если же производство обобществляется капитализмом, то число особых отраслей промышленности увеличивается: отдельно производится бумагопряденье, отдельно ткачество; самое это обособление и концентрация производства вызывают новые отрасли—производство машин, добывание каменного угля и т. д. В каждой отрасли промышленности, сделавшейся теперь более специализированной, число капиталистов становится все меньше. Это значит, что общественная связь между производителями все более и более укрепляется, производители сплачиваются в одно целое. Разрозненные мелкие производители производили каждый по несколько операций зараз и потому были сравнительно независимы от других: если, напр., кустарь сам сеял лен, сам прял и ткал,—он был почти независим от других. На таком-то режиме мелких,

раздробленных товаропроизводителей (и только на нем) оправдывалась поговорка: «каждый за себя, а за всех бог», т.-е. анархия рыночных колебаний. Совсем иначе обстоит дело при достигнутом, благодаря капитализму, обобществлении труда. Фабрикант, производящий ткани, зависит от бумагопрядильного фабриканта; этот последний—от капиталиста плантатора, посеявшего хлопок, от владельца машиностроительного завода, каменноугольной копи и т. д. и т. д. В результате получается то, что ни один капиталист не может обойтись без других. Ясное дело, что поговорка «каждый за себя»—к такому режиму совсем уже неприложима: здесь уже каждый работает на всех и все на каждого (и богу не остается места—ни в качестве заоблачной фантазии, ни в качестве земного «златого тельца»). Характер режима совершенно меняется. Если во время режима существования мелких раздробленных предприятий в каком-нибудь из них останавливалась работа,—это отражалось лишь на небольшом числе членов общества, не производило общего замешательства и потому не вызывало общего внимания, не побуждало к общественному вмешательству в дело. Но если такая остановка произошла в крупном предприятии, посвященном очень уж сильно специализированной отрасли промышленности и потому работающем чуть ли не на все общество и в свою очередь зависящем от всего общества (я беру для простоты случай, когда обобществление достигло своей кульминационной точки)—тогда уже должно остановиться дело во всех остальных предприятиях общества, потому что они могут получить необходимые продукты только из этого предприятия—могут реализовать все свои товары только при наличности его товаров. Все производства сливаются таким образом в один общественный производительный процесс, а между тем каждое производство ведется отдельным капиталистом, завися от его произвола, отдавая общественные продукты в его частную собственность. Неужели же не ясно, что форма производства становится в непримиримое противоречие с формой присвоения? Неужели не очевидно, что последняя не может не приспособиться к первой, не может не сделаться тоже общественной, т.-е. социалистической? А остроумный филистер из «Отечественных Записок» сводит все к работе в одном помещении. Вот уж поистине попал пальцем в небо! (Я описал один только материальный процесс, одно изменение производственных отношений, не коснувшись социальной стороны процесса, об'единения, сплачивания и организации рабочих,—так как это производное, второстепенное явление.)

Если российским «демократам» приходится раз'яснять такие азбучные вещи,—то причина этого лежит в том, что они до такой степени

погрязли по уши в мещанских идеях, что решительно не в состоянии представить себе иных порядков, кроме мещанских.

Возвратимся, однако, к г. Михайловскому. Что возразил он против тех фактов и соображений, на которых Маркс основал вывод о неизбежности социалистического строя в силу самих законов развития капитализма? Показал ли он, что в действительности — при товарной организации общественного хозяйства—не происходит роста специализации общественного процесса труда, концентрации капиталов и предприятий, обобществления всего процесса труда? Нет, он не привел ни одного указания в опровержение этих фактов. Поколебал ли он то положение, что капиталистическому обществу присуща анархия, не мирящаяся с обобществлением труда? Он ничего не сказал об этом. Доказывал ли он, что об'единение процесса труда всех капиталистов в один общественный процесс труда может ужиться с частной собственностью? что возможен и мыслим иной выход из противоречия, кроме указанного Марксом? Нет, он ни слова не сказал об этом.

На чем же держится его критика? На подтасовках, передержках и на потоке фраз, представляющих собой не что иное, как погремушки.

Как назвать иначе, в самом деле, такие приемы, когда критик,— наговоривши предварительно много чепухи насчет тройственно-последовательных шагов истории,—задает Марксу с серьезным видом такой вопрос: «а дальше что?», т.-е. как пойдет история за той конечной стадией процесса, которую он обрисовал. Извольте видеть, Маркс с самого начала своей литературной и революционной деятельности с полнейшей определенностью заявил свои требования от социологической теории: она должна точно изображать действительный процесс—и ничего более (ср., напр., «Коммунистический Манифест» о критерии теории коммунистов). В своем «Капитале» он строжайше соблюл это требование: поставив своей задачей научный анализ капиталистической общественной формации,—он поставил точку, доказавши, что действительно происходящее перед нашими глазами развитие этой организации имеет такую-то тенденцию, что она неизбежно должна погибнуть и превратиться в другую, высшую организацию. А г. Михайловский задает свой глупейший вопрос: «а дальше что?», обойдя всю сущность доктрины Маркса. И глубокомысленно добавляет: «Я должен откровенно признаться, что не совсем ясно представляю себе ответ Энгельса». Но зато мы должны откровенно признаться, г. Михайловский, что совсем ясно представляем себе дух и приемы такой «критики»!

Или еще такое рассуждение: «В средние века Марксова индивидуальная собственность, основывающаяся на собственном труде, не была

ни единым, ни преобладающим фактором, даже в области экономических отношений. Рядом с ней существовало многое другое, к чему, однако, диалектический метод в толковании Маркса (а не в перевирании г. Михайловского?) не предлагает возвращаться... Очевидно, что все эти схемы не представляют картины исторической действительности, или даже только ее пропорций, а только удовлетворяют склонности человеческого ума мыслить всякий предмет в состояниях прошедшего, настоящего и будущего». Даже приемы ваших передержек, г. Михайловский, однообразны до тошноты! Сначала подсунул в схему Маркса, претендующую на формулирование действительного процесса развития капитализма (Поэтому-то и опущены другие черты экономических порядков средних веков, что они принадлежали к феодальной общественной формации, тогда как Маркс изучает одну «капиталистическую». В чистом своем виде процесс развития капитализма, действительно, начался (напр., в Англии) с режима мелких, раздробленных товаропроизводителей и их индивидуальной трудовой собственности)— и на ничто другое, намерение доказывать что бы то ни было триадами, затем констатирует, что схема Маркса не соответствует этому, навязанному ей г. Михайловским плану (3-я стадия восстановляет только «одну» сторону первой стадии, опуская все остальные), и развязнейшим образом делает вывод, что «схема, очевидно, не представляет картины исторической действительности»!

Мыслима ли серьезная полемика с таким человеком, неспособным (употребляя выражение Энгельса о Дюринге) даже по исключению цитировать точно? Можно ли тут «возражать», когда публику уверяют, что схема «очевидно» не соответствует действительности, не сделавши даже попытки показать в чем-нибудь ее неверность? Вместо того, чтобы критиковать действительное содержание марксистских воззрений, г. Михайловский упражняет свое остроумие насчет категорий прошедшего, настоящего и будущего. Энгельс, напр., возражая против «вечных истин» г. Дюринга, говорит, что «нам в настоящее время проповедуют троякую мораль: христианско-феодальную, буржуазную и пролетариатскую так что прошедшее, настоящее и будущее имеют свои теории морали». Г. Михайловский по поводу этого рассуждает: «я думаю, что в основании всех тройственных делений истории на периоды лежат именно категории прошедшего, настоящего и будущего». Какое глубокомыслие! Да кто же не знает, что если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его развития, то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего? Но разве, напр., Энгельс думал утверждать, чтобы история морали (он ведь гово-

рил только о «настоящем») ограничивалась тремя указанными моментами? чтобы феодальной морали не предшествовала бы, напр., рабская, а этой последней — мораль первобытной коммунистической общины? Вместо того, чтобы серьезно критиковать попытку Энгельса разобраться в современных течениях моральных идей посредством материалистического их об'яснения,—г. Михайловский угощает нас пустейшим фразерством!

По поводу таких приемов «критики» г. Михайловского, открывшейся заявлением, что он не знает, в каком сочинении изложено материалистическое понимание истории,—небесполезно, может быть, напомнить, что было время, когда автор знал одно из этих сочинений и умел правильнее оценить его. В 1877 году г. Михайловский так отзывался о «Капитале»: «Если снять с «Капитала» тяжелую, неуклюжую и ненужную крышку гегельянской диалектики (Что за странность такая? Отчего это в 1877 г. «гегельянская диалектика» была «ненужной», а в 1894 г. вышло так, что материализм опирается на «непререкаемость диалектического процесса»?), то, независимо от других достоинств этого сочинения, мы увидим в нем превосходно разработанный матерьял для решения общего вопроса об отношении форм к материальным условиям их существования и превосходную постановку этого вопроса для известной области».—«Отношение форм к материальным условиям их существования»—это, ведь, и есть тот вопрос о соотношении разных сторон общественной жизни, о надстройке идеологических общественных отношений над материальными, в известном решении которого и состоит доктрина материализма. Пойдем дальше

«Собственно говоря *весь «Капитал»* (курсив мой) посвящен исследованию того, как раз возникшая общественная форма все развивается, усиливает свои типические черты, подчиняя себе, ассимилируя открытия, изобретения, улучшения способов производства, новые рынки, самое науку, заставляя их работать на себя, и как, наконец, дальнейших изменений материальных условий данная форма выдерживать не может».

Удивительное происшествие! В 1877 г. *весь «Капитал»* был посвящен материалистическому исследованию данной общественной формы (в чем же ином состоит материализм, как не в об'яснении общественных форм материальными условиями?),—а в 1894 году стало так, что неизвестно даже, где, в каком сочинении искать изложения этого материализма!

В 1877 г. в «Капитале» было «исследование» того, как «дальнейших изменений материальных условий данная форма (т.-е. капиталистическая? неправда ли?) выдержать не может» (это заметьте),—а в

1894 г. оказалось так, что никакого исследования совсем нет, а убеждение в том, что капиталистическая форма не может выдерживать дальнейшего развития производительных сил — держится «исключительно на конце гегелевской триады»! В 1877 году г. Михайловский писал, что «анализ отношений данной общественной формы к материальным условиям ее существования *навсегда* (курсив мой) останется памятником логической силы и громадной эрудиции автора»,—а в 1894 г. он об'является, что доктрина материализма никогда и нигде не была проверена и обоснована научно!

Удивительное происшествие! Что же это такое в самом деле означает? Что такое случилось?

Случились два обстоятельства: во-первых, «русский», крестьянский социализм 70-х г.г., «фыркавший» на свободу ради ее буржуазности, боровшийся с «яснолобыми» либералами, усиленно замазывавшими антагонистичность русской жизни, и мечтавший о крестьянской революции,—совершенно разложился и породил тот пошлый мещанский либерализм, который усматривает «бодрящие впечатления» в прогрессивных течениях крестьянского хозяйства, забывая, что они сопровождаются и обусловливаются массовой экспроприацией крестьянства.—Во-вторых, в 1877 году г. Михайловский так увлекался своей задачей — защитить «сангвиника» (т.-е. социалиста-революционера) Маркса от либеральных критиков, что не заметил несовместимости метода Маркса с его собственным методом. Но вот раз'яснили ему это непримиримое противоречие между диалектическим материализмом и суб'ективной социологией—раз'яснили статьи и книги Энгельса, раз'яснили русские социал-демократы (у Плеханова не раз встречаются очень меткие замечания по адресу г. Михайловского)—и г. Михайловский вместо того, чтобы серьезно приняться за пересмотр вопроса, просто-на-просто закусил удила. Вместо приветствия Маркса (выраженного им в 1872 г. [33]) и 1877 г.г.) он лает теперь на него из-за подворотни сомнительного качества похвал, и шумит и брызжет против русских марксистов, не желающих удовлетворяться «охраной экономически слабейшего», товарными складами и улучшениями в деревне, музеями и артелями для кустарей и т. п. благонамеренными мещанскими прогрессами—и желающих оставаться «сангвиниками», сторонниками социальной революции и обучать, руководить и организовать действительно революционные общественные элементы.

После этого небольшого отступления в область давнопрошедшего, можно, кажется, и закончить разбор «критики» г. Михайловского тео-

рии Маркса. Попробуем же подвести итоги и резюмировать «доводы» критика.

Доктрина, которую он вознамерился разрушать, опирается, во-первых, на материалистическое понимание истории и, во-вторых, на диалектический метод.

Что касается до первого, то критик заявил прежде всего, что он не знает, в каком сочинении изложен материализм. Не найдя нигде этого изложения, он принялся сам сочинять, что такое материализм. Чтобы дать понятие о чрезмерных претензиях этого материализма, он сочинил, будто материалисты претендуют на то, что об'яснили все прошедшее, настоящее и будущее человечества,—а когда потом, по справке с подлинным заявлением марксистов, оказалось, что об'ясненной считают одну только общественную формацию, тогда критик решил, что материалисты суживают поле действия материализма, чем, мол, и побивают себя. Чтобы дать понятие о приемах выработки этого материализма, он сочинил, будто материалисты сами признавались в слабости познаний для такого дела, как выработка научного социализма, несмотря на то, что в слабости познаний Маркс и Энгельс сознавались (в 1845—1847 г.г.) по отношению к экономической истории вообще, и несмотря на то, что это сочинение, доказывавшее слабость их познаний, они никогда не печатали. После таких прелюдий подарили нас и критикой: «Капитал» был уничтожен тем, что касается одного только периода, тогда как критику нужны все периоды, и еще тем, что «Капитал» не утверждает экономический материализм, а просто касается его—аргументы настолько, очевидно, веские и серьезные, что пришлось признать, что материализм никогда не был научно обоснован. Затем против материализма приведен был тот факт, что человек, совершенно посторонний этой доктрине, изучавший доисторические времена совсем в другой стране,—пришел к материалистическим же выводам. Чтобы показать далее, что детопроизводство совсем неправильно притянуто к материализму, что это—одно словесное ухищрение,—критик стал доказывать, что экономические отношения представляют надстройку над половыми и семейными. Указания, которые даны были при этом серьезным критиком в поучение материалистам, обогатили нас глубокой истиной, что наследство невозможно без детопроизводства, что к продуктам этого детопроизводства «примыкает» сложная психика и что дети воспитываются в духе отцов. Попутно узнали мы также, что национальные связи—продолжение и обобщение родовых.

Продолжая свои теоретические изыскания о материализме, критик заметил, что содержание многих аргументов марксистов состоит в том,

что угнетение и эксплоатация масс «необходимы» при буржуазном режиме и что этот режим «необходимо» должен превратиться в социалистический,—и вот он не замедлил об'явить, что необходимость—слишком общая скобка (если не сказать о том, что именно люди считают необходимым) и поэтому марксисты—мистики и метафизики. Критик заявил также, что полемика Маркса с идеалистами «односторонняя», не сказавши ни слова о том, как относятся воззрения этих идеалистов к суб'ективному методу и как относится к ним диалектический материализм Маркса.

Что касается до второго устоя марксизма—диалектического метода—то достаточно было одного толчка смелого критика, чтобы свалить этот устой. И толчек был очень меткий: критик возился и трудился с неимоверными усилиями над опровержением того, будто триадами можно что-либо доказывать,—умолчавши о том, что диалектический метод состоит совсем не в триадах, что он состоит именно в отрицании приемов идеализма и суб'ективизма в социологии. Другой толчек специально направлен был против Маркса: при помощи доблестного г. Дюринга, критик подсунул Марксу невероятный вздор, будто он доказывал необходимость гибели капитализма триадами,—и победоносно воевал против этого вздора.

Вот—эпопея блестящих «побед» «нашего известного социолога»! Неправда ли, как «поучительно» (Буренин) созерцание этих побед?

Нельзя не коснуться здесь еще одного обстоятельства, не имеющего прямого отношения к критике доктрины Маркса, но крайне характерного для уяснения идеалов и понимания действительности критиком. Это—отношение его к рабочему движению на Западе.

Выше было приведено заявление г. Михайловского, что материализм не оправдал себя в «науке» (может быть, в науке германских «друзей народа»?), но этот материализм,—рассуждает г. Михайловский,—«действительно очень быстро распространяется в рабочем классе». Как же об'ясняет этот факт г. Михайловский? «Что касается успеха, которым экономический материализм пользуется, так сказать, в ширину,—говорит он,—его распространенности в критически непроверенном виде, то центр тяжести этого успеха лежит не в науке, а в житейской практике, устанавливаемой перспективами в сторону будущего». Какой иной смысл может иметь эта неуклюжая фраза о практике, «устанавливаемой» перспективами в сторону будущего, кроме того, что материализм распространяется не потому, чтобы он правильно об'яснил действительность, а потому, что он отвернулся от этой действительности в сторону

перспективы? И дальше говорится: «Перспективы эти не требуют от усвояющего их немецкого рабочего класса и принимающих горячее участие в его судьбе ни знаний, ни работы критической мысли. Они требуют только веры». Другими словами, распространение материализма и научного социализма вширь зависит от того, что эта доктрина обещает рабочим лучшее будущее! Да ведь достаточно самого элементарного знакомства с историей социализма и рабочего движения на Западе, чтобы видеть всю вздорность и фальшь этого об'яснения. Всякий знает, что никаких собственно перспектив будущего никогда научный социализм не рисовал: он ограничивался тем, что давал анализ современного буржуазного режима, изучал тенденции развития капиталистической общественной организации—и только. «Мы не говорим миру,—писал Маркс еще в 1843 г., и он в точности выполнил эту программу,—мы не говорим миру: «перестань бороться; вся твоя борьба—пустяки», мы даем ему истинный лозунг борьбы. Мы только показываем миру, за что собственно он борется, а сознание—такая вещь, которую мир должен приобрести себе, хочет он этого или нет». Всякий знает, что, напр., «Капитал»—это главное и основное сочинение, излагающее научный социализм—ограничивается самыми общими намеками насчет будущего, прослеживая только те теперь уже имеющиеся на-лицо элементы, из которых вырастает будущий строй. Всякий знает, что по части перспектив будущего неизмеримо больше давали прежние социалисты, которые со всеми подробностями разрисовывали будущее общество, желая увлечь человечество картиной таких порядков, когда люди обходятся без борьбы, когда их общественные отношения основываются не на эксплоатации, а па истинных началах прогресса, соответствующих условиям человеческой природы. Однако—несмотря на целую фалангу талантливейших людей, излагавших эти идеи, и убежденнейших социалистов,—их теории оставались в стороне от жизни, их программы—в стороне от народных политических движений, пока крупная машинная индустрия не вовлекла в водоворот политической жизни массы рабочего пролетариата и пока не был найден истинный лозунг его борьбы. Этот лозунг найден был Марксом, не «утопистом, а строгим, местами даже сухим ученым» (как отзывался о нем г. Михайловский в давнопрошедшие времена—в 1872 г.), найден совсем не посредством каких-нибудь перспектив, а посредством научного анализа современного буржуазного режима, посредством выяснения «необходимости» эксплоатации при наличности этого режима, посредством исследования законов его развития. Г. Михайловский может, конечно, уверять читателей «Русского Богатства», что усвоение этого анализа не требует ни знаний, ни работы мысли,

но мы видели уже у него самого (и увидим не меньше у его сотрудника экономиста) такое грубое непонимание азбучных истин, установленных этим анализом, что подобное заявление в состоянии вызвать, разумеется, только улыбку. Остается неоспоримым фактом распространение и развитие рабочего движения именно там и постольку, где и поскольку развивается крупная капиталистическая машинная индустрия;—успех социалистической доктрины именно в том случае, когда она оставляет рассуждения об общественных условиях, соответствующих человеческой природе, и берется за материалистический анализ современных общественных отношений, за выяснение необходимости теперешнего режима эксплоатации.

Попытавшись обойти действительные причины успеха материализма в рабочей среде посредством прямо уж противоположной истине характеристики отношения этой доктрины к перспективам, г. Михайловский начинает теперь самым пошлым, мещанским образом глумиться над идеями и тактикой западно-европейского рабочего движения. Как мы видели, он не сумел буквально ни одного довода привести против доказательств Маркса о неизбежности превращения капиталистического строя в социалистический вследствие обобществления труда,—и тем не менее он развязнейшим образом иронизирует над тем, будто «армия пролетариев» подготовляет экспроприацию капиталистов, «вслед за чем прекратится уже всякая классовая борьба и наступит на земле мир и в человецех благоволение». Он, г. Михайловский, знает гораздо более простые и верные пути к осуществлению социализма, чем этот: нужно только, чтобы «друзья народа» поподробнее указали «ясные и непреложные» пути «желанной экономической эволюции»—и тогда этих друзей народа, наверное, «призовут» для решения практических экономических проблем» (см. статью г. Южакова: «Вопросы экономического развития России», № 10 «Р. Б.»), а пока... пока рабочие должны подождать, положиться на друзей народа и не начинать с «неосновательной самоуверенностью» самостоятельной борьбы против эксплоататоров. Желая на-смерть поразить окончательно эту «неосновательную самоуверенность», наш автор с пафосом негодует против «этой науки, умещающейся чуть ли не в карманном словаре». Какой ужас, в самом деле: наука—и социал-демократические брошюры, стоящие гроши и умещающиеся в кармане!! Не ясно ли, до какой степени неосновательно самоуверенны те люди, которые лишь постольку и ценят науку, поскольку она учит эксплоатируемых самостоятельной борьбе за свое освобождение, учит сторониться от всяких друзей народа, замазывающих антагонизм классов и желающих на себя взять все дело, и которые поэтому

излагают эту науку в грошовых изданиях, так шокирующих филистеров. То ли бы дело, если бы рабочие предоставили свою судьбу друзьям народа; они показали бы им настоящую, многотомную, университетскую и филистерскую науку, подробно ознакомили бы их с общественной организацией, соответствующей человеческой природе, если бы только... рабочие согласились подождать и не начинали сами борьбы с такой неосновательной самоуверенностью!

Прежде чем переходить ко второй части «критики» г. Михайловского, направленной уже не против теории Маркса вообще, а против русских социал-демократов в частности, нам приходится сделать некоторое отступление. Дело в том, что г. Михайловский,—точно так же, как он, критикуя Маркса, не только не пытался точно изложить его теорию, но прямо-таки извратил ее,—точно так же совсем уже безбожно перевирает идеи русских социал-демократов. Необходимо восстановить правду. Сделать это всего удобнее посредством сопоставления идей прежних русских социалистов—с идеями социал-демократов. Изложение первых заимствую из статьи г. Михайловского в «Русской Мысли» [34]) за 1892 г. № 6 [35]), в которой он говорил тоже о марксизме (и говорил—в укор ему будь сказано—в приличном тоне, не касаясь вопросов, о которых трактовать в подцензурной прессе можно только по-Буренински,—не смешивая марксистов со всякою грязью) и в противовес ему—или, по крайней мере, если не в противовес, то в параллель—излагал свои взгляды. Я ничуть не желаю, конечно, обижать ни г. Михайловского, т.-е. причислять его к социалистам, ни русских социалистов, приравнивая к ним г. Михайловского: я думаю только, что «ход аргументации» у тех и другого, в сущности, один и тот же, разница же заключается в степени твердости, прямоты и последовательности убеждений.

Излагая идеи «От. Записок», г. Михайловский писал: «В состав нравственно-политических идеалов мы вводили принадлежность земли земледельцу и орудий труда производителю». Исходная точка, как видите, самая благонамеренная, полная самых добрых пожеланий... «Существующие у нас еще средневековые формы труда («Под средневековыми формами труда,—пояснял автор в другом месте,—следует разуметь не только общинное землевладение, кустарную промышленность и артельную организацию. Все это, несомненно, средневековые формы, но к ним должны быть причислены все виды принадлежности земли или орудий производства работнику») сильно расшатаны, но мы не видели резона совсем кончать с ними в угоду каких бы то ни было доктрин, либеральных или нелиберальных».

Странное рассуждение! Ведь какие бы то ни было «формы труда» могут быть расшатаны только вследствие замены их другими какими-нибудь формами; а между тем мы не находим у нашего автора (да не нашли бы ни у кого из его единомышленников) даже попытки анализа этих новых форм и об'яснения их, а также выяснения причин вытеснения этими новыми формами старых. Еще более странная вторая часть тирады: «мы не видели резона кончать с этими формами в угоду доктрин». Какими же это средствами обладаем мы (т.-е. социалисты—см. вышесделанную оговорку) для того, чтобы «кончать» с формами труда, т.-е. чтобы перестраивать данные производственные отношения между членами общества? Неужели не нелепа мысль о переделке этих отношений по доктрине? Послушаем дальше: «задача наша не в том, чтобы вырастить непременно «самобытную» цивилизацию из собственных национальных недр, но и не в том, чтобы перенести на себя западную цивилизацию целиком со всеми раздирающими ее противоречиями: надо брать хорошее отовсюду, откуда можно, а свое оно будет или чужое, это уже вопрос не принципа, а практического удобства. Повидимому, это столь просто, ясно и понятно, что и разговаривать не о чем». И в самом деле, как это просто! Хорошее «брать» отовсюду—и дело в шляпе! От средневековых форм «взять» принадлежность средств производства работнику, а от новых (т.-е. капиталистических) форм «взять» свободу, равенство, просвещение, культуру. И разговаривать не о чем! Суб'ективный метод в социологии тут весь, как на ладони: социология начинает с утопии—принадлежность земли работнику—и указывает условия осуществления желательного: «взять» хорошее оттуда-то да еще оттуда. Философ этот чисто метафизически смотрит на общественные отношения, как на простой механический аггрегат тех или других институтов, простое механическое сцепление тех или других явлений. Он вырывает одно из таких явлений—принадлежность земли земледельцу в средневековых формах—и думает, что его можно точно так же пересадить во всякие другие формы, как кирпич переложить из одного здания в другое. Но ведь это же значит не изучать общественные отношения, а уродовать подлежащий изучению материал: ведь действительность не знает этой принадлежности земли земледельцу, отдельно и самостоятельно существующей, как вы ее взяли: это—только одно из звеньев тогдашних производственных отношений, которые состояли в том, что земля разделена была между крупными землевладельцами, помещиками, что помещики наделяли крестьян этой землей для того, чтобы эксплоатировать их, так что земля была как бы натуральной заработной платой: она давала крестьянину необходимые продукты, чтобы он мог про-

изводить прибавочный продукт на помещика; она являлась фондом для несения крестьянами повинностей в пользу помещика. Почему автор не проследил этой системы производственных отношений, а ограничился тем, что вырвал одно явление, представив его таким образом в совершенно ложном свете? Потому что автор не умеет обращаться с общественными вопросами: он (повторяю, что пользуюсь рассуждениями г. Михайловского только как примером для критики «всего» русского социализма) совсем и не задается целью об'яснить тогдашние «формы труда», представить их, как известную систему производственных отношений, как известную общественную формацию. Ему чужд, говоря языком Маркса, диалектический метод, обязывающий смотреть на общество, как на живой организм в его функционировании и развитии.

Вовсе и не задаваясь вопросом о причинах вытеснения старых форм труда новыми, он повторяет в рассуждении об этих новых формах совершенно такую же ошибку. Для него достаточно констатировать, что эти формы «расшатывают» принадлежность земли земледельцу, т.-е., общее говоря, выражаются в отделении производителя от средств производства,—и осудить это, как не соответствующее идеалу. И опять-таки рассуждение его совершенно нелепо: он вырывает одно явление (обезземеление) и не пробуя представить его, как член другой уже системы производственных отношений, основанной на «товарном хозяйстве», необходимо порождающем конкуренцию между товаропроизводителями, неравенство, разорение одних и обогащение других. Он отметил одно явление — разорение массы, отодвинув другое—обогащение меньшинства,—и тем поставил себя в невозможность понять ни то, ни другое.

И такие приемы называет еще—«искать ответы на вопросы жизни в их плотью и кровью одетой форме» («Р. Б.» № 1 за 1894 г.), тогда как он, как раз наоборот, не умея и не желая об'яснить действительность, взглянуть ей прямо в лицо,—убежал позорно от этих вопросов жизни с ее борьбой имущего против неимущего, в область невинных утопий; это он называет—«искать ответы на вопросы жизни в идеальной постановке их жгучей и сложной реальной действительности» («Р. Б.» № 1), тогда как он на самом деле не сделал и попытки анализа и об'яснения этой реальной действительности.

Вместо этого он дал нам утопию, сочиненную из бессмысленнейшего выдергивания отдельных элементов из разных общественных формаций—из средневековой взял то-то, из «новой»—то-то и т. д. Понятно, что теория, основанная на этом, не могла не остаться в стороне от действительной общественной эволюции по той простой причине, что жить-то и действовать приходилось нашим утопистам не в тех обще-

ственных отношениях, которые составлены из взятых оттуда-то да оттуда элементов, а в тех, которые определяют отношения крестьянина к кулаку (хозяйственному мужику), кустаря к скупщику, рабочего к фабриканту, и которые были совершенно непоняты ими. Их попытки и усилия переделать эти непонятные отношения по своему идеалу не могли не потерпеть неудачи.

Вот в самых общих чертах—очерк того положения вопроса о социализме в России, когда «народились русские марксисты».

Они начали именно с критики суб'ективных приемов прежних социалистов; не удовлетворяясь констатированием эксплоатации и осуждением ее, они пожелали «об'яснить» ее. Видя, что вся пореформенная история России состоит в разорении массы и в обогащении меньшинства, наблюдая гигантскую экспроприацию мелких производителей наряду с повсеместным техническим прогрессом, замечая, что эти полярные течения возникают и усиливаются там и постольку, где и поскольку развивается и усиливается товарное хозяйство,—они не могли не заключить, что имеют дело с буржуазной (капиталистической) организацией общественного хозяйства, «необходимо» порождающей экспроприацию и угнетение масс. Их практическая программа прямо уже определялась этим убеждением: она сводилась к тому, чтобы примкнуть к этой борьбе пролетариата с буржуазией, борьбе неимущих классов против имущих, которая составляет главное содержание экономической действительности России, начиная от глухой деревушки и кончая новейшей усовершенствованной фабрикой. Как примкнуть?—ответ подсказала им опять-таки сама действительность. Капитализм довел главные отрасли промышленности до стадии крупной машинной индустрии; обобществив таким образом производство, он создал материальные условия новых порядков и в то же время создал новую социальную силу: класс фабрично-заводских рабочих, городского пролетариата. Подвергаясь такой же буржуазной эксплоатации, каковою является по своей экономической сущности эксплоатация всего трудящегося населения России,—этот класс поставлен, однако, в особо выгодные условия по отношению к своему освобождению: он ничем не связан уже со старым, целиком построенном на эксплоатации, обществом; самые условия его труда и обстановка жизни организуют его, заставляют мыслить, дают возможность выступить на арену политической борьбы. Естественно, что социал-демократы обратили все свое внимание и все надежды на этот класс, что они свели свою программу к развитию его классового самосознания, направили всю свою деятельность к тому, чтобы помочь ему

подняться на прямую политическую борьбу против современного режима и втянуть в эту борьбу весь русский пролетариат.

Посмотрим теперь, как воюет г. Михайловский против социал-демократов. Что приводит он в возражение против их теоретических воззрений? против их политической социалистической деятельности?

Теоретические воззрения марксистов излагаются критиком следующим образом:

«Истина—по словам, будто бы, марксистов—состоит в том, что по имманентным законам исторической необходимости Россия разовьет свое капиталистическое производство, со всеми его внутренними противоречиями, с поеданием малых капиталов крупными, а тем временем оторванный от земли мужик обратится в пролетария, об'единится, обобществится, и дело будет в шляпе, которую и останется только надеть на голову осчастливленному человечеству».

Извольте видеть,—марксисты, значит, ничем не отличаются от друзей народа в понимании действительности, но только в представлении будущего: они совсем, должно быть, не занимаются настоящим, а только «перспективами». Что именно такова мысль г. Михайловского, в этом не может быть сомнения: марксисты,—говорит он,—«вполне уверены, что в их провидениях будущего нет ничего утопического, а все взвешено и смерено по предписаниям строгой науки», и, наконец, еще яснее: марксисты—«веруют и исповедуют непреложность абстрактной исторической схемы».

Одним словом, мы имеем перед собой то банальнейшее и пошлейшее обвинение марксистов, на котором с давних пор выезжают все те, кто не может возразить что-либо по существу против их воззрений. «Марксисты исповедуют непреложность абстрактной исторической схемы»!!

Да ведь это же сплошная ложь и выдумка!

Ни один из марксистов нигде и никогда не аргументировал таким образом, что в России «должен быть» капитализм, «потому что» он был на Западе и т. д. Ни один из марксистов никогда не видел в теории Маркса какой-нибудь общеобязательной философско-исторической схемы, чего-нибудь бо́льшего, чем об'яснение такой-то общественно-экономической формации. Один только суб'ективный философ, г. Михайловский, ухитрился обнаружить такое непонимание Маркса, что усмотрел у него общефилософскую теорию, в ответ на что и получил совершенно определенное раз'яснение Маркса, что он ошибся в адресе. Никогда ни один марксист не основывал своих социал-демократических

воззрений на чем-нибудь ином, как на соответствии ее с действительностью и историей данных, т.-е. русских, общественно-экономических отношений, да и не мог основывать, потому что это требование от теории совершенно ясно и определенно заявлено и положено во главу угла всего учения самим основателем «марксизма» Марксом.

Конечно, г. Михайловский может, сколько угодно, опровергать эти заявления тем, что он «собственными ушами» слышал именно исповедание абстрактной исторической схемы. Но какое же нам, социал-демократам, или кому бы то ни было, дело до того, что г. Михайловскому приходилось выслушивать от его собеседников всякий абсурдный вздор? Не доказывает ли это только того, что он очень счастливо выбирает своих собеседников, и ничего больше? Очень возможно, конечно, что эти остроумные собеседники остроумного философа именовали себя марксистами, социал-демократами и т. п.—но кто же не знает, что в настоящее время (как это давно уже замечено) всякий прохвост любит рядиться в «красные» платья? (Все это писано в предположении, что г. Михайловский действительно слышал исповедания абстрактных исторических схем и что он ничего не переврал. Считаю, однако, безусловно необходимым по этому поводу оговориться: за что купил, за то и продаю.) И если г. Михайловский настолько прозорлив, что не может отличить таких «ряженых» от марксистов, или если он настолько глубоко понял Маркса, что не заметил этого усиленнейше выдвигаемого им критерия всей его доктрины (формулирование того, что совершается перед нашими глазами),—то это доказывает опять-таки, что г. Михайловский не умен, и ничего больше.

Во всяком случае, если он брался за полемику в печати против «социал-демократов»,—он должен был иметь в виду ту группу социалистов, которая давно носит такое имя и носит его одна, так что других нельзя смешать с нею, и которая имеет своих литературных представителей—Плеханова и его кружок*). И если бы он сделал так,—а так, очевидно, должен был бы поступить всякий мало-мальски порядочный человек,—и обратился хотя бы к первому **) социал-демократическому сочинению, к книге Плеханова: «Наши разногласия»,—он увидал бы там на первых же страницах категорическое заявление автора от лица всех членов кружка:

«Мы ни в каком случае не хотим прикрывать свою программу авторитетом великого имени» (т.-е. авторитетом Маркса). Понимаете вы русский язык, г. Михайловский? Понимаете вы разницу между испове-

*) Т.-е. Группа «Освобождение Труда». *Ред.*

**) Первому—т.-е. первому русскому. *Ред.*

данием абстрактных схем и отрицанием всякого авторитета Маркса в суждении о русских делах?

Понимаете ли вы, что, выдавая первое суждение, которое вам посчастливилось слышать от ваших собеседников, за марксистское и оставляя без внимания печатное заявление одного из выдающихся членов социал-демократии от имени всей группы,—вы поступили нечестно?!

И дальше заявление делается еще более определенное:

«Повторяю,—говорит Плеханов,—между самыми последовательными марксистами возможно разногласие по вопросу об оценке современной русской действительности»; наша доктрина—«первый опыт применения данной научной теории к анализу весьма сложных и запутанных общественных отношений».

Кажется, трудно говорить яснее: марксисты заимствуют безусловно из теории Маркса только драгоценные приемы, без которых невозможно уяснение общественных отношений, и, следовательно, критерий своей оценки этих отношений видят совсем не в абстрактных схемах и т. п. вздоре, а в верности и соответствии ее с действительностью.

Или, может быть, вы думаете, что, делая такие заявления, автор на самом деле рассуждал иначе? Но это неправда. Вопрос, которым он занимался, состоял в том,—«должна ли Россия пройти через капиталистическую фазу развития?» Вопрос этот был, следовательно, формулирован совсем не по-марксистски, а по суб'ективным методам разных отечественных философов, видящих критерии этого долженствования не то в политике начальства, не то в деятельности «общества», не то в идеале общества, «соответствующего человеческой природе», и тому подобной белиберде. Спрашивается теперь: как должен был отвечать на подобный вопрос человек, исповедующий абстрактные схемы? Очевидно, он стал бы говорить о непререкаемости диалектического процесса, об общефилософском значении теории Маркса, о неизбежности для каждой страны пройти через фазу... и т. д., и т. д.

И как отвечал Плеханов?

Так, как только и мог отвечать марксист:

Он оставил совершенно в стороне вопрос о долженствовании, как праздный и могущий интересовать лишь суб'ективистов, и все время говорил лишь о действительных общественно-экономических отношениях, о действительной их эволюции. Поэтому не дал он и прямого ответа на такой неправильно поставленный вопрос, а ответил вместо того так: «Россия «вступила» на капиталистический путь».

А г. Михайловский с видом знатока толкует об исповедании абстрактной исторической схемы, об имманентных законах необходи-

мости и т. п. невероятной ерунде! И называет это «полемикой против социал-демократов»!!

Решительно отказываюсь понимать—если это полемист, то кто же после этого называется пустолайкой?!

Нельзя не отметить еще по поводу вышецитированного рассуждения г. Михайловского, что он излагает взгляды социал-демократов так, как будто «Россия «разовьет» свое собственное капиталистическое производство». Очевидно, по мнению этого философа, в России нет «своего собственного» капиталистического производства. Автор, должно быть, примыкает к тому мнению, что русский капитализм ограничивается 1,5 миллионами рабочих,—мы ниже еще встретимся с этой ребячьей идеей наших «друзей народа», которые уж неизвестно куда причисляют всю остальную эксплоатацию свободного труда. «Россия разовьет свое собственное капиталистическое производство со всеми его внутренними противоречиями, а тем временем оторванный от земли мужик обратится в пролетария». Что дальше в лес, то больше дров! Итак, в России нет «внутренних противоречий»? т.-е., говоря прямо, нет эксплоатации массы народа кучкой капиталистов? нет разорения громадного большинства населения и обогащения кучки лиц? Мужику только еще предстоит быть оторванным от земли? А в чем состоит вся пореформенная история России, как не в массовой, невиданной нигде в такой интенсивности, экспроприации крестьянства? Надо иметь большое мужество, чтобы заявлять во всеуслышание такие вещи. И г. Михайловский обладает этим мужеством: «Маркс оперировал над готовым пролетариатом и готовым капитализмом, а нам надо еще создавать их». России надо еще создавать пролетариат?! В России, в которой одной только можно найти такую безысходную нищету масс, такую наглую эксплоатацию трудящегося,—которую сравнивали (и законно) с Англией по положению ее бедноты, в которой голодание миллионов народа является постоянным явлением рядом, напр., с все возрастающим вывозом хлеба,—в России нет пролетариата!!

Я думаю, что г. Михайловскому следовало бы живому поставить памятник за эти классические слова!

(Может быть, впрочем, г. Михайловский и тут попробовал бы увильнуть: я, дескать, вовсе не хотел сказать, что в России нет вообще пролетариата, а только—что в ней нет капиталистического пролетариата? Да? Так почему же вы тогда не сказали этого? Ведь «весь вопрос»-то в том и состоит: представляет ли из себя русский пролетариат такой, который свойственен буржуазной организации общественного хозяйства, или иной какой? Кто же виноват, что вы на протяжении целых

двух статей не проронили «ни слова» об этом, единственно серьезном и важном вопросе, а предпочли болтать всякий вздор, и притом заговариваетесь до чортиков?)

Мы, впрочем, еще ниже увидим, что это—постоянная и последовательнейшая тактика «друзей народа»—фарисейски закрывать глаза на невозможное положение трудящихся в России, изображать его только «пошатнувшимся», так что достаточно усилий «культурного общества» и правительства, чтобы направить все на истинный путь. Эти рыцари думают, что если они закроют глаза на тот факт, что положение трудящейся массы плохо не потому, что оно «пошатнулось», а потому, что она подвергается бесстыднейшему грабежу со стороны кучки эксплоататоров, что если они, на подобие страусов, спрячут головы, чтобы не видеть этих эксплоататоров, то эти эксплоататоры исчезнут. И когда социал-демократы говорят им, что это—позорная трусость—бояться смотреть в лицо действительности, когда они берут за свою отправную точку этот факт эксплоатации и говорят, что единственно возможное об'яснение его лежит в буржуазной организации русского общества, раскалывающей массу народа на пролетариат и буржуазию, и в классовом характере русского государства, представляющего из себя не что иное, как орган господства этой буржуазии, что поэтому «единственный выход» заключается в классовой борьбе пролетариата против буржуазии,—тогда эти «друзья народа» поднимают вопли, что социал-демократы хотят обезземелить народ!! хотят разрушить нашу народную экономическую организацию!!

Мы подходим теперь к самому возмутительному месту всей этой, по меньшей мере, неприличной «полемики»,—именно к «критике» (?) г. Михайловским политической деятельности социал-демократов. Всякий понимает, что деятельность социалистов и агитаторов среди рабочих не может подвергаться честному обсуждению в нашей легальной прессе, и что единственное, что может сделать в этом отношении порядочная подцензурная печать,—это с «тактом молчать». Г. Михайловский забыл это весьма элементарное правило и не посовестился воспользоваться своей монополией обращения к читающей публике для того, чтобы обливать социалистов грязью.

Найдутся, однако, средства борьбы против этого бесцеремонного критика и помимо легальной журналистики.

«Сколько я понимаю,—наивничает г. Михайловский,—русские марксисты могут быть разделены на три разряда: марксистов-зрителей (безучастные наблюдатели процесса), марксистов пассивных (только «облегчают муки родов». Они «не интересуются народом, на земле си-

дящим, и обращают свое внимание и надежды на тех, которые уже отлучены от средств производства») и марксистов активных (прямо настаивающих на дальнейшем разорении деревни)».

Что это такое?! Ведь не может же г. критик не знать, что русские марксисты—это социалисты, исходящие из того воззрения на действительность, что это—капиталистическое общество и что выход из него один—классовая борьба пролетариата против буржуазии? Каким же образом и с какой стати смешивает он их под одно с какой-то бессмысленной пошлостью? Какое право (нравственное, конечно) имеет он распространять термин марксистов на людей, не принимающих, очевидно, элементарнейших и основных положений марксизма, людей, которые нигде и никогда не выступали в качестве особой группы, никогда и нигде не заявляли какой-нибудь своей особой программы?

Г. Михайловский оставил себе целый ряд лазеек, чтобы оправдать такие безобразные приемы.

«Может быть,—острит он с легкостью светского пшюта,—это и не настоящие марксисты, но они считают и об'являют себя таковыми». Где об'являли и когда? В петербургских либеральных и радикальных салонах? В частных письмах? Пусть так. Так и разговаривайте с ними в своих салонах и в своей корреспонденции! Но ведь вы выступаете печатно и публично против людей, которые (под знаменем марксизма) никогда и нигде не выступали публично. И вы смеете еще при этом об'являть, что полемизируете против «социал-демократов», зная, что это имя носит только одна группа социалистов-революционеров [36]) и никого другого с нею смешать нельзя!

(Остановлюсь хоть на одном «фактическом» указании, которое попадается у г. Михайловского. Всякий, прочитавший его статью, должен будет согласиться, что он и г. Скворцова (автора «Экон. причин голодовок») [37]) причисляет к «марксистам». А между тем этот г-н сам себя так не называет, и достаточно самого элементарного знакомства с сочинениями социал-демократов, чтобы видеть, что с их точки зрения это—пошлейший буржуй и ничего больше. Какой это марксист, когда он не понимает, что та общественная среда, для которой он прожектирует свои прогрессы,—есть буржуазная среда, что поэтому все «улучшения культуры», действительно замечаемые даже в крестьянском хозяйстве, означают прогресс буржуазный, улучшающий положение меньшинства и пролетаризирующий массы! Какой это марксист, когда он не понимает, что государство, к которому он обращается со своими прожектами, есть классовое государство, способное только поддерживать буржуазию и давить пролетариат!). Г. Михайловский виляет и вертится,

как уличенный гимназист: Я тут совершенно не при чем,—силится доказать он читателю,—я «собственными ушами слышал и собственными глазами видел». Да прекрасно! Мы охотно верим, что у вас под глазами нет никого, кроме пошляков и негодяев, но при чем же тут мы-то, социал-демократы? Кто же не знает, что «в настоящее время, когда» не только социалистическая, но и всякая мало-мальски самостоятельная и честная общественная деятельность вызывает политическое преследование,—на одного, действительно работающего под тем или другим знаменем—народовольчества, марксизма или, хоть скажем, конституционализма—приходится несколько десятков фразеров, прикрывающих этим именем свою либеральную трусость, и еще, может быть, несколько прямых уже подлецов, обстраивающих свои собственные делишки? Не ясно ли, что только самая низменная пошлость способна бы была ставить в упрек какому бы то ни было из этих направлений тот факт, что его знамя пачкает (и при том непублично и нетласно) всякая шваль? Все изложение г. Михайловского—сплошная цепь искажений, извращений и подтасовок. Выше мы видели, что те «истины», из которых исходят социал-демократы, он совершенно переврал, изложил их так, как никто из марксистов нигде и никогда их не излагал и не мог излагать. И если бы он изложил действительное понимание русской действительности социал-демократами, он не мог бы не видеть, что «сообразоваться» с этими воззрениями можно «только на один манер»—содействуя развитию классового самосознания пролетариата, организуя и сплачивая его для политической борьбы против современного режима. У него, впрочем, осталась еще одна уловка. С видом оскорбленной невинности, он фарисейски возводит очи горе и слащаво изрекает: «Я очень рад это слышать, но я не понимаю, против чего вы протестуете» (он так и говорит во 2 № «Р. Б»). «Прочитайте внимательно мой отзыв о пассивных марксистах и вы увидите, что я говорю: с этической точки зрения выразить ничего нельзя».

И это, конечно, не что иное, как пережевывание прежних, жалких увертoк.

Скажите пожалуйста, как назвали бы поступок человека, который об'явил бы, что критикует социально-революционное народничество (а другое еще и не выступало—беру такой период), и который стал бы излагать, примерно, такие вещи:

«Народники, сколько я понимаю, разделяются на три разряда: народники последовательные, которые вполне принимают идеи мужика и в точном соответствии с его желаниями обобщают розги, женобойство и вообще проводят ту гнуснейшую политику правитель-

ства кнута и палки, которая ведь называлась же народной политикой; затем, дескать, народники-трусы, которые не интересуются мнениями мужика и только пытаются перенести в Россию чуждое ей революционное движение, посредством ассоциаций и т. п.—против чего, впрочем, с этической точки зрения ничего возразить нельзя, если бы не скользкость пути, которая легко может свести трусливого народника к последовательному или смелому; и, наконец,—народники-смелые, которые во всей полноте осуществляют народные идеалы хозяйственного мужика и потому садятся на землю, чтобы кулачествовать вплотную»,—все порядочные люди назвали бы, конечно, это подлым и пошлым глумлением. А если бы притом излагавший такие вещи человек не мог получить опровержения от народников в той же печати, если бы при этом идеи этих народников излагались до сих пор только нелегально и потому многие не имели о них точного понятия и могли легко поверить всему, что бы им ни сказали о народниках,—тогда все согласились бы, что такой человек...

Может быть, впрочем, г. Михайловский и сам не совсем еще забыл то слово, которое следовало бы тут поставить.

Довольно однако! Много еще осталось подобных же инсинуаций у г. Михайловского, но я не знаю работы более утомительной, более неблагодарной, более черной, чем возня в этой грязи, собирание разбросанных там и сям намеков, сопоставление их, поиски хоть одного какого-нибудь серьезного возражения.

Довольно!

Апрель 1894.

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ [38]).

В тексте статьи читатель найдет сноски с указанием на дальнейший разбор некоторых вопросов, тогда как на самом деле этого разбора нет.

Причина этого лежит в том, что предлагаемая статья составляет только первую часть ответа на статьи «Русского Богатства» о марксизме. Крайний недостаток времени помешал своевременному выходу этой статьи, между тем как медлить долее мы не считаем возможным: мы и так опоздали на 2 месяца. Вот почему мы решаемся выпустить пока разбор «критики» г. Н. Михайловского, не дожидаясь окончания печатания всей статьи.

В готовящихся 2-м и 3-м изданиях читатель найдет, помимо предлагаемого разбора, также и разбор общественно-экономических воззрений других главарей «Русского Богатства», г.г. С. Южакова и С. Кривенко, в связи с очерком экономической действительности России и вытекающими отсюда «идеями и тактикой социал-демократов».

К ПРЕДЛАГАЕМОМУ ИЗДАНИЮ [39]).

Предлагаемое издание представляет точное воспроизведение первого. Непричастные совершенно к делу составления текста, мы не считали себя вправе подвергать его каким-нибудь изменениям и ограничились только издательской работой. Мотивом, побудившим нас предпринять эту работу, была уверенность в том, что предлагаемое сочинение послужит к некоторому оживлению нашей социал-демократической пропаганды.

Полагая, что готовность служить делу этой пропаганды должна быть непременным следствием социал-демократических убеждений, мы обращаемся ко всем единомышленникам автора предлагаемой брошюры с предложением содействовать всеми средствами (особенно, конечно, переизданием) возможно более широкому распространению как предлагаемого сочинения, так и всех вообще органов марксистской пропаганды. Настоящий момент особенно удобен для такого содействия. Деятельность «Русского Богатства» принимает по отношению к нам все более и более вызывающий характер. В своем стремлении парализовать распространение в обществе социал-демократических идей журнал дошел до прямого обвинения нас в равнодушии к интересам пролетариата и в настаивании на разорении масс. Смеем думать, что такими приемами журнал только вредит себе и подготовляет нашу победу. Однако не следует забывать, что клеветники располагают всеми материальными средствами для самой широкой пропаганды своих клевет. В их распоряжении несколько тысяч экземпляров журнала, к их услугам читальни и библиотеки. Поэтому, чтобы доказать нашим врагам, что и выгоды привилегированного положения не всегда обеспечивают успех инсинуаций, мы должны приложить все наши усилия. Выражаем полную уверенность, что эти усилия найдутся.

Июль 1894.

ВЫПУСК ТРЕТИЙ

В заключение познакомимся еще с одним «другом народа», г. Кривенко, выступающим тоже на прямую войну с социал-демократами.

Впрочем, мы не будем разбирать его статьи («По поводу культурных одиночек»—в № 12 за 1893 г. и «Письма с дороги» в № 1 за 1894 г.) так, как делали это по отношению к г.г. Михайловскому и Южакову. Там разбор их статей целиком был необходим, чтобы ясно представить себе в первом случае—содержание их возражений против материализма и марксизма вообще; во втором—их политико-экономические теории. Теперь нам предстоит ознакомиться, чтобы составить себе полное представление о «друзьях народа», с их тактикой, с их практическими предложениями, с их политической программой. Эта программа нигде не изложена у них прямо, с такой же последовательностью и полнотой, как воззрения теоретические. Поэтому я вынужден брать эту программу из разных статей журнала, отличающегося достаточной солидарностью своих сотрудников, чтобы не встречать противоречий. Вышеупомянутых статей г. Кривенко я буду держаться лишь предпочтительно перед другими как потому, что они больше дают материала, так и потому, что автор их является таким же типичным для журнала практиком, политиком, как г. Михайловский социологом и г. Южаков—экономистом.

Однако, прежде чем переходить к их программе, безусловно необходимым представляется остановиться еще на одном теоретическом пункте. Выше мы видели, как г. Южаков отделывался ничего не говорящими фразами о народной аренде, поддерживающей народное хозяйство, и т. п., прикрывая ими свое непонимание экономики наших земледельцев. Промыслов он не коснулся, ограничившись данными о росте крупной фабрично-заводской промышленности. Теперь г. Кривенко повторяет совершенно подобные фразы о кустарных промыслах. Он прямо противополагает «нашу народную промышленность», т.-е. кустарную—промышленности капиталистической (№ 12, с. 180—181). «Народное производство (sic!),—говорит он,—в большинстве случаев возникает естественно», а капиталистическая промышленность «создается сплошь и рядом искусственно». В другом месте он противополагает «мелкую народную промышленность»—«крупной, капиталистической». Если вы

спросите, в чем же состоит особенность первой,—то узнаете только, что она «мелкая» *) и что орудия труда соединены с производителем (заимствую это последнее определение из вышеупомянутой статьи г. Михайловского). Но ведь это далеко еще не определяет ее экономической организации, да и потом—это совершенно неверно. Г. Кривенко говорит, напр., что «мелкая народная промышленность и до сих пор еще дает гораздо большую сумму валового производства и занимает больше рук, чем промышленность крупная, капиталистическая». Автор имеет в виду, очевидно, данные о числе кустарей, доходящем до 4 милл., а по другому счету до 7 милл. Но кто же не знает, что преобладающей формой экономики наших кустарных промыслов является домашняя система крупного производства? что масса кустарей занимает никак не самостоятельное, а совершенно зависимое, подчиненное положение в производстве, работает не из своего материала, а из материала купца, который платит кустарю только заработную плату? Данные о преобладании этой формы приводились ведь и в легальной даже литературе. Сошлюсь, напр., на превосходную работу известного статистика С. Харизоменова [40]) в «Юрид. Вестнике» [41]) (1883 г. №№ 11 и 12). Сводя имеющиеся в литературе данные о наших кустарных промыслах в центральных губ., где они наиболее развиты, С. Харизоменов пришел к выводу о безусловном преобладании домашней системы крупного производства, т.-е. несомненно капиталистической формы промышленности. «Определяя экономическую роль мелкой самостоятельной промышленности,—говорит он,—мы приходим к таким выводам: в Московской губ. 86,5% годовых оборотов кустарной промышленности дает домашняя система крупного производства и только 13,5% принадлежит мелкой самодеятельной промышленности. В Александровском и Покровском уездах Владимирской губ. 96% годовых оборотов кустарной промышленности падает на долю домашней системы крупного производства и мануфактуры, и только 4% дает мелкая самостоятельная промышленность».

Данных этих никто, насколько известно, не пробовал опровергнуть, да и нельзя их опровергнуть. Как же можно обходить и замалчивать эти факты, называть такую промышленность в противоположность капиталистической «народной» и толковать о возможности развития из нее настоящей?

Об'яснение этому прямому игнорированию фактов только и может

---

*) Еще можно узнать только вот что: „из нее может развиться настоящая (sic!) народная промышленность“,—говорит г. Кривенко. Обычный прием „друзей народа“—говорить праздные и бессмысленные фразы вместо того, чтобы точно и прямо охарактеризовать действительность.

быть одно: общая тенденция «друзей народа», как и всех российских либералов, замазывать антагонизм классов и эксплоатацию трудящегося в России, представляя все это в виде простых только «дефектов». А может быть, впрочем, причина лежит вдобавок и в таких глубоких познаниях о предмете, которые выказывает, напр., г. Кривенко, называя «Павловское ножевое производство»—«производством полуремесленного характера». Это феноменально, до какой степени доходит искажение дела у «друзей народа»! Как можно тут толковать о ремесленном характере, когда павловские ножевщики работают на рынок, а не на заказ? Разве не относит ли г. Кривенко к ремеслу такие порядки, когда купец заказывает кустарю изделия, чтобы отправить их на Нижегородскую ярмарку? Это уж слишком забавно, но должно быть, что это так. На самом деле производство ножа всего менее (сравнительно с другими павловскими производствами) сохранило мелкую кустарную форму с (кажущейся) самостоятельностью производителей: «Производство столового и ремесленного ножа *),—говорит Н. Ф. Анненский [42]),—уже в значительной степени приближается к фабричному или правильнее мануфактурному». Из занятых столовым ножем кустарей в Нижегородской губ. 396-ти человек—на базар работают только 62 (16%), на хозяина **)—273 (69%) и в наемных рабочих—61 (15%). След., только $^1/_6$ кустарей не порабощена прямо предпринимателю. Что касается до другого подразделения ножевого производства—производства складного (перочинного) ножа, то оно, по словам того же автора,—«занимает промежуточное место между столовым ножем и замком: большая часть мастеров здесь работает уже на хозяина, но на-ряду с ними есть еще довольно много самостоятельных кустарей, имеющих дело с рынком».

Всего этот сорт ножа работают 2.552 кустаря в Нижег. губ., из которых на базар работают 48% (1.236), на хозяина—42% (1.058) и в наемных рабочих 10% (258). И здесь, следовательно, самостоятельные (?) кустари в меньшинстве. Да и самостоятельны, конечно, работающие на базар только по виду, а на деле они не менее порабощены капиталу скупщиков. Если мы возьмем данные о промыслах всего Горбатовского уезда Нижег. губ., в котором промыслами занято 21.983 работника, т.-е. **84,5%** всех наличных работников ***), то

*) Наиболее крупное из всех остальных, дающее изделий на 900 тыс. р., при общей сумме павловских изделий в 2.750 тыс

** Т.-е. на купца, который дает кустарям материал и платит им за работу обыкновенную заработную плату.

***) Самобытные русские экономисты, измеряя русский капитализм числом фа-

получим следующие данные (точные данные об экономике промысла имеются лишь о 10.808 рабочих—в промыслах: металлическом, кожевенном, шорном, валяльном, пенькопрядильном): 35,6% кустарей работают на базар; 46,7%—на хозяина и 17,7%—состоят в наемниках. Так. обр., мы видим и здесь преобладание домашней системы крупного производства, преобладание таких отношений, когда труд порабощен капиталу.

Если «друзья народа» так свободно обходят подобного рода факты, то это происходит еще потому, что в своем понимании капитализма они не ушли дальше обыденных вульгарных представлений—капиталист-богатый и образованный предприниматель, ведущий крупное машинное хозяйство,—и не хотят знать научного содержания этого понятия. Мы в предыдущей главе видели, как г. Южаков прямо начинал капитализм с машинной индустрии, минуя простую кооперацию и мануфактуру. Это—общераспространенная ошибка, ведущая между прочим и к тому, что игнорируют капиталистическую организацию наших кустарных промыслов.

Разумеется, домашняя система крупного производства—капиталистическая форма промышленности: мы имеем здесь налицо все ее признаки—товарное хозяйство на высокой уже ступени развития, концентрация средств производства в руках отдельных личностей, экспроприация массы рабочих, которые не имеют своих средств производства и потому прилагают труд к чужим, работают не на себя, а на капиталиста. Очевидно, по организации промысла это—чистый капитализм; особенность его сравнительно с крупной машинной индустрией—техническая неразвитость (об'ясняется главным образом безобразно низкой заработной платой) и сохранение рабочим крохотного земельного хозяйства. Это последнее обстоятельство особенно смущает «друзей народа», привыкших мыслить, как и подобает истым метафизикам, голыми непосредственными противоречиями: да, да—нет, нет, а что сверх того, то от лукавого.

Безземельные рабочие—капитализм; владеют землей—нет капитализма; и они ограничиваются этой успокоительной философией, опуская из виду всю общественную организацию хозяйства, забывая тот общеизвестный факт, что владение землей ни мало не устраняет скотской нищеты этих землевладельцев, подвергающихся самому бесстыдному грабежу со стороны других таких же землевладельцев—«крестьян».

бричных рабочих (sic!), без церемоний относят этих работников и бездну подобных им к населению, занятому сельским хозяйством и страдающему не от гнета капитала, а от искусственных давлений на „народный строй“ (???!!).

Они и не знают, кажется, что капитализм нигде не в состоянии был—находясь на низких сравнительно ступенях развития—оторвать совершенно рабочего от земли. По отношению к З. Европе Маркс установил тот закон, что только крупная машинная индустрия окончательно экспроприирует рабочего. Понятно, поэтому, что ходячие рассуждения об отсутствии у нас капитализма, аргументирующие тем, что «народ владеет землей»,—лишены всякого смысла, потому что капитализм простой кооперации и мануфактуры нигде и никогда не был связан с полным отлучением работника от земли, нисколько не переставая, разумеется, от этого быть капитализмом.

Что же касается до крупной машинной индустрии в России—а эту форму быстро принимают наиболее крупные и важные отрасли нашей промышленности—то и у нас, при всей нашей самобытности, она обладает таким же свойством, как и на всем остальном капиталистическом Западе, она абсолютно уже не мирится с сохранением связи рабочего с землей. Факт этот доказал, между прочим, Дементьев точными статистическими данными, из которых он (совершенно независимо от Маркса) сделал тот вывод, что механическое производство неразрывно связано с полным отлучением работника от земли. Исследование это еще раз доказало, что Россия—страна капиталистическая, что в ней связь трудящегося с землей так слаба и призрачна, могущество имущего (владельца денег, скупщика, крестьянского богатея, мануфактуриста и пр.) так уже прочно, что достаточно еще одного шага техники,—и «крестьянин» ?? (живущий давным давно продажей рабочей силы) превращается в чистого рабочего *). Непонимание «друзьями народа» экономической организации наших кустарных промыслов далеко не ограничивается, однако, этим. Представление их даже и о тех промыслах, где нет работы «на хозяина», так же поверхностно, как и представление о земледельце (что уже мы видели выше). Это, впрочем, и вполне естественно, когда берутся судить и рядить о политико-экономических вопросах господа, только, кажется, и знающие, что есть на свете средства производства, которые «могут» быть соединены с трудящимся—и это очень хорошо; а «могут» быть и отделены от него—и это очень плохо. На этом не далеко уедешь.

Рассуждая о промыслах, которые капитализуются и которые не капитализуются (где «свободно» может существовать мелкое производ-

*) Домашняя система крупного производства не только капиталистическая система, но еще и наихудшая капиталистическая система, соединяющая с наисильнейшей эксплоатацией трудящегося наименьшую возможность для рабочих вести борьбу за свое освобождение.

ство»), г. Кривенко указывает, между прочим, на то, что в некоторых производствах «основные затраты на производство» очень незначительны и где потому возможно мелкое производство. В пример приводит он кирпичное производство, стоимость затрат на которое может, де, быть в 15 раз меньше годового оборота заводов.

Так как это чуть ли не единственное фактическое указание автора (это, повторяю, самая характерная черта суб'ективной социологии, что она боится прямо и точно характеризовать и анализировать действительность, воспаряя предпочтительно в сферу «идеалов»... мещанства),— то мы его и возьмем, чтобы показать, насколько неверны представления «друзей народа» о действительности.

Описание кирпичного промысла (выделка кирпича из белой глины) имеем в хозяйственной статистике московского земства («Сборник», т. VI, вып, 1. часть 2 и т. д.). Промысел сосредоточен главным образом в 3-х волостях Богородского уезда, где находится 233 заведения с 1.402 рабочими (567 семейных*)—41% и 835 наемных—59%) и с суммой годового производства в 357.000 рублей. Промысел возник давно, но особенно развился в последние 15 лет, благодаря проведению железной дороги, значительно облегчившей сбыт. До проведения железной дороги главную роль играла семейная форма производства, уступающая теперь эксплоатации наемного труда. Этот промысел тоже не свободен от зависимости мелких промышленников от крупных по сбыту: вследствие «недостатка денежных средств» первые продают последним кирпич на месте (иногда «сырцом»—не обожженный) по страшно пониженным ценам.

Однако, мы имеем возможность познакомиться и с организацией промысла помимо этой зависимости благодаря приложенной к очерку подворной переписи кустарей,—где указано число рабочих и сумма годового производства для каждого заведения.

Чтобы проследить, применим ли к этому промыслу тот закон, что товарное хозяйство есть капиталистическое хозяйство, т.-е. неизбежно перерождается в него на известной ступени развития, мы должны сравнить заведения по величине их: вопрос состоит именно в взаимоотношении мелких и крупных заведений по роли в производстве, по эксплоатации наемного труда. Взяв за основание число рабочих, делим заведения кустарей на три группы: 1) заведения, имеющие от 1—5 рабочих (и семейных и наемных вместе); 2) имеющие от 6—10 рабочих и 3) имеющие свыше 10 рабочих.

*) Под „семейными" рабочими, в противоположность наемным, разумеются работающие члены хозяйских семей.

Прослеживая величину заведений, состав рабочих и сумму производства в каждой группе, получаем такие данные:

Группы кустарей по числу рабочих.	Среднее число рабочих на 1 зав.	Проц.		Годов. производ. 1 рабоч.	Процентное распределен.			Абсолютные цифры.		
		Зав. с наемн. раб.	Наемн. рабоч.		Заведений.	Рабочих.	Суммы производ.	Число заведений *.	Число рабочих.	Суммы производства (руб.).
I. Имеет 1—5 раб.	2.8	25	19	251	72	34	34 р.	167/43	467 92	119.500
II. 6—10 раб. .	7.3	90	58	249	18	23	22 „	43 39	317.186	79.000
III. Бол. 10 раб.	26.4	100	91	260	10	43	44 „	23/23	609 557	158 500
Итого . . .	6.0	45	59	254	100	100	100	233/105	1.402 835	357.000

Всмотритесь в эту табличку и вы увидите буржуазную или, что то же, капиталистическую организацию промысла: по мере того, как заведение становится крупнее, повышается производительность труда **) (средняя группа представляет исключение), усиливается эксплоатация наемного труда ***), увеличивается концентрация производства ****).

Третья группа, которая почти всецело основывает свое хозяйство на наемном труде, держит в своих руках—при 10% всего числа заведений—44% общей суммы производства.

Эта концентрация средств производства в руках меньшинства, связанная с экспроприацией большинства (наемные рабочие), и об'ясняет нам как зависимость мелких производителей от скупщиков (крупные промышленники и являются скупщиками), так и угнетение труда в этом

*) Знаменатель означает число заведений с наемными рабочими и число наемных рабочих.—То же и в следующей таблице.

**) Один рабочий производит в год в 1-й группе на 251 р., во 2-й—на 249; в 3-й—на 260.

***) Процент заведений с наемниками в 1-й группе—25%; во 2-й—90% и в 3-й—100%; процент наемных рабочих—19%—58%—91%.

****) В 1-й группе на 72% заведений—34% производства; во 2-й на 18%—22%; в 3-й на 10%—44%.

промысле. Мы видим, след., что причина экспроприации трудящегося и эксплоатации его лежит в самих производственных отношениях.

Русские социалисты-народники, как известно, держались противного мнения, усматривая причину угнетения труда в кустарных промыслах не в производственных отношениях (которые об'являлись построенными на таком начале, которое исключает эксплоатацию), а вне их—в политике, именно в политике аграрной, платежной и т. д. Спрашивается, на чем держалось и держится это мнение, которое приобрело теперь почти уже прочность предрассудка? Не на том ли, что господствовало иное представление о производственных отношениях в кустарных промыслах? Совсем нет. Оно держится только благодаря отсутствию какой бы то ни было попытки точно и определенно охарактеризовать данные, действительные формы экономической организации; оно держится лишь благодаря тому, что не выделяют особо производственные отношения и не подвергают их самостоятельному анализу. Одним словом, оно держится лишь по непониманию единственно научного метода общественной науки, именно—материалистического метода. Понятен теперь и ход рассуждений старых наших социалистов.

По отношению к кустарным промыслам они относят причину эксплоатации к явлениям, лежащим вне производственных отношений; по отношению к капитализму крупному, фабрично-заводскому они не могли не видеть, что там — причина эксплоатации лежит именно в производственных отношениях. Получалась непримиримая противоположность, несоответствие, оказывалось непонятным, откуда мог вырасти этот крупный капитализм,—когда в производственных отношениях (которые и не рассматривались!) кустарных промыслов нет ничего капиталистического. Вывод естественный: не понимая связи кустарной и капиталистической промышленности, противополагают первую последней, как «народную»—«искусственной». Появляется идея о противоречии капитализма нашему «народному строю», — идея, имеющая такое широкое распространение и недавно еще в подновленном и улучшенном издании преподнесенная русской публике г. Николаем—оном. Держится такая идея лишь на рутине,—несмотря на всю ее феноменальную нелогичность: о фабрично-заводском капитализме составляют представление по тому, что он действительно есть, а о кустарной промышленности по тому, чем она «может быть», о первом—по анализу производственных отношений,—о вторых—и не пытаясь рассмотреть отдельно производственные отношения и прямо перенося дело в область политики. Стоит обратиться к анализу этих

производственных отношений, и мы увидим, что «народный строй» представляет из себя те же капиталистические производственные отношения, хотя бы и в неразвитом, зародышевом состоянии,—что если отказаться от наивного предрассудка считать всех кустарей равными друг другу и выразить точно различия в среде их,—то разница между «капиталистом» фабрики и завода и «кустарем» окажется подчас меньше разницы между одним и другим «кустарем»,—что капитализм представляет из себя не противоречие «народному строю», а прямое, ближайшее и непосредственное продолжение и развитие его.

Может быть, впрочем, найдут неподходящим взятый пример? скажут, что в данном случае вообще слишком велик *) процент наемных рабочих? Но дело в том, что важны тут совсем не абсолютные цифры, а отношения, вскрываемые ими, отношения, по сущности своей буржуазные и не перестающие быть таковыми ни при сильно выраженной буржуазности, ни при выраженной слабо.

Если угодно, возьму другой пример—нарочно с слабой буржуазностью—возьму (из книги г. Исаева [43]) о промыслах Московской губ.) промысел горшечный, «чисто домашний промысел», по словам г-на профессора. Этот промысел, конечно, может служить представителем мелких крестьянских промыслов: техника самая простая, приспособления самые незначительные, производство дает предметы повсеместного и необходимого обихода. И вот, благодаря подворной переписи кустарей с теми же данными, как и в предыдущем случае, мы имеем возможность изучить экономическую организацию и этого промысла, несомненно уже вполне типичного для всей громадной массы русских мелких, «народных» промыслов. Делим кустарей на группы—1) имеющие от 1—3 рабочих (и семейных и наемных вместе); 2) имеющие 4—5 рабочих; 3) имеющие более 5 рабочих,—и проводим те же расчеты: **).

Очевидно, отношения и в этом промысле—а таких примеров можно было бы привести сколько угодно—оказываются буржуазными, мы видим то же разложение на почве товарного хозяйства и притом разложение специфически капиталистическое, приводящее к эксплоатации наемного труда, играющей уже главную роль в высшей группе, сосредоточившей при $^1/_8$ части всех заведений и при 30% рабочих—почти $^1/_3$ всего производства при значительно высшей сравнительно с средней

*) Это едва ли верно по отношению к промыслам Московской губ., но по отношению к менее развитым промыслам остальной России, может быть, и справедливо.

**) См. таблицу на стр. 138. *Ред.*

Группы кустарей по числу рабочих.	Среднее число рабочих на 1 зав.	Проц.		Голов. производ. 1 рабочего.	Процентное распределен.			Абсолютные цифры.		
		Зав. с наемн. раб.	Наемн. рабоч.		Заведений.	Рабочих.	Суммы производ.	Число заведений.	Число рабочих.	Суммы производства (рубл.).
I. Имеет 1—3 рабоч.	2.4	39	19	461	60	38	36	72/28	174 33	81.500
II. 4—5 раб. . .	4.3	48	20	498	27	32	32	33/16	144/29	71.800
III. Более 5 раб.	8.4	100	65	533	13	30	32	16 16	134 87	71.500
Итого . .	3 7	49	33	497	100	100	100	121 60	452 149	224.800

производительностью труда. Одни уже эти производственные отношения об'ясняют нам появление и силу скупщиков. Мы видим, как у меньшинства, владеющего более крупными и более доходными заведениями и получающего «чистый» доход от чужого труда (в высшей группе горшечников на одно заведение приходится 5,5 наемных рабочих),—скапливаются «сбережения», тогда как большинство разоряются, и даже мелкие хозяева (не говоря уже о наемных рабочих) не в состоянии свести концов с концами. Понятно и неизбежно, что последние будут в порабощении у первых,—неизбежно именно вследствие капиталистического характера данных производственных отношений. Эти отношения состоят в том, что продукт общественного труда, организованного товарным хозяйством, достается в руки частных лиц и в их руках служит орудием угнетения и порабощения трудящегося, средством к личному обогащению на счет эксплоатации массы. И не думайте, что эта эксплоатация, это угнетение выражаются слабее оттого, что такой характер отношений развит еще слабо, что накопление к а п и т а л а, идущее рядом с разорением производителей, ничтожно. Совсем напротив. Это ведет только к более грубым, крепостническим формам эксплоатации, ведет к тому, что капитал, не будучи еще в состоянии прямо подчинить себе рабочего простой покупкой его рабочей силы по ее стоимости, опутывает трудящегося целой сетью ростовщических прижимок, привязывает его к себе кулаческими приемами, и в результате грабит у него не только сверхстоимость, а и громадные части заработной платы, да притом еще забивает его, отнимая возможность переменить «хозяина»,

издевается над ним, обязывая считать благодеянием то, что он «дает» (sic!) ему работу. — Понятно, что ни один рабочий никогда не согласился бы переменить свое положение на положение русского «самостоятельного» кустаря в «настоящей» «народной» промышленности. Понятно также, что все мероприятия, излюбленные российскими радикалами, либо нимало не затронут эксплоатации трудящегося и порабощения его капиталу, оставаясь единичными экспериментами (артели), либо ухудшат положение трудящихся (неотчуждаемость наделов), либо, наконец, только очистят, разовьют и упрочат данные капиталистические отношения (улучшение техники, кредиты и т. п.).

«Друзья народа» впрочем никогда не смогут вместить того, чтобы в крестьянском промысле, при общей его мизерности, при ничтожной сравнительно величине заведений и крайне низкой производительности труда, при первобытной технике и небольшом числе наемных рабочих был к а п и т а л и з м. Они никак не в состоянии вместить, что к а п и т а л—это известное отношение между людьми, отношение, остающееся таковым же и при большей и при меньшей степени развития сравниваемых категорий. Буржуазные экономисты никогда не могли понять этого: они всегда возражали против такого определения капитала. Помнится, в «Р. Мысли» один из них, говоря о книге Зибера [44]) (о теории Маркса), приводил это определение (капитал—отношение), ставил восклицательные знаки и негодовал.

Это—самая характерная черта буржуазных философов—принимать категории буржуазного режима за вечные и естественные; поэтому они и для капитала берут такие определения, как, например, накопленный труд, служащий для дальнейшего производства,—т.-е. определяют его как вечную для человеческого общества категорию, замазывая таким образом ту особую, исторически определенную экономическую формацию, когда этот, «накопленный труд», организованный товарным хозяйством, попадает в руки того, кто не трудился, и служит для эксплоатации чужого труда. Поэтому и получается у них, вместо анализа и изучения определенной системы производственных отношений,—ряд банальностей, приложимым ко всяким порядкам, вперемежку с сентиментальной водицей мещанской морали.

Вот теперь и смотрите,—почему называют «друзья народа» эту промышленность «народной», почему противополагают ее капиталистической? Только потому, что эти господа—идеологи мещанства и не в состоянии себе даже представить того, что эти мелкие производители живут и хозяйничают при системе товарного хозяйства (почему я их и называю мещанами) и что их отношения к рынку необходимо и не-

изоежно раскалывают их на буржуазию и пролетариат. Попробовали бы вы изучить действительную организацию наших «народных» промыслов, вместо того, чтобы фразерствовать о том, что «может» из них выйти,—и мы посмотрели бы, сумели бы вы найти в России такую мало-мальски развитую отрасль кустарной промышленности, которая бы не была организована капиталистически.

А если вы не согласны с тем, что признаками необходимыми и достаточными для этого понятия является монополизация средств производства в руках меньшинства, освобождение от них большинства и эксплоатация наемного труда (говоря общее,—присвоение частными лицами продукта общественного труда, организованного товарным хозяйством—вот в чем суть капитализма),—тогда потрудитесь дать «свое» определение капитализма и «свою» историю его.

На деле организация наших кустарных «народных» промыслов дает превосходную иллюстрацию к общей истории развития капитализма. Она показывает нам наглядно возникновение, зародыш его, например, в форме простой кооперации (высшая группа в горшечном промысле), показывает далее, как скапливающиеся в руках отдельных личностей—благодаря товарному хозяйству—«сбережения» становятся капиталом, монополизируя сначала сбыт («скупщики» и торговцы) вследствие того, что только у владельцев этих «сбережений» есть необходимые для оптовой продажи средства, позволяющие выждать реализацию товаров на далеких рынках; как, далее, этот торговый капитал порабощает себе массу производителей и организует капиталистическую мануфактуру, капиталистическую домашнюю систему крупного производства; как, наконец, расширение рынка, усиление конкуренции приводит к повышению техники, как этот торговый капитал становится индустриальным и организует крупное машинное производство. И когда этот капитал, окрепши и поработивши себе миллионы трудящихся, целые районы,—начинает прямо уже и без стеснения давить на правительство, обращая его в своего лакея,—тогда наши остроумные «друзья народа» поднимают вопли о «насаждении капитализма», об «искусственном создании» его!

Нечего сказать, во-время спохватились!

Таким образом г. Кривенко своими фразами о народной, настоящей, правильной и т. п. промышленности просто-на-просто попытался замазать тот факт, что наши кустарные промыслы представляют из себя тоже самое капитализм на разных ступенях его развития. С приемами этими мы достаточно познакомились уже у г. Южакова, который—вме-

сто изучения крестьянской реформы—говорил фразы об основной цели знаменательного манифеста и т. п., вместо изучения аренды—называл ее народной, вместо изучения того, как складывается внутренний рынок капитализма,—философствовал о неминуемой катастрофе его по неимению рынков, и т. д.

Чтобы показать, до какой степени извращают факты г.г. «друзья народа», остановлюсь еще на одном примере *): наши суб'ективные философы так редко дарят нас точными указаниями на факты, что было бы несправедливо обойти одно из этих, наиболее точных у них, указаний;—именно ссылку г-на Кривенко (№ 1 за 94 г.) на воронежские крестьянские бюджеты. Мы можем тут, на примере ими же выбранных данных, наглядно убедиться, чье представление о действительности более правильно, русских ли радикалов и «друзей народа», или русских социал-демократов.

Статистик воронежского земства, г. Щербина [45]), дает в приложении к своему описанию крестьянского хозяйства в Острогожском уезде 24 бюджета типичных крестьянских хозяйств и в тексте разрабатывает их **).

Г. Кривенко воспроизводит эту разработку, не видя или, вернее, не желая видеть, что приемы ее совершенно не пригодны для того, чтобы составить представление об экономике наших земледельцев-крестьян. Дело в том, что эти 24 бюджета описывают совершенно различные хозяйства—и зажиточные, и средние, и бедные, на что указывает и сам г. Кривенко (стр. 159), причем, однако, он, подобно г. Щербине, оперирует просто над с р е д н и м и цифрами, соединяющими вместе различнейшие типы хозяев, и таким образом прикрывает совершенно их разложение. А разложение нашего мелкого производителя—такой всеобщий, такой крупный факт (на который давно уже обращают внимание русских социалистов социал-демократы. См. произведения Плеханова), что он совершенно ясно обрисовывается даже на таком небольшом числе данных, какое выбрал г. Кривенко. Вместо того,

*) Хотя этот пример касается разложения крестьянства, о котором уже много говорено, но я считаю необходимым разобрать их с о б с т в е н н ы е д а н н ы е, чтобы показать наглядно, какая это наглая ложь, будто социал-демократы интересуются не действительностью, а „провидениями будущего", и как шарлатански поступают „друзья народа", обходя в полемике с нами сущность наших воззрений и отделываясь вздорными фразами.

**) Сборник статистических сведений по Ворон. губ. Т. II, вып. II. Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду. Воронеж 1887.—Самые бюджеты в приложениях, стр. 42—49. Разработка в XVIII главе: „Состав и бюджеты крестьянских хозяйств".

чтобы, говоря о хозяйстве крестьян, разделить их на разряды по величине их хозяйств, по типу ведения хозяйства,—он делит их так же, как и г. Щербина, на юридические разряды крестьян, бывших государственных и бывших помещичьих, обращая все внимание на большую зажиточность первых сравнительно с последними, и упускает из виду, что различия между крестьянами внутри этих разрядов гораздо больше, чем различия по разрядам *). Чтобы доказать это, разделяю эти 24 бюджета на три группы: а) особо выделяю 6 зажиточных крестьян, затем б) 11 средне-состоятельных (№№ 7—10; 16—22 у Щербины) и в) 7 бедных (№№ 11—15, 23—24 бюджетов в таблице Щербины). Г. Кривенко говорит, напр., что расход на 1 хозяйство у бывших государственных крестьян составляет 541,3 руб., а у бывших помещичьих—417,7 руб. При этом он упускает из виду, что расход этот далеко не одинаков у разных крестьян: у бывших гос. есть, например, крестьянин с расходом в 84,7 р. и с расходом вдесятеро большим—887,4 рублей (если даже опустить немца-колониста с расходом в 1456,2 руб.). Какой смысл может иметь средняя, выведенная из сложения таких величин? Если мы возьмем приведенное мною деление по разрядам, то получим, что у зажиточного расход на 1 хозяйство в среднем дает 855,86 р., у среднего—471,61 руб., а у бедного—223,78 руб. **).

Различие оказывается в отношении примерно 4 : 2 : 1.

Пойдем дальше. Г. Кривенко, следуя Щербине, приводит величину расхода на личные потребности в разных юридических разрядах крестьянства: у бывших гос., например, расход на растительную пищу составляет в год на 1 едока—13,4 р., а у бывших помещичьих—12,2 р. Между тем по экономическим разрядам цифры дают: а) 17,7; б) 14,5 и в) 13,1. Расход на мясную и молочную пищу на 1 едока—у бывших помещичьих—5,2 р.; у бывших гос.—7,7 руб. По разрядам: 11,7—5,8—3,6. Очевидно, что счет по юридическим разрядам только прикрывает громадные различия и ничего больше. Очевидно, поэтому, что он никуда не годится. Доход у бывших гос. крестьян больше, чем у бывших помещичьих, на 53,7%—говорит г. Кривенко: в общем среднем—539 р. (из

*) Несомненно, хозяйство крестьянина, живущего исключительно своим земледельческим хозяйством и держащего батрака,—по типу отличается от хозяйства такого крестьянина, который живет в батраках и от батрачества получает $^1/_3$ заработка. А среди этих 24 хозяев есть и те и другие. Судите сами, какая это выйдет „наука", если мы будем складывать батраков с хозяевами, которые держат батраков, и оперировать над общей средней!

**) Колебания в величине средней семьи гораздо меньше: а) 7,83, б) 8,36, в) 5,28 человек на 1 семью.

24 бюджетов), а по этим разрядам—600 р. с лишним и около 400 р. Между тем по состоятельности доход таков: а) 1053,2 р.; б) 473,8 р.; в) 202,4 р., т.-е. колебания не от 3 : 2, а от 10 : 2.

«Капитальная стоимость крестьянских хозяйств у бывших гос. крестьян—1060 р., а у бывших помещичьих—635 р.», говорит г. Кривенко. А по разрядам *): а) 1737,91 р., б) 786,42 р. и в) 363,38 р.—колебания опять не от 3 : 2, а от 10 : 2. Своим разделением «крестьянства» на юридические разряды, автор отнял у себя возможность составить правильное представление об экономике этого «крестьянства».

Если мы посмотрим на хозяйства разных типов крестьян по состоятельности, то увидим, что зажиточные семьи имеют в среднем 1053,2 р. дохода и 855,86 р. расхода, т.-е. имеют чистого дохода 197,34 р. Средняя семья имеет дохода—473,8 р., расхода—471,61 р.—т.-е. чистый доход 2,19 р. на хозяйство (это еще не считая кредита и недоимки)—очевидно, она едва сводит концы с концами: из 11 хозяйств 5 имеют дефицит. Низшая, бедная группа ведет хозяйство прямо в убыток: при доходе—202,4 руб., расход—223,78 руб., то-есть дефицит 21,38 р. **). Очевидно, что если мы соединим эти хозяйства вместе и возьмем общую среднюю (чистый доход—44,11 р.), мы совершенно исказим действительность. Мы обойдем тогда (как обошел г. Кривенко) тот факт, что получающие чистый доход зажиточные крестьяне все шестеро держат батраков (8 человек)—факт, поясняющий нам характер их земледельческого хозяйства (переходит в фермера), дающего им чистый доход и избавляющего почти совершенно от необходимости прибегать к «промыслам». Эти хозяева (все вместе) покрывают промыслами только 6,5% своего бюджета (412 р. из 6319,5), причем промыслы эти—по одному указанию г. Щербины—таковы, как «извоз» или даже «скупка овец», т.-е. не только не свидетельствующие о зависимости, а, напротив, предполагающие эксплоатацию других (именно в последнем случае: скопленные «сбережения» превращаются в торговый к а п и т а л). У этих хозяев 4 промышленных заведения дающие им 320 р. (5%) дохода ***).

Иной тип хозяйства у средних крестьян: они, как мы видели, едва ли могут свести концы с концами. Земледелие не покрывает их

*) Особенно велики различия в обеспечении инвентарем: в среднем стоимость инвентаря на 1 хозяйство—54,83 р. Но у зажиточных вдвое больше—111,80 р. а у бедных втрое меньше—16.04 р. У средних—48,44 рубля.

**) Интересно отметить, что у батраков—двое из 7 бедных хозяев—бюджет сводится без дефицита: 99 р. дохода и 93,45 расхода на семью. Один батрак живет на хозяйских харчах, одежде и обуви.

***) См. приложение 1 (стр. 212 настоящего издания. *Ред.*)

нужд, и 19% дохода дают так называемые промыслы. Какого сорта эти промыслы,—мы узнаем из статьи г. Щербины. Они указаны для 7 хозяев: только у двоих—самостоятельный промысловый труд (портняжничество и выжигание угольев), у остальных 5—продажа рабочей силы («ходил косарем на низы», «ходит рабочим на винокуренный завод», «работает поденно в страду», «ходит овчаром», «работал в местной экономии»). Это уже полу-крестьяне, полу-рабочие. Сторонние занятия отрывают их от хозяйства и тем окончательно подрывают его. Что касается до бедных крестьян, то у них уже земледелие прямо ведется в убыток; значение «промыслов» в бюджете еще более возрастает (они дают 24% дохода), и промыслы эти почти всецело (за исключением одного хозяина) сводятся к продаже рабочей силы. У двоих из числа их «промыслы» (батрачество) преобладают, давая $^2/_3$ дохода.

Ясно отсюда, что мы имеем дело с совершенно разлагающимся мелким производителем, верхние группы которого переходят в буржуазию, низшие—в пролетариат. Понятно, что если мы возьмем общие средние, мы ничего этого не увидим и не получим никакого представления об экономике деревни.

Только оперирование над этими фиктивными средними позволило автору такой прием. Для определения места этих типичных хозяйств в общем типе поуездного крестьянского хозяйства г. Щербина берет группировку крестьян по надельной земле, и оказывается, что взятые 24 хозяйства (в общем среднем) выше среднего хозяйства по уезду по своему благосостоянию, примерно, на $^1/_8$. Расчет этот нельзя признать удовлетворительным как потому, что среди этих 24 хозяев замечаются громадные различия, так и потому, что группировка по надельной земле прикрывает разложение крестьянства: положение автора, «что надельная земля представляет коренную причину благосостояния» крестьянина, совершенно неправильно. Всякий знает, что «уравнительное» распределение земли внутри общины нимало не мешает безлошадным членам ее забрасывать землю, сдавать ее, итти на сторону и превращаться в пролетариев, а многолошадным—приарендовывать большие количества земли и вести крупное, доходное хозяйство. Если мы возьмем, напр., наши 24 бюджета, то увидим, что один богатый крестьянин, имея 6 дес. надельной земли, доходу получает всего 758,5 р., средний—при 7,1 дес. надела—391,5 р. и бедный—при 6,9 дес. надела—109,5 р. Вообще мы видели, что отношение дохода в разных группах равняется отношению 4 : 2 : 1, тогда как отношение надельной земли будет таково: 22,1 : 9,2 : 8,5 = 2,6 : 1,08 : 1. Это совершенно понятно, потому что мы видим, напр., что зажиточные крестьяне, имея по 22,1 дес. надела на

двор, арендуют еще по 8,8 дес., тогда как средние, имея меньше надела (9,2 дес.), арендуют меньше—7,7 дес., а бедные, при еще меньшем наделе (8,5 дес.), арендуют всего 2,8 дес. *). Поэтому, когда г. Кривенко говорит: «К сожалению, данные, приводимые г. Щербиною, не могут служить точным мерилом общего положения вещей не только в губернии, но даже и в уезде»,—то на это можно только сказать, что они не могут служить мерилом лишь в том случае, если прибегать к неправильному приему вычисления общих средних (к этому приему и не следовало г. Кривенко прибегать), а вообще говоря, данные у г. Щербины так обширны и ценны, что дают возможность сделать правильные выводы—и если г. Кривенко их не сделал, то нечего винить г. Щербину.

Этот последний дает, напр., на стр. 197 группировку крестьян не по надельной земле, а по рабочему скоту, т.-е. группировку по признаку хозяйственному, а не юридическому, и эта группировка дает полное право сказать, что отношения между разными разрядами 24-х взятых типических хозяйств совершенно однородны с отношениями разных экономических групп по всему уезду.

Группировка эта такова **):

Острогожский уезд Воронежской губ.

Группы домохозяев по колич. раб. скота.	Число.		Приходится на двор.			Средняя семья (душ).	Процент.				Дворов.	
	Домохозяев.	% их.	Голов крупного скота.	Надельной земли (дес.).	Арендованной земли (дес.).		С батраками.	С торговопром. завед.	Бездомовых.	Без работников.	Не обработанной земли.	Без инвентаря.
I. Без рабочего скота.	8.728	26,0	0,7	6,2	0,2	4,6	0,6	4,0	9,5	16,6	41,6	98,5
II. С 1 шт. рабоч. скота.	10.510	31,3	3,0	9,4	1,3	5,7	1,4	5,4	1,4	4,9	2,9	2,5
III. С 2—3 шт. раб. скота	11.191	33,3	6,8	13,8	3,6	7,7	8,3	12,3	0,4	1,3	0,4	—
IV. С 4 и бол. шт. раб. скота . .	3.152	9,4	14,3	21,3	12,3	11,2	25,3	34,2	0,1	0,4	0,3	—
Всего . . .	33.581	100,0	4,4	11,2	2,5	6,7	5,7	10,0	3,0	6,3	11,9	2,34

*) Конечно, я не хочу сказать, чтобы данные о 24 хозяйствах **одни** могли опровергнуть положение о коренном значении надельной земли. Но выше были приведены данные по нескольким уездам, совершенно опровергающие его.

**) Сравнение 24-х типических хозяйств с разрядами хозяйств во всем уезде произведено по тем же приемам, по которым г. Щербина сравнивал среднее из 24-х хозяйств с группами по надельной земле.

Из 24 типических хозяйств *) . .	Батраки . .	0.5	7.2	0	4.5
	Бедные. . .	2.8	8.7	3.9	5.6
	Средние . .	8.1	9.2	7.7	8.3
	Зажиточные	13.5	22.1	8.8	7.8
	Всего. . . .	7.2	12.2	6.6	7.3

*) Здесь из бедных выделены два батрака №№ 14 и 15 бюджетов Щербины, так что бедных остается только 5

По поводу этой таблицы нельзя также не отметить, что мы видим здесь точно так же увеличение количества арендуемой земли по мере возрастания состоятельности, несмотря на увеличение количества надельной земли. Таким образом, на данных еще об одном уезде подтверждается неверность мысли о коренном значении надельной земли. Напротив, мы видим, что доля надельной земли во всем землевладении данной группы понижается по мере увеличения состоятельности группы. Складывая надельную и арендованную землю и вычисляя % надельной земли к этой сумме, получаем такие данные по группам: 1) 96,8%; 2) 85%; 3) 79,3%; 4) 63,6%. И такое явление совершенно понятно. Мы знаем, что со времени освободительной реформы земля стала в России товаром. Кто имеет деньги, всегда может купить землю: покупать надо и надельную землю. Понятно, что зажиточные крестьяне концентрируют в своих руках землю и что концентрация эта сильнее выражается в аренде вследствие средневековых стеснений обращения надельной земли. „Друзья народа", стоящие за эти стеснения, не понимают, что это бессмысленное реакционное мероприятие только ухудшает положение бедноты: разоренные, лишенные инвентаря крестьяне во всяком случае должны сдать землю, и запрещение производить эту сдачу (или продажу) поведет либо к тому, что будут сдавать тайком и, следовательно, на худших условиях для сдающего, либо к тому, что беднота будет даром отдавать землю „обществу", т.-е тому же кулаку.

Не могу не привести здесь глубоко верного рассуждения Гурвича[46]) об этой пресловутой „неотчуждаемости":

„Чтобы разобраться в этом вопросе, мы должны посмотреть, кто является покупателем крестьянской земли. Мы видели, что только меньшая часть участков четвертной земли была куплена купцами. Вообще говоря, мелкие участки, продаваемые дворянами, покупаются одними крестьянами. Следовательно, этот вопрос затрогивает отношения одних только крестьян и не задевает интересов ни дворянства, ни класса капиталистов. Очень возможно, что в подобных случаях благоугодно будет русскому правительству кинуть подачку народникам. Это странное соединение (mésalliance) восточной патриархальной опеки (oriental peternalism) с каким-то уродливым государственно-социалистическим прогибиционизмом едва ли не вызовет оппозиции именно тех, кого хотят облагодетельствовать. Так как процесс разложения деревни идет, очевидно, извнутри ее, а не извне,—то неотчуждаемость крестьянской земли будет равносильна просто-на-просто безвозмездной экспроприации бедноты в пользу богатых членов общины.

„Мы замечаем, что % переселенцев среди четвертных крестьян, которые имели право отчуждать свою землю, был значительно выше, чем среди бывших государственных крестьян с общинным землевладением, именно: в Раненбургском уезде (Ряз. губ.) процент переселенцев среди первых—17%, среди вторых—9%; в Дан-

Не подлежит никакому сомнению, что в общем и среднем 24 типические хозяйства выше поуездного типа крестьянского хозяйства. Но если мы вместо этих фиктивных средних возьмем экономические разряды, то получим возможность сравнения.

Мы видим, что батраки в типичных хозяйствах несколько ниже хозяев без рабочего скота, но очень близко подходят к ним. Бедные хозяева очень близко подходят к владельцам 1 штуки рабочего скота (если скота меньше на 0,2:—у бедных 2,8, у однолошадных 3,—то зато земли всей и надельной и арендованной несколько больше—12,6 дес. против 10,7). Средние хозяева очень немногим выше хозяев с 2—3 штуками рабочего скота (у них скота немногим больше; земли несколько меньше), а зажиточные хозяева подходят к имеющим 4 и больше штуки рабочего скота, будучи немногим ниже их. Мы вправе, след., сделать тот вывод, что всего по уезду имеется не менее 0,1 хозяев, ведущих правильное, доходное земледельческое хозяйство и не нуждающихся в сторонних заработках. (Доход этот—важно заметить—выражается в деньгах и, след., предполагает торговый характер земледелия.) Ведут они хозяйство в значительной мере при помощи наемных рабочих: не менее ¼ части дворов держат постоянных батраков, а сколько еще берут временных поденщиков, неизвестно. Затем в уезде более половины

ковском уезде среди первых — 12%, среди вторых — 5%. Отчего происходит эта разница? Один конкретный пример пояснит это:

„В 1881 г. маленькая община из 5 домохозяев, бывших крепостных Грегорова, переселилась из деревни Бигильдино, Данковского уезда. Свою землю, 30 дес., она продала богатому крестьянину за 1.500 р. Дома переселенцам нечем было существовать, и большинство из них были годовыми рабочими“ (Сб. ст. св., ч. II, с. 115, 247). По данным г. Григорьева („Переселения крестьян Рязанск. губ.“) 300 рублей—такова цена среднего крестьянского участка в 6 дес.—достаточно для того, чтобы крестьянская семья могла завести земледельческое хозяйство в Южной Сибири. Таким образом, совершенно разорившийся крестьянин имел бы возможность, продав свой участок общинной земли, сделаться земледельцем в новой стране. Благоговение перед священными обычаями предков едва ли бы могло устоять перед таким искушением, не будь противодействующего вмешательства всемилостивейшей бюрократии.

„Меня, конечно, обвинят в пессимизме, как обвиняли недавно за мои взгляды на переселение крестьян („Сев. Вестн.“ 1892, № 5, ст. Богдановского). Рассуждают обыкновенно приблизительно таким образом: допустим, что дело представлено в точном соответствии с жизнью, какова она есть в действительности, но вредные последствия (переселений) обязаны своим появлением ненормальным условиям крестьянства, а при нормальных условиях возражения против переселений „не имели бы силы“. К несчастью, однако, эти действительно „ненормальные“ условия развиваются самопроизвольно, а создание „нормальных“ условий не во власти благожелателей крестьянства“ (Назв. соч., стр. 137).

хозяев бедных (до 0,6: безлошадные и однолошадные, 26%+31,3%==57,3%), ведущих прямо-таки убыточное хозяйство, след., разоряющихся, подвергающихся постоянной и неуклонной экспроприации. Они вынуждены продавать свою рабочую силу, причем около ¼ части крестьян живут уже гораздо более наемным трудом, чем земледелием. Остальные крестьяне—средние, кое-как ведущие земельное хозяйство с постоянными дефицитами, с добавлением сторонних заработков, лишенные, след., мало-мальской хозяйственной устойчивости.

Я нарочно с такой подробностью остановился на этих данных, чтобы показать, в каком извращенном виде представлена действительность г-ном Кривенко. Недолго думая, берет он общие средние и оперирует с ними: понятно, получается не только фикция, а прямая фальшь. Мы видели, напр., что один зажиточный крестьянин (из типических бюджетов) своим чистым доходом (+197,34) покрывает дефициты д е в я т и бедных дворов (—21,38×9==—192,42), так что 10% богатых крестьян в уезде не только покроют дефициты 57% бедноты, но и дадут некоторый избыток. И г. Кривенко, получая из среднего бюджета по 24 хозяйствам такой избыток в 44,14 р.—а без кредита и недоимок 15,97 р.—говорит поэтому просто об «упадке» хозяев средних и стоящих ниже среднего. На деле же об упадке можно говорить только разве применительно к среднему крестьянству *), а по отношению к массе бедноты мы видим уже прямую э к с п р о п р и а ц и ю, сопровождающуюся притом концентрацией средств производства в руках меньшинства, владеющего сравнительно крупными и прочно стоящими хозяйствами.

Игнорирование этого последнего обстоятельства помешало автору подметить еще следующую, очень интересную черту этих бюджетов: они равным образом доказывают, что р а з л о ж е н и е к р е с т ь я н с т в а с о з д а е т в н у т р е н н и й р ы н о к. С одной стороны, от высшей группы к низшей растет значение дохода от промыслов (6,5%—18,8%—23,6% всего бюджета у зажиточных, средних и бедных), т.-е. главным образом от продажи рабочей силы. С другой стороны, от низших групп к высшим растет товарный (даже более: б у р ж у а з н ы й, как мы видели) характер земледелия, растет процент отчуждаемого хлеба: доход от земледелия по разрядам у всех хозяев: а) $\frac{3.861,7,}{1.774,4}$

*) Да и то едва ли это будет верно, потому что упадок предполагает временную и случайную потерю устойчивости, а среднее крестьянство, как мы видели, всегда находится в неустойчивом положении, на краю разорения.

б) $\frac{3.163,8}{898,9}$, в) $\frac{889,9}{175.24}$ дохода *) составляющую 45,5%—28,3%—25,4% от высшего разряда к низшему.

Мы, опять таки, наглядно видим тут, как средства производства, от которых отделяются экспроприируемые крестьяне, превращаются в к а п и т а л.

Понятно, что г. Кривенко из использованного или, вернее, изуродованного таким образом материала не мог сделать правильных выводов. Описавши со слов одного новгородского крестьянина, его соседа по жел.-дорожному вагону, денежный характер крестьянского хозяйства тех мест, он вынужден сделать тот справедливый вывод, что именно эта обстановка, обстановка товарного хозяйства «вырабатывает» «особые способности», порождает одну заботу: «дешевле снять (сенокос)», «дороже продать» (стр. 156) **). Эта обстановка служит «школой», «пробуждающей (верно!..) и изощряющей коммерческие дарования». «Открываются таланты, из которых выходят Колупаевы, Деруновы и прочих наименований живоглоты ***), а простодушные и простоватые отстают, опускаются, разоряются и переходят в батраки» (156 стр.). Данные по губернии, поставленной совсем в иные условия,—земледельческой (Воронежской)—приводят к таким же выводам. Казалось бы, дело довольно ясное: отчетливо обрисовывается система товарного хозяйства, как основной фонд экономики страны вообще и «общинного» «крестьянства» в частности, обрисовывается и тот ф а к т, что это товарное хозяйство и и м е н н о о н о раскалывает «народ» и «крестьянство» на пролетариат (разоряются, переходят в батраки) и буржуазию (живоглоты), т.-е. превращается в капиталистическое хозяйство. Но

*) Для вычисления денежного дохода от земледелия (Щербина его не дает) пришлось прибегнуть к довольно сложным расчетам. Надо было из всего дохода от хлебов исключить доход от соломы и половы, идущих, по словам автора, на корм скоту. Автор сам исключает их в гл. XVIII, по только для итоговых цифр по уезду, а не для данных 24-х хозяйств. Из его итоговых данных я определил процент дохода от зерна (сравнительно со всем доходом от хлеба, т.-е. и от зерна и от соломы с половой и по нему исключил в данном случае солому и полову. Процент этот для ржи—78,98 %, для пшеницы—72,67 %, для овса и ячменя—73,32 %, для проса и гречихи—77,78%. Затем уже количество продаваемого зерна определялось вычитанием того количества, которое расходуется в своем хозяйстве.

**) „Нужно работника подешевле нанять, да пользу из него извлечь"—совершенно справедливо говорит там же г. Кривенко.

***) Г. Южаков! Как же это так: ваш товарищ говорит, что в „живоглоты" выходят „таланты", а вы уверяли, что таковыми делаются люди лишь потому, что обладают „некритическим умом"? Это уже, господа, нехорошо: в одном журнале побивать друг дружку!

«друзья народа» никогда не решаются прямо смотреть на действительность и называть вещи своими именами (это слишком «сурово»)! И г. Кривенко рассуждает:

«Некоторые находят такой порядок вполне естественным (надо было добавить: вполне естественным следствием капиталистического характера производственных отношений. Тогда была бы это точная передача мнений «некоторых», и тогда нельзя бы уже было отделываться от этих мнений пустыми фразами, а пришлось бы по существу разобрать дело. Когда автор не задавался специальной целью борьбы с «некоторыми», он и сам должен был признать, что денежное хозяйство есть именно та «школа», из которой выходят «талантливые» живоглоты и «простодушные» батраки) и усматривают в нем непреоборимую миссию капитализма. (Ну, конечно! Находить, что борьбу нужно вести именно против «школы» и хозяйничающих в ней «живоглотов» с их административными и интеллигентными лакеями—это значит считать капитализм непреоборимым. Зато вот оставлять в полной неприкосновенности капиталистическую «школу» с живоглотами и хотеть устранить либеральными полумерами ее капиталистические продукты—это значит быть истинным «другом народа»!) Мы смотрим на это несколько иначе. Капитализм несомненно играет тут значительную роль, на что мы выше и указывали (это именно вышеприведенное указание на школу живоглотов и батраков), однако нельзя сказать, чтобы роль его была такой уж всеобъемлющей и решающей, чтобы в происходящих переменах в народном хозяйстве не было других факторов, а в будущем никакого другого выхода» (стр. 160).

Вот извольте видеть! Вместо точной и прямой характеристики современного строя, вместо определенного ответа на вопрос, почему «крестьянство» раскалывается на живоглотов и батраков, — г. Кривенко отделывается ничего не говорящими фразами. «Нельзя сказать, чтобы роль капитализма была решающая». В этом-то ведь весь и вопрос, можно это сказать или нельзя.

Чтобы защитить свое мнение, вы должны были бы указать, какие другие причины «решают» дело, какой другой «выход» может быть, кроме того, который указывают социал-демократы—классовой борьбы пролетариата против живоглотов *). Никаких указаний однако не де-

*) Если к восприятию идеи о классовой борьбе пролетариата с буржуазией оказываются пока способны только городские фабрично-заводские рабочие, а не деревенские „простодушные и простоватые“ батраки, т.-е. именно люди, утратившие эти милые качества, столь тесно связанные с „вековыми устоями“ и с „общин-

лается. Впрочем, может быть, автор именно нижеследующее принимает за указание? Как это ни забавно бы было, но от «друзей народа» всего надо ждать.

«Приходят в упадок, как мы видели, прежде всего хозяйства слабые, у которых мало земли»—именно менее 5 дес. надела. «Типичные же хозяйства государственных крестьян при 15,7 дес. надела отличаются устойчивостью... Правда, для получения такого дохода (чистого в 80 руб.) они приарендовывают еще по 5 дес., но это указывает только, что им нужно».

К чему же сводится эта «поправка», присоединяющая к капитализму пресловутое «малоземелье». К тому, что те, кто мало имеет, и этого лишаются, а имущие (по 15,7 дес.) еще более приобретают *). Да ведь это же—пустая перефразировка того положения, что одни разоряются, другие обогащаются!! Пора бы оставить эти бессодержательные фразы о малоземелье, которые ничего не об'ясняют (так как надельную землю крестьянам не даром дают, а продают), а только описывают процесс, да притом и описывают неточно, так как надо говорить не об одной земле, а о средствах производства вообще и не о том, что их у крестьян «мало», а о том, что крестьяне от них о с в о б о ж д а ю т с я, что они э к с п р о п р и и р у ю т с я растущим капитализмом. «Мы вовсе не хотим сказать, — заключает свою философию г. Кривенко, — что сельское хозяйство должно и может, при всех условиях, остаться «натуральным» и обособленным от обрабатывающей промышленности (опять фразы! да не вы ли сейчас только вынуждены были признать наличность уже в настоящем школы денежного хозяйства предполагающего обмен, а след., обособление земледелия от обрабатывающей промышленности? К чему же опять эта размазня о возможном и должном?), а говорим только, что создавать искусственно обособленную промышленность нерационально (интересно знать, «обособлена» ли промышленность кимряков и павловцев? и кто, как и когда «искусственно создавал» ее?), что отделение работника от земли и орудий производства происходит под влиянием не одного только капитализма, а и других факторов, ему предшествующих и содействующих».

Тут, должно быть, опять предполагалось глубокомыслие насчет того, что если работник отделяется от земли, которая переходит к жи-

---

ным духом",—то это только доказывает правильность теории социал-демократов о прогрессивной революционной работе русского капитализма.

*) Я уже не говорю о нелепости того представления, будто владеющие одинаковым наделом крестьяне равны между собой, а не делятся также на „живоглотов" и „батраков".

воглоту, то это происходит оттого, что у первого земли «мало», а у второго—«много».

И подобная философия обвиняет социал-демократов в «узости», когда они решающую причину видят в капитализме!.. Я остановился еще раз с такой подробностью на разложении крестьян и кустарей именно потому, что необходимо было наглядно пояснить, каким образом представляют себе дело социал-демократы и как они об'ясняют его. Необходимо было показать, что те самые факты, которые для суб'ективного социолога представляются так, что крестьяне «обеднели», а «охотники» да «живоглоты» «учли прибыли в свою пользу»,—с точки зрения материалиста представляются буржуазным разложением товаропроизводителей, разложением, необходимо вызываемым силою самого товарного хозяйства. Необходимо было показать, на каких фактах основано то положение (которое приведено было выше, в I выпуске), что борьба имущих с неимущими идет в России везде, не только на фабриках и заводах, а и в самой глухой деревушке, и везде эта борьба есть борьба буржуазии и пролетариата, складывающихся на почве товарного хозяйства. Разложение, раскрестьянование наших крестьян и кустарей, которое можно изобразить в точности благодаря такому превосходному материалу, как земская статистика, — дает фактическое доказательство верности именно социал-демократического понимания русской действительности, по которому крестьянин и кустарь представляют из себя мелкого производителя в «категорическом» значении этого слова, т.-е. мелкого буржуа. Это положение можно назвать центральным пунктом теории **рабочего социализма** по отношению к старому крестьянскому социализму, который не понимал ни той обстановки товарного хозяйства, в которой живет этот мелкий производитель, ни капиталистического разложения его на этой почве. И потому кто хотел бы серьезно критиковать с.-демократизм,—тот должен бы был сосредоточить свою аргументацию именно на этом, показать, что Россия в политико-экономическом отношении не представляет из себя системы товарного хозяйства, что не на этой почве идет разложение крестьянства, что экспроприация массы населения и эксплоатация трудящегося может быть об'яснена чем-нибудь другим, а не буржуазной, капиталистической организацией нашего общественного (и крестьянского в том числе) хозяйства.

Попробуйте-ка, господа!

Затем, есть еще одно основание, по которому я предпочел для иллюстрации социал-демократической теории данные именно о крестьянском и кустарном хозяйстве. Было бы отступлением от материалисти-

ческого метода, если бы я, критикуя воззрения «друзей чарода», ограничился сопоставлением их идей с марксистскими идеями. Необходимо еще об'яснить «народнические» идеи, показать их **материальное** основание в современных наших общественно-экономических отношениях. Картинки и примеры экономики наших крестьян и кустарей показывают, что такое этот «крестьянин», идеологами которого хотят быть «друзья народа». Они доказывают буржуазность экономики нашей деревни и тем подтверждают правильность отнесения «друзей народа» к идеологам мещанства. Мало того: они показывают, что между идеями и программами наших радикалов и интересами мелкой буржуазии существует самая тесная связь. Эта связь, которая будет еще яснее после разбора программы их в деталях, и об'ясняет нам такое широкое распространение в нашем «обществе» этих радикальных идей; она же прекрасно об'ясняет и политическое лакейство «друзей народа» и их готовность итти на компромиссы.

Было, наконец, еще одно основание останавливаться так подробно на экономике именно тех сторон нашей общественной жизни, где капитализм наименее развит и откуда обыкновенно черпали народники материал для своих теорий. Изучением и изображением этой экономики легче всего было ответить по существу на одно из распространеннейших возражений против социал-демократии, циркулирующих в нашей публике. Исходя из обычной идеи о противоречии капитализма «народному строю» и видя, что социал-демократы считают крупный капитализм прогрессивным явлением, что они хотят именно на него опираться для борьбы против современного грабительского режима,—наши радикалы, без дальних рассуждений, обвиняют социал-демократов в игнорировании интересов массы крестьянского населения, в желании «выварить каждого мужика в фабричном котле» и т. д.

Основываются все эти рассуждения на том именно поразительно-нелогичном и странном приеме, что о капитализме судят по тому, что он в действительности есть, а о деревне—по тому, чем она «может быть». Понятно, что нельзя лучше ответить на это, как показавши им д е й с т в и т е л ь н у ю деревню, д е й с т в и т е л ь н у ю ее экономику.

Всякий, кто беспристрастно, научно взглянет на эту экономику, должен будет признать, что деревенская Россия представляет из себя систему мелких, раздробленных рынков (или маленьких отделений центрального рынка), заправляющих общественно-экономическою жизнью отдельных небольших районов. И в каждом таком районе мы видим все те явления, которые свойственны вообще общественно-экономической организации, регулятором которой является рынок: мы видим разложе-

ние некогда равных, патриархальных непосредственных производителей на богатеев и бедноту, мы видим возникновение к а п и т а л а, особенно торгового, который плетет свои сети над трудящимся, высасывая из него все соки. Когда вы сравниваете описания экономики крестьянства у наших радикалов с точными данными первоисточников о хозяйственной жизни деревни, вас поражает отсутствие в критикуемой системе воззрений места для той массы мелких торгашей, которые кишмя кишат на каждом таком рынке, всех этих шибаев, ивашей и как там еще прозвали их местные крестьяне, всей той массы мелких эксплоататоров, которые хозяйничают на рынках и беспощадно гнетут трудящегося. Их обыкновенно просто отодвигают—«это, де, уже не крестьяне, а торгаши».— Да, вы совершенно правы: это—«уже не крестьяне». Но попробуйте выделить в особую группу всех этих «торгашей», т.-е., говоря точным политико-экономическим языком, тех, кто ведет коммерческое хозяйство и кто хотя бы отчасти присваивает себе чужой труд, попробуйте выразить в точных данных экономическую силу этой группы и ее роль во всем хозяйстве района; попробуйте затем выделить в противоположную группу всех тех, кто тоже «уже не крестьянин», потому что несет на рынок свою рабочую силу, потому что работает не на себя, а на другого,—попробуйте выполнить эти элементарные требования беспристрастного и серьезного исследования, и вы увидите такую яркую картину буржуазного разложения, что от мифа о «народном строе» останется одно воспоминание. Эта масса мелких деревенских эксплоататоров представляет страшную силу, страшную особенно тем, что они давят на трудящегося враздробь, по одиночке, что они приковывают его к себе и отнимают всякую надежду на избавление, страшную тем, что эта эксплоатация при дикости деревни, порождаемой свойственными описываемой системе низкою производительностью труда и отсутствием сношений, представляет из себя не один грабеж труда, а еще и азиатское надругательство над личностью, которое постоянно встречается в деревне. Вот если вы станете сравнивать эту д е й с т в и т е л ь н у ю деревню с нашим капитализмом,—вы поймете тогда, почему социал-демократы считают прогрессивною работу нашего капитализма, когда он стягивает эти мелкие раздробленные рынки в один всероссийский рынок, когда он создает на место бездны мелких благонамеренных живоглотов кучку крупных «столпов отечества», когда он обобществляет труд и повышает его производительность, когда он разрывает это подчинение трудящегося местным кровопийцам и создает подчинение крупному к а п и т а л у. Это подчинение является прогрессивным по сравнению с тем—несмотря на все ужасы угнетения труда, вымирания, одича

ния, калечения женских и детских организмов и т. д., — потому, что оно **будит мысль рабочего**, превращает глухое и неясное недовольство в сознательный протест, превращает раздробленный, мелкий, бессмысленный бунт в организованную классовую борьбу за освобождение всего трудящегося люда, борьбу, которая черпает свою силу из самых условий существования этого крупного капитализма и потому может безусловно рассчитывать на **верный успех**.

В ответ на обвинение в игнорировании массы крестьянства, социал-демократы с полным правом могут привести слова Карла Маркса:

«Критика сорвала с цепей украшавшие их воображаемые цветы не для того, чтобы человечество продолжало нести эти оковы в их форме, лишенной всякой фантазии и всякой радости, а для того, чтобы оно сбросило цепи и протянуло руку за живым цветком.

Русские социал-демократы срывают с нашей деревни украшающие ее воображаемые цветы, воюют против идеализаций и фантазий, производят ту разрушительную работу, за которую их так смертельно ненавидят «друзья народа»,—не для того, чтобы масса крестьянства оставалась в положении теперешнего угнетения, вымирания и порабощения, а для того, чтобы пролетариат понял, каковы те цепи, которые сковывают повсюду трудящегося, понял, как куются эти цепи, и сумел подняться против них, чтобы сбросить их и протянуть руку за настоящим цветком.

Когда они несут эту идею тем представителям трудящегося класса, которые по своему положению одни только способны усвоить классовое самосознание и начать классовую борьбу,—тогда их обвиняют в желании вываривать мужика в котле.

И кто обвиняет?—

Люди, которые сами возлагают свои упования относительно освобождения трудящегося на «правительство» и «общество», т.-е. органы той самой буржуазии, которая повсюду и сковала трудящихся!

Топырщатся же подобные слизняки толковать о без'идеальности социал-демократов!

Перейдем к политической программе «друзей народа», теоретическими воззрениями которых мы занимались, кажется, уже чересчур много. Какими мерами хотят они «потушить пожар»? В чем видят они выход, неправильно, дескать, указываемый социал-демократами?

«Реорганизация крестьянского банка, — говорит г. Южаков в статье: «Министерство земледелия» (№ 10 «Р. Б-ва»),—учреждение коло-

низационного управления, упорядочение в интересах народного хозяйства аренды казенных земель,... разработка и регулирование арендного вопроса, — такова программа восстановления народного хозяйства и ограждения его от экономического насилия (sic!) со стороны нарождающейся плутократии». А в статье: «Вопросы экономического развития» эта программа «восстановления народного хозяйства» пополняется следующими «первыми, но необходимыми шагами»:—«устранение всяких препятствий, ныне опутывающих сельскую общину; освобождение ее от опеки, переход к общественным запашкам (обобществление земледельческого промысла) и развитие общинной обработки сырья, добытого из земли». А г.г. Кривенко и Карышев прибавляют: «дешевый кредит, артельная форма хозяйства, обеспеченность сбыта, возможность обходиться без предпринимательской выгоды (об этом особо ниже), изобретение более дешевых двигателей и других технических улучшений», наконец,—«музеи, склады, комиссионерские конторы».

Всмотритесь в эту программу и вы увидите, что эти господа вполне и целиком становятся на почву современного общества (т.-е. на почву капиталистических порядков, чего они не сознают) и хотят отделаться штопанием и починкой его, не понимая, что все их прогрессы—дешевый кредит, улучшения техники, банки и т. п.—в состоянии только усилить и развить буржуазию.

Ник.—он совершенно прав, конечно, — и это одно из наиболее ценных его положений, против которого не могли не протестовать «друзья народа»—что никакими реформами на почве современных порядков помочь делу нельзя, что кредит и переселения и податные реформы и переход в руки крестьян всей земли,—ничего существенно не изменят, а напротив — должны усилить и развить капиталистическое хозяйство, ныне сдерживаемое излишней «опекой», остатками крепостнических платежей, прикреплением крестьян к земле и т. д. Экономисты, желающие экстенсивного развития кредита,—говорит он,—вроде кн. Васильчикова [47]) (по своим идеям несомненный «друг народа»), хотят того же, что и «либеральные», т.-е. буржуазные экономисты, «стремятся к развитию и упрочению капиталистических отношений». Они не понимают антагонистичности наших производственных отношений (в «крестьянстве» так же, как и в других сословиях) и вместо того, чтобы стараться вывести этот антагонизм на открытую дорогу, вместо того, чтобы прямо примкнуть к тем, кто порабощается в силу этого антагонизма, и стараться помочь ему подняться на борьбу,—они мечтают прекратить борьбу мерами, рассчитанными на всех, на примирение и об'единение. Понятно, какой результат может выйти из всех

этих мер: достаточно вспомнить вышеприведенные примеры разложения, чтобы убедиться, что всеми этими кредитами *), улучшениями, банками и т. п. «прогрессами» в состоянии будет воспользоваться только тот, кто имеет при правильном, прочном хозяйстве известные «сбережения», т.-е. представитель ничтожного меньшинства, мелкой буржуазии. И как вы ни реорганизуйте крестьянский банк и тому подобные учреждения, вы этим нимало не затронете того основного и коренного факта, что масса населения экспроприирована и продолжает экспроприироваться, не имея средств даже для того, чтобы прокормить себя, а не то что для заведения правильного хозяйства.

То же самое надо сказать и про «артели», «общественные запашки». Г. Южаков называет последние «обобществлением земледельческого промысла». Конечно, это—только курьезно, потому что для обобществления нужна организация производства не в пределах одной какой-нибудь деревушки, потому что для этого необходима экспроприация «живоглотов», монополизировавших средства производства и заправляющих теперешним русским общественным хозяйством. А для этого нужна борьба, борьба и борьба, а не пустяковинная мещанская мораль.

И потому подобные мероприятия обращаются у них в кроткие либеральные полумеры, прозябающие от щедрот филантропических буржуа и приносящие гораздо больше вреда отвлечением эксплоатируемых от борьбы, чем пользы от того возможного улучшения положения отдельных личностей, которое не может не быть мизерным и шатким на общей основе капиталистических отношений. До какой безобразной степени доходит у этих господ замазывание антагонизма в русской жизни,—производимое, конечно, с самыми благими намерениями, чтобы прекратить настоящую борьбу, т.-е. именно с такими намерениями, которыми вымощен ад,—это показывает следующее рассуждение г. Кривенко:

«интеллигенция руководит предприятиями фабрикантов и может руководить народной промышленностью».

Вся их философия сводится к нытью на ту тему, что есть борьба и эксплоатация, но «могло бы» ее и не быть, если бы... если бы не было эксплоатирующих. В самом деле, что хотел сказать автор своей бессмысленной фразой? Неужели можно отрицать, что российские уни-

*) Эта идея—о поддержке при помощи кредита, „народного хозяйства", т.-е. хозяйства мелких производителей, при наличности капиталистических отношений (а наличность их уже не могут, как мы видели, отрицать „друзья народа"), — эта бессмысленная идея, показывающая непонимание азбучных истин теоретической политической экономии, с полной наглядностью показывает пошлость теории этих господ, пытающихся сидеть между двумя стульями.

верситеты и иные учебные заведения производят каждогодно такую «интеллигенцию» (??), которая ищет только того, кто ее прокормит? Неужели можно отрицать, что средства, необходимые для содержания этой «интеллигенции», имеются в настоящее время в России только у буржуазного меньшинства? Неужели буржуазная интеллигенция в России исчезнет оттого, что «друзья народа» скажут, что она «могла бы» служить не буржуазии? Да, «могла бы», если б ы не была буржуазной. «Могла бы» не быть буржуазной, «если бы» не было в России буржуазии и капитализма! И пробавляются люди весь свой век одними этими «если бы» да «кабы»! Да впрочем, эти господа не только отказываются придавать решающее значение капитализму, но и вообще не хотят видеть ничего дурного в капитализме. Если устранить некоторые «дефекты»,—тогда они, может быть, очень недурно при нем устроятся. Не угодно ли такое заявление г-на Кривенко:

«Капиталистическое производство и капитализация промыслов вовсе не представляют таких ворот, через которые обрабатывающая промышленность может только уходить от народа. Разумеется, она может уйти, но может также и войти в народную жизнь и стать ближе к сельскому хозяйству и добывающей промышленности. Для этого возможно несколько комбинаций и этому могут служить как другие, так и эти же самые ворота» (161). У г. Кривенко есть некоторые очень хорошие качества,—сравнительно с г. Михайловским. Напр., откровенность и прямолинейность. Где г. Михайловский исписал бы целые страницы гладкими и бойкими фразами, увиваясь около предмета и не касаясь его самого, там деловитый и практичный г. Кривенко рубит с плеча и без зазрения совести выкладывает перед читателем все абсурды своих воззрений целиком. Извольте видеть: «капитализм может войти в народную жизнь». Т.-е. капитализм возможен без отделения трудящегося от средств производства! Право, это прелестно; мы теперь, по крайней мере, с полной ясностью представляем себе, чего хотят «друзья народа». Они хотят товарного хозяйства без капитализма,—капитализма без экспроприации и без эксплоатации, с одним только мещанством, мирно прозябающим под покровом гуманных помещиков и либеральных администраторов. И они с серьезным видом департаментского чиновника, намеревающегося облагодетельствовать Россию, принимаются сочинять комбинации такого устройства, когда бы и волки были сыты и овцы целы. Чтобы составить себе представление о характере этих комбинаций, мы должны обратиться к статье того же автора в № 12 («По поводу культурных одиночек»): «Артельная и государственная форма промышленности,—рассуждает г. Кривенко, во-

образив, видимо, что его уже «призвали» «решать практические экономические проблемы»,—вовсе не представляет собой всего, что в данном случае можно представить. Возможна, напр., такая комбинация». И дальше повествуется, как в редакцию «Р. Богатства» пришел техник с проектом технической эксплоатации Донской области в форме акционерного предприятия с мелкими акциями (не более 100 р.). Автору проекта было предложено видоизменить его таким, примерно, образом: «чтобы акции принадлежали не частным лицам, а сельским обществам, при чем часть их населения, которая станет работать в предприятиях, получала бы обыкновенную заработную плату, а сельские общества гарантировали бы ей связь с землей».

Неправда ли, какая административная гениальность! С какой умилительной простотой и легкостью вводится капитализм в народную жизнь и устраняются его зловредные качества! Нужно только устроить так, чтобы через посредство общества сельские богатеи купили акции *) и получали доход от предприятия, на котором трудилась бы «часть населения», обеспеченная в связи с землей,—такой «связи», которая не дает возможности жить с этой земли (иначе кто бы пошел работать за «обыкновенную заработную плату»?), но достаточна, чтобы привязать человека к месту, поработить его именно местному капиталистическому предприятию и отнять возможность переменить одного хозяина на другого. Я говорю о хозяине, капиталисте—с полным правом, потому что тот, кто платит трудящемуся з а р а б о т н у ю п л а т у, не может быть назван иначе.

Читатель, может быть, уже в претензии на меня за то, что я так долго останавливаюсь на таком вздоре, не заслуживающем, повидимому, никакого внимания. Но позвольте. Хотя это и вздор, но вздор такой, который полезно и нужно изучать, потому что он отражает действитель-

---

*) Я говорю о покупке акций богатеями—несмотря на оговорку автора о принадлежности акций обществам—потому, что он все-таки говорит о покупке акций на деньги, каковые имеются только у богатеев. Поэтому через посредство обществ вестись будет дело или нет,— все равно заплатить смогут только богатеи, точно так же, как покупка или аренда земли обществом нимало не устраняет монополизации этой земли богатеями. Затем, доход (дивиденд) должен получать тоже тот, кто платил,—иначе акция не будет акцией. И я понимаю предложение автора в том смысле, что известная часть прибыли будет отчисляться на „обеспечение рабочим связи с землей". —Если же автор разумеет не это (хотя это неизбежно вытекает из сказанного им), а то, чтобы богатеи платили деньги за акции, не получая дивиденда,— тогда его проект просто сводится к тому, чтобы имущие поделились с неимущими. Это вроде того анекдотического снадобья для истребления мух, которое требует, чтобы муху изловили и посадили в посудину,—и муха тотчас умрет.

ные общественно-экономические отношения России и в силу этого принадлежит к распространеннейшим у нас общественным идеям, с которыми социал-демократам долго еще придется считаться. Дело в том, что переход от крепостнического, феодального способа производства к капиталистическому в России порождал, а отчасти и теперь порождает, такое положение трудящегося, при котором крестьянин, не будучи в состоянии прокармливать себя землей и нести с нее повинности в пользу помещика (а он их и по-сейчас несет), вынужден был прибегать к «сторонним заработкам», носившим сначала, в доброе старое время, форму либо самостоятельного промыслого труда (напр., извоз), либо несамостоятельного, но оплачиваемого сравнительно сносно вследствие крайне слабого развития промыслов. Это состояние обеспечивало некоторое, сравнительно с теперешним, благосостояние крестьянства, благосостояние крепостного люда, мирно прозябавшего под сенью ста тысяч благородных полицеймейстеров и нарождающихся собирателей земли русской—буржуа.

И вот «друзья народа» идеализируют этот строй, отбрасывая просто-на-просто его темные стороны, мечтают о нем,—«мечтают» потому, что его давным-давно нет уже в действительности, он давным-давно разрушен капитализмом, породившим массовую экспроприацию земледельческого крестьянства и превратившим прежние «заработки» в самую разнузданную эксплоатацию в избытке предлагающихся рабочих «рук».

Наши рыцари мещанства хотят именно сохранения «связи» крестьянина с землей, но не хотят крепостного права, которое одно только обеспечивало эту связь и которое было сломлено только товарным хозяйством и капитализмом, сделавшими эту связь невозможной. Они хотят заработков на стороне, которые бы не отрывали крестьянина от земли, которые бы—при работе на рынок—не порождали конкуренции, не создавали капитала и не порабощали ему массы населения. Верные суб'ективному методу в социологии, они хотят «взять» хорошее и оттуда и отсюда,—но на деле, разумеется, это ребячье желание ведет только к реакционной мечтательности, игнорирующей действительность, ведет к неумению понять и утилизировать действительно прогрессивные, революционные стороны новых порядков и к сочувствию мероприятиям, увековечивающим добрые старые порядки полукрепостного, полусвободного труда,—порядки, обладавшие всеми ужасами эксплоатации и угнетения и не дававшие никакой возможности выхода.

Чтобы доказать правильность этого об'яснения, относящего «друзей народа» к реакционерам, сошлюсь на два примера.

В московской земской статистике мы можем прочитать описание хозяйства некоей г-жи К. (в Подольском у.), которое (хозяйство, а не описание) восхищало и московских статистиков и г. В. В., если память мне не изменяет (он писал об этом, помнится, в какой-то журнальной статье).

Это пресловутое хозяйство г-жи К. служит для г. В. Орлова [48]) «фактом, убедительно подтверждающим на практике» его любимое положение, будто, «где крестьянское земледелие находится в исправном состоянии, там и хозяйство частных землевладельцев ведется лучше». Из рассказа г. Орлова об имении этой г-жи видно, что она ведет хозяйство посредством труда местных крестьян, обрабатывающих ее землю за получаемую в ссуду зимой муку и т. п., причем владелица относится к крестьянам замечательно заботливо, помогает им, так что теперь это—самые исправные крестьяне в волости, у которых хлеба «достает почти до нови (прежде и до зимнего Николы не хватало)».

Спрашивается, исключает ли «такая постановка дела противоположность интересов крестьянина и землевладельца», как думают г.г. Н. Каблуков [49]) (т. V, с. 175) и В. Орлов (т. II, с. 55—59 и др.)? Очевидно, что нет, ибо г-жа К. живет трудом своих крестьян. Следовательно, эксплоатация совсем не устранена. Не видеть эксплоатации за добрыми отношениями к эксплоатируемым—простительно для г-жи К., но никак не для экономиста-статистика, который, восхищаясь данным случаем, вполне приравнивается к тем Menschenfreunde *) на Западе, которые восхищаются добрыми отношениями капиталиста к рабочему, с упоением передают случаи, когда фабрикант печется о рабочих, устраивает для них потребительные лавки, квартиры и т. п. Заключать от существования (и, следовательно, «возможности») подобных «фактов» к отсутствию противоположности интересов—значит, за деревьями не видеть леса. Это во-первых.

А во-вторых, из рассказа г. Орлова мы видим, что крестьяне г-жи К. «благодаря прекрасным урожаям (помещица дала им хороших семян) завели скот» и ведут «исправное» хозяйство. Представьте себе, что эти «исправные хозяева» сделались не «почти», а вполне исправными: хлеба хватает у них не «почти» до нови и не «у большинства», а всем и вполне хватает хлеба. Представим себе, что земли у этих крестьян стало достаточно, что у них есть и «пастбище и прогон», которых у них теперь нет (хороша исправность!) и которые они арендуют у г-жи К. под работу. Неужели г. Орлов думает, что тогда—т.-е. если бы крестьянское

*) — друзьям человечества. *Ред.*

хозяйство было бы действительно исправно—эти крестьяне стали бы «исполнять все работы по имению г-жи К. тщательно, своевременно и быстро», как это они делают теперь? Или, может быть, признательность к доброй барыне, так матерински выжимающей соки из исправных крестьян, будет импульсом, не менее сильным, чем безысходность настоящего положения крестьян, которые не могут же обойтись без пастбища и прогона?

Очевидно, что таковы же в сущности идеи «друзей народа»: как настоящие идеологи мещанства, они хотят не уничтожения эксплоатации, а смягчения ее, хотят не борьбы, а примирения. Их широкие идеалы, с точки зрения которых они так усердно громят узких социал-демократов, не идут далее «исправного» крестьянства, отбывающего «повинности» перед помещиками и капиталистами, лишь бы только помещики и капиталисты справедливо к ним относились.

Другой пример. Г. Южаков в своей довольно известной статье: «Нормы народного землевладения в России» («Р. Мысль», 1885 № 9) излагал свои воззрения на то, каких размеров должно быть «народное» землевладение, т.-е., по терминологии наших либералов, такое, которое исключает капитализм и эксплоатацию. Теперь—после этого превосходного раз'яснения дела г-ном Кривенко—мы знаем, что он смотрел тоже с точки зрения «введения капитализма в народную жизнь». Minimum'ом «народного» землевладения он брал такие наделы, которые бы покрывали «зерновое довольствие и платежи» *), а остальное, дескать, можно добыть «заработками»... Другими словами, он прямо-таки мирился с таким порядком, когда крестьянин, сохраняя связь с землей, подвергался двойной эксплоатации, отчасти со стороны помещика—по «наделу», отчасти со стороны капиталиста—по «заработкам». Это—состояние мелких производителей, подвергающихся двойной эксплоатации и притом поставленных в такие житейские условия, которые необходимо порождают забитость и придавленность, отнимая всякие надежды не только на победу, но и на борьбу класса угнетенных,—это полусредневековое положение—nec plus ultra кругозора и идеалов

*) Чтобы показать соотношение между этим расходом и остальной частью крестьянского бюджета, сошлюсь ва те же 24 бюджета по Острог. у. Средний расход семьи—495 р. 39 к. (и натуральный и денежный). Из них 109 р. 10 к. идет на содержание скота. 135 р. 80 к.—на продовольствие растительной пищей и налоги, а остальные 250 р. 49 к.—на прочие расходы—пищу нерастительную, одежду, инвентарь, аренду и проч. Содержание скота г. Южаков относит на счет сенокосов и вспомогательных угодий.

«друзей народа». И вот, когда капитализм, развиваясь с громадной быстротой в течение всей пореформенной истории России, стал с корнем вырывать этот устой старой России,—патриархальное, полукрепостное крестьянство,—вырывать его из средневековой, полуфеодальной обстановки и ставить в новейшую, чисто-капиталистическую, заставляя его бросать насиженные места и бродить по всей России в поисках за работой, разрывая порабощение местному «работодателю» и показывая, в чем лежат основания эксплоатации вообще, эксплоатации классовой, а не грабежа данного аспида,—когда капитализм стал массами втягивать остальное, забитое и задавленное до скотского положения крестьянское население в водоворот все усложняющейся общественно-политической жизни,—тогда наши рыцари подняли вопли и стенания о падении и ломке устоев. И они продолжают и сейчас вопить и стенать об этом добром старом времени, хотя теперь, кажется, надо уже быть слепым, чтобы не видеть революционной стороны этого нового уклада жизни, чтобы не видеть, как капитализм создает новую общественную силу, ничем не связанную с старым режимом эксплоатации и поставленную в возможность борьбы против него.

У «друзей народа», однако, и следа не заметно пожеланий какого бы то ни было коренного изменения современных порядков. Они вполне удовлетворяются либеральными мероприятиями на данной почве, и г. Кривенко проявляет на поприще изобретения таких мероприятий настоящие административные способности отечественного помпадура.

«Вообще этот вопрос,—рассуждает он о необходимости «подробного изучения и коренного преобразования» «нашей народной промышленности»,—требует специального рассмотрения и разделения производств на группы производств, применимых к народной жизни (sic!!) и таких, применение которых встречает какие-нибудь серьезные затруднения».

Образец одного такого деления на группы дает нам тот же г. Кривенко, разделяющий промыслы на такие, которые не капитализуются, такие, где произошла уже капитализация, и такие, которые могут «спорить с крупной промышленностью за существование».

«В первом случае»,—решает администратор,—«мелкое производство может свободно существовать» и быть свободным от рынка, колебания которого разлагают мелких производителей на буржуазию и пролетариат? быть свободным от расширения местных рынков и стягивания их в крупный рынок? быть свободным от прогресса техники? Или, может быть, этот прогресс техники—при товарном хозяйстве—может и не быть капиталистическим?—В последнем случае автор требует «ор-

ганизации производства также в крупной форме»: «Ясное дело,—говорит он,—что тут нужна уже организация производства также в крупной форме, нужен основной и оборотный капитал, машины и т. д. или уравновешение этих условий чем-нибудь другим: дешевым кредитом, устранением излишнего посредничества, артельною формой хозяйства и возможностью обходиться без предпринимательской выгоды, обеспеченностью сбыта, изобретением более дешевых двигателей и других технических улучшений или, наконец, некоторым понижением заработной платы, если оно будет возмещаться другими выгодами».

Прехарактерное рассуждение для характеристики «друзей народа» с их широкими идеалами на словах, с их шаблонным либерализмом на деле. Начинает наш философ, как видите, ни больше, ни меньше, как с возможности обходиться без предпринимательской выгоды и с организации крупного хозяйства. Прекрасно: это именно то, ЧЕГО хотят и социал-демократы. Но как же хотят достигнуть этого «друзья народа»? Ведь для организации крупного производства без предпринимателей нужно, во-первых, уничтожение товарной организации общественного хозяйства и замена ее организацией общинной, коммунистической, когда бы регулятором производства был не рынок, как теперь, а сами производители, само общество рабочих, когда бы средства производства принадлежали не частным лицам, а всему обществу. Такая замена частной формы присвоения—общинною требует, очевидно, предварительного преобразования формы производства, требует слияния разрозненных, мелких, обособленных процессов производства мелких производителей в один общественный производительный процесс, требует, одним словом, тех именно материальных условий, которые и создаются капитализмом. Но ведь «друзья народа» вовсе не намерены опираться на капитализм. Как же они намерены действовать? Неизвестно. Они даже и не упоминают об уничтожении товарного хозяйства: очевидно, их широкие идеалы не могут никак выйти из рамок этой системы общественного производства. Затем, ведь для уничтожения предпринимательской выгоды придется экспроприировать предпринимателей, «выгоды» которых проистекают именно из того, что они монополизировали средства производства. Для этой экспроприации столпов нашего отечества нужно ведь народное революционное движение против буржуазного режима, движение, на которое способен только рабочий пролетариат, ничем не связанный с этим режимом. Но «друзья народа» и в мыслях не имеют никакой борьбы, и не подозревают о возможности и необходимости каких-нибудь других общественных деятелей, помимо административных органов са-

мих этих предпринимателей. Ясное дело, что они нисколько не намерены серьезно выступать против «предпринимательской выгоды»: г. Кривенко просто сболтнул. И он немедленно поправляется: можно ведь и «уравновесить» такую вещь, как «возможность обходиться без предпринимательской прибыли»,—«чем-нибудь другим», именно кредитом, организацией сбыта, улучшениями техники. Все устроилось, значит, вполне благополучно: вместо такой обидной для г.г. предпринимателей вещи, как уничтожение их священных прав на «выгоду»,—появились такие кроткие либеральные мероприятия, которые только дадут в руки капитализму лучшие орудия для борьбы, которые только усилят, укрепят и разовьют нашу мелкую «народную» буржуазию. А чтобы не оставить никакого сомнения в том, что «друзья народа» интересы только этой мелкой буржуазии и отстаивают, г. Кривенко дает еще следующее замечательное раз'яснение. Оказывается, что уничтожение предпринимательской выгоды можно «уравновесить»... «понижением заработной платы»!!! С первого взгляда может показаться, что это просто сапоги всмятку. Но нет. Это последовательное проведение идей мещанства. Автор наблюдает такой факт, как борьбу крупного капитала с мелким, и в качестве истинного «друга народа» становится, конечно, на сторону мелкого... к а п и т а л а. Он слыхал при этом, что одним из могущественнейших средств борьбы для мелких капиталистов является понижение заработной платы — факт, совершенно верно подмеченный, констатированный в массе производств и в России, наряду с удлинением рабочего дня. И вот он, желая во что бы то ни стало спасти мелких... к а п и т а л и с т о в, предлагает «некоторое понижение заработной платы, если оно будет возмещаться иными выгодами»! Господа предприниматели, о «выгоде» которых говорились сначала как-будто бы странные вещи, могут быть совершенно спокойны. Они, я думаю, охотно бы даже посадили в министры финансов этого гениального администратора, проектирующего п р о т и в предпринимателей—понижение заработной платы.

Можно привести и еще пример того, как из гуманно-либеральных администраторов «Р. Богатства» проглядывает чистокровный буржуа, как только дело коснется каких-либо практических вопросов. В «Хронике внутренней жизни» в № 12 «Р. Богатства» идет речь о монополии.

«Монополия и синдикат,—говорит автор,—таковы идеалы развитой промышленности». И он удивляется далее, что эти учреждения появляются и у нас, хотя «сильной конкуренции капиталов» у нас нет. «Ни сахарная, ни нефтяная промышленность вовсе еще не достигли особого развития. Потребление как сахара, так и керосина у нас почти в зародыше, если обратить внимание на то ничтожное количество этих продуктов,

какое приходится у нас на одного потребителя сравнительно с другими странами. Казалось бы, поле для развития этих отраслей промышленности очень еще велико и может поглотить массу еще капиталов».

Характерно, что тут как раз—на практическом вопросе—автор забыл любимую идею «Р. Богатства» о сокращении внутреннего рынка. Он вынужден признать, что рынок этот имеет перед собой еще громадное развитие, а не сокращение. Он приходит к этому выводу, сравнивая с Западом, где потребление больше. Почему?—Потому, что культура выше.—Но в чем же состоят материальные основания этой культуры, как не в развитии капиталистической техники, в росте товарного хозяйства и обмена, приводящих людей в более частые столкновения друг с другом, разрушающих средневековую обособленность отдельных местностей? Не была ли во Франции, напр., культура не выше нашей перед великой революцией, когда еще не завершился раскол ее полусредневекового крестьянства на деревенскую буржуазию и пролетариат? И если бы автор повнимательнее присмотрелся к русской жизни, он не мог бы не заметить того, напр., факта, что в местностях с развитым капитализмом потребности крестьянского населения стоят значительно выше, чем в чисто земледельческих местностях. Это отмечается единогласно всеми исследователями наших кустарных промыслов во всех случаях, когда эти промыслы достигают такого развития, что кладут промысловой отпечаток на всю жизнь населения *).

«Друзья народа» не обращают никакого внимания на подобные «мелочи», потому что для них дело тут об'ясняется «просто» культурой или усложняющейся жизнью вообще, при чем они даже и не задаются вопросом о материальных основаниях этой культуры и этого усложнения.—А если бы они обратились хотя бы к экономике нашей деревни, то должны бы были признать, что именно разложение крестьянства на буржуазию и пролетариат создает внутренний рынок.

Они думают, должно быть, что рост рынка вовсе еще не означает роста буржуазии. «Монополия,—продолжает свое рассуждение вышецитированный хроникер внутренней жизни,—у нас при слабом развитии производства вообще, при отсутствии предприимчивости и инициативы явится новым тормозом для развития с и л с т р а н ы». Говоря о табачной монополии, автор рассчитывает, что «она из н а р о д н о г о обращения возьмет 154 милл. руб.». Здесь уже прямо упускается из

*) Для примера сошлюсь хотя бы на павловских кустарей сравнительно с крестьянами окрестных деревень. См. сочинения Григорьева и Анненского.—Нарочно беру для примера опять-таки деревню, в которой имеется будто бы особый „народный строй".

виду, что основой-то наших хозяйственных порядков является товарное хозяйство, руководителем которого и у нас, как и везде, является буржуазия. И вместо того, чтобы говорить о стеснении буржуазии монополией, автор говорит о «стране», вместо того, чтобы говорить о товарном, буржуазном обращении, — о «народном» обращении *). Буржуа никогда не в состоянии уловить разницы между этими понятиями, как она ни громадна. Чтобы показать, до какой степени, действительно, очевидна эта разница, я сошлюсь на журнал, имеющий авторитет в глазах «друзей народа»,—на «Отеч. Записки». В № 2 за 1872 г., в статье «Плутократия и ее основы» [50]) мы читаем:

«По характеристике Марло [51]), самый существенный признак плутократии—это любовь к либеральной форме государства, или по крайней мере к принципу свободы приобретения. Если мы возьмем этот признак и сообразим, что было назад тому каких-нибудь 8—10 лет, то увидим, что по части либерализма мы сделали успехи громадные... Какую бы газету или журнал вы ни взяли,—все они, повидимому, более или менее представляют собой демократический принцип, все бьются за интересы народа. Но рядом с демократическими воззрениями и даже под покровом их (это з а м е т ь т е) то и дело намеренно или ненамеренно проводятся плутократические стремления».

Автор приводит в пример адрес с.-петербургского и московского купечества министру финансов с благодарностью сего почтеннейшего сословия российской буржуазии за то, что «он основал финансовое положение России на возможно большем расширении единственно плодотворной частной деятельности». И автор статьи заключает: «Плутократические элементы и поползновения несомненно есть в нашем обществе и в достаточном количестве».

Видите—ваши предшественники в давнопрошедшее время, когда еще были живы и свежи впечатления великой освободительной реформы (долженствовавшей, по открытию г. Южакова, освободить спокойные и правильные пути развития «народного» производства, а на деле освободившей только пути развития плутократии), сами не могли не признать плутократического, т.-е. буржуазного характера частной предприимчивости в России.

Зачем же вы забыли это? Почему, толкуя о «народном» обращении и развитии «сил страны» благодаря развитию «предприимчивости и инициативы», не упоминаете вы об антагонистичности этого разви-

*) Словоупотребление, которое тем более следует поставить в вину автору, что „Р. Богатство“ любит употреблять слово „народный“ в противоположность буржуазному.

тия? об эксплоататорском характере этой предприимчивости и этой инициативы? Можно и должно, разумеется, высказываться против монополий и т. под. учреждений, так как они, несомненно, ухудшают положение трудящегося, — но не надо забывать, что помимо всех этих средневековых пут трудящийся скован еще более сильными, новейшими, буржуазными путами. Несомненно, отмена монополий будет полезна всему «народу», потому что, когда буржуазное хозяйство стало основой экономики страны—эти остатки средневековых порядков только прибавляют к капиталистическим бедствиям еще горшие бедствия — средневековые. Несомненно, их необходимо нужно уничтожить—и чем скорее, чем радикальнее, тем лучше—чтобы очищением буржуазного общества от унаследованных им полукрепостнических пут развязать руки рабочему классу, облегчить ему борьбу против буржуазии.

Вот так и надо говорить, называя вещи своим именем,—что отмена монополий и всяких других стеснений средневековых (им же имя в России—легион) необходимо нужна для рабочего класса для облегчения ему борьбы против буржуазных порядков. Вот и все. Забывать за солидарностью интересов всего «народа» против средневековых, крепостнических учреждений—о глубоком и непримиримом антагонизме буржуазии и пролетариата внутри этого «народа» могут только буржуа.

Да, впрочем, нелепо было бы думать устыдить этим «друзей народа», когда они насчет того, что́ нужно деревне, говорят, напр., такие вещи:

«Когда несколько лет тому назад,—повествует г. Кривенко,—некоторые газеты рассматривали, какие профессии и какого рода интеллигентные люди нужны деревне, то перечень выходил очень большим и разнообразным и охватывал почти всю жизнь: за докторами и женщинами-врачами шли фельдшера, за ними адвокаты, за адвокатами учителя, устроители библиотек и книжной торговли, агрономы, лесоводы и вообще люди, занимающиеся сельским хозяйством, техники самых разнообразных специальностей (область очень обширная и еще почти не тронутая), устроители и руководители кредитных учреждений, товарных складов и т. д.».

Остановимся хотя бы на тех «интеллигентах» (??), деятельность которых прямо относится к экономической области, на этих лесоводах, агрономах, техниках и т. д. Как в самом деле нужны эти люди деревне! Но только К А К О Й деревне?—разумеется, деревне землевладельцев, деревне хозяйственных мужичков, имеющих «сбережения» и могущих платить за услуги всем этим ремесленникам, которых г. Кривенко изволит величать «интеллигентами». Э т а деревня и в самом

деле давно жаждет и техников, и кредита, и товарных складов—об этом свидетельствует вся экономическая литература. Но есть и другая деревня, гораздо более многочисленная, о которой не мешало бы почаще вспоминать «друзьям народа»,—деревня разоренного и оголенного, обобранного до нитки крестьянства, не имеющего не только «сбережений» для оплаты труда «интеллигентов», но даже и хлеба в таком количестве, чтобы не умереть с голоду. И э т о й деревне хотите помочь вы т о в а р н ы м и с к л а д а м и!! Что они туда положат, наши однолошадные и безлошадные крестьяне, в эти товарные склады? Свою одежду?—они уже заложили ее в 1891 г. сельским и городским кулакам, устраивавшим тогда, во исполнение вашего гуманно-либерального рецепта, настоящие «товарные склады» в своих домах, кабаках и лавках. Остаются еще разве только рабочие «руки». Но для этого товара даже российские чиновники не выдумали до сих пор еще «товарных складов»...

Трудно представить себе более наглядное доказательство крайнего опошления этих «демократов»,—как это умиление техническими прогрессами в «крестьянстве» и закрывание глаз на массовую экспроприацию того же «крестьянства». Г. Карышев, например, в № 2 «Р. Богатства» («Наброски», § XII) с упоением либерального кретина рассказывает случай «усовершенствований и улучшений» в крестьянском хозяйстве—распространения в крестьянском хозяйстве улучшенных сортов семян»—американского овса, ржи-вазы, клейдесдальского овса и т. п. «В иных местах крестьяне отводят для семян особые небольшие участки земли, на которых после тщательной обработки садятся руками отборные экземпляры зерен». «Многие и весьма разнообразные нововведения» отмечаются «в области улучшенных орудий и машин» *) — окучники, легкие плужки, молотилки, веялки, сортировки. Констатируется «увеличение разнообразия видов удобрительных средств»—фосфориты, клейный навоз, голубиный помет и пр. «Корреспонденты настаивают на необходимости устраивать по деревням местные земские склады для продажи фосфоритов»,—и г. Карышев, цитируя сочинение г. В. В.: «Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве» (на него ссылается и г. Кривенко), впадает по поводу всех этих трогательных прогрессов совсем уже в пафос:

«Бодрящее и вместе грустное впечатление производят эти сообще-

---

*) Напомню читателю распределение этих улучшенных орудий в Новоузенском уезде: у 37% (бедных) крестьян, у 10 тыс. дворов из 28 тыс. — 7 орудий из 5.724, т.-е $^1/_8\%$! $^4/_5$ орудий монополизированы богатеями, составляющими лишь $^1/_4$ часть дворов.

ния, которые мы могли изложить только вкратце... Бодрящее—потому, что этот народ, обедневший, задолжавший, в значительной части обезлошадевший, не покладает рук, не предается отчаянию, не меняет земледелия, а остается верен земле, понимая, что в ней, в надлежащем обращении с ней его будущее, его сила, его богатство. (Ну, конечно! Само собой разумеется, что ведь это именно обедневший и обезлошадевший мужик покупает фосфориты, сортировки, молотилки, семена клейдесдальского овса! О, sancta simplicitas! *). Но ведь пишет это не институтка, а профессор, доктор политической экономии!! Нет, как хотите, а одной святой простотой тут дела не об'яснишь.) Лихорадочно ищет он способов этого надлежащего обращения, ищет новых путей, приемов обработки, семян, орудий, удобрения, всего, что помогло бы оплодотворить его кормилицу-землю, которая воздаст ему рано или поздно за это сторицею **)... Грустное впечатление производят приведенные сообщения потому (вы, может быть, думаете, что «друг народа» хоть здесь-то упомянет о той массовой экспроприации крестьянства, которая сопровождает и вызывает концентрацию земли в руках хозяйственных мужичков, превращение ее в к а п и т а л, в основание у л у ч ш е н н о г о хозяйства,—той экспроприации, которая именно и выбрасывает на рынок «свободные» и «дешевые» «руки», создающие успехи отечественной «предприимчивости» на поприще всех этих молотилок, сортировок, веялок?—ничуть не бывало), потому что... будить нужно именно нас самих. Где наша помощь этому стремлению мужика поднять свое хозяйство? Для нас есть наука, литература, музеи, склады, комиссионерские конторы. (Право, господа, так рядом и поставлено: «наука» и «комиссионерские конторы»... «Друзей народа» надо изучать не тогда, когда они воюют с социал-демократами, потому что они для такого случая надевают мундир, сшитый из лохмотьев «отцовских идеалов», а в их будничной одежде, когда они обсуждают детально вопросы повседневной жизни. И тогда вы можете наблюдать этих идеологов мещанства

---

*) —о, святая простота! *Ред.*

**) Вы глубоко правы, почтенный г. профессор, что улучшенное хозяйство воздаст с т о р и ц е ю этому „народу“, который не „предается отчаянию“ и „остается верен земле“. Но не замечаете ли вы, о, великий доктор политической экономии, что для приобретения всех этих фосфоритов и т. д. „мужик“ должен выделяться из массы голодающих нищих наличностью с в о б о д н ы х денег, а деньги — ведь это продукт о б щ е с т в е н н о г о труда, достающийся в руки частных лиц;—что присвоение „воздаяния“ за это улучшенное хозяйство будет присвоением ч у ж о г о труда;—что видеть источник этого обильного воздаяния в личном усердии хозяина, который, „не покладая рук,“ „оплодотворяет кормилицу-землю“, могут только самые жалкие прихвостни буржуазии?

со всем их цветом и запахом.) Есть-ли что-нибудь подобное для мужика? Есть, конечно, эмбрионы, да что-то они туго развиваются. Мужик хочет примера,—где наши опытные поля, образцовые хозяйства? Мужик ищет печатного слова,—где наша популярная агрономическая литература?.. Мужик ищет удобрения, орудий, семян,—где у нас земские склады всего этого, оптовая заготовка, удобства покупки, распространения?.. Где же вы, деятели частные и земские? Идите и работайте, время давно приспело, и

Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ!“

Н. Карышев („Р. Б-во“, № 2, с. 19).

Вот они, эти друзья мелких «народных» буржуев, во всем самоуслаждении своими мещанскими прогрессами!

Казалось бы, даже помимо анализа экономики нашей деревни, достаточно наблюдать этот бросающийся в глаза факт нашей новой экономической истории,—констатируемые всеми прогрессы в крестьянском хозяйстве одновременно с гигантской экспроприацией «крестьянства»,—чтобы убедиться в нелепости представления о «крестьянстве», как каком-то солидарном внутри себя и однородном целом, чтобы убедиться в буржуазности всех этих прогрессов! Но «друзья народа» остаются глухи ко всему этому. Утратив хорошие стороны старого русского социально-революционного народничества, они крепко ухватились за одну из крупных его ошибок—непонимание классового антагонизма внутри крестьянства.

«Народник 70-х г.г.,—очень метко говорит Гурвич,—не имел никакого представления о классовом антагонизме внутри самого крестьянства, ограничивая этот антагонизм исключительно отношениями между «эксплоататором»—кулаком или мироедом—и его жертвой, крестьянином, пропитанным коммунистическим духом *). Глеб Успенский одиноко стоял со своим скептицизмом, отвечая иронической улыбкой на общую иллюзию. Со своим превосходным знанием крестьянства и со своим громадным артистическим талантом, проникавшим до самой сути явлений, он не мог не видеть, что индивидуализм сделался основой экономических отношений не только между ростовщиком и должником, но между крестьянами вообще». См. его статью «Равнение под одно» в «Р. М.» 1882 г. № 1 (назван. с., стр. 106).

*) „Внутри деревенской общины возникли антагонистические социальные классы“,—говорит Гурвич в другом месте (с. 104). Я цитирую Гурвича только в добавление к вышеприведенным фактическим данным.

Но если позволительно и даже естественно было впадать в эту иллюзию в 60-х и 70-х г.г.,—когда еще так мало было сравнительно точных сведений об экономике деревни, когда еще не обнаруживалось так ярко разложение деревни,—то теперь ведь надо нарочно закрывать глаза, чтобы не видеть этого разложения. Чрезвычайно характерно, что именно в последнее время, когда разорение крестьянства достигло, кажется, своего апогея, отовсюду слышно о прогрессивных течениях в крестьянском хозяйстве. Г. В. В. (тоже несомненнейший «друг народа») написал об этом предмете целую книгу. И вы не сможете упрекнуть его в фактической неверности. Напротив, факт не может подлежать сомнению,—факт технического, агрикультурного прогресса в крестьянстве, но точно также несомненен и факт массовой экспроприации крестьянства. И вот, «друзья народа» сосредоточивают все свое внимание на том, как «мужик» лихорадочно ищет новых приемов обработки, которые помогли бы ему оплодотворить кормилицу-землю,—опуская из виду обратную сторону медали, лихорадочное отделение «мужика» же от земли. Они как страусы прячут голову, чтобы не смотреть прямо на действительность, чтобы не видеть, что они присутствуют именно при процессе обращения в капитал той земли, от которой отрывается крестьянство, при процессе создания внутреннего рынка *). Попробуйте опровергнуть наличность в нашем общинном крестьянстве двух этих полярных процессов, попробуйте об'яснить их иначе, как буржуазностью нашего общества!—Куда тут! Петь аллилуия и разливаться в гуманно-доброжелательных фразах—вот альфа и омега всей их «науки», всей их политической «деятельности».

И это кротко-либеральное штопанье современных порядков возводят они даже в целую философию. «Маленькое живое дело, — глубокомысленно рассуждает г. Кривенко, — гораздо лучше большого безделья». — И ново и умно. И потом,—продолжает он, — «маленькое дело вовсе не синоним маленькой цели». В пример такого «расширения деятельности», когда дело из маленького становится «правильным и хорошим», — приводится деятельность одной госпожи по устройству школ, — затем адвокатская деятельность в крестьянстве, вытесняющая кляузников, — предположение адвокатов ездить в провинцию с выездными сессиями окружных судов для защиты подсудимых, — наконец,

*) Поиски „новых приемов обработки“ потому именно и становятся „лихорадочными“, что хозяйственному мужику приходится вести более крупное хозяйство, с которым при помощи старых приемов не справиться;—именно потому, что к поискам новых приемов вынуждает конкуренция, т. к земледелие приобретает все более и более товарный, буржуазный характер.

уже знакомое нам устройство кустарных складов: расширение деятельности (до размеров большой цели) должно состоять здесь в устройстве складов «соединенными силами земств в наиболее бойких пунктах».

Все это, конечно, очень возвышенные, туманные и либеральные дела,— «либеральные потому, что они очистят буржуазную систему хозяйства от всех ее средневековых стеснений и тем облегчат рабочему борьбу против самой этой системы, которой, разумеется, подобные меры не только не затронут, а, напротив, усилят—и все это мы давно уже читаем во всех русских либеральных изданиях. Против этого не стоило бы и выступать, если бы не принуждали к этому господа из «Р. Б-ва», которые принялись выдвигать эти «кроткие начатки либерализма» **ПРОТИВ** социал-демократов и в пример им, упрекая их притом в отречении от «идеалов отцов». И тогда мы не можем не сказать, что это по меньшей мере забавно—возражать против социал-демократов предложением и указанием такой умеренной и аккуратной либеральной (сиречь служащей буржуазии) деятельности. А по поводу отцов и их идеалов надо заметить, что как ни ошибочны, ни утопичны были старые теории русских народников, но уж во всяком случае они относились БЕЗУСЛОВНО отрицательно к подобным «кротким начаткам либерализма». Заимствую это последнее выражение из заметки г. Н. К. Михайловского: «По поводу русского издания книги К. Маркса» («От. Зап.» 1872 г., № 4)—заметки, очень живо, бодро и свеже написанной (сравнительно с теперешними его писаниями) и бурно протестовавшей против предложения не обижать наших молодых либералов [52]).

Но это было давно, так давно, что «друзья народа» успели основательно перезабыть все это и своей тактикой наглядно показали, что при отсутствии материалистической критики политических учреждений, при непонимании классового характера современного государства,—от политического радикализма до политического оппортунизма один только шаг.

Несколько образчиков этого оппортунизма.

«Преобразование министерства государственных имуществ в министерство земледелия,—об'являет г. Южаков, — может иметь глубокое влияние на ход нашего экономического развития, но может остаться и некоторой лишь перетасовкой чиновников» (№ 10 «Р. Б.»).

Все зависит, значит, от того, кого «призовут»—друзей ли народа или представителей интересов помещиков и капиталистов. Самые интересы можно и не трогать.

«Охранение экономически слабейшего от экономически сильного составляет первую естественную задачу государственного вмешатель-

ства», продолжает там же тот же г. Ю., и ему вторит в тех же выражениях хроникер внутренней жизни в № 2 «Р. Б-ва». И чтобы не оставить никакого сомнения в том, что он понимает эту филантропическую бессмыслицу *) так же, как и его достойные сотоварищи, западно-европейские либеральные и радикальные идеологи мещанства, он добавляет вслед за вышесказанным:

«Гладстоновские ландбилли, бисмарковское страхование рабочих, фабричная инспекция, идея нашего крестьянского банка, организация переселений, меры против кулачества, все это—попытки применения именно этого принципа государственного вмешательства с целью защиты экономически слабейшего».

Это уж тем хорошо, что откровенно. Автор прямо говорит здесь, что точно так же хочет стоять на почве данных общественных отношений, как и г.г. Гладстоны и Бисмарки,—точно так же хочет чинить и штопать современное общество (буржуазное — чего он не понимает, как не понимают этого и западно-европейские сторонники Гладстонов и Бисмарков), а не бороться против него. В полнейшей гармонии с этим основным их теоретическим воззрением стоит и то обстоятельство, что они орудие реформ видят в органе, выросшем на почве этого современного общества и охраняющем интересы господствующих в нем классов—в государстве. Они прямо считают его всемогущим и стоящим над всякими классами, ожидая от него не только «поддержки» трудящегося, но и создания настоящих, правильных порядков (как мы слышали от г. Кривенко). Понятно, впрочем, что от них, как чистейших идеологов мещанства, и ждать нельзя ничего иного. Это ведь одна из основных и характерных черт мещанства, которая, между прочим, и делает его классом реакционным, — что мелкий производитель, разобщенный и изолированный самими условиями производства, привязанный к определенному месту и к определенному эксплоататору, не в состоянии понять классового характера той эксплоатации и того угнетения, от которых он страдает иногда не меньше пролетария, не в состоянии понять, что и государство в буржуазном обществе не может не быть классовым государством **).

---

* Потому бессмыслицу—что сила „экономически сильного“ в том, между прочим, и состоит, что он держит в своих руках политическую власть. Без нее он не мог бы удержать своего экономического господства.

**) Потому и „друзья народа“ являются злейшими реакционерами, когда говорят, что естественная задача государства—охранять экономически слабого (так д о л ж н о б ы т ь дело по их пошлой старушечьей морали), тогда как вся русская история и внутренняя политика свидетельствуют о том, что задача нашего госу-

Почему же это, однако, почтеннейшие г.г. «друзья народа», до сих пор,—а со времени самой этой освободительной реформы с особенной энергией,—правительство наше «поддерживало, охраняло и создавало» только буржуазию и капитализм? Почему этакая нехорошая деятельность этого абсолютного, якобы над классами стоящего, правительства совпала именно с историческим периодом, характеризующимся во внутренней жизни развитием товарного хозяйства, торговли и промышленности? Почему думаете вы, что эти последние изменения во внутренней жизни являются последующим, а политика правительства—предыдущим, несмотря на то, что первые изменения происходили так глубоко, что правительство даже не замечало их и ставило им бездну препятствий, несмотря на то, что то же «абсолютное» правительство, при других условиях внутренней жизни, «поддерживало», «охраняло» и «создавало» другой класс?

О, подобными вопросами «друзья народа» никогда не задаются! Это ведь все—материализм и диалектика, «гегелевщина», «мистика и метафизика». Они просто думают, что если попросить хорошенько да поласковее у этого правительства, то оно может все хорошо устроить. И уж по части ласковости надо отдать справедливость «Р. Богатству»: право, даже среди русской либеральной печати оно выдается неуменьем держать себя с мало-мальской независимостью. Судите сами:

«Отмена соляного налога, отмена подушной подати и понижение выкупных платежей» именуются г. Южаковым «серьезным облегчением народного хозяйства». Ну, конечно!—А не сопровождалась ли отмена соляного налога учреждением кучи новых косвенных налогов и повышением старых? не сопровождалась ли отмена подушной подати увеличением платежей б. государственных крестьян под видом перевода их на выкуп? не осталось ли и теперь, после пресловутого понижения выкупных платежей (которым государство не отдало крестьянам даже и того барыша, который оно нажило на выкупной операции)—несоответствие платежей с доходностью земли, т.-е. прямое переживание крепостнических оброков?—Ничего! Важен тут ведь только «первый шаг», «принцип», а там... там еще попросить можно будет!

Но это все только цветочки. А вот и ягодки:

«80-ые годы облегчили народное бремя (это вот указанными-то мерами) и тем спасли народ от окончательного разорения».

дарстиа – охранять только помещиков-крепостников и крупную буржуазию и самым зверским способом расправляться со всякой попыткой „экономически слабых" постоять за себя. И это, конечно, его естественная задача, потому что абсолютизм и бюрократия насквозь пропитаны крепостнически-буржуазным духом и потому, что в экономической области буржуазия царит и правит безраздельно держа рабочего „тише воды ниже травы".

Тоже классическая по своему лакейскому бесстыдству фраза, которую можно поставить рядом только разве с вышеприведенным заявлением г. Михайловского, что нам надо еще создавать пролетариат. Нельзя не вспомнить по этому поводу так метко описанную Щедриным историю эволюции российского либерала. Начинает этот либерал с того, что просит у начальства реформ «по возможности»; продолжает тем, что клянчит «ну, хоть что-нибудь» и кончает вечной и незыблемой позицией «применительно к подлости». Ну, как не сказать в самом деле про «друзей народа», что они заняли эту вечную и незыблемую позицию, когда они под свежим впечатлением голодовки миллионов народа, к которой правительство отнеслось сначала с торгашеской прижимистостью, а потом с торгашескою же трусостью,—говорят печатно, что правительство спасло народ от окончательного разорения!! Пройдет еще несколько лет с еще более быстрой экспроприацией крестьянства, правительство к учреждению министерства земледелия добавит отмену одного-двух прямых налогов и учреждение нескольких новых косвенных; затем голодовка охватит 40 миллионов народа,—и эти господа будут точно так же писать: вот видите, голодает 40, а не 50 миллионов; это потому, что правительство облегчило народное бремя и спасло народ от окончательного разорения, это потому, что оно послушалось «друзей народа» и учредило министерство земледелия!

Другой пример:

Хроникер внутренней жизни в № 2 «Р. Б-ва», толкуя о том, что Россия «к счастью» (sic!) отсталая страна, «сохраняющая элементы для обоснования своего экономического строя на принципе солидарности» *),—говорит, что поэтому она в состоянии выступить «в международных отношениях проводником экономической солидарности» и что шансы на это увеличивает для России ее неоспоримое «политическое могущество»!!

Это европейский-то жандарм, постоянный и вернейший оплот всякой реакции, доведший русский народ до такого позора, что, будучи забит у себя дома, он служил орудием для забивания народов на Западе,—этот жандарм определяется в проводники экономической солидарности!

Это уже выше всякой меры! Г.г. «друзья народа» за пояс заткнут всех либералов. Они не только просят правительство, не только славословят, они прямо таки молятся на это правительство, молятся с зем-

*) Между кем? помещиком и крестьянином? хозяйственным мужичком и босяком? фабрикантом и рабочим? Чтобы уразуметь этот классический „принцип солидарности", надо припомнить, что солидарность между предпринимателем и рабочим достигается „понижением заработной платы".

ными поклонами, молятся с таким усердием, что вчуже жутко становится, когда слышишь, как трещат их верноподданнические лбы.

Помните ли вы немецкое определение филистера?

Was ist der Philister?
Ein hohler Darm,
Voll Furcht und Hoffnung,
Dass Gott erbarm *).

К нашим делам это определение немножко не подходит. Бог... бог у нас совсем на втором месте. Зато вот начальство—это другое дело. И если мы подставим в это определение вместо слова «бог» слово «начальство»,—мы получим точнейшее выражение идейного багажа, нравственного уровня и гражданского мужества российских гуманно-либеральных «друзей народа».

К такому нелепейшему воззрению на правительство «друзья народа» присоединяют и соответствующее отношение к так называемой «интеллигенции». Г. Кривенко пишет: «Литература»... должна «оценивать явления по их общественному смыслу и ободрять каждую активную попытку к добру. Она твердила и продолжает твердить о недостатке учителей, докторов, техников, о том, что народ болеет, беднеет (техников мало!), не знает грамоты и т. д., и когда являются люди, которым надоело сидеть за зелеными столами, участвовать в любительских спектаклях и есть предводительские пироги с вязигой, люди, которые выходят на работу с редким самоотвержением (подумайте-ка: отвергли, ведь, зеленые столы, спектакли и пироги!), и, несмотря на множество препятствий, она должна приветствовать их».

Двумя страницами ниже он с деловитой серьезностью умудренного опытом служаки журит людей, которые «колебались перед вопросом, итти ли им в земские начальники, в городские головы, в председатели и члены земских управ по новому положению, или не ходить. В обществе с развитым сознанием гражданских потребностей и обязанностей (слушайте, господа, право, это стоит речей знаменитых российских помпадуров, каких-нибудь Барановых или Косичей! [53]) ни подобные колебания, ни такое отношение к делу были бы не мыслимы, потому что оно всякую реформу, если только в ней есть жизненные стороны, ассимилировало бы по-своему, т.-е. воспользовалось и дало бы развитие тем ее сторонам, которые целесообразны; стороны же ненуж-

*) —Что такое филистер? Пустая кишка, полная страха и надежды на милосердие божье. *Ред.*

ные обратило бы в мертвую букву; и если в реформе совсем нет жизненности, то она и совсем осталась бы инородным телом».

Чорт знает, что такое! Какой-то грошевый оппортунизм и выступает с таким самовосхищением! Задача литературы—собирать салонные сплетни про злых марксистов, раскланиваться перед правительством за спасение народа от окончательного разорения, приветствовать людей, которым надоело сидеть за зелеными столами, учить «публику» не сторониться даже от таких должностей, как должность земского начальника... Да что я читаю? «Неделю» или «Новое Время» [51]) ?—Нет, это—«Русское Богатство», орган передовых российских демократов...

И подобные господа толкуют об «идеалах отцов», претендуют на то, что они, именно они хранят традиции тех времен, когда Франция разливала по всей Европе идеи социализма—и когда восприятие этих идей давало в России теории и учения Герцена, Чернышевского. Это уже совсем безобразие, которое было бы глубоко возмутительно и обидно, если бы «Русское Богатство» не было слишком забавно, если бы подобные заявления на страницах такого журнала не вызывали только гомерического смеха. Да, вы пачкаете эти идеалы! В самом деле, в чем состояли эти идеалы у первых русских социалистов, социалистов той эпохи, которую так метко охарактеризовал Каутский словами:

— «когда каждый социалист был поэтом и каждый поэт — социалистом».

— *Вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни;* отсюда—*вера в возможность крестьянской социалистической революции*— вот что одушевляло их, поднимало десятки и сотни людей на геройскую борьбу с правительством. И вы не сможете упрекнуть социал-демократов в том, что они не умели ценить громадной исторической заслуги этих лучших людей своего времени, не умели глубоко уважать их памяти. Но я спрашиваю вас: где же она теперь, эта вера?—Ее нет, до такой степени нет, что когда г. В. В. в прошлом году попробовал было толковать о том, что община воспитывает народ к солидарной деятельности, служит очагом альтруистических чувств и т. п. [55]),—то даже г. Михайловский усовестился и стыдливо стал выговаривать г-ну В. В., что нет такого и с с л е д о в а н и я, которое бы доказывало связь нашей общины с «альтруизмом» [56]). И действительно, такого исследования нет. А вот подите же:—было время—и без всякого исследования люди верили и верили беззаветно.

Как? почему? на каком основании?.. —

— «каждый социалист был поэтом и каждый поэт — социалистом».

И потом,—добавляет тот же г. Михайловский,—все добросовестные исследователи согласны в том, что деревня раскалывается, выделяя, с одной стороны, массу пролетариата, с другой—кучку «кулаков», держащих под своей пятой остальное население. И опять-таки он прав: деревня действительно раскалывается. Мало того, деревня давно уже совершенно раскололась. Вместе с ней раскололся и старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму; с другой—выродившись в пошлый мещанский радикализм Иначе как вырождением нельзя назвать этого превращения. Из доктрины об особом укладе крестьянской жизни, о совершенно самобытных путях нашего развития—вырос какой-то жиденький эклектизм, который не может уже отрицать, что товарное хозяйство стало основой экономического развития, что оно переросло в капитализм, и который не хочет только видеть буржуазного характера всех производственных отношений, не хочет видеть необходимости классовой борьбы при этом строе. Из политической программы, рассчитанной на то, чтобы поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества*)—выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, «улучшить» положение крестьянства при сохранении основ современного общества.

Собственно говоря, все предыдущее могло уже дать представление о том, какой «критики» можно ждать от этих господ из «Русского Богатства», когда они берутся «громить» социал-демократов. Нет и попытки прямо и добросовестно изложить их понимание русской действительности (в отношении цензурном это вполне возможно бы было, если бы напирать особенно на экономическую сторону, если бы держаться таких же общих, отчасти эзоповских, выражений, в которых велась вся их «полемика») и возражать против него по существу, возражать против правильности практических выводов из него Вместо этого они предпочитают отделываться бессодержательнейшими фразами об абстрактных схемах и вере в них, об убеждении в необходимости пройти для каждой страны через фазу... и т. п. ерунде, с которой мы достаточно познакомились уже у г-на Михайловского. При этом попадаются прямые искажения. Г. Кривенко, напр., заявляет,

*) К этому сводились, в сущности, все наши старые революционные программы,—начиная хотя бы бакунистами и бунтарями, продолжая народниками и кончая народовольцами, у которых, ведь, тоже уверенность в том, что крестьянство пошлет подавляющее количество социалистов в будущий земский собор занимала далеко не последнее место.

что Маркс «признавал для нас возможным при желании (?!! Итак, по Марксу, эволюция общественно-экономических отношений зависит от воли и сознания людей?? Что это такое—невежество ли безмерное, нахальство ли беспримерное?!) и соответственной деятельности избежать капиталистических перипетий и итти по другому, более целесообразному пути (sic!!!)».

Этот вздор наш рыцарь получил возможность говорить при посредстве прямой передержки. Цитируя известное «Письмо К. Маркса» («Юрид. Вестник», 88 г., № 10)—то место, где Маркс говорит о своем высоком уважении к Чернышевскому, который считал возможным для России «не претерпевать мучений капиталистического строя», г. Кривенко, закрыв кавычки, т.-е. покончив точное воспроизведение слов Маркса (кончающееся так: «он (Чернышевский) высказывается в смысле последнего решения») — добавляет: «И я, говорит Маркс, р а з д е л я ю (курсив г-на Кривенко) эти взгляды» (стр. 186, № 12).

А у Маркса на самом деле сказано: «И мой почтенный критик имел, по меньшей мере, столько же основания из моего уважения к этому «великому русскому ученому и критику» вывести заключение, что я разделяю взгляды последнего на этот вопрос, как и наоборот, из моей полемической выходки против русского «беллетриста» и панслависта сделать вывод, что я их отвергаю» («Юрид. Вестник», 88 г., № 10, стр. 271).

Итак, Маркс говорит, что г. Михайловский не имел права видеть в нем противника идеи об особом развитии России, потому что он с уважением относится и к тем, кто стоит за эту идею,—а г. Кривенко перетолковывает так, будто Маркс «признавал» это особое развитие. Прямое перевирание. Цитированное заявление Маркса совершенно ясно показывает, что он уклоняется от ответа по существу: «г. Михайловский мог бы взять за основание какое угодно из двух противоречивых замечаний, т.-е. не имел основания ни на том, ни на другом строить свои заключения о моем взгляде на русские дела вообще». И чтобы эти замечания не давали повода к перетолкованиям, Маркс в этом же «письме» прямо дал ответ на вопрос, какое приложение может иметь его теория к России. Ответ этот с особенной наглядностью показывает, что Маркс уклоняется от ответа по существу, от разбора русских данных, которые одни только и могут решить вопрос: «Если Россия, — отвечал он, — стремится стать нацией капиталистической по образцу западно-европейских наций,—а в течение последних лет она наделала себе в этом смысле много вреда,—она

не достигнет этого, не преобразовав предварительно доброй доли своих крестьян в пролетариев».

Кажется, это уже совсем ясно: вопрос состоял именно в том, стремится ли Россия быть капиталистической нацией, есть ли разорение ее крестьянства—процесс создания капиталистических порядков, капиталистического пролетариата; а Маркс говорит, что «если» она стремится, то для этого необходимо обратить добрую долю крестьян в пролетариев. Другими словами, теория Маркса состоит в исследовании и об'яснении эволюции хозяйственных порядков известных стран, и «приложение» ее к России может состоять только в том, чтобы, ПОЛЬЗУЯСЬ выработанным приемом МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО метода и ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ политической экономии, ИССЛЕДОВАТЬ русские производственные отношения и их эволюцию *).

Выработка новой методологической и политико-экономической теории означала такой гигантский прогресс общественной науки, такой колоссальный шаг вперед социализма, что для русских социалистов почти тотчас же после появления «Капитала» главным теоретическим вопросом сделался вопрос о «судьбах капитализма в России»; около этого вопроса сосредоточивались самые жгучие прения, в зависимости от него решались самые важные программные положения. И замечательно, что когда появилась (лет 10 тому назад) особая группа социалистов, решавшая вопрос о капиталистической эволюции России в утвердительном смысле и основывающая это решение на данных русской экономической действительности, — она не встретила прямой и определенной критики по существу, критики, которая бы принимала те же общие методологические и теоретические основоположения и иначе об'ясняла соответствующие данные.

«Друзья народа», предприняв целый поход против марксистов, равным образом аргументируют не разбором фактических данных. Они отделываются, как мы видели в первой статье, фразами. При этом г. Михайловский не упускает случая изощрить свое остроумие по поводу того, что среди марксистов нет единогласия, что они не сговорились между собой. И «наш известный» Н. К. Михайловский превесело смеется по поводу своей остроты насчет «настоящих» и «не настоящих» марксистов. Что среди марксистов нет полного единогласия, это правда. Но факт этот представлен г. Михайловским, во-первых, не-

*) Вывод этот, повторяю, не мог не быть ясным для каждого, кто читал „Коммунистический Манифест", „Нищету философии" и „Капитал", и только для одного г-на Михайловского потребовалось особое раз'яснение.

верно, а во-вторых, он доказывает не слабость, а именно силу и жизненность русской социал-демократии. Дело в том, что последнее время характеризуется особенно тем, что к социал-демократическим воззрениям приходят социалисты разными путями и потому, соглашаясь безусловно в основном и главном положении, что Россия представляет из себя буржуазное общество, выросшее из крепостного уклада, что политическая его форма есть классовое государство и что единственный путь к прекращению эксплоатации трудящегося состоит в классовой борьбе пролетариата,—они по многим частным вопросам расходятся и в приемах аргументации и в детальных об'яснениях тех или иных явлений русской жизни. Я могу поэтому наперед порадовать г. Михайловского таким заявлением, что и по тем, например, вопросам, которые были затронуты в этих беглых заметках—о крестьянской реформе, об экономике крестьянского земледелия и кустарных промыслов, об аренде и т. п.—существуют, в пределах приведенного сейчас основного и общего всем социал-демократам положения, разные мнения. Единогласие людей, успокаивающихся на единодушном признании «высоких истин» вроде того, что крестьянская реформа м о г л а б ы открыть России спокойные пути правильного развития,—государство м о г л о б ы призывать не представителей интересов капитализма, а «друзей народа»,—община м о г л а б ы обобществить земледелие купно с обрабатывающей промышленностью, которую м о г б ы возвести к крупному производству кустарь, — н а р о д н а я аренда поддерживала н а р о д н о е хозяйство, — это умилительное и трогательное единогласие сменилось разногласием людей, ищущих об'яснения д е й с т в и т е л ь н о й, д а н н о й экономической организации России, как системы известных производственных отношений, об'яснения ее д е й с т в и т е л ь н о й экономической эволюции, ее политических и иных всяких надстроек.

И если такая работа, приводя с разных точек зрения к признанию того общего положения, которое безусловно определяет и солидарную политическую деятельность и потому дает право и обязывает всех его принимающих считать и именовать себя «С О Ц И А Л - Д Е М О К Р А Т А М И», — оставляет еще обширное поле разногласий по массе частных вопросов, решаемых в разном смысле, то это, конечно, доказывает только силу и жизненность русской социал-демократии *).

*) По той простой причине, что до сих пор эти вопросы н и к а к н е р е ш а л и с ь. Нельзя же, в самом деле, назвать решением вопроса об аренде утверждение, что „народная аренда поддерживает народное хозяйство", или такое изображение системы обработки помещичьих земель крестьянским инвентарем: „кре-

При этом условия этой работы так плохи, что хуже трудно себе что-нибудь представить: нет и быть не может органа, который об'единял бы отдельные работы; частные сношения при наших полицейских условиях крайне затруднены. Понятно, что социал-демократы не могут как следует сговориться и столковаться о деталях, что они противоречат друг другу...

Неправда ли, как это в самом деле смешно?

В «полемике» г-на Кривенко с социал-демократами может породить недоумение то обстоятельство, что он толкует о каких-то «неомарксистах». Иной читатель подумает, что среди социал-демократов произошло нечто вроде раскола, что от старых социал-демократов отделились «неомарксисты».—Ничего подобного. Никто, нигде и никогда не выступал публично во имя марксизма с критикой теорий и программы русских социал-демократов, с защитой иного марксизма. Дело в том, что г.г. Кривенко и Михайловский наслушались разных салонных сплетен про марксистов, насмотрелись на разных либералов, прикрывающих марксизмом свое либеральное пустоутробие, и с свойственным им остроумием и тактом принялись с таким багажем за «критику» марксистов. Неудивительно, что эта «критика» представляет из себя сплошную цепь курьезов, или и грязных выходок.

«Чтобы быть последовательным, — рассуждает г. Кривенко, — нужно дать на это утвердительный ответ» (на вопрос: «не следует ли стараться о развитии капиталистической промышленности») и «не стесняться ни скупкой крестьянской земли, ни открытием лавок и кабаков», нужно «радоваться успеху многочисленных трактирщиков в думе, помогать еще более многочисленным скупщикам крестьянского хлеба».

Право, это совсем забавно. Попробуйте сказать такому «другу народа», что эксплоатация трудящегося в России повсюду является по своей сущности капиталистической, что деревенские хозяйственные мужики и скупщики должны быть причислены к представителям капитализма по таким-то и по таким-то политико-экономическим признакам, доказывающим буржуазный характер крестьянского разложения,—он поднимет вопли, назовет это невероятной ересью, станет кричать о слепом заимствовании западно-европейских формул и абстракт-

стьянин оказался сильнее помещика", который „пожертвовал своей независимостью в пользу самостоятельного крестьянина"; „крестьянин вырвал из рук помещика крупное производство"; „народ остается победителем в борьбе за форму земледельческой культуры". Это либеральное пустоболтунство в „Судьбах капитализма" „нашего известного" г-на В. В.

ных схем (обходя притом самым заботливым образом фактическое содержание «еретической» аргументации). А когда нужно разрисовать те «ужасы», которые несут с собой злые марксисты,—тогда можно оставить и в стороне возвышенную науку и чистые идеалы, тогда можно и признать, что скупщики крестьянского хлеба и крестьянской земли действительно представители капитализма, а не только «охотники» попользоваться чужим.

Попробуйте доказывать этому «другу народа», что русская буржуазия не только уже теперь повсюду держит в руках народный труд, вследствие концентрации у нее одной средств производства, но и давит на правительство, порождая, вынуждая и определяя буржуазный характер его политики,—он впадет совсем в неистовство, станет кричать о всемогуществе нашего правительства, о том, что оно только по роковому недоразумению и несчастной случайности «призывает» всех представителей интересов капитализма, а не «друзей народа», что оно искусственно насаждает капитализм... А под шумок сами должны признать именно за представителей капитализма трактирщиков в думе, т.-е. один из элементов этого самого правительства, стоящего якобы над классами. Неужели, однако, господа, интересы капитализма представлены у нас в России в одной только «думе» и одними только «трактирщиками»?..

Что касается до грязных выходок, то мы видели их слишком достаточно у г. Михайловского и встречаем опять у г. Кривенко, который, напр., желая уничтожить ненавистный социал-демократизм, повествует о том, как «некоторые идут на заводы (когда, впрочем, представляются хорошие технические и конторские места), мотивируя свое поступление исключительно идеей ускорения капиталистического процесса». Конечно, нет нужды и отвечать на такие, совсем уже неприличные, вещи. Тут можно только поставить точку.

Продолжайте, господа, в том же духе, продолжайте смело! Императорское правительство—то самое, которое, как мы сейчас от вас слышали, приняло уже меры, хотя и с дефектами, для спасения народа от окончательного разорения,—примет для спасения вас от уличения в пошлости и невежестве меры, свободные уже от всяких дефектов. «Культурное общество» по-прежнему с охотой будет, в промежутке между пирогом с вязигой и зеленым столом, толковать о меньшем брате и сочинять гуманные проекты «улучшения» его положения; представители его с удовольствием узнают от вас, что, занимая места земских начальников или каких-нибудь там других смотрителей за крестьянским карманом, они проявляют развитое сознание

гражданских потребностей и обязанностей. Продолжайте! Вам обеспечено не только спокойствие, но и одобрение и похвалы... устами господ Бурениных.

В заключение не лишним будет, кажется, ответить на вопрос, который, вероятно, приходил в голову не одному уже читателю Стоило ли так долго разговаривать с подобными господами? стоило ли по существу отвечать на этот поток либеральной и защищенной цензурой грязи, который они изволили именовать полемикой?

Мне кажется—стоило, не ради них, конечно, и не ради «культурной» публики, а ради того полезного урока, который могут и должны извлечь для себя из этого похода русские социалисты. Этот поход дает самое наглядное, самое убедительное доказательство того, что та пора общественного развития России, когда демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, нераз'единимое целое (как это было, напр., в эпоху Чернышевского), безвозвратно канула в вечность. Теперь нет уже решительно никакой почвы для той идеи,—которая и до сих пор продолжает еще кое-где держаться среди русских социалистов, крайне вредно отзываясь и на их теориях и на их практике,—будто в России нет глубокого, качественного различия между идеями демократов и социалистов.

Совсем напротив: между этими идеями лежит целая пропасть, и русским социалистам давно бы пора понять это, понять НЕИЗБЕЖНОСТЬ и НАСТОЯТЕЛЬНУЮ НЕОБХОДИМОСТЬ ПОЛНОГО и ОКОНЧАТЕЛЬНОГО РАЗРЫВА с идеями демократов.

Посмотрим, в самом деле, чем он был, этот русский демократ, в те времена, которые породили указанную идею, и что́ он стал. «Друзья народа» дают нам достаточно материала для такой параллели.

Чрезвычайно интересна в этом отношении выходка г. Кривенко против г. Струве [57]), который выступил в одном немецком издании против утопизма г. Ник.—она [58]) (его заметка—«К вопросу о капиталистическом развитии России», Zur Beurtheilung der kapitalistischen Entwicklung Russlands—появилась в Sozialpolitisches Centralblatt [59]), III, № 1, от 2 октября 1893 г.). Г. Кривенко обрушивается на г. Струве за то, что тот относит будто бы к «национальному социализму» (который, по его словам, «чисто утопической природы») идеи тех, кто «стоит за общину и земельный надел». Это ужасное обвинение якобы в социализме приводит почтеннейшего автора совсем в ярость:

«Неужели,—восклицает он,—никого другого и не было (кроме Герцена, Чернышевского и народников), кто стоял за общину и земельный надел. А составители положения о крестьянах, положившие общину и хозяйственную самостоятельность крестьян в основу реформы, а исследователи нашей истории и современного быта, говорящие в пользу этих начал, а почти вся наша серьезная и порядочная печать также стоящая за эти начала,—неужто все это жертвы заблуждения, называемого «национальным социализмом»?

Успокойтесь, почтеннейший г. «друг народа»! Вы так испугались этого ужасного обвинения в социализме, что не дали себе даже труда внимательно прочесть «маленькую статейку» г. Струве. И в самом деле, какая бы это была вопиющая несправедливость обвинять в социализме тех, кто стоит «за общину и земельный надел»! Помилуйте, чего же здесь социалистического? Ведь социализмом называется протест и борьба против эксплоатации трудящегося, борьба, направленная на совершенное уничтожение этой эксплоатации,—а «стоять за надел» значит быть сторонником выкупа крестьянами всей земли, бывшей в их распоряжении. Даже если и не за выкуп стоять, а за безвозмездное оставление за крестьянами всей земли, находившейся до реформы в их владении,—и тогда еще ровно ничего тут нет социалистического, потому что именно эта крестьянская собственность на землю (вырабатывавшаяся в течение феодального периода) и была повсюду на Западе, как и у нас в России *),—основой буржуазного общества. «Стоять за общину» — т.-е. протестовать против полицейского вмешательства в обычные приемы распределения земли,—чего тут социалистического, когда всякий знает, что эксплоатация трудящегося прекрасно уживается и зарождается внутри этой общины? Ведь это значит уж невозможно растягивать слово «социализм»: придется, пожалуй, и г. Победоносцева отнести к социалистам!

Г. Струве вовсе не совершает такой ужасной несправедливости. Он говорит об «утопичности национального социализма» н а р о д н и к о в, а кого он относит к народникам, — видно из того, что он называет «Наши разногласия» Плеханова полемикой с народниками. Плеханов, несомненно, полемизировал с социалистами, с людьми, неимеющими ничего общего с «серьезной и порядочной» русской печатью. И потому г. Кривенко не имел никакого права отнести на свой счет, что относится к народникам. Если же он желал непременно узнать мнение г. Струве о том направлении, которого он сам придерживается, — тогда

*) Доказательство—разложение крестьянства.

я удивляюсь, почему он не обратил внимания и не перевел для «Р. Богатства» следующее место из статьи г. Струве:

«По мере того, как идет вперед капиталистическое развитие,— говорит автор,—только что описанное миросозерцание (народническое) должно терять почву. Он либо выродится (wird herabsinken) в довольно бледное направление реформ, способное на компромиссы и ищущие компромиссов *), к чему имеются уже давно подающие надежду задатки, либо оно признает действительное развитие неизбежным и сделает те теоретические и практические выводы, которые необходимо отсюда проистекают,—другими словами, перестанет быть утопическим».

Если г. Кривенко не догадывается, где это имеются у нас задатки такого направления, которое только и способно на компромиссы, то я посоветывал бы ему оглянуться на «Русское Богатство», на теоретические воззрения этого журнала, представляющие из себя жалкую попытку склеить обрывки народнического учения с признанием капиталистического развития России, на политическую программу его, рассчитанную на улучшения и восстановления хозяйства мелких производителей на почве данных капиталистических порядков **).

---

*) Ziemlich blasse kompromissfähige und kompromisssüchtige Reformrichtung— по-русски это можно, кажется, и так передать: культурнический оппортунизм.

**) Жалкое впечатление производит вообще попытка г. Кривенко воевать против г. Струве. Это—какое-то детское бессилие возразить что-нибудь по существу и детское же раздражение. Напр., г. Струве говорит, что г. Ник.—он „утопист". Он совершенно ясно указывает при этом, почему он его так называет: 1) потому, что он игнорирует „действительное развитие России"; 2) потому, что он обращается к „обществу" и „государству", не понимая классового характера нашего государства. Что же может возразить против этого г. Кривенко? Отрицает ли он, что развитие наше действительно капиталистическое? говорит ли он, что оно какое-либо другое?—что наше государство—не классовое? Нет, он предпочитает совершенно обходить эти вопросы и со смешным гневом воевать против каких-то им же сочиненных „шаблонов". Еще пример. Г. Струве кроме непонимания классовой борьбы ставит г. Ник.—ону в упрек крупные ошибки в его теории, относящиеся к области „чисто экономических фактов". Он указывает, между прочим, что, говоря о незначительности нашего неземледельческого населения, г. Ник.—он „не замечает, что капиталистическое развитие России будет именно сглаживать эту разницу 80% (сельское население России) и 44% (сельск. насел. в Америке): в этом, можно сказать, состоит его историческая миссия". Г. Кривенко, во-1-х, перевирает это место, говоря о „нашей" (?) миссии обезземелить крестьян, тогда как речь идет просто о тенденции капитализма сокращать сельское население и, во-2-х, не сказав ни слова по существу (возможен ли такой капитализм, который бы не вел к уменьшению сельского населения?), принимается болтать вздор о „пачетчиках" и т. под. См. Приложение II (стр. 216 настоящего издания. *Ред.*).

Это вообще одно из наиболее характерных и знаменательных явлений нашей общественной жизни в последнее время—вырождение народничества в мещанский оппортунизм.

В самом деле, если мы возьмем содержание программы «Р. Б-ва», все эти регулирования переселений и аренды, все эти дешевые кредиты, музеи, склады, улучшения техники, артели и общественные запашки, то увидим, что она действительно пользуется громадным распространением во всей «серьезной и порядочной печати», т.-е. во всей либеральной печати, не принадлежащей к крепостническим органам или к рептилиям. Идея о необходимости, полезности, настоятельности, «безвредности» всех этих мероприятий пустила глубокие корни во всей интеллигенции, и получила чрезвычайно широкое распространение: вы встретите ее и в провинциальных листках и газетах, и во всех земских исследованиях, сборниках, описаниях и т. д. и т. д. Несомненно, что, ежели бы это принять за народничество,—успех громадный и неоспоримый.

Но только ведь это совсем не народничество (в старом, привычном значении слова) и успех этот и это громадное распространение вширь достигнуты ценой опошления народничества, ценой превращения социально-революционного народничества, резко оппозиционного нашему либерализму, в культурнический оппортунизм, сливающийся с этим либерализмом, выражающий только интересы мелкой буржуазии.

Чтобы убедиться в последнем, стоит обратиться к вышеприведенным картинкам разложения крестьян и кустарей,—а картинки эти вовсе не рисуют каких-нибудь единичных или новых фактов, а просто представляют попытку выразить политико-экономически ту «школу» «животоглотов» и «батраков», существование которой в нашей деревне не отрицается и противниками. Понятно, что «народнические» мероприятия в состоянии только усилить мелкую буржуазию; или же (артели и общественные запашки) должны представить из себя мизерные паллиативы, остаться жалкими экспериментами, которые с такой нежностью культивирует либеральная буржуазия везде в Европе по той простой причине, что самой «школы» они нисколько не затрагивают. По этой же причине против таких прогрессов не могут ничего иметь даже г.г. Ермоловы и Витте. Совсем напротив. Сделайте ваше одолжение господа! Они вам даже денег дадут «на опыты»—лишь бы отвлечь «интеллигенцию» от революционной работы (подчеркивание антагонизма, выяснение его пролетариату, попытки вывести этот антагонизм на дорогу прямой политической борьбы) на подобное заштопывание антагонизма, примирение и об'единение. Сделайте одолжение!

Остановимся несколько на том процессе, который вел к такому перерождению народничества. При самом своем возникновении, в своем первоначальном виде, теория эта обладала достаточной стройностью — исходя из представления об особом укладе народной жизни, она верила в коммунистические инстинкты «общинного» крестьянина и потому видела в крестьянстве прямого борца за социализм—но ей недоставало теоретической разработки, подтверждения на фактах русской жизни, с одной стороны, и опыта в применении такой политической программы, которая бы основывалась на этих предполагаемых качествах крестьянина,—с другой.

Развитие теории и пошло в этих двух направлениях, в теоретическом и практическом. Теоретическая работа была направлена главным образом на изучение той формы земле в л а д е н и я, в которой хотели видеть задатки коммунизма; и эта работа дала разностороннейший и богатейший фактический материал. Но этот материал, касающийся преимущественно формы земле в л а д е н и я, совершенно загромоздил от исследователей э к о н о м и к у деревни. Произошло это тем естественнее, что, во-первых, у исследователей не было твердой теории о методе в общественной науке, теории, выясняющей необходимость выделения и особого изучения производственных отношений; а во-вторых,—собранный фактический материал давал прямые и непосредственные указания на ближайшие нужды крестьянства, на ближайшие бедствия, угнетающим образом действующие на крестьянское хозяйство. И все внимание исследователей сосредоточилось на изучении этих бедствий, малоземелья, высоких платежей, бесправия, забитости и запуганности крестьян. Все это было описано, изучено и раз'яснено с таким богатством материала, с такими мельчайшими деталями, что, конечно, если бы наше государство было не классовым государством, если бы политика его направлялась не интересами правящих классов, а беспристрастным обсуждением «народных нужд»,—оно тысячу раз должно бы убедиться в необходимости устранения этих бедствий. Наивные исследователи, верившие в возможность «переубедить» общество и государство, совершенно потонули в деталях собранных ими фактов и упустили из виду одно—политико-экономическую структуру деревни, упустили из виду основной фон того хозяйства, которое действительно угнеталось этими непосредственными ближайшими бедствиями. Результат получился, естественно, тот, что защита интересов хозяйства, угнетенного малоземельем и т. д., оказалось защитой интересов того класса, который держал в руках это хозяйство, который один только и мог держаться и развиваться при данных общественно-эконо-

мических отношениях в н у т р и общины, при данной системе хозяйства страны.

Теоретическая работа, направленная на изучение того института, который должен бы послужить основанием и оплотом для устранения эксплоатации, привела к выработке такой программы, которая выражает собой интересы мелкой буржуазии, т.-е. того именно класса, на котором и покоятся эти эксплоататорские порядки!

В то же время практическая революционная работа развивалась тоже совсем в неожиданном направлении. Вера в коммунистические инстинкты мужика, естественно, требовала от социалистов, чтобы они отодвинули политику и «шли в народ». За осуществление этой программы взялась масса энергичнейших и талантливых работников, которым на практике пришлось убедиться в наивности представления о коммунистических инстинктах мужика. Решено было, впрочем, что дело не в мужике, а в правительстве,—и вся работа была направлена на борьбу с правительством, борьбу, которую вели одни уже только интеллигенты и примыкавшие иногда к ним р а б о ч и е. Сначала эта борьба велась во имя социализма, опираясь на теорию, что народ готов для социализма и что простым захватом власти можно будет совершить не политическую только, а и социальную революцию. В последнее время эта теория, видимо, утрачивает уже всякий кредит, и борьба с правительством народовольцев становится борьбой радикалов за политическую свободу.

И, с другой стороны, следовательно, работа привела к результатам, прямо противоположным ее исходному пункту; и, с другой стороны, получилась программа, выражающая только интересы радикальной буржуазной демократии. Собственно говоря, процесс этот еще не завершился, но он определился, кажется, уже вполне. Такое развитие народничества было совершенно естественно и неизбежно, так как в основе доктрины лежало чисто мифическое представление об особом укладе (общинном) крестьянского хозяйства: от прикосновения с действительностью миф рассеялся, и из крестьянского социализма получилось радикально-демократическое представительство мелко-буржуазного крестьянства.

Обращаюсь к примерам эволюции демократа:

«Надо заботиться о том,—рассуждает г. Кривенко,—чтобы вместо всечеловека не сделаться всероссийской размазней, переполненной только смутным брожением хороших чувств, но не способною ни на истинное самоотвержение, ни на то, чтобы сделать что-нибудь прочное в жизни». Мораль превосходная, посмотрим, к чему она прилагается.

«В этом последнем отношении,—продолжает г. Кривенко,—я знаю такой обидный факт»: жила на юге России молодежь, «одушевленная самыми лучшими намерениями и любовью к меньшему брату; мужику оказывалось всяческое внимание и почтение; его сажали чуть ли не на первое место, ели с ним одной ложкой, угощали вареньями и печеньями; за все ему платили дороже, чем другим, давали денег— и взаймы, и «на чай» и просто так себе—рассказывали об европейском устройстве и европейских ассоциациях и т. д. В той же местности жил и один молодой немец—Шмидт, управляющий или, вернее, просто садовник, человек без всяких гуманитарных идей, настоящая узкая формальная немецкая душа (sic??!!)» и т. д. И вот, дескать, прожив 3—4 года в этой местности, они раз'ехались. Прошло еще около 20 лет, и автор, посетив край, узнал, что «г. Шмидт» (за полезную деятельность переименованный из садовника Шмидта в г. Шмидта) научил крестьян виноградарству, которое им дает теперь «некоторый доход» руб. по 75—100 в год, вследствие чего о нем сохранилась «добрая память», а «о господах, только питавших хорошие чувства к мужику и ничего существенного (!) для него не сделавших, даже памяти не сохранилось».

Если мы подведем расчет, то окажется, что описанные события относятся к 1869—1870 г.г., т.-е. как раз к тому приблизительно времени, к которому относятся попытки русских социалистов-народников перенести в Россию самую передовую и самую крупную особенность «европейского устройства»—Интернациональ.

Ясное дело, что впечатление от рассказа г. Кривенко получается слишком уже резкое, и вот он спешит оговориться:

«Я не говорю этим, конечно,—раз'ясняет он,—что Шмидт лучше этих господ, а говорю, благодаря чему он при всех прочих дефектах оставил все-таки более прочный след в данной местности и в населении. (Не говорю, что лучше, а говорю, что оставил более прочный след,— что это за ерунда?!) Не говорю я также, что он сделал нечто важное, а, напротив, привожу сделанное им, как образчик самого крошечного, попутного и ничего ему не стоившего дела, но дела несомненно жизненного».

Оговорка, как видите, очень двусмысленная, но суть дела не в ее двусмысленности, а в том, что автор, противополагая безрезультатность одной деятельности успешности другой, и не подозревает, очевидно, коренного различия в направлении этих двух родов деятельности. В этом вся соль, делающая данный рассказ столь характерным для определения физиономии современного демократа.

Ведь эта молодежь, рассказывая мужику о «европейском устрой-

стве и европейских ассоциациях», хотела, очевидно, поднять этого мужика на переустройство форм общественной жизни (может быть, это заключение мое в данном случае и ошибочно, но всякий согласится, я думаю, что оно законно, так как неизбежно следует из вышеприведенного рассказа г. Кривенко), хотела поднять его на социальную революцию против современного общества, порождающего такую безобразную эксплоатацию и угнетение трудящегося—наряду с всеобщим ликованием по поводу всевозможных либеральных прогрессов. А «г. Шмидт», как истый хозяин, хотел только помочь другим хозяевам устроить свои хозяйские дела—и ничего больше. Ну, как же можно сравнивать, сопоставлять эти две деятельности, направленные в диаметрально противоположные стороны? Ведь это же все равно, как если бы кто-нибудь стал сравнивать неуспех деятельности лица, старавшегося разрушить данную постройку, с успехом деятельности того, кто хотел ее ускорить! Чтобы провести сравнение, имеющее некоторый смысл, надо было посмотреть, почему так неудачна была попытка этой молодежи, которая шла в народ, поднять крестьян на революцию,—не потому ли, что она исходила из ошибочного представления, будто именно «крестьянство» является представителем трудящегося и эксплоатируемого населения, тогда как на самом деле крестьянство не представляет из себя особого класса (—иллюзия, об'яснимая разве только отраженным влиянием эпохи падения крепостного права, когда крестьянство действительно выступало как к л а с с, но только как класс крепостнического общества), так как внутри его самого складываются классы буржуазии и пролетариата,—одним словом, нужно было разобрать старые социалистические теории и критику их социал-демократами. А г. Кривенко из кожи лезет, вместо этого, доказывая, что дело «господина Шмидта»—«дело несомненно жизненное». Да помилуйте, почтеннейший г. «друг народа», к чему вы ломитесь в отворенную дверь? кто же сомневается в этом? Устроить виноградник и получать с него 75—100 руб. дохода,—что может быть в самом деле жизненнее? *).

И автор принимается раз'яснять, что если один хозяин устроит у себя виноградник,—то это будет разрозненная деятельность, а если несколько хозяев,—то обобщенная и распространенная деятельность, превращающая маленькое дело в настоящее, правильное, к а к, н а-

*) Попробовали бы с предложением этого „жизненного" дела сунуться к т о й молодежи, которая рассказывала мужику о европейских ассоциациях! Как бы они вас встретили, какую бы дали вам прекрасную отповедь! Вы бы так же стали смертельно бояться их идей, как теперь боитесь материализма и диалектики!

пример, А. Н. Энгельгардт [60]) не только у себя применял фосфорит, а и у других ввел фосфоритное производство.

Неправда ли, как этот демократ великолепен!

Еще пример возьмем из области суждений о крестьянской реформе. Как относился к ней демократ вышеуказанной эпохи нераздельности демократизма и социализма, Чернышевский? Не будучи в состоянии открыто заявлять свои мнения, он молчал, а обиняками характеризовал подготовлявшуюся реформу таким образом:

«Предположим, что я был заинтересован принятием средств для сохранения провизии, из запаса которой составляется ваш обед. Само собой разумеется, что если я это делал собственно из расположения к вам, то моя ревность основывалась на предположении, что провизия принадлежит вам и что приготовляемый из нее обед здоров и выгоден для вас. Представьте же себе мои чувства, когда я узнаю, что провизия вовсе не принадлежит вам и что за каждый обед, приготовленный из нее, берутся с вас деньги, которых не только не стóит самый обед (это писано до реформы. А г.г. Южаковы теперь уверяют, что основной принцип ее обеспечить крестьян!!), *но которых вы вообще не можете платить без крайнего стеснения. Какие мысли приходят мне в голову при этих столь странных открытиях?.. Как я был глуп, что хлопотал о деле, для полезности которого не обеспечены условия! Кто кроме глупца может хлопотать о сохранении собственности в известных руках, не удовлетворившись предварительно, что собственность достанется в эти руки и достанется на выгодных условиях? ...Лучше пропадай вся эта провизия, которая приносит только вред любимому мною человеку! Лучше пропадай все дело, которое приносит вам только разорение!»*

Я подчеркиваю те места, которые рельефнее показывают глубокое и превосходное понимание Чернышевским современной ему действительности, понимание того, что такое крестьянские платежи, понимание антагонистичности русских общественных классов. Важно отметить также, что подобные чисто революционные идеи он умел излагать в подцензурной печати. В нелегальных своих произведениях он писал то же самое, но только без обиняков. В «Пролог к прологу» Волгин (в уста которого Чернышевский вкладывает свои мысли) говорит:

«Пусть дело освобождения крестьян будет передано в руки помещичьей партии. Разница не велика» *).

*) Цитирую по статье Плеханова: „Н. Г. Чернышевский" в „Социал-Демократе" [61]).

и на замечание собеседника, что, напротив, разница колоссальная, так как помещичья партия против наделения крестьян землей, он решительно отвечает:

«*Нет, не колоссальная, а ничтожная. Была бы колоссальная, если бы крестьяне получили землю без выкупа. Взять у человека вещь или оставить ее человеку—разница, но взять с него плату за нее—все равно. План помещичьей партии разнится от плана прогрессистов только тем, что проще, короче. Поэтому он даже лучше. Меньше проволочек, вероятно, меньше и обременения для крестьян. У кого из крестьян есть деньги, тот купит себе землю. У кого их нет—так нечего и обязывать покупать ее. Это будет только разорять их. Выкуп—та же покупка*».

Нужна была именно гениальность Чернышевского, чтобы тогда, в эпоху самого совершения крестьянской реформы (когда еще не была достаточно освещена она даже на Западе) понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер,—чтобы понимать, что уже тогда в русском «обществе» и «государстве» царили и правили общественные классы, бесповоротно враждебные трудящемуся и безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию крестьянства. И при этом Чернышевский понимал, что существование правительства, прикрывающего наши антагонистические общественные отношения, является страшным злом, особенно ухудшающим положение трудящихся.

«*Если сказать правду*—продолжает Волгин—*пусть лучше будут освобождены без земли*». (Т.-е. если так сильны у нас крепостники-помещики, пусть лучше выступают они открыто, прямо и договаривают до конца, чем прятать эти же крепостнические интересы под компромиссами лицемерного абсолютного правительства.)

«*Вопрос поставлен так, что я не нахожу причин горячиться даже из-за того, будут или не будут освобождены крестьяне, тем меньше из-за того, кто станет освобождать их, либералы или помещики. По моему, все равно. Помещики даже лучше*».

Из «Писем без адреса»: «*Толкуют: освободить крестьян... Где силы на такое дело? Еще нет сил. Нельзя приниматься за дело, когда нет сил на него. А видите, к чему идет: станут освобождать. Что выйдет—судите сами, что выходит, когда берешься за дело, которого не можешь сделать. Испортишь дело—выйдет мерзость*».

Чернышевский понимал, что русское крепостническо-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, т.-е. ниспровергнуть крепостников, что оно только и в состоянии произвести «мер-

зость», жалкий компромисс интересов либералов (выкуп—та же покупка) и помещиков, компромисс, надувающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на деле разоряющий их и выдающий головой помещикам. И он протестовал, проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получился крах, который бы вывел Россию на дорогу открытой борьбы классов.

А наши современные «демократы» т е п е р ь—когда гениальные провидения Чернышевского стали фактом, когда 30-летняя история беспощадно опровергла всяческие экономические и политические иллюзии—славословят по поводу реформы, усматривают в ней санкцию «народного» производства, ухитряются почерпать из нее доказательство возможности какого-то такого пути, который бы о б о ш е л враждебные трудящемуся общественные классы. Повторяю, отношение к крестьянской реформе—самое наглядное доказательство того, как наши демократы глубоко обуржуазились. Эти господа ничему не научились, а забыли они очень и очень многое.

Для параллели возьму «От. Записки» за 1872 г. Я приводил уже выше выписки из статьи «Плутократия и ее основы» на счет тех успехов по части либерализма (прикрывавшего собой плутократические интересы), которые сделало русское общество в первое же десятилетие после «великой освободительной» реформы.

«Если раньше часто попадались люди,—писал тот же автор в той же статье,—хныкавшие по поводу реформ и оплакивавшие старину, то теперь уже таких нет. «Всем понравились новые порядки, все смотрят весело и спокойно», и автор показывает далее, как и литература «сама делается органом плутократии», проводя плутократические интересы и вожделения под покровом демократизма». Всмотритесь повнимательнее в это рассуждение. Автор недоволен тем, что «все» довольны новыми порядками, созданными реформой, что «все» (представители «общества» и «интеллигенции», конечно, а не трудящиеся) веселы и спокойны, несмотря на очевидные, антагонистические, буржуазные свойства этих новых порядков: публика не замечает, что либерализм прикрывает только «свободу приобретения», и, разумеется, приобретения на счет массы трудящихся и в ущерб ей. И он протестует. Именно этот протест, характерный для социалиста, и ценен в его рассуждении. Заметьте, что этот протест против прикрытого демократизмом плутократизма, противоречит общей теории журнала: они ведь отрицают какие бы то ни было буржуазные моменты, элементы и интересы в крестьянской реформе, отрицают классовый характер русской интеллиген-

ции и русского государства, отрицают существование почвы для капитализма в России—и тем не менее не могут не чувствовать, не осязать капитализма и буржуазности. И поскольку «От. Записки», чувствуя антагонистичность русского общества, воевали с буржуазными либерализмом и демократизмом,—постольку они делали дело, общее всем нашим первым социалистам, которые хотя и не умели понять этой антагонистичности, но сознавали ее и хотели бороться против самой организации общества, порождавшей антагонистичность;—постольку «От. Записки» были прогрессивны (разумеется, с точки зрения пролетариата). «Друзья народа» забыли об этой антагонистичности, утратили всякое чутье того, как «под покровом демократизма» и у нас, на святой Руси, прячутся чистокровные буржуа; и потому теперь они реакционны (по отношению к пролетариату), так как замазывают антагонизм, толкуют не о борьбе, а о примирительной культурнической деятельности.

Неужели, однако, господа, российский яснолобый либерал, демократический представитель плутократии в 60-х г.г., перестал быть идеологом буржуазии в 90-х г.г. только оттого, что его чело подернулось дымкой гражданской скорби?

Неужели «свобода приобретения» в крупных размерах, свобода приобретения крупного кредита, крупных капиталов, крупных технических улучшений перестает быть либеральной, т.-е. буржуазной, при неизменности данных общественно-экономических отношений, только оттого, что она заменяется свободой приобретения мелкого кредита, мелких капиталов, мелких технических улучшений?

Повторяю, они не то чтобы перешли к другому мнению под влиянием радикальной перемены взглядов или радикального переворота наших порядков. Нет, они просто забыли.

Утратив эту единственную черту, которая делала некогда их предшественников прогрессивными, несмотря на всю несостоятельность их теорий, несмотря на наивно-утопическое воззрение на действительность, «друзья народа» за весь этот промежуток времени ровно ничему не научились. А между тем, даже независимо от политико-экономического анализа русской действительности, одна уже политическая история России за эти 30 лет должна бы научить их многому.

Тогда, в эпоху «60-х годов», сила крепостников была надломлена: они потерпели, правда, не окончательное, но все же такое решительное поражение, что должны были стушеваться со сцены. Либералы, напротив, подняли голову. Полились либеральные фразы о прогрессе, науке, добре, борьбе с неправдой, о народных интересах, народной совести,

народных силах и т. д. и т. д. — те самые фразы, которыми и теперь, в минуты особого уныния, тошнит наших радикальных нытиков в их салонах, наших либеральных фразеров на их юбилейных обедах, на страницах их журналов и газет. Либералы оказались настолько сильны, что переделали «новые порядки» по-своему,—далеко не совсем, конечно, но в изрядной мере. Хотя и тогда не было на Руси «ясного света открытой классовой борьбы», но все-таки было посветлее теперешнего, так что даже те идеологи трудящегося класса, которые понятия не имели об этой классовой борьбе, которые предпочитали мечтать о лучшем будущем, чем об'яснять мерзкое настоящее, даже они не могли не видеть, что за либерализмом прячется плутократия, что эти новые порядки—порядки буржуазные. Именно устранение со сцены крепостников, не отвлекавших внимание на еще более вопиющие злобы дня, не мешавших рассматривать новые порядки в чистом (сравнительно) виде, и позволяло рассмотреть это. Но тогдашние наши демократы, умея осуждать плутократический либерализм, не умели, однако, понять и научно об'яснить его, не умели понять его необходимости при капиталистической организации нашего общественного хозяйства, не умели понять прогрессивности этого нового уклада жизни сравнительно со старым крепостническим, не умели понять революционной роли порождаемого им пролетариата—и ограничивались «фырканьем» на эти порядки «свободы» и «гуманности», считали буржуазность какой-то случайностью, ждали, что должны еще в «народном строе» открыться другие какие-то общественные отношения.

И вот, история показала им эти другие общественные отношения. Крепостники, не совсем добитые реформой, так безобразно изуродованной их интересами, ожили (на час) и показали наглядно, каковы эти другие наши общественные отношения, помимо буржуазных, показали в форме такой разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции, что наши демократы струсили, присели, вместо того, чтобы итти вперед, перерабатывая свой наивный демократизм, умевший чувствовать буржуазность, но не умевший понять ее, в социал-демократизм,—пошли назад, к либералам, и гордятся теперь тем, что их нытье... т.-е., я хотел сказать, их теории и программы разделяет «вся серьезная и порядочная печать». Казалось бы, урок был очень внушительный: становилась слишком очевидной иллюзия старых социалистов об особом укладе народной жизни, о социалистических инстинктах народа, о случайности капитализма и буржуазии, казалось бы, можно уже прямо взглянуть на действительность и открыто признать, что никаких других общественно-экономических отношений кроме буржуазных и отживающих

крепостнических в России не было и нет, что поэтому не может быть и иного пути к социализму, как через рабочее движение. Но эти демократы ничему не научились, и наивные иллюзии мещанского социализма уступили место практичной трезвенности мещанских прогрессов.

Теперь теории этих идеологов мещанства, когда они выступают в качестве представителей интересов трудящихся, прямо реакционны. Они замазывают антагонизм современных русских общественно-экономических отношений, рассуждая так, как будто бы делу можно помочь общими, на всех рассчитанными мероприятиями по «под'ему», «улучшению» и т. д., как будто бы можно было примирить и об'единить. Они—реакционны, изображая наше государство чем-то над классами стоящим и потому годным и способным оказать какую-нибудь серьезную и честную помощь эксплоатируемому населению.

Они реакционны потому, наконец, что абсолютно не понимают необходимости борьбы и борьбы отчаянной самих трудящихся для их освобождения. У «друзей народа», например, так выходит, что они и сами всё, пожалуй, устроить могут. Рабочие могут быть спокойны. Вон в редакцию «Р. Б-ва» уж и техник пришел, и они чуть было совсем не разработали одну из «комбинаций» по «введению капитализма в народную жизнь». Социалисты должны РЕШИТЕЛЬНО и ОКОНЧАТЕЛЬНО разорвать со всеми мещанскими идеями и теориями—ВОТ ГЛАВНЫЙ ПОЛЕЗНЫЙ УРОК, который должен быть извлечен из этого похода.

Прошу заметить, что я говорю о разрыве с мещанскими идеями, а не с «друзьями народа» и не с их идеями—потому что не может быть разрыва с тем, с чем не было никогда связи. «Друзья народа»—только одни из представителей одного из направлений этого сорта мещанско-социалистических идей. И если я по поводу данного случая делаю вывод о необходимости разрыва с мещанско-социалистическими идеями, с идеями старого русского крестьянского социализма в о о б щ е, то это потому, что настоящий поход против марксистов представителей старых идей, напуганных ростом марксизма, побудил их особенно полно и рельефно обрисовать мещанские идеи. Сопоставляя эти идеи с современным социализмом, с современными данными о русской действительности, мы с поразительной наглядностью видим, до какой степени выдохлись эти идеи, как потеряли они всякую цельную теоретическую основу, спустившись до жалкого эклектизма, до самой дюжинной культурническо-оппортунистской программы. Могут сказать, что это—вина не старых идей социализма вообще, а только данных господ, которых никто ведь и не причисляет к социалистам; но подобное возраже-

ние кажется мне совершенно несостоятельным. Я везде старался показать необходимость такого вырождения старых теорий, везде старался уделять возможно меньше места критике этих господ в частности и возможно больше—общим и основным положениям старого русского социализма. И если социалисты нашли бы, что эти положения изложены мною неверно или неточно или недоговорены, то я могу ответить только покорнейшей просьбой: пожалуйста, господа, изложите их сами, договорите их как следует!

Право, никто более социал-демократов не был бы рад возможности вести полемику с социалистами.

Неужели вы думаете, что нам приятно отвечать на «полемику» подобных господ и что мы взялись бы за это, не будь с их стороны прямого, настоятельного и резкого вызова?

Неужели вы думаете, что нам не приходится делать над собой усилий, чтобы читать, перечитывать и вчитываться в это отвратительное соединение казенно-либеральных фраз с мещанской моралью?

Но ведь не мы же виноваты в том, что за обоснование и изложение таких идей берутся теперь лишь подобные господа. Прошу заметить также, что я говорю о необходимости разрыва с мещанскими идеями с о ц и а л и з м а. Разобранные мелко-буржуазные теории являются Б Е З У С Л О В Н О реакционными, П О С К О Л Ь К У они выступают в качестве социалистических теорий.

Но если мы поймем, что на самом деле ровно ничего социалистического тут нет, т.-е. все эти теории безусловно не об'ясняют эксплоатации трудящегося и потому абсолютно неспособны послужить для его освобождения, что на самом деле все эти теории отражают и проводят интересы мелкой буржуазии,—тогда мы должны будем иначе отнестись к ним, должны будем поставить вопрос: к а к с л е д у е т о т н е с т и с ь р а б о ч е м у к л а с с у к м е л к о й б у р ж у а з и и и е е п р о г р а м м а м? И на этот вопрос нельзя ответить, не приняв во внимание двойственный характер этого класса (у нас в России эта двойственность особенно сильна вследствие меньшей развитости антагонизма мелкой и крупной буржуазии). Он является прогрессивным, поскольку выставляет обще-демократические требования, т.-е. борется против каких бы то ни было остатков средневековой эпохи и крепостничества; он является реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкой буржуазии, стараясь задержать, повернуть назад общее развитие страны в буржуазном направлении. Подобные реакционные требования, вроде, напр., пресловутой неотчуждаемости наделов, как и многие другие прожекты опеки над крестьянством, прячутся обыкновенно

под благовидный предлог защиты трудящихся; но на деле они, разумеется, только ухудшают их положение, затрудняя в то же время борьбу их за свое освобождение. Эти две стороны мелкой буржуазной программы следует строго различать и, отрицая какой бы то ни было социалистический характер этих теорий, борясь против их реакционных сторон, не следует забывать об их демократической части. Поясню на примере, каким образом полное отрицание мещанских теорий марксистами не только не исключает демократизма в их программе, а напротив, требует еще более настоятельного настаивания на нем. Выше указаны были три основные положения, на которых выезжали всегда представители мещанского социализма в своих теориях—малоземелье, высокие платежи, гнет администрации.

Социалистического ровно ничего нет в требовании устранения этих зол, ибо они нимало не об'ясняют экспроприации и эксплоатации, и устранение их нимало не затронет гнета капитала над трудом. Но устранение их очистит этот гнет от усиливающих его средневековых ветошек, облегчит рабочему прямую борьбу против капитала и потому в качестве демократического требования встретит самую энергическую поддержку рабочих. Платежи и налоги — это, говоря вообще, такой вопрос, которому в состоянии придавать особую важность только мелкие буржуа, но у нас платежи с крестьян представляют из себя во многих отношениях простое переживание крепостничества: таковы, например, выкупные платежи, которые должны быть немедленно и безусловно отменены; таковы те налоги, которые падают только на крестьян и мещан и от которых свободны «благородные». Социал-демократы всегда поддержат требование устранения этих остатков средневековых отношений, обусловливающих экономический и политический застой. То же самое следует сказать о малоземелье. Я уже много останавливался выше на доказательстве буржуазного характера воплей о нем. Несомненно, однако, что, например, крестьянская реформа отрезками земель прямо ограбила крестьян в пользу помещиков, сослужив службу этой громадной реакционной силе и непосредственно (отхватыванием крестьянской земли) и косвенно (искусным отмежеванием наделов). И социал-демократы будут самым энергичным образом настаивать на немедленном возвращении крестьянам отнятой от них земли, на полной экспроприации помещичьего землевладения—этого оплота крепостнических учреждений и традиций. Этот последний пункт, совпадающий с национализацией земли, не заключает в себе ничего социалистического, потому что складывающиеся уже у нас фермерские отношения только быстрее и пышнее расцвели бы при этом, но он крайне важен

в демократическом смысле, как единственная мера, которая могла бы окончательно сломить благородных помещиков. Наконец, говорить о бесправии крестьян, как причине экспроприации и эксплоатации крестьян, могут, конечно, только г.г. Южаковы и В. В., но гнет администрации над крестьянством не только несомненен, а представляет из себя не простой гнет, а прямое третирование крестьян, как «подлой черни», которой свойственно быть в подчинении у благородных помещиков, для которой пользование общими гражданскими правами дается только в виде особой милости (переселения *), напр.), которой всякий помпадур может распоряжаться как людьми, запертыми в рабочий дом. И социал-демократы безусловно примыкают к требованию полного восстановления крестьянства в гражданских правах, полной отмены всяких привилегий дворянства, уничтожения бюрократической опеки над крестьянством и предоставления ему самоуправления.

Вообще, русским коммунистам, последователям марксизма, более чем каким-нибудь другим, следует именовать себя СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТАМИ и никогда не забывать в своей деятельности громадной важности ДЕМОКРАТИЗМА **).

В России остатки средневековых, полукрепостнических учреждений так бесконечно еще сильны (сравнительно с Зап. Европой), они таким гнетущим ярмом лежат на пролетариате и на народе вообще, задерживая рост политической мысли во всех сословиях и классах,— что нельзя не настаивать на громадной важности для рабочих борьбы против всяких крепостнических учреждений, против абсолютизма, сословности, бюрократии. Рабочим необходимо со всей подробностью показать, какую страшную реакционную силу представляют из себя эти учреждения, как усиливают они гнет капитала над трудом, как унижающе давят на трудящихся, как задерживают капитал в его средневековых формах, не уступающих новейшим, индустриальным, по эксплоатации труда, но прибавляющим к этой эксплоатации страшные труд-

*) Нельзя не вспомнить тут о чисто-российской наглости крепостника, с которой г. Ермолов, теперь министр земледелия, в своей книге: „Неурожай и народное бедствие“ возражает против переселений. Нельзя, дескать, с государственной точки зрения считать их рациональными, когда в Европейской России помещики еще нуждаются в свободных руках. Для чего же, в самом деле, существуют крестьяне как не для того, чтобы своим трудом кормить тунеядцев-помещиков с их „высокопоставленными“ прихвостнями?

**) Это очень важный пункт. Плеханов глубоко прав, говоря, что у наших революционеров „два врага: не совсем еще искорененные старые предрассудки, с одной стороны, и узкое понимание новой программы, с другой“. См. Приложение III (ст. 232 настоящего издания. *Ред.*).

ности борьбы за освобождение. Рабочие должны знать, что без ниспровержения этих столпов реакции *) им не будет никакой возможности вести успешную борьбу с буржуазией, так как при существовании их русскому сельскому пролетариату, поддержка которого—необходимое условие для победы рабочего класса, никогда не выйти из положения забитого, загнанного люда, способного только на тупое отчаяние, а не на разумный и стойкий протест и борьбу. И потому борьба рядом с радикальной демократией против абсолютизма и реакционных сословий и учреждений—прямая обязанность рабочего класса, которую и должны внушать ему социал-демократы, не опуская ни на минуту в то же время внушать ему, что борьба против всех этих учреждений необходима лишь как средство для облегчения борьбы против буржуазии, что осуществление обще-демократических требований необходимо рабочему лишь как расчистка дороги, ведущей к победе над главным врагом трудящихся—чисто демократическим по своей природе учреждением, к а п и т а л о м, который у нас в России особенно склонен жертвовать своим демократизмом, вступать в союз с реакционерами для того, чтобы придавить рабочих, чтобы сильнее затормозить появление рабочего движения.

Изложенное достаточно определяет, кажется, отношение социал-демократов к абсолютизму и политической свободе, а также отношение их к особенно усиливающемуся в последнее время течению, направленному к «об'единению» и «союзу» всех фракцией революционеров для завоевания политической свободы.

Это—довольно оригинальное и характерное течение.

---

*) Особенно внушительным реакционным учреждением, которое сравнительно мало обращало на себя внимания наших революционеров, является отечественная б ю р о к р а т и я, которая de facto **) и правит государством российским. Пополняемая, главным образом, из разночинцев, эта бюрократия является и по источнику своего происхождения, и по назначению и характеру деятельности глубоко буржуазной, но абсолютизм и громадные политические привилегии благородных помещиков придали ей особенно вредные качества. Это—постоянный флюгер, полагающий высшую свою задачу в сочетании интересов помещика и буржуа.

Это — иудушка, который пользуется своими крепостническими симпатиями и связями для надувания рабочих и крестьян, проводя под видом „охраны экономически слабого" и „опеки" над ним в защиту от кулака и ростовщика такие мероприятия, которые низводят трудящихся в положение „подлой черни", отдавая их головой крепостнику-помещику и делая тем более беззащитными против буржуазии. Это—опаснейший лицемер, который умудрен опытом западно-европейских мастеров реакции и искусно прячет свои аракчеевские вожделения под фиговые листочки народолюбивых фраз.

**) — на деле, фактически. *Ред.*

Оригинально оно тем, что предложения «союза» исходят не от определенной группы или определенных групп с определенными программами, сходящимся в том-то и том-то. Будь это так, вопрос о союзе был бы вопросом каждого отдельного случая, вопросом конкретным, решаемым представителями об'единяемых групп. Тогда не могло бы и быть особого «об'единительного» течения. Но таковое имеется и исходит просто от людей, которые от старого отстали, а к новому ни к чему не пристали: та теория, на которую опирались до сих пор борцы с абсолютизмом, видимо, рушится, разрушая и те условия солидарности и организованности, которые необходимы для борьбы. И вот господа «об'единители» и «союзники» думают, должно быть, что такую теорию легче всего создать, сведя всю ее к протесту против абсолютизма и требованию политической свободы, обходя все остальные социалистические и несоциалистические вопросы. Понятно, что это наивное заблуждение неминуемо опровергнет себя при первых же попытках подобного об'единения.

Но характерно это «об'единительное» течение потому, что выражает собой одну из последних стадий того процесса превращения боевого, революционного народничества в политически-радикальный демократизм, который (процесс) я старался наметить выше. Прочное об'единение всех не-социал-демократических революционных групп под указанным знаменем возможно будет только тогда, когда выработается прочная программа д е м о к р а т и ч е с к и х требований, покончившая с предрассудками старого русского самобытничества. Создание подобной демократической партии социал-демократы считают, конечно, полезным шагом вперед, и их работа, направленная против народничества, должна содействовать этому, содействовать искоренению всяких предрассудков и мифов, группировке социалистов под знамя марксизма и образованию остальными группами демократической партии.

И с этой партией, конечно, не могло бы быть «об'единения» у социал-демократов, считающих необходимой самостоятельную организацию рабочих в особую рабочую партию,—но рабочие оказали бы самую энергическую поддержку всякой борьбе демократов против реакционных учреждений.

Вырождение народничества в самую дюжинную теорию мелкобуржуазного радикализма,—о котором (вырождении) с такой наглядностью свидетельствуют «друзья народа»,—показывает нам, какую громадную ошибку делают те, кто несет рабочим идею борьбы с абсолютизмом, не выясняя им в то же время антагонистического характера наших общественных отношений, в силу которого за политическую сво-

боду стоят и идеологи буржуазии,—не выясняя им исторической роли русского рабочего, как борца за освобождение всего трудящегося населения.

Социал-демократов любят упрекать в том, что они хотят будто бы взять в свое исключительное пользование теорию Маркса, тогда как, дескать, экономическая теория его принимается всеми социалистами. Но спрашивается, какой же смысл раз'яснять рабочим форму стоимости, сущность буржуазных порядков и революционную роль пролетариата, если у нас в России эксплоатация трудящегося об'ясняется вообще и повсюду совсем не буржуазной организацией общественного хозяйства,—а, хотя бы, малоземельем, платежами, гнетом администрации?

Какой смысл раз'яснять рабочим теорию классовой борьбы, если эта теория не может об'яснить даже его отношений к фабриканту (наш капитализм искусственно насажден правительством), не говоря уже о массе «народа», не принадлежащего к сложившемуся классу фабричных рабочих?

Каким образом можно принять экономическую теорию Маркса с ее выводом—о революционной роли пролетариата, как организатора коммунизма при посредстве капитализма, когда у нас хотят искать путей к коммунизму помимо капитализма и создаваемого им пролетариата?

Очевидно, что при подобных условиях призыв рабочего к борьбе за политическую свободу будет равносилен призыву его таскать из огня каштаны для передовой буржуазии, потому что нельзя отрицать (характерно, что даже народники и народовольцы не отрицали этого), что политическая свобода послужит прежде всего интересам буржуазии, давая рабочим не облегчение их положения, а только... только облегчение условий борьбы... с этой самой буржуазией. Я говорю это против тех социалистов, которые, не принимая теории социал-демократов, обращают, однако, свою агитацию на рабочую среду, убедившись эмпирически, что только в ней можно найти революционные элементы. Эти социалисты ставят свою теорию в противоречие с практикой и делают крайне серьезную ошибку, отвлекая рабочих от их прямой задачи — ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ *).

---

*) К выводу о необходимости поднять рабочего на борьбу с абсолютизмом можно притти двумя путями: либо смотреть на рабочего, как на единственного борца за социалистический строй, и тогда видеть в политической свободе одно из условий, облегчающих ему борьбу. Так смотрят с.-демократы. Либо обращаться

Ошибка эта естественно возникла тогда, когда классовые антагонизмы буржуазного общества были совершенно еще не развиты, подавленные крепостничеством, когда это последнее порождало солидарный протест и борьбу всей интеллигенции, создавая иллюзию об особом демократизме нашей интеллигенции, об отсутствии глубокой розни между идеями либералов и социалистов. Теперь,—когда экономическое развитие настолько ушло вперед, что даже люди, отрицавшие прежде почву для капитализма в России, признают, что мы вступили именно на капиталистический путь развития,—теперь никакие иллюзии на этот счет уже невозможны. Состав «интеллигенции» обрисовывается так же ясно, как и состав общества, занятого производством материальных ценностей: если в последнем царит и правит капиталист, то в первой задает тон все быстрее и быстрее растущая орава карьеристов и наемников буржуазии,—«интеллигенция» довольная и спокойная, чуждая каких бы то ни было бредней и хорошо знающая, чего она хочет. Наши радикалы и либералы не только не отрицают этого факта, а, напротив, усиленно подчеркивают его, надсаживаясь над доказательствами, безнравственности этого, над осуждением, усилиями разгромить, пристыдить и уничтожить. Эти наивные претензии у с т ы д и т ь буржуазную интеллигенцию за ее буржуазность так же смешны, как стремления мещанских экономистов напугать нашу буржуазию (ссылаясь на опыт «старших братьев») тем, что она идет к разорению народа, к нищете, безработице и голоданию масс; этот суд над буржуазией и ее идеологами напоминает тот суд над шукой, который порешил бросить ее в реку. За этими пределами начинается либеральная и радикальная «интеллигенция», которая изливает бесчисленное количество фраз о прогрессе, науке, правде, народе и т. п., любит плакать о 60-х г.г., когда не было раздоров, упадка, уныния и апатии и все сердца горели демократизмом.

Со свойственной им наивностью, эти господа никак не хотят понять, что тогдашняя солидарность вызывалась тогдашними материальными условиями, которые не могут вернуться: крепостное право стесняло одинаково всех—и крепостного бурмистра, накопившего деньжонок и желавшего пожить в свое удовольствие, и хозяйственного мужика, ненавидевшего барина за поборы, вмешательство и отрывание от хозяйства, и пролетария-дворового и обедневшего мужика, которого

к нему просто как к человеку, наиболее страдающему от современных порядков, которому уже нечего терять и который всего решительнее может выступить против абсолютизма. Но это и будет значить—заставлять его тащиться в хвосте буржуазных радикалов, не желающих видеть антагонизма буржуазии и пролетариата за солидарностью всего „народа“ против абсолютизма.

продавали в кабалу купцу; от него страдали и купец-фабрикант, и рабочий, и кустарь, и мастерок. Между всеми этими людьми только та связь и была, что все они были враждебны крепостничеству: за пределами этой солидарности начинался самый резкий хозяйственный антагонизм. До какой же степени надо убаюкивать себя сладкими мечтами, чтобы и по сю пору не видеть этого антагонизма, который получил такое громадное развитие; чтобы плакаться о возвращении времен солидарности, когда действительность требует борьбы, требует, чтобы всякий, кто не хочет быть ВОЛЬНЫМ или НЕВОЛЬНЫМ приспешником буржуазии, становился на сторону пролетариата.

Если вы не поверите на слово пышным фразам о «народных интересах» и попробуете копнуть поглубже,—то увидите, что имеете перед собой чистейших идеологов мелкой буржуазии, мечтающей об улучшении, поддержке и восстановлении своего («народного» на их языке) хозяйства посредством разных невинных прогрессов и не способной абсолютно понять того, что на почве данных производственных отношений все эти прогрессы только глубже и глубже будут пролетаризировать массы. «Друзьям народа» нельзя не быть благодарным за то, что они много посодействовали уяснению классового характера нашей интеллигенции и тем подкрепили теорию марксистов о мелко-буржуазности наших мелких производителей; они неизбежно должны ускорить вымирание старых иллюзий и мифов, так долго смущавших русских социалистов. «Друзья народа» так захватали, истаскали и испачкали эти теории, что русским социалистам, державшимся этих теорий, неминуемо предстоит дилемма—либо пересмотреть заново эти теории, либо откинуть их совершенно, предоставив их в исключительное пользование господ, которые с самодовольным торжеством оповещают urbi et orbi *) о покупке улучшенных орудий крестьянскими богатеями,—которые с серьезным видом уверяют вас, что необходимо приветствовать людей, которым надоело сидеть за зелеными столами. И в подобном смысле толкуют они о «народном строе» и «интеллигенции» не только серьезно, а и с претенциозными колоссальными фразами о широких идеалах, об идеальной постановке вопросов жизни!..

Социалистическая интеллигенция только тогда может рассчитывать на плодотворную работу, когда покончит с иллюзиями и станет искать опоры в действительном, а не желательном развитии России, в действительных, а не возможных общественно-экономических отношениях. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ работа ее должна будет при этом

*)—всему миру. *Ред.*

направиться на *конкретное изучение всех форм экономического антагонизма в России, изучение их связи и последовательного развития; она* должна *вскрыть этот антагонизм везде, где он прикрыт политической историей, особенностями правовых порядков, установившимися теоретическими предрассудками.* Она должна *дать цельную картину нашей действительности, как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплоатации и экспроприации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на которые указывает экономическое развитие.*

Эта теория, основанная на детальном и подробном изучении русской истории и действительности, должна дать ответ на запросы пролетариата,—и если она будет удовлетворять научным требованиям, то всякое пробуждение протестующей мысли пролетариата неизбежно будет приводить эту мысль в русло социал-демократизма. Чем дальше будет подвигаться вперед выработка этой теории, тем быстрее будет расти социал-демократизм, так как самые хитроумные оберегатели современных порядков не в силах помешать пробуждению мысли пролетариата, не в силах потому, что самые эти порядки необходимо и неизбежно влекут за собой все сильнейшую экспроприацию производителей, все больший рост пролетариата и резервной его армии—и это наряду с прогрессом общественного богатства, с громадным ростом производительных сил и обобществлением труда капитализмом. Как ни много осталось еще сделать для выработки такой теории, но порукой за то, что социалисты исполнят эту работу, служит распространение среди них материализма, единственно научного метода, требующего, чтобы всякая программа была точной формулировкой действительного процесса, порукой служит успех социал-демократии, принимающей эти идеи,—успех, до того взбудораживший наших либералов и демократов, что их толстые журналы, по замечанию одного марксиста, перестали быть скучными

Этим подчеркиванием необходимости, важности и громадности теоретической работы социал-демократов я вовсе не хочу сказать, чтобы эта работа ставилась на первое место перед ПРАКТИЧЕСКОЙ *),— тем менее, чтобы вторая откладывалась до окончания первой. Так

*) Напротив. На 1-е место непременно становится всегда практическая работа пропаганды и агитации по той причине, во-1), что теоретическая работа дает только ответы на те вопросы, которые пред'являет вторая. А во-2), социал-демократы слишком часто, по обстоятельствам от них не зависящим, вынуждены ограничиваться одной теоретической работой, чтобы не ценить дорого каждого момента, когда возможна работа практическая.

могли бы заключить только поклонники «суб'ективного метода в социологии» или последователи утопического социализма. Конечно, если задача социалистов полагается в том, чтобы искать «иных (помимо действительных) путей развития» страны, тогда естественно, что практическая работа становится возможной лишь тогда, когда гениальные философы откроют и покажут эти «иные пути»; и наоборот, открыты и показаны эти пути—кончается теоретическая работа и начинается работа тех, кто должен направить «отечество» по «вновь открытому» «иному пути». Совсем иначе обстоит дело, когда задача социалистов сводится к тому, чтобы быть идейными руководителями пролетариата в его действительной борьбе против действительных настоящих врагов, стоящих на д е й с т в и т е л ь н о м пути данного общественно-экономического развития. При этом условии теоретическая и практическая работа сливаются вместе, в одну работу, которую так метко охарактеризовал ветеран германской социал-демократии Либкнехт [62]) словами:

Studieren, Propagandieren, Organisieren *).

Нельзя быть идейным руководителем без вышеуказанной теоретической работы, как нельзя быть им без того, чтобы направлять эту работу по запросам дела, без того, чтобы пропагандировать результаты этой теории среди рабочих и помогать их организации.

Эта постановка задачи гарантирует социал-демократию от тех недостатков, от которых так часто страдают группы социалистов,—от догматизма и сектаторства.

Не может быть догматизма там, где верховным и единственным критерием доктрины ставится—соответствие ее с действительным процессом общественно-экономического развития; не может быть сектаторства, когда задача сводится к содействию организации пролетариата, когда, следовательно, роль «интеллигенции» сводится к тому, чтобы сделать ненужными особых, интеллигентных руководителей.

Поэтому, несмотря на наличность разногласий среди марксистов по разным теоретическим вопросам, приемы их политической деятельности оставались с самого возникновения группы и остаются до сих пор прежними.

Политическая деятельность социал-демократов состоит в том, чтобы содействовать развитию и организации рабочего движения в России, преобразованию его из теперешнего состояния разрозненных, лишенных руководящей идеи попыток протеста, «бунтов» и стачек в организованную борьбу **ВСЕГО** русского рабочего **КЛАССА**, направленную про-

*) —изучать, пропагандировать, организовывать. *Ред.*

тив буржуазного режима и стремящуюся к экспроприации экспроприаторов, к уничтожению тех общественных порядков, которые основаны на угнетении трудящегося. Основой этой деятельности служит общее убеждение марксистов в том, что русский рабочий—единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплоатируемого населения России *).

Естественный — потому, что эксплоатация трудящегося в России повсюду является по сущности своей капиталистической, если опустить вымирающие остатки крепостнического хозяйства; но только эксплоатация массы производителей мелка, раздроблена, неразвита, тогда как эксплоатация фабрично-заводского пролетариата крупна, обобществлена и концентрирована. В первом случае—эксплоатация эта еще опутана средневековыми формами, разными политическими, юридическими и бытовыми привесками, уловками и ухищрениями, которые мешают трудящемуся и его идеологу видеть сущность тех порядков, которые давят на трудящегося, видеть, где и как возможен выход из них. Напротив, в последнем случае эксплоатация уже совершенно развита и выступает в своем чистом виде без всяких запутывающих дело частностей. Рабочий не может не видеть уже, что гнетет его капитал, что вести борьбу приходится с классом буржуазии. И эта борьба его, направленная на достижение ближайших экономических нужд, на улучшение своего материального положения,—неизбежно требует от рабочих организации, неизбежно становится войной не против личности, а против **класса**, того самого класса, который не на одних фабриках и заводах, а везде и повсюду гнетет и давит трудящегося. Вот почему фабрично-заводский рабочий является не более как передовым представителем всего эксплоатируемого населения, и для того, чтобы он осуществил свое представительство в организованной, выдержанной борьбе,—требуется совсем не увлечение его какими-нибудь «перспективами»; для этого требуется только простое выяснение ему его положения, выяснение политико-экономического строя той системы, которая гнетет его, выяснение необходимости и неизбежности классового антагонизма при этой системе. Это положение фабрично-заводского рабочего в общей системе капиталистических отношений делает его единственным борцом за освобождение рабочего класса, потому что только высшая стадия

*) Человек будущего в России—мужик, думали представители крестьянского социализма, народники в самом широком значении этого слова. Человек будущего в России—рабочий, думают социал-демократы. Так формулирована была в одной рукописи точка зрения марксистов.

развития капитализма, крупная машинная индустрия, создает материальные условия и социальные силы, необходимые для этой борьбы. Во всех остальных местах, при низких формах развития капитализма, нет этих материальных условий: производство раздроблено на тысячи мельчайших хозяйств (не перестающих быть раздробленными хозяйствами при самых уравнительных формах общинного землевладения), эксплоатируемый большей частью владеет еще крошечным хозяйством и таким образом привязывается к той самой буржуазной системе, против которой должен вести борьбу: это задерживает и затрудняет развитие тех социальных сил, которые способны ниспровергнуть капитализм. Раздробленная, единичная, мелкая эксплоатация привязывает трудящихся к месту, разобщает их, не дает им возможности уразуметь своей классовой солидарности, не дает возможности об'единиться, поняв, что причина угнетения—не та или другая личность,—а вся хозяйственная система. Напротив, крупный капитализм неизбежно разрывает всякую связь рабочего со старым обществом, с определенным местом и определенным эксплоататором, об'единяет его, заставляет мыслить и ставит в условия, дающие возможность начать организованную борьбу На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу,—тогда русский РАБОЧИЙ, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ (рядом с пролетариатом ВСЕХ СТРАН) прямой дорогой открытой политической борьбы к ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Конец.

1894.

ПРИЛОЖЕНИЯ АВТОРА
К III ВЫПУСКУ

РАЗРЯДЫ ДОМОХОЗЯЕВ и ЧИСЛО ИХ.		Число душ об. пола. 1	Число работ. муж. п. 2	Батраки. Дворов с батр. 3	Батраки. Число их об. п. 4	Надельной земли дес. 5	Аренда. Дворов. 6	Аренда. Десятин. 7	Всего пахотной земли. 8	Число строений. 9
6 зажиточных домохозяев.	Сумма.....	47	11	6	8	132,3	6	52,8	123,4	52
	Среднее на 1 хозяйство.....	7,33	1,3	—	—	22,1	—	8,8	20,16	3,8
11 средне-состоятельн. домохозяев.	Сумма.....	92	26	3	2	101,2	10	85,5	140,2	70
	Среднее на 1 хозяйство.....	8,36	2,4	—	—	9,2	—	7,7	12,7	6,4
7 бедных домохозяев.	Сумма.....	37	10	2	2	57,8	4	19,8	49,18	31
	Среднее на 1 хозяйство.....	5,38	1,4	—	—	8,5	—	2,8	7,1	4,4
ВСЕГО 24 домохозяина.	Сумма.....	176	47	10	12	291,6	20	158,1	313,4	153
	Среднее на 1 хозяйство.....	7,33	1,9	—	—	12,1	—	6,6	13	6,4
2 батрака (вошедш. в число 6 бедных).	Сумма.....	9	2	—	—	14,14	—	—	6,8	6
	Среднее на 1 хозяйство.....	4,5	1	—	—	7,2	—	—	3,4	3

Приложение 1.

Число промышл. завед.	Число землян. орудий.	Скот (голов).		Стоимость в рублях							Сумма кредитных недоимок. Руб.
		Рабочего скота.	Всего в перев. на крупный.	Строений.	Остальн. недвиж.	Инвентаря.	Утвари.	Одежды.	Скота и пчел.	ВСЕГО.	
10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
4	224	35	81	2696	2237	670,8	453	1294,2	3076,3	10427,3	80
—	37,3	5,8	13,3	449,33	372,83	111,6	75,5	215,7	512,75	1737,91	13,3
—	338	40	89,1	2362	318	532,9	435,9	2094,2	2907,1	8650,1	357
—	30,[illegible]	3,6	8,1	214,73	28,91	48,44	39,63	190,38	264,33	786,42	32,4
—	108	7	15,3	835	90	112,3	251	647,1	605,3	2543,1	233,6
—	15,4	1	2,2	119,28	12,83	16,24	36,29	92,45	86,47	363,38	33,4
4	670	82	185,4	5893	2645	1316	1142,9	4035,5	6589,3	21621,3	670,6
—	27,9	3,4	7,7	245,53	110,21	54,83	47,62	168,14	274,56	900,91	27,9
—	11	—	1,1	155	25	6,4	76,8	129,3	9,1	401,6	50
—	5,5	—	0,5	77,5	12,5	3,2	38,4	64,65	4,53	200,38	25

Разряды домохозяев и их число.		РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДОХОДА.								РАС		
		От земледел.		От скотоводств.	От пчело- и садовод.	От промыслов.	От заведений.	Разн. доход.	Всего руб.	ВСЕГО.	П и	
		Всего.	В том числе от хлебов.								Растительн.	Остальная.
		22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32
6 зажиточных домохозяев.	Сумма...	61,2 3861,7 1774,4	2598,2 1774,4	15,4% 972,0 396,5	4,3% 271	6,5% 412	5% 320	7,6% 482,2	100% 6319,5 3656,1	29,2% 1500,6 218,7	823,8	676,8
	Средн. на 1 хоз...	643,6	—	162,1	45,2	68,6	53,3	80,4	1053,2 609,3	250,1	—	—
11 среднесостоятельных домохоз.	Сумма...	60,7% 3163,8 899,9	2203,8 899,9	16,1% 837 423,2	0,7% 36,1	18,8% 979,3	—	3,7% 195,5	100% 5212,2 2534	37,10% 1951,9 257,7	1337,3 33,4	614,6
	Средн. на 1 хоз...	287,7	—	76,1	3,2	89	—	17,8	473,8 230	177,45	—	—
7 бедных домохозяев.	Сумма...	48,7% 689,9 175,25	502,08 175,24	22,9% 324,2 216,6	1,9% 27	23,8% 336,6	—	2,7% 39	1067 1416,8 794,64	42,7 660,8 253,46	487,7 160,96	173,1
	Средн. на 1 хоз...	98,5	—	46,3	3,3	48,1	—	5,5	202,4 113,5	94,4	—	—
Всего 24 домохозяина.	Сумма...	53,6% 7715,4 2849,54	5304,8 2849,54	16,5% 2134,3 1036,3	2,6% 334,1	13,3% 1728,1	2,5% 320	5,5% 716,7	100% 12948,6 6984,74	34,6% 4113,3 729,86	2648,8	1464,4
	Средн. на 1 хоз...	321,5	—	88,9	13,9	72	13,3	29,9	539,5 291,03	171,39	110,37	61,103
2 работника (вошедш. в чис. бедн.).	Сумма...	59,5 3	—	5,7 4,8	—	128,8	—	4	198 140,6	81,7 50,7	72,1 42,5	9,6
	Средн. на 1 хоз...	29,75	—	2,85	—	64,4	—	2	99 70,3	40,25	—	—

ПРЕДЕЛЕНИЕ РАСХОДА.											Чистый доход + дефицит −
щ а.											
В том числе.											
Молоко, мясо и пр.	Соль, водка, чай.	Одежда и домашн. нужды.	Содержание скота.	Инвентарь живой и мертвый.	На работников и пастухов.	Аренда.	Подати.	Попам.	Разные расх.	Всего руб.	
33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44
561,3 103,2	115,5	8,2% 428,6	24,9% 1276,6	9,4% 484,5	13,5% 691,7	6,5% 332	4,9% 253,5	1,1% 56	2,3% 116,5	100% 5135,2 2211,3	+ 197,34
—	—	70,63	212,76	80,75	115,29	55,33	42,25	9,33	19,41	855,86 368,6	+ 197,34
534,3 144	80,3	10,6% 548,1 49,5	21,2% 1098,2	5% 256	0,9% 47,6	6,8% 351,7	4,9% 254,9	1,3% 69,9	11,7% 609,4	100% 5187,7 1896,7	+ 24,5
—	—	49,33	99,84	23,27	4,33	31,97	23,17	6,35	55,14	471,6 172,5	+ 2,19
134,4 53,8	38,7	14,6% 229,6 26,8	15,6% 243,7	7% 110,6	1,6% 24,3	6% 94,5	6,5% 101,8	1,8% 28	4,7% 73,2	100% 1566,5 712,66	— 149,9
—	—	32,8	34,81	15,8	3,4	13,5	14,54	4	10,46	223,8 101,8	— 21,38
1280	234,5	10,11% 1201,5 134,9	22,2% 2618,5	7,1% 851,1	6,4% 763,6	6,5% 778,2	5,1% 610,2	1,3% 153,9	6,7% 799,1	100% 11859,86 4820,86	+ 1059,2
51,25	9,77	50,06	109,1	35,46	31,82	32,43	25,43	6,41	33,29	495,39 200,8	+ 44,11
6,1 4,7	3,5	14,9 4,6	8	53,2	0,4	—	22,6	2,8	3,3	186,9 137,6	+ 11,1
—	—	7,45	4	26,6	0,2	—	11,3	1,4	1,65	93,1 68,8	+ 5,5

Г. Струве совершенно справедливо ставит во главу угла критики Ник.—она то положение, что «учение Маркса о классовой борьбе и государстве совершенно чуждо русскому политико-эконому». Я не обладаю смелостью г-на Кривенко, чтобы на основании одной этой небольшой заметки (в 4 столбца) г. Струве судить о системе его воззрений (другие его статьи мне неизвестны); я не могу также не сказать, что солидарен не со всеми, высказанными им положениями, и потому могу защищать не его статью целиком, а только известные основные положения, которые он приводит. Но во всяком случае указанное обстоятельство оценено глубоко верно: действительно, непонимание классовой борьбы, присущей капиталистическому обществу,—к о р е н н а я о ш и б к а г. Ник.—она. Исправления одной этой ошибки достаточно было бы для того, чтобы даже из его теоретических положений и исследований необходимо следовали социал-демократические выводы. Действительно, упущение из виду классовой борьбы свидетельствует о грубейшем непонимании марксизма,—непонимании, которое тем более следует поставить в вину г. Ник.—ону, что он вообще желает выдавать себя за строгого поклонника принципов Маркса. Может ли кто-нибудь, хотя немного знакомый с Марксом, отрицать, что учение о классовой борьбе—центр тяжести всей системы его воззрений?

Г. Ник.—он мог, конечно, принять теорию Маркса за исключением этого пункта, хотя бы, напр., по несоответствию его, положим, с данными русской истории и действительности,—но ведь тогда, во-первых, невозможно бы было говорить, что теория Маркса об'ясняет наши порядки, невозможно бы говорить даже об этой теории и о капитализме, так как пришлось бы переделать теорию и выработать понятие о другом капитализме, которому не присущи антагонистические отношения и борьба классов. Во всяком случае, следовало бы со всей подробностью оговорить это, раз'яснить, почему автор, говоря *А* марксизма, не хочет говорить *Б*. Ничего подобного г. Ник.—он и не пытался сделать.

И г. Струве совершенно справедливо заключил, что непонимание классовой борьбы делает г. Ник.—она у т о п и с т о м, ибо игнорирую-

щий классовую борьбу в капиталистическом обществе eo ipso *) игнорирует все действительное содержание общественно-политической жизни этого общества и для осуществления своих дезидерат неизбежно обрекается на витание в сфере невинных мечтаний. Это непонимание делает его р е а к ц и о н е р о м, ибо воззвания к «обществу» и «государству», т.-е. к идеологам и политикам буржуазии, в состоянии только сбить с толку социалистов, принять за союзников злейших врагов пролетариата, в состоянии только затормозить борьбу рабочих за освобождение вместо того, чтобы способствовать усилению, выяснению и большей организации этой борьбы. —

Раз уже зашла речь о статье г. Струве, нельзя не коснуться здесь и ответа г. Ник.—она [63]) в № 6 «Р. Богатства» **).

«Оказывается»,—рассуждает г. Ник.—он, приводя данные о медленном нарастании числа фабрично-заводских рабочих, нарастании, отстающем от роста населения,—«оказывается, что у нас капитализм не только не выполняет своей «исторической миссии», но сам же ставит пределы своему собственному развитию. Вот почему, между прочим, тысячу раз правы те, которые ищут «для своего отечества путь развития, отличный от того, которым шла и идет Западная Европа». (И это пишет человек, признающий, что Россия идет тем же капиталистическим путем!) Невыполнение этой «исторической миссии» усматривает г. Ник.—он в том, что «хозяйственное течение, враждебное общине (т.-е. капитализм), разрушает самые основы ее существования, не принося той доли об'единяющего значения, которое так характерно для З. Европы и с особенной силой начинает проявляться в Сев. Америке»

Другими словами, мы имеем перед собой тот казенный довод против социал-демократов, который изобретен знаменитым г. В. В. [64]), смотревшим на капитализм с точки зрения департаментского чиновника, решающего государственный вопрос о «введении капитализма в народную жизнь»: если исполняет «миссию»—можно пустить, если не испол-

---

*) — тем самым. *Ред.*

**) Вообще своими статьями в „Р. Богатстве" г. Ник.—он усиленно старается, кажется, доказать, что он вовсе не так далек от мещанского радикализма, как можно было думать; что и он способен в росте крестьянской буржуазии (№ 6, с. 118—распространение среди „крестьян" улучшенных орудий, фосфоритов etc.) видеть признаки того, что „само крестьянство" (то, которое массами экспроприируется?) „понимает необходимость выбраться из того положения в каком оно находится".

няет—«не пущай». Помимо всех других качеств этого остроумного рассуждения, самая «миссия» капитализма понималась при этом г-ном В. В.—и понимается, видимо, г. Ник.—оном—до невозможности, до безобразия неправильно и узко; и опять-таки, разумеется, узость собственного понимания эти господа сваливают без церемоний на социал-демократов: на них можно клепать, как на мертвых, благо их в легальную прессу не пускают!

Маркс видел прогрессивную, революционную работу капитализма в том, что он, обобществляя труд, в то же самое время, механизмом самого процесса «обучает, об'единяет и организует рабочий класс», обучает борьбе, организует его «возмущение», об'единяет для «экспроприации экспроприаторов», для захвата политической власти и отнятия средств производства из рук «немногих узурпаторов» для передачи их в руки всего общества («Капитал», 650).

Вот—формулировка Маркса.

О «числе фабр.-заводских рабочих» и речи, конечно, нет: говорится о сосредоточении средств производства и обобществлении труда. Ясное дело, что эти критерии не имеют ничего общего с «числом фабр.-заводских рабочих».

Но наши самобытные истолкователи Маркса перетолковали это именно так, что обобществление труда при капитализме сводится к работе в одном помещении фабричных и заводских рабочих и потому, де, степень прогрессивной работы капитализма измеряется... числом фабрично-заводских рабочих!!! Увеличивается число фабрично-заводских рабочих—значит, капитализм хорошо работает прогрессивную работу; уменьшается—значит, он «плохо выполняет свое историческое призвание» (с. 103 статьи г. Ник.—она) и «интеллигенции» следует «искать иных путей для своего отечества».

И вот российская интеллигенция принимается за поиски «иных путей». Ищет и находит она их уже не первое десятилетие, доказывая *)

---

*) Пропадают эти доказательства даром не потому, чтобы неверны были: разорение, обнищание и голодание народа—несомненные и неизбежные спутники капитализма, а потому, что адресуются эти доказательства в воздух. „Общество"—оно даже под покровом демократизма проводит плутократические интересы, и, конечно уже, не плутократия выступит против капитализма. „Правительство"...—приведу один отзыв противника, г. Н. К. Михайловского:—как ни мало знаем мы программы нашего правительства,—писал он однажды,—но настолько-то мы их знаем, чтобы быть уверенным, что „обобществление труда" в их программу не входит.

изо всех сил, что капитализм—«неправильное» развитие, ибо ведет к безработице и кризисам. Вот в 1880 году стояли мы перед кризисом; тоже в 1893 г.: пора сойти с пути, ибо очевидно, что нам приходится плохо.

А русская буржуазия «слушает да ест»: действительно, приходится «плохо», когда уж нельзя получать баснословные прибыли; и она хором подпевает либералам и радикалам и усиленно принимается благодаря освободившимся и более дешевым капиталам за постройку новых железных дорог. «Нам» плохо, потому что на старых местах «мы» уже дочиста обобрали народ и приходится переходить к индустриальному капиталу, не способному так обогащать, как торговый: так «мы» пойдем на восточные и северные окраины Евр. России, где еще возможно «первоначальное накопление», дающее сотни процентов прибыли, где еще буржуазное разложение крестьянства далеко не завершилось. Интеллигенция видит все это и неустанно грозит, что «мы» опять придем к краху. И действительно наступает новый крах. Масса мелких капиталистов побивается крупными, масса крестьян выталкивается из земледелия, все более и более достающегося в руки буржуазии; увеличивается в необ'ятных размерах море нищеты, безработицы, голодного вымирания—и «интеллигенция» с спокойною совестью ссылается на свои пророчества и паки сетует о неправильном пути, доказывая непрочность нашего капитализма отсутствием внешних рынков.

А русская буржуазия «слушает да ест». Пока «интеллигенция» ищет новых путей, она предпринимает гигантские постройки железных дорог в свои колонии, создавая себе там рынок, неся в молодую страну прелести буржуазных порядков, выращивая с особенной быстротой и там промышленную и земледельческую буржуазию и бросая массу производителей в ряды вечно голодного безработного люда.

Неужели же социалисты все еще будут ограничиваться сетованиями о неправильных путях и доказывать непрочность капитализма... медленным нарастанием числа фабрично-заводских рабочих!!?

Прежде чем перейти к этой ребячьей идее *), нельзя не упомянуть

---

*) Как же в самом деле не назвать этой идеи ребячьей, когда для определения прогрессивной работы капитализма берется не степень обобществления труда, а такой колеблющийся показатель развития о д н о й только отрасли народного труда! Всякий знает, что число рабочих не может не быть чрезвычайно непостоянным при капиталистическом способе производства, что оно зависит от массы второстепенных факторов, вроде кризисов, величины резервной армии, степени эксплоатации труда, степени напряженности его и т. д. и т. д.

о том, что г. Ник.—он крайне неточно передал критикуемое место статьи г-на Струве. В статье его сказано буквально следующее:

«Если автор (т.-е. г. Ник.—он) указывает на различие в составе русского и американского населения по роду занятий—для России принимается, что 80% всего занятого хозяйственной деятельностью (erwerbsthätigen) населения занято сельским хозяйством, а в Соед. Штатах только 44%—то он при этом не замечает, что капиталистическое развитие России именно и будет работать над уменьшением этой разницы 80—44: в этом, можно сказать, состоит его историческая миссия».

Можно находить, что слово «миссия» поставлено здесь очень неудачно, но мысль г-на Струве ясна: г. Ник.—он не заметил, что капиталистическое развитие России (он сам признает, что развитие это действительно капиталистическое) будет уменьшать сельское население, тогда как это—общий закон капитализма. Следовательно, г. Ник.—ону, чтобы опровергнуть это возражение, следовало показать или 1) что он не опустил из виду этой тенденции капитализма, или 2) что капитализм не имеет этой тенденции.

Вместо этого г. Ник.—он принимается за разбор данных о числе наших фабричных рабочих (1% населения по его счету). Да разве у г. Струве говорится о фабричных рабочих? разве 20% населения в России, 56% в Америке, это—фабричные рабочие? разве понятия: «фабричные рабочие» и «население, занятое не сельским хозяйством»—тождественны? Можно ли оспаривать, что и в России уменьшается доля населения, занятого сельским хозяйством?

После этой поправки, которую я считаю тем более необходимой, что г. Кривенко уже раз в этом же журнале переврал это место, перейдем к самой идее г. Ник.—она о «плохом исполнении миссии нашим капитализмом».

Во-первых, нелепо отождествлять число фабрично-заводских рабочих с числом рабочих, занятых в капиталистическом производстве, как это делает автор «Очерков» [65]). Это значит повторять (и даже утрировать) ошибку мещанских российских экономистов, начинающих капитализм прямо с крупной машинной индустрии. Разве миллионы русских кустарей, работающих на купцов из их материала за обыкновенную заработную плату,—заняты не в капиталистическом производстве? Разве батраки и поденщики в земледелии получают от хозяев не заработную плату и отдают им не сверхстоимость? Разве рабочие, занятые строительной промышленностью (быстро развившейся

у нас после реформы) — не подвергаются капиталистической эксплоатации? и т. д. *).

Во-вторых, нелепо сравнивать число фабричных рабочих (1.400.000) со всем населением и выражать это отношение процентом. Это значит прямо-таки сравнивать величины несоизмеримые: население трудоспособное с нетрудоспособным, занятое производством материальных ценностей с «идеологическими состояниями» и т. д. Разве фабрично-заводские рабочие не кормят каждый известное число нерабочих членов семьи? Разве фабричные рабочие не кормят—помимо их хозяев и целой стаи торговцев—кучу солдат, чиновников и т. п. господ, которых вы прикладываете к земледельческому населению и противополагаете всю

---

*) Я ограничиваюсь здесь критикой п р и е м а г-на Ник.—она—судить об „об'единяющем значении капитализма" по числу фабричных рабочих. Не могу войти в разбор цифр, так как у меня нет под руками тех источников, которыми г. Ник.—он пользуется. Нельзя, однако, не заметить, что эти источники выбраны г. Ник.—оном едва ли удачно. Сначала он берет данные из Военно-Статистического Сборника для 1865 г. и из Указателя фабрик и заводов 94 г.—для 1890 г. Получается число рабочих (кроме горнорабочих) 829.573 и 875.764. Увеличение на $5._5\%$—гораздо меньше увеличения народонаселения (91 и $61._{43}$ м.—на $48._1\%$). На с л е д у ю щ е й с т р а н и ц е берутся уже другие данные: и для 1865 и для 1890 г.г.—из „Указателя" за 1893 г. По этим данным число рабочих—392.718 и 716.792; увеличение на 82%. Но это без промышленности, обложенной акцизом, в которой число рабочих (с. 104) было 1865: 186.053 и 1890: 144.332. Складывая эти последние цифры с предыдущими, получаем общее число рабочих (кроме горнозаводских) 1865: 578.771 и 1890: 861.124. Увеличение на $48._7\%$—при увеличении населения на $48._1\%$. Итак, на протяжении пяти страниц автор приводит данные, из которых одни показывают увеличение на 5%, а другие—на 48%! И на основании таких противоречивых данных он судит о непрочности нашего капитализма!!

И потом, почему автор не взял данных о числе рабочих, которые приведены им в „Очерках" (таблицы XI и XII и по которым мы видим возрастание числа рабочих на 12—13% за т р и г о д а (1886—1889), т.-е. возрастание, быстро опережающее рост населения? Автор скажет, может быть, что промежуток времени крайне мал. Но зато ведь данные эти однородны, сравнимы и отличаются большей достоверностью; это во-первых. А во-вторых, разве сам автор не пользовался этими же данными, несмотря на малый промежуток времени, для суждений о росте фабр.-завод. промышленности?

Понятно, что данные об одной только отрасли народного труда не могут не быть шаткими, когда берут такой колеблющийся показатель состояния этой отрасли, как число рабочих. Подумайте же, каким бесконечно-наивным мечтателем надо быть, чтобы на основании подобных данных надеяться на то, что наш капитализм развалится, обратится в прах сам собой, без упорной, отчаянной борьбы!—чтобы противопоставлять такие данные несомненному господству и развитию капитализма во всех отраслях народного труда!

эту кашу фабрично-заводскому? Разве затем нет на Руси таких промыслов, как рыболовство и т. п., которые опять-таки нелепо противополагать фабрично-заводской промышленности, соединяя их с земледелием? Если бы вы хотели получить представление о составе населения России по его занятиям, следовало бы, во-первых, выделить особо то население, которое занято производством материальных ценностей (исключив, следовательно, нерабочее население с одной стороны, а с другой—солдат, чиновников, попов и т. п.), и, во-вторых, попытаться распределить его по разным отраслям народного труда. Если бы не оказалось для этого данных, следовало бы и не браться за подобные расчеты *),

*) Ник. — он попытался привести такой расчет в „Очерках", но крайне неудачно. На стр. 302 читаем:

„В последнее время сделана была попытка определить число всех свободных рабочих в 50 губ. Евр. России (С. А. Короленко. Вольнонаемный труд. Спб. 1892). Исследование сельско-хозяйственного департамента определяет все число сельского населения, способного к труду, в 50 губ. Евр. России в 35.712 тыс. человек, между тем как общее число рабочих, потребных на сельско-хозяйственные нужды, на обрабатывающую, добывающую, перевозочную и пр. промышленность, определяется всего-на-всего в 30.124 тыс. чел. Таким образом избыток рабочих совершенно излишних выразится громадным числом в 5.588 тыс. чел., что́ с семействами по принятой норме составит никак не меньше 15 милл. человек". (Повторено еще раз на 341 стр.)

Если мы обратимся к этому „исследованию", то увидим, что „исследовано" там только употребление помещиками вольнонаемного труда, и к этому исследованию г. С Короленко приложил „обзор" Европ. России „в сельско-хозяйственном и промышленном отношениях". В этом обзоре делается попытка (не на основании какого-нибудь „исследования", а по старым имеющимся данным) распределить по занятиям рабочее население Евр. России. Результаты у г-на С. А. Короленко получились следующие: всего в 50 губ. Евр. России рабочих 35.712.000. Из того числа заняты:

в земледелии		27.435.$_4$ тыс	} 30.124 тыс.
культурой специальных растений		1.466.$_4$ „	
фабр.-заводской и горной промышл.		1.222.$_7$ „	
евреи		1.400. „	
лесными промыслами	ок.	2.000 „	
скотоводством	ок.	1.000 „	
жел.-дор. движением	ок.	200 „	
рыболовством	ок.	200 „	
местными и сторонними промыслами, охотой, звероловством и т. п. остальные		787.$_2$ „	
Итого		35.712.$_1$ тыс.	

Таким образом, г. Короленко распределил (худо ли, хорошо ли) по занятиям всех рабочих, а г. Ник. — он произвольно взял первые три рубрики и толкует о 5.588 тыс. „совершенно излишних" (??) рабочих!

и не толковать пустяков об 1% (???!!) населения, занятом фабрично-заводской промышленностью.

В-третьих — и это самое главное и самое безобразное искажение теории Маркса о прогрессивной революционной работе капитализма— откуда взяли вы, что «об'единяющее значение» капитализма выражается в об'единении только фабричных рабочих? Уж не заимствуете ли вы представление о марксизме из статей «От. Записок» насчет обобществления труда? Уж не сводите ли и вы его к работе в одном помещении?

Но нет. Ник.—она нельзя бы, казалось, упрекнуть в этом, потому что он точно характеризует обобществление труда капитализмом на второй странице своей статьи в № 6 «Р. Богатства», правильно отмечая оба признака этого обобществления: 1) работу на все общество и 2) об'единение отдельных работников для получения продукта общего труда. Однако, если это так, то к чему же было судить о «миссии» капитализма по числу фабричных рабочих, тогда как эта «миссия» выполняется развитием капитализма и обобществления труда вообще, созданием пролетариата вообще,—по отношению к которому фабрично-заводские рабочие играют роль только передовых рядов, авангарда. Бесспорно, конечно, что революционное движение пролетариата зависит и от числа этих рабочих, и от концентрации их и от степени их развития и т. д., но все это не дает ни малейшего права сводить «об'единяющее значение капитализма к **числу** фабрично-заводских рабочих. Это значит до невозможности суживать идею Маркса.

Приведу пример. В своей брошюре «Zur Wohnungsfrage» *) Фридрих Энгельс говорит о германской промышленности и указывает, что ни в одной другой стране, кроме Германии,—он говорит только о З. Европе,—нет такого количества наемных рабочих, владеющих садом или кусочком полевой земли. «*Деревенская кустарная промышленность, соединенная с садоводством или сельским хозяйством,*—говорит он,—*составляет широкое основание молодой крупной промышленности Германии*».

Помимо этой неудачи, нельзя не заметить, что расчет г-на Короленко крайне груб и неточен: количество земледельческих рабочих определено по одной общей норме на всю Россию, не выделено непроизводительное население (г. Короленко, подчиняясь юдофобству начальства, отнес туда... евреев! Непроизводительных рабочих должно быть больше 1,4 милл.: торговцы, нищие, бродяги, преступники и т. д.), безобразно мало число кустарей (последняя рубрика—отхожие и местные) и т. д. Подобных расчетов лучше бы вовсе не приводить.

*) „Жилищный вопрос". *Ред.*

Эта кустарная промышленность, по мере возрастания нужды немецкого мелкого крестьянства, все сильнее и сильнее растет (как и в России— добавим от себя), но при этом СОЕДИНЕНИЕ промышленности с земледелием является условием не БЛАГОСОСТОЯНИЯ кустаря, а напротив—еще большего УГНЕТЕНИЯ. Будучи привязан к месту, он вынужден брать какую-угодно цену и потому отдает капиталисту не только сверхстоимость, а и крупную часть заработной платы (как и в России с ее громадным развитием домашней системы крупного производства). «*Это одна сторона дела*,—продолжает Энгельс,—*но оно имеет и обратную сторону... С распространением кустарной промышленности крестьянство одной местности за другой втягивается в промышленное движение современной эпохи. Это революционизирование земледельческих местностей при посредстве кустарной промышленности распространяет промышленную революцию в Германии на гораздо большее пространство, чем это было в Англии и Франции... Это об'ясняет, почему в Германии, в противоположность Англии и Франции, революционное рабочее движение нашло такое сильное распространение по широкому пространству страны, вместо того, чтобы ограничиваться исключительно городскими центрами. И это же об'ясняет спокойный, твердый, неудержимый рост этого движения. В Германии ясно само собой, что победоносное восстание в столице и других больших городах только тогда будет возможно, когда и большинство мелких городов и большая часть деревенских областей созреет для переворота*».

Вот и смотрите: не только «об'единяющее значение капитализма», но и успех рабочего движения зависит, оказывается, не только от числа фабричных рабочих, а и от числа... кустарей! А наши самобытники, игнорируя чисто капиталистическую организацию громадного большинства русских кустарных промыслов, противополагают их капитализму, как какую-то «народную» промышленность и судят о «проценте населения, находящегося в непосредственном распоряжении капитализма» по числу фабричных рабочих! Это уже напоминает такое рассуждение г-на Кривенко: марксисты хотят все внимание обратить на фабричных рабочих, но так как их всего только 1 милл. на 100, то это—лишь маленький уголок жизни и посвящать себя ему—все равно, что ограничиваться работой в сословных или благотворительных учреждениях (№ 12 «Р. Б—ва»). Фабрики и заводы—такой же маленький уголок жизни, как сословные и благотворительные учреждения!! О, гениальный г. Кривенко! Вероятно, именно сословные учреждения производят продукты на все общество? вероятно, именно порядки сословных учреждений об'ясняют эксплоатацию и экспроприацию трудящихся?

вероятно, именно в сословных учреждениях надо искать передовых представителей пролетариата, способных поднять знамя освобождения рабочих?

Не удивительны подобные вещи в устах маленьких буржуазных философов, но когда встречаешь нечто подобное у г. Ник.—она, то становится как-то обидно

На стр. 393-ей «Капитала» Маркс приводит данные о составе английского населения. Всего в Англии и Валлисе было в 1861 г.—20 милл. человек. Рабочих, занятых в главных отраслях фабрично-заводской промышленности, оказывается 1.605.440 человек *). При этом прислуги оказывается 1.208.648 человек, и в примечании ко 2-му изданию Маркс указывает на особенно быстрый рост этого последнего класса. Представьте себе теперь, что в Англии нашлись бы такие «марксисты», которые для суждения об «об'единяющем значении капитализма» стали делить $1._6$ милл. на 20!! Получается 8%—м е н е е о д н о й д в е н а д ц а т о й ч а с т и!!! как же можно говорить о «миссии» капитализма, когда он не об'единил и двенадцатой части населения! и притом быстрее растет класс «домашних рабов»—мертвая потеря «народного труда», свидетельствующая, что «мы», англичане, идем по «неверному пути»! не ясно ли, что «нам» следует «искать для своего отечества иных», не-капиталистических «путей развития»!!

В аргументации г. Ник.—она остался еще один пункт: говоря, что наш капитализм не приносит того об'единяющего значения, которое «так характерно для З. Европы и с о с о б е н н о й с и л о й н а ч и н а е т п р о я в л я т ь с я в С. А м е р и к е», он имеет в виду, очевидно, рабочее движение. Итак, мы должны искать иных путей, так как наш капитализм не приносит рабочего движения. Этот довод, кажется, уже предвосхищен г. Михайловским. Маркс оперировал над готовым пролетариатом — поучал он марксистов. И в ответ на сделанное ему одним марксистом замечание, что он видит в нищете только нищету, он отозвался таким образом: это замечание, по обыкновению, взято целиком у Маркса. Но если, де, мы обратимся к этому месту «Нищеты философии», то увидим, что к нашим делам оно не приложимо, что

*) 642.607 человек занято в текстильной промышленности, в чулочном и кружевном производстве у нас десятки тысяч женщин, занятых чулочным и кружевным промыслом, подвергаются самой невероятной эксплоатации „торговок", на которых они работают. Заработная плата доходит иногда до *3-х* (sic!) копеек в день! Неужели они, г. Ник.—он, не „находятся в непосредственном распоряжении капитализма"?, затем 565.835 ч. занято в угольных и металлических копях и 396.998 —во всех металлических производствах и мануфактурах.

наша нищета—только нищета.—На деле, однако, из «Нищеты философии» мы еще ничего не увидим. Маркс говорит там о коммунистах старой школы, что они видят в нищете только нищету, не замечая ее революционной, разрушительной стороны, которая и ниспровергнет старое общество. Очевидно, что основанием для утверждения о неприменимости этого к нашим делам служит для г. Михайловского отсутствие «проявления» рабочего движения. По поводу этого рассуждения заметим, во-первых, что только самое поверхностное знакомство с фактами может внушить идею, что Маркс оперировал над готовым пролетариатом. Коммунистическая программа Маркса выработана была им еще до 1848 г. Какое же было тогда рабочее движение *) в Германии? Не было тогда даже политической свободы, и работа коммунистов ограничивалась тайными кружками (как и у нас теперь). Социал-демократическое рабочее движение, показавшее всем наглядно революционную и об'единяющую роль капитализма, началось двумя десятилетиями позже, когда доктрина научного социализма окончательно сложилась, когда шире распространилась крупная индустрия и нашлись ряды талантливых и энергичных распространителей этой доктрины в рабочей среде. Представляя в неверном освещении исторические факты, забывая о массе труда, вложенного социалистами на придание сознательности и организованности рабочему движению, наши философы сверх того подсовывают Марксу бессмысленнейшие фаталистические воззрения. По его взгляду, будто бы, организация и обобществление рабочих происходят сами собой и, след., дескать, если мы, видя капитализм, не видим рабочего движения, так это потому, что капитализм не выполняет миссии, а не потому, что мы слабо еще работаем над этой организацией и пропагандой среди рабочих. Эту мещански трусливую увертку наших самобытных философов не стоит и опровергать: ее опровергает вся деятельность социал-демократов всех стран, ее опровергает каждая публичная речь какого угодно марксиста. Социал-демократия,—совершенно справедливо говорит Каутский,—это соединение рабочего движения с социализмом. И для того, чтобы прогрессивная работа капитализма «проявилась» и у нас, наши социалисты должны взяться со всей энергией за свою работу; они должны разработать подробнее марксистское понимание русской истории и действительности, прослеживая конкретнее все формы классовой борьбы

*) Насколько мала была тогда численность рабочего класса, можно судить по тому, что 27 лет спустя, в 1875 г., Маркс писал: „трудящийся народ в Германии состоит в большинстве из крестьян, а не из пролетариев". Вот что значит—„оперировать (??) над готовым пролетариатом"!

и эксплоатации, которые особенно запутаны и прикрыты в России. Они должны далее популяризировать эту теорию, принеся ее рабочему, должны помочь рабочим усвоить ее и выработать наиболее ПОДХОДЯЩУЮ для наших условий форму организации для распространения социал-демократизма и сплочения рабочих в политическую силу. И русские социал-демократы не только не говорили никогда, чтобы они закончили уже, выполнили эту работу идеологов рабочего класса (работе тут и конца не видно), а, напротив, всегда подчеркивали, что они только начинают ее, что нужны еще многие усилия многих и многих лиц, чтобы создать хотя что-нибудь прочное.

Кроме неудовлетворительного и безобразно узкого понимания теории Маркса, это ходячее возражение об отсутствии прогрессивной работы нашего капитализма основывается еще, кажется, на нелепой идее о мифическом «народном строе».

Когда «крестьянин» в пресловутой «общине» раскалывается на голяка и богатея, на представителей пролетариата и капитала (особенно торгового),—тогда тут не хотят видеть зачаточного, средневекового капитализма и, обходя политико-экономическую структуру деревни, разглагольствуют в поисках «иных путей для отечества», о видоизменениях формы землевладения крестьян, с которой непростительно смешивают форму экономической организации, как будто бы внутри самой «уравнительной общины» не процветало у нас чисто буржуазное разложение крестьянства. А когда этот капитализм, развиваясь, перерастает узкие формы средневекового, деревенского капитализма, разрывает крепостническую власть земли и заставляет давно уже до-чиста обобранного и голодного крестьянина, бросив землю в общество для уравнительного распределения между торжествующими кулаками, уходить на сторону, бродить по всей России, проводя массу времени без работы, наниматься сегодня к помещику, завтра—к подрядчику по постройке жел. дор., потом—в чернорабочие в городе или в батраки к богатому крестьянину и т. д.; когда этот «крестьянин», меняя хозяев по всей России, видит, что везде, куда бы он ни пришел, он подвергается самому бесстыдному грабежу, видит, что рядом с ним грабят таких же, как он, голяков, видит, что грабит не непременно «барин», а и «свой брат—мужик», раз только есть у него деньги на покупку рабочей силы, видит, как правительство повсюду служит его хозяевам, стесняя права рабочих и подавляя под видом бунта всякую попытку защитить свои элементарнейшие права, видит, как все напряженнее и напряженнее становится труд русского рабочего, все быстрее рост богатства и рос-

коши—тогда как положение рабочего все ухудшается, экспроприация усиливается и безработица становится нормой,—в это время наши критики марксизма ищут иных путей для отечества, в это время они решают глубокомысленный вопрос: можно ли признать тут прогрессивную работу капитализма, когда мы видим медленное нарастание числа фабричных рабочих, и не следует ли отвергнуть и признать неверным путем наш капитализм за то, что он так «плохо, очень, очень плохо выполняет свою историческую миссию».

Не правда ли, какое возвышенное, широко-гуманное занятие?

И какие узкие доктринеры эти злые марксисты, когда они говорят, что отыскивать иные пути для отечества при наличности повсюду в России капиталистической эксплоатации трудящегося—значит прятаться от действительности в сферу утопий, когда они находят, что плохо исполняют свою миссию не наш капитализм, а русские социалисты, которые не хотят понять, что мечтать о замирении вековой экономической борьбы антагонистических классов русского общества—значит впадать в маниловщину, не хотят понять, что следует стараться о придании организованности и сознательности этой борьбе и для этого взяться за социал-демократическую работу.

—

В заключение нельзя не отметить еще одной выходки г-на Ник.—она против г. Струве, в том же № 6 «Р. Б-ва».

«Нельзя не обратить внимания,—говорит г. Ник.—он,—на некоторую особенность полемики г. Струве. Он писал для немецкой публики, в немецком серьезном журнале, а употребил приемы, как будто совсем неподходящие. Надо думать, что не только немецкая, но даже русская публика выросла—«в меру взрослого человека», чтобы могла попасться на разные «жупелы», которыми уснащена его статья. «Утопия», «реакционная программа» и подобные выражения попадаются в каждом ее столбце. Но, увы, эти «страшные слова» решительно не производят уже того действия, на которое, повидимому, рассчитывает г. Струве» (с. 128).

Попробуем разобраться, есть ли в этой полемике г.г. Ник.—она и Струве «неподходящие приемы» и если есть,—кто их употребляет.

Г. Струве обвиняется в употреблении «неподходящих приемов» на том основании, что в серьезной статье ловит публику на «жупелы» и «страшные слова».

Употреблять «жупелы» и «страшные слова»—это значит давать такую характеристику противника, которая является резко неодобрительной, не будучи в то же время ясно и отчетливо мотивирована, не выте-

кая с неизбежностью из точки зрения пишущего (точки зрения, определенно изложенной), а выражая просто желание выругать, разнести.

Очевидно, что только этот последний признак и обращает резко неодобрительные эпитеты в «жупелы». Ведь г. Слонимский резко отозвался о г. Ник.—оне, но так как он при этом ясно и точно формулировал свою точку зрения обыкновенного либерала, абсолютно неспособного понять буржуазность современных порядков, совершенно отчетливо формулировал свои феноменальные доводы,—то его можно обвинять в чем угодно, но не в «неподходящих приемах». Г. Ник.—он тоже резко отозвался о г. Слонимском, приведя ему, между прочим, в назидание и поучение слова Маркса, «оправдавшиеся и у нас» (признание г. Ник.— она), о р е а к ц и о н н о с т и и у т о п и ч н о с т и той защиты мелкого кустарного производства и мелкого крестьянского землевладения, которой хочет г. Слонимский, обвиняя его в «узости», «н а и в н о с т и» и т. п. Смотрите, статья г. Ник.—она «уснащена» такими же эпитетами (подчеркнутые), как и статья г. Струве, но мы не можем говорить о «неподходящих приемах», ибо все это—мотивировано, все это вытекает из определенной точки зрения и системы воззрений автора, которые могут быть неверны, но принимая которые нельзя иначе отнестись к противнику, как к наивному, узкому, реакционному утописту.

Посмотрим, как обстоит дело в статье г. Струве. Обвиняя г. Ник.—она в утопизме, из которого должна произойти реакционная программа, и в наивности, он совершенно ясно указывает те основания, по которым он пришел к такому мнению. Первое: желая «обобществление производства», г. Ник. — он «апеллирует к обществу (sic!) и государству». Это «доказывает, что учение Маркса о классовой борьбе и о государстве совершенно чуждо русскому политико-эконому». Наше государство—«представитель правящих классов».—Второе: «Если противополагать д е й с т в и т е л ь н о м у капитализму в о о б р а ж а е м ы й хозяйственный строй, который д о л ж е н появиться просто потому, что мы его х о т и м, другими словами, если хотеть обобществления производства помимо капитализма, то это свидетельствует только о наивном, несоответствующем истории, понимании». С развитием капитализма, вытеснением натурального хозяйства, уменьшением сельского населения, «современное государство выступит из тех сумерек, в которых оно еще находится в наше патриархальное время (мы говорим о России), выступит на ясный свет открытой классовой борьбы, и для обобществления производства придется поискать других сил и факторов».

Что же, разве недостаточно ясная и отчетливая мотивировка? Можно ли оспаривать верность фактических указаний г. Струве на мысли автора? Разве г. Ник.—он в самом деле принял во внимание классовую борьбу, свойственную капиталистическому обществу? Нет. Он говорит об обществе и государстве, забывая эту борьбу, исключая ее. Он говорит, напр., что государство поддерживало капитализм, вместо того, чтобы обобществлять труд через общину и т. д. Очевидно, что он считает, что государство могло и так и этак поступить, что оно, след., стоит в н е к л а с с о в. Не ясно ли, что обвинение г-на Струве в употреблении «жупелов»—в о п и ю щ е несправедливо? Не ясно ли, что человек, который думает, что наше государство—классовое, не может не считать наивным и реакционным утопистом того, кто обращается к этому государству для обобществления труда, т.-е. для устранения правящих классов? Мало этого. Когда обвиняют противника в употреблении «жупелов», у м а л ч и в а я о том воззрении его, из которого вытек его отзыв, несмотря на ясное формулирование им этого воззрения, когда притом обвиняют его в подцензурном журнале, куда не может проникнуть это воззрение,—не следует ли думать, что это—«вовсе неподходящий прием»?

Пойдем дальше. Второй довод г. Струве формулирован не менее ясно. Что обобществление труда помимо капитализма, через общину,—есть воображаемый строй, это несомненно, ибо его нет в действительности. Эту действительность сам г. Ник.—он рисует так: до 1861 года производительными единицами были «семья» и «община» (Очерки, с. 106—107). Это «мелкое, раздробленное, самодовлеющее производство не могло развиваться значительно, поэтому оно и характерно, как крайне рутинное, мало производительное». Дальнейшее изменение состояло в том, что «общественное разделение труда шло постоянно все глубже и глубже». След., капитализм разорвал узкие границы прежних производительных единиц и обобществил труд во всем обществе. Э т о о б о б щ е с т в л е н и е т р у д а н а ш и м к а п и т а л и з м о м п р и з н а е т и г. Н и к.—о н. Поэтому, желая опираться для обобществления труда не на капитализм, который у ж е о б о б щ е с т в и л т р у д, а на общину, р а з р у ш е н и е к о т о р о й и п р и н е с л о **впервые** о б о б щ е с т в л е н и е т р у д а в о **всем обществе,** он является реакционным утопистом. Вот—мысль г-на Струве. Можно считать ее верной или неверной, но нельзя отрицать, что из этого мнения с логической неизбежностью вытек резкий отзыв о г. Ник. — оне, и что поэтому о «жупелах» говорить не приходится.

Мало этого. Когда г. Ник.—он заканчивает свою полемику с г. Струве тем, что приписывает противнику желание обезземелить крестьянство («если под прогрессивной программой разуметь обезземеление крестьянства,... то автор «Очерков» консерватор») — вопреки прямому заявлению г-на Струве, что он хочет обобществления труда, хочет его через капитализм, хочет для этого опираться на те силы, которые видны будут при «ясном свете открытой классовой борьбы»,—то это ведь нельзя не назвать передачей, диаметрально противоположной истине. А если принять во внимание, что в подцензурной печати г. Струве не мог бы говорить о силах, выступающих при ясном свете классовой борьбы, что, след., противнику г. Ник.—она зажали рот,—то тогда едва ли можно оспаривать, что прием г. Ник.—она совершенно уже—«неподходящий прием».

Говоря об узком понимании марксизма, я разумею самих марксистов. Нельзя не заметить по этому поводу, что самому безобразному сужению и искажению подвергается марксизм, когда наши либералы и радикалы берутся за изложение его на страницах легальной печати. Что это за изложение! Подумайте только, как изуродовать нужно эту революционную доктрину, чтобы уложить ее на прокрустово ложе российской цензуры! И наши публицисты с легким сердцем проделывают подобную операцию: марксизм в их изложении сводится, почитай что, к учению о том, как при капиталистическом строе проделывает свое диалектическое развитие индивидуальная собственность, основанная на труде собственника, как она превращается в свое отрицание и затем обобществляется. И в этой «схеме» с серьезным видом полагают все содержание марксизма, минуя все особенности его социологического метода, минуя учение о классовой борьбе, минуя прямую цель исследования—вскрыть все формы антагонизма и эксплоатации, чтобы помочь пролетариату сбросить их. Не удивительно, что получается нечто до такой степени бледное и узкое, что наши радикалы принимаются оплакивать бедных русских марксистов. Еще бы! Русский абсолютизм и русская реакция не были бы абсолютизмом и реакцией, если бы при существовании их можно было целиком, точно и полно излагать марксизм, договаривая до конца его выводы! И если бы наши либералы и радикалы как следует знали марксизм (хотя бы по немецкой литературе), они бы посовестились так уродовать его на страницах подцензурной печати. Нельзя изложить теории—молчите или оговаривайтесь, что излагаете далеко не все, что опускаете самое существенное, но зачем же, излагая обрывки, кричать об узости?

Ведь этак только и можно дойти до таких курьезов, возможных лишь в России, когда к марксистам относят людей, понятия не имеющих о борьбе классов, о необходимом антагонизме, присущем капиталистическому обществу и о развитии этого антагонизма, людей, не имеющих представления о революционной роли пролетариата; даже людей, выступающих прямо с буржуазными проектами, лишь бы у них попадались словечки «денежное хозяйство», его «необходимость» и тому подобные

выражения, для признания которых специально марксистскими нужна вся глубина остроумия г. Михайловского.

А Маркс всю цену своей теории полагал в том, что она «по самому существу своему— теория критическая *) и революционная». И это последнее качество действительно присуще марксизму всецело и безусловно, потому что эта теория прямо ставит своей задачей вскрыть все формы антагонизма и эксплоатации в современном обществе, проследить их эволюцию, доказать их преходящий характер, неизбежность превращения их в другую форму и послужить таким образом пролетариату для того, чтобы он как можно скорее и как можно легче покончил со всякой эксплоатацией. Непреодолимая привлекательная сила, которая влечет к этой теории социалистов всех стран, в том и состоит, что она соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью, и соединяет не случайно, не потому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качества ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно. В самом деле, задачей теории, целью науки—прямо ставится тут содействие классу угнетенных в его действительно происходящей экономической борьбе.

«Мы не говорим миру: перестань бороться — вся твоя борьба пустяки. Мы только даем ему истинный лозунг борьбы».

Следовательно, прямая задача науки, по Марксу, это—дать истинный лозунг борьбы, т.-е. суметь об'ективно представить эту борьбу, как продукт определенной системы производственных отношений, суметь понять необходимость этой борьбы, ее содержание, ход и условия развития. «Лозунг борьбы» нельзя дать, не изучая со всей подробностью каждую отдельную форму этой борьбы, не следя за каждым шагом ее, при ее переходе из одной формы в другую, чтобы уметь в каждый данный момент определить положение, не упуская из виду общего характера борьбы, общей цели ее—полного и окончательного уничтожения всякой эксплоатации и всякого угнетения.

Попробуйте сравнить с «критической и революционной» теорией

---

*) Заметьте, что Маркс говорит здесь о материалистической критике, которую только и считает научной, т.-е. критике, сопоставляющей политико-юридические, социальные, бытовые и другие факты с экономикой, с системой производственных отношений, с интересами тех классов, которые неизбежно складываются на почве всех антагонистических общественных отношений. Что русские общественные отношения—антагонистические, в этом едва ли кто мог сомневаться. Но основанием для такой критики их еще никто не пробовал брать.

Маркса ту бесцветную дребедень, которую излагал в своей «критике» и против которой воевал «наш известный» Н. К. Михайловский,—и вы поражены будете, как это могут быть в самом деле люди, считающие себя «идеологами трудящегося класса» и ограничивающиеся... тем «плоским кружком», в который превращают теорию Маркса наши публицисты, стирая с нее все жизненное.

Попробуйте сравнить с требованиями этой теории нашу народническую литературу, исходящую тоже ведь из желания быть идеологом трудящегося, литературу, посвященную истории и современному состоянию наших экономических порядков вообще и крестьянства в частности,—и вы поражены будете, как могли социалисты удовлетворяться подобной теорией, которая ограничивалась изучением и описанием бедствий и моралью по поводу этих бедствий. Крепостное право изображается не как определенная форма хозяйственной организации, порождавшей такую-то эксплоатацию, такие-то антагонистические классы, такие-то политические, юридические и др. порядки,—а просто, как злоупотребления помещиков и несправедливость по отношению к крестьянам. Крестьянская реформа изображается не как столкновение определенных хозяйственных форм и определенных экономических классов, а как мероприятие начальства, «выбравшего» по ошибке «неверный путь», несмотря на самые благие намерения. Пореформенная Россия изображается как уклонение от истинного пути, сопровождающееся бедствиями трудящегося, а не как известная система антагонистических производственных отношений, имеющая такое-то развитие.

Теперь, впрочем, потеря кредита этой теорией несомненна, и чем скорее русские социалисты поймут, что не может быть, при настоящем уровне знания, революционной теории вне марксизма, чем скорее направят они все свои силы на приложение этой теории к России, в теоретическом и практическом отношениях,—тем вернее и быстрее будет успех революционной работы.

Для наглядной иллюстрации того, какое растление вносят г.г. «друзья народа» в современную «бедную русскую мысль» своим призывом интеллигенции к культурному воздействию на «народ» для «создания» правильной, настоящей промышленности и т. п.,—приведем отзыв людей, держащихся резко отличного от нашего образа мыслей — «народоправцев», этих прямых непосредственных потомков народовольцев. См. брошюру: «Насущный вопрос» [66]), 1894. Изд. Партии Народного Права [67]).

Дав прекрасную отповедь тому сорту народников, которые говорят, «что ни под каким видом, даже под условием широкой свободы, не должна Россия расставаться со своей экономической организацией, обеспечивающей (!) трудящемуся самостоятельное положение в производстве», которые говорят: «нам нужны не политические, а систематические, планомерно проведенные экономические реформы», народоправцы продолжают:

«Мы не защитники буржуазии и еще менее поклонники ее идеалов, но если бы злая судьба дала народу на выбор—«планомерные экономические реформы» под защитой земских начальников, ревниво оберегающих их от посягательств буржуазии или же эту последнюю на почве политической свободы, т.-е. при условиях, о б е с п е ч и в а ю щ и х народу организованную защиту своих интересов,—мы думаем, что народ, избрав последнее, оказался бы в чистом выигрыше. У нас нет теперь «политических реформ», грозящих отнять у народа его мнимо-самостоятельную экономическую организацию,—и есть то, что всеми и везде принято считать буржуазной политикой, выражающейся в грубейшей эксплоатации народного труда. Теперь у нас нет ни широкой, ни узкой свободы, а есть покровительство сословным интересам, о котором мечтать перестали аграрии и капиталисты конституционных стран. Теперь у нас нет «буржуазного парламентаризма», общество на выстрел не допускается к управлению,—и есть г.г. Найденовы, Морозовы, Кази и Беловы [68]), выступающие с требованием китайской стены для ограждения своих интересов, наряду с представителями «нашего верного дворянства», доходящими до требования себе дарового кредита в размере 100 р. на десятину. Их приглашают в комиссии, их выслушивают с почтением, их голос имеет решающее значение в важнейших вопросах экономической жизни страны. И в то же время кто и где выступает на защиту народа? не они ли, земские начальники? Не для него ли проектируются сельско-хозяйственные рабочие роты? Не теперь ли с откровенностью, близкой к цинизму, было заявлено, что народу дан надел единственно для уплаты податей и отбывания повинностей, как выразился в своем циркуляре вологодский губернатор? Он лишь формулировал и громко высказал то, что в своей политике фатально проводит самодержавие или, правильнее сказать, бюрократический абсолютизм».

Как ни туманны все еще представления народоправцев о том «народе», интересы которого они хотят защищать, о том «обществе», в котором они продолжают видеть заслуживающий доверия орган охраны интересов труда,—но во всяком случае нельзя не признать, что обра-

зование партии «Народного Права» есть шаг вперед, шаг к тому, чтобы окончательно сбросить иллюзии и мечтания об «иных путях для отечества», чтобы признать безбоязненно действительные пути и на их почве искать элементов для революционной борьбы. Тут ясно обнаруживается стремление к образованию демократической партии. Говорю о «стремлении» только, потому что народоправцы, к сожалению, не проводят последовательно своей основной точки зрения. Они все еще толкуют об об'единении и союзе с социалистами, не желая понять, что втягивать рабочих в простой политический радикализм значит отрывать только рабочих интеллигентов от рабочей массы, значит осуждать на бессилие рабочее движение, потому что оно может быть сильно лишь на почве полного и всестороннего проведения интересов рабочего класса, на почве экономической борьбы с капиталом, нераздельно сливающейся с политической борьбой против слуг капитала. Они не хотят понять, что «об'единение» всех революционных элементов гораздо лучше достигнется путем особой организации представителей отдельных интересов *) и совместного действия в известных случаях той и другой партии. Они все еще называют свою партию «социально-революционной» (см. Манифест партии «Народного Права», помеченный 19 февр. 1894 г.), хотя в то же время ограничиваются исключительно политическими реформами, обходя заботливейшим образом наши «проклятые» социалистические вопросы. Партии, так горячо призывающей к борьбе с иллюзиями, не следовало бы других вводить в иллюзии первыми же словами своего «манифеста»; не следовало бы говорить о социализме там, где нет ничего кроме конституционализма. Повторяю, однако, нельзя оценивать народоправцев, не приняв во внимание их происхождение от народовольцев. Нельзя не признать поэтому, что они делают шаг вперед, обосновывая политическую исключительно борьбу, не имеющую отношения к социализму, политической же исключительно программой. Социал-демократы от всей души желают успеха народоправцам, желают роста и развития их партии, желают более тесного их сближения с теми общественными элементами, которые стоят

*) Сами же они протестуют против веры в чудотворство интеллигенции, сами говорят о необходимости вовлечения в борьбу самого народа... Для этого необходимо ведь связать эту борьбу с определенными житейскими интересами, необходимо, след., различать отдельные интересы и отдельно их втягивать в борьбу... А если заслонять эти отдельные интересы голыми политическими требованиями, понятными лишь интеллигенции, не значит ли это опять поворачивать назад, опять ограничиваться борьбой одной лишь интеллигенции, бессилие которой было сейчас только признано?

на почве данных экономических порядков *) и ж и т е й с к и е интересы которых действительно теснейшим образом связаны с д е м о к р а т и з м о м.

Недолго сможет продержаться примирительное, трусливое, сентиментально-мечтательное народничество «друзей народа», когда на него нападут с обеих сторон: политические радикалы за то, что они способны выражать доверие к бюрократии, что они не понимают безусловной необходимости политической борьбы;—социал-демократы—за то, что они пытаются выступать чуть не социалистами, не имея никакого отношения к социализму, не имея никакого понятия о причинах угнетения трудящегося и характере происходящей классовой борьбы.

---

*) т.-е. капиталистических — а не на почве необходимого отрицания этих порядков и беспощадной борьбы против них.

ОБ'ЯСНЕНИЕ ЗАКОНА О ШТРАФАХ, ВЗИМАЕМЫХ С РАБОЧИХ НА ФАБРИКАХ И ЗАВОДАХ

Написано в 1895 г.
Напечатано в 1895 г. нелегально в Петербурге в типографии народовольцев [69].

Печатается с 1-го издания.

I.

Что такое штрафы?

Если спросить рабочего, знает ли он, что такое штрафы, то он, пожалуй, удивится такому вопросу. Как же ему не знать штрафов, когда постоянно приходится платить их? О чем тут спрашивать?

Но это только кажется, будто тут нечего и спрашивать. А на самом деле большинство рабочих не имеет правильного понятия о штрафах.

Обыкновенно думают, что штраф это—платеж хозяину за убыток, причиненный ему рабочим.—Это неверно.—Штраф и вознаграждение за убыток—две различные веши. Если один рабочий причинил какой-нибудь убыток другому рабочему,—он может требовать вознаграждение за убыток (напр., за испорченную материю), но не может оштрафовать его. Точно так же, если один фабрикант причинит убыток другому (напр., не поставит в срок товара), то фабрикант может требовать вознаграждение, но не может оштрафовать другого фабриканта.—Вознаграждение за убыток требуют от человека равного, а штрафовать можно только человека подчиненного. Поэтому вознаграждение за убыток надо требовать судом, а штраф назначается хозяином без суда. Штраф назначается иногда в таких случаях, когда никакого убытка хозяину не было: напр., штраф за курение табаку. Штраф есть наказание, а не вознаграждение за убыток. Если рабочий, скажем, заронил при курении и сжег хозяйскую материю, то хозяин не только оштрафует его за курение, но еще сверх того вычтет за сожженную материю. На этом примере ясно видно отличие штрафа от вознаграждения за убыток.

Назначение штрафов—не вознаграждать за убыток, а создать дисциплину, т.-е. подчинить рабочих хозяину, заставить рабочих исполнять хозяйские приказания, слушаться его во время работы.—Закон о штрафах так и говорит: штраф есть «денежное взыскание, налагаемое в видах поддержания порядка собственной властью заведующих фабрикой». И величина штрафа зависит, поэтому, не от величины убытка, а от степени неисправности рабочего: штраф тем больше, чем

больше неисправность, чем крупнее неповиновение хозяину, отступление от хозяйских требований. Если кто идет работать на хозяина, то понятно, что он становится человеком подневольным; он должен хозяина слушаться, и хозяин его может наказывать.—Крепостные крестьяне работали на помещиков, и помещики их наказывали.—Рабочие работают на капиталиста, и капиталисты их наказывают.—Разница вся только в том, что прежде подневольного человека били дубьем, а теперь его бьют рублем.

Против этого, пожалуй, возразят: скажут, что общая работа массы рабочих на фабрике или заводе не возможна без дисциплины: необходим порядок в работе, необходимо следить за этим порядком и наказывать нарушителей. Поэтому—скажут—штрафы берутся не потому, что рабочие—народ подневольный, а потому, что совместная работа требует порядка.

Такое возражение совершенно неправильно, хотя с первого взгляда оно могло бы ввести в заблуждение. Приводят это возражение только те, кто хочет скрыть от рабочих их подневольное положение. Порядок, действительно, необходим при всякой общей работе. Но разве необходимо, чтобы люди работающие подчинены были произволу фабрикантов, т.-е. людей, которые сами не работают и сильны только потому, что забрали в руки все машины, орудия и материалы? Общей работы нельзя вести без порядка, без того, чтобы все подчинялись этому порядку; но общую работу можно вести и без подчинения рабочих фабрикантам и заводчикам. Общая работа требует, действительно, наблюдения за порядком, но она вовсе не требует, чтобы власть наблюдать за другими доставалась всегда тому, кто сам не работает, а живет чужим трудом. — Отсюда видно, что штрафы берутся не потому, что люди ведут общую работу, а потому, что при теперешних капиталистических порядках весь рабочий люд не имеет никакой собственности: все машины, орудия, сырые материалы, земля, хлеб находятся в руках богачей. Рабочие должны продаваться им, чтобы не умереть с голоду. А продавшись, они, разумеется, уже обязаны подчиняться им и терпеть от них наказания.

Это должен уяснить себе каждый рабочий, который хочет понимать, что такое штрафы. Необходимо знать это, чтобы опровергнуть обыкновенное (и очень ошибочное) рассуждение, будто штрафы необходимы, так как без них невозможна, будто бы, общая работа. Необходимо знать это, чтобы уметь об'яснить каждому рабочему, чем отличается штраф от вознаграждения за убыток, и почему штрафы означают подневольное положение рабочих, подчинение их капиталистам.

II.

Как прежде налагались штрафы и чем были вызваны новые законы о штрафах?

Законы о штрафах существуют недавно: всего девять лет. До 1886 года не было никаких законов о штрафах.—Фабриканты могли брать штрафы, за что хотели и в каком угодно количестве. Фабриканты брали тогда штрафы в безобразных размерах и наживали на штрафах громадные доходы.—Штрафы назначались иногда просто «по усмотрению хозяина», без указания причины штрафа.—Штрафы доходили иногда до половины заработка, так что рабочий из заработанного рубля отдает хозяину пятьдесят копеек в виде штрафов.—Бывали такие случаи, что сверх штрафов назначалась еще неустойка; например, 10 рублей за оставление фабрики. Всякий раз, когда у фабриканта дела шли плохо,—ему ничего не стоило сбавить плату вопреки условию.—Он заставлял мастеров строже брать штрафы и браковать товар: выходило на то же, как если бы рабочему сбавили плату.

Долго терпели рабочие все эти притеснения, но по мере того, как более и более развивались крупные заводы и фабрики, особенно ткацкие, вытесняя мелкие заведения и ручных ткачей,—возмущение рабочих против произвола и притеснений становилось все сильнее. Лет десять тому назад в делах купцов и фабрикантов наступила заминка, так называемый кризис: товар не шел с рук; фабриканты имели убытки и стали еще сильнее налегать на штрафы. Рабочие, заработки которых и без того были плохи, не могли уже снести новых притеснений, и вот в губерниях Московской, Владимирской и Ярославской начались в 1885—1886 годах рабочие бунты. Выведенные из терпения рабочие прекращали работу и страшно мстили притеснителям, разрушая фабричные здания и машины, иногда поджигая их, избивая администрацию и т. п.

Особенно замечательна из всех этих стачек—стачка на известной Никольской мануфактуре Тимофея Саввича Морозова (в местечке Никольском, у станции Орехово, Московско-Нижегородской ж. д.) [70]). С 1882 года Морозов стал сбавлять плату, и до 1884 года было пять сбавок. В то же время становились все строже и строже штрафы: по всей фабрике они составляли почти четверть заработка (24 копейки штрафов на заработанный рубль), а иногда доходили у отдельных рабочих до половины заработка. Чтобы скрыть такие безобразные штрафы, контора в последний год перед погромом поступала так: тех рабочих, у которых штрафы достигали половины заработка, она за-

ставляла брать расчет, а потом хоть в тот же день рабочие эти могли опять поступать на работы и получать новую книжку. Посредством этого книжки, где были записаны очень уж большие штрафы, уничтожались.—При прогулах вычитали 3 дня за один прогульный день, за курение штрафовали по 3, 4 и 5 руб. за раз. Выведенные из терпения, рабочие 7 января 1885 г. бросили работу и в течение нескольких дней разгромили фабричную лавку, квартиру мастера Шорина и некоторые другие фабричные здания. Этот страшный бунт десятка тысяч рабочих (число рабочих доходило до 11.000 человек) чрезвычайно напугал правительство: в Орехово-Зуево явились тотчас же войска, губернатор, прокурор из Владимира, прокурор из Москвы.—Во время переговоров со стачечниками, из толпы были переданы начальству «условия, составленные самими рабочими», в которых рабочие требовали, чтобы им вернули штрафы с Пасхи 1884 г., чтобы штрафы впредь не превышали 5% заработка, т.-е. составляли не более 5 коп. с заработанного рубля, чтобы за прогул одного дня брали не более 1 рубля. Кроме того, рабочие требовали возвращения к заработку 1881—1882 г.г., требовали, чтобы хозяин платил за прогульные по его вине дни, чтобы полный расчет выдавался по предупреждению за 15 дней, чтобы прием товара производился при свидетелях из рабочих и т. д.

Эта громадная стачка произвела очень сильное впечатление на правительство, которое увидало, что рабочие, когда они действуют вместе, представляют опасную силу, особенно когда масса совместно действующих рабочих выставляет прямо свои требования. Фабриканты тоже почуяли силу рабочих и стали поосторожнее.—В газете «Новое Время» сообщали, например, из Орехово-Зуево: «Прошлогодний погром (т.-е. погром в январе 1885 г. у Морозова) имеет то значение, что сразу изменил старые фабричные порядки, как на орехово-зуевских фабриках, так и в окрестностях». Значит, не только хозяева морозовской фабрики должны были изменить безобразные порядки, когда рабочие сообща потребовали их отмены, но даже соседние фабриканты пошли на уступки, боясь у себя погромов. «Главное — то,— писали в той же газете,—что теперь установилось более человеческое отношение к рабочим, чем прежде отличались немногие из фабричных администраторов».

Даже «Московские Ведомости» [71]) (эта газета всегда защищает фабрикантов и винит во всем самих рабочих) поняли невозможность сохранить старые порядки и должны были признать, что произвольные штрафы—«зло, ведущее к возмутительнейшим злоупотреблениям», что

«фабричные лавки—сущий грабеж», что необходимо, поэтому, установить закон и правила о штрафах.

Громадное впечатление, произведенное этой стачкой, усилилось еще благодаря суду над рабочими. За буйство во время стачки, за нападение на военный караул (часть рабочих была арестована во время стачки и заперта в одном здании, но рабочие сломали дверь и ушли) 33 рабочих было предано суду. Суд состоялся во Владимире, в мае 1886 г. Присяжные оправдали всех подсудимых, так как на суде показания свидетелей,—в том числе хозяина фабрики, Т. С. Морозова, директора Дианова и многих ткачей-рабочих,—выяснили все безобразные притеснения, которым подвергались рабочие. Этот приговор суда явился прямым осуждением не только Морозова и его администрации, но и всех вообще старых фабричных порядков.

Защитники фабрикантов страшно переполошились и озлобились. Те самые «Московские Ведомости», которые после погрома признавали безобразие старых порядков, теперь заговорили совсем другое: «Никольская мануфактура принадлежит», дескать, «к числу лучших мануфактур. Рабочие не состоят к фабрике ни в каких крепостных или обязательных отношениях, приходят они добровольно и уходят беспрепятственно. Штрафы—но штрафы на фабриках необходимость; без них не было бы никакого сладу с рабочими, и фабрику хоть закрывай».— Вся вина, дескать, самих рабочих, «распущенных, пьяных и небрежных». Приговор суда может только «развращать народные массы» *). — «Но с народными массами шутить опасно,—восклицали «Московские Ведомости». — Что должны подумать рабочие ввиду оправдательного приговора Владимирского суда? Весть об этом решении мгновенно облетела весь этот мануфактурный край. Наш корреспондент, выехавший из Владимира тотчас после состоявшегося приговора, уже слышал о нем на всех станциях...»

Таким образом, фабриканты старались запугать правительство: если, дескать, уступить рабочим в одном, то они завтра потребуют другого.

Но погромы рабочих были еще страшнее, и правительству пришлось уступить.

В июне 1886 г. вышел новый закон о штрафах, который указал

*) Фабриканты и их защитники всегда смотрели и смотрят так, что если рабочие начинают думать о своем положении, начинают добиваться своих прав и сообща сопротивляться безобразиям и притеснениям хозяев, — то все это один только „разврат". — Конечно, для хозяев выгоднее, чтобы рабочие не думали о своем положении и не понимали своих прав.

случаи, когда позволительно брать штрафы, определил крайнюю величину штрафов и постановил, что штрафные деньги должны итти не в карман фабриканта, а на нужды самих рабочих.

Многие рабочие не знают этого закона, а те, которые знают, думают, что облегчение в штрафах вышло от правительства, что надо быть благодарным за это облегчение начальству. Мы видели, что это неправда. Как ни безобразны были старые фабричные порядки,—начальство ровно ничего не сделало для облегчения рабочих, покуда рабочие не начали бунтовать против них, покуда озлобленные рабочие не дошли до того, что стали ломать фабрики и машины, жечь товары и материалы, бить администрацию и фабрикантов. Только тогда правительство испугалось и уступило. Рабочие должны благодарить за облегчение не начальство, а своих товарищей, которые добивались и добились отмены безобразных притеснений.

История погромов 1885 года показывает нам, какая громадная сила заключается в соединенном протесте рабочих. Необходимо только позаботиться о том, чтобы эта сила употреблялась сознательнее, чтобы она не тратилась даром, на месть тому или отдельному фабриканту или заводчику, на погром той или другой ненавистной фабрики или завода, чтобы вся сила этого возмущения и этой ненависти направлялась против всех фабрикантов, заводчиков вместе, против всего класса фабрикантов и заводчиков, и шла на постоянную, упорную борьбу с ним.

Рассмотрим теперь подробно наши законы о штрафах. Чтобы ознакомиться с ними, надо разобрать следующие вопросы: 1) В каких случаях или по каким поводам разрешает закон налагать штрафы? 2) Каков по закону должен быть размер штрафов? 3) Каков порядок наложения штрафов указан в законе? т.-е. кто по закону может назначать штраф? можно ли жаловаться на это? каким образом рабочему должно наперед об'явить табель о штрафах? как должно записывать штрафы в книгу? 4) На что должны итти, по закону, штрафные деньги? где они хранятся? каким образом расходуются на нужды рабочих, и на какие именно нужды? Наконец, последний вопрос 5) На всех ли рабочих распространяется закон о штрафах?

Когда мы разберем все эти вопросы, мы будем знать не только, что такое штраф, но и все особенные правила и подробные постановления русских законов о штрафах. А знать это необходимо рабочим, чтобы сознательно относиться к каждому случаю несправедливых штрафов, чтобы уметь раз'яснить товарищам, почему существует та или другая несправедливость,—потому ли, что начальство фабрики нарушает за-

кон, или потому, что в самом законе существуют такие несправедливые правила,—и чтобы сообразно с этим уметь выбрать подходящую форму борьбы против притеснений.

III.

По каким поводам фабрикант может налагать штрафы?

Закон говорит, что поводы наложения штрафов, т.-е. провинности, за которые хозяин фабрики или завода вправе штрафовать рабочих, могут быть следующие: 1) неисправная работа; 2) прогул; 3) нарушение порядка. «Никакие взыскания,—сказано в законе,—не могут быть налагаемы по другим поводам» *). Рассмотрим внимательно каждый из этих трех поводов отдельно.

Первый повод—неисправная работа. В законе сказано: «Неисправной работой считается производство рабочим, по небрежности, недоброкачественных изделий, порча им при работе материалов, машин и иных орудий производства». Надо запомнить тут слова: «по небрежности». Они очень важны. Штраф можно налагать, значит, только за небрежность. Если изделие вышло недоброкачественным не по небрежности рабочего, а, например, потому, что хозяин дал плохой материал,—тогда фабрикант не имеет права налагать штраф. Необходимо, чтобы рабочие хорошо поняли это, и в случае наложения штрафа за неисправную работу, когда неисправность произошла не по вине рабочего, не по его небрежности, заявляли протест, потому что в таком случае штрафовать—прямо незаконно. Возьмем еще пример: работает заводской рабочий на станке около электрической лампочки. Отлетает кусок железа, попадает прямо в лампочку и разбивает ее. Хозяин пишет штраф: «за порчу материалов». Имеет ли он на это право? Нет, не имеет, потому что рабочий не по небрежности разбил лампочку: рабочий не виноват, что ничем не защитили лампочку от кусков железа, которые всегда отлетают при работе**).

---

*) Закон, о котором мы говорим, есть „Устав о промышленности", который входит во вторую часть одиннадцатого тома русского „Свода законов". — Закон излагается в отдельных статьях, которые перенумерованы.—О штрафах говорят статьи 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151 и 152.

**) Такой именно случай был в Петербурге, в Порту (новом Адмиралтействе), командир которого, Верховский, известен своими притеснениями рабочих. После стачки рабочих он заменил штрафы за разбитие лампочки вычетами за разбитую лампочку со всех рабочих мастерской. Понятно, что эти вычеты так же незаконны, как и штрафы.

Спрашивается теперь, достаточно ли охраняет этот закон рабочего? защищает ли он его от произвола хозяина и несправедливого наложения штрафов? Конечно, нет, потому что хозяин по своему усмотрению решает, доброкачественно изделие или недоброкачественно, всегда возможны придирки, всегда возможно, что хозяин усилит штрафы за недоброкачественность и станет посредством их выгонять больше работы за эту же плату. Закон оставляет рабочего беззащитным, оставляет хозяину возможность притеснений. Ясно, что закон пристрастен, составлен к выгоде фабрикантов и несправедлив.

Каким образом следовало бы защитить рабочего? Рабочие давно уже указали это: ткачи на Никольской фабрике Морозова, во время стачки 1885 г., предъявили требование, между прочим, такое: «установлять доброкачественность или недоброкачественность товара при сдаче его, в случае разногласия, со свидетелями из рабочих, которые работают по близости, с записью всего этого в товарную приемную книгу». (Это требование было записано в тетради, составленной «по общему согласию рабочих» и переданной из толпы во время стачки прокурору. Тетрадь эта читалась на суде.) Требование это совершенно справедливое, потому что не может быть иного способа предупреждать произвол хозяина, как привлекать свидетелей, когда возникает спор о доброкачественности товара, и притом свидетели эти должны быть непременно из рабочих: мастера или служащие никогда не посмели бы итти против хозяина.

Второй повод наложения штрафов—прогул. Что называет закон прогулом? «Прогулом,—сказано в законе,—в отличие от несвоевременной явки на работу или самовольной отлучки с нее, считается неявка на работу в течение не менее половины рабочего дня». Несвоевременная явка на работу или самовольная отлучка считается по закону, как мы сейчас увидим, «нарушением порядка», и штраф налагается за это меньший. Если рабочий пришел в завод, опоздавши на несколько часов, но все-таки раньше полудня, это не будет прогулом, а только нарушением порядка; если же он пришел только к полудню,—тогда это прогул. Точно так же, если рабочий самовольно, без разрешения, ушел с работы после полудня, т.-е. пропустил несколько часов—тогда это будет нарушением порядка, а если он ушел на целые полдня—то это прогул. В законе постановлено, что если рабочий прогуляет более трех дней под-ряд или в сложности более шести дней в месяц,—то фабрикант вправе рассчитать его. Спрашивается, всегда ли пропуск половины или целого дня считается прогулом? Нет. Только тогда, когда не было уважительных причин неявки на работу. Уважительные причины не-

явки перечислены в законе. Они следующие: 1) «Лишение рабочего свободы». Значит, если рабочего, например, арестуют (по приказу полиции или по приговору мирового судьи), то фабрикант не вправе при расчете поставить штрафа за прогул, 2) «внезапное разорение от несчастного случая», 3) «пожар», 4) «разлив рек». Например, если рабочий при весенней распутице не может перебраться через реку,—то фабрикант не вправе штрафовать его, 5) «болезнь, лишающая возможности отлучиться из дому», и 6) «смерть или тяжкая болезнь родителей, мужа, жены и детей». Во всех этих шести случаях неявка рабочего считается уважительной. Чтобы не быть оштрафованным за прогул, рабочему только следует позаботиться о доказательстве: на слово ему не поверят в конторе, что он не явился по уважительной причине. Необходимо взять свидетельство врача (в случае, напр., болезни) или полиции (в случае, например, пожара). Если нельзя достать свидетельство тотчас, следует принести его хотя бы и позже и требовать на основании закона, чтобы штраф не был назначаем, а если он уже назначен, то чтобы был сложен.

По поводу этих правил закона об уважительных причинах неявки необходимо заметить, что правила эти так суровы, как будто бы они относились к солдатам в казарме, а не к свободным людям. Правила эти списаны с правил о законных причинах неявки в суд: если кто-нибудь обвиняется в каком-нибудь преступлении, то его вызывает судебный следователь, и обвиняемый обязан явиться. Неявка разрешается только именно в тех случаях, когда разрешается неявка рабочих *). Значит, закон относится к рабочим так же строго, как ко всяким мошенникам, ворам и т. п. Всякий понимает, почему так строги правила о явке в суд,—потому что преследование преступлений касается всего общества. Но явка рабочего на работу вовсе не касается всего общества, а только одного фабриканта, и притом одного рабочего легко заменить другим, чтобы работа не останавливалась. Значит, не было никакой надобности в такой военной строгости законов. Но капиталисты не ограничиваются тем, что отнимают у рабочего все время для работы на фабрике; они хотят так же отнять у рабочего всякую волю, всякие другие интересы и помыслы, как только о фабрике. С рабочими обращаются, как с человеком подневольным. Поэтому и составляют такие казарменные, канцелярски-придирчивые правила. Например, мы видели сейчас, что уважительной причиной неявки закон признает «смерть

*) Кроме одного случая—„пожара", который не упомянут в законе о вызове обвиняемых.

или тяжкую болезнь родителей, мужа, жены и детей». Так сказано в законе о явке в суд. Точно так же сказано и в законе о явке рабочего на работу. Значит, если у рабочего умрет, напр., не жена, а сестра,—то рабочий не смеет пропустить рабочего дня, не смеет тратить времени на похороны: время принадлежит не ему, а фабриканту. А похоронить может и полиция,—стоит ли об этом заботиться. По закону о явке в суд, интерес семьи должен уступить интересам общества, для которого необходимо преследование преступников. По закону о явке на работу,—интересы семьи рабочего должны уступить интересам фабриканта, для которого необходимо получить прибыль. И после этого чистые господа, составляющие, исполняющие и защищающие такие законы, смеют обвинять рабочих в том, что они не ценят семейной жизни!..

Посмотрим, справедлив ли закон о штрафах за прогул? Если рабочий бросает работу на день, на два,—это считается прогулом, рабочий наказывается за это, а при прогуле более трех дней сряду его могут прогнать. Ну, а если фабрикант приостановит работу (напр., по неимению заказов) или станет давать работу только пять дней в неделю вместо установленных шести? Если бы рабочие были действительно равноправны с фабрикантами, тогда закон для фабриканта должен бы был быть такой же, как и для рабочего. Если рабочий прекращает работу, он теряет плату и платит штраф. Значит, если фабрикант произвольно прекращает работу, он должен бы был, во-первых, платить рабочему полную заработную плату за все время простоя фабрики, а, во-вторых, должен бы подлежать и штрафу. Но ни того, ни другого в законе не постановлено. На этом примере ясно подтверждается то, что мы раньше говорили о штрафах, именно, что штрафы означают порабощение рабочих капиталистом, означают, что рабочие представляют из себя низший, подневольный класс, осужденный на всю жизнь работать на капиталистов и создавать их богатство, получая за это гроши, недостаточные для мало-мальски сносной жизни. О том, чтобы фабриканты платили штраф за произвольную остановку работ, не может быть и речи. Но фабриканты не платят рабочим даже заработной платы, когда работа приостанавливается не по вине рабочих. Этот—возмутительнейшая несправедливость. Закон содержит только правило, что договор между фабрикантом и рабочим прекращается «за приостановкой в течение более 7 дней работ на фабрике или заводе, вследствие пожара, наводнения, взрыва паровика и т. п. случая». Рабочие должны добиваться установления правила, обязывающего фабрикантов платить рабочим заработную плату во время остановки работ. Требование это

уже было выставлено публично русскими рабочими 11 января 1885 г., во время известной стачки у Т. С. Морозова *).

В тетради требований рабочих стояло такое требование: «чтобы вычет за прогул не превышал одного рубля с тем, чтобы и хозяин платил за прогульные по его вине дни, как-то: за время простоя и переделки машин, и с этой целью каждый прогульный день чтобы записывался в расчетную тетрадь». Первое требование рабочих (чтобы штраф за прогул не превышал одного рубля) исполнено и вошло в закон о штрафах 1886 года. Второе требование (чтобы хозяин платил за прогульные. по его вине, дни) не исполнено, и рабочим нужно еще добиваться его исполнения. Для того, чтобы борьба за такое требование была успешна, необходимо, чтобы у всех рабочих было ясное понимание несправедливости закона, ясное понимание того, что нужно требовать. В каждом отдельном случае, когда какая-нибудь фабрика или завод стоят, и рабочие не получают платы,—рабочие должны поднимать вопрос о несправедливости этого, они должны настаивать на том, что пока договор с фабрикантом не расторгнут, фабрикант обязан платить за каждый день, заявлять это инспектору, раз'яснения которого подтвердят рабочим, что закон, действительно, не говорит об этом, и вызовут обсуждение закона рабочими. Они должны обращаться в суд, когда есть возможность, с просьбой о взыскании с фабриканта задельной платы,— наконец, заявлять общие требования об уплате заработка за дни простоя.

Третий повод наложения штрафа—«нарушение порядка». Закон относит к нарушениям порядка следующие 8 случаев: 1) «несвоевременная явка на работу или самовольная отлучка с нее» (мы сейчас уже говорили, чем отличается этот пункт от прогула); 2) «несоблюдение в заводских или фабричных помещениях установленных правил осторожности при обращении с огнем, в тех случаях, когда заведывающий фабрикой или заводом не признает нужным расторгнуть, в силу примечания 1 к статье 105, заключенный с рабочим договор найма». Это значит, что при нарушении рабочим правил об осторожном обращении с огнем закон предоставляет фабриканту на выбор либо оштрафовать

*) Надо заметить, что в то время (1884—85 г.г.) случаи простоя фабрики не по вине рабочих были очень часты, так как тогда был торговый и промышленный кризис: товар у фабрикантов не шел с рук, они старались сокращать производство. Напр., в декабре 1884 г. большая Вознесенская мануфактура (в Московской губ. около станц. Талицы, Москов.-Яросл. ж. д.) сократила число рабочих дней в неделю до 4-х. Рабочие, которые работали сдельно, ответили на это стачкой, окончившейся в начале января 1885 г. уступкой фабриканта.

рабочего, либо прогнать его («расторгнуть договор найма», как выражается закон); 3) «несоблюдения в заводских или фабричных помещениях чистоты и опрятности»; 4) «нарушение тишины при работах шумом, криком, бранью, ссорами или дракою»; 5) «непослушание». По поводу этого пункта следует заметить, что только тогда фабрикант вправе оштрафовать рабочего за «непослушание», когда рабочий не исполнил законного требования, т.-е. требования, основанного на договоре. Если пред'явлено какое-нибудь произвольное требование, не основанное на договоре рабочего с хозяином,—тогда нельзя штрафовать за «непослушание». Напр., рабочий работает по условию о сдельной работе. Мастер зовет его бросить эту работу и сделать другую. Рабочий отказывается. В этом случае не правильным был бы штраф за непослушание, потому что рабочий договорился об одной только работе, и так как он работает сдельно, то перейти на другое дело, значит для него работать даром; 6) «приход на работу в пьяном виде»; 7) «устройство недозволенных игр на деньги (в карты, орлянку и т. п.)», и 8) «несоблюдение правил внутреннего на фабриках распорядка». Правила эти составляются хозяином каждой фабрики и завода и утверждаются фабричным инспектором. Извлечения из них печатаются в расчетных книжках Рабочим следует читать эти правила и знать их, чтобы проверять, правильно или неправильно налагаются на них штрафы за неисполнение правил внутреннего распорядка. Необходимо отличать эти правила от закона. Закон один для всех фабрик и заводов; правила внутреннего распорядка—различные на каждой фабрике. Закон утверждается или отменяется властью государя; правила внутреннего распорядка—фабричным инспектором. Поэтому, если правила эти оказываются притеснительны для рабочих, то отмены их можно добиться жалобой инспектору (на которого, в случае отказа, можно жаловаться фабричному присутствию). Чтобы показать необходимость отличать закон от правил внутреннего распорядка, возьмем пример. Положим, рабочего штрафуют за неявку, по требованию мастера, на работу в праздник или в сверхурочные часы. Правилен такой штраф или нет? Чтобы ответить на это, надо знать правила внутреннего распорядка. Если в правилах не сказано ничего об обязанности рабочего являться, по требованию, на работу в неурочное время,—тогда штраф незаконный. Но если в правилах сказано, что рабочий обязан, по требованию начальства, являться на работу в праздники и в неурочное время,—тогда штраф будет законен. Чтобы добиться отмены этого обязательства, рабочие должны жаловаться не на штрафы, а требовать изменения правил внутреннего распорядка. Необходимо договориться

всем рабочим, и тогда при дружном действии они смогут добиться отмены такого правила.

IV.

Как велики могут быть штрафы?

Теперь мы знаем все случаи, когда закон дозволяет штрафовать рабочих. Рассмотрим, что говорит закон о величине штрафов? Закон не определяет одной величины штрафов для всех фабрик и заводов. Он назначает только предел, выше которого штрафы назначать нельзя. Предел этот указывается отдельно для каждого из трех случаев наложения штрафов (неисправная работа, прогул и нарушение порядка). Именно, для штрафов за прогул предел следующий: при поденной плате—не свыше суммы шестидневного заработка (считая штрафы за целый месяц), т.-е. в один месяц нельзя назначать штрафы за прогул более, чем в размере шестидневного заработка*). Если же плата сдельная, то тогда предел штрафа за прогул—1 р. за день и всего не более 3 рублей в месяц. Сверх того, при прогуле рабочий теряет плату за все прогульное время. Далее, для штрафов за нарушение порядка, предел — один рубль за каждое отдельное нарушение. Наконец, что касается штрафов за неисправную работу, то предел в законе не означен вовсе. Указан еще один общий предел для всех штрафов в сложности: за прогул, за нарушение порядка и за неисправную работу вместе. Все эти взыскания, взятые вместе, «не должны превышать одной трети заработка, действительно причитающегося рабочему к установленному сроку расплаты». Т.-е., если рабочему надо получить, скажем, 15 руб., то штрафов с него нельзя по закону взять больше 5 руб.,—за все нарушения, прогулы и неисправности вместе. Если накопилось штрафов больше, то фабрикант должен скостить их. Но в этом случае закон дает еще другое право фабриканту: именно, фабрикант вправе расторгнуть договор, если с рабочего приходится штрафов более одной трети заработка **).

Об этих правилах закона, на счет предельной величины штрафов, надо сказать, что они слишком суровы для рабочего и оберегают одного фабриканта в ущерб рабочему. Во-первых, закон допускает слишком

*) Предел штрафа за один день прогула при поденной плате не указан. Сказано только: „соответственно заработной плате рабочего". Размер штрафов точно обозначается в табели взысканий на каждой фабрике, как мы сейчас увидим.

**) Рабочий, который находит это расторжение договора неправильным, может жаловаться суду, но только для таких жалоб установлен очень короткий срок: один месяц (считая, конечно, со дня расчета).

высокие штрафы—до одной трети заработка. Это безобразно высокие штрафы. Сравним этот предел с известными случаями особенно-высоких штрафов. Фабричный инспектор Владимирской губернии, г. Микулин (который написал книгу о новом законе 1886 г.) рассказывает, как высоки были штрафы на фабриках до этого закона. Всего выше были штрафы в ткацком производстве, и самые высокие штрафы на ткацкой фабрике составляли 10% заработка рабочих, т.-е. одну десятую заработка. Фабричный инспектор Владимирской губ., г. Песков в своем отчете *) приводит примеры особенно высоких штрафов: самый высокий из них—штраф в 5 руб. 31 коп. при заработке в 32 руб. 31 коп. Это составляет 16,4% (16 копеек на рубль), т.-е. менее одной шестой части заработка. Такой штраф называют высоким, и называет его так не рабочий, а инспектор. А наш закон позволяет брать вдвое более высокие штрафы, в одну треть заработка, $33^1/_3$ копейки на рубль! Очевидно, на фабриках более или менее порядочных не бывало таких штрафов, которые разрешены нашими законами. Возьмем данные о штрафах на Никольской мануфактуре Т. С. Морозова перед стачкой, 7 января 1885 г. Штрафы были на этой фабрике по словам свидетелей выше, чем на окрестных фабриках. Они были так безобразны, что вывели совершенно из терпения 11.000 человек. Мы наверное не ошибемся, если возьмем эту фабрику за образец фабрики с безобразными штрафами. Как же высоки были штрафы на ней? Ткацкий мастер Шорин показывал на суде, как мы уже говорили, что штрафы доходили до половины заработка, и вообще были от 30 до 50%, от 30 до 50 копеек на рубль. Но это показание, во-первых, не подтверждено точными данными, а, во-вторых, относится либо к отдельным случаям, либо к одной мастерской. На суде над стачечниками были оглашены некоторые данные о штрафах. Были приведены заработки (месячные) и штрафы в 17 случаях: весь заработок составляет 179 руб. 6 коп., а штрафы 29 руб. 65 коп. Это дает 16 коп. штрафов на заработок в 1 руб. Самый высокий штраф во всех этих 17 случаях—3 руб. 85 коп. из заработка в 12 руб. 40 коп. Это составляет $31^1/_2$ копейки на рубль—все-таки меньше того, что допускает наш закон. Но лучше всего взять данные по всей фабрике. Штрафы за 1884 г. были выше, чем за предыдущие года: они составляли $23^1/_4$ к. на рубль (это самая большая цифра: штрафы были от $20^3/_4$ до $23^1/_4$%). Итак, на фабрике, получившей известность безобразной высотой

*) Первый отчет за 1885 г. Только первые отчеты фабричных инспекторов были напечатаны. Правительство тотчас же прекратило печатать отчеты.—Должно быть хороши были фабричные порядки, если боялись публиковать описание их.

штрафов,—штрафы были все-таки ниже, чем те, которые дозволяет русский закон!.. Хорошо защищает рабочих такой закон, нечего сказать! Стачечники у Морозова требовали: «штрафы должны быть не выше 5% с заработного рубля, при чем необходимо, чтобы рабочий предупреждался о плохой работе и вызывался не более двух раз в течение месяца». Штрафы, разрешаемые нашими законами, можно сравнить только с какими-нибудь ростовщическими процентами. Едва ли какой-нибудь фабрикант решится довести штрафы до такой высоты; закон-то разрешает, да рабочие не позволят *).

Наши законы о величине штрафов отличаются не только безобразной прижимостью, но, кроме того, страшной несправедливостью. Если штраф слишком велик (более одной трети), то фабрикант может расторгнуть договор, а рабочему не предоставляется такое же право, т.-е. право уйти с фабрики, если на него так много налагают штрафов, что они превышают треть заработка. Ясно, что закон заботится только о фабриканте, как будто бы штрафы вызываются только виною рабочих. А на самом деле всякий знает, что фабриканты и заводчики нередко налегают на штрафы без всякой вины рабочих, напр., для того, чтобы заставить рабочих напряженнее работать. Закон защищает только фабрикантов от неисправного рабочего, но не защищает рабочего от слишком прижимистых фабрикантов. В этом случае, значит, не у кого искать защиты рабочим. Они должны сами подумать о себе и о борьбе с фабрикантами.

V.

Каков порядок наложения штрафов?

Мы уже говорили, что по закону штрафы налагаются «собственной властью» заведующих фабрикой или заводом. Относительно жалоб на их распоряжения, закон говорит: «Распоряжения заведующего фабри-

*) Нельзя не заметить по этому поводу, что г. Михайловский, бывш. главный фабричный инспектор Петербургского округа, находит справедливым назвать такой закон „истинно гуманною (человеколюбивою) реформой, делающею величайшую честь заботливости русского императорского правительства о рабочем классе". (Такой отзыв находится в книге о русской фабрично-заводской промышленности, изданной русским правительством для всемирной выставки 1893 г. в Чикаго[72]).) Вот такова заботливость русского правительства!!! До закона и без всякого закона находились еще из фабрикантов такие грабители, которые удерживали у рабочего по 23 коп. с рубля. А закон, заботясь о рабочих, постановил: не удерживать более $33^1/_3$ (тридцать три с третью) коп. с рубля! А тридцать три коп. без трети удерживать можно теперь уже по закону.—Действительно, „истинно гуманная реформа"!

кой или заводом о наложении на рабочих взысканий обжалованию не подлежат. Но если при посещении фабрики или завода чинами фабричной инспекции будет обнаружено из заявлений, сделанных рабочими, несогласное с требованием закона наложение на них взысканий, то заведующий привлекается к ответственности». Постановление это, как видите, очень неясное и противоречивое: с одной стороны, рабочему говорят, что жаловаться на наложение штрафа нельзя. А с другой стороны говорят, что рабочие могут «заявлять» инспектору о «несогласном с законом» наложении штрафов. «Заявлять о незаконности» и «жаловаться на незаконность»,—человек, не имевший случая знакомиться с русскими законами, спросил бы, в чем же тут разница? Разницы нет, но цель этого кляузного постановления закона очень ясна: закон хотел стеснить рабочего в праве жаловаться на фабрикантов за несправедливое и незаконное наложение штрафов. Теперь, если какой-нибудь рабочий пожалуется инспектору на незаконный штраф, то инспектор может ответить ему: «Жаловаться на наложение штрафов закон не разрешает». Много ли найдется рабочих, знакомых с хитрым законом, которые сумеют ответить на это: «Я не жалуюсь, я только заявляю». Инспекторы на то и поставлены, чтобы смотреть за соблюдением законов об отношениях рабочих к фабрикантам. Инспекторы обязаны принимать всякие заявления о неисполнении закона. Инспектор, по правилу (см. утвержденный министром финансов «Наказ членам фабричной инспекции»), должен иметь приемные дни, не менее одного в неделю, для словесных об'яснений с лицами, имеющими в них надобность, и об этих днях на каждой фабрике должно быть вывешено об'явление Таким образом, если рабочие будут знать закон и твердо решат не позволять никаких отступлений от него,—тогда хитрость приведенного сейчас закона окажется напрасной, и рабочие сумеют добиться соблюдения закона. Имеют ли они право получать обратно штрафные деньги, если они взысканы неправильно? Рассуждая по здравому смыслу, следовало бы, конечно, ответить: да. Нельзя же допустить, чтобы фабрикант мог неправильно штрафовать рабочего и не возвращать неправильно удержанных денег. Но оказывается, что, при обсуждении этого закона в Государственном Совете, решено было н а р о ч н о умолчать об этом. Члены Государственного Совета нашли, что предоставление рабочим права требовать обратно неправильно взысканные деньги «ослабит в глазах рабочих то значение, которое имеется в виду присвоить заведующему фабрикою, в видах поддержания среди рабочих порядка». Вот как судят государственные люди о рабочих! Если фабрикант неправильно взыскал деньги с рабочего, то рабочему не следует

давать права вытребовать их назад. Почему же отнимать у рабочего его деньги? Потому, что жалобы «ослабят значение заведующих»! Значит, «значение заведующих» и «поддержание порядка на фабриках» держатся только на том, что рабочие не знают своих прав и «не смеют» жаловаться на начальство, хотя бы оно и нарушило закон! Значит, государственные люди прямо-таки боятся, как бы рабочие не вздумали следить за правильным наложением штрафов! Рабочие должны поблагодарить членов Государственного Совета за их откровенность, которая показывает рабочим, чего они могут ждать от правительства. Рабочие должны показать, что они считают себя за таких же людей, как и фабриканты, и не намерены позволять обращаться с собой, как с бессловесным скотом. Поэтому рабочие должны поставить своей обязанностью не оставлять без жалобы ни одного случая неправильного наложения штрафа, пред'являть непременно требование о возвращении денег—либо инспектору, либо, в случае его отказа, суду. Пускай рабочие ничего не добьются ни от инспекторов, ни от суда,—все-таки их усилия не пропадут даром: они откроют глаза рабочим, покажут им, как относятся наши законы к правам рабочих.

Итак, мы знаем теперь, что штрафы налагаются «собственной властью» заведывающих. Но на каждой фабрике могут быть различные размеры штрафов (так как закон указывает ведь только предел, выше которого нельзя назначать штрафы), могут быть различные правила внутреннего распорядка. Поэтому закон требует, чтобы все нарушения, облагаемые штрафами, и размер штрафа за каждое нарушение были указаны наперед в т а б е л и в з ы с к а н и й. Эта табель составляется каждым фабрикантом и заводчиком отдельно и утверждается фабричным инспектором. Она должна быть выставлена, по закону, в каждой мастерской.

Для того, чтобы можно было следить за тем, правильно ли налагаются штрафы и сколько их налагается, необходимо, чтобы штрафы все без исключения были правильно записываемы. Закон требует, чтобы штрафы «не позднее трех дней со времени наложения» записывались в расчетную книжку рабочего. Эта запись должна указывать, во-первых, повод взыскания (т.-е. за что оштрафован,—за неисправную работу и за какую именно, за прогул, или за нарушение порядка и какого именно) и, во-вторых, размер взыскания. Запись штрафов в расчетную книжку необходима для того, чтобы рабочие могли проверять правильность наложения штрафа и во-время заявлять жалобу в случае какой-нибудь незаконности. Затем, штрафы должны записываться все

в особую шнуровую книгу, которая должна быть на каждой фабрике или заводе для проверки штрафов инспекцией.

По этому поводу, может быть, нелишним будет сказать два слова о жалобах на фабрикантов и инспекторов, так как рабочие большею частью не знают, как и кому жаловаться. По закону, жаловаться на всякие нарушения закона на фабрике или заводе следует фабричному инспектору. Он обязан принимать словесные и письменные заявления неудовольствия. Если фабричный инспектор не уважит просьбы, тогда можно заявить старшему инспектору, который тоже обязан иметь приемные дни для выслушивания заявлений. Сверх того, канцелярия старшего инспектора должна быть открыта ежедневно для лиц, имеющих надобность в справках или раз'яснениях или заявлениях (см. «Наказ чинам фабричной инспекции», ст. 18). На решение инспектора можно жаловаться Губернскому по фабричным делам Присутствию *). Для этих жалоб установлен в законе месячный срок, считая со дня об'явления инспектором его распоряжения. Далее, на постановления фабричного присутствия в такой же срок можно жаловаться министру финансов.

Как видите, очень много указано в законе лиц, которым можно жаловаться. И притом жаловаться имеют право и фабрикант, и рабочий одинаково. Беда только в том, что эта защита только на бумаге и остается. У фабриканта есть полная возможность приносить жалобы,— есть свободное время, есть средство нанять адвоката и т. п., и потому фабриканты, действительно, приносят жалобы на инспекторов, доходят до министра и добились уже различных льгот. А для рабочего это право приносить жалобы—одни слова, не имеющие никакого значения. Прежде всего, у него нет времени ходить по инспекторам, да канцеляриям! Он работает, и за «прогул» его штрафуют. У него нет денег на то, чтобы нанять адвоката. Он не знает законов, и потому не может настоять на своем праве. А начальство не только не заботится о том, чтобы рабочим были известны законы, а напротив, старается их скрыть от рабочего.

Тому, кто не поверит этому, мы приведем следующее правило из «Наказа чинам фабричной инспекции» (Наказ этот утвержден министром и раз'ясняет права и обязанности фабричных инспекторов):

---

*) Из кого состоит фабричное присутствие? Из губернатора, прокурора, начальника жандармского управления, фабричного инспектора и двух фабрикантов.—Если бы прибавить сюда начальника тюрьмы и командующего казаками, то налицо были бы все чиновники, осуществляющие „заботливость русского императорского правительства о рабочих классах".

«Всякие раз'яснения владельцу промышленного заведения или заведующему оным по предмету допущенных нарушений закона и изданных в его развитие обязательных постановлений делаются фабричным инспектором, не иначе, как в отсутствии рабочего» *). Вот как. Если фабрикант нарушает закон, то инспектор не смеет говорить ему об этом при рабочих: министр запрещает! А не то, пожалуй, рабочие в самом деле узнают закон и захотят требовать исполнения его! Недаром писали «Московские Ведомости», что это был бы один только «разврат»!

Всякий рабочий знает, что жалобы, особенно на инспектора, им почти вовсе не доступны. Конечно, мы не хотим сказать, что рабочим не следует возбуждать жалоб: напротив, всегда, когда есть хоть какая-нибудь возможность, непременно следует жаловаться, потому что только таким образом рабочие будут знакомиться со своими правами и научаться понимать, в чьих интересах написаны фабричные законы. Мы хотим только сказать, что нельзя жалобами добиться никакого серьезного и общего улучшения положения рабочих. Для этого есть один путь,—чтобы рабочие соединились вместе для отстаивания своих прав для борьбы с притеснениями хозяев, для достижения более сносного заработка и более короткого рабочего дня.

VI.

Куда должны итти, по закону, штрафные деньги?

Обратимся теперь к последнему вопросу, относящемуся к штрафам: каким образом расходуются штрафные деньги? Мы уже говорили, что до 1886 года деньги эти шли в карман фабрикантов и заводчиков. Но эти порядки приводили к такой массе злоупотреблений и до того раздражали рабочих, что сами хозяева стали сознавать необходимость уничтожить эту систему. На некоторых фабриках сам собой установился обычай выдавать из штрафных денег пособия рабочим. Напр., у того же Морозова еще до стачки 1885 г. было постановлено, что штрафы за курение и за пронос водки должны итти на пособия увечным, а штрафы за неисправную работу—хозяину.

Новый закон 1886 года установил общее правило, что штрафы не могут итти в карман хозяина. В законе сказано: «Взыскания с рабочих обращаются на составление особого рода при каждой фабрике капитала, состоящего в заведывании фабричного управления. Капитал этот

*) Примечание к ст. 26 „Наказа".

может быть употребляем, с разрешения инспектора, только на нужды самих рабочих, согласно правилам, издаваемым министром финансов по соглашению с министром внутренних дел». Итак, штрафы, по закону, должны итти только на нужды самих рабочих. Штрафные деньги, это—собственные деньги рабочих, вычеты из их заработка.

Правила расходования штрафного капитала, о которых говорится в законе, были изданы только в 1890 году (4 декабря), т.-е. целых 3½ года спустя после издания закона. В правилах сказано, что штрафные деньги расходуются на следующие, по преимуществу, нужды рабочих: «а) на пособия рабочим, потерявшим навсегда способность к труду или лишившимся возможности временно трудиться по болезни». В настоящее время рабочие, получившие увечье, остаются обыкновенно без всяких средств к жизни. Чтобы судиться с фабрикантом, они поступают обыкновенно на содержание к адвокатам, которые ведут их дела и, взамен подачек рабочему, берут себе громадные доли из присужденного вознаграждения. А если рабочий может получить по суду только небольшое вознаграждение, то он даже не найдет адвоката. Штрафными деньгами следует непременно пользоваться в этих случаях; посредством пособия из штрафного капитала, рабочий перебьется некоторое время и сможет найти себе адвоката для ведения дела с хозяином, не попадая, по нужде, из кабалы хозяина в кабалу адвокату. Рабочие, потерявшие работу по болезни, тоже должны брать пособия из своего штрафного капитала *).

В раз'яснение этого первого пункта правил С.-Петербургское фабричное присутствие постановило, что пособия должны выдавать на основании свидетельства врача, в размере не более половины бывшего заработка. Заметим в скобках, что Спб. фабричное присутствие сделало это постановление в заседании 26 апреля 1895 г. Раз'яснение состоялось, значит, 4½ года спустя после издания правил, а правила 3½ года спустя после издания закона. Следовательно, всего понадобилось восемь лет только на то, чтобы закон был достаточно раз'яснен!! Сколько же теперь потребуется лет, чтобы закон стал всем известен и стал применяться на самом деле?

Во-вторых, выдачи из штрафного капитала производятся: «б) на пособия работницам, находящимся в последнем периоде беременности и прекратившим работу за 2 недели до родов». По раз'яснению Петербургского фабричного присутствия, выдача должна происходить только

*) Понятно само собой, что получение пособия из штрафного капитала не лишает рабочего права требовать от фабриканта вознаграждения в случае, напр., увечья.

в течение 4 недель (две до родов и две после) и в размере не более половины бывшего заработка.

В-третьих, пособия выдаются «в) в случае утраты или порчи имущества от пожара или другого несчастья». По раз'яснению Петербургского присутствия, в удостоверение такого обстоятельства представляется свидетельство от полиции, и размер пособия должен быть не свыше $^2/_3$ полугодового заработка (т.-е. не свыше четырехмесячного заработка).

Наконец, в четвертом, пособия выдаются «г) на погребение». По раз'яснению Спб. присутствия, пособия эти должны выдаваться только для рабочих, работавших и умерших на данной фабрике, или их родителей и детей. Размер пособия от 10 до 20 рублей.

Таковы указанные в правилах 4 случая выдачи пособия. Но рабочие имеют право получать пособия и в других случаях: в правилах указано, что пособия даются «по преимуществу» в этих 4 случаях. Рабочие вправе получать пособие на всякие нужды, а не только на перечисленные. Петербургское присутствие в своем раз'яснении правил о штрафах (раз'яснение это вывешено на фабриках и заводах) тоже говорит: «Назначение пособия во всех других случаях производится с разрешения инспекции», и при этом присутствие добавило, что пособия не должны ни в каком случае уменьшать расходы фабрики на разные учреждения (напр., школы, больницы и т. п.) и обязательные траты (напр., на приведение в исправное состояние помещений для рабочих, на врачебную помощь и т. п.). Это значит, что выдача пособий из штрафного капитала не дает права фабриканту считать это своим расходом; это расход не его, а расход тех же рабочих. Расходы фабриканта должны остаться прежние.

Петербургское присутствие постановило еще следующее правило: «сумма выдающихся постоянных пособий не должна быть более половины годичного поступления штрафов». Тут различаются пособия постоянные (которые производятся в течение известного времени, напр., больному или увечному) от единовременных (которые выдаются один раз, напр., на погребение или по случаю пожара). Чтобы оставить деньги на единовременные пособия, постоянные пособия не должны превышать половины всех штрафов.

Каким образом получать пособия из штрафного капитала? Рабочие должны, по правилам, обращаться с просьбой о пособии к хозяину, который и выдает пособие с разрешения инспекции. В случае отказа со стороны хозяина, следует обращаться к инспектору, который может назначить пособие собственной властью.

Фабричное присутствие может разрешать благонадежным фабрикантам выдавать небольшие пособия (до 15 руб.), не испрашивая разрешения инспектора.

Штрафные деньги до 100 руб. хранятся у хозяина, а при большем количестве вносятся в сберегательную кассу.

Если какая-нибудь фабрика или завод закроется, то штрафной капитал передается в общий по губернии рабочий капитал. О том, каким образом расходуется этот «рабочий капитал» (о котором рабочие ничего даже не знают и не могут знать),—в правилах не сказано. Следует, дескать, хранить в государственном банке «впредь до особого назначения». Если потребовалось даже в столице 8 лет для установления правил о расходовании штрафных капиталов на отдельных фабриках, то, вероятно, придется подождать не один десяток лет, покуда составят правила для расходования «общего по губернии рабочего капитала».

Таковы правила о расходовании штрафных денег. Как видите, они отличаются чрезвычайной сложностью и запутанностью, и потому не удивительно, что до сих пор рабочие почти вовсе не знают об их существовании. В нынешнем году (1895) на петербургских фабриках и заводах развешиваются об'явления об этих правилах *). Надо уже самим рабочим постараться, чтобы все знали эти правила, чтобы рабочие научились правильно смотреть на пособие из штрафного капитала—не как на подачки фабрикантов, не как на милостыню, а как на свои собственные деньги, составленные из вычетов из их заработка, и расходуются которые только на их нужду. Рабочие имеют полное право требовать выдачи им этих денег.

По поводу этих правил необходимо сказать, во-первых, о том, как они применяются, какие при этом возникают неудобства и какие злоупотребления. Во-вторых, надо посмотреть, справедливо ли составлены эти правила, защищают ли они достаточно интересы рабочих.

Что касается применения правил, то прежде всего необходимо указать на такое раз'яснение Петербургского фабричного присутствия «Если в данный момент штрафных денег не имеется..., то рабочие не могут пред'являть никаких претензий к фабричным управлениям». Но спрашивается, каким образом будут знать рабочие, имеются ли штраф-

*) Таким образом в Петербурге только в 1895 году приступлено к исполнению закона 1886 года о штрафах. А главный инспектор, г. Михайловский, о котором мы выше упоминали, говорил в 1893 году, что закон 1886 года „ныне исполняется в точности".—На этом маленьком примере мы видим, какую наглую ложь писал главный фабричный инспектор в книге, назначенной для ознакомления американцев с русскими фабричными порядками.

ные деньги или нет, и сколько их, если они имеются? Фабричное присутствие рассуждает так, как-будто рабочим это известно,—а между тем, оно не потрудилось ничего сделать для сообщения рабочим о состоянии штрафного капитала, не обязало фабрикантов и заводчиков вывешивать об'явления о штрафных деньгах. Неужели фабричное присутствие думает, что достаточно рабочим узнать об этом у хозяина, который будет гонять просителей, когда нет штрафных денег? Это было бы безобразием, потому что тогда с рабочим, желающим получить пособие, хозяева обращались бы как с нищими. Рабочим необходимо добиваться, чтобы на каждой фабрике или заводе было вывешиваемо ежемесячно об'явление о состоянии штрафного капитала: сколько имеется денег налицо, сколько получено за последний месяц, сколько израсходовано «на какие нужды»? Иначе рабочие не будут знать, сколько они могут получить; не будут знать, могут ли быть удовлетворены из штрафного капитала все требования или только часть—в этом случае было бы справедливо выбрать нужды самые насущные. Лучше устроенные заводы сами ввели кое-где такие об'явления: в Спб., кажется, делается это на заводе Сименс и Гальске и на казенном патронном заводе. Если рабочий при каждой беседе с инспектором будет настойчиво обращать внимание на это обстоятельство и заявлять о необходимости вывешивать об'явление, тогда рабочие, наверное, добьются, чтобы это было введено везде. Далее, было бы очень удобно для рабочих, если бы заведены были на фабриках и заводах печатные бланки *) для прошений о выдаче пособий из штрафного капитала. Такие бланки заведены, напр., во Владимирской губернии. Писать все прошение самому рабочему не легко, да притом он не сумеет написать все, что потребуется, а в бланке все указано и ему остается только вписать в оставленные пробелы несколько слов. Если не заведут бланков, то многие рабочие должны будут обращаться к писарям за составлением прошений, а это требует расходов. Конечно, самые просьбы о пособии могут, по правилам, быть и устные, но, во-первых, рабочему все равно нужно добывать требуемое правилами письменное удостоверение полиции или врача (при прошении на бланке—тут же, на этом бланке, пишется и удостоверение), а, во-вторых, на устную просьбу иной хозяин, пожалуй, и не ответит, а на письменную он обязан дать ответ. Печатные заявления, подаваемые в контору фабрики или завода, отнимут у прошений о выдаче пособий характер попрошай-

*) То-есть печатные заявления, в которых самое прошение напечатано, и оставлены белые места для того, чтобы вписать название фабрики, по какому случаю просят пособия, местожительство, подпись и т. п

ничества, который стараются придать им хозяева. Многие фабриканты и заводчики особенно недовольны тем, что штрафные деньги, по закону, идут не в их карман, а на нужды рабочих. Поэтому много придумывалось ухищрений и уловок, чтобы надуть рабочих и инспекторов и обойти закон. Мы расскажем, в предупреждение рабочих, о некоторых таких уловках.

Некоторые фабриканты записывали штрафы в книгу не как штрафы, а как выданные рабочему деньги. Оштрафуют рабочего на рубль, а в книгу запишут, что рабочему выдан рубль. Когда этот рубль вычитают при получке, то он остается в кармане хозяина. Это уже не только обход закона, а прямо обман, подлог.

Другие фабриканты вместо штрафов за прогул записывали рабочему не все рабочие дни, то-есть, если рабочий прогулял, скажем, один день в неделю, то ему ставят не пять дней, а четыре: заработная плата за один день (которая должна бы составить штраф за прогул и итти в штрафной капитал) достается хозяину. Это опять-таки грубый обман. Заметим, кстати, что рабочие совершенно беззащитны против таких обманов *), потому что им не об'являют о состоянии штрафного капитала. Только при ежемесячных подробных об'явлениях (с указанием количества штрафов за каждую неделю по каждой мастерской отдельно) рабочие могут следить за тем, чтобы штрафы поступали действительно в штрафной капитал. Кто же будет следить за правильностью всех этих записей, если не сами рабочие? Фабричные инспектора? Но каким же образом узнает инспектор, что вот эта именно цифра поставлена в книге обманом? Фабричный инспектор, г. Микулин, рассказывая об этих обманах, замечает:

«Во всех таких случаях открывать злоупотребления было чрезвычайно трудно, если на то не было прямых указаний в виде жалоб рабочих». Сам инспектор признает, что ему нельзя открыть обмана, если не укажут рабочие. А рабочие не могут указать его, если фабриканты не будут обязаны вывешивать об'явления о штрафах.

Третьи фабриканты придумали гораздо более удобные способы обманывать рабочих и обойти закон,—такие хитрые и кляузные способы, что нелегко было придраться к ним. Многие хозяева бумаготкацких фабрик во Владимирской губ. представляли на утверждение инспектора не один расценок на каждый сорт ткани, а два или даже

*) А о том, что такие обманы практикуются, рассказывает не кто иной, как фабричный инспектор Владимирской губернии, г. Микулин, в своей книге о новом законе 1886 г.

три расценка; в примечании к расценку было сказано, что ткачи, сработавшие безукоризненно товар, получают за него плату по высшей цене, сработавший товар похуже—по второму расценку, а тот товар, который будет считаться браком, расценивается по самой низкой цене *). Ясно, с какой целью придумана была такая хитрая штука: разница между высшим и низшим расценком доставалась в карман хозяину, тогда как эта разница на самом деле означала взыскание за неисправную работу и должна была поэтому итти в штрафной капитал. Ясно, что это был грубый обход закона, и не только закона о штрафах, но также и закона об утверждении расценка; расценок утверждался для того, чтобы хозяин не мог произвольно изменять заработной платы, а если расценок будет не один, а несколько, то понятно, что тогда хозяину предоставляется полнейший произвол.

Фабричные инспектора видели, что такие расценки «направлены, очевидно, к обходу закона» (все это рассказывает тот же г. Микулин в выше упомянутой книге), но тем не менее «не считал себя вправе» отказать почтенным «господам» фабрикантам.

Еще бы. Легкое ли это дело—отказать фабрикантам (такую штуку придумал не один фабрикант, а несколько сразу!). Ну, а если бы попытались обойти закон не «господа» фабриканты, а рабочие? Интересно бы знать, нашелся ли бы тогда во всей Российской империи хоть один фабричный инспектор, который бы «не счел себя вправе» отказать рабочим в попытке обойти закон?

Таким образом, эти двух- и трехэтажные расценки были утверждены фабричной инспекцией и введены в действие. Но оказалось, что интересуются вопросом о расценке не одни господа фабриканты, выдумывающие способы обойти закон, и не одни господа инспектора, не считающие себя вправе мешать фабрикантам в их благом намерении, а еще сверх того... рабочие. У рабочих не оказалось такой нежной снисходительности к мошенничествам господ фабрикантов, и они «сочли себя вправе» помешать этим фабрикантам об'егоривать рабочих.

«Эти расценки,—повествует г. инспектор Микулин,—возбудили такое неудовольствие среди рабочих, что оно было одною из главных причин разразившихся беспорядков с буйством, потребовавших вмешательства вооруженной силы».

Вот как идут дела на свете! Сначала «не сочли вправе» помешать

*) Такие расценки бывают и на Петербургских фабриках: пишут, напр., что за такое-то количество товара рабочий получает от 20 до 50 копеек.

т.т. фабрикантам нарушать закон и надувать рабочих, а когда возмущенные такими безобразиями рабочие подняли восстание, тогда «потребовали» вооруженную силу! Почему же эта вооруженная сила «потребовалась» против рабочих, которые защищали свои законные права, а не против фабрикантов, которые явно нарушали закон? Как бы там ни было, но только после восстания рабочих «распоряжением губернатора расценки такого рода были уничтожены». Рабочие настояли на своем. Закон был введен не господами фабричными инспекторами, а самими рабочими, которые доказали, что они не позволят издеваться над собой и сумеют постоять за свои права. «В дальнейшем уже,—рассказывает г. Микулин,—фабричная инспекция отказывалась утверждать такие расценки». Таким образом рабочие научили инспекторов применять закон.

Но наука эта досталась только одним владимирским фабрикантам. А между тем фабриканты везде одни: и во Владимире, и в Москве, и в Петербурге. Попытка владимирских фабрикантов перехитрить закон—не удалась, но придуманный ими способ не только остался, но был даже усовершенствован одним гениальным петербургским заводчиком.

В чем состоял способ владимирских фабрикантов? В том, чтобы не употреблять слово штраф, а заменять его другими словами. Если я скажу, что рабочий по случаю неисправности получает рублем меньше,—тогда это будет штраф и его придется отдать в штрафной капитал. Но если я скажу, что рабочие, по случаю неисправности, получают плату по низшему расценку,—тогда это не будет штрафом, а целковый попадет в мой карман. Так рассуждали владимирские фабриканты, которых, однако, опровергли рабочие. Можно и еще несколько иначе рассуждать. Можно сказать: рабочие, по случаю неисправности, получают плату без наградных, тогда это опять не будет штрафом, и целковый попадает в карман хозяина. Вот такое рассуждение и придумал хитроумный петербургский заводчик Яковлев, хозяин механического завода. Он говорит так: вы будете получать по рублю в день, но, если за вами не будет никаких провинностей, ни прогулов, ни грубостей, ни неисправностей, то вы получите по 20 коп. «наградных». А если окажется провинность, то хозяин удерживает двугривенные и кладет их, конечно, себе в карман—потому что, ведь, это не штраф, а «наградные». Все законы о том, за какие провинности можно назначить взыскание и в каком размере, как их нужно расходовать на нужды рабочих,—оказываются для г. Яковлева несуществующими. Законы писаны про «штрафы», а у него «наградные». Ловкий заводчик до сих пор надувает рабочих посредством своей кляузной выходки. Пе-

тербургский фабричный инспектор тоже, вероятно, «не счел себя вправе» помешать ему обходить закон. Будем надеяться, что петербургские рабочие не отстанут от владимирских и научат инспектора и заводчика, как следует соблюдать закон.

Чтобы показать, какие громадные деньги составляются из штрафов, приведем сведения о величине штрафных капиталов во Владимирской губернии.

Выдача пособий начала производиться там с февраля 1891 г. До октября 1891 г. было выдано пособий 3.665 лицам на сумму 25.458 руб. 59 коп. Штрафной капитал к 1 октября 1891 г. составлял 407.052 руб. 45 коп. Следует сказать, кстати, еще об одном употреблении, сделанном из штрафных денег. На одной фабрике штрафной капитал составлял 8.242 руб. 46 коп. Фабрика эта обанкротилась, и рабочие остались зимой без хлеба и без работы. Тогда из этого капитала было роздано 5.820 руб. в пособия рабочим, которых было до 800 человек.

С 1-го октября 1891 г. по 1-е октября 1892 г. было взыскано штрафных денег 94.055 руб. 47 коп., а выдано в пособия 45.160 руб. 52 коп.—6.312 лицам. По отдельным статьям пособия эти распределялись так: 208 лицам было выдано ежемесячных пенсий по случаю неспособности к труду на сумму 6.198 руб. 20 коп., значит, в среднем на 1-го человека приходится в год 30 руб. (назначают такие нищенские пособия в то время, как десятки тысяч штрафных денег лежат без употребления!). Далее, по случаю потери имущества 1.307 лицам было выдано 17.827 рублей 12 коп., в среднем по 18 руб. на человека. Беременным женщинам выдано 10.641 руб. 81 коп. в 2.669 случаях, в среднем по 4 руб. (это за три недели, одну до родов и две после родов). По болезни выдано 877 рабочим 5.380 рублей 68 коп., в среднем по 6 руб. На похороны 4.620 руб.—1.506 рабочим (по 3 рубля), и в разных случаях 532 руб. 71 коп.—15 лицам.

Теперь мы познакомились вполне с правилами о штрафных деньгах и с тем, как эти правила применяются. Посмотрим, справедливые ли эти правила и достаточно ли охраняют они права рабочих.

Мы знаем, что в законе постановлено, что штрафные деньги не принадлежат хозяину, что они могут итти только на нужды рабочих.

Правила о расходовании денег должны были утвердить министры.

Что же вышло из этих правил? Деньги эти собраны с рабочих и расходуются на их нужды,—а в правилах не сказано даже, что хозяева обязаны об'являть рабочим состояние штрафного капитала. Рабочим не предоставлено права избирать выборных, чтобы следить за пра-

ильным поступлением денег в штрафной капитал, чтобы принимать заявления от рабочих и распределять пособия. В законе сказано было, что пособия выдаются «с разрешением инспектора», а по правилам, которые изданы министрами, вышло так, что с просьбой о пособии должны обращаться к хозяину. Почему же следует обращаться к хозяину? Ведь, деньги эти не хозяйские, а деньги рабочих, составившиеся из вычетов из их заработка. Хозяин сам не имеет права тратить этих денег: если он израсходует их—то отвечает за это, как за присвоение и растрату, все равно, как если бы он израсходовал чужие деньги. Очевидно, министры потому издали такое правило, что они хотели услужить хозяевам: теперь рабочие должны просить у хозяина пособия как будто подачки. Правда, если хозяин откажет,—инспектор может сам назначить пособие. Но инспектор, ведь, сам ничего не знает—скажет ему хозяин, что рабочий этот такой-сякой, что он не заслуживает пособия, и инспектор поверит *). Да и много ли найдется рабочих, которые станут обращаться с жалобами к инспектору, терять рабочее время на хождение к нему, писание прошений и тому подобное? В действительности, благодаря министерским правилам, получится только новая форма зависимости рабочих от хозяев. Хозяева получат возможность притеснять тех рабочих, которыми они недовольны, может быть, за то, что они не дают себя в обиду: отказывая в прошении, хозяева наверное причинят такому рабочему массу лишних хлопот, а, может быть, даже добьются того, что он вовсе не получит пособия. Напротив, тем рабочим, которые угождают хозяину и лакействуют перед ним, которые фискальничают ему на товарищей,—хозяева могут разрешать выдачу особенно больших пособий и в таких случаях, когда другой рабочий получил бы отказ. Вместо уничтожения зависимости рабочих от хозяев по штрафным делам получится новая зависимость, раз'единяющая рабочих, создающая прислужничество и пролазничество. А потом обратите еще внимание на ту безобразную волокиту, которой обставлено, по правилам, получение пособий: каждый раз рабочий должен обращаться за удостоверением то к врачу, от которого он наверное

*) В печатном заявлении о пособии, которое, как мы говорили, разослано было по фабрикам и заводам Владимирским фабричным присутствием и которое представляет из себя наиболее удобное для рабочих применение „правил", — значится: „контора фабрики подпись руки и изложенное в заявлении удостоверяет, добавляя, что, по ее мнению, проситель заслуживает пособия в размере таком-то".

Значит, контора всегда может написать, даже и не об'ясняя причины, что „по ее мнению" проситель не заслуживает пособия.

Пособия будут получать не те, кто нуждается, а те, кто „заслуживает его по мнению фабрикантов".

встретит грубость, то к полиции, которая ничего не делает без взяток. Повторяем, ничего этого нет в законе; это установлено министерскими правилами, которые явно составлены в угоду фабрикантам, которые явно направлены на то, чтобы сверх зависимости от хозяев создать еще зависимость рабочих от чиновников, чтобы отстранить рабочих от всякого участия в расходовании на их нужды с них же взятых штрафных денег, чтобы сплести паутину бессмысленной казенной формалистики, отупляющей и деморализующей *) рабочих.

Предоставление хозяину разрешать выдачу пособий из штрафных денег — это вопиющая несправедливость. Рабочие должны добиваться того, чтобы им дано было по закону право выбирать депутатов (выборных), которые бы следили за поступлением штрафов в штрафной капитал, принимали и проверяли заявления рабочих о выдаче пособий, давали отчет рабочим о состоянии штрафного капитала и расходовании его. На тех заводах, на которых существуют в настоящее время депутаты, они должны обратить внимание на штрафные деньги, требовать, чтобы им сообщали все данные о штрафах, они должны принимать заявления рабочих и передавать их начальству.

VII.

На всех ли рабочих распространяются законы о штрафах?

Законы о штрафах, как и большинство других русских законов, распространяются не на все фабрики и заводы, не на всех рабочих. Издавая закон, русское правительство всегда боится обидеть им господ фабрикантов и заводчиков, боится, что хитросплетения канцелярских правил и чиновнических прав и обязанностей столкнутся с какими нибудь другими канцелярскими правилами (а их у нас бесчисленное множество), с правами и обязанностями каких-нибудь других чиновников, которые смертельно обидятся, если в их область вторгнется какой-нибудь новый чиновник, и изведут бочки казенных чернил и стопы бумаги на переписку о «разграничении ведомства». Редкий закон поэтому вводится у нас сразу для всей России, без из'ятий, без трусливых отсрочек, без предоставления министрам и другим чиновникам дозволять отступления от закона.

Особенно сильно сказалось все это на законе о штрафах, который, как мы видели, возбудил такое неудовольствие господ капиталистов,

*) Раз'единяющей, создающей прислужничество, развивающей дурные нравы.

который был проведен только под давлением грозных рабочих восстаний.

Во-первых, закон о штрафах распространяется только на небольшую часть России *). Закон этот издан, как мы говорили, 3-го июня 1886 г. и введен в действие с 1-го октября 1886 г. только в трех губерниях: Петербургской, Московской и Владимирской. Через пять лет закон распространен на губернии Варшавскую и Петроковскую (11-го июня 1891 г.). Затем еще через три года он распространен еще на 13 губерний (именно: из центральных губерний—Тверская, Костромская, Ярославская, Нижегородская и Рязанская; из остзейских губерний — Эстляндская и Лифляндская; из западных — Гродненская и Киевская; из южных—Волынская, Подольская, Харьковская и Херсонская)—по закону 15-го марта 1894 года. В 1892 году правила о штрафах распространены на частные горные заводы и промыслы.

Быстрое развитие капитализма на юге России и громадный рост горного дела собирает там массы рабочих и заставляет правительство поторапливаться.

Правительство, как видно, очень медленно отказывается от старых фабричных порядков. Необходимо заметить при этом, что отказывается оно только под давлением рабочих: усиления рабочего движения и стачки в Польше вызвали распространение закона на Варшавскую и Петроковскую (к Петроковской губернии относится город Лодзь) губернии. Громадная стачка на Хлудовской мануфактуре в Егорьевском уезде Рязанской губернии вызвала тотчас же распространение закона на Рязанскую губернию. Правительство,—видимое дело,—тоже «не считает себя вправе» отнять у господ капиталистов право бесконтрольного (произвольного) штрафования, покуда не вмешаются сами рабочие.

Во-вторых, закон о штрафах, как и все правила о надзоре за фабриками и заводами, не распространяется на заведения, принадлежащие казне и правительственным установлениям. На казенных заводах имеется свое «попечительное» о рабочих начальство, которое закон не хочет утруждать правилами о штрафах. В самом деле, к чему надзирать за казенными заводами, когда начальник завода сам чиновник? Рабочие могут жаловаться на него ему же. Не удивительно,

*) Закон этот составляет часть так называемых „особенных правил о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих". Эти „особенные правила" распространяются только на „местности, отличающиеся значительным развитием фабрично-заводской промышленности", которые мы укажем ниже в тексте.

что среди этих начальников казенных заводов попадаются такие безобразники, как, например, командир Петербургского порта, г. Верховский.

В-третьих, правила о штрафных капиталах, расходуемых на нужды самих рабочих, не распространяются на рабочих в мастерских тех железных дорог, на которых есть пенсионные или сберегательно-вспомогательные кассы. Штрафные деньги идут в эти кассы.

Всех этих из'ятий показалось все-таки еще недостаточным, и в законе постановлено, что министры (финансов и внутренних дел) имеют право, с одной стороны, «устранять от подчинения» этим правилам «незначительные фабрики и заводы, в случаях действительной надобности», а, с другой стороны, распространять эти правила на «значительные» ремесленные заведения.

Таким образом, мало того, что закон поручил министру составлять правила о штрафных деньгах,—он еще дал право министрам освобождать некоторых фабрикантов от подчинения закону! Вот до какой степени доходит любезность нашего закона к господам фабрикантам! В одном из раз'яснений министра говорится, что он освобождает только таких фабрикантов, о которых фабричное присутствие «у в е р е н о, ч т о в л а д е л е ц з а в е д е н и я н е б у д е т н а р у ш а т ь и н т е р е с о в р а б о ч и х». Фабриканты и фабричные инспектора — такие близкие друзья-приятели, что верят друг другу на слово. К чему отягощать фабриканта правилами, когда он «уверяет», что не будет нарушать интересов рабочих? Ну, а если бы рабочий попробовал просить у инспектора или министра освободить его от правил, «уверяя», что он не нарушил интересов фабриканта? Такого рабочего сочли бы, вероятно, за сумасшедшего.

Это называется «равноправностью» рабочих и фабрикантов.

Что касается до распространения правил о штрафах на значительные ремесленные заведения, то до сих пор, насколько известно, правила эти были распространены только (в 1893 году) на раздаточные конторы, раздающие работающим на дому ткачам основу. Министры не торопятся распространять правила о штрафах. Вся масса рабочих, работающих на дому на хозяев, на большие магазины и т. п., остается до сих пор на старом положении, в полном подчинении произволу хозяев. Рабочим этим труднее соединиться вместе, столковаться о своих нуждах, предпринять общую борьбу с притеснениями хозяев,—поэтому на них и не обращают внимания.

VIII.

Заключение.

Мы познакомились теперь с нашими законами и правилами о штрафах, со всей этой чрезвычайно сложной системой, которая отпугивает рабочего своею сухостью и неприветным канцелярским языком.

Мы можем теперь опять обратиться к вопросу, поставленному в начале—о том, что штрафы порождены капитализмом, т.-е. таким общественным устройством, когда народ разделяется на два класса, на собственников земли, машин, фабрик и заводов, материалов и припасов—и на людей, которые не имеют никакой собственности, которые должны поэтому продаваться капиталистам и работать на них.

Всегда ли было так, что рабочие, работавшие на хозяина, должны были платить ему штрафы за всякие неисправности?

В мелких заведениях,—напр., у городских ремесленников или у рабочих,—штрафов нет. Там нет полного отчуждения рабочего от хозяина, они вместе живут и работают. Хозяин и не думает вводить штрафа, потому что он сам смотрит за работой и всегда может заставить исправить, что ему не нравится.

Но такие мелкие заведения и производства постепенно исчезают. Кустарям и ремесленникам, а также мелким крестьянам, невозможно выдержать конкуренции крупных фабрик, заводов и крупных хозяев, употребляющих лучшие орудия, машины и соединяющих вместе труд массы рабочих. Поэтому мы видим, что кустари, ремесленники и крестьяне все больше и больше разоряются, идут в рабочие на фабрики и заводы, бросают деревни и уходят в города.

На крупных фабриках и заводах отношения между хозяином и рабочими уже совсем не такие, как в мелких мастерских. Хозяин стоит настолько выше рабочего по богатству, по своему общественному положению, и между ними находится целая пропасть, они часто даже не знают друг друга и не имеют ничего общего. Рабочему нет никакой возможности пробиться в хозяева: он осужден вечно оставаться неимущим, работающим на неизвестных ему богачей. На место двух-трех рабочих, которые были у мелкого хозяина, является теперь масса рабочих, приходящих из разных местностей и постоянно сменяющихся. На место отдельных распоряжений хозяина являются общие правила, которые делаются обязательными для всех рабочих. Прежнее постоянство отношений между хозяином и рабочим исчезает: хозяин вовсе не дорожит рабочим потому что ему легко найти всегда другого из толпы без

работных, готовых наняться к кому угодно. Таким образом власть хозяина над рабочими усиливается, и хозяин пользуется этой властью загоняет рабочего в строгие рамки фабричной работы штрафами. Рабочий должен был подчиниться этому новому ограничению своих прав и своих заработков, потому что он теперь бессилен перед хозяином.

Итак, штрафы явились на свет божий не очень давно — вместе с крупными фабриками и заводами, вместе с крупным капитализмом, вместе с полным расколом между богачами-хозяевами и босяками-рабочими. Штрафы явились результатом полного развития капитализма и полного порабощения рабочего.

Но это развитие крупных фабрик и усиление давления со стороны хозяев повело еще к другим последствиям. Рабочие, оказавшиеся совершенно бессильными перед фабрикантами, стали понимать, что их ожидает полное падение и нищенство, если они будут оставаться раз'единенными. Рабочие начали понимать, что для спасения от голодной смерти и вырождения, которыми грозит им капитализм, у них есть одно только средство—соединиться вместе для борьбы с фабрикантами за заработную плату и лучшие условия жизни.

Мы видели, до каких безобразных притеснений рабочих дошли наши фабриканты в 80-х годах, как они превратили штрафы в средство понижения заработной платы рабочим, не ограничиваясь одним понижением расценки. Гнет капиталистов над рабочими дошел до своего высшего развития.

Но этот гнет вызвал и сопротивление рабочих. Рабочие восстали против притеснителей и одержали победу. Напуганное правительство уступило их требованиям и поспешило издать закон об уничтожении штрафов.

Это была уступка рабочим. Правительство думало, что, издавая законы и правила о штрафах, вводя пособия из штрафных денег, оно сразу удовлетворит рабочих и заставит их забыть о своем общем рабочем деле, о своей борьбе против фабрикантов.

Но такие надежды правительства, выставляющего себя защитником рабочих, не оправдаются. Мы видели, как несправедлив к рабочим новый закон, как малы уступки рабочим сравнительно хотя бы с теми требованиями, которые были выставлены морозовскими стачечниками; мы видели, как оставлены были повсюду лазейки фабрикантам, желающим нарушить закон, как в их интересах составлены правила о пособиях, присоединяющие к произволу хозяев произвол чиновников.

Когда такой закон, такие правила будут применяться, когда рабочие ознакомятся с ними и начнут узнавать из своих столкновений с на-

чальством о том, как притесняет их закон—тогда они начнут понемножку сознавать свое хоть подневольное положение. Они поймут что только нищета заставила их работать на богатых и довольствоваться грошами за свой тяжкий труд. Они поймут, что правительство и его чиновники держат сторону фабрикантов, а законы составляются так, чтобы хозяину было легче прижимать рабочего.

И рабочие узнают, наконец, что закон ничего не делает, чтобы улучшить их положение, покуда будет существовать зависимость рабочих от капиталистов, потому что закон всегда будет пристрастен к капиталистам-фабрикантам, потому что фабриканты всегда сумеют найти уловки для обхода закона.

Поняв это, рабочие увидят, что им остается только одно средство для своей защиты—соединиться вместе для борьбы с фабрикантами и с теми несправедливыми порядками, которые установлены законом.

О ЧЕМ ДУМАЮТ НАШИ МИНИСТРЫ?

Написано в конце 1895 г. для газеты „Рабочее Дело“ [73].

Напечатано не было. Печатается с копии Департамента Полиции.

Министр Внутренних Дел, Дурново, написал письмо Обер-Прокурору Св Синода Победоносцеву [74]). Письмо написано было 18 Марта 1895 г. за № 2603, и на нем стоит надпись: «совершенно доверительно» [75]). Значит, Министр хотел, чтобы письмо осталось в строжайшей тайне. Но нашлись люди, которые не разделяют взглядов Господина Министра, что русским гражданам не следует знать намерений правительства, и вот теперь это письмо гуляет всюду в рукописной копии.

О чем же писал Г. Дурново Г-ну Победоносцеву?

Он писал ему о воскресных школах. В письме говорится: «Сведения, «получаемые в течение последних лет, свидетельствуют, что лица, не- «благонадежные в политическом отношении, а также часть учащейся «молодежи, известного направления, по примеру 60-х годов, стремятся « к поступлению в воскресные школы, в качестве преподавателей, «лекторов, библиотекарей и т. д. Такое систематическое стремление, «не оправдываемое даже изысканием средств для существования, так «как обязанности в подобных школах исполняются безвозмездно, до- «казывает, что вышеозначенное явление представляет собою одно «из средств борьбы на легальной (законной) почве с существующим «в России государственным порядком и общественным строем противо- «правительственных элементов».

Вот как судит Г-н Министр. Из образованных людей находятся такие, которые хотят поделиться своими знаниями с рабочими, хотят, чтобы ученье приносило пользу не одним им, а и народу, и Министр сейчас же решает, что тут есть «противоправительственные элементы», т.-е. что это какие-нибудь заговорщики подстрекают людей итти в воскресные школы. Неужели без подстрекательства не могло возникнуть у некоторых образованных людей желание учить других? Но Министра смущает то, что учителя воскресных школ не получают жалованья. Он привык видеть, что служащие ему шпионы и чиновники служат только из-за жалованья, служат тому, кто больше дает денег, а тут вдруг люди работают, служат, занимаются и все это... даром. Подозрительно! думает Министр, и подсылает шпионов разведать дело.

В письме дальше говорится: «Из следующих сведений (полученных от «шпионов, существование которых оправдывается получением жало- «ванья) устанавливается, что не только в составе преподавателей «попадаются лица вредного направления, но что нередко самые школы «находятся под негласным руководством целого кружка неблагонадеж- «ных лиц, члены которого, совершенно не принадлежащие к офици- «альному персоналу служащих, по приглашению ими же поставленных «учителей и учительниц, читают по вечерам лекции и занимаются «с учащимися. Порядок, допускающий возможность чтения лекций «людьми посторонними, дает полный простор для проникновения «в число лекторов лиц прямо революционной среды».

Итак, если «посторонние люди», не одобренные и не осмотренные попами и шпионами, хотят заниматься с рабочими, это значит прямая революция! Министр смотрит на рабочих как на порох, а на знание и образование как на искру; Министр уверен, что если искра попадет в порох, то взрыв направится прежде всего на правительство.

Мы не можем отказать себе в удовольствии заметить, что в этом редком случае мы вполне и безусловно согласны со взглядами Его Высокопревосходительства.

Министр приводит дальше в письме «доказательства» правильности своих «сведений». Хороши эти доказательства!

Во-первых, «письмо преподавателя одной из воскресных школ, фамилия которого до сих пор остается невыясненною». Письмо это отобрано при обыске. В письме говорится о программе исторических чтений, об идее закрепощения и раскрепощения сословий, упоминается о бунте Разина и Пугачева.

Должно быть, эти последние имена и напугали так доброго Министра: ему сейчас же померещились, вероятно, вилы.

Второе доказательство:

«В Министерстве Внутренних Дел имеется полученная негласным «путем программа для публичного чтения в одной из Московских вос- «кресных школ следующего содержания: «Происхождение общества. «Первобытное общество. Развитие общественной организации. Государ- «ство и для чего оно нужно. Порядок. Свобода. Справедливость. Формы «государственного устройства. Монархия абсолютная и конституцион- «ная. Труд—основа общего благосостояния. Полезность и богатство. «Производство, обмен и капитал. Как распределяется богатство. Пре- «следование собственного интереса. Собственность и ее необходимость. «Освобождение крестьян с землей. Рента, прибыль, заработная плата. «Отчего зависит плата и ее виды. Бережливость».

«Чтение по этой программе, безусловно негодной для народной «школы, дает полную возможность лектору ознакомить постепенно «слушателей и с теориями Карла Маркса, Энгельса и т. п., а присут- «ствующее по назначению епархиального начальства лицо едва ли «будет в состоянии уловить в чтении начатки социал-демократической «пропаганды».

Должно быть Г. Министр сильно боится «теорий Маркса и Энгельса», если замечает «начатки» их даже в такой программе, в которой не заметно и следа их. Что нашел в ней Министр «негодного»? Вероятно, вопрос о формах государственного устройства и конституции.

Да, возьмите, Г. Министр, любой учебник географии и вы найдете там эти вопросы! Неужели взрослым рабочим нельзя знать того, чему учат ребят?

Но Г. Министр не надеется на лиц епархиального ведомства: «пожалуй, не поймет о чем говорят».

Кончается письмо перечислением «неблагонадежных» учителей в церковно-приходской воскресной школе при Московской фабрике Товарищества Прохоровской Мануфактуры, воскресной школы в г. Ельце и предполагаемой школы в т. Тифлисе. Г. Дурново советует Г. Победоносцеву заняться «тщательной проверкой лиц, допускаемых к занятиям в школах». Теперь, когда читаешь список учителей, волосы дыбом встают: все бывший студент, да бывший студент, да еще бывшая курсистка. Г. Министр желал бы, чтобы преподавателями были бывшие унтеры.

С особенным ужасом говорит Г. Министр, что школа в г. Ельце «помещается за рекой Сосной, где живет преимущественно простой «(о, ужас!) и мастеровой народ, и где находится железнодорожная «мастерская».

Подальше, подальше надо держать школы от «простого и мастерового люда».

Рабочие! Вы видите, как смертельно боятся наши Министры соединения знания с рабочим людом! Покажите же всем, что никакая сила не сможет отнять у рабочих сознания! Без знания рабочие — беззащитны, со знанием они — сила!

Ѣ.

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Написано в тюрьме в июне—июле 1896 г. [78].

Напечатано не было. Печатается с копии из бумаг В. И. Ленина.

А. (1). Все быстрее и быстрее развиваются в России фабрики и заводы, разоряя кустарей и крестьян, превращая их в неимущих рабочих, сгоняя все более и более народа в города, промышленные и фабричные села и местечки.

(2). Этот рост капитализма означает громадный рост богатства и роскоши среди кучки фабрикантов, купцов и капиталистов и еще более быстрый рост нищеты и угнетения рабочих. Вводимые крупными фабрикантами улучшения в производстве и машины, составляя повышение производительности общественного труда, служат к усилению власти капиталистов над рабочими, к увеличению безработицы, а вместе с тем и беззащитности рабочих.

(3). Но доводя до высшей степени гнет капитала над трудом, крупные фабрики создают особый класс рабочих, который получает возможность вести борьбу с капиталом, потому что самые условия его жизни разрушают все связи его с собственным хозяйством и, соединяя рабочих общей работой и перебрасывая их с фабрики на фабрику, сплачивают вместе массы рабочего люда. Рабочие начинают борьбу с капиталистами и среди них появляется усиленное стремление к об'единению. Из отдельных восстаний рабочих вырастает борьба русского рабочего класса.

(4). Эта борьба рабочего класса с классом капиталистов есть борьба против всех классов, живущих чужим трудом, и против всякой эксплоатации. Она может окончиться лишь переходом политической власти в руки рабочего класса, передачей всей земли, орудий, фабрик, машин, рудников в руки всего общества для устройства социалистического производства, при котором все производимое рабочими и все улучшения в производстве должны итти на пользу самих трудящихся.

(5). Движение русского рабочего класса к своей основной цели входит как часть в международное социал-демократическое движение рабочего класса всех стран.

(6). Главным препятствием в борьбе русского рабочего класса за свое освобождение является неограниченное самодержавное правительство с его безответственными чиновниками. Опираясь на привилегии землевладельцев и капиталистов, оно держит в полной бесправности

низшие сословия и связывает движение рабочих и задерживает развитие всего народа. Поэтому борьба русского рабочего класса за свое освобождение с необходимостью вынуждает борьбу против неограниченной власти самодержавного правительства.

Б. (1). Русская социал-демократическая партия об'являет своей задачей — помогать этой борьбе русского рабочего класса развитием классового самосознания рабочих, содействием их организации, указанием на задачи и цели борьбы.

(2). Борьба русского рабочего класса за свое освобождение есть борьба политическая и первой задачей ее является достижение политической свободы.

(3). Поэтому русская социал-демократическая партия, не отделяя себя от рабочего движения, будет поддерживать всякое общественное движение против неограниченной власти самодержавного правительства, против класса привилегированных дворян, землевладельцев и против всех остатков крепостничества и сословности, стесняющих свободу конкуренции.

(4). Напротив того, русская социал-демократическая партия будет вести войну со всеми стремлениями облагодетельствовать трудящиеся классы опекой неограниченного правительства и его чиновников и задержать развитие капитализма и следовательно и развитие рабочего класса.

(5). Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих.

(6). Русскому народу нужна не помощь неограниченного правительства и его чиновников, а освобождение от его гнета.

В. Исходя из этих воззрений, русская социал-демократическая партия требует прежде всего:

1. Созвания земского собора из представителей всех граждан для выработки конституции.

2. Всеобщего и прямого избирательного права для всех русских граждан, достигших 21 года, без различия вероисповедывания и национальности.

3. Свободы собраний, союзов и стачек.

4. Свободы печати.

5. Уничтожения сословий и равенства всех граждан перед законом.

6. Свободы вероисповедывания и равноправности всех национальностей. Передачи ведения метрик в руки самостоятельных гражданских чиновников, независимых от полиции.

7. Предоставления каждому гражданину права преследовать всякого чиновника перед судом без жалобы по начальству.

8. Отмены паспортов. Свободы передвижения и переселений.

9. Свободы промыслов и занятий и уничтожения цехов.

Г. Для рабочих русская социал-демократическая партия требует:

1. Учреждения промышленных судов во всех отраслях промышленности с выборными судьями от капиталистов *) и рабочих поровну.

2. Законодательного ограничения рабочего дня 8 час. в сутки.

3. Законодательного запрещения ночной работы и смен. Запрещения работы детей до 15 лет.

4. Законодательного восстановления прав **).

5. Распространения фабричных законов и фабричной инспекции на все отрасли промышленности во всей России и на казенные фабрики, а также на кустарей, работающих на дому.

6. Фабричная инспекция должна иметь самостоятельное положение и не находиться в министерстве финансов. Члены промышленных судов получают равные права с фабричной инспекцией по надзору за исполнением фабричных законов.

7. Безусловного запрещения повсюду расплаты товарами.

Надзор выборных от рабочих за составлением расценок, за браковкой товара и за расходом штрафных денег и за фабричными квартирами рабочих.

8. Закона о том, чтобы все вычеты из заработной платы рабочих, для какого бы предназначения они ни делались (штрафы, браковка и пр.) вместе взятые, не могли превышать 10 коп. с рубля.

9. Закона об ответственности фабрикантов за увечья рабочих с обязательством фабриканту доказывать, что вина на стороне рабочих.

10. Закона об обязанности фабрикантов содержать школы и давать медицинскую помощь рабочим.

Д. Для крестьян русская социал-демократическая партия требует:

1. Отмены выкупных платежей и вознаграждения крестьян за уплаченные выкупные платежи. Возвращения крестьянам излишне уплаченных в казну денег.

2. Возвращения крестьянам отрезанных от них в 1861 г. земель.

3. Полного равенства в податях и налогах с крестьянской и помещичьей земель.

4. Отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьян в распоряжении их землей ***).

---

*) В оригинале слово: „капиталистов" зачеркнуто карандашем и карандашем же сделана надпись: „пр-ей" предпринимателей). *Ред.*

**) В рукописи § 4 зачеркнут карандашем. *Ред.*

***) В оригинале в последнем пункте после слов: „круговой поруки" надписано сверху черными чернилами: „свободы выхода из общины". Внизу той же рукой и теми же чернилами приписано слово: „Кредит". *Ред.*

ПРОКЛАМАЦИИ ПЕТЕРБУРГСКОГО «СОЮЗА БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА» [77]

1895—1896 г.г.

К РАБОЧИМ И РАБОТНИЦАМ ФАБРИКИ ТОРНТОНА [78]).

Рабочие и работницы фабрики Торнтона!

6-ое и 7-ое ноября должны быть для всех для нас памятными днями. Ткачи своим дружным отпором хозяйской прижимке доказали, что в нашей среде в трудную минуту еще находятся люди, умеющие постоять за наши общие рабочие интересы, что еще не удалось нашим добродетельным хозяевам превратить вас окончательно в жалких рабов их бездонного кошелька. Будемте же, товарищи, стойко и неуклонно вести нашу линию до конца, будем помнить, что улучшить свое положение мы можем только общими дружными усилиями. Прежде всего, товарищи, не попадайтесь в ловушку, которую нам подстроили г.г. Торнтоны. Они рассуждают таким образом: «теперь время заминки в сбыте товаров, так что при прежних условиях работы на фабрике не получить нам нашего прежнего барыша... А на меньший мы не согласны... Стало быть, надо будет поналечь на рабочую братию, пусть-ка они своими боками поотдуваются за плохие цены на рынке... Только дельце это надо обстроить не кое-как, а с уменьем, чтобы рабочий по своей простоте и не понял, какую закуску мы ему подготавливаем... Затронь всех сразу,—сразу все и поднимутся, ничего с ними не поделаешь, а вот мы сначала об'-егорим бедняков-ткачишек, тогда и прочие не увернутся... Стесняться с этими людишками мы не привыкли, да и к чему? У нас новые метлы чище метут...». Итак, заботливые о благах рабочих хозяева потихоньку да полегоньку хотят приготовить для рабочих всех отделений фабрики такое же будущее, которое они уже осуществили для ткачей... Поэтому, если мы все останемся безучастны к судьбе нашего ткацкого отделения, то мы выроем своими собственными руками яму, в которую в скором времени швырнут и нас. Ткачи зарабатывали в последнее время, почитай что на круг, по 3 руб. 50 коп. в полумесяц, в течение этого же времени они ухищрялись жить семьями в 7 человек на 5 р., семьей же из мужа, жены и ребенка—всего на 2 р. Они поспустили последнюю одежонку, прожили последние гроши, приобретенные адским трудом в ту пору, когда благодетели Торнтоны наращивали миллионы на свои

миллионы. Но и этого всего было мало, и на их глазах выкидывались за ворота все новые и новые жертвы хозяйского корыстолюбия, а прижимка росла своим чередом с самой бессердечной жестокостью... В шерсть стали валить без всяких оговорок поллеса и кнопа, отчего страшно замедлялась выработка товара, проволочки на получение основы, будто ненароком, увеличились, наконец, стали прямо сбавлять рабочие часы, а теперь вводят куски из 5 шпиц вместо 9, чтобы ткач почаще возился с хлопотами по получению и заправке основ, за которые, как известно, он не получает ни гроша. Измором хотят извести ткачей и заработок к 1 р. 62 к. в полумесяц, который уже стал появляться в расчетных книжках некоторых ткачей, может стать в скором времени общим заработком ткацкого отделения.—Товарищи, хотите ли и вы дождаться такой хозяйской ласки? А если нет, если еще, наконец, не совсем окаменели ваши сердца таких же, как и мы, бедняков, сплотимтесь дружно около наших ткачей, выставим наши общие требования и при каждом удобном случае станем отвоевывать себе лучшую долю у наших угнетателей. Рабочие прядильного отделения — не самообольщайтесь устойчивостью и некоторым повышением вашего заработка... Ведь почти $^2/_3$ вашего брата уже рассчитаны с фабрики, и ваш лучший заработок куплен ценою голода выкинутых за ворота ваших же прядильщиков. Это опять-таки хитрая уловка хозяев и понять ее не трудно, если только подсчитать, сколько вырабатывало все льнопрядильное отделение прежде и сколько вырабатывает теперь.—Рабочие новой красильни! Вы вырабатываете ценой 14 с $^2/_4$ ч. ежедневного труда, пронизываемые с ног до головы убийственными испарениями красок, уже и теперь 12 р. в месяц. Обратите внимание на наши требования: мы хотим положить конец и тем незаконным вычетам, которые производятся с вас за неумелость вашего мастера.—Чернорабочие и вообще все неспециальные рабочие фабрики, неужели вы надеетесь удержать свои 60—80 к. поденных, когда специалисту-ткачу придется довольствоваться 20 к. в сутки?—Товарищи, не будьте слепыми, не попадайте в хозяйскую ловушку, крепче стойте друг за друга, иначе всем нам плохо придется в эту зиму. Самым зорким образом должны мы все следить за маневрами наших хозяев по части понижения расценок и сопротивляться всеми силами этому гибельному для нас стремлению... Будьте глухи ко всем их отговоркам в плохих делах: для них это только меньшая прибыль на их капитал, для нас—это голодные страдания наших семей, лишение последнего куска черствого хлеба, а разве можно положить то и другое на одни и те же весы? Теперь жмут в первую голову ткачей, и мы должны добиваться:

1) повышения ткацких расценок до их весенней величины, т.-е. приблизительно на 6 коп. на шпиц;

2) чтобы исполняли и для ткачей закон о том, что рабочему должна быть перед началом работы об'явлена величина того заработка, на который он идет. Пусть табель, подписанная фабричным инспектором, не будет только на бумаге, но и на деле, как того требует закон. Для ткацкой, например, работы должны быть к существующей расценке добавлены указания о качестве шерсти, количестве в ней поллеса и кнопа, должно быть просчитано время, идущее на подготовительную работу;

3) рабочее время должно быть распределено так, чтобы с нашей стороны не являлось невольных прогулок; теперь, например, подстроили так, что ткач на каждом куске теряет день на получение основы, а так как кусок станет меньше почти вдвое, то ткач и на этом будет нести, независимо от табели расценок, двойную потерю. Хочет у нас хозяин грабить заработок, так пусть идет в чистую, так чтобы мы твердо знали, что от нас хотят отжилить;

4) фабричный инспектор должен следить за тем, чтобы в расценках не было обмана, чтобы они не были двойными. Это значит, например, что в табели расценок не должно за один и тот же сорт товара, но только с различными названиями, допускать двух различных цен. Например, бибер мы ткали по 4 р. 32 к., а урал всего 4 р. 14 к.,—а разве по работе это не одно и то же? Еще более наглым надувательством является двойная цена работы при товаре одного наименования. Таким путем г.г. Торнтоны обходили законы о штрафах, в которых сказано, что штраф можно наложить только за такую порчу работы, которая зависела от небрежности рабочего, в таком случае вычет должен заноситься в рабочую книжку под графою штрафа не позже трех дней со дня его наложения. Все же штрафы вместе должны находиться в строгом отчете, и сумма, из них составленная, не может итти в карман фабриканта, а должна итти на нужды рабочих этой фабрики. А у нас—посмотрите в наши книжки—чисто, можно подумать, что наши хозяева изо всех хозяев предобрейшие. На самом же деле они обходят по нашему незнанию закон и ловко обстраивают свои делишки... Нас, видите ли, не штрафуют, а у нас производят вычет, платя по меньшей расценке, и пока существовали две расценки—меньшая и большая — придраться к ним никак нельзя, а они себе вычитают в свой карман;

5) вместе с введением одной расценки, пусть каждый вычет заносится в графу штрафов с обозначением, почему он произведен.

Тогда нам будет видна неправильная штрафовка, меньше будет пропадать даром нашего труда и уменьшится число таких безобразий, которые творятся в настоящее время, например, в красильной, где рабочие вырабатывали меньше по вине неумелого мастера, что по закону не может быть причиной неоплаты труда, так как тут небрежность рабочего не при чем. А мало ли у всех нас таких вычетов, в которых мы ничуть не виноваты?

б) мы требуем, чтобы за квартиру с нас брали столько, сколько брали до 1891 г., т.-е. по 1 р. с человека в месяц, потому что платить 2 рубля при нашем заработке положительно не из чего, да и за что?. За эту грязную, вонючую, тесную и опасную в пожарном отношении конуру? Не забывайте, товарищи, что во всем Питере плата по 1 руб. в месяц считается достаточной, только одни наши заботливые хозяева не довольствуются ею и мы должны их заставить прекратить и здесь свою алчность. Защищая свои требования, товарищи, мы вовсе не бунтуем, мы только требуем, чтобы нам дали то, чем пользуются уже все рабочие других фабрик по закону, что отняли у нас, надеясь лишь на наше неумение отстоять свои собственные права. Докажем же на этот раз, что наши «благодетели» ошиблись.

Написано и издано на гектографе в ноябре 1895 г.
Без подписи.

«РАБОЧИЙ ПРАЗДНИК 1-ого МАЯ» (19-го апреля по нашему) [79]).

Товарищи, посмотрим внимательно на наше положение, оглянемся на ту обстановку, где мы проводим свою жизнь. Что мы увидим? Мы работаем много, мы создаем несметные богатства, золото и ткани, парчу и бархат, добываем из недр земли железо и уголь, строим машины, сооружаем корабли и дворцы, проводим железные дороги. Все богатство мира создано нашими руками, добыто нашим потом и кровью. Какую же мзду получаем мы за наш каторжный труд? По справедливости мы должны бы жить в хороших квартирах, носить хорошее платье и уж во всяком случае не нуждаться в хлебе насущном. Но всем нам хорошо известно, что нашей заработной платы едва хватает на то, чтобы едва существовать. Наши хозяева понижают расценки, заставляют работать сверхсрочное время, несправедливо штрафуют, словом, притесняют нас всячески, а в случае неудовольствия с нашей стороны рассчитывают без рассуждения. Мы много раз убеждались, что все, к кому мы обращались за защитою, оказываются прислужниками и друзьями хозяев. Нас, рабочих, держат во тьме, нам не дают знания, чтобы мы не научились бороться за улучшение своего положения. Нас держат в неволе, прогоняют с работы, высылают и арестуют всякого, кто дает отпор притеснениям, нам запрещают бороться. Тьма и неволя—вот те средства, которыми держат нас в угнетении капиталисты и все делающее в угоду им правительство. Какое же есть у нас средство, чтобы улучшить свое положение, повысить заработную плату, сократить рабочий день, защититься от оскорблений, читать умные и полезные книги? Против нас все,—и хозяева (потому что им жить тем лучше, чем хуже нам), и все их прислужники, все те, кто живет подачками капиталистов и в угоду им держит нас в невежестве и неволе. Нам не откуда ждать помощи, мы можем надеяться только на самих себя. Наша сила в единении, наше средство — ДРУЖНОЕ, ЕДИНОДУШНОЕ И УПОРНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ — хозяевам. Они-то давно уже поняли, в чем наша сила, и всячески стараются раз'единить нас, не дать нам понять, что у нас, рабочих, одни общие интересы. Они понижают расценки, но

не всем сразу, а по одиночке; заводят старших, вводят поштучную плату, а сами, посмеиваясь в бороду, видя, как наш брат надрывается над работою, исподволь понижают наши расценки. Ну, да не все коту масляница. Всякому терпению бывает конец. В минувшем году русские рабочие показали своим хозяевам, что покорность рабов сменяется в них стойким мужеством людей, не поддающихся наглости жадных до дарового труда капиталистов. В разных городах возникало множество стачек: в Ярославле, Тейкове, Иваново-Вознесенске, Белостоке, Вильне, Минске, Киеве, Москве и др. городах. Большинство стачек кончилось удачно для рабочих; но и неудачные стачки неудачны только повидимому. На самом деле они страшно пугают хозяев, приносят им большие убытки и заставляют из страха перед новою стачкой итти на уступки. Фабричные инспектора тоже начинают суетиться и замечать бревна в глазу фабрикантов. Они бывают слепы до тех пор, пока рабочие стачкой не откроют им глаз. Где же в самом деле заметить фабричным инспекторам безобразия на фабриках таких влиятельных особ, как господин Торнтон или акционеры Путиловского завода? Наделали мы хлопот хозяевам и у нас в Петербурге. Стачка ткачей у Торнтона, папиросниц у Лаферма, у Лебедева, на фабрике механического производства обуви. волнения рабочих у Кенига, Воронина, в Порту и наконец недавние волнения в Сестрорецке показали, что мы перестали быть безответственными страстотерпцами и принялись за борьбу. Как известно, рабочие со многих фабрик и заводов образовали у нас СОЮЗ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА, с целью разоблачать все злоупотребления, искоренять безобразия, бороться с наглыми притеснениями и прижимками наших бессовестных эксплоататоров-хозяев и добиться полного освобождения от их власти. Союз распространяет листки, при виде которых трепещут сердца хозяев и их верных прислужников властей. Не листки им страшны, а возможность нашего дружного сопротивления, появления нашей могучей силы, которую мы им не раз показали. Мы, петербургские рабочие, члены «СОЮЗА», приглашаем остальных наших товарищей присоединиться к нашему «СОЮЗУ» и способствовать великому делу об'единения рабочих для борьбы за свои интересы.

Пора и нам, русским рабочим, разорвать цепи, которыми опутали нас капиталисты и правительство, чтобы держать в угнетении, пора нам присоединиться к борьбе наших братьев, рабочих других государств, стать с ними под общее знамя, на котором написано: РАБОЧИЕ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ...

Во Франции, Англии, Германии и др. странах, где рабочие уже об'-

единились в сильные союзы и завоевали себе много прав, они устраивают 19-го апреля (по заграничному 1-е мая) всеобщий праздник труда.

Бросив душные фабрики, они с музыкой и знаменами, стройными толпами проходят по главным улицам города; показывая хозяевам все возрастающую свою силу, они собираются на многочисленные и многолюдные собрания, где говорят речи, пересчитывая победы над хозяевами в минувшем году, и намечают планы борьбы в будущем. Под страхом стачки ни один фабрикант не штрафует рабочих за неявку в этот день на работу. В этот день рабочие также напоминают хозяевам свое главное требование: ограничение рабочего дня 8-ю часами—8 час. работы, 8 час. сна и 8 час. отдыха, вот о чем заявляют теперь рабочие других государств. Было время, и не так давно, когда они так же, как мы теперь, не имели права заявлять о своих нуждах, они так же были подавлены нуждой и раз'единены, как мы теперь. Но они упорной борьбой и тяжелыми жертвами завоевали себе право обсуждать сообща свое рабочее дело. Пожелаем же нашим братьям в других странах, чтобы борьба скорее привела их к желанной победе, к тому времени, когда не будет ни господ, ни рабов, ни рабочих, ни капиталистов, а все будут одинаково работать и одинаково разумно наслаждаться жизнью.

Товарищи, если мы будем дружно и единодушно соединяться, недалеко то время, когда и мы, сомкнув в стройные ряды свои силы, сможем открыто присоединиться к этой общей борьбе рабочих всех стран, без различия веры и племени, против капиталистов всего мира. И поднимется наша мускулистая рука и падут позорные цепи неволи, поднимется на Руси рабочий народ и затрепещут сердца капиталистов и правительства, которое всегда им усердно служит и помогает.

СОЮЗ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА.

19 апреля 1896-го года.

Написано в тюрьме.
Издано на гектографе.

ЦАРСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ [80]).

В настоящем 1896 году русское правительство вот уже два раза обращалось к публике с сообщением о борьбе рабочих против фабрикантов [81]). В других государствах такие сообщения не в редкость,—там не прячут того, что происходит в государстве, и газеты свободно печатают известия о стачках. Но в России правительство пуще огня боится огласки фабричных порядков и происшествий: оно запретило писать в газетах о стачках, оно запретило фабричным инспекторам печатать свои отчеты, оно даже перестало разбирать дела о стачках в обыкновенных судах, открытых для публики, одним словом оно приняло все меры, чтобы сохранить в строгой тайне все, что делается на фабриках и среди рабочих. И вдруг все эти полицейские ухищрения разлетаются, как мыльный пузырь, и правительство само вынуждено открыто говорить о том, что рабочие ведут борьбу с фабрикантами. Чем вызвана такая перемена? В 1895 году было особенно много рабочих стачек. Да, но стачки бывали и прежде, и однако правительство умело не нарушать тайны, и эти стачки проходили безгласно для всей массы рабочих. Нынешние стачки были гораздо сильнее предыдущих и сосредоточены в одном месте. Да, но и прежде бывали не менее сильные стачки, напр., в 1885—1886 годах в Московской и Владимирской губ. Но правительство все-таки еще крепилось и не заговаривало о борьбе рабочих с фабрикантами. Отчего же на этот раз оно заговорило? Оттого, что на этот раз на помощь рабочим пришли социалисты, которые помогли рабочим раз'яснить дело, огласить его повсюду, и среди рабочих и в обществе, изложить точно требования рабочих, показать всем недобросовестность и дикие насилия правительства. Правительство увидело, что становится совсем глупо молчать, когда все знают о стачках, и оно тоже потянулось за всеми. Листки социалистов потребовали правительство к ответу, и правительство явилось и дало ответ.

Посмотрим, каков был ответ.

Сначала правительство пыталось уклониться от гласного и публичного ответа. Один из министров, министр финансов ВИТТЕ, разослал

циркуляр фабричным инспекторам, и в этом циркуляре обзывал рабочих и социалистов «злейшими врагами общественного порядка», советовал фабричным инспекторам запугивать рабочих, уверять их, что правительство запретит фабрикантам делать уступки, указывать им на хорошие побуждения и благородный помысел фабрикантов, говорить о том, как фабриканты заботятся о рабочих и их нуждах, как фабриканты полны «хороших чувств». О самых стачках правительство не говорило, оно не сказало ни слова о том, из-за чего были стачки, в чем состояли безобразные притеснения фабрикантов и нарушения закона; чего добивались рабочие; одним словом, оно прямо-таки ИЗОЛГАЛО все бывшие летом и осенью 95-го года стачки, попыталось отделаться избитыми казенными фразами о насильственных и «противозаконных» действиях рабочих, хотя рабочие не делали насилий: насильничала одна только полиция. Министр хотел оставить этот циркуляр в тайне, но сами чиновники, которым он вверил ее, не сдержали тайну, и циркуляр пошел гулять в публике. Затем его напечатали социалисты. Тогда правительство, видя себя по обыкновению одураченным со своими всем известными «тайнами», напечатало его в газетах. Это было, как мы уже сказали, ответом на летние и осенние стачки 1895 г. Но вот весной 1896 года стачки повторились еще гораздо сильнее. К слухам о них присоединились листки социалистов. Правительство сначала трусливо молчало, выжидая, как кончится дело, и затем, когда уже восстание рабочих улеглось, оно выступило задним числом со своей канцелярской мудростью, как с запоздалым полицейским протоколом. На этот раз пришлось уже выступить открыто и притом всему правительству целиком. Его сообщение было напечатано в номере 158 «Правит. Вестника». На этот раз не удалось уже попрежнему изолгать рабочие стачки. Пришлось рассказать, как было дело, в чем состояли притеснения фабрикантов, чего требовали рабочие; пришлось признать, что рабочие вели себя «чинно». Таким образом рабочие отучили правительство от гнусной полицейской лжи: они заставили его признать правду, когда поднялись массой, когда воспользовались листками для оглашения дела. Это большой успех. Рабочие будут знать теперь, в чем состоит единственное средство добиться публичного заявления своих нужд, оповещения о борьбе рабочих всей России. Рабочие будут знать теперь, что ложь правительства опровергается только соединенной борьбой самих рабочих и их сознательным отношением, добиться своего права. Рассказавши, в чем было дело, министры стали придумывать отговорки, они стали уверять в своем сообщении, что стачки вызваны были только «особенностями бумагопрядильного и ниточного производства». Вот как! А

не особенностями всего российского ПРОИЗВОДСТВА, не особенностями ли русских государственных порядков, позволяющих полиции травить и хватать мирных рабочих, которые защищают себя от притеснений? Отчего же, добрые г.г. министры, рабочие читали на расхват и требовали листков, в которых говорилось совсем не о бумаге и нитках, а о бесправии русских граждан и о диком произволе правительства, прислуживающегося к капиталистам, нет, это новая отговорка, чуть ли еще не хуже, гнуснее той, которой отделывался в своем циркуляре министр финансов Витте, валивши все на «подстрекателей». Министр Витте рассуждает о стачке так же, как рассуждает о ней любой полицейский чиновник, получающий подачки от фабрикантов: пришли подстрекатели, явилась стачка. Теперь, увидев стачку 30 тысяч рабочих, все министры вместе принялись думать и додумались наконец, что не оттого бывает стачка, что являются подстрекатели-социалисты, а оттого являются социалисты, что начинаются стачки, начинается борьба рабочих против капиталистов. Министры уверяют теперь, что социалисты «потом» примкнули к стачкам. Это хороший урок для министра финансов Витте. Смотрите же, господин Витте, учитесь хорошенько! Учитесь разбирать вперед из-за чего вышла стачка, учитесь смотреть на требования рабочих, а не на донесения ваших полицейских крыс, которым вы сами ведь ни на грош не верите. Г.г. министры уверяют публику, что это только «злонамеренные личности» пытались придать стачкам «преступный политический характер» или, как они говорят в одном месте, «социальный характер». Г. г. министры хотели сказать социалистический, но по безграмотности или по канцелярской трусости, сказали социальный, и вышла бессмыслица: социалистический значит поддерживающий рабочих в борьбе с капиталом, а социальный значит просто общественный. Как же можно стачке придать общественный характер? Ведь это все равно, что придать министрам министерский чин! Вот это забавно! Социалисты придают стачкам политический характер! Да само правительство прежде всяких социалистов приняло все меры, чтобы придать стачкам политический характер. Не оно ли стало хватать мирных рабочих, точно преступников? Арестовывать и высылать? Не оно ли разослало повсюду шпионов и провокаторов? Не оно ли забирало всех, кто попадет под руку? Не оно ли обещало оказать помощь фабрикантам, чтобы они не уступали? Не оно ли преследовало рабочих за простые сборы денег в пользу стачечников? Правительство само лучше всех раз'яснило рабочим, что война их с фабрикантами должна быть войною неизбежно с правительством. Социалистам осталось только подтвердить это и опубликовать в листках. Вот

и все. Но русское правительство прошло уже огонь и воду в искусстве лицемерить, и министры постарались промолчать о том, какими средствами наше правительство «придавало политический характер стачкам», оно рассказало публике, какими числами были помечены листки социалистов, отчего не рассказало оно, какими числами были помечены приказы градоначальника и прочих башибузуков об аресте мирных рабочих, о вооружении войска, о посылке шпионов и провокаторов? Они перечислили публике, сколько было листков социалистов, отчего не перечислили они, сколько было схвачено рабочих и социалистов, сколько разоренных семей, сколько высланных и заключенных без суда в тюрьмы. Отчего? Да от того, что даже русские министры при всем их бесстыдстве, остерегаются говорить публично о таких разбойничьих подвигах. На мирных рабочих, восставших за свои права, защищавших себя от произвола фабрикантов, обрушилась вся сила государственной власти, с полицией и войском, жандармами и прокурорами против рабочих, державшихся на свои гроши и гроши их товарищей, английских, польских, немецких и австрийских рабочих, выступила вся сила государственной казны, обещав поддержку беднякам фабрикантам.

Рабочие были об'единены. Им нельзя было устроить сбор денег, привлечь другие города и других рабочих, их травили повсюду, они должны были уступить перед всей силой государственной власти. Господа министры ликуют, что правительство победило!

Хороша победа! Против 30 тысяч мирных рабочих, не имевших денег, вся сила власти, все богатство капиталистов! Министры поступили бы умнее, подождав хвастаться такой победой, а то их хвастовство очень уж напоминает хвастовство полицейского солдата, который похваляется тем, что ушел со стачки НЕ битым.

«Наущения» социалистов не имели успехов, — торжественно об'являет правительство, успокаивая капиталистов.—Да, никакие наущения,—ответим и мы на это,—не могли бы произвести и сотой доли того впечатления, которое произведено на всех петербургских, на всех русских рабочих поведением правительства в этом деле! Рабочие увидели ясно политику правительства замолчать рабочие стачки и изолгать их. Рабочие увидели, как их соединенная борьба заставила отбросить полицейскую лицемерную ложь. Они увидели, чьи интересы оберегает правительство, которое обещало поддержку фабрикантам. Они поняли, кто их настоящий враг, когда на них, не нарушающих закона и порядка, точно на неприятелей послали войско и полицию. Сколько бы ни толковали министры о безуспешности борьбы, но рабочие видят, как присмирели везде фабриканты, и знают, что правительство созывает уже фа-

бричных инспекторов совещаться о том, какие уступки надо сделать рабочим, ибо оно видит, что уступки необходимы. Стачки 1895—1896 годов не прошли даром. Они сослужили громадную службу русским рабочим, они показали, как им следует вести борьбу за свои интересы. Они научили их понимать политическое положение и политические нужды рабочего класса.

СОЮЗ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА.

Ноябрь 1896-го года.

Написано в тюрьме.
Издано на гектографе.

НОВЫЙ ФАБРИЧНЫЙ ЗАКОН

Написано в ссылке во второй половине 1897 г. [3].
Приложение написано в октябре 1897 г.
Напечатано отдельной брошюрой в изд. „Союза русских соц.-демократов", Женева 1899 г.

I.

Чем вызвано издание нового фабричного закона?

Второго июня 1897 года издан новый фабричный закон о сокращении рабочего дня на фабриках и заводах и об установлении праздничного отдыха. Петербургские рабочие давно уже ждали этого закона, который правительство обещало еще в 1896 году, напуганное массовой стачкой рабочих весной 1896 г. Вслед за этой массовой стачкой рабочих на бумаго-прядильных и бумаго-ткацких фабриках последовали другие стачки и везде рабочие требовали сокращения рабочего дня. Правительство отвечало на стачки дикими преследованиями, хватало и высылало без суда массы рабочих; правительство пыталось с перепугу повлиять на рабочих глупенькими фразами о христианской любви фабрикантов к рабочим (циркуляр министра Витте фабричным инспекторам, изданный в 1895—1896 г.г.) [83]). Но на эти фразы рабочие отвечали только смехом, и никакие преследования не могли остановить движения, охватившего десятки и сотни тысяч рабочих. Правительство поняло тогда, что необходимо уступить и исполнить хоть часть требований рабочих. Кроме зверской травли стачечников и лживо ханжеских фраз, петербургские рабочие получили в ответ обещание правительства издать закон о сокращении рабочего дня. Это обещание было заявлено рабочим с небывалой торжественностью в особых об'явлениях, расклеенных на фабриках от министра финансов. Рабочие с нетерпением ждали исполнения обещания, ждали закона к 19 апреля 1897 г., готовы были уже думать, что и это правительственное обещание, подобно массе правительственных заявлений, было грубой ложью. Но на этот раз правительство сдержало обещание: закон издан; но к а к о в этот закон,—мы увидим ниже. Теперь же нам надо рассмотреть те обстоятельства, которые заставили правительство исполнить обещание.

Вопросом о сокращении рабочего дня наше правительство занялось не с 1896 г., а гораздо раньше. Вопрос возбужден был 15 лет тому назад: еще в 1883 г. петербургские фабриканты ходатайствовали об издании подобного закона. Такие же ходатайства повторялись несколько

раз и другими фабрикантами (именно польскими), но все эти ходатайства клались под сукно, подобно массе других проектов об улучшении положения рабочих. С такими проектами русское правительство не торопится; они лежат под сукном десятки лет. Витте, когда дело идет о том, чтобы сделать подачку в несколько миллионов рублей г.г. русским благонамеренным землевладельцам, «ходатайствовавшим» о милостыньке из народных денег, или о том, чтобы назначить субсидию или премию «угнетенным» г.г. фабрикантам,—вот тогда русское правительство торопится и колеса чиновнических и министерских канцелярий вертятся очень быстро, как бы «подмазанные» каким-то особым «маслом». Относительно же рабочих не только проекты законов лежат под сукном годы и десятилетия (напр., проект об ответственности предпринимателей вот уже, кажется, второе десятилетие все еще «изготовляется»), но даже изданные уже законы не применяются, ибо чиновники императорского правительства совестятся беспокоить г.г. фабрикантов (напр., закон 1886 г. об устройстве больниц фабрикантами до сих пор в громадном большинстве случаев не применяется) Отчего же, спрашивается, на этот раз давно поднятый вопрос сразу получил движение? сразу был разрешен и проведен не в очередь чрез министерство и Государственный Совет? сразу получил вид законопроекта и сделался законом? Очевидно, была какая-то сила, которая толкала чиновников, которая встряхнула их, поборола их упорное нежелание «привязываться» с новыми требованиями к отечественным фабрикантам. Этой силой были петербургские рабочие и те громадные стачки, которые устроены были ими в 1895—1896 г.г. и которые сопровождались, благодаря помощи рабочим со стороны социал-демократов (в виде «Союза Борьбы»), пред'явлением определенных требований к правительству и распространением среди рабочих социалистических прокламаций и листков. Правительство поняло, что никакая полицейская травля не сломит рабочих масс, сознавших свои интересы, об'единившихся для борьбы и руководимых партией социал-демократов, защищающих рабочее дело. Правительство вынуждено было пойти на уступки. Новый фабричный закон точно так же в ы н у ж д е н рабочими у правительства, точно так же о т в о е в а н рабочими у их злейшего врага, как и изданный 11 лет тому назад закон 3 июня 1886 г. о правилах внутреннего распорядка, о штрафах, о расценке и т. д. Тогда борьба рабочих проявилась всего сильнее в Московской и Владимирской губерниях. Проявилась она тоже массой стачек, рабочие тоже пред'являли тогда прямые и точные требования к правительству, и во время знаменитой Морозовской стачки из толпы рабочих были переданы инспектору условия, со-

ставленные самими рабочими. В этих условиях говорится, напр., о том что рабочие требуют сокращения штрафов. Изданный вскоре после этого закон 3 июня 1886 г. прямо отвечал на эти требования рабочих и содержал в себе правила о штрафах *).

Так и теперь. Рабочие требовали в 1896 году сокращения рабочего дня, поддерживали свое требование громадными стачками. Правительство отвечает теперь на требование изданием закона о сокращении рабочего дня. Тогда, в 1886 году, правительство уступило рабочим под давлением рабочих восстаний и старалось свести уступки к наименьшим размерам, старалось оставить лазейки фабрикантам, задержать введение новых правил, отжилить у рабочих, что только можно из их требований. Теперь, в 1897 году, правительство уступает точно также только давлению рабочих восстаний и точно также стремится всеми силами уменьшить уступки рабочим, стремится выторговать, отжилить часик-другой, увеличивая даже тот рабочий день, который предложен фабрикантами, стремится оттягать в пользу фабрикантов несколько больше праздников, не вводя их в число дней обязательного отдыха, стремится затянуть введение новых порядков, откладывая главные правила до будущих распоряжений министров. Законы 3 июня 1886 г. и 2 июня 1897 года, эти главные фабричные законы в России, оба являются таким образом вынужденной уступкой, отвоеванной русскими рабочими у полицейского правительства. Оба они показывают, как относится русское правительство к самым законным требованиям рабочих.

II.

Что следует считать рабочим временем?

Рассмотрим подробно закон 2 июня 1897 г. **). Как мы уже сказали, новый закон, во-первых, ограничивает рабочий день для всех рабочих; во-вторых, устанавливает обязательный воскресный и праздничный отдых. Прежде, чем постановлять правила о количестве рабочего времени, закон должен определить, что собственно следует понимать под рабочим временем. Новый закон постановляет после этого такое правило: «Рабочим временем или числом рабочих часов в сутки для каждого рабочего считается то время, в течение которого, согласно до-

*) См. об этом брошюру „О штрафах“ (см. стр. 239—274 наст. издания. *Ред.*)

**) Вводится он в действие с ноября 1898 года.

говору найма, рабочий обязан находиться в помещении заведения и в распоряжении заведывающего оным для исполнения работы». Итак, все то время, когда рабочий по расписанию или по требованию управляющего находится в фабрике, должно считаться рабочим временем.

Занят ли рабочий в это время своей настоящей или обыкновенной работой, или управляющий заставляет его работать что-либо другое, или даже заставляет его просто ж д а т ь,—это безразлично: все время, проведенное рабочим на фабрике, должно считаться рабочим временем. Например, на некоторых фабриках после звонка в субботу рабочие чистят машины; по закону, чистка машин должна тоже считаться ч а с т ь ю р а б о ч е г о в р е м е н и. Следовательно, если фабрикант ничего не платит рабочему за чистку машин, то это значит, что фабрикант д а р о м п о л ь з у е т с я р а б о ч и м в р е м е н е м н а н я т о г о р а б о ч е г о. Если фабрикант, нанявши рабочего по сдельной плате, заставляет его ждать или отвлекает его от работы каким-нибудь сторонним делом без особой платы за это дело (всякий рабочий знает, что это случается нередко), то это значит, что фабрикант д а р о м п о л ь з у е т с я р а б о ч и м в р е м е н е м нанятого работника. Рабочим следует запомнить это определение рабочего времени в новом законе и, опираясь на него, давать отпор всякой попытке дарового употребления хозяином рабочей силы. Понятно, что такое определение рабочего времени должно вытекать само собой из договора найма: иному рабочему покажется, что это так ясно, что тут и говорить не о чем. Но правительство, прислуживаясь к капиталистам, нарочно затемняет многое такое, что для каждого рабочего само собой ясно. Так и тут правительство постаралось дать маленькую лазейку господам фабрикантам. В законе сказано, что рабочим временем считается то время, в течение которого рабочий п о д о г о в о р у н а й м а о б я з а н находиться на фабрике. А как быть в таком случае, когда в договоре найма ничего не сказано об обязанностях рабочего находиться столько-то часов в день на фабрике? Бывает ведь нередко, напр., на механических заводах, что договор рабочих с хозяином состоит только в том, что рабочие берутся за такую-то плату производить такую-то вещь (какую-нибудь принадлежность машины, известное число винтов или гаек и т. п.), а о времени, которое рабочий должен употребить на работу, н е г о в о р и т с я н и ч е г о. Применим ли в таком случае новый закон о числе рабочих часов в сутки? По здравому смыслу, конечно, применим, ведь рабочий работает на фабрике,—как же не считать это рабочим временем. Но «здравый смысл» у г.г. капиталистов и поддерживающего их правительства совсем особый. По букве выписанной нами статьи, к

таким случаям легко могут не применить закон о сокращении рабочего времени. Сошлется фабрикант на то, что в договоре он не о б я з ы в а л рабочего находиться на фабрике—и баста. А так как не всякий фабрикант такой искусный кляузник, чтобы заметить эту уловку, то чиновники министерства финансов поспешили заранее указать всероссийскому купечеству на эту полезную для них дырочку в новом законе. Министерство финансов давно уже издает особую газетку: «Вестник финансов, промышленности и торговли»,—одну из тех официальных газет, которые, сверх об'явления распоряжений правительства, стараются восхвалять успехи русских капиталистов и превозносить заботы правительства о кошельке банкиров, фабрикантов, купцов и землевладельцев под флагом забот о народе. Вскоре после выхода нового закона, эта газетка поместила статью о новом законе (№ 26 «Вестник финансов» за 1897 г.), подробно раз'ясняющую его значение и доказывающую, что роль именно правительства заботиться о здоровьи рабочих. Вот в этой-то статье чиновники и постарались указать фабрикантам на возможность лазейки в обход нового закона. В этой статье прямо раз'ясняется, что новый закон нельзя будет применить к тем случаям, когда в договоре не сказано ничего о рабочем времени, ибо при подряде рабочего на определенную работу «о н я в л я е т с я у ж е н е н а н и м а е м ы м р а б о ч и м, а л и ц о м, п р и н и м а ю щ и м з а к а з». Фабриканту, значит, не очень трудно избавиться от неприятного закона: стоит только назвать рабочего не рабочим, а «лицом, принимающим заказ»! Вместо того, чтобы сказать, что рабочим временем считается время, в течение которого р а б о ч и й н а х о д и т с я н а ф а б р и к е в распоряжении хозяина, закон, следовательно, н а м е р е н н о выразился менее точно, сказав о том времени, в течение которого рабочий п о д о г о в о р у о б я з а н находиться на фабрике. Казалось бы, что это все равно, но на самом деле и тут не побрезговали пустить в ход умышленную неясность в ущерб рабочим!

III.

Насколько сокращает рабочее время новый закон?

Рабочее время, при дневной работе, ограничено законом 2 июня 1897 г. 11½ ч. в сутки. По субботам же и в кануны праздников—10-ью часами в сутки. Сокращение рабочего дня, по новому закону, следовательно, самое ничтожное. Есть не мало рабочих, и в Петербурге их, вероятно даже большинство—для которых такой закон не приносит

никакого сокращения рабочего времени и скорее даже грозит удлинением его. На С.-Петербургских заводах обычное рабочее время 10—10½ часов. Установление законом такого непомерно длинного рабочего дня ясно показывает, что этот закон был ответом на требования петербургских рабочих на бумаго-прядильных и бумаго-ткацких фабриках. Для этих рабочих новый закон, может быть, дает сокращение рабочего дня, ибо они работали большей частью 12—14 часов в день (мы ниже об'ясним, почему мы говорим «может быть»). 10-тичасовой рабочий день назначен по закону для ремесленников и установлен для заводов, находящихся в ведении военного министерства. Правительство решило, однако, что фабричных рабочих можно еще заставить работать больше! Даже петербургские фабриканты ходатайствовали перед правительством о сокращении рабочего дня до 11 часов! Правительство решило накинуть еще полчасика в угоду московским фабрикантам, которые заставляют рабочих работать в две смены круглые сутки и которых рабочие еще недостаточно проучили, как видно Русское правительство, хвастливо заявляющее о своей заботливости к рабочим, оказалось на деле прижимистым, как мелкий торгаш. Оно оказалось более прижимистым, чем сами фабриканты, выбивающие с рабочих лишние тысячи из каждого лишнего получасика работы. На этом примере рабочие ясно могут видеть, как правительство не только защищает интересы фабрикантов, но притом интересы худших фабрикантов; как правительство является гораздо более злым врагом рабочих, чем класс капиталистов. Петербургские рабочие добились бы более короткого рабочего дня и для себя и для всех русских рабочих, если бы не помешало правительство. Об'единенные рабочие принудили фабрикантов к уступкам; петербургские фабриканты готовы были удовлетворить рабочие требования; правительство запрещает фабрикантам уступать, чтобы не подать примера рабочим. Затем большинство фабрикантов в Петербурге убеждается в необходимости уступить рабочим и обращается к правительству с ходатайством о сокращении рабочего дня до 11 часов. Правительство защищает, однако, интересы не одних петербургских, но всероссийских фабрикантов, и так как на святой Руси есть фабриканты гораздо более прижимистые, чем петербургские, то поэтому правительство, желая быть «справедливым», не может дозволить, чтобы петербургские фабриканты слишком мало грабили своих рабочих: петербургские фабриканты не должны очень забегать вперед перед остальными русскими фабрикантами; и правительство накидывает полчасика к тому рабочему дню, за который ходатайствовали капиталисты. Очевидно,

что из такого поведения правительства для рабочих вытекает три урока:

Первый урок: передовые русские рабочие должны изо всех сил стараться втянуть в движение более отсталых работников. Не втягивая в борьбу за рабочее дело всей массы русских рабочих, передовые, столичные рабочие немногого добьются, даже если принудят к уступкам с в о и х фабрикантов, ибо правительство отличается такой высокой степенью «справедливости», что не позволяет лучшим фабрикантам делать существенные уступки рабочим. Второй урок: русское правительство гораздо более злой враг русских рабочих, чем русские фабриканты, ибо правительство не только защищает интересы фабрикантов, не только прибегает для этой защиты к зверской травле рабочих, к арестам, высылкам, к нападениям с войском на безоружных рабочих, но, сверх того, оно защищает интересы с а м ы х п р и ж и м и с т ы х фабрикантов, восставая против стремления лучших фабрикантов уступать рабочим. Третий урок: для того, чтобы завоевать себе ч е л о в е ч е с к и е условия работы и добиться 8-часового рабочего дня, к которому стремятся теперь рабочие всего мира, русские рабочие должны полагаться только на силу своего об'единения и неуклонно отвоевывать у правительства уступку за уступкой. Правительство словно торгуется с рабочими, пробуя, нельзя ли набавить еще полчасика—рабочие покажут ему, что они умеют стоять на своих требованиях. Правительство точно испытывает терпение рабочих: нельзя ли, дескать, отделаться уступочкой подешевле—рабочие покажут ему, что у них хватит терпения на самую упорную борьбу, ибо это для них—борьба за свою жизнь, борьба против полного приниженья и угнетения рабочего народа.

IV.

Что считает закон „ночным временем“ для рабочих?

«Ночным временем считается: при работе одной сменой—время между 9 час. вечера и 5 час. утра, а при работе двумя и более сменами—время между 10 часами вечера и 4 часами утра». Так гласит новый закон. «Ночь» для черного народа, который должен всю жизнь работать для других, и «ночь» для чистых господ, которые могут жить чужим трудом—это по «закону» совсем различные вещи. И в С.-Петербурге, и в Москве в 4 час. утра бо́льшую часть года еще совсем темно, совсем ночь. Но русский закон постановляет, что рабочий должен сообразоваться всю жизнь с интересами капитала, рабочий должен

верить, что в пятом часу обязательно начинается день, хотя бы до восхода солнца оставалось еще несколько часов. А ведь если рабочий живет не на фабрике, то ему придется вставать в три часа, а может быть, и раньше, чтобы поспеть к четырем на фабрику. Для петербургских чиновников «день» начинается с 12 часов дня, даже с 1 часу, но ведь чиновники—это совсем особые люди... Кончается «день» для рабочих только в 10 часов вечера и, выходя с фабрики на совершенно темную улицу, рабочий не должен смущаться этой темнотой: он должен помнить и верить, что только-только кончился «день», ибо так постановляет закон. Почему бы уж не постановить в законе, что «день» для рабочего начинается тогда, когда фабричный свисток зовет его на фабрику, и кончается тогда, когда тот же свисток зовет другую смену—ведь это было бы откровеннее и справедливее! В Швейцарии уже есть закон о том, что следует считать новым временем для рабочего, но где же швейцарцам додуматься до всех хитростей русских полицейских чиновников: у этих страшных швейцарцев для рабочего человека «ночь» оказывается такая же, как и для остальных людей, именно с 8 часов вечера до 5 (или 6) час. утра. Единственное ограничение «ночной работы» в новом законе состоит в том, что рабочие, занятые хотя бы отчасти ночью, не должны работать более 10 часов в сутки. И только. Запрещения ночных работ в законе нет. Закон и в этом отношении остался позади ходатайств петербургских фабрикантов, которые 14 лет тому назад (1883 г.) ходатайствовали о запрещении ночной работы взрослым рабочим. Петербургские рабочие и в этом отношении добились бы, следовательно, большего от фабрикантов, если бы не помешало правительство, которое вступилось за интересы наиболее отсталых русских фабрикантов. Правительство не послушалось петербургских фабрикантов, ибо не желало обидеть московских фабрикантов, которые большею частью заставляют рабочих работать по ночам. Свое прислужничанье интересам худших фабрикантов правительство постаралось, как водится, прикрыть лживыми фразами и уверениями. «Вестник Финансов», издаваемый министерством финансов, в об'яснительной статье по поводу нового закона, указал, что в других государствах (напр., Франции) ночная работа воспрещена. Но в нашем законе нельзя было, по его словам, этого сделать. «Ограничение суточной работы заведения не всегда возможно: есть целый ряд производств, требующих, по своим свойствам, непрерывности».

Очевидно, что это совсем пустая отговорка. Ведь речь идет не о тех особых производствах, которые требуют непрерывности, а о всех

производствах вообще. Непрерывность и по теперешнему закону невозможна при 2 сменах, без сверхурочной работы, так как дневная работа определена в 11½ часов, а ночная в 10 часов, вместе 21½ ч. Поэтому насчет производств, требующих непрерывности, все равно в новом законе предусмотрены исключения (т.-е. особые министерские правила, о которых мы скажем ниже). Значит, ровно никакой «невозможности» запретить ночные работы не было. Мы уже сказали, что правительство хочет выставить себя заботящимся о здоровьи рабочих; вот как говорит министерство финансов о ночной работе: «Ночные работы, бесспорно, более утомительны, вредны для здоровья и вообще менее естественны, нежели работы при дневном свете; вред этой работы тем больше, чем она продолжительнее и постояннее. Казалось бы, что, ввиду вредности ночных работ, лучше всего запретить их и взрослым рабочим (как это воспрещается женщинам и подросткам обоего пола в некоторых производствах, а малолетним безусловно), но для этого нет никаких оснований даже с точки зрения общего благосостояния рабочего; умеренный ночной труд безвреднее для него, нежели слишком продолжительная, но одинаково оплачиваемая дневная работа». Вот как хорошо умеют отводить глаза народу чиновники русского правительства. Даже защита интересов худших из фабрикантов выставляется заботой о «благосостоянии рабочего». И как бесстыдно то оправдание, которое придумано министерством: «умеренный ночной труд», изволите видеть, «безвреднее, чем слишком продолжительная, но оплачиваемая одинаково, дневная работа». Министерство хочет сказать, что рабочего вынуждает итти на ночную работу низкая заработная плата, такая низкая плата, при которой р а б о ч е м у нельзя обойтись без непомерно длинной работы. И вот министерство, уверенное, что это всегда так останется, что рабочему не добиться лучшей платы, цинично об'-является: если рабочему приходится работать безобразно долго, чтобы прокормить семью, то не все ли ему равно уж, днем работать лишние часы или ночью? Конечно, если останутся прежние нищенские заработки у большинства русских рабочих, то нужда заставит их работать лишние часы, но какое же нахальство нужно, чтобы об'яснять разрешение ночной работы забитым положением рабочего! «Оплачиваться труд будет одинаково»—вот в чем суть для прислужников капитала,— «а при теперешней оплате труда рабочему не обойтись без лишних часов». И подобные чиновники, сочиняющие кулацкие доводы для прижимистых фабрикантов, смеют еще говорить о «точке зрения общего благосостояния рабочего». Не напрасно ли только они надеются на то, что рабочий всегда будет таким забитым? всегда станет соглашаться

на «одинаковую оплату», именно прежнюю нищенскую оплату его труда? Низкая плата и длинный рабочий день всегда идут рядом и одно без другого невозможно. Если плата низка, то рабочему необходимо придется работать лишние часы, работать и по ночам, чтобы выработать себе на прокормление. Если рабочее время непомерно длинно, то плата всегда будет низка, потому что при длинном рабочем времени рабочий вырабатывает в каждый час изделий меньше и гораздо хуже, чем при коротком рабочем дне;—потому что рабочий, задавленный непомерной работой, всегда будет оставаться забитым и бессильным против гнета капитала. Поэтому, если министерство русских фабрикантов предполагает сохранение в неизменности теперешней безобразно низкой заработной платы русских рабочих и в то же время толкует о «благосостоянии рабочих», — то это яснее ясного показывает лицемерие и ложь его фраз.

V.

Как доказывает министерство финансов, что ограничить сверхурочные работы было бы „несправедливо“ по отношению к рабочему?

Мы назвали новый закон законом о сокращении рабочего дня. Мы говорили выше, что новый закон ограничил рабочий день 11-ю с половиною часами (10 часов при ночной работе). Но все это на деле обстоит не так, а гораздо хуже. Закон постановляет все ограничения только относительно обычной, нормальной, урочной работы, не касаясь работы сверхурочной. На деле поэтому фабрикант нисколько не стеснен в своем «праве» заставлять рабочих работать бесконечно долгое время, хотя бы по 24 часа в сутки. Вот как говорит закон о сверхурочных работах: «Сверхурочною считается работа, производимая рабочим в промышленном заведении в такое время, когда по правилам внутреннего распорядка ему не полагается работы. Сверхурочная работа допускается не иначе, как по особому соглашению заведывающего промышленным заведением с рабочим. В договор найма могут быть включены условия только о таких сверхурочных работах, которые оказываются необходимыми по техническим условиям производства». Это—чрезвычайно важная статья в новом законе и вся она направлена целиком против рабочих и дает полный простор произволу фабриканта. До сих пор сверхурочные работы велись по обычаю; закон о них не говорил. Теперь правительство узаконило эти сверхурочные работы. Добавление закона, что для этих работ требуется

«особое соглашение» рабочего с хозяином, есть пустая и совершенно бессмысленная фраза. Все работы производятся рабочими «по соглашению» с хозяевами; рабочие ведь не крепостные (хотя очень многие из русских чиновников и желали бы всеми силами превратить их в крепостных); они работают по найму, т.-е. по соглашению. Не к чему было и говорить, что для сверхурочных работ требуется соглашение. Правительство вставило в закон эту пустую фразу, чтобы сделать вид, будто оно хочет ограничить сверхурочные работы. На самом же деле тут нет ровно никакого ограничения их; как прежде хозяин говорил рабочему: «хочешь—работай сверх срока; не хочешь—получай расчет!», так и теперь будет говорить. Только до сих пор это делалось по обычаю, а теперь будет делаться на основании з а к о н а. Прежде фабрикант, рассчитывая рабочего за несогласие на сверхурочные работы, не мог опереться на закон, а теперь закон прямо подсказывает ему, как он может теснить рабочих. Вместо ограничения сверхурочных работ, эта статья закона легко может привести к еще большему употреблению их. Закон дает даже право хозяину включать в договор требование сверхурочных работ, когда эти работы «необходимы по техническим условиям производства». Оговорка эта нисколько не стеснит фабриканта. Как разобрать, какие работы «необходимы по техническим условиям производства», какие—не необходимы? Кто будет это разбирать? Как можно опровергнуть заявление хозяина, который говорит, что работа, на которую он поставил рабочего сверх урока, «необходима по техническим условиям производства». Никто этого разбирать не будет, проверить заявление хозяина некому. Закон только у к р е п и л произвол хозяев, подсказав им о с о б о н а д е ж н ы й способ притеснять рабочих.

Теперь, стоит только хозяину внести в условия договора правило, что рабочий не вправе отказываться от сверхурочной работы, «необходимой по техническим условиям производства», и дело фабриканта в шляпе! Попробует рабочий не пойти на сверхурочную работу,—его прогонят. А там (подумает фабрикант) пусть находится рабочий, который станет доказывать, что эта работа не была «необходима по техническим условиям производства»! Смешно и представить себе возможность подобной жалобы со стороны рабочего. Нечего и говорить, что никогда таких жалоб не будет и никогда бы они ни к чему не повели. Таким образом, правительство вполне узаконило произвол фабрикантов по отношению к сверхурочной работе. До какой степени торопится министерство финансов прислужить фабрикантам и научить их пользоваться пошире сверхурочными работами, прикрываясь новыми зако-

нами,—это особенно видно из следующего рассуждения «Вестника финансов»: «Сверхурочные работы необходимы также при срочных заказах, которых вовсе не может предвидеть фабрикант или заводчик *) в производствах, приуроченных к определенным, кратким периодам времени, если для владельца заведения невозможно или затруднительно увеличить число рабочих».

Видите, как успешно «толкуют» закон ретивые лакеи фабрикантов, сидящие в министерстве финансов! В законе говорится только о сверхурочных работах, необходимых по техническим условиям, а министерство финансов спешит признать «необходимыми» сверхурочные работы и по условиям «непредвиденных» (?!) заказов и даже при «затруднительности» для фабриканта увеличить число рабочих! Это уж просто какое-то издевательство над рабочими! Ведь всякий ловкий фабрикант всегда может сказать, что ему «затруднительно». Увеличить число рабочих—значит, нанять новых,—значит, уменьшить число толпящихся у ворот безработных,—значит, уменьшить соперничество между рабочими, сделать рабочих более требовательными, согласиться, пожалуй, на более высокую плату. Само собой разумеется, что нет ни одного фабриканта, который бы не нашел это для себя «затруднительным». Подобный произвол фабриканта в назначении сверхурочной работы уничтожает всякое значение закона о сокращении рабочего дня. Никакого сокращения для целой массы рабочих не произойдет, ибо они по-прежнему будут работать по 15—18 часов и более, оставаясь на фабрике и по ночам для сверхурочной работы. Нелепость закона о сокращении рабочего дня без запрещения (или, по крайней мере, ограничения) сверхурочных работ, до того очевидна, что во всех предварительных проектах закона было предположено ограничить сверхурочные работы. С.-петербургские фабриканты (сами фабриканты!) еще в 1883 г. ходатайствовали о том, чтобы ограничить сверхурочные работы одним часом в день. Когда правительство, напуганное петербургскими стачками 1895—1896 г.г., назначило немедленно комиссию для составления закона о сокращении рабочего дня, то эта комиссия предложила тоже ограничить сверхурочные работы, именно 120 часами сверхурочной работы в году **). Откинув все предположения о каком бы то ни было ограничении сверхурочной работы, правитель-

*) Старая песенка! Каждый год русские фабрики — особенно центрального района—получают перед нижегородской ярмаркой срочные заказы, и каждый год они торжественно уверяют всех дураков, которые им верят или притворяются верующими, что они не могли предвидеть этого!..

**) Даже само министерство финансов, об'ясняя новый закон, не могло не признать, что „допущение сверхурочной работы является как бы неуместным“ („В. Ф.“) [83].

ство прямо взяло на себя этим поступком защиту интересов худших фабрикантов, прямо узаконило полное подчинение рабочих и с полной ясностью выразило свое намерение оставить все по-старому, отделавшись ничего не говорящими фразами. Министерство финансов, распинаясь за интересы фабрикантов, дошло до того, что принялось доказывать, будто бы ограничить сверхурочные работы было бы «несправедливо по отношению к самому рабочему». Вот эти рассуждения, над которыми полезно подумать каждому рабочему. «Лишение рабочего права работать на фабрике свыше определенного числа часов в сутки было бы трудно осуществимо на практике» (почему? потому что фабричные инспектора пресквернo исполняют свои обязанности, боясь пуще огня обидеть г.г. фабрикантов? потому что при бесправии и безгласности русского рабочего все реформы в его пользу трудно осуществимы? Министерство финансов, само того не ведая, сказало правду: действительно, покуда русские рабочие, как и весь русский народ, остаются бесправными перед полицейским правительством, покуда они не имеют политических прав,—никакие реформы не будут действительны)... «и являлось бы несправедливым по отношению к рабочему: нельзя преследовать человека за то, что он изыскивает средства к существованию, напрягает свои силы иногда даже свыше того предела, за которым его труд может оказаться вредным для здоровья». Вот как гуманно и человеколюбиво русское правительство! Кланяйся и благодари, русский рабочий! Правительство так милостиво, что «не лишает» тебя «права» работать хоть по 18, хоть по 24 ч. в сутки, правительство так справедливо, что не хочет тебя преследовать за то, что фабрикант заставляет тебя надрываться над работой! Во всех других странах п р е с л е д у ю т за работу на фабрике сверх указанного срока не рабочего, а фабриканта... наши чиновники позабыли об этом. Да и как могут русские чиновники решиться п р е с л е д о в а т ь г.г. фабрикантов! Помилуйте, как это возможно! Мы сейчас увидим, что даже за нарушения всего этого нового закона г.г. фабрикантов не будут преследовать. Во всех других странах рабочие имеют право для «изыскания средств к существованию» устраивать союзы, кассы, открыто сопротивляться фабриканту, предлагать ему свои условия, устраивать стачки. У нас этого не полагается. Но зато у нас рабочим даровано «право» работать «свыше» какого угодно числа часов в сутки. Отчего же не добавили эти гуманные чиновники, что справедливое правительство «не лишает» также русских рабочих «права» попасть в тюрьму без суда или быть избитым любым полицейским башибузуком за всякую попытку отстоять себя от гнета капиталистов.

VI.

Какие права дает новый закон министрам?

Мы показали выше, что по самым существенным пунктам новый закон не установил никаких общеобязательных, точных и неизменных правил: правительство предпочло предоставить побольше прав администрации (именно министрам), чтобы они могли вводить всякие постановления и льготы для фабрикантов, могли тормозить применение нового закона и т. д. Права, которые дает новый закон министрам, чрезвычайно широки и велики. Министрам (именно министру финансов или министру путей сообщения и т. п. по соглашению с министром внутренних дел) «предоставлено» издавать подробные правила о применении нового закона. На полное усмотрение министров предоставлена целая масса вопросов, касающихся всех статей нового закона во всех и всяческих отношениях. Права министров так велики, что они в сущности являются полными распорядителями нового закона; хотят— издают такие правила, чтобы закон действительно применялся; хотят— делают так, что закон никакого почти применения не получит. В самом деле, посмотрите, какие именно правила могут издавать министры «в развитие настоящего узаконения» (так выражается закон; мы уже видели, как остроумно умеет «развивать» закон министерство финансов—так разовьет, что рабочим же приходится, по его мнению, благодарить правительство за то, что оно не преследует их за чрезмерную работу и не «лишает их права» работать хоть по 24 часа в сутки). Мы перечислили бы все разряды этих правил, если бы это было возможно, но дело в том, что кроме указанных в законе вопросов, подлежащих разрешению в министерских правилах, закон дает им право издавать и другие правила, без всякого ограничения. Министрам предоставлено издавать правила о продолжительности работы. Значит, закон о продолжительности работы одно дело, а там еще будут министерские правила о том же. Министры могут издавать правила о порядке смен, а могут, конечно, и не издавать, чтобы не стеснять фабрикантов. Министрам предоставлено издавать правила о числе комплектов (т.-е. о числе смен, о том, сколько смен может быть в сутки); о перерывах и т. п. Это закон добавляет: и т. п. (и тому подобные), т.-е., что хотите, то и издавайте. Не захотят министры—не будет никаких правил о перерывах, и фабриканты будут так же, как теперь, притеснять рабочих, не давая им возможности сходить домой пообедать или матерям—накормить детей. Министрам предоставлено издавать правила о сверхурочных работах, именно: об их производстве, об их распределе-

нии и об их учете. Министры, следовательно, имеют тут полный простор. Министры могут прямо изменять требования закона, т.-е. и усиливать их и уменьшать (закон нарочно оговорил именно право министров уменьшать требования нового закона относительно фабрикантов) в трех случаях: во-первых, «когда сие будет признано необходимым по свойству производства (непрерывность и проч.)». Это «и прочее» опять добавляет закон, давая министрам право ссылаться на какие угодно «свойства производства». Во-вторых, «по свойству работ (уход за паровыми котлами, приводами, ремонт текущий и экстренный и т. п.)». Опять таки «и тому подобные»! В-третьих, «и в других особо важных исключительных случаях». Затем министры могут определять, какие производства особенно вредны для здоровья рабочих (а могут и не определять: закон их не обязывает это сделать, а только предоставляет им право..., хотя это право они и раньше имели, но не желали им пользоваться!) и издавать для этих производств особые правила. Рабочие видят теперь, почему мы сказали, что нельзя перечислить те вопросы, разрешить которые предоставлено министрам: в законе везде наставлено здесь: «и т. п.» да «и пр.». Русские законы можно вообще разделить на два разряда: одни законы, которыми предоставлены какие-нибудь права рабочим и простому народу вообще, другие законы, которые запрещают что-либо и позволяют чиновникам запрещать. В первых законах все, самые мелкие права рабочих перечислены с полной точностью (даже, напр., право рабочих не являться на работу по уважительным причинам) и ни малейших отступлений не полагается под страхом самых свирепых кар. В таких законах никогда уже вы не встретите ни одного «и т. п.» или «и пр.». В законах второго рода всегда даются только общие запрещения без всякого точного перечисления, так что администрация может запретить все, что ей угодно; в этих законах всегда есть маленькие, но очень важные добавления: «и т. п.», «и пр.». Такие словечки наглядно показывают всевластие русских чиновников, полное бесправие народа перед ними; бессмысленность и дикость той поганой канцелярщины и волокиты, которая пронизывает насквозь все учреждения императорского русского правительства. Любой закон, от которого может быть хоть крупица пользы, всегда опутывается до такой степени этой канцелярщиной, что применение закона бесконечно затягивается; и мало того: применение закона оставляется на полное усмотрение чиновников, которые, как всякий знает, готовы от души «услужить» всякой набитой мошне и напакостить, как только возможно, простому народу. Ведь все эти правила «в развитие настоящего узаконения» ми-

нистрам только предоставлено издавать, т.-е. они могут издать, а могут и не издавать. Закон их ни к чему не обязывает. Закон не назначает срока: могут издать теперь же, а могут и через десять лет. Понятно, что тот перечень некоторых правил, которые указаны в законе, теряет при этом всякий смысл и всякое значение: это—пустые слова, только прикрывающие желание правительства обессилить закон в его практическом применении. Громадные права предоставляются нашим министрам почти всяким законом, касающимся рабочего быта. И мы вполне понимаем, почему правительство так делает: оно хочет как можно больше прислужиться г.г. фабрикантам. На чиновника, применяющего закон, фабриканту ведь гораздо легче повлиять, чем на самое издание закона. Всякий знает, как легко попадают наши тузы-капиталисты в гостиные г.г. министров для приятных бесед друг с другом, как приятельски утощаются они на своих обедах; как любезно подносят продажным чиновникам императорского правительства подачки в десятки и сотни тысяч рублей (делается это и прямо, в виде взяток, и косвенно, в виде предоставлений акций «учредителям» обществ или в виде предоставления почетных и доходных мест в этих обществах) Таким образом, чем больше прав предоставит новый закон чиновникам относительно применения этого закона, тем выгоднее и для чиновников, и для фабрикантов: для чиновников выгода в том, что можно еще хапнуть; для фабрикантов в том, что можно легче добиться льгот и поблажек. Напомним рабочим для примера два случая, показывающих, к чему приводят на деле эти министерские правила, издаваемые «в развитие закона». Закон 3 июня 1886 г. постановлял, что штрафы—это деньги рабочих, которые должны расходоваться на их нужды. Министр «развил» этот закон так, что в С.-Петербурге, напр., он не применялся целых десять лет, а когда стал применяться, то все дело отдали в руки фабриканта, от которого рабочий должен просить свои деньги как подачку. Другой пример. Тот же закон (3 июня 1886 г.) постановляет, что расплата должна производиться не реже двух раз в месяц, а министр «развил» этот закон так, что фабриканты имеют право полтора месяца задерживать плату новопоступившему рабочему. Всякий рабочий прекрасно понимает после этого, для чего и на этот раз предоставлено министрам право «развивать» закон. Фабриканты тоже это прекрасно понимают и уже пустили в ход свои средства. Мы видели выше что министрам «предоставлено» издавать правила о сверхурочных работах. Фабриканты уже начали давить на правительство, чтобы оно не ограничивало сверхурочной работы. Газета «Московские Ведомости», которая так ретиво защищает всегда интересы худших фабри-

кантов, так настойчиво подуськивает правительство на самые зверские и жестокие поступки и которая пользуется таким громадным влиянием «в высших сферах» (т.-е. в среде высших чиновников, министров и т. п.),—эта газета открыла уже целый поход, настаивая на том, что не следует ограничивать сверхурочной работы. У фабрикантов есть тысячи способов давить на правительство: у них есть свои общества и учреждения, фабриканты заседают во многих правительственных комиссиях и коллегиях (напр., фабричном присутствии и т. п.), фабриканты имеют лично доступ к министрам, фабриканты могут сколько угодно печатать о своих желаниях и требованиях, а печать имеет громадное значение в настоящее время. У рабочих же нет никаких законных средств давить на правительство. Рабочим остается только одно: соединяться вместе, распространять сознание своих интересов, как одного класса, среди всех рабочих и давать соединенными силами отпор правительству и фабрикантам. Всякий рабочий видит теперь, что применение нового закона целиком зависит от того, кто сильнее будет давить на правительство: фабриканты или рабочие. Только борьбой, сознательной и стойкой борьбой добились рабочие издания этого закона. Только борьбой могут они добиться того, чтобы этот закон действительно применялся и применялся в интересах рабочих. Без упорной борьбы, без стойкого отпора об'единенных рабочих каждому притязанию фабрикантов, новый закон остается пустой бумажкой, одной из тех нарядных и лживых вывесок, которыми наше правительство старается подкрасить прогнившее насквозь здание полицейского произвола, бесправия и угнетения рабочих.

VII.

Как наше „христианское“ правительство урезывает праздники для рабочих.

Кроме правила о рабочем времени новый закон содержит также правило об обязательном воскресном и праздничном отдыхе фабричных и заводских рабочих. Пресмыкающиеся писаки, которых так много среди русских газетчиков и журналистов, поспешили уже восхвалить за это правило превыше небес наше правительство и его гуманность. Мы увидим сейчас, что на деле этот гуманный закон стремится урезать праздники для рабочих. Но сначала рассмотрим общие правила о воскресном и праздничном отдыхе. Заметим прежде всего, что об установлении воскресного и праздничного отдыха законом ходатайствовали петербургские фабриканты 14 лет тому назад (в 1883 г.). Значит, рус-

ское правительство и тут только тормозило и тянуло дело, сопротивляясь реформе, доколе было возможно. По закону, в расписание праздников, в которые не полагается работы, обязательно включаются все воскресенья и затем еще 14 праздников, о которых мы еще будем говорить подробно ниже... Работу в праздник закон запрещает не безусловно, но допущение ее ограничено следующими условиями: необходимо, во-первых, «взаимное соглашение» фабриканта и рабочих; во-вторых, работа в праздничный день допускается «взамен буднего»; в-третьих, о состоявшемся соглашении насчет замены праздника буднем необходимо сообщить немедленно фабричной инспекции. Таким образом работа в праздники ни в каком случае не должна, по закону, уменьшить число дней отдыха, ибо фабрикант обязан заменить рабочий праздник нерабочим буднем. Рабочим следует всегда иметь это в виду, а также то, что закон требует для такой замены взаимного соглашения фабриканта и рабочих. Значит, рабочие всегда могут на вполне законном основании отказаться от такой замены и фабрикант их принуждать не вправе. На деле, конечно, фабрикант и тут будет принуждать рабочих посредством такого приема: они станут спрашивать рабочих по одиночке об их согласии, и каждый рабочий побоится отказаться, опасаясь, как бы несогласного не рассчитали; такой прием фабриканта будет, конечно, незаконен, ибо закон требует соглашения рабочих, т.-е. всех рабочих вместе. Но каким же образом могут все рабочие одного завода (их иногда несколько сот, даже тысяч, разбросанных по многим местам) заявить о своем общем согласии? Закон этого не указал и этим опять-таки дал в руки фабриканта средство прижать рабочих. Чтобы не допустить такой прижимки, у рабочих есть одно средство: требовать в каждом таком случае выбора депутатов от рабочих для передачи хозяину общего решения всех рабочих. Такое требование рабочие могут основывать на законе, ибо закон говорит о соглашении всех рабочих, а все рабочие не могут же говорить сразу с хозяином. Учреждение выборных депутатов от рабочих будет для них, вообще, очень полезно и пригодится для всяких других сношений с фабрикантом и с конторой, так как отдельному рабочему очень трудно и часто даже вовсе невозможно заявлять требования, претензии и т. п. Далее, про рабочих «инославных исповеданий» закон говорит, что для них «разрешается» не вносить в список праздников те дни, которые не чтутся их церковью. Но ведь зато есть другие праздники, которые чтутся католиками и которых нет у православных. Закон об этом умолчал, попытавшись, следовательно, несколько прижать неправославных рабочих. Еще сильнее прижимка рабочих не-хри-

стиан: для них, по закону, «допускается» вносить в праздники другие дни недели вместо воскресенья. Только «допускается»! Наше христианское правительство так дико травит лиц, не принадлежащих к господствующей религии, что возможна, пожалуй, и здесь попытка притеснить не-христиан посредством неясности закона. Закон же выразился тут очень темно. Надо понимать его так, что один день в неделе обязательно должен быть днем отдыха и допускается лишь замена воскресенья другим днем. Но и «господствующая» религия дает поблажку только «господам», а для рабочего человека она тоже не упустит случая придумать всякую каверзу. Посмотрим-ка, какие праздники требует закон вносить обязательно в расписание. Хорошо ведь это говорить об установлении воскресного и праздничного отдыха; на деле и до сих пор рабочие не работали обыкновенно, в большинстве случаев ни в воскресенья, ни в праздники. Закон может ведь так установить праздничный отдых, что число обязательных праздников окажется гораздо ниже обычных праздников. Именно так и сделало в новом законе наше христианское правительство. Обязательных праздников новый закон установил 66 в году, 52 воскресенья, 8 праздников в числах (1 и 6 января, 25 марта, 6 и 15 августа, 8 сентября, 25 и 26 декабря) и 6 праздников передвижных (пятница и суббота страстной недели, понедельник и вторник пасхи, вознесение и сошествие святого духа). А сколько было до сих пор на наших фабриках обычных праздничных дней в году? Точные сведения об этом имеются в нашем распоряжении по Московской и Смоленской губерниям, да и то только для некоторых фабрик. Но так как различия между отдельными фабриками и даже между обеими губерниями очень не велики, то эти сведения вполне пригодны для суждения о настоящем значении нового закона. По Московской губернии сведения собраны были о 47 крупных фабриках, имеющих вместе свыше 20 т. рабочих. Оказалось, что для ручных фабрик обычное число праздников в году 97, а для механических 98. Самое меньшее число праздников в году оказалось 78: эти 78 дней празднуются во всех без исключения исследованных фабриках. По Смоленской губернии сведения есть о 15 фабриках, имеющих около 5—6 тысяч рабочих. Среднее число праздников в году—86, т.-е. почти столько же, сколько и в Московской губернии; самое меньшее число праздников найдено было на одной фабрике с 75 праздниками. Этому обычному на русских фабриках числу праздничных дней в году соответствовало и число праздников, установленных в заводах, подчиненных военному ведомству; именно, там установлено 88 праздников в году. Почти столько же дней при-

знается по нашим законам неприсутственными (87 дней в году). Следовательно, о б ы ч н о е число праздников в году было до сих пор у рабочих такое же, как и у остальных граждан. Наше «христианское правительство», заботясь о здоровьи рабочих, выкинуло из этих обычных праздников четвертую часть, целых 22 дня, оставив только 66 обязательных праздников. Перечислим эти откинутые правительством в новом законе обычные праздники. Из праздников в числах откинуты: 2 февраля—Сретение; 9 мая—Николин день; 29 июня—Петров день; 8 июля—Казанской; 20 июля—Ильин день; 29 августа—Ивана крестителя; 14 сентября—Воздвижение; 1 октября—Покров (даже этот праздник правительство сочло излишним и необязательным. Можно быть уверенным, что из фабрикантов не найдется ни одного, который бы решился заставить рабочих работать в этот день. Правительство и здесь опять-таки защищает интересы и прижимки худших фабрикантов); 21 ноября—Введение во храм; 6 декабря—Николин день. Итого откинуто 10 праздников в числах *). Далее из передвижных праздников откинуты суббота масленой недели и среда последней недели, т.-е. два праздника. Всего, значит, откинуто 12 праздников из с а м о г о м е н ь ш е г о числа праздников, которые давались до сих пор на отдых рабочим по господствовавшему обычаю. Правительство так любит называть себя «христианским» правительством; обращаясь к рабочим, министры и другие чиновники услащают свою речь фразами о «христианской любви» и «христианских чувствах» фабрикантов к рабочим, правительства к рабочим и т. д. Но как только вместо фраз начинается дело, так все эти лицемерные и ханжеские слова летят к чорту, и правительство превращается в торгаша, стремящегося где только можно оттятать что-нибудь у рабочих. Давным давно сами фабриканты, именно лучшие из них, ходатайствовали об установлении законом воскресного и праздничного отдыха. Правительство, после 15-летней проволочки, издает наконец такой закон, установляет о б я з а т е л ь н о с т ь воскресного и праздничного отдыха, но за эту уступку рабочим не упускает случая еще прижать их, выкидывая из числа обязательных праздников четвертую часть обычных праздников. Правительство поступает, следовательно, как настоящий ростовщик: делая одну уступку, оно старается наверстать ее на какой-нибудь другой прижимке. После такого закона очень легко может быть, что на некоторых фабриках хозяева попробуют

*) Мы перечислили только те праздники, которые праздновались до сих пор на в с е х фабриках. Есть и еще много праздников, общих д л я г р о м а д н о г о б о л ь ш и н с т в а фабрик, напр., запусты, пятница масленой недели, четверг, пятница и суббота пасхальной недели и мног. друг.

уменьшить число дней отдыха для рабочих, попробуют заставить рабочих работать в те праздники, которые до сих пор праздновались, но не включены законом в число обязательных. Чтобы не допустить ухудшить свое положение, рабочие и в этом отношении должны быть всегда готовы дать отпор всякой попытке уменьшения числа праздников. Закон указывает только обязательные праздники; но рабочие имеют право требовать, кроме них, и других праздников. Необходимо только добиваться, чтобы все праздники были внесены в правила внутреннего распорядка, и не доверять словесным обещаниям. Рабочие только тогда могут быть уверены, что их не заставят работать в праздник, когда этот праздник внесен в правила внутреннего распорядка. Точно так же, как насчет праздников,—новый закон и насчет полупраздников попытался оставить дело по прежнему и даже отчасти ухудшить его. Полупраздник установлен в законе только один—именно канун Рождества: в этот день работы должны быть окончены не позже полудня. Так было и до сих пор на большинстве фабрик, а если на какой-нибудь фабрике и не освобождали рабочих в полдень в сочельник, то давали им по большей части полупраздник в канун какого-нибудь другого большого праздника. Вообще один полупраздник в год был и до сих пор установлен на большинстве фабрик. Затем в субботы и в канун праздников рабочий день ограничен новым законом 10-ю часами, т.-е. на $1^1/_2$ часа меньше обычного рабочего дня. В этом отношении закон тоже не внес улучшения в положение рабочих, и возможно даже, что ухудшил его: до сих пор, почти на всех фабриках, работы по субботам оканчивались раньше обыкновенного. Один исследователь, собравший много сведений по этому вопросу и вообще близко ознакомившийся с фабричным бытом, утверждал: в среднем выводе можно безошибочно принять, что по субботам работа заканчивается за 2 часа до урочного времени. Значит, закон и тут не упустил случая, превращая обычный отдых в обязательный, оттягать за эту уступку у рабочих еще хоть полчасика. Полчасика в каждую неделю, это составит в год (положим 46 рабочих недель)—23 часа, т.-е. два дня лишней работы на хозяина... Не дурной подарок нашим бедным неимущим фабрикантам! Можно быть уверенным, что эти рыцари денежного мешка не постеснятся принять и такой подарок и приложат все усилия, чтобы вознаградить себя таким образом за «жертвы», наложенные на них новым законом (как они любят выражаться), и в этом отношении, следовательно, рабочим приходится рассчитывать только на себя, на силу своего об'единения. Без упорной борьбы рабочему классу и в этом отношении не дождаться, несмотря на новый закон, улучшения своего положения.

VIII.

Чем обеспечено исполнение нового закона?

Чем обеспечивается вообще исполнение законов? Во-первых, надзором за исполнением закона. Во-вторых, наказанием за неисполнение закона. Посмотрим же, как обстоит дело по отношению к новому фабричному закону. Надзор за исполнением законов поручен фабричным инспекторам. До сих пор правила о надзоре за фабричными заведениями, изданные в 1886 г., распространялись далеко не на всю Россию, а только на некоторые губернии, именно на самые промышленные. Расширение области надзора за фабричными заведениями шло постоянно вслед за расширением рабочего движения и стачек рабочих. Теперь, одновременно с законом о сокращении рабочего дня, издан (того же 2/VI 1897 г.) закон о распространении надзора за фабричными заведениями на всю Россию и все Царство Польское. Это распространение на всю Россию правил о надзоре и учреждение фабричных инспекторов, конечно, есть шаг вперед. Рабочие воспользуются этим, чтобы ознакомить большее число своих товарищей с их положением, с законами о рабочих, с тем, как относится правительство и его чиновники к рабочим и т. д. Подчинение всех русских фабрично-заводских рабочих одинаковым правилам с передовыми рабочими (губерний Петербургской, Московской, Владимирской и т. п. губ.) поможет, конечно, и рабочему движению охватить быстрее всех русских рабочих. Что касается до того, насколько д е й с т в и т е л е н надзор за исполнением закона посредством фабричных инспекторов, то мы не будем подробно рассматривать этого. Для этого надо бы написать особую книжку (настолько широк этот предмет) и, может быть, нам удастся в другой раз поговорить с рабочими о фабричной инспекции. Заметим только вкратце, что фабричных инспекторов назначается в России так мало, что они очень редко появляются на фабриках. Фабричные инспектора вполне подчинены министерству финансов, которое превращает их в прислужников фабрикантов, заставляет их доносить полиции о стачках и волнениях, заставляет их преследовать рабочих за уход с фабрики, даже тогда, когда их не преследует фабрикант, одним словом, превращает фабричных инспекторов в каких-то полицейских служителей, в каких-то фабричных урядников. Фабрикант имеет тысячи способов влиять на фабричных инспекторов и заставлять их делать по-своему. У рабочих же нет никаких средств повлиять на фабричную инспекцию, да и не может быть у рабочих таких средств, покуда рабочие не пользуются правами свободно собираться, устраивать союзы, печатать о своих

делах, издавать свои рабочие газеты. При отсутствии этих прав никакой надзор чиновников за фабрикантами не может быть и никогда не будет серьезным и действительным. Но одного надзора недостаточно для того, чтобы закон исполнялся. Для этого еще необходимо установить строгие наказания за неисполнение закона. Иначе какой же толк будет от того, что фабричный инспектор укажет фабриканту неправильность его действий? Фабрикант не обратит внимания на это и будет делать по-прежнему. По этому при издании нового закона определяют всегда, каким наказаниям подвергается тот, кто его не исполняет. Но в новом законе 2-го июня 1897 года о сокращении рабочего времени и о праздничном отдыхе никакого наказания за неисполнение его не установлено. Рабочие могут видеть отсюда, как различно относится правительство к фабрикантам и рабочим. Когда издают закон, напр., о том, что рабочие не вправе уходить с фабрики до срока, то сейчас же назначают и наказание за уход и даже такое свирепое наказание, как арест. За стачку, напр., рабочим грозит закон арестом или даже тюрьмой, а фабриканту за неисполнение правил, вызвавшее стачку, только штрафом. Так и теперь. Требование закона, чтобы фабрикант давал рабочим воскресный и праздничный отдых и не занимал их более 11 с половиною часов в сутки, не ограждено никакими наказаниями за неисполнение его. Чем же ответит фабрикант, нарушивший этот закон? Самое бо́льшее, что его притянут к мировому, который не может назначить штрафа более 50 руб., или фабричное присутствие само наложит наказание тоже в виде штрафа. Но разве штраф в 50 руб. испугает фабриканта? Ведь он не 50 руб. прибыли получит, заставив всех рабочих проработать ему ночь или праздник! Фабриканту прямо выгоднее будет нарушать закон и платить штраф. Отсутствие в законе особого наказания за неисполнение его фабрикантом есть вопиющая несправедливость, прямо указывающая на то, что наше правительство хочет как можно дольше оставить закон без применения, что правительство не желает строго требовать от фабрикантов подчинения закону. И в других странах бывало в давно прошедшие времена так, что правительство издавало фабричные законы, не назначая за неисполнение их наказания. Такие законы на деле и не исполнялись вовсе, оставаясь пустой бумажкой. Поэтому в других странах давно уже бросили этот нелепый обычай писать законы, не обеспечивая их исполнения. Теперь русское правительство повторяет эту старую уловку, надеясь, что рабочие не заметят ее. Но эта надежда неосновательная. Как только рабочим станет известен новый закон, они сами станут строго следить

за его исполнением, не допуская ни малейших отступлений от него, отказываясь от работы, покуда не исполнены требования закона. Этот надзор самих рабочих будет подействительнее надзора каких-нибудь фабричных урядников. Без такого надзора закон исполняться не будет.

IX.

Улучшит ли новый закон положение рабочих?

На первый взгляд может даже показаться странным, что мы спрашиваем об этом. Закон сокращает рабочее время и устанавливает обязательность воскресного и праздничного отдыха,—как же это не улучшение положения рабочих? Но мы уже подробно показали выше, как неточны и неопределенны правила нового закона, как часто закон, вводя правило, улучшающее положение рабочих, обессиливает это правило тем, что оставляет в силе произвол хозяина или ограничивает число обязательных праздников гораздо меньшим числом, чем число обычных праздников.

Попробуем подсчитать, сократится ли рабочее время от введения нового закона, если число дней отдыха будет не больше установленного законом, т.-е. если отдых будет даваться рабочим только в обязательные, законом установленные, праздники, а в остальные обычные праздники фабрикантам удастся принудить рабочих к работе. Удастся ли это им или нет,—это, конечно, вопрос. Это зависит от сопротивления рабочих. Но что фабриканты будут стараться вознаградить себя за сокращение рабочего дня уменьшением праздников, — это несомненно. Что закон всеми силами помогает этому благородному стремлению капиталистов притеснять рабочих, это тоже несомненно. Вот и посмотрим, что вышло бы в этом случае. Чтобы сравнить рабочее время при старых порядках и при новых (т.-е. по закону 2 июня 1897 г.), надо взять *число рабочих часов в год*: только при таком расчете можно учесть и все праздничные дни и сокращения работы в кануны праздников. Сколько же рабочих часов в год бывает обыкновенно у русского фабрично-заводского рабочего теперь, т.-е. перед введением в действие закона 2 июня 1897 г.? Само собою разумеется, что вполне точных сведений об этом нет, потому что нельзя подсчитать числа часов работы у каждого рабочего. Надо пользоваться данными, забранными по *нескольким* фабрикам: предполагается, что на остальных фабриках число часов приблизительно таково же, как и на исследованных. Возьмем данные, собранные по Московской губернии. Число рабочих дней

в году было подсчитано с точностью по 45 крупным фабрикам. Оказалось, что на всех этих 45 фабриках вместе рабочих дней в году 12.010, т.-е. в среднем на одну фабрику 267 рабочих дней в году *). Число рабочих часов в неделю составляет в среднем (по данным о нескольких стах фабриках) — 74, т.-е. $12^1/_3$ часов в день. В год, значит, всего было $267 \times 12^1/_3 = 3.292$ рабочих часа или для круглого счета 3.300 рабочих часов. По городу Одессе мы подсчитали данные по 54 крупным фабрикам, о которых нам известно и число рабочих дней в году и число часов. Оказалось, что среднее число рабочих часов в год на всех этих фабриках равняется 3.139 часам, т.-е. значительно меньше, чем в Московской губернии. В Одессе короче рабочий день: самый обычный—$10^1/_2$ часов, а в среднем для этих 54 фабрик—10,7 часов. Поэтому число рабочих часов в году оказывается меньше, несмотря на меньшее число праздничных дней. Посмотрим, сколько рабочих часов выйдет по новому закону. Прежде всего определим число рабочих дней в году. Для этого из 365 надо вычесть, во-первых, 66 праздников; во-2-х, $^1/_2$ дня сочельника; в-3-х, надо вычесть то свободное время, которое рабочий получает от окончания работы перед праздником на $1^1/_2$ часа раньше. Предпраздничных дней будет 60 (а не 66, потому что около 6 праздничных дней сложены с другими праздничными днями). Значит, от сокращения праздничной работы получится $60 \times 1^1/_2 = 90$ рабочих часов или 8 рабочих дней. Итого надо вычесть из 365—$74^1/_2$ праздничных дня ($66 + ^1/_2 + 8 = 74^1/_2$). Получим $290^1/_2$ рабочих дней, или—$290^1/_2 \times 11^1/_2 = 3.340$ рабочих часов. Выходит, стало быть, что если число праздников будет уменьшено до числа обязательных по закону праздников, т о п о л о ж е н и е р а б о ч и х о т в в е д е н и я н о в о г о з а к о н а н е т о л ь к о н е у л у ч ш и т с я, а с к о р е е д а ж е у х у д ш и т с я: в общем и целом их рабочее время в году останется прежним или даже у в е л и ч и т с я! Конечно, это расчет только приблизительный: с полной точностью рассчитать этого нельзя. Но этот расчет основан на вполне пригодных данных и показывает нам ясно, какую хитрую уловку пустило в ход правительство для прижимки рабочих, сократив число обязательных праздников сравнительно с числом обычных праздников. Этот расчет показывает ясно, что если рабочие не будут крепко стоять друг за друга и давать сообща отпор фабрикантам, то их положение может

---

*) Если рабочих дней в году 267, значит нерабочих, праздничных дней 98. Выше мы говорили, что число праздников равно 89, но это мы брали, во-1-х, одни механические фабрики, а во-2-х, не среднее число праздников во всех фабриках, а то число праздников, которое чаще всего встречается.

ухудшиться от введения нового закона! И заметьте притом, что ведь весь этот расчет касается только дневной работы, именно урочной работы. А сверхурочная работа? Насчет нее ведь закон никаких ограничений не постановил и неизвестно, введут ли какие-нибудь ограничения г.г. министры в тех правилах, которые им «предоставлено» издать. Это отсутствие ограничений сверхурочной работы и есть главная причина, которая заставляет сомневаться в том, улучшит ли новый закон положение рабочих? Если заработная плата при сокращении нормального (урочного) рабочего дня останется у большинства русских рабочих так же безобразно низка, как и теперь, тогда рабочему из нужды придется согласиться на сверхурочную работу, и положение его не улучшится. Для рабочего надо то, чтобы он работал не более 8 часов в сутки, имея время для отдыха, для своего развития, для пользования своими правами, как человека, как семьянина, как гражданина. Для рабочего надо то, чтобы он получал не нищенскую плату, а достаточную для того, чтобы жить по-человечески, чтобы рабочий пользовался сам теми усовершенствованиями, которые вводятся в работы, а не отдавал всю прибыль своим эксплоататорам. Если же придется работать за ту же плату столько же часов, сколько и прежде, то не все ли равно рабочему, как будет называться его черезмерная работа, урочной или сверхурочной? Закон о сокращении рабочего дня останется тогда мертвым, окажется пустой бумажкой. Фабрикантов тогда новый закон нисколько не затронет, ничего не заставит их уступить рабочему народу. И чиновники министерства финансов, подслуживаясь капиталистам, намекают уже, видимо, на это: в той же статье «Вестника Финансов» они успокоительно говорят г.г. фабрикантам следующее: «Новый закон, ограничивая свободу договора найма на обычные работы, не устраняет возможности для фабриканта вести работы в заведении в любое время дня и ночи, и даже, в случаях нужды» (да! да! наши бедные, угнетенные фабриканты ведь так часто испытывают «нужду» в даровом труде русских рабочих!) ...«и в праздничные дни, входя для этого в особые соглашения (на сверхурочные работы) с рабочими».

Видите, как распинаются эти лакеи денежного мешка! Вы, дескать, не извольте очень беспокоиться, г.г. фабриканты: вы можете «вести работы в любое время дня и ночи», только тогда надо будет назвать работу, которая раньше считалась урочной,—сверхурочной. Измените только название работ, и больше ничего!

Удивительнее всего в этом заявлении нахальство чиновников; они наперед уверены, что никакого ограничения сверхурочной работы не

будет (если сверхурочные работы будут ограничены, тогда фабрикант не может вести работ в любое время дня и ночи). Они наперед уверены, что до рабочих не дойдут их циничные и откровенные советы фабрикантам не церемониться! На этот счет и чиновники министерства финансов, кажется, отличились! Рабочим будет очень поучительно узнать, как беседуют чиновники с фабрикантами и что они им советуют. Узнав это, рабочие поймут, что под кровом нового закона против них выступают старые враги с прежними стремлениями закабалить рабочего на самом «законном основании».

X.

Какое значение имеет новый закон?

Мы познакомились теперь во всех подробностях с новым законом. Остается рассмотреть еще, какое значение для рабочих и для рабочего движения в России имеет этот закон.

Значение нового фабричного закона состоит в том, что он, с одной стороны, является вынужденной уступкой правительства, что он отвоеван у полицейского правительства соединенными и сознательными рабочими. Издание этого закона показывает успех рабочего движения в России, показывает, какую громадную силу заключает в себе сознательное и стойкое требование рабочих масс. Никакие преследования, ни массовые аресты и высылки, ни грандиозные политические процессы, ни затравливания рабочих—ничто не помогло. Правительство пустило в ход все свои средства и силы. Оно обрушилось на петербургских рабочих всей тяжестью той громадной власти, которую оно имеет. Оно преследовало и травило рабочих без всякого суда с невиданной жестокостью, стараясь во что бы то ни стало выбить из рабочих дух протеста, борьбы, стараясь подавить начинающееся социалистическое движение рабочих против фабрикантов и против правительства. Ничто не помогло, и правительству пришлось убедиться, что никакие преследования отдельных рабочих не искоренят рабочего движения и что приходится итти на уступки. Неограниченное правительство, которое считается всемогущим и независимым от народа, должно было уступить требованиям нескольких десятков тысяч петербургских рабочих. Мы видели, как незначительны, как двусмысленны эти уступки. Но ведь это только первый шаг. Рабочее движение давно уже вышло за пределы С.-Петербурга; оно развивается все шире, охватывая все глубже массы промышленных рабочих во всей стране,

и когда все эти массы, руководимые одной партией социалистов, пред'-явят сообща свои требования,—тогда уже правительство не отделается такой ничтожной уступкой!

С другой стороны, значение нового закона состоит в том, что он необходимо и неизбежно дает новый толчок русскому рабочему движению. Мы видели, как закон постарался везде оставить лазейки фабрикантам, постарался оставить в неопределенности самые важные вопросы. Борьба между фабрикантами и рабочими из-за применения этого закона возникает повсюду; эта борьба охватит гораздо более широкий район, ибо закон распространяется на всю Россию. И рабочие сумеют вести эту борьбу сознательно и твердо, сумеют настаивать на своих требованиях, сумеют обходить те ловушки, которые расставляют им наши полицейские законы против стачек. Введение новых фабричных порядков, изменение в громадном большинстве фабрик по всей России обычного, урочного дня принесет громадную пользу: оно встряхнет самые отсталые слои рабочих; оно пробудит везде самый живой интерес к вопросам и правилам фабричного быта; оно послужит прекрасным, удобным, законным поводом для рабочих пред'являть свои требования, отстаивать свое понимание закона, отстаивать старые обычаи, когда они выгоднее для рабочих (напр., отстаивать обычные праздники, отстаивать окончание работ по субботам не за 1½ часа, а за 2 и более), добиваться более выгодных условий при новых соглашениях о сверхурочных работах, добиваться более высокой платы, чтобы сокращение рабочего дня принесло действительную пользу рабочим без всякого ущерба для них.

Приложение.

I.

Книжка о новом фабричном законе (закон 2-го июня 1897 г.) была уже написана, когда были опубликованы в начале октября п р а в и л а о п р и м е н е н и и этого закона, утвержденные министерством финансов по соглашению с министерством внутренних дел 20 сентября 1897 г. О том, какое громадное значение должны иметь для всего закона эти правила, мы уже говорили раньше. На этот раз министерство поторопилось издать правила до введения нового закона, потому что в правилах (как сейчас увидим) указаны те случаи, когда дозволяется отступить от требований нового закона, т.-е. дозволяется фабрикантам «вести работы» сверх определенного в законе времени. Не будь эти правила настоятельно необходимы для фабрикантов,—рабочим, конечно, долго еще пришлось бы ждать их издания. Вскоре после «правил» опубликована также «инструкция чинам фабричной инспекции» по применению зак. 2 июня 1897 г. под видом того, чтобы р а з ' я с н и т ь только фабричным инспекторам способ применения закона; эта инструкция узаконяет полный произвол чиновников и направлена целиком п р о т и в р а б о ч и х, дозволяя фабрикантам всячески обходить закон. Императорское правительство очень любит писать хорошие слова в законах, а затем позволять обходить эти законы, заменяя их и н с т р у к ц и я м и. При подробном разборе правил мы увидим, что именно такова новая инструкция. Также отметим, что «инструкция» эта в значительной части с л о в о в с л о в о с п и с а н а с той статьи «Вестника Финансов», на которую мы не раз указывали в книжке о новом законе. Напр., мы указали там, как «Вестник Финансов» подсказал одну кляузу фабрикантам: именно, «Вестник Финансов» раз'яснил, что новый закон не применим к тем случаям, когда в договоре рабочего с фабрикантом не сказано ничего о рабочем времени, так как рабочий, дескать, является в этом случае «не нанимаемым рабочим, а лицом, принимающим заказ». Это кляузное раз'яснение повторяет буквально «инструкция». Правила состоят из 22 статей, из которых,

однако, многие просто повторяют целиком статьи закона 2 июня 1897 г. Заметим, что правила эти относятся только к фабрикантам, «состоящим в ведении министерства финансов»; ни к горным заводам, ни к железнодорожным мастерским, ни к казенным заводам они не относятся. Правила эти надо строго отличать от самого закона: правила изданы только в развитие закона и министры, издавшие их, могут дополнить их, изменить, издавать новые. Правила говорят о следующих пяти вопросах: 1) о перерывах; 2) о воскресном и праздничном отдыхе; 3) об отступлениях от нового закона; 4) о сменах, и 5) о сверхурочной работе. Рассмотрим подробно правила по каждому вопросу, а в связи с ними укажем, как советует министерство финансов в своей инструкции применять эти правила.

II.

О перерывах постановлены такие правила: во-первых, что перерывы не входят в число рабочих часов, что рабочий свободен на время перерыва; перерывы должны быть указаны в правилах внутреннего распорядка; во-вторых, что перерыв должен быть обязательно установлен только в том случае, когда рабочее время более 10 час. в сутки и что перерыв должен быть не менее одного часа. Это правило нисколько не улучшает положения рабочих. Скорее напротив. Часовой перерыв крайне мал: на большинстве фабрик установлен $1^1/_2$ час. перерыв на обед и иногда еще полчаса перерыва на завтрак. Министры постарались взять самый меньший срок! В час рабочему сплошь да рядом не успеть даже сходить домой пообедать.

Разумеется, рабочие не дозволят установить такого короткого перерыва и будут требовать большего. Другая оговорка насчет обязательности перерыва тоже грозит притеснить рабочих: перерыв обязателен по правилам министров, только тогда, когда рабочий день более 10-ти часов! Значит, когда рабочий день 10 часов, то фабрикант вправе не давать перерыва рабочим! Опять-таки придется уже самим рабочим позаботиться о том, чтобы фабриканты не могли и не смели пользоваться подобным правом. Рабочие могут не соглашаться на такие правила (когда они вводятся в правила внутреннего распорядка) и требовать перерыва чаще. Министрам показалось мало даже этих прижимок. В «примечании» к этому правилу сказано еще, что «в случаях значительных препятствий допускаются отступления от этого требования», т.-е. допускается, чтобы г.г. фабриканты вовсе не давали рабочим перерыва! Министры-то это допускают, но рабочие

вряд ли допустят. Кроме того, министры допускают отступления еще тогда, когда требование перерыва будет признано обременительным для рабочих. О, заботливые г.г. министры! О том, что рабочим «обременительно» будет перерывать работы, наши министры подумали, а о том, что рабочим «обременительно» в час успеть пообедать, или что еще более «обременительно» работать по 10 часов без перерыва,— об этом г.г. министры не заикнулись! Третье правило насчет перерыва требует, чтобы рабочему была предоставлена возможность принятия пищи не реже, как через каждые 6 часов. Но перерывов через каждые 6 часов правила не требуют; какой же смысл такого правила? Как же может рабочий принимать пищу без перерыва? Г.г. министры на этот счет не затруднились. Если нет перерыва (говорится в правилах), то рабочему «должна быть предоставлена возможность принятия пищи в течение рабочего времени, при чем в правилах внутреннего распоряжения должно быть обозначено место приема пищи». Все это правило—такая глупость, что можно только развести руками! Одно из двух: или это «место приема пищи» будет обозначено не там, где рабочий работает; тогда неизбежен перерыв. Или, это место будет обозначено там же, где рабочий работает; тогда какой смысл в надобности обозначения места? Перерывать работу рабочий не вправе,—как же может он, не перерывая работы, принимать пищу? Г.г. министры смотрят на рабочего, как на машину: машину можно ведь на ходу покормить маслом, так отчего же (думают наши «заботливые» прихвостни капитала, министры) нельзя и рабочему напихать в себя пищу во время работы? Рабочим остается одна надежда, что такое глупое правило только в русских чиновничьих канцеляриях и могли выдумать, а на деле оно применяться не будет. Рабочие будут требовать, чтобы «местом для принятия пищи» обозначено было не то место, где они работают: рабочие будут требовать перерыва через каждые 6 часов. Вот и все правила о перерывах. Министры развили закон так, что он может только ухудшить положение рабочих, если рабочие сами себя не отстоят и не настоят сообща на своих, а не на министерских правилах.

III.

О воскресных и праздничных отдыхах постановлено только одно небольшое правило, именно, что в воскресные и праздничные дни рабочие должны быть свободны от работы в продолжение не менее 24-х часов сряду. Это—самое меньшее, что можно было постановить

«в развитие» закона о воскресном и праздничном отдыхе. Меньше нельзя было назначить. А о том, чтобы назначить рабочим побольше (напр., 36 часов, как принято в некоторых других странах), министры и не подумали. Насчет не-христиан ничего в правилах не сказано.

IV.

Насчет отступлений от закона постановлено много правил, очень много и очень подробных. Напомним рабочим, что закон предоставил министрам допускать в правилах отступления от закона, у в е л и ч и в а я требования закона (т.-е. требуя от фабрикантов большего для рабочих) и у м е н ь ш а я требования закона (т.-е. требуя от фабрикантов м е н ь ш е г о для рабочих). Посмотрим, как поступили министры. Первое правило. Отступления от закона допускаются тогда, когда «рабочие заняты работами н е п р е р ы в н ы м и, т.-е. такими, которые не могут быть прерываемы в произвольное время без порчи приборов, материалов или изделий». В этих случаях можно т.г. фабрикантам «вести работы» и свыше определенного в законе времени. Правило требует только в этом случае, во-первых, чтобы число рабочих часов в течение двух последовательных суток не превосходило для рабочего 24-х часов (а при ломке смен—тридцати часов). Почему сказано: 24 часа в двое суток, а не 12 часов в сутки,—мы увидим в §-фе о сменах. Во-вторых, правило требует, чтобы при непрерывной работе каждый рабочий был освобожден от работы в месяц на четверо суток, если рабочий день его больше 8-ми часов. Значит, для рабочих в н е п р е р ы в н ы х производствах число дней отдыха с и л ь н о у м е н ь ш е н о: 4 в месяц, в год 48, тогда как д а ж е закон (при всем урезывании праздников) оставил 66 обязательных праздников в году. Какое разумное основание имели министры для того, чтобы уменьшить это число праздников? Ровно никакого; н е п р е р ы в н о с т ь все равно нарушается и при 4-х праздниках в месяц, т.-е. фабриканты все равно должны нанимать других рабочих на время праздников (если производство д е й с т в и т е л ь н о непрерывно, т.-е. его нельзя о с т а н о в и т ь). Значит, г.г. министры урезали еще рабочие праздники р а д и т о г о т о л ь к о, чтобы поменьше «стеснить» фабрикантов, чтобы уменьшить случаи найма д р у г и х рабочих! Мало того, «инструкция» разрешает даже фабричным инспекторам утверждать и такие правила внутреннего распорядка, в которых назначается е щ е м е н ь ш и й о т д ы х р а б о ч и м! Фабричный инспектор должен только донести об этом департаменту торговли и промышленности. Это самый наглядный пример, по-

казывающий, почему наше правительство любит ничего не говорящие законы и подробные правила и инструкции: чтобы переделать неприятное правило, достаточно попросить об этом в департаменте... безгрешных доходов!! Точно также фабричный инспектор может (согласно инструкции!) разрешить отнесение к непрерывным и таких работ, которые не указаны в списке, приложенном к инструкции: достаточно донести департаменту... Примечание к этому правилу говорит, что непрерывные работы должны быть особо обозначены в правилах внутреннего распорядка. «Отступления от этого закона допускаются лишь постольку, поскольку это действительно необходимо» (так говорит правило министров). А кому следить за тем, действительно ли необходимо или нет? Кроме рабочих некому: они должны не дозволять вносить в правила внутреннего распорядка оговорки насчет непрерывных работ без действительной надобности. Второе правило. Отступления от закона допускаются тогда, когда рабочие заняты работами вспомогательными при различных производствах (текуший ремонт, уход за котлами, двигателями и проводами, отопление, освещение, водоснабжение, сторожевая и пожарная служба и т. п.). Отступления эти тоже должны быть особо обозначены в правилах внутреннего распорядка. Насчет дней отдыха для этих рабочих правила не говорят ни слова. Рабочим опять-таки остается самим понаблюсти за тем, чтобы иметь отдых, т.-е. не соглашаться на такие правила внутреннего распорядка, в которых не назначены дни отдыха для таких рабочих. Третье правило. Отступления от правил о рабочем дне и о воскресном и праздничном отдыхе и от правил внутреннего распорядка допускаются еще в двух случаях: во-первых, в случаях внезапной порчи механизмов, орудий и т. п., вызвавшей прекращение работ всей фабрики или отдела ее. Необходимый ремонт в этих случаях допускается производить вне правил. Во-вторых, вне правил разрешается производить «временные работы в каком-либо отделе заведения в тех случаях, когда, вследствие пожара, поломки и т. п. непредвиденных обстоятельств, работы того или иного отдела заведения были на некоторое время сокращены или совсем приостановлены и когда то необходимо для полного хода других отделов заведения». (В этом случае фабрикант должен в тот же день известить фабричного инспектора, который и разрешает такие работы.) Это последнее правило показывает громадную «заботливость» министров о том, чтобы фабриканты не израсходовали лишнего рубля. В одном отделе фабрики был пожар. Работа остановилась. Сделав исправления, фабрикант хочет наверстать потерянное время. Поэтому министр

разрешает ему выжимать из рабочих сколько угодно лишнего труда, заставляя их работать хоть по 18 часов в сутки. Да при чем же тут рабочие? Когда фабрикант получает лишнюю прибыль, разве он делится с рабочими? Разве он сокращает тогда рабочий день? С какой же стати рабочим удлинять рабочий день, когда фабрикант терпит убыток? Ведь это значит: прибыль себе беру, а убыток на рабочих валю. Если нужно наверстать потерянное, почему же не нанять других рабочих? Удивительно, как «заботливы» русские министры о кармане г.г. фабрикантов! Четвертое правило. Отступления от нового закона могут быть и «в других особо важных исключительных случаях». (Какие это еще случаи? Да столько уже перечислено особо важных, исключительных случаев, что, кажется, других не осталось?) Такие отступления на каждый случай отдельно разрешают министры финансов и внутренних дел. Значит, попросит фабрикант,—разрешат министры—и ладно. Рабочих и не спрашивают: статочное ли это дело, чтобы «господа» стали спрашивать мнение черного народа! Подлый народ должен работать на капиталистов, а не рассуждать о том, «исключительный» ли случай заставил фабриканта попрошайничать или самая обыкновенная страсть к наживе. Таковы правила министров об отступлениях от нового закона. Как видим, все эти правила говорят о том, как и когда можно не исполнять закона, можно уменьшить то, что требует закон от фабрикантов для рабочих. О том, чтобы увеличить требования закона от фабрикантов в пользу рабочих, министры не говорят ни единого словечка. Пусть вспомнят рабочие, что было сказано в книжке о новом фабричном законе по вопросу о том, для чего закон предоставляет такие большие права министрам!

V.

Насчет смен постановлено только одно небольшое правило, которое позволяет при 18-ти часовой работе в две смены увеличивать число рабочих часов в сутки до 12-ти, с тем, чтобы в среднем, по расчету за две недели, рабочее время для каждого рабочего не превосходило 9 часов в сутки. Это правило опять-таки, следовательно, дозволяет увеличивать рабочий день. Сколько уже правил об увеличении рабочего дня, об уменьшении не было ни одного—и не будет! По этому правилу, можно заставить рабочих работать целую неделю по 12 часов в сутки, и «инструкция» опять-таки добавляет, что фабричные инспектора могут разрешать и другие отступления от закона, донося директору... Затем к сменам же относится вышеприведенное правило, определяющее рабочее время непрерывной работы в 24 часа

в двое суток. Инструкция поясняет, почему сказано 24 часа в двое суток, а не 12 часов в сутки. Это сказано для того, чтобы оставить неизменным принятый на некоторых фабриках безобразный порядок непрерывной работы 2-х смен через 8 часов: при таких сменах рабочий работает один день 16 часов, другой день 8 часов, не имея никогда ни правильного отдыха, ни правильного сна. Безобразнее этих смен трудно себе что-либо представить; но министры не только не сделали ничего для ограничения этих безобразий, но даже имели наглость сказать в «инструкции», что подобные смены при многих условиях удобнее для рабочих!! Вот как заботятся министры об удобствах рабочих!

VI.

О сверхурочных работах в правилах даны, на первый взгляд, наиболее точные определения. Ограничения сверхурочной работы—самое главное не только в министерских правилах, но и во всем новом законе. Мы уже говорили выше о полной неопределенности самого закона по этому вопросу, о первоначальном намерении министерства финансов оставить сверхурочные работы без всяких добавочных правил. Теперь оказалось, что министры все-таки ограничили сверхурочные работы, ограничили именно так, как предполагала это сделать комиссия, составлявшая новый закон, т.-е. 120-ю часами в год. Но зато министр финансов в «инструкции» повторил в назидание фабричным инспекторам все те уловки и кляузы против рабочих, которые мы привели в книге о новом законе из «Вестника Финансов»: «инструкция», повторяем, списана с «Вестника Финансов».

Первое правило относится к тому положению нового закона, по которому фабрикант может вносить в договор с рабочим условие о сверхурочных работах, необходимых по техническим условиям производства. Мы уже говорили о неопределенности этого. А между тем эта статья закона имеет громадную важность: если условие о сверхурочных работах внесено в правила внутреннего распорядка, то сверхурочные работы обязательны для рабочего, и весь закон при этом остается без применения. Теперь в министерских правилах это выражение поясняется так: «необходимыми по техническим условиям производства» можно считать только такие работы, которые вызываются «исключительно случайными и при том зависящими от свойств самого производства отклонениями от нормального его хода». Значит, напр., такие отклонения, которые вызываются усиленными заказами, сюда не относятся (так как они от свойств произ-

водства не зависят). Отклонения, вызванные пожаром, поломкой и т. п., тоже сюда не относятся, так как они тоже не зависят от свойств самого производства. По здравому смыслу надо бы понимать правило именно так. Но тут на помощь фабрикантам приходит «инструкция». «Инструкция» так блестяще развивает те случаи, когда сверхурочные работы можно делать обязательными для рабочих, внося их в условия найма, т.-е. в правила внутреннего распорядка,—что к этим случаям можно отнести буквально что угодно. В самом деле, пусть вспомнят рабочие, как развивала закон статья в «Вестнике Финансов», и теперь сличат с ней «инструкцию». Сначала «инструкция» говорит о работах, «необходимых по техническим условиям производства»,—затем она незаметно подставляет другое выражение: «работы безусловно необходимые» (вот как! а кто судит о необходимости?)— а еще больше инструкция приводит и примерчики «безусловной необходимости»: оказывается, что сюда подходят и те случаи, когда фабриканту «невозможно или затруднительно (старый знакомый!) увеличить число рабочих», когда работа идет очень спешно и срочно (напр., при сезонных работах); когда требуется выпускать газету из типографии ежедневно; когда работы нельзя было предвидеть заранее и т. д. Одним словом, чего хочешь, того просишь. Бесстыдные прихвостни капиталистов, заседающие в министерстве финансов, так развили закон, что фабрикант вправе вносить в правила внутреннего распорядка требование каких угодно сверхурочных работ. А раз такое требование внесено в правила внутреннего распорядка, то весь новый закон идет к чорту, и все остается по-старому. Рабочие должны не допускать внесения этих требований в правила внутреннего распорядка, иначе их положение не только не улучшится, но даже ухудшится. Рабочие могут видеть на этом примере, как фабриканты и чиновники сговариваются о том, как им опять закабалить рабочих на законном основании. «Инструкция» ясно показывает этот сговор, это прислужничество министерства финансов интересам капиталистов.

Второе правило о сверхурочных работах постановляет, что число сверхурочных работ на каждого рабочего не должно превышать 120 часов в год, при чем в это число не включаются, во-первых, те сверхурочные работы, которые условлены в договоре, как обязательные для рабочего «по техническим условиям производства», а мы сейчас видели, что под это выражение министры разрешили подводить какие угодно случаи, не имеющие ничего общего с «техническими условиями производства»; во-вторых, не включаются те сверхурочные

работы, которые происходят по случаю пожара или поломки и проч., или по случаю бывшей в каком-нибудь отделении остановки для наверстания потерянного.

Взятые вместе, все эти правила о сверхурочной работе удивительно напоминают известную басню о том, как лев делил «поровну» добычу между своими товарищами по охоте: первую часть он берет себе по праву; вторую часть за то, что он царь зверей; третью—за то, что он всех сильнее; а к четвертой—кто лапу протянет, тот с места жив не встанет. Вот совершенно так и у нас будут теперь рассуждать фабриканты по поводу сверхурочных работ. Во-первых, они «по праву» будут выжимать из рабочих сверхурочную работу, «необходимую по техническим условиям производства», т.-е. какую угодно работу, лишь бы занести ее в правила внутреннего распорядка. Во-вторых, они будут выжимать из рабочих работу в «особых случаях», т.-е. когда они хотят свалить на рабочих свои убытки. В-третьих, они будут выжимать с них еще 120 часов в год на том основании, что они богаты, а рабочие—нищие. В-четвертых, в «исключительных случаях» они получат особые льготы у министров. Ну, а затем, что после всего этого останется из 24 часов в сутки,—тем рабочие могут «свободно» пользоваться, памятуя крепко, что справедливое правительство отнюдь не «лишает их права» работать и по 24 часа в сутки... Чтобы это выжимание из рабочих сверхурочной работы шло п о з а к о н у,—для этого постановлено, чтобы фабриканты завели особые к н и г и обо всех этих видах сверхурочной работы. В одну книгу будут записывать то, что они дерут с рабочих «по праву»; в другую книгу то, что дерут в «особых случаях»; в третью—то, что дерут по «особому соглашению» (не более 120 часов в год); в четвертую—то, что дерут в «исключительных случаях». Вместо улучшения положения рабочих получится одна волокита и канцелярская переписка (как это и всегда бывает в результате всех реформ неограниченного русского правительства). Фабричные урядники будут приезжать на фабрики и «надзирать»... за этими книгами (в которых сам чорт ногу сломит), а в свободное от этого полезного занятия время будут доносить директору торговли и мануфактур о новых подачках фабрикантам, а департаменту полиции о стачках рабочих. И ловкие же люди, эти торгаши, в компании с башибузуками, которые составляют наше правительство! За сходную цену они теперь наймут еще заграничного представителя, который будет свистать на всех перекрестках перед «Европой», что вот, дескать, какие есть у нас заботливые о рабочих законы

VII.

Бросим, в заключение, общий взгляд на министерские правила. Вспомним, какие права предоставил новый закон г.г. министрам? Правила трех разрядов: 1) правила в раз'яснение закона; 2) правила увеличивающие или уменьшающие требования нового закона от фабрикантов; 3) правила об особо вредных для рабочих производствах. Как же воспользовались министры предоставленным им законом правом?

По первому разряду они ограничились самым необходимым, самым меньшим, без чего нельзя было уж обойтись. Сверхурочную работу они допустили в очень большом и растяжимом об'еме,—120 часов в год, введя при этом посредством инструкций такую уйму исключений, что они уничтожают всякое значение правил. Перерывы для рабочих они постарались урезать, смены со всеми их безобразиями оставили по старому, если не ухудшили.

По второму разряду правил министры сделали все, чтобы уменьшить требования нового закона от фабрикантов, т.-е. все сделали для фабрикантов и ровно ничего не сделали для рабочих: в правилах нет ни одного увеличения требований нового закона от фабрикантов в пользу рабочих.

По третьему разряду правил (т.-е. в пользу рабочих, вынужденных работать в самых вредных производствах) министры не сделали ровно ничего, не обмолвились об этом ни единым словом. Только в инструкции помянуто, что фабричные инспектора могут доносить в департамент об особо вредных производствах! «Доносить»-то фабричные инспектора и раньше могли о чем угодно. Только по какой-то непонятной причине фабричные урядники до сих пор «доносили» о рабочих стачках, о способах травли, а не о защите рабочих в особенно вредных производствах.

Рабочие сами могут видеть отсюда, чего им ждать от чиновников полицейского правительства. Для того, чтобы добиться 8-мичасового рабочего дня и полного запрещения сверхурочных работ, русским рабочим предстоит еще много упорной борьбы.

ЗАДАЧИ РУССКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ

Написана в ссылке в конце 1897 г.
Издана впервые за границей в 1898 г. [84]

Печатается с 1-го издания, сверенного с рукописью.

Вторая половина 90-х годов характеризуется замечательным оживлением в постановке и разрешении русских революционных вопросов. Появление новой революционной партии народоправцев, растущее влияние и успехи социал-демократов, внутренняя эволюция народовольчества,—все это вызвало оживленное обсуждение программных вопросов как в кружках социалистов, интеллигентов и рабочих, так и в нелегальной литературе. Стоит указать в последней области на «Насущный вопрос» и «Манифест» (1894) партии «Народного права», на «Летучий листок группы «Народной воли» [85]), на заграничный «Работник» [86]), издаваемый «Союзом русских социал-демократов» [87]), на усиливающуюся деятельность по изданию революционных брошюр, главным образом, для рабочих в России, на агитационную деятельность соц.-демократического «Союза Борьбы за освобождение рабочего класса» в Спб в связи с знаменательными петербургскими стачками 1896 г. и т. д.

В настоящее время (конец 1897 г.) наиболее животрепещущим вопросом является, с нашей точки зрения, вопрос о практической деятельности социал-демократов. Мы подчеркиваем практическую сторону социал-демократизма, ибо теоретическая сторона его пережила уже, повидимому, наиболее острый период упорного непонимания противников, усиленных стремлений подавить новое направление при самом его появлении, с одной стороны, и горячей защиты *) оснований социал-демократизма—с другой. Теперь теоретические воззрения социал-демократов представляются в главных и основных своих чертах достаточно выясненными. Нельзя сказать того же о практической стороне соц.-демократизма, о его политической программе, о его приемах деятельности, его тактике. Именно в этой области господствует, кажется нам, больше всего недоразумений и взаимного непонимания, препятствующего полному сближению с социал-демократизмом тех революционеров, которые в теории отрешились вполне от народовольчества, а на практике—либо приходят самой силой вещей к пропаганде и агитации среди рабочих, даже более: к постановке своей деятельности среди рабочих на почву классовой

*) В рукописи „самозащиты" *Ред.*

борьбы; либо стремятся выделить демократические задачи в основу всей программы и всей революционной деятельности. Если мы не ошибаемся, последняя характеристика подходит к тем двум революционным группам, которые действуют в настоящее время в России на-ряду с социал-демократами, именно: к народовольцам и народоправцам.

Поэтому нам кажется особенно своевременной попытка раз'яснить практические задачи социал-демократии и изложить те основания, по которым мы считаем их программу наиболее рациональной из трех наличных программ, а возражения против нее основанными в значительной степени на недоразумении.

Практическая деятельность социал-демократов ставит себе, как известно, задачей руководить классовой борьбой пролетариата и организовать эту борьбу в ее обоих проявлениях: социалистическом (борьба против класса капиталистов, стремящаяся к разрушению классового строя и организации социалистического правительства) и демократическом (борьба против абсолютизма, стремящаяся к завоеванию для России политической свободы и демократизации политического и общественного строя России). Мы сказали: как известно. И действительно, с самого своего появления в качестве особого социально-революционного направления, русские социал-демократы всегда с полной определенностью указывали на такую задачу своей деятельности, всегда подчеркивали двоякое проявление и содержание классовой борьбы пролетариата, всегда настаивали на неразрывной связи своих социалистических и демократических задач, — связи, наглядно выраженной в названии, принятом ими. Тем не менее, и до сих пор вы встречаете зачастую социалистов, которые имеют самые превратные представления о социал-демократах, обвиняя их в игнорировании политической борьбы и т. п. Остановимся же несколько на характеристике обеих сторон практической деятельности русской социал-демократии.

Начнем с социалистической деятельности. С тех пор, как социал-демократический «Союз Борьбы за освобождение рабочего класса» в Спб. проявил свою деятельность среди петербургских рабочих, характер социал-демократической деятельности в этом отношении, казалось бы, должен быть вполне ясен. Социалистическая работа русских социал-демократов состоит в пропаганде учений научного социализма, в распространении среди рабочих правильного понятия о современном общественно-экономическом строе, его основаниях и его развитии, о различных классах русского общества, об их взаимоотношении, о борьбе этих классов между собой, о роли рабочего класса в этой борьбе, его отношении к падающим и развивающимся классам, к про-

шлому и будущему капитализма, об исторической задаче международной социал-демократии и русского рабочего класса. В неразрывной связи с пропагандой стоит а г и т а ц и я среди рабочих, выдвигаясь естественно на первый план при современных политических условиях России и при уровне развития рабочих масс. Агитация среди рабочих состоит в том, что социал-демократы принимают участие во всех стихийных проявлениях борьбы рабочего класса, во всех столкновениях рабочих с капиталистами из-за рабочего дня, рабочей платы, условий труда и проч. и проч. Наша задача—слить свою деятельность с практическими, бытовыми вопросами рабочей жизни, помогать рабочим разбираться в этих вопросах, обращать внимание рабочих на важнейшие злоупотребления, помогать им формулировать точнее и практичнее свои требования к хозяевам, развивать в рабочих сознание своей солидарности, сознание общих интересов и общего дела всех русских рабочих, как единого рабочего класса, составляющего часть всемирной армии пролетариата. Организация кружков среди рабочих, устройство правильных и конспиративных сношений между ними и центральной группой социал-демократов, издание и распространение рабочей литературы, организация корреспонденций из всех центров рабочего движения, издание агитационных листков и прокламаций и распространение их, подготовление контингента опытных агитаторов,—таковы в общих чертах проявления социалистической деятельности русской соц.-демократии.

Наша работа направлена прежде всего и больше всего на фабрично-заводских, городских рабочих. Русская социал-демократия не должна раздроблять свои силы, она должна сосредоточиться на деятельности среди промышленного пролетариата, наиболее восприимчивого для социал-демократических идей, наиболее развитого интеллектуально и политически, наиболее важного по своей численности и по концентрированности в крупных политических центрах страны. Создание прочной революционной организации среди фабрично-заводских городских рабочих является поэтому первой и насущной задачей социал-демократии. задачей, отвлекаться от которой в настоящее время было бы в высшей степени неразумно. Но признавая необходимость сосредоточить свои силы на фабрично-заводских рабочих, осуждая раздробление сил, мы вовсе не хотим сказать, чтобы русская социал-демократия игнорировала остальные слои русского пролетариата и рабочего класса. Ничего подобного. Русский фабричный рабочий по самым условиям своей жизни вынужден сплошь да рядом становиться в самые тесные отношения к кустарям—этому промышленному пролетариату, разлитому вне фабрики в городах и деревнях и поставленному в гораздо худшие условия

Русский фабричный рабочий приходит в непосредственное соприкосновение и с сельским населением (нередко фабричный рабочий имеет семью в деревне) и, следовательно, не может не сближаться и с сельским пролетариатом, с многомиллионной массой профессиональных батраков и поденщиков, а также с тем разоренным крестьянством, которое, держась за мизерные клочки земли, занято отработками и всякими случайными «заработками», т.-е. той же работой по найму. Русские социал-демократы считают несвоевременным направлять свои силы в среду кустарей и сельских рабочих, но они вовсе не намерены оставлять без внимания эту среду и будут стараться просвещать передовых рабочих и по вопросам быта кустарей и сельских рабочих, чтобы эти рабочие, приходя в соприкосновение с более отсталыми слоями пролетариата, заносили и в них идеи классовой борьбы, социализма и политических задач русской демократии вообще и русского пролетариата в частности. Непрактично посылать агитаторов к кустарям и сельским рабочим, покуда остается еще такая масса работы среди фабрично-заводских, городских рабочих, но в массе случаев социалист рабочий, помимо своей воли, соприкасается с этой средой и он должен уметь пользоваться этими случаями и понимать общие задачи соц.-демократии в России. Поэтому глубоко заблуждаются те, кто обвиняет русскую социал-демократию в узости, стремлении игнорировать массу трудящегося населения из-за одних фабрично-заводских рабочих. Напротив, агитация среди передовых слоев пролетариата есть вернейший и единственный путь к пробуждению (по мере расширения движения) и всего русского пролетариата. Распространение социализма и идеи классовой борьбы среди городских рабочих неминуемо разольет эти идеи и по более мелким, более раздробленным каналам: необходимо для этого, чтобы указанные идеи пустили глубокие корни в более подготовленной среде и насытили этот авангард русского рабочего движения и русской революции. Направляя все свои силы на деятельность среди фабрично-заводских рабочих, русская социал-демократия готова поддерживать тех русских революционеров, которые приходят на практике к постановке социалистической работы на почву классовой борьбы пролетариата, не скрывая при этом нисколько, что никакие практические союзы с другими фракциями революционеров не могут и не должны вести к компромиссам или уступкам в теории, в программе, в знамени. Убежденные в том, что революционной теорией, служащей знаменем для революционного движения, может быть в настоящее время только учение научного социализма и классовой борьбы, русские социал-демократы будут всеми силами распространять его, охранять от лжетолкований,

восставать против всяких попыток связать еще молодое рабочее движение в России с менее определенными доктринами. Теоретические соображения доказывают, а практическая деятельность социал-демократов показывает, что все социалисты в России должны стать социал-демократами.

Переходим к демократическим задачам и к демократической работе социал-демократов. Повторяем еще раз, что эта работа неразрывно связывается с социалистической. Пропагандируя среди рабочих, социал-демократы не могут обходить вопросы политические и сочли бы всякую попытку обойти их или даже отодвинуть глубокой ошибкой и отступлением от основных положений всемирного социал-демократизма. На-ряду с пропагандой научного социализма, русские социал-демократы ставят своей задачей пропаганду в рабочих массах и демократических идей, распространять понятие об абсолютизме во всех его жизненных проявлениях, о его классовом содержании, о необходимости свержения его, о невозможности успешной борьбы за рабочее дело без достижения политической свободы и демократизации политического и общественного строя России. Агитируя среди рабочих на почве ближайших экономических требований, социал-демократы неразрывно связывают с этим и агитацию на почве ближайших политических нужд, бедствий и требований рабочего класса,—агитацию против полицейского гнета, проявляющегося в каждой стачке, в каждом столкновении рабочих с капиталистами,—агитацию против стеснения прав рабочих, как русских граждан вообще и как наиболее угнетенного и наиболее бесправного класса в частности,—агитацию против каждого выдающегося представителя и лакея абсолютизма, приходящего в ближайшее соприкосновение с рабочими и наглядно показывающего рабочему классу его политическое рабство. Если нет такого вопроса рабочей жизни в области экономической, который бы не подлежал утилизации его для экономической агитации, то точно также нет и такого вопроса в области политической, который бы не служил предметом политической агитации Эти два рода агитации неразрывно связаны в деятельности социал-демократов, как две стороны одной медали. И экономическая, и политическая агитация равно необходимы для развития классового самосознания пролетариата, и экономическая и политическая агитация равно необходимы как руководство классовой борьбы русских рабочих, ибо всякая классовая борьба есть борьба политическая. И та, и другая агитация пробуждая сознание рабочих, организуя, дисциплинируя их, воспитывая их для солидарной деятельности и для борьбы за социал-демократиче-

ские идеалы, даст возможность *) пробовать свои силы на ближайших вопросах, ближайших нуждах, даст возможность им добиваться частичных уступок у своего врага, улучшая свое экономическое положение, заставляя капиталистов считаться с организованной силой рабочих **), заставляя правительство расширять права рабочих, прислушиваться к их требованиям, держа правительство в постоянном страхе перед враждебно настроенными рабочими массами, руководимыми прочной социал-демократической организацией.

Мы указали на нераздельную близость социалистической и демократической пропаганды и агитации, на полную параллельность революционной работы в той и другой сфере. Но есть и крупная разница между обоими видами деятельности и борьбы. Эта разница состоит в том, что в борьбе экономической пролетариат стоит совершенно одиноко, имея против себя и землевладельцев-дворян, и буржуазию, пользуясь разве (и то далеко не всегда) помощью тех элементов мелкой буржуазии, которые тяготеют к пролетариату. Между тем, в демократической, политической борьбе русский рабочий класс стоит не одиноко; на-ряду с ним становятся все политически оппозиционные элементы, слои населения и классы, поскольку они враждебны абсолютизму и ведут против него борьбу в тех или иных формах. Рядом с пролетариатом стоят здесь и оппозиционно настроенные элементы буржуазии, или образованных классов, или мелкой буржуазии, или преследуемых абсолютизмом народностей, или религий и сект и т. д. и т. д. Является естественно вопрос, в какие отношения должен встать рабочий класс к этим элементам? И затем, не должен ли он соединиться с ними для общей борьбы против абсолютизма? Ведь социал-демократы все признают, что политическая революция в России должна предшествовать социалистической; не следует ли, соединившись со всеми политически оппозиционными элементами для борьбы против абсолютизма, отодвинуть пока социализм, не обязательно ли это для усиления борьбы против абсолютизма?

Разберемся в обоих вопросах.

Что касается до отношения рабочего класса, как борца против абсолютизма, ко всем остальным политически оппозиционным общественным классам и группам, то оно вполне точно определено основными принципами социал-демократизма, изложенными в знаменитом «Коммунистическом Манифесте». Социал-демократы поддерживают прогрес-

*) Пропущено имеющееся в рукописи слово: „рабочим". *Ред.*

** В рукописи „с силой организованных рабочих". *Ред.*

сивные общественные классы против реакционных, буржуазию против представителей привилегированного и сословного землевладения и против чиновничества, крупную буржуазию против реакционных вожделений мелкой буржуазии. Эта поддержка не предполагает и не требует никакого компромисса с несоциал-демократическими программами и принципами, это—поддержка союзника против данного врага, при чем социал-демократы оказывают эту поддержку, чтобы ускорить падение общего врага, но они ничего не ждут для себя от этих временных союзников и ничего не уступают им. Социал-демократы поддерживают всякое революционное движение против современного общественного строя, всякую угнетенную народность, преследуемую религию, приниженное сословие и т. п. в их борьбе за равноправность.

Поддержка всех политически оппозиционных элементов выразится в пропаганде социал-демократов тем, что, доказывая враждебность рабочему делу абсолютизма, социал-демократы *) будут указывать на солидарность рабочего класса с этими группами в тех или других вопросах, в тех или иных задачах и т. п. В агитации эта поддержка выразится тем, что социал-демократы будут пользоваться каждым проявлением полицейского гнета абсолютизма и указывать рабочим, как падает этот гнет на всех **) граждан вообще, на представителей особо угнетенных сословий, народностей, религий, сект и т. д. в частности и как отражается этот гнет на рабочем классе в особенности. Наконец, на практике эта поддержка выражается тем, что русские социал-демократы готовы заключать союзы с революционерами других направлений ради достижения тех или других частных целей, и эта готовность не раз была доказана на деле.

Тут мы подходим и ко второму вопросу. Указывая на солидарность с рабочими тех или других оппозиционных групп, социал-демократы всегда будут выделять рабочих, всегда будут раз'яснять временный и условный характер этой солидарности, всегда будут подчеркивать классовую обособленность пролетариата, который завтра может оказаться против своих сегодняшних союзников. Нам скажут: «такое указание ослабит всех борцов за политическую свободу в настоящее время». Такое указание усилит всех борцов за политическую свободу,—ответим мы. Сильны только те борцы, которые опираются на сознанные реальные интересы известных классов, и всякое затушевывание этих классовых интересов, играющих уже доминирую-

*) Здесь пропущены имеющиеся в рукописи слова: „будут указывать и на враждебность абсолютизма тем или другим общественным группам". *Ред.*

**) Пропущено имеющееся в рукописи слово: „русских". *Ред.*

щую роль в современном обществе, только ослабит борцов. Это во-первых. А во-вторых, в борьбе против абсолютизма рабочий класс должен выделять себя, ибо только он является до конца последовательным и безусловным врагом абсолютизма, только между ним и абсолютизмом невозможны компромиссы, только в рабочем классе демократизм может найти сторонника без оговорок, без нерешительности, без оглядки назад. Во всех других классах, группах, слоях населения вражда к абсолютизму не безусловна, демократизм их всегда оглядывается назад. Буржуазия не может не сознавать задержку промышленного и общественного развития абсолютизмом, но она боится полной демократизации политического и общественного строя и всегда может вступить в союз с абсолютизмом против пролетариата. Мелкая буржуазия двулична по самой своей природе, и тяготея, с одной стороны, к пролетариату и к демократизму, она, с другой стороны, тяготеет к реакционным классам, пытается задержать историю, способна поддаться на эксперименты и заигрывания абсолютизма (хотя бы в форме «народной политики» Александра III), способна заключить союз с правящими классами против пролетариата ради укрепления своего положения, как мелких собственников. Образованные люди, вообще «интеллигенция» не может не восставать против дикого полицейского гнета абсолютизма, травящего мысль и знание, но материальные интересы этой интеллигенции привязывают ее к абсолютизму, к буржуазии, заставляют ее быть непоследовательной, заключать компромиссы, продавать свой оппозиционный и революционный пыл за казенное жалованье или за участие в прибылях или дивидендах. Что касается до демократических элементов в угнетенных народностях и в преследуемых вероучениях, то всякий знает и видит, что классовые противоречия внутри этих категорий населения гораздо глубже и сильнее, чем солидарность всех классов подобной категории против абсолютизма и за демократические учреждения. Только один пролетариат может быть — и, по своему классовому положению, не может не быть— последовательным до конца демократом, решительным врагом абсолютизма, неспособным ни на какие уступки, компромиссы Только один пролетариат может быть передовым борцом за политическую свободу и за демократические учреждения, ибо, во-первых, на пролетариате политический гнет отражается всего сильнее, не находя никаких коррективов в положении этого класса, не имеющего ни доступа к верховной власти, ни даже доступа к чиновникам, ни влияния на общественное мнение. А во-вторых, только пролетариат способен до конца довести демократизацию политического и обще-

ственного строя, ибо такая демократизация отдала бы этот строй в руки рабочих. Вот почему слияние демократической деятельности рабочего класса с демократизмом остальных групп *) ослабило бы политическую борьбу, сделало бы ее менее решительной, менее последовательной, более способной на компромиссы. Наоборот, выделение рабочего класса, как передового борца за демократические учреждения, усилит демократическое движение, усилит борьбу за политическую свободу, ибо рабочий класс будет подталкивать все остальные демократические и политически оппозиционные элементы, будет толкать либералов к политическим радикалам, будет толкать радикалов на бесповоротный разрыв со всем политическим и социальным строем современного общества. Мы сказали выше, что все социалисты в России должны стать социал-демократами. Мы добавляем теперь: все истинные и последовательные демократы в России должны стать социал-демократами.

Поясним нашу мысль примером. Возьмем учреждение чиновничества, бюрократии, как особого слоя лиц, специализировавшегося на управлении и поставленного в привилегированное положение перед народом. Начиная от абсолютистской, полуазиатской России до культурной, свободной и цивилизованной Англии, мы везде видим это учреждение, составляющее необходимый орган буржуазного общества. Отсталости России и ее абсолютизму соответствует полное бесправие народа перед чиновничеством, полная бесконтрольность привилегированной бюрократии. В Англии есть могучий контроль народа над управлением, но и там этот контроль далеко не полон, и там бюрократия сохраняет не мало привилегий, является нередко господином, а не слугой народа. И в Англии мы видим, что сильные общественные группы поддерживают привилегированное положение бюрократии, препятствуют полной демократизации этого учреждения. Отчего это? Оттого, что полная демократизация его лежит в интересах одного лишь пролетариата: самые передовые слои буржуазии защищают некоторые прерогативы чиновничества, восстают против выборности всех чиновников, против совершенной отмены ценза, против непосредственной ответственности чиновников перед народом и т. п., ибо эти слои чувствуют, что подобной окончательной демократизацией воспользуется пролетариат против буржуазии. Так и в России. Против всевластного, безответственного, подкупного, дикого, невежественного и тунеядствующего русского чиновничества восстановлены

*) В рукописи: „классов и групп". *Ред.*

весьма многочисленные и самые разнообразные слои русского народа. Но кроме пролетариата н и о д и н из этих слоев не допустил бы полной демократизации чиновничества, потому что у всех других слоев (буржуазии *), «интеллигенции» вообще) есть нити, связывающие его с чиновничеством, потому что все эти слои—р о д н я русскому чиновничеству. Кто не знает, как легко совершается на святой Руси превращение интеллигента-радикала, интеллигента-социалиста в чиновника императорского правительства,—чиновника, утешающегося тем, что он приносит «пользу» в пределах канцелярской паутины,—чиновника, оправдывающего этой «пользой» свой политический индифферентизм, свое лакейство перед правительством кнута и нагайки? Только п р о л е т а р и а т безусловно враждебен абсолютизму и русскому чиновничеству, только у п р о л е т а р и а т а нет никаких н и т е й, связывающих его с этими органами дворянско-буржуазного общества, только пролетариат способен на непримиримую вражду и решительную борьбу с ними.

Доказывая, что пролетариат, руководимый в его классовой борьбе социал-демократией, является передовым борцом русской демократии, мы встречаем тут крайне распространенное и крайне странное мнение, будто русская социал-демократия отодвигает назад политические задачи и политическую борьбу. Как видим, это мнение—диаметрально противоположно истине. Чем же об'яснить такое поразительное непонимание принципов социал-демократии, излагавшихся много раз и изложенных уже в первых русских социал-демократических изданиях,—в заграничных брошюрах и книгах группы «Освобождения Труда»? Нам кажется, что об'яснение этого изумительного факта заключается в следующих трех обстоятельствах.

Во-первых, в общем непонимании принципов социал-демократизма представителями старых революционных теорий, привыкшими к построению программ и планов деятельности на основании абстрактных идей, а не на основании учета действующих в стране реальных классов, поставленных историей в такое-то взаимоотношение. Именно отсутствие этого реалистического обсуждения тех и н т е р е с о в, которые поддерживают русскую демократию, и могло лишь вызвать мнение, будто русская социал-демократия оставляет в тени демократические задачи русских революционеров.

Во-вторых, в непонимании того, что соединение экономических и политических вопросов, социалистической и демократической дея-

*) Пропущены имеющиеся в рукописи слова: „мелкой буржуазии". *Ред.*

тельности в одно целое, во единую классовую борьбу пролетариата не ослабляет, а усиливает демократическое движение и политическую борьбу, приближая ее к реальным интересам народных масс, вытаскивая политические вопросы из «тесных кабинетов интеллигенции» на улицу, в среду рабочих и трудящихся классов, разменивая абстрактные идеи политического гнета на те реальные проявления его, от которых страдает всего больше пролетариат и на почве которых ведет свою агитацию социал-демократия. Русскому радикалу нередко кажется, что социал-демократ, который вместо того, чтобы прямо и непосредственно звать передовых рабочих на политическую борьбу, указывает *) на задачу развития рабочего движения, организацию классовой борьбы пролетариата,—что социал-демократ таким образом отступает от своего демократизма, отодвигает назад политическую борьбу. Но если здесь и есть отступление, то разве такое, о котором говорит французская поговорка: «il faut reculer pour mieux sauter!» (Нужно отступить, чтобы сильнее прыгнуть).

В-третьих, недоразумение вызвано тем, что самое понятие «политическая борьба» имеет различное значение для народовольца и народоправца, с одной стороны, и для социал-демократа,—с другой. Социал-демократы иначе понимают политическую борьбу, они понимают ее гораздо шире, чем представители старых революционных теорий. Наглядную иллюстрацию к этому положению, которое может показаться парадоксом, дает нам «Летучий Листок группы Народной Воли» № 4 от 9 декабря 1895 г. Приветствуя от всей души это издание, свидетельствующее о глубокой и плодотворной работе мысли, которая идет в среде современных народовольцев, мы не можем не отметить статьи П. Л. Лаврова «О программных вопросах» (стр. 19—22), которая рельефно показывает иное понимание политической борьбы народовольцами старого толка **). «...Здесь—пишет П. Л. Лавров, говоря об отношении программы народовольческой к программе социал-демократической—существенно одно и только одно: возможна ли организация сильной рабочей партии при абсолютизме и помимо организации рево-

*) В рукописи: „вместо этого указывает". *Ред.*

**) Статья П. Л. Лаврова, напечатанная в № 4, есть лишь „выдержка" из обширного письма П. Л. Лаврова, предназначенного для „Материалов". Мы слышали, что нынешним летом (1897) вышло за границей и это письмо П. Л. Лаврова в полном виде и ответ Плеханова, но мы не могли видеть ни того, ни другого. Точно так же неизвестно нам, вышел ли № 5 „Лет. Л. Н. В.", в котором редакция обещала редакционную статью по поводу письма П. Л. Лаврова. См № 4, сто. 22, столбец 1, примечание [88]).

люционной партии, направленной против абсолютизма?» (с. 21, столб. 2); то же самое несколько выше: «...организовать русскую рабочую партию при господстве абсолютизма, не организуя в то же время революционной партии против этого абсолютизма». Нам совершенно непонятны эти различия, для П. Л. Лаврова столь кардинально существенные. Как это? «Рабочая партия помимо революционной партии, направленной против абсолютизма»?? Да разве сама рабочая партия не есть революционная партия? Разве она не направлена против абсолютизма? Раз'яснение этой странности дает следующее место статьи П. Л. Лаврова: «Организацию русской рабочей партии приходится создавать при условии существования абсолютизма со всеми его прелестями. Если социал-демократам удалось бы сделать это, не организуя в то же время политического заговора *) против абсолютизма со всеми условиями подобного заговора, то, конечно, их политическая программа была бы надлежащей программой русских социалистов, так как освобождение рабочих **) силами самих рабочих совершалось бы. Но оно весьма сомнительно, если не невозможно» (стр. 21, ст. 1). Вот в чем суть-то! Для народовольца понятие политической борьбы тождественно с понятием политического заговора Надо сознаться, что в этих словах П. Л. Лаврову удалось действительно с полной рельефностью указать основное различие в тактике политической борьбы у народовольцев и у социал-демократов. Традиция бланкизма, заговорщичества страшно сильны у народовольцев, до того сильны, что они не могут себе представить политической борьбы иначе, как в форме политического заговора. Социал-демократы же в подобной узости воззрений не повинны; в заговоры они не верят; думают, что время заговоров давно миновало, что сводить политическую борьбу к заговору значит непомерно ее суживать, с одной стороны, а с другой—выбирать самые неудачные приемы борьбы. Всякий понимает, что слова П. Л Лаврова, будто «деятельность Запада служит для русских социал-демократов безусловно образцом» (стр. 21, ст. 1), являются не больше, как полемической выходкой, а что на самом деле никогда русские социал-демократы не забывали о наших политических условиях, никогда не мечтали о возможности создать в России открыто рабочую партию, никогда не отделяли борьбы за социализм от задачи борьбы за политическую свободу. Но они думали всегда и продолжают думать, что эту борьбу должны вести не заговорщики, а революционная партия, опираю-

*) Курсив наш.

**) В рукописи: „рабочих же". *Ред.*

щаяся на рабочее движение. Они думают, что борьба против абсолютизма должна состоять не в устройстве заговоров, а в воспитании, дисциплинировании и организации пролетариата, в политической агитации среди рабочих, клеймящей всякое проявление абсолютизма, прибивающей к позорному столбу всех рыцарей полицейского правительства и вынуждающей у этого правительства уступки. Разве не такова именно деятельность С.-Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»? Разве эта организация не представляет из себя именно зачатка революционной партии, которая опирается на рабочее движение, руководит классовой борьбой пролетариата, борьбой против капитала и против абсолютного правительства, не устраивая никаких заговоров и почерпая свои силы именно из с о е д и н е н и я социалистической и демократической борьбы в одну нераздельную классовую борьбу петербургского пролетариата? Разве деятельность «Союза», при всей ее краткости, не доказала уже, что руководимый социал-демократией пролетариат представляет из себя крупную политическую силу, с которой вынуждено уже считаться правительство, которой оно спешит делать уступки? Зак. 2 июня 1897 г. как торопливостью его проведения, так и своим содержанием наглядно показывает свое значение, как вынужденной уступки пролетариату, как отвоеванной позиции у врага русского народа. Эта уступка весьма миниатюрна, позиция очень незначительна, но ведь и та организация рабочего движения, которой удалось вынудить эту уступку, тоже не отличается ни широтой *), ни давностью, ни богатством опыта или средств: «Союз Борьбы» основался, как известно, лишь в 1895—96 году, и его обращения к рабочим ограничивались лишь гектографскими и литографскими листами. Возможно ли отрицать, что подобная организация, об'единяющая, по крайней мере, крупнейшие центры рабочего движения в России (округа Спб-ий, М.-Владимирский, южный и важнейшие города, как Одесса, Киев, Саратов и т. д.), располагающая революционным органом и пользующаяся таким же авторитетом в среде русских рабочих, каким пользуется «Союз Борьбы» среди спб-их рабочих,—что подобная организация была бы крупнейшим политическим фактором в современной России,—фактором, с которым правительство не могло бы не считаться во всей своей и внутренней и внешней политике? Руководя классовой борьбой пролетариата, развивая организацию и дисциплину среди рабочих, помогая им бороться за свои ближайшие экономические нужды и отвоевывать у капитала одну позицию за другой, политически воспитывая рабочих и

*) Пропущено имеющееся в рукописи: „ни прочностью". *Ред*

систематически, неуклонно преследуя абсолютизм, травя каждого царского башибузука, дающего почувствовать пролетариату тяжелую лапу полицейского правительства,—подобная организация была бы, в одно и то же время, и приспособленной к нашим условиям организацией рабочей партии и могучей революционной партией, направленной против абсолютизма. Рассуждать же наперед о том, к какому средству прибегнет эта организация для нанесения решительного удара абсолютизму, предпочтет ли она, например, восстание или массовую политическую стачку или другой прием атаки,—рассуждать об этом наперед и решать этот вопрос в настоящее время было бы пустым доктринерством. Это было бы похоже на то, как если бы генералы устроили военный совет раньше, чем они собрали войско, мобилизовали его, повели в поход на неприятеля. А когда армия пролетарита будет неуклонно и под руководством крепкой социал-демократической организации бороться за свое экономическое и политическое освобождение,—тогда эта армия сама укажет генералам и приемы и средства действия. Тогда и только тогда можно будет решить вопрос о нанесении окончательного удара абсолютизму, ибо решение вопроса зависит именно от состояния рабочего движения, от широты его, от выработанных движением приемов борьбы, от свойств руководящей движением революционной организации, от отношения к пролетариату и к абсолютизму других общественных элементов, от условий внешней и внутренней политики,— одним словом, от тысячи условий, предугадывать которые наперед и невозможно, и бесполезно.

Поэтому в высшей степени несправедливо также и следующее суждение П. Л. Лаврова:

«Если же им (социал-демократам) придется, так или иначе, группировать не только рабочие силы для борьбы с капиталом, но сплачивать революционных личностей и группы для борьбы с абсолютизмом, то русские социал-демократы фактически *) примут программу своих противников народовольцев, как бы они себя ни называли. Разница во взглядах на общину, на судьбы капитализма в России, на экономический материализм суть частности, весьма маловажные для действительного дела и способствующие или мешающие решению частных задач, частных приемов подготовления основных пунктов,—но не более» (стр. 21).

Странно даже оспаривать это последнее положение, будто разница во взглядах на основные вопросы русской жизни и развития русского общества, на основные вопросы понимания истории могут касаться лишь

*) В рукописи оговорено: „(курсив автора)". *Ред.*

«частностей»! Давно уже сказано, что без революционной теории не может быть и революционного движения, и в настоящее время вряд ли есть надобность доказывать подобную истину. Теория классовой борьбы, материалистическое понимание русской истории и материалистическая оценка современного экономического и политического положения России, признание необходимости сводить революционную работу *) к определенным интересам определенного класса, анализируя его отношения к другим классам—называть эти крупнейшие революционные вопросы—«частностями», до такой степени колоссально неверно и неожиданно со стороны ветерана революционной теории, что мы почти готовы считать это место просто lapsus'ом. Что же касается до первой половины выписанной тирады, то ее несправедливость еще поразительнее. Заявлять печатно, что русские социал-демократы только группируют рабочие силы для борьбы с капиталом (т.-е. для одной экономической борьбы!), не сплачивая революционных личностей и групп для борьбы с абсолютизмом—это значит либо не знать, либо не хотеть знать общеизвестных фактов о деятельности русских социал-демократов. Или, может быть, П. Л. Лавров не считает практически работающих в рядах социал-демократов **) «революционными личностями» и «революционными группами»?! Или (это, пожалуй, вернее) под «борьбой» с абсолютизмом он разумеет только заговоры против абсолютизма? (Ср. стр. 21, столбец 2: ...«дело идет об... организации революционного заговора»; курсив наш). Может быть, по мнению П. Л. Лаврова, тот, кто не устраивает политических заговоров, не ведет и политической борьбы? Повторяем еще раз: такое воззрение вполне соответствует старинным традициям старинного народовольчества, но оно совершенно не соответствует ни современным представлениям о политической борьбе, ни современной действительности.

Нам остается еще сказать несколько слов о народоправцах. П. Л. Лавров вполне прав, по нашему мнению, говоря, что социал-демократы рекомендуют народоправцев, как более откровенных, и готовы их поддерживать, впрочем, не сливаясь с ними (стр. 19, ст. 2); надо бы только добавить: как более откровенных демократов и поскольку народоправцы выступают, как последовательные демократы. К сожалению, это условие—скорее желательное будущее, чем действительное настоящее. Народоправцы выразили желание освободить демократические задачи от народничества и вообще от связи с устарелыми формами

---

*) В рукописи: „революционную борьбу". *Ред.*

**) В рукописи: „не считает практически работающих в Р. с.-д-ов". *Ред*

«русского социализма», но они оказались сами далеко не освободившимися от старых предрассудков и далеко непоследовательными, когда назвали свою партию исключительно политических преобразований—партиею «социально (??!)-революционной» (см. «Манифест» их от 19 февраля 1894 года) и заявили в своем «манифесте», что «в понятие народного права входит организация *) производства» (мы вынуждены цитировать на память), вводя таким образом под сурдинкой те же предрассудки народничества. Поэтому, пожалуй, П. Л. Лавров был не совсем не прав, назвав их «маскарадными политиками» (стр. 20, ст. 2). Но, может быть, более справедливо смотреть на народоправство, как на переходное учение, которому нельзя не поставить в заслугу того, что оно устыдилось самобытности народнических доктрин и открыто вступило в полемику с теми отвратительнейшими реакционерами народничества, которые перед лицом полицейского классового абсолютизма позволяют себе говорить о желательности экономических, а не политических преобразований (см. «Насущный вопрос», издание партии Народного права). Если в партии народоправцев нет действительно никого кроме бывших социалистов, прячущих свое социалистическое знамя в видах тактических, надевающих только маску политиков не-социалистов (как предполагает П. Л. Лавров, стр. 20, ст. 2),—тогда, конечно, эта партия не имеет никакой будущности. Но если в этой партии есть и немаскарадные а настоящие политики не-социалисты, демократы не-социалисты,—тогда эта партия может принести не малую пользу, стараясь сблизиться с политически оппозиционными элементами нашей буржуазии, стараясь пробудить политическое самосознание класса нашей мелкой буржуазии, мелких торговцев, мелких ремесленников и т. д.,—этого класса, который везде в Западной Европе сыграл свою роль в демократическом движении, который у нас в России сделал особенно быстрые успехи в культурном и других отношениях за пореформенную эпоху и который не может не чувствовать гнета полицейского правительства с его циничной поддержкой крупных заводчиков, финансовых и промышленных тузов-монополистов. Для этого необходимо только, чтобы народоправцы поставили своей задачей именно сближение с различными слоями населения, а не ограничивались все той же «интеллигенцией», бессилие которой при оторванности от реальных интересов масс признает и «Насущный вопрос». Для этого необходимо, чтобы народоправцы оставили всякие претензии на слияние разнородных общественных элементов и отстранение социализма перед политическими зада-

*) В последующих изданиях вставлено отсутствующее как в рукописи, так и в 1-м издании слово: „народного". *Ред.*

чами, чтобы они оставили ложный стыд, препятствующий сближению с буржуазными слоями народа, т.-е. чтобы они не только говорили о программе политиков не-социалистов, но и поступали сообразно с этой программой, пробуждая и развивая классовое самосознание тех общественных групп и классов, для которых социализм вовсе не нужен, но которые чем дальше, тем сильнее чувствуют гнет абсолютизма и необходимость политической свободы.

Русская социал-демократия еще очень молода. Она только-только выходит из того зародышевого состояния, когда преобладающее место занимали вопросы теоретические. Она только начинает развивать свою практическую деятельность. На место критики социал-демократических теорий и программ революционеры других фракций должны, в силу необходимости, выступать с критикой практической деятельности русских социал-демократов. И надо признать, что эта последняя критика отличается самым резким образом от критики теоретической, отличается до того, что оказалось возможным сочинить комический слух, будто Спб-ий «Союз Борьбы» есть организация не социал-демократическая. Самая возможность подобного слуха показывает уже неправильность ходячих обвинений социал-демократов в игнорировании политической борьбы. Самая возможность такого слуха свидетельствует уже о том, что многие революционеры, которых не могла убедить теория социал-демократов, начинают убеждаться их практикой.

Перед русской соц.-демократией еще громадное, едва начатое поле работы. Пробуждение русского рабочего класса, его стихийное стремление к знанию, к объединению, к социализму, к борьбе против своих эксплоататоров и угнетателей проявляется с каждым днем все ярче и шире. Гигантские успехи, которые делает русский капитализм в последнее время, ручаются за то, что рабочее движение будет безостановочно расти вширь и вглубь. В настоящее время мы переживаем, видимо, тот период капиталистического цикла, когда промышленность «процветает», торговля идет бойко, фабрики работают во-всю и, как грибы после дождя, появляются бесчисленные новые заводы, новые предприятия, акционерные общества, железнодорожные сооружения и т. д. и т. д. Не надо быть пророком, чтобы предсказать неизбежность краха (более или менее крутого), который должен последовать за этим «процветанием» промышленности. Такой крах разорит массу мелких хозяйчиков, бросит массу рабочих в ряды безработных и поставит, таким образом,

перед всеми рабочими массами в острой форме те вопросы социализма и демократизма, которые давно уже встали перед каждым сознательным, каждым думающим рабочим. Русские социал-демократы должны позаботиться о том, чтобы этот крах застал русский пролетариат более сознательным, более об'единенным, понимающим задачи русского рабочего класса, способным дать отпор классу капиталистов, пожинающих нынче гигантские барыши и стремящихся всегда сваливать убытки на рабочих,—способным вступить во главе русской демократии в решительную борьбу против полицейского абсолютизма, связывающего по рукам и по ногам русских рабочих и весь русский народ.

Итак, за работу же, товарищи! Не будем терять дорогого времени! Русским социал-демократам предстоит масса дела по удовлетворению запросов пробуждающегося пролетариата, по организации рабочего движения, по укреплению революционных групп и их взаимной связи, по снабжению рабочих пропагандистской и агитационной литературой, по об'единению разбросанных по всем концам России рабочих кружков и социал-демократических групп в единую социал-демократическую рабочую партию!

К петербургским рабочим и социалистам от „Союза Борьбы".

Тяжелое время переживают петербургские революционеры. Правительство точно собрало все свои силы, чтобы раздавить недавно зародившееся и проявившее себя с такой силой рабочее движение. Аресты приняли необычайные размеры, тюрьмы переполнены. Хватают интеллигентов, мужчин и женщин, хватают и массами высылают рабочих. Едва ли не каждый день приносит известия о новых и новых жертвах полицейского правительства, в бешенстве набросившегося на своих врагов. Правительство задалось задачей не дать окрепнуть и встать на ноги новому течению русского революционного движения. Прокуроры и жандармы хвастают уже, что им удалось разгромить «Союз Борьбы».

Эта похвальба — ложь. «Союз Борьбы» цел, несмотря на все преследования. С полным удовлетворением мы констатируем, что массовые аресты служат свою службу, являясь могучим орудием агитации среди рабочих и среди интеллигентов - социалистов, что на место погибших революционеров выдвигаются новые, готовые с свежими силами встать в ряды борцов за русский пролетариат и весь русский народ Без жертв не может быть борьбы, и на зверскую травлю царских башибузуков мы

отвечаем спокойно: революционеры погибли — да здравствует революция!

Усиление преследований в состоянии было до сих пор вызвать лишь временное ослабление отдельных функций «Союза Борьбы», временный недостаток в агентах и агитаторах. Именно такой недостаток ощущается теперь и заставляет нас обратиться с воззванием ко всем сознательным рабочим и ко всем интеллигентам, желающим отдать свои силы на службу революционному делу. «Союзу Борьбы» нужны агенты. Пусть все кружки и все отдельные лица, желающие работать в какой бы то ни было, хотя бы самой узкой сфере революционной деятельности, заявят об этом тем, кто имеет сношения с «Союзом Борьбы». (В случае, если бы какая-нибудь группа не могла найти таких лиц,—что очень мало вероятно,—она может обратиться через заграничный «Союз русских социал-демократов».)—Работники нужны для всякого рода работы, и чем строже специализируются революционеры на отдельных функциях революционной деятельности, чем строже обдумают они конспиративные приемы и прикрытия своего дела, чем самоотверженнее замкнутся в маленькой, невидной, частичной работе, — тем надежнее будет все дело, тем труднее будет открыть революционеров жандармам и шпионам. Правительство опутало уже заранее сетью своих агентов не только настоящие, но и возможные, вероятные очаги антиправительственных элементов. Правительство неуклонно развивает и вширь и вглубь деятельность своих слуг, травящих революционеров, изобретает новые приемы, ставит новых провокаторов, старается давить на арестованных посредством запутываний, пред'явления ложных показаний, подделыных подписей, подбрасыванья фальшивых записок и т. п. средствами. Без усиления и развития революционной дисциплины, организации и конспирации невозможна борьба с правительством. А конспирация прежде всего требует специализации отдельных кружков и лиц на отдельных функциях работы и предоставления об'единяющей роли самому незначительному по числу членов центральному ядру «Союза Борьбы». Отдельные функции революционной работы бесконечно разнообразны: нужны агитаторы легальные, умеющие говорить среди рабочих так, чтобы их *нельзя было* привлечь к суду за это, умеющие говорить только *а*, предоставляя другим сказать *б* и *в*. Нужны распространители литературы, листков. Нужны организаторы рабочих кружков и групп. Нужны корреспонденты со всех фабрик и заводов, доставляющие сведения о всех происшествиях. Нужны люди, следящие за шпионами и провокаторами. Нужны устроители конспиративных квартир. Нужны люди для передачи литературы, для передачи поручений, для сношений

всякого рода. Нужны сборщики денег. Нужны агенты в среде интеллигенции и чиновничества, соприкасающиеся с рабочими, с фабрично-заводским бытом, с администрацией (с полицией, фабричной инспекцией и т. д.). Нужны люди для сношений с различными городами России и других стран. Нужны люди для устройства разных способов механического воспроизведения всякой литературы. Нужны люди для хранения литературы и других вещей и т. д., и т. д. Чем дробнее, мельче будет то дело, которое возьмет на себя отдельное лицо или отдельная группа,— тем больше шансов, что ему удастся обдуманно поставить это дело и наиболее гарантировать его от краха, обсудить все конспиративные частности, применив всевозможные способы обмануть бдительность жандармов и ввести их в заблуждение, тем надежнее успех дела, тем труднее для полиции и жандармов проследить революционера и связь его с организацией, тем легче будет для революционной партии заменять погибших агентов и членов другими без ущерба для всего дела. Мы знаем, что такая специализация—очень трудная вещь, трудная потому, что она требует наиболее выдержки и наиболее самоотвержения от человека, требует отдачи всех сил на невидную работу, однообразную, лишенную сношений с товарищами, подвергающую всю жизнь революционера сухой и строгой регламентации. Но только при этих условиях удавалось корифеям революционной практики в России приводить в исполнение самые грандиозные предприятия, затрачивая годы на всестороннюю подготовку дела, и мы глубоко уверены, что у социал-демократов окажется не меньше самоотвержения, чем у революционеров предыдущих поколений. Мы знаем также, что по предлагаемой нами системе многим лицам, рвущимся приложить свои силы к революционной работе, будет очень тяжел тот подготовительный период, покуда «Союз Борьбы» соберет надлежащие сведения о предлагающем свои услуги лице или группе и испытает его способность на отдельных поручениях Но без такого предварительного искуса невозможна революционная деятельность в современной России.

Предлагая такую систему деятельности своим новым товарищам, мы высказываем положения, к которым привел нас продолжительный опыт, глубоко убежденные, что успешность революционной работы наиболее гарантирована при этой системе.

ПРОТЕСТ РОССИЙСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ

Написано в ссылке летом 1899 г. Напечатано впервые за границей в сент. или октябре 1899 г. в виде оттиска из № 4—5 „Рабочего Дела“ [89].

Собрание социал-демократов одной местности (России), в числе семнадцати человек, приняло ЕДИНОГЛАСНО следующую резолюцию и постановило опубликовать ее и передать на обсуждение всем товарищам [90]).

В последнее время среди русских социал-демократов замечаются отступления от тех основных принципов русской социал-демократии, которые были провозглашены как основателями и передовыми борцами—членами «Группы Освобождения Труда»,—так и социал-демократическими изданиями русских рабочих организаций 90-х годов. Ниже приводимое «credo», долженствующее выражать основные взгляды некоторых («молодых») русских социал-демократов, представляет из себя попытку систематического и определенного изложения «новых воззрений».—Вот это «credo» в полном виде.

„Существование цехового и мануфактурного периода на Западе наложило резкий след на всю последующую историю, в особенности на историю социал-демократии. Необходимость для буржуазии завоевать свободные формы, стремление освободиться от сковывающих производство цеховых регламентаций, сделали ее, буржуазию, революционным элементом; она повсюду на Западе начинает с liberté, fraternité, égalité (свобода, братство и равенство), с завоевания свободных политических форм. Но этим завоеванием она, по выражению Бисмарка, выдавала вексель на будущее своему антиподу—рабочему классу. Почти повсюду на Западе рабочий класс, как класс, не завоевал демократических учреждений,—он ими пользовался. Нам могут возразить, что он участвовал в революциях. Исторические справки опровергнут это мнение, так как именно в 1848 г., когда произошло на Западе упрочение конституции, рабочий класс представлял из себя ремесленно-городской элемент, мещанскую демократию; фабричный же пролетариат почти не существовал, а пролетариат крупного производства (ткачи Германии—Гауптман, ткачи Лиона) представлял из себя дикую массу, способную лишь к бунтам, но отнюдь не к выставлению каких-либо политических требований. Можно прямо сказать, что конституции 1848 г. были завоеваны буржуазией и мелким мещанством, артизанами. С другой стороны, рабочий класс (артизаны и рабочие мануфактур, типографщики, ткачи, часовых дел мастера и пр.) с средних веков еще привык участвовать в организациях, в кассах взаимопомощи, религиозных обществах и пр. Этот организационный дух до сих пор еще живет у обученных рабочих Запада и резко отличает их от фабричного пролетариата, плохо и медленно поддающегося организации к способного лишь к так называемым lose-

organisation (временным организациям), а не к прочным организациям с уставами и регламентами. Эти же мануфактурно-обученные рабочие составили ядро социал-демократических партий. Таким образом получилась следующая картина: сравнительная легкость и полная возможность политической борьбы, с одной стороны, с другой—возможность планомерной организации этой борьбы с помощью воспитанных мануфактурным периодом рабочих. На этой почве вырос на Западе теоретический и практический марксизм. Исходной точкой явилась парламентарная политическая борьба с перспективой—только по внешности сходной с бланкизмом, по происхождению совершенно другого характера, — с перспективой захвата власти, с одной стороны, Zusammenbruch'а (катастрофы) — с другой. Марксизм явился теоретическим выражением господствующей практики: политической борьбы, превалирующей над экономической. И в Бельгии, и во Франции, особенно в Германии рабочие с невероятной легкостью организовали политическую борьбу и с страшным трудом, с огромным трением—экономическую. И до сих пор экономические организации по сравнению с политическими (не касаюсь Англии) страдают необычайной слабостью и неустойчивостью и повсюду laissent à désirer quelque chose (оставляют кое-чего желать). Пока энергия в политической борьбе не была вся исчерпана—Zusammenbruch являлся необходимым организующим Schlagwort'ом (ходячей фразой), которому суждено было сыграть огромную историческую роль. Основной закон, который можно вывести при изучении рабочего движения—линия наименьшего сопротивления. На Западе такой линией являлась политическая деятельность, и марксизм, в том виде, в каком он был формулирован в Коммунистическом Манифесте, явился как нельзя более удачной формой, в которой должно было вылиться движение. Но когда в политической деятельности была исчерпана вся энергия, когда политическое движение дошло до такой напряженности, дальше которой вести его было трудно и почти невозможно (медленный рост голосов за последнее время, апатия публики на собраниях, унылый тон литературы), с другой стороны, бессилие парламентской деятельности и выступление на арену черной массы, неорганизованного и почти не поддающегося организации фабричного пролетариата, создали на Западе то, что носит теперь название Бернштейниады [91]), кризиса марксизма. Более логического хода вещей, чем период развития рабочего движения от Коммунистического Манифеста до Бернштейниады, трудно себе представить, и внимательное изучение всего этого процесса может с точностью астронома определить исход этого „кризиса". Речь идет здесь, конечно, не о поражении или победе Бернштейниады — это мало интересно; речь идет о коренном изменении практической деятельности, которое уже давно понемногу совершается в недрах партии.

Изменение это произойдет не только в сторону более энергичного ведения экономической борьбы, упрочения экономических организаций, но также, и это самое существенное, в сторону изменения отношения партии к остальным оппозиционным партиям. Марксизм нетерпимый, марксизм отрицающий, марксизм примитивный (пользующийся слишком схематичным представлением классового деления общества) уступит место марксизму демократическому, и общественное положение партии в недрах современного общества должно резко измениться. Партия п р и з н а е т общество; ее узко-корпоративные, в большинстве случаев сектантские задачи расширятся до задач общественных и ее стремление к захвату власти преобразуется в стремление к изменению, к реформированию современного общества в демократическом направлении, приспособленно к современному поло-

жению вещей с целью наиболее удачной, наиболее полной защиты прав (всяческих) трудящихся классов. Содержание понятия „политика" расширится до истинно общественного значения, и практические требования минуты получат больше веса, могут рассчитывать на большее внимание, чем это было до сих пор.

Нетрудно из этого краткого описания хода развития рабочего движения на Западе сделать вывод для России. Линия наименьшего сопротивления у нас никогда не будет направлена в сторону политической деятельности. Невозможный политический гнет заставит много говорить о нем и именно на этом вопросе сосредоточивать внимание, но никогда не заставит он практически действовать. Если на Западе слабые силы рабочих, будучи вовлечены в политическую деятельность, окрепли на ней и сформировались, у нас—слабые силы эти, наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только не имеют практических путей для борьбы с ним, а следовательно, и для своего развития, но даже систематически душатся им и не могут пускать даже слабых ростков. Если прибавить к этому, что рабочий класс наш не получил в наследие того организационного духа, каким отличались борцы Запада, — то картина получится удручающая и способная повергнуть в уныние самого оптимистического марксиста, веряшего в то, что лишняя фабричная труба уже одним фактом своего существования, несет великое благополучие. Трудна, бесконечно трудна и экономическая борьба, но она возможна, она, наконец, практикуется самими массами. Приучаясь в этой борьбе к организации и поминутно наталкиваясь в ней на политический режим, русский рабочий создаст, наконец, то, что можно назвать формой рабочего движения, создаст ту или те организации, которые наиболее подходят к условиям русской действительности. В настоящее время можно с уверенностью сказать, что русское рабочее движение находится еще в амебовидном состоянии и никакой формы не создало. Стачечное движение, существуя при всякой форме организации, не может еще быть названо кристаллизованной формой русского движения, а нелегальные организации уже с чисто количественной точки зрения не заслуживают внимания (не говоря об их полезности при настоящих условиях).

Вот положение. Если прибавить сюда еще голодухи и процесс разорения деревни, способствующие Streikbrecher'ству, и, следовательно, еще бо́льшую трудность под'ема рабочих масс на более сносный культурный уровень, то... что же тут делать русскому марксисту?! Разговоры о самостоятельной рабочей политической партии суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву. Русский марксист—пока печальное зрелище. Его практические задачи в настоящем мизерны, его теоретические познания, поскольку он пользуется ими *не как орудием исследования*, а как схемой деятельности, не имеют цены для выполнения даже этих мизерных практических задач. Кроме того, эти схемы, взятые с чужого плеча, в смысле практики являются вредными. Забыв, что на Западе рабочий класс выступил уже на расчищенное политическое поле деятельности, наши марксисты, более чем это нужно, относятся с презрением к радикально или либерально-оппозиционной деятельности всех других не-рабочих слоев общества. Малейшие попытки сосредоточить внимание на общественных проявлениях либерально-политического свойства вызывают протест ортодоксальных марксистов, забывающих, что целый ряд исторических условий мешает нам быть марксистами Запада, и требует от нас иного марксизма, уместного и нужного в русских условиях. Отсутствие у каждого русского гражданина политического чувства и чутья не может, очевидно, быть

искуплено разговорами о политике, или воззваниями к несуществующей силе. Это политическое чутье может быть дано лишь воспитанием, т.-е. участием в той жизни (как бы она ни была немарксистична), которую предлагает русская действительность. Настолько „отрицание" было уместно (временно) на Западе, настолько у нас оно вредно, потому что отрицание, исходящее из чего-то организованного и имеющего фактическую силу—одно, а отрицание, исходящее из бесформенной массы разбросанных личностей,—другое.

Для русского марксиста исход один: участие, т.-е. помощь экономической борьбе пролетариата и участие в либерально-оппозиционной деятельности. Как „отрицатель", русский марксист пришел очень рано, а это отрицание ослабило в нем ту долю энергии, которая должна направляться в сторону политического радикализма. Пока все это не страшно, но если классовая схема помешает деятельному участию русского интеллигента в жизни и отодвинет его слишком далеко от оппозиционных кругов,—это будет существенный ущерб для всех, кто вынужден бороться за правовые формы не об руку с рабочим классом, еще не выдвинувшим политических задач. Политическая невинность русского марксиста-интеллигента, скрытая за головными рассуждениями на политические темы, может сыграть с ним скверную штуку".

Мы не знаем, много ли найдется русских социал-демократов, разделяющих эти воззрения. Но несомненно, что вообще идеи этого рода имеют сторонников, и потому мы считаем себя обязанными категорически протестовать против подобных воззрений и предостеречь всех товарищей от грозящего совращения русской социал-демократии с намеченного уже ею пути, именно: образования самостоятельной политической рабочей партии, неотделимой от классовой борьбы пролетариата и ставящей своей ближайшей задачей завоевание политической свободы.

Выше приведенное «credo» представляет из себя, во-первых, «краткое описание хода развития рабочего движения на Западе» и, во-вторых, «выводы для России».

Совершенно неверны прежде всего представления авторов «credo» о прошлом западно-европейского рабочего движения. Неверно, что рабочий класс на Западе не участвовал в борьбе за политическую свободу и в политических революциях. История чартизма, революция 48 г. во Франции, Германии, Австрии доказывают обратное. Совершенно неверно, что «марксизм явился теоретическим выражением господствующей практики: политической борьбы, превалирующей над экономической» Напротив, «марксизм» появился тогда, когда господствовал социализм неполитический (овенизм, «фурьеризм», «истинный социализм»), и Коммунистический Манифест сразу выступил против неполитического социализма. Даже тогда, когда марксизм выступил во всеоружии теории («Капитал») и организовал знаменитое Международное Общество Рабочих, политическая борьба отнюдь не была господствующей практи-

кой (узкий тред-юнионизм в Англии, анархизм и прудонизм в романских странах). В Германии великая историческая заслуга Лассаля состояла в том, что он превратил рабочий класс из хвоста либеральной буржуазии в самостоятельную политическую партию. Марксизм связал в одно неразрывное целое экономическую и политическую борьбу рабочего класса, и стремление авторов «credo» отделить эти формы борьбы принадлежит к самым неудачным и печальным отступлениям их от марксизма.

Далее, совершенно неверны также представления авторов «credo» о современном положении западно-европейского рабочего движения и той теории марксизма, под знаменем которого идет это движение. Говорить о «кризисе марксизма» значит повторять бессмысленные фразы буржуазных писак, усиливающихся раздуть всякий спор между социалистами и превратить его в раскол социалистических партий. Пресловутая Бернштейниада—в том смысле, в каком ее обыкновенно понимает широкая публика вообще и авторы «credo» в частности,—означает попытку сузить теорию марксизма, попытку превратить революционную рабочую партию в реформаторскую, и эта попытка, как и следовало ожидать, встретила решительное осуждение со стороны большинства германских социал-демократов. Оппортунистические течения не раз обнаруживались в германской социал-демократии и всякий раз были отвергаемы партией, которая верно хранит заветы революционной международной социал-демократии. Мы уверены, что всякие попытки перенести оппортунистические воззрения в Россию встретят столь же решительный отпор со стороны громадного большинства русских социал-демократов.

Точно также не может быть и речи ни о каком «коренном изменении практической деятельности» западно-европейских рабочих партий, вопреки авторам «credo»: громадное значение экономической борьбы пролетариата и необходимость такой борьбы были признаны марксизмом с самого начала, и еще в сороковых годах Маркс и Энгельс полемизировали против утопических социалистов, отрицавших значение такой борьбы.

Когда, около 20-ти лет спустя, образовалось Международное Общество Рабочих, вопрос о значении профессиональных рабочих союзов и экономической борьбы был поднят на первом же конгрессе в Женеве в 1866 году. Резолюция этого конгресса точно указала значение экономической борьбы, предостерегая социалистов и рабочих, с одной стороны, от преувеличения ее значения (заметного у английских рабочих в то время), с другой стороны, от недостаточной оценки ее значения (что замечалось у французов и немцев, особенно у лассальянцев). Резо-

люция признала профессиональные рабочие союзы не только закономерными, но и необходимым явлением при существовании капитализма;— признала их крайне важными для организации рабочего класса в его ежедневной борьбе с капиталом и для уничтожения наемного труда. Резолюция признала, что профессиональные рабочие союзы не должны обращать исключительного внимания на «непосредственную борьбу против капитала», не должны сторониться от общего политического и социального движения рабочего класса; их цели не должны быть «узкими», а должны стремиться к всеобщему освобождению угнетенных миллионов рабочего люда. С тех пор среди рабочих партий разных стран не раз поднимался и не раз будет, конечно, подниматься вопрос о том, не следует ли в данный момент обратить несколько больше или меньше внимания на экономическую или политическую борьбу пролетариата; но общий или принципиальный вопрос и сейчас стоит так, как он поставлен марксизмом. Убеждение в том, что единая классовая борьба необходимо должна соединять политическую и экономическую борьбу, перешло в плоть и кровь международной социал-демократии. Исторический опыт неопровержимо свидетельствует далее, что отсутствие свободы или стеснение политических прав пролетариата всегда ведет к необходимости выдвинуть политическую борьбу на первый план.

Еще менее может быть речи о сколько-нибудь существенном изменении в отношении рабочей партии к остальным оппозиционным партиям. И в этом отношении марксизм указал верную позицию, одинаково далекую от преувеличения значения политики и от заговорщичества (бланкизма и проч.), и от пренебрежения политикой или сужения ее до оппортунистического, реформаторского социального штопанья (анархизм, утопический и мелко-буржуазный социализм, государственный социализм, профессорский социализм и проч.). Пролетариат должен стремиться к основанию самостоятельных политических рабочих партий, главной целью которых должен быть захват политической власти пролетариатом для организации социалистического общества. На другие классы и партии пролетариат отнюдь не должен смотреть, как на «одну реакционную массу»: напротив, он должен участвовать во всей политической и общественной жизни, поддерживать прогрессивные классы и партии против реакционных, поддерживать всякое революционное движение против существующего строя, являться защитником всякой угнетенной народности или расы, всякого преследуемого вероучения, бесправного пола и т. д. Рассуждения на эту тему авторов «credo» свидетельствуют лишь о стремлении затушевать классовой характер борьбы пролетариата, обессилить эту борьбу каким-то бессмысленным «призна-

нием общества», сузить революционный марксизм до дюжинного реформаторского течения. Мы убеждены, что громадное большинство русских социал-демократов безусловно отвергнет подобное искажение основных принципов социал-демократии. Неверные посылки относительно западно-европейского рабочего движения приводит авторов «credo» к еще более неверным «выводам для России».

Утверждение, что русский рабочий класс «еще не выдвинул политических задач», свидетельствует лишь о незнакомстве с русским революционным движением. Еще «Северно-русский рабочий союз», основанный в 1878 г., и «Южно-русский рабочий союз», основанный в 1879 г., выставили в своей программе требование политической свободы [92]). После реакции 80-х годов рабочий класс неоднократно выдвигал то же требование в 90-х годах. Утверждение, что «разговоры о самостоятельной рабочей политической партии суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву», свидетельствует лишь о полном непонимании исторической роли русского рабочего класса и насущнейших задач русской социал-демократии. Собственная программа авторов «credo» клонится очевидно к тому, чтобы рабочий класс, идя «по линии наименьшего сопротивления», ограничивался экономической борьбой, а «либерально-оппозиционные элементы» боролись при «участии» марксистов за «правовые формы». Осуществление подобной программы было бы равносильно политическому самоубийству русской социал-демократии, равносильно громадной задержке и принижению русского рабочего движения и русского революционного движения (два последние понятия для нас совпадают). Одна уже возможность появления подобной программы показывает, насколько основательны были опасения одного из передовых борцов русской социал-демократии, П. Б. Аксельрода [93]), когда он писал, в конце 1897 г., о возможности такой перспективы:

«Рабочее движение не выходит из тесного русла чисто экономических столкновений рабочих с предпринимателями и само по себе, в целом, лишено политического характера, в борьбе же за политическую свободу передовые слои пролетариата идут за революционными кружками и фракциями из так называемой интеллигенции». (Аксельрод. «К вопросу о современн. задачах и тактике русских социал-демократов». Женева 98 г., стр. 19.)

Русские социал-демократы должны об'явить решительную войну всему кругу идей, нашедших себе выражение в «credo», так как эти идеи прямо ведут к осуществлению такой перспективы. Русские социал-демократы должны приложить все усилия к тому, чтобы осуществилась другая перспектива, излагаемая П. Б. Аксельродом в таких словах:

«Другая перспектива: социал-демократия организует русский пролетариат в самостоятельную политическую партию, борющуюся за свободу частью рядом и в союзе с буржуазными революционными фракциями (поскольку таковые будут в наличности), частью же привлекая прямо в свои ряды или увлекая за собой наиболее народолюбивые и революционные элементы из интеллигенции» (там же, стр. 90).

В то самое время, когда П. Б. Аксельрод писал эти строки, заявления социал-демократов в России показывали ясно, что громадное большинство их стоит на той же точке зрения. Правда, одна газета петербургских рабочих, «Рабочая Мысль» [94]), склонилась, как будто бы, к идеям авторов «credo», высказывая, к сожалению, в своей передовой программной статье (№ 1, Октябрь 1897 г.) ту совершенно ошибочную и противоречащую социал-демократизму мысль, что «экономическая основа движения» может быть «затемнена стремлением постоянно не забывать политического идеала». Но в то же время другая газета петербургских рабочих, «Спб. Рабочий Листок» [95]) (№ 2, Сентябрь 1897 г.), решительно высказывалась за то, что «ниспровергнуть самодержавие... может лишь крепко организованная многочисленная рабочая партия», что «организовавшись в сильную партию» рабочие «освободят себя и всю Россию от всякого политического и экономического гнета». Третья газета, «Рабочая Газета» [96]), в передовой статье № 2 (Ноябрь 1897 г.) писала: «Борьба с самодержавным правительством за политическую свободу есть ближайшая задача русского рабочего движения».—«Русское рабочее движение удесятерит свои силы, если выступит, как единое стройное целое с общим именем и стройной организацией...» «Отдельные рабочие кружки должны превратиться в одну общую партию». «Русская рабочая партия будет партия социал-демократическая».—Что громадное большинство русских социал-демократов разделяло вполне именно эти убеждения «Рабочей Газеты», это видно из того, что состоявшийся весною 1898 г. с'езд русских социал-демократов образовал «Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию», опубликовал ее манифест и признал «Рабочую Газету» официальным органом партии. Таким образом, авторы «credo» делают колоссальный шаг назад против той ступени развития, которой русская социал-демократия уже достигла и которую запечатлела в «Манифесте Российской Социал-Демократической Рабочей Партии». Если отчаянная травля русского правительства привела к тому, что в настоящее время деятельность Партии временно ослабела и ее официальный орган перестал выходить, то для всех русских социал-демократов задача состоит в том, чтобы приложить все усилия к окончательному укреплению партии, к выработке программы Партии,

к возобновлению ее официального органа. Ввиду того шатания мысли, о котором свидетельствует возможность появления таких программ, как выше разобранное «credo», мы считаем особенно необходимым подчеркнуть следующие основные принципы, изложенные в «Манифесте» и имеющие громадную важность для русской социал-демократии. Во-первых, русская социал-демократия «хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс». Отсюда следует, что девизом социал-демократии должно быть содействие рабочим не только в экономической, но и в политической борьбе, агитация не только на почве ближайших экономических нужд, но и на почве всех проявлений политического гнета; пропаганда не только идей научного социализма, но и пропаганда идей демократических. Знаменем классового движения рабочих может быть только теория революционного марксизма и русская социал-демократия должна заботиться о ее дальнейшем развитии и претворении в жизнь, оберегая ее в то же время от тех искажений и опошлений, которым так часто подвергаются «модные теории» (а успехи революционной социал-демократии в России сделали уже марксизм «модной» теорией). Сосредоточивая в настоящее время все свои силы на деятельности в среде фабрично-заводских и горных рабочих, социал-демократия не должна забывать, что в ряды организуемых ею рабочих масс должны войти с расширением движения и домашние рабочие, и кустари, и сельские рабочие, и миллионы разоренного и умирающего с голоду крестьянства.

Во-2-х: «На своих крепких плечах русский рабочий должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы». Ставя ниспровержение абсолютизма своей ближайшей задачей, социал-демократия должна выступить передовым борцом за демократию и уже в силу одного этого должна оказывать всякую поддержку всем демократическим элементам русского населения, привлекая их к себе в союзники. Только самостоятельная рабочая партия может быть твердым оплотом в борьбе с самодержавием, и только в союзе с такой партией, в поддержке ее могут активно проявить себя все остальные борцы за политическую свободу.

Наконец, в-3-х: «Как движение, так и направление социалистическое, Российская Социал-Демократическая Партия продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России; ставя главнейшею из ближайших задач партии в целом завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной Воли». Традиции всего предшествовавшего революционного движения требуют, чтобы со-

циал-демократия сосредоточила в настоящее время все свои силы на организации партии, укреплении дисциплины внутри ее и развитии конспиративной техники. Если деятели старой «Народной Воли» сумели сыграть громадную роль в русской истории, несмотря на узость тех общественных слоев, которые поддерживали немногих героев, несмотря на то, что знаменем движения служила вовсе не революционная теория, то социал-демократия, опираясь на классовую борьбу пролетариата, сумеет стать непобедимой. «Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капиталом и буржуазией до полной победы социализма».

Мы приглашаем все группы социал-демократов и все рабочие кружки в России обсудить вышеприведенное «credo» и нашу резолюцию и высказать определенно свое отношение к поднятому вопросу, чтобы устранить всякие разногласия и ускорить дело организации и укрепления Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Резолюции групп и кружков могли бы быть сообщаемы заграничному «Союзу Русских Социал-Демократов», который на основании пункта 10-го решения с'езда русских социал-демократов 1898 г. является частью Российской Социал-Демократической Партии и ее заграничным представителем.

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ НАШЕЙ ПАРТИИ

Написано в начале 1900 г. [97].

Напечатано не было. Печатается с рукописи.

Начать следует, пожалуй, с вопроса, действительно-ли настоятельна потребность в программе русских с.-д-тов. Нам доводилось слышать от действующих в России товарищей то мнение, что в составлении программы нет именно теперь особой надобности, что насущный вопрос—развитие и укрепление местных организаций, более прочная постановка агитации и доставки литературы, что выработку программы удобнее отложить до того момента, когда движение встанет на более прочный базис, что теперь программа может оказаться беспочвенной.

Мы не разделяем этого мнения. Разумеется, «каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ», как сказал К. Маркс. Но ни Маркс, ни кто-либо другой из теоретиков или практических деятелей с.-д-тии не отрицал громадную важность программы для сплоченной и последовательной деятельности политической партии. Русские с.-д-ты как раз пережили уже период наиболее ожесточенной полемики с социалистами других направлений и с не-социалистами, не хотевшими понять русской с.-д-тии; они пережили также и начальные стадии движения, когда работа велась разрозненно по мелким местным организациям. Необходимость соединения, образования общей литературы, появления русских рабочих газет—вызвана самой жизнью, и основание весной 1898-го года «Росс. С.-Д. Раб. Партии», об'явившей о своем намерении в ближайшем будущем выработать программу партии, наглядно доказало, что именно из потребностей самого движения выросло требование программы. В настоящее время насущный вопрос нашего движения состоит уже не в развитии прежней разрозненной «кустарной» работы, а в соединении, в организации. Программа необходима для этого шага; программа должна формулировать наши основные воззрения, точно установить наши ближайшие политические задачи, указать те ближайшие требования, которые должны наметить круг агитационной деятельности, придать ей единство, расширить и углубить ее, возведя агитацию из частной, отрывочной агитации за мелкие, разрозненные требования в агитацию за всю совокупность социал-демократических требований. Теперь, когда с.-д. деятельность встряхнула уже довольно широкий круг и интеллигентов-социалистов и сознательных рабочих, на-

стоятельно необходимо закрепить связь между ними программой и дать таким образом всем им прочный базис для дальнейшей, более широкой, деятельности. Наконец, программа настоятельно необходима также и потому, что русское общественное мнение очень часто самым глубоким образом заблуждается насчет истинных задач и приемов деятельности русских с.-д-ов; отчасти такие заблуждения естественно вырастают на болоте политической затхлости нашей жизни, отчасти они порождаются искусственно противниками с.-д-тии. Во всяком случае считаться с этим фактом приходится. Рабочее движение, сливаясь с социализмом и полит. борьбой, должно образовать партию, которая рассеяла бы все эти заблуждения, если она хочет стать во главе всех демократических элементов русского общества. Могут возразить, что настоящий момент еще и потому неудобен для составления программы, что среди самих с.-д-тов возникают разногласия и начинается полемика. Мне кажется наоборот: это еще довод *за* необходимость программы. С одной стороны, раз полемика началась, то можно надеяться, что при обсуждении проекта программы выскажутся все взгляды и все оттенки взглядов, можно надеяться, что обсуждение программы будет всесторонним. Полемика указывает на оживление в рядах русских с.-д-тов широких вопросов о целях нашего движения, о его ближайших задачах и его тактике, а такое оживление именно и необходимо для обсуждения проекта программы. С другой стороны, для того, чтобы полемика не осталась бесплодной, чтобы она не выродилась в личное состязание, чтобы она не повела к путанице взглядов, к смешению врагов и товарищей, для этого безусловно необходимо, чтобы в эту полемику внесен был вопрос о программе. Полемика только в том случае принесет пользу, если она выяснит, в чем собственно состоят разногласия, *насколько они глубоки*, есть ли это разногласия по существу или разногласия в частных вопросах, мешают-ли эти разногласия совместной работе в рядах одной партии или нет. *Только* внесение в полемику вопроса о программе может дать ответ на все эти, настоятельно требующие ответа, вопросы; — только определенное заявление обеими полемизирующими сторонами своих *программных* взглядов. Выработка общей программы партии, конечно, отнюдь не должна положить конец всякой полемике,—но она твердо установит те основные воззрения на характер, цели и задачи нашего движения, которые должны служить знаменем борющейся партии, остающейся сплоченной и единой, несмотря на частные разногласия в среде ее членов по частным вопросам.

Итак, к делу.

Когда говорят о программе русских с.-д-тов, то общие взгляды устремляются, вполне естественно, на членов «Группы Освобождения Труда», которые основали русскую с.-д-тию и так много сделали для ее теоретического и практического развития. Наши старейшие товарищи не замедлили отозваться на запросы русского с.-д-ого движения. Почти в то самое время—весной 1898 года—когда подготовлялся с'езд русских с.-д-тов, положивших основание «Росс. С.-Д. Р. П-ии», П. Б. Аксельрод издал свою брошюру: «К вопросу о современных задачах и тактике русских с.-д-тов» (Жен. 1898; предисловие помечено мартом 1898 г.) и перепечатал в приложении к ней «Проект программы русских с.-д-тов», изданный «Группой Осв. Труда» еще в 1885 году [98]).

С обсуждения этого проекта мы и начнем. Несмотря на то, что он издан почти 15 лет тому назад, он в общем и целом вполне удовлетворительно, по нашему мнению, разрешает свою задачу и стоит вполне на уровне современной с.-д-ой теории. В этом проекте точно указан тот класс, который один только может быть в России (как и в других странах) самостоятельным борцом за социализм—рабочий класс, «промышленный пролетариат»;—указана та цель, которую должен ставить себе этот класс—«переход всех средств и предметов производства в общественную собственность», «устранение товарного производства» и «замена его новой системой общественного производства»—«коммунистическая революция»;—указано «неизбежное предварительное условие» «переустройства общественных отношений»: «захват рабочим классом политической власти»;—указана международная солидарность пролетариата и необходимость «элемента разнообразия в программах с.-д-ов различных государств сообразно общественным условиям каждого из них в отдельности»;—указана особенность России, «где трудящиеся массы находятся под двойным игом развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства»;—указана связь русского революционного движения с процессом создания (силами развивающегося капитализма) «нового класса промышленного пролетариата—более восприимчивого, подвижного и развитого»;—указана необходимость образования «революционной рабочей партии» и ее «первая политическая задача»—«низвержение абсолютизма»;—указаны «средства политической борьбы» и выставлены ее основные требования.

Все эти элементы программы, по нашему мнению, совершенно необходимы в программе с.-д-ой рабочей партии,—все они выставляют такие тезисы, которые с тех пор получали все новые и новые подтверждения как в развитии социалистической теории, так и в развитии рабочего движения всех стран,—в частности, в развитии русской обще-

ственной мысли и русского рабочего движения. В виду этого русские с.-д-ты могут и должны, по нашему мнению, положить в основу программы русской с.-д. р. партии именно проект «Группы Осв. Труда»,— проект, нуждающийся лишь в частных редакционных изменениях, исправлениях и дополнениях.

Попытаемся наметить те из этих частных изменений, которые представляются нам целесообразными и по поводу которых желательно бы вызвать обмен мнений между всеми русскими с.-д-тами и сознательными рабочими.

Прежде всего, должен несколько измениться, конечно, характер построения программы: в 1885 году это была программа группы заграничных революционеров, которые сумели верно определить единственный, обещающий успех, путь развития движения, но которые в то время не видели еще перед собой сколько-нибудь широкого и самостоятельного рабочего движения в России. В 1900 году речь идет уже о программе рабочей партии, основанной целым рядом русских с.-д. орг-ций. Помимо тех редакционных изменений, которые необходимы в виду этого (и на которых нет нужды останавливаться подробнее, так как они разумеются сами собой), из этого различия вытекает необходимость выставить на первый план и подчеркнуть сильнее тот экономический процесс развития, который порождает материальные и духовные условия с.-д. раб. движения, и ту классовую борьбу пролетариата, организовать которую ставит себе задачей с.-д. партия. Характеристику основных черт современного экономического строя России и его развития следовало бы поставить во главу угла программы (ср. в программе «Гр. Осв. Тр.»: «Капитализм сделал в России громадные успехи со времени отмены креп. права. Старая система натурального хозяйства уступает место товарному производству»...) и вслед за тем очертить основную тенденцию капитализма: раскол народа на буржуазию и пролетариат, «рост нищеты, гнета, порабощения, унижения, эксплоатации». Эти последние знаменательные слова Маркса повторены во втором абзаце Эрфуртской программы германской с.-д-ой партии [99]); в последнее время критики, группирующиеся вокруг Бернштейна, с особенной силой напали именно на этот пункт, повторяя старые возражения буржуазных либералов и социал-политиков против «теории обнищания». По нашему мнению, полемика, которая велась по этому поводу, вполне доказала полную несостоятельность подобной «критики». Бернштейн сам признал верность указанных слов Маркса, как характеризующих тенденцию капитализма, — тенденцию, которая превращается в действительность при отсутствии классовой борьбы пролета-

риата против этой тенденции, при отсутствии завоеванных рабочим классом законов об охране рабочих. Именно в России мы видим в настоящее время, как указанная тенденция проявляется с громадной силой на крестьянстве и на рабочих. А затем, Каутский показал, что слова о «росте нищеты и пр.» верны не только в смысле характеристики тенденции, но также и в смысле указания на рост «социальной нищеты», т.-е. рост несоответствия между положением пролетариата и уровнем жизни буржуазии,—уровнем общественных потребностей, повышающихся наряду с гигантским ростом производительности труда. Наконец, эти слова верны еще и в том смысле, что «на пограничных областях» капитализма (т.-е. в тех странах и в тех отраслях народного хозяйства, в которых капитализм только возникает, встречаясь с докапиталистическими порядками) рост нищеты—и притом не только «социальной», но и самой ужасной физической нищеты, до голодания и голодной смерти включительно—принимает массовые размеры. Всякий знает, что к России это приложимо вдесятеро больше, чем к какой-либо другой европейской стране. Итак, слова о «росте нищеты, гнета, порабощения, унижения, эксплоатации» необходимо должны, по нашему мнению, войти в программу,—во-1-х, потому, что они совершенно справедливо характеризуют основные и существенные свойства капитализма, характеризуют именно тот процесс, который происходит перед нашими глазами и который является одним из главных условий, порождающих рабочее движение и социализм в России; во-2-х, потому, что эти слова дают громадный материал для агитации, резюмируя целый ряд явлений, наиболее угнетающих, но и наиболее возмущающих рабочие массы (безработица, низкая зараб. плата, недоедание, голодовки, драконовская дисциплина капитала, проституция, рост числа прислуги и пр. и пр.); в-3-х, потому, что этой точной характеристикой гибельного действия капитализма и необходимости, неизбежности возмущения рабочих мы отгородим себя от тех половинчатых людей, которые, «сочувствуя» пролетариату и требуя «реформ» в его пользу, стараются занять «золотую середину» между пролетариатом и буржуазией, между самодержавным правительством и революционерами. А отгородиться от этих людей именно в настоящее время особенно необходимо, если стремиться к единой и сплоченной рабочей партии, ведущей решительную и бесповоротную борьбу за полит. свободу и за социализм.

Здесь необходимо сказать пару слов о нашем отношении к Эрфуртской программе. Из вышеизложенного всякий увидел уже, что мы считаем необходимыми такие изменения в проекте «Группы Осв. Тр.», которые приближают программу русских с.-д-тов к программе германских.

Мы нисколько не боимся сказать, что мы хотим подражать Эрфуртской программе: в подражании тому, что хорошо, нет ничего дурного, и именно теперь, когда так часто слышишь оппортунистическую и половинчатую критику этой программы, мы считаем своим долгом открыто высказаться за нее. Но подражание ни в каком случае не должно быть простым списыванием. Подражание и заимствование вполне законны постольку, поскольку и в России мы видим те же основные процессы развития капитализма, те же основные задачи социалистов и рабочего класса, но они ни в каком случае не должны вести к забвению особенностей России, которые должны найти полное выражение в особенностях нашей программы. Забегая вперед, укажем сейчас же, что эти особенности относятся, во-1-х, к нашим полит. задачам и средствам борьбы, во-2-х, к борьбе против всех остатков патриархального, докапиталистического режима и к вызываемой этой борьбой особой постановке крестьянского вопроса.

После этой необходимой оговорки пойдем дальше. За указанием на «рост нищеты» должна итти характеристика классовой борьбы пролетариата,—указание цели этой борьбы (переход в общественную собственность всех средств производства и замена капиталистического производства социалистическим),—указание международного характера раб. движения—указание политического характера классовой борьбы и ее ближайшей цели (завоевание политической свободы). Признание борьбы против самодержавия за полит. свободы—первой политической задачей рабочей партии особенно необходимо, но для пояснения этой задачи следует, по нашему мнению, охарактеризовать классовый характер современного русского абсолютизма и необходимость ниспровержения его не только в интересах рабочего класса, но и в интересах всего общественного развития. Такое указание необходимо и в теоретическом отношении, ибо с точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата, — интересы всего рабочего движения в его целом выше интересов отдельного слоя рабочих или отдельных моментов движения;—и в практическом отношении, чтобы охарактеризовать центральный пункт, к которому должна сводиться и около которого должна группироваться вся разнообразная деятельность с.-д-тии, состоящая в пропаганде, агитации и организации. Нам думается, следовало бы также кроме того посвятить особый абзац программы указанию того, что с.-д. рабочая партия ставит своей задачей поддержку всякого революционного движения против абсолютизма и борьбу против всех попыток самодержавного правительства развратить и затем-

нить политическое сознание народа посредством чиновничьей опеки и лже-подачек, посредством той демагогической политики, которую наши немецкие товарищи назвали «Peitsche und Zuckerbrot» (плеть и пряник). Пряник = подачки тем, кто из за частичных и отдельных улучшений материального положения отказывается от своих политических требований и остается покорным рабом полицейского произвола (для студентов—общежития и т. п., для рабочих—стоит только вспомнить прокламации м-ра ф. Витте во время спб-ских стачек 96 и 97 г.г. или речи в защиту рабочих, произносившиеся членами от м-ва вн. дел в комиссии об издании закона 2 VI 97 г.). Плеть=усиленные преследования тех, кто, несмотря на эти подачки, остается борцом за пол. свободу (отдача в солдаты студентов; циркуляр 12 VIII 97 г. о ссылке в Сибирь рабочих; усиление преследований против с.-д-тии и пр.). Пряник—для приманки слабых, подкупа и развращения их; плеть — для устранения и «обезвреженія» честных и сознательных борцов за рабочее и за народное дело. Покуда существует абсолютизм—(—а мы должны теперь сообразовать нашу программу именно с существованием абсолютизма, ибо падение его неизбежно вызовет такое крупное изменение политических условий, которое заставит рабочую партию существенно изменить формулировку своих ближайших полит. задач)—пока существует абсолютизм, мы должны ожидать постоянного обновления и усиления этих демагогических мероприятий правительства, а след., должны систематически вести борьбу против них, разоблачая лживость полицейских радетелей народа, показывая связь правительственных реформ с рабочей борьбой, научая пролетариат пользоваться каждой реформой для укрепления своей боевой позиции, для расширения и углубления рабочего движения. Указание же на поддержку в с е х борцов против абсолютизма необходимо в программе потому, что русская социал-демократия, неразрывно слитая с передовыми элементами русского раб класса, должна выкинуть о б щ е д е м о к р а т и ч е с к о е знамя, чтобы сгруппировать вокруг себя все слои и элементы, способные бороться за полит. свободу или хотя бы только поддерживать чем бы то ни было такую борьбу.

Таков наш взгляд на те требования, которым должна удовлетворять п р и н ц и п и а л ь н а я часть нашей программы, и на те основные положения, которые должны быть возможно точнее и рельефнее выражены в ней. Из проекта программы «Гр. Осв. Тр.» должны отпасть, по нашему мнению (из принципиальной части) 1) указания на форму крестьянского землевладения (о крестьянском вопросе мы скажем ниже); 2) указания на причины «неустойчивости» и пр. интеллигенции;

3) пункт об «устранении современной системы политического представительства и замене ее прямым народным законодательством»; 4) пункт о «средствах полит. борьбы». Мы не видим, правда, в этом последнем пункте ничего устарелого или неправильного: напротив, мы полагаем, что средства должны быть именно те, которые указаны «Группой Осв. Тр.» (агитация, — революционная организация, — переход «в удобный момент» к решительному нападению, не отказывающемуся, в принципе, и от террора),—но мы думаем, что в программе рабочей партии не место указаниям на средства деятельности, которые были необходимы в программе заграничной группы революционеров в 1885 году. Программа должна оставить вопрос о средствах открытым, предоставив выбор средств борющимся организациям и с'ездам партии, устанавливающим тактику партии. Но вопросы тактики вряд ли могут быть вводимы в программу (за исключением наиболее существенных и принципиальных вопросов вроде вопроса об отношении к другим борцам против абсолютизма). Вопросы тактики будут, по мере их возникновения, обсуждаться в газете партии и окончательно разрешаться на ее с'ездах. Сюда же относится, по нашему мнению, и вопрос о терроре: обсуждение этого вопроса—и, конечно, обсуждение не с принципиальной, а с тактической стороны — непременно должны поднять с.-д-ты, ибо рост движения сам собой, стихийно приводит к учащающимся случаям убийства шпионов, к усилению страстного возмущения в рядах рабочих и социалистов, которые видят, что все бо́льшая и бо́льшая часть их товарищей замучивается на смерть в одиночных тюрьмах и в местах ссылки. Чтобы не оставлять места недомолвкам, оговоримся теперь же, что по нашему лично мнению террор явля́ется в настоящее время не целесообразным средством борьбы, что партия (как партия) должна отвергнуть его—(впредь до изменения условий, которое могло бы вызвать и перемену тактики) и сосредоточить все свои силы на укреплении организации и правильной доставки литературы. Подробнее об этом говорить здесь не место.

Что касается до вопроса о прямом народном законодательстве, то нам кажется, что вносить его в программу в настоящее время вовсе не следует. Принципиально связывать победу социализма с заменой парламентаризма прямым народным законодательством—нельзя. Это доказали, на наш взгляд, прения по поводу Эрф. программы и книга Каутского о народном законодательстве. Известную пользу народного законодательства Каутский признает (на основании исторического и политического анализа) при следующих условиях: 1) отсутствие противоположности между городом и деревней или перевес городов; 2) су-

ществование высоко-развитых политических партий; 3) «отсутствие чрезмерно централизованной государственной власти, самостоятельно противостоящей народному представительству». В России мы видим совершенно противоположные условия, и опасность вырождения «народного законодательства» в империалистический «плебисцит» была бы у нас особенно сильна. Если про Германию и Австрию Каутский говорил в 1893 году, что «для нас, восточно-европейцев, прямое народное законодательство относится к области «государства будущего»», то про Россию нечего и говорить. Мы думаем поэтому, что теперь, при господстве в России самодержавия, нам следует ограничиться требованием «демократической конституции» и два первые пункта практической части программы «Группы Осв. Тр.» предпочесть двум первым пунктам практической части «Эрф. программы».

Переходим к практической части программы. Эта часть распадается, по нашему мнению, если не по изложению, то по существу дела, на три отдела: 1) требования общедемократических преобразований, 2) требования мер для охраны рабочих и 3) требования мер в интересах крестьян. По первому отделу вряд ли есть надобность в существенных изменениях «проекта программы» «Группы Осв. Тр.», требующего 1) всеобщего избир. права; 2) жалованья представителям; 3) всеобщего, светского дарового и обязат. образования и пр.; 4) неприкосновенности личности и жилища граждан; 5) неогран. свободы совести, слова, собраний и *) пр.; 6) свободы передвижений и занятий [сюда следовало бы, м. б., добавить: «свободы переселений» и «полной отмены паспортов»]; 7) полной равноправности всех граждан и пр.; 8) замены постоянного войска всеобщим вооружением народа; 9) «пересмотра всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, несовместимых с достоинством человека». Сюда следовало бы добавить: «установление полного равенства прав женщины с мужчиной». К этому же отделу должно присоединиться требование финансовых реформ, формулированное в программе «Гр. Осв. Тр.» в числе требований, которые «выдвинет рабочая партия, опираясь на эти основные политические права»—«устранения современной податной системы и установления прогрессивного подоходного налога». Наконец, здесь же следовало бы еще быть требованию «выбора чиновников народом; предоставления каждому гражданину права преследовать судом всякого чиновника, без жалобы по начальству».

*) Сюда следовало бы, пожалуй, специально добавить: свободы стачек.

По второму отделу практических требований мы находим в программе «Гр. О. Тр.» общее требование «законодательного регулирования отношений рабочих (городских и сельских) к предпринимателям и организации соответствующей инспекции с представительством от рабочих». Нам думается, р а б о ч а я п а р т и я должна обстоятельнее и подробнее изложить требования по этому пункту, должна требовать (1) 8 час. раб. дня; (2) запрещения ночной работы, запрещения работы детей до 14 лет; (3) непрерывного отдыха для каждого рабочего не менее 36 часов в неделю; (4) распространения ф. з[ако]нов и ф. ин[спек]ции на все отрасли промышленности и сельского хозяйства, на казенные фабрики, на ремесленные заведения и на работающих по домам кустарей. Выборы рабочими помощников и[нспекто]ров, имеющих равные права с и-рами; (5) учреждения промышл. и с.-х—ных судов во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства с выборными судьями от хозяев и от рабочих поровну; (6) безусловного запрещения повсюду расплаты товарами; (7) законодательного установления ответственности фабрикантов за все несчастные случаи и увечья рабочих, как промышленных, так и сельских; (8) законодательное установление при всех случаях найма всяких рабочих расплаты не реже одного раза в неделю; (9) отмены всех законов, нарушающих равноправность нанимателей и нанимающихся (напр., законов об уголовной ответственности фабричных и сельских рабочих за уход с работ; законов, предоставляющих нанимателям гораздо больше свободы расторгать договор найма, чем нанимающимся, и проч.). (Само собою разумеется, что мы только намечаем желательные требования, не придавая им окончательной формулировки, требуемой для проекта.) Этот отдел программы должен (в связи с предыдущим) дать основные, руководящие положения для агитации, отнюдь не стесняя, конечно, выставление агитаторами в отдельных местностях, отраслях производства, фабриках и пр. других, несколько видоизмененных, более конкретных, более частных требований. При составлении этого отдела программы мы должны стремиться, поэтому, избежать двух крайностей: с одной стороны, надо не опустить ни одного из главных, основных требований, имеющих существенное значение для в с е г о рабочего класса; с другой стороны, — надо не вдаваться в чрезмерные частности, заполнение каковыми программы было бы не рационально.

Требование «государственной помощи производительным ассоциациям», стоящее в программе «Группы О. Тр.», должно быть вовсе устранено из программы, по нашему мнению. И опыт других стран, и теоретические соображения, и особенности русской жизни (склон-

ность буржуазных либералов и полицейского правительства заигрывать с «артелями» и с «покровительством» «народной промышленности», и т. п.), все говорит против выставления этого требования. (Конечно, 15 лет тому назад дело обстояло во многих отношениях иначе, и тогда включение с.-д-тами подобного требования в свою программу было естественно).

Нам остается последний — третий отдел практической части программы: требования по крестьянскому вопросу. В программе «Группы Осв. Тр.» находим одно такое требование, именно требование «радикального пересмотра наших аграрных отношений, т.-е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ. Предоставление права отказа от надела и выхода из общины тем из крестьян, которые найдут это для себя удобным, и т. п.».

Мне кажется, что основная мысль, выраженная здесь, совершенно справедлива и что с.-д. раб. партия действительно должна выставить в своей программе соответствующее требование (говорю: соответствующее, ибо некоторые изменения представляются мне желательными).

Я понимаю этот вопрос следующим образом. Крестьянский вопрос в России существенно отличается от крестьянского вопроса на Западе, но отличается только тем, что на Западе речь идет почти исключительно о крестьянине в капиталистическом, буржуазном обществе, а в России—главным образом о крестьянине, который не менее (если не более) страдает от докапиталистических учреждений и отношений, страдает от пережитков крепостничества. Роль крестьянства, как класса, поставляющего борцов против абсолютизма и против пережитков крепостничества, на Западе уже сыграна, в России—еще нет. На Западе промышленный пролетариат давно и резко отделился от деревни, причем это отделение закреплено уже соответствующими правовыми учреждениями. В России «промышленный пролетариат, по своим составным элементам и условиям существования, в высокой степени связан еще с деревней» (П. Б. Аксельрод, цитир. брош., с. 11). Правда, процесс разложения крестьянства на мелкую буржуазию и на наемных рабочих идет у нас с громадной силой, с поразительной быстротой, но этот процесс еще далеко не закончился, и—главное—этот процесс идет все еще в рамках старых, крепостнических учреждений, связывающих всех крестьян тяжелой цепью круговой поруки и фискальной общины. Таким образом русский с.-д-т, даже если он принадлежит (как пишущий эти строки) к решительным противникам охраны или поддержки мелкой собственности, мелкого хозяйства в капиталистическом обществе, т.-е. даже если и в аграрном вопросе он становится (как пишущий

эти строки) на сторону тех марксистов, которых всякие буржуи и оппортунисты любят теперь рутать «догматиками» и «правоверными»,— может и должен, нисколько не изменяя своим убеждениям, а напротив именно в силу этих убеждений—стоять за то, чтобы рабочая партия поставила на своем знамени поддержку крестьянства (отнюдь не как класса мелких собственников или мелких хозяев) поскольку это крестьянство способно на революционную борьбу против остатков крепостничества, крепостничества вообще и абсолютизма в частности. Ведь мы все, социал-демократы, об'являем, что готовы поддержать и крупную буржуазию, поскольку она способна на революционную борьбу с указанными явлениями,—так как же мы можем отказать в такой поддержке многомиллионному классу мелкой буржуазии, сливающемуся постепенными переходами с пролетариатом? Если поддерживать либеральные требования крупной буржуазии не значит поддерживать крупную буржуазию, то ведь поддерживать демократические требования мелкой буржуазии отнюдь не значит поддерживать мелкую буржуазию: напротив, именно то развитие, которое откроет России политическая свобода, будет с особенной силой вести к гибели мелкого хозяйства под ударами капитала. Мне кажется, что по этому-то пункту среди с.-д-тов не будет споров. Вопрос весь значит в том: 1) как выработать именно такие требования, которые бы не сбивались на поддержку мелких хозяйчиков в капиталистическом обществе? и 2) способно-ли хоть отчасти наше крестьянство на революционную борьбу с остатками крепостничества и с абсолютизмом?

Начнем с второго вопроса. Наличность в русском крестьянстве революционных элементов, вероятно, не станет отрицать никто. Известны факты восстаний крестьян и в пореформенное время против помещиков, их управляющих, защищающих их чиновников, известны факты аграрных убийств, бунтов и пр. Известен факт растущего возмущения в крестьянстве (в котором даже убогие обрывки образования начали уже пробуждать чувство человеческого достинства) против дикого произвола той шайки благородных оборванцев, которую напустили на крестьян под именем земских начальников. Известен факт все учащающихся голодовок миллионов народа, которые не могут оставаться безучастными зрителями подобных «продовольственных затруднений». Известен факт роста в крестьянской среде сектантства и рационализма,—а выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития, а не од-

ной России. Наличность революционных элементов в крестьянстве не подлежит так. обр. ни малейшему сомнению. Мы нисколько не преувеличиваем силы этих элементов, не забываем политической неразвитости и темноты крестьян, нисколько не стираем разницы между «русским бунтом, бессмысленным и беспощадным» и революционной борьбой, нисколько не забываем того, какая масса средств у правительства политически надувать и развращать крестьян. Но из всего этого следует только то, что безрассудно было бы выставлять носителем революционного движения крестьянство, что безумна была бы партия, которая обусловила бы революционность своего движения революционным настроением крестьянства. Ничего подобного мы ведь и не думаем предлагать русским с.-д-там. Мы говорим лишь, что рабочая партия не может, не нарушая основных заветов марксизма и не совершая громадной политической ошибки, пройти мимо тех революционных элементов, которые есть и в крестьянстве, не оказать поддержки этим элементам. Сумеют ли эти революционные элементы русского крестьянства проявить себя хоть так, как проявили себя западноевропейские крестьяне при низвержении абсолютизма,—это вопрос, на который история еще не дала ответа. Если не сумеют,—социал-демократия нимало не потеряет от этого в своем добром имени и в своем движении, ибо не ее вина, что крестьянство не ответило (м. б. не в силах было ответить) на ее революционный призыв. Рабочее движение идет и пойдет своим путем, несмотря ни на какие измены крупной или мелкой буржуазии. Если сумеют,—то социал-демократия, которая не оказала бы при этом поддержки крестьянству, навсегда потеряла бы свое доброе имя и право считаться передовым борцом за демократию.

Переходя к первому поставленному выше вопросу, мы должны сказать, что требование «радикального пересмотра аграрных отношений» представляется нам неотчетливым: оно могло быть достаточно 15 лет тому назад, но вряд-ли можно удовлетвориться им теперь, когда должны и дать руководящий материал для агитации и отгородить себя от защитников мелкого хозяйства, столь многочисленных в современном русском обществе и находящих столь влиятельных сторонников, как г.г. Победоносцев, Витте и весьма многие чиновники м—ва вн. дел. Мы позволим себе предложить на обсуждение товарищей такую примерно формулировку третьего отдела практической части нашей программы:

«Поддерживая всякое революционное движение против современного государственного и общественного строя, русская с.-д-тическая рабочая партия об'являет, что она будет поддерживать крестьянство, поскольку оно способно на революционную борьбу против самодержавия как класс,

наиболее страдающий от бесправия русского народа и от остатков крепостного права в русском обществе.

«Исходя из этого принципа, рус. с.-д. р. партия требует:

«1) Отмены выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих в наст. время на крестьянство, как на податное сословие.

«2) Возвращения народу тех денег, которые награбили с крестьян правительство и помещики в виде выкупных платежей

«3) Отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьян *) в распоряжении его землей.

«4) Уничтожения всех остатков крепостной зависимости крестьян от помещиков, проистекают-ли эти остатки от особых законов и учреждений (напр., положение крестьян и рабочих в горнозаводских округах Урала) или от того, что крестьянские и помещичьи земли все еще не размежеваны (напр., остатки сервитутов в Зап. крае), или от того, что отрезки крестьянской земли помещикам ставят крестьян фактически в безвыходное положение прежних барщинных крестьян.

«5) Предоставление крестьянам права требовать по суду понижения непомерно высокой арендной платы и преследовать за ростовщичество помещиков и вообще всех лиц, которые, пользуясь нуждой крестьян, заключают с ними кабальные сделки».

На мотивировке такого предложения мы должны остановиться особенно подробно—не потому, чтобы эта часть программы была наиболее важна, а потому, что она наиболее спорна и стоит в наиболее далекой связи с общеустановленными, всеми с.-д-тами признанными истинами. Вступительное положение об (условной) «поддержке» крестьянства кажется нам необходимым потому, что пролетариат не может и не должен, вообще говоря, брать на себя защиту интересов класса мелких хозяйчиков; он может лишь поддерживать его постольку, поскольку он революционен. А так как именно самодержавие воплощает в себе в настоящее время всю отсталость России, все остатки крепостничества, бесправия и «патриархального» угнетения, то необходимо указать, что рабочая партия поддерживает крестьянство лишь постольку, поскольку оно способно на революционную борьбу с самодержавием. Такое положение исключается, повидимому, следующим положением проекта «Группы Осв. Тр.»: «Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства». Но это—противоречие не теории, а самой жизни, ибо крестьянство (как и вообще класс мелких хозяев) от-

*) Очевидно, следует: „крестьянина". *Ред.*

личается двойственными чертами. Не повторяя известных политико-экономических доводов, доказывающих внутренне-противоречивое положение крестьянства, напомним следующую характеристику, данную Марксом французскому крестьянству начала 50-х годов:

...«Династия Бонапарта является представительницей не революционного, а консервативного крестьянства, не того крестьянина, который стремится вырваться из своих социальных условий существования, определяемых парцеллой, а того крестьянина, который хочет укрепить эти условия и эту парцеллу,—не того сельского населения, которое стремится присоединиться к городам и силой своей собственной энергии ниспровергнуть старый порядок, а того, которое, наоборот, тупо замыкается в этот старый порядок и ждет от призрака империи, чтобы он спас его и его парцеллу и дал ему привилегированное положение. Династия Бонапарта является представительницей не просвещения крестьянина, а его суеверия, не его рассудка, а его предрассудка, не его будущего, а его прошлого, не его современных Севеннов, а его современной Вандеи» («Der 18 Brumaire», S. 99). Вот именно поддержка того крестьянства, которое стремится ниспровергнуть «старый порядок», т.-е. в России прежде всего и больше всего самодержавие, и необходима для рабочей партии. Русские с.-д-ты всегда признавали необходимость выделить из доктрины и направления народничества его революционную сторону и воспринять ее. В программе «Гр. Осв. Тр.» это выражено не только в вышецитированном требовании «радикального пересмотра» и проч., но и в следующих словах: «Само собою, впрочем, разумеется, что даже в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своей деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России. С.-д-ты не только не оттолкнут от себя таких людей, но приложат все старание, чтобы согласиться с ними в основных принципах и приемах своей деятельности». 15 лет тому назад, когда живы еще были традиции революционного народничества, достаточно было такого заявления, но теперь мы сами должны начать обсуждение «основных принципов деятельности» в крестьянстве, если мы хотим, чтобы с.-д. раб. партия сделалась передовым борцом за демократию.

Но не ведут-ли предложенные нами требования к поддержке не личности крестьян, а их собственности? к укреплению мелкого хозяйства? соответствуют-ли они всему ходу капиталистического развития? Рассмотрим эти вопросы, наиболее важные для марксиста.

По поводу 1-го требования и 3-го вряд-ли может быть между с.-д-тами разногласие по существу дела. Второе требование вы-

зовет, вероятно, разногласия и по своему существу. В защиту его говорят, по нашему мнению, следующие соображения: (1) что выкупные платежи были прямым ограблением крестьян помещиками, что они платились не только за крестьянскую землю, но и за крепостное право, что правительство собрало с крестьян б о л ь ш е, чем оно уплатило помещикам, это факт; (2) у нас нет оснований смотреть на этот факт, как на вполне законченное и сданное уже в архив истории событие, ибо так не смотрят на крестьянскую реформу сами благородные эксплоататоры, кричащие теперь о «жертвах», понесенных ими тогда; (3) именно теперь, когда голодание миллионов крестьян становится хроническим, когда правительство, соря миллионами на подарки помещикам и капиталистам, на авантюристскую внешнюю политику, выторговывает гроши от пособий голодающим, именно теперь уместно и необходимо напомнить о том, во что обошлось народу хозяйничанье самодержавного правительства, служащего интересам привилегированных классов; (4) с.-д-ты не могут оставаться равнодушными зрителями голодания крестьянства и вымирания его голодной смертью. На счет необходимости самой широкой помощи голодающим между русскими с.-д-тами никогда не было двух мнений. А вряд-ли кто станет утверждать, что серьезная помощь возможна без революционных мер; (5) экспроприация удельных земель и усиленная мобилизация дворянских земель,—т.-е. то, что явилось бы следствием осуществления предлагаемого требования, — принесли бы лишь пользу всему общественному развитию России. П р о т и в предлагаемого требования нам указали-бы, вероятно, главным образом, на его «неисполнимость». Если такое указание подкреплялось бы только фразами против «революционаризма» и «утопизма», то мы наперед скажем, что подобные о п п о р т у н и с т и ч е с к и е ф р а з ы нас нисколько не испугают и мы не придадим им никакого значения. Если же такое указание будут подкреплять анализом экономических и политических условий нашего движения, то мы вполне признаем необходимость более подробного обсуждения этого вопроса и пользу полемики по поводу него. Заметим только, что это требование не стоит самостоятельно, а входит, как часть, в требование поддерживать крестьянство, п о с к о л ь к у оно революционно. Вопрос о том, как именно и с какой силой проявят себя эти элементы крестьянства, решит история. Если под «исполнимостью» требований разуметь не общее соответствие их с интересами общественного развития, а соответствие их с данной кон'юнктурой экономических и политических условий, то такой критерий был бы совершенно неправилен, как это убедительно показал Каутский в своей полемике против Розы Люксембург,

указывавшей на «неисполнимость» (для польской рабочей партии) требования о независимости Польши. Каутский указал тогда (если память нам не изменяет), как на пример, на то требование Эрфуртской программы, которое говорит о выборе чиновников народом. «Исполнимость» этого требования более чем сомнительна в современной Германии, но никто из с.-д-тов не предлагал ограничить свои требования узкими рамками возможного в данный момент и при данных условиях.

Далее, что касается до 4-го пункта, то в принципе, вероятно, никто не будет возражать против необходимости для с.-д-тов выставить требование об уничтожении всех остатков крепостной зависимости. Вопрос будет итти, вероятно, лишь о формулировании этого требования и затем о широте его, т.-е. включать ли в него, напр., требование мер, устраняющих ф а к т и ч е с к у ю барщинную зависимость крестьян, созданную отрезками крестьянской земли в 1861 году? По нашему мнению, вопрос этот надо решить в утвердительном смысле. Громадное значение фактического переживания барщинного (отработочного) хозяйства вполне установлено литературой, а равно и громадная задержка общественному развитию (и развитию капитализма), создаваемая этим переживанием. Конечно, развитие капитализма ведет и приведет в конце концов «само собой, естественным путем» к устранению этих переживаний, но, во-первых, эти переживания обладают исключительной прочностью, так что на очень быстрое устранение их нельзя рассчитывать, а во-вторых—и это главное—«естественный путь» означает не что иное, как вымирание крестьян, которые ф а к т и ч е с к и (благодаря отработкам и пр.) привязаны к земле и порабощены помещикам. Разумеется, с.-д-ты не могут при таких условиях обойти этот вопрос молчанием в своей программе. Нас спросят: как могло бы быть осуществлено это требование? Мы думаем, что говорить об этом в программе не надо. Конечно, осуществление этого требования (зависящее, как осуществление почти всех требований этого отдела, от силы революционных элементов крестьянства) потребует всестороннего рассмотрения местных условий местными выборными, крестьянскими комитетами,—в противовес тем дворянским комитетам, которые совершали свой «законный» грабеж в 60-х годах; демократические требования программы достаточно определяют демократические учреждения, которые понадобились бы для этого. Это был бы именно «радикальный пересмотр аграрных отношений», о котором говорит программа «Гр. Осв. Тр.». Как было уже замечено выше, мы согласны в принципе с этим пунктом проекта «Гр. Осв. Тр.» и желали бы только (1) оговорить условия, при которых пролетариат может бороться за классовые интересы кре-

стьянства; (2) определить характер пересмотра: уничтожение остатков крепостной зависимости; (3) выразить требования конкретные.— Предвидим еще одно возражение: пересмотр вопроса об отрезных землях и т. п. должен вести к возвращению этих земель крестьянам. Это ясно. А разве это не укрепит мелкую собственность, мелкую парцеллу? разве могут с.-д-ты желать замены крупного капиталистического хозяйства, кроме м.-б. ведется на награбленных у крестьян землях—мелким хозяйством? Ведь это была бы реакционная мера!—Отвечаем: несомненно, замена крупного хозяйства мелким реакционна и мы не должны стоять за нее. Но ведь разбираемое требование обусловлено целью «уничтожить остатки крепостной зависимости»—след., к дроблению крупных хозяйств оно не может вести; оно относится только к старым хозяйствам чисто-барщинного, в сущности, типа,—и по отношению к ним крестьянское хозяйство, свободное от всяких средневековых стеснений (ср. п. 3), не реакционно, а прогрессивно. Конечно, разграничительную линию тут провести не легко,—но ведь мы вовсе не думаем, чтобы какое-нибудь требование нашей программы было «легко» осуществимо. Наше дело: наметить основные принципы и основные задачи, а о частностях сумеют позаботиться те, кому доведется практически решать эти задачи.

Последний пункт по своей цели стремится к тому же, как и пред'идущий: к борьбе против всех (столь обильных в русской деревне) остатков докапиталистического способа производства. Как известно, крестьянская аренда в России очень часто прикрывает лишь переживание барщинных отношений. Идея же этого последнего пункта заимствована нами у Каутского, который, указав на то, что по отношению к Ирландии уже либеральное министерство Гладстона провело в 1881 году закон о предоставлении суду права понижать чрезмерно высокие арендные цены, включил в число желательных требований такое: «Понижение чрезмерных арендных плат судебными учреждениями, созданными для этой цели» (Reduzierung übermässiger Pachtzinsen durch dazu eingesetzte Gerichtshöfe). В России это было бы особенно полезно (конечно, при демократической организации таких судов) в смысле вытеснения барщинных отношений. Мы думаем, можно бы присоединить к этому и требование распространить законы о ростовщичестве на кабальные сделки: в русской деревне кабала развита так безмерно, она так тяжело давит крестьянина в качестве рабочего, она так громадно задерживает социальный прогресс, что борьба против нее особенно необходима. А установить кабальный, ростовщи-

ческий характер сделки суду было бы, конечно, не труднее, чем установить чрезмерность арендной платы.

В общем и целом, предлагаемые нами требования сводятся, по нашему мнению, к двум основным целям: 1) уничтожение всех *до-капиталистических*, крепостнических учреждений и отношений в деревне (дополнение этих требований заключается в первом отделе практической части программы); 2) сообщение классовой борьбе в деревне более открытого и сознательного характера. Нам думается, именно эти принципы должны служить руководством для с.-д-ческой «аграрной программы» в России; — необходимо решительно отгородить себя от столь обильных в России стремлений *сгладить* классовую борьбу в деревне. Господствующее либерально-народническое направление отличается именно этим характером, но, решительно отвергая его [как это и сделано в «Приложении к докладу русских с.-д-тов на междунар. конгр. в Лондоне»], не следует забывать, что мы должны выделить революционное содержание народничества. «Поскольку народничество было революционно, т.-е. выступало против сословно-бюрократического государства и поддерживаемых им варварских форм эксплоатации и угнетения народных масс, постольку оно должно было войти с соответствующими изменениями, как составной элемент, в программу русской с.-д-тии» (Аксельрод: «К вопр. о совр. зад. и такт.», ст. 7). В русской деревне переплетаются в настоящее время две основные формы классовой борьбы: 1) борьба крестьянства против привилегированных землевладельцев и против остатков крепостничества; 2) борьба нарождающегося сельского пролетариата с сельской буржуазией. Для с.-д-тов, конечно, вторая борьба имеет более важное значение, но они необходимо должны поддерживать и первую борьбу, *поскольку это не противоречит* интересам общественного развития. Крестьянский вопрос не случайно занимал и занимает так много места в русском революционном движении: этот факт — лишь отражение того, что и первая борьба продолжает сохранять большое значение.

В заключение необходимо предупредить одно возможное недоразумение. Мы говорили о «революционном призыве» крестьян с.-д-тией. Не значит ли это разбрасываться, вредить необходимой концентрации сил на работу среди промышленного пролетариата? Нисколько; необходимость такой концентрации признают *все* русские с.-д-ты, она указана и в проекте «Гр. О. Тр.» в 1885 г. и в брошюре «Задачи рус. с.-д.» в 1898 г. След., нет решительно никаких оснований бояться того, что с.-д. станут разбрасывать свои силы. Программа ведь не инструкция: программа должна охватывать *все* движение, а на практике, конечно,

приходится выдвигать на первый план то ту, то другую сторону движения. Никто не станет спорить против необходимости говорить в программе не только о промышленных, но и о сельских рабочих, хотя в то же время ни один русский с.-д-т и не думал еще звать товарищей в деревню при настоящем положении дел. Но рабочее движение само собой даже помимо наших условий, неизбежно поведет к распространению демократических идей в деревне, «Агитация на почве экономических интересов неизбежно приведет с.-д-ческие кружки в непосредственное столкновение с фактами, наглядно показывающими теснейшую солидарность интересов нашего промышленного пролетариата с крестьянскими массами» (Акс., ib. с. 13) и вот почему «Agrarprogramm» (в указанном смысле: конечно, строго говоря, это вовсе не «аграрная» программа) настоятельно необходима для русских с.-д. В нашей пропаганде и агитации мы постоянно натыкаемся на рабочих-крестьян, т.-е. фабричных и заводских рабочих, которые сохраняют связи с деревней, имеют там родню, семью, ездят туда. Вопрос о выкупных платежах, о круговой поруке, об арендной плате—живо интересуют сплошь и рядом даже столичного рабочего (мы не говорим уже об уральских, напр., рабочих, в среду которых тоже начала проникать с.-д. пропаганда и агитация). Мы не исполнили бы своего долга, если бы не позаботились о том, чтобы дать точное руководство для с.-д-тов и сознательных рабочих, попадающих в деревню. Затем, не надо забывать и деревенской интеллигенции, напр., народных учителей, которые находятся в таком приниженном, и материально и духовно, положении, которые так близко наблюдают и на себе лично чувствуют бесправие и угнетение народа, что распространение среди них сочувствия с.-д-тизму не подлежит (при дальнейшем росте движения) никакому сомнению.

Итак, вот каковы должны быть, по нашему мнению, составные части программы росс. с.-д. раб. партии: 1) указание на основной характер экономического развития России; 2) указание на неизбежный результат капитализма: рост нищеты и рост возмущения рабочих; 3) указание на классовую борьбу пролетариата, как на основу нашего движения; 4) указание на конечные цели с.-д. раб. движения,—на его стремление завоевать для осуществления этих целей полит. власть,—на международный характер движения; 5) указание на необходимый политический характер классовой борьбы; 6) указание на то, что русский абсолютизм, обусловливая бесправие и угнетение народа и покровительствуя эксплоататорам, является главной помехой раб. движения и потому завоевание полит. свободы, необходимое и в интересах всего обществ. развития, составляет ближайшую полит. задачу партии; 7) ука-

зание на то, что партия будет поддерживать все партии и слои населения, борющиеся против абсолютизма, будет вести войну против демагогических происков нашего правительства; 8) перечисление основных демократических требований,—затем (9) требований в пользу рабочего класса и (10) требований в пользу крестьян с об'яснением общего характера этих требований

Вполне сознавая трудность задачи дать вполне удовлетворительную формулировку программы без ряда совещаний с товарищами, мы считаем однако необходимым взяться за это дело, полагая, что откладывать его (по вышеуказанным причинам) нельзя и надеясь, что нам придут на помощь и все теоретики партии (во главе их члены «Гр. О. Тр.») и все практически работающие в России социалисты (а не одни только с.-д-ты: слышать мнение социалистов других фракций нам было бы очень желательно и мы не отказались бы от напечатания их отзывов) и все сознательные рабочие.

ДОПОЛНЕНИЯ

Письма за границу 1895 г. [100]).

Письмо первое.

вы, вероятно, ругаете меня за опоздание. Были некоторые уважительные причины.

Буду рассказывать по порядку. Был прежде всего в ВИЛЬНЕ *). Беседовал с публикой о сборнике. Большинство согласно с мыслью о необходимости такого издания и обещают поддержку и доставление матерьяла. Их настроение вообще недоверчивое (я вспомнил Ваше выражение о пал. провинциях): дескать, посмотрим, будет ли соответствовать тактике агитационной, тактике экономической борьбы. Я напирал больше всего на то, что это зависит от нас

Далее. Был в МОСКВЕ. Никого не видал, так как об «учителе жизни» ни слуху ни духу. Цел ли он? Если знаете что о нем и имеете адрес, то напишите ему, ч-бы он прислал нам адрес, иначе мы не можем найти там связей. Там были громадные попромы, но, кажется, остался кое-кто, и работа не прекращается. Мы имеем оттуда материал — описание нескольких стачек. Если Вы не получили, то напишите и мы вышлем

Потом был в ОРЕХОВО-ЗУЕВЕ. Чрезвычайно оригинальны эти места, часто встречаемые в центральном промышленном районе: чисто фабричный городок, с десятками тысяч жителей, только и живущий фабрикой. Фабр. администрация — единственное начальство. «Управляет» городом фабричная контора. Раскол народа на рабочих и буржуа — самый резкий. Рабочие настроены поэтому довольно оппозиционно, но после бывшего там недавно погрома осталось так мало публики и вся на примете до того, что сношения очень трудно **). Впрочем литературу сумеем доставить.

---

*) Ключ тот же, к-рым мы пользовались (Прописью выделены зашифрованные в письме места. *Ред.*).

**) Очевидно, следует: «трудны». *Ред.*

Далее. Опаздание *) вызвано местным неблагополучием. Им же об'ясняется скудость посылаемого матерьяла

Мне не нравится адрес в Цюрихе. Не можете ли достать другой— не в Швейцарии, а в Германии. Это бы гораздо лучше и безопаснее.

Далее. Посылая нам ответ—к н и ж к у п о т е х н о л о г и и. Адрес: ПИТЕР, АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ЧУГУННЫЙ ЗАВОД, ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ, ГОСПОДИНУ ЛУЧИНСКОМУ — прибавьте, если будет место, другой матерьял: вышедшие брошюрки в Женеве, интересные вырезки из Vorwärts и т под. Напишите поподробнее о Сборнике: какой матерьял есть уже, что предположено, когда выйдет 1-ый выпуск, чего именно не достает для 2-го. Деньги, вероятно, пришлем, но позже. Отвечайте п о с к о р е е, ч-бы мы знали о том, что сей способ годен.

Передайте поляку адрес для личной явки Желательно поскорее, так как нуждаемся в транспорте Адрес: город тот же, ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ, СТУДЕНТ МИХАИЛ ЛЕОНТЬЕВИЧ ЗАКЛАДНЫЙ, спросить Иванова. — Деньги на издание по русски его «Geschichte etc» обещаны.

Далее. Такая просьба: Нам крайне нужна краска—какая, можете узнать у Mögli, у которого она есть. Нельзя ли бы как-ниб. доставить? Оказии нет-ли? Пожалуйста, подумайте об этом или поручите подумать Вашим «практикам». Кстати, Вы просили прямо к ним обращаться. Тогда сообщите, 1) знают ли они наш способ и ключ; 2) знают ли, от кого идут эти письма.

Сейчас посылается 1) сообщение о выселении духоборцев; 2) рассказ о сельских рабочих на юге и 3) описание фабрики Торнтона — из этого посылается пока только начало, ок. ¼.

Писать надо китайской т у ш ь ю. Лучше если прибавить маленький кристаллик х р о м п и к а ($K_2Cr_2O_7$): тогда не смоется. Бумагу брать п о т о н ь ш е. Жму руку. Ваш..

Поклон товарищу

Письмо второе.

Получили Бреславльский отчет. Расклеили с несказанными усилиями, причем большую часть изорвали (письмо благодаря хорошей бумаге получилось целым). Очевидно, Вы еще не получили второго письма. Необходимо употреблять очень жидкий клейстер: не более чайной ложки крахмала (и притом картофельного, а не пшеничного, который слишком крепок) на стакан воды. Только для верхнего вида

*) Очевидно, следует: «опоздание». *Ред.*

и цветной бумаги нужен обыкновенный (хороший) клейстер, а бумага держится хорошо, под влиянием пресса, и при самом жидком клейстере. Во всяком случае способ годен, и его следует практиковать.

Посылаю Вам конец Торнтона. У нас есть матерьял о стачке: 1) У Торнтона, 2) у Лаферма, 3) об Иваново-Вознесенской стачке, 4) о Ярославской стачке (письмо рабочего, очень интересное), о Петербургской фабрике механического производства обуви. Не посылаю его, пот. что не было еще времени для переписки и пот. что не рассчитываю поспеть к 1-му выпуску Сборника. — У нас завязаны сношения с НАРОДОВОЛЬЧЕСКОЙ ТИПОГРАФИЕЙ, выпустившей уже 3 вещи (не наши) и берущей одну нашу *). Предполагаем ИЗДАВАТЬ ГАЗЕТУ **), куда и пойдет матерьял. Окончательно выяснится это примерно через 1½—2 месяца. Если Вы находите, что матерьял поспеет к 1-ому выпуску, — сообщите тотчас. Ваш...

Легко ли справляетесь с нашими посылками? Надо сообща улучшать способ.

---

*) Присылайте нам, если есть материал для рабочих брошюрок. Они напечатают с радостью.

**) Речь идет о «Рабочем Деле» № 1 (см. прим. 73). *Ред.*

Проект программы [101]).

Текст, отбитый на машинке.

А. (1). Все быстрее и быстрее развиваются в России фабрики и заводы, разоряя кустарей и крестьян, превращая их в неимущих рабочих, сгоняя все более и более народа в города, промышленные и фабричные села и местечки.

(2). Этот рост капитализма означает громадный рост богатства и роскоши среди кучки фабрикантов, купцов и капиталистов и еще более быстрый рост нищеты и угнетения рабочих. Вводимые крупными фабрикантами улучшения в производстве и машины, составляя повышение производительности общественного труда, служат к усилению власти капиталистов над рабочими, к увеличению безработицы, а вместе с тем и беззащитности рабочих.

(3). Но доводя до высшей степени гнет капитала над трудом, крупные фабрики создают особый класс рабочих, который получает возможность вести борьбу с капи-

Текст гектографированн. тетради.

А. 1) Все быстрей и быстрей развиваются в России крупные фабрики и заводы, разоряя мелких кустарей и крестьян, превращая их в неимущих рабочих, сгоняя все больше и больше народа в города, фабричные и промышленные села и местечки.

2) Этот рост капитализма означает громадный рост богатства и роскоши среди кучки фабрикантов, купцов и землевладельцев и еще более быстрый рост нищеты и унижения рабочих. Вводимые крупными фабриками улучшения в производстве и машинах (?), способствуя повышению производительности общественного труда, служит усиленью власти капиталистов над рабочими, к увеличению безработицы, а вместе с тем и к беззащитности рабочих.

3) Но доведя до высшей степени гнет капитала над трудом, крупные фабрики создали особый класс рабочих, который получает возможность вести борьбу с ка-

талом, потому что самые условия его жизни разрушают все связи его с собственным хозяйством и, соединяя рабочих общей работой и перебрасывая их с фабрики на фабрику, сплачивают вместе массы рабочего люда. Рабочие начинают борьбу с капиталистами и среди них появляется усиленное стремление к об'единению. Из отдельных восстаний рабочих вырастает борьба русского рабочего класса.

(4). Эта борьба рабочего класса с классом капиталистов есть борьба против всех классов, живущих чужим трудом, и против всякой эксплоатации. Она может окончиться лишь переходом политической власти в руки рабочего класса, передачей всей земли, орудий, фабрик, машин, рудников в руки всего общества для устройства социалистического производства, при котором все производимое рабочими и все улучшения в производстве должны итти на пользу самих трудящихся.

(5). Движение русского рабочего класса к своей основной цели входит как часть в международное социал-демократическое движение рабочего класса всех стран.

(6). Главным препятствием в борьбе русского рабочего класса за свое освобождение является неограниченное самодержавное правительство с его безответствен-

питалом, п. ч. самые условия его жизни разрушают его (?) с собственным хозяйством и соединяя рабочих общей работы, перебрасывая их с фабрики на фабрику, сплачивает вместе массы рабочего люда. Рабочие начинают стачками борьбу с фабрикантами и среди них проявляется усиленное стремление к об'единению. Из отдельных восстаний рабочих вырастает борьба русского рабочего класса.

4) Эта борьба рабочего класса с классом капиталистов есть борьба против всех классов, живущих чужим трудом и против всякой эксплоатации. Она может окончиться лишь переходом политической власти в руки рабочего класса, передачей всей земли, орудий, фабрик, машин, рудников в руки всего общества для устройства социалистического производства, при котором все производимое рабочими и все улучшения в производстве должны итти на пользу самих трудящихся.

5) Движение русского рабочего класса по своему характеру и цели входит как часть в международное движение рабочего класса всех стран.

6) Главным препятствием в борьбе русского рабочего класса за свое освобождение является неограниченное самодержавное право с его безответственными чи-

ными чиновниками. Опираясь на привилегии землевладельцев и капиталистов, оно держит в полной бесправности низшие сословия и связывает движение рабочих и задерживает развитие всего народа. Поэтому борьба русского рабочего класса за свое освобождение с необходимостью вынуждает борьбу против неограниченной власти самодержавного правительства.

Б. (1). Русская социал-демократическая партия об'являет своей задачей — помогать этой борьбе русского рабочего класса развитием классового самосознания рабочих, содействием их организации, указанием на задачи и цели борьбы.

(2). Борьба русского рабочего класса за свое освобождение есть борьба политическая и первой задачей ее является достижение политической свободы.

(3). Поэтому русская социал-демократическая партия, не отделяя себя от рабочего движения, будет поддерживать всякое общественное движение против неограниченной власти самодержавного правительства, против класса привилегированных дворян, землевладельцев и против всех остатков крепостничества и сословности, стесняющих свободу конкуренции.

новниками. Опираясь на привлечение землевладельцев и капиталистов и на прислужничество их интересам, оно держит в полной бесправности низшие сословия и тем связывает движение рабочих и задерживает развитие всего народа. Поэтому борьба русского рабочего за свое освобождение с необходимостью вызывает борьбу против неограниченной власти самодержавного правительства.

Б. 1) Русская социал-демократическая партия об'являет своей задачей помогать этой борьбе русского рабочего класса развитием классового самосознания рабочих, содействием их пропаганде, указанием настоящей цели борьбы.

2) Борьба русского рабочего класса есть борьба политическая и первой задачей ее является достижение политической свободы.

3) Поэтому русская социал-демократическая партия не отделяет себя от рабочего движения, будет поддерживать всякое общественное движение против класса привилегированных дворян, землевладельцев и против остатков крепостничества и .....ности, стесняющих свободу конкуренции.

(4). Напротив того, русская социал-демократическая партия будет вести войну со всеми стремлениями облагодетельствовать трудящиеся классы опекой неограниченного правительства и его чиновников и задержать развитие капитализма и следовательно и развитие рабочего класса.

(5). Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих.

(6). Русскому народу нужна не помощь неограниченного правительства и его чиновников, а освобождение от его гнета.

В. Исходя из этих воззрений, русская социал-демократическая партия требует прежде всего:

1. Созвания земского собора из представителей всех граждан для выработки конституции.

2. Всеобщего и прямого избирательного права для всех русских граждан, достигших 21 года, без различия вероисповедания и национальности.

3. Свободы собраний, союзов и стачек.

4. Свободы печати.

5. Уничтожения сословий и равенства всех граждан перед законом.

4) Напротив того русская социал-демократическая партия будет вести войну со всеми стремлениями облагодетельствовать трудящиеся классы опекой неограниченного правительства и его чиновников и задержать развитие капитализма, а следовательно развитие рабочего класса.

5) Освобождение рабочего класса должно быть делом самих рабочих.

6) Русскому народу нужна не помощь неограниченного правительства и его чиновников, а освобождение от их гнета.

В. Исходя из этих воззрений русская социал-демократическая партия требует прежде всего:

1) Созвание Земского Собора из представителей всех граждан для выработки конституции.

2) Всеобщего и прямого избирательного права для всех русских граждан, достигших 21 года без различия национальности и вероисповедания.

3) Свободы собраний союзов и стачек.

4) Свободы печати.

5) Уничтожения сословий и полного равенства всех граждан перед законом.

6. Свободы вероисповедания и равноправности всех национальностей. Передачи ведения метрик в руки самостоятельных гражданских чиновников, независимых от полиции.

7. Предоставления каждому гражданину права преследовать всякого чиновника перед судом без жалобы по начальству.

8. Отмены паспортов. Свободы передвижения и переселений.

9. Свободы промыслов и занятий и уничтожения цехов.

Г. Для рабочих русская социал-демократическая партия требует:

1. Учреждения промышленных судов во всех отраслях промышленности с выборными судьями от капиталистов и рабочих поровну.

2. Законодательного ограничения рабочего дня 8 час. в сутки.

3. Законодательного запрещения ночной работы и смен. Запрещения работы детей до 15 лет.

4. Законодательного восстановления прав.

5. Распространения фабричных законов и фабричной инспекции на все отрасли промышленности

6) Свобода вероисповедания и равноправности всех национальностей. Передача ведения метрик в руки самостоятельных гражданских чинов, независимых от полиции.

7) Предоставление каждому гражданину права преследовать всякого чиновника перед судом, без жалобы по начальству.

8) Отмены паспортов, полной свободы передвижений и переселений.

9) Свободы промыслов и занятий и уничтожения цехов.

Г. Для рабочих русская социал-демократическая партия требует:

1) Учреждения промышленных отрядов во всех отраслях промышленности, с выборными судьями от капиталистов и рабочих поровну.

2) Законодательного ограничения рабочего дня 8 ч. в сутки.

3) Законодательного запрещения ночной работы и смен, запрещения работы детей до 15 лет

4) Законодательное установление праздничного отдыха.

5) Распространения фабричных законов и фабричной инспекции на всю Россию и на казенные фаб

во всей России и на казенные фабрики, а также на кустарей, работающих на дому.

рики, и на кустарей. работающих на дому.

5. Фабричная инспекция должна иметь самостоятельное положение и не находиться в министерстве финансов. Члены промышленных судов получают равные права с фабричной инспекцией по надзору за исполнением фабричных законов.

6) Фабричная инспекция должна иметь самостоятельное положение и не находиться в ведомстве Министерства Финансов. Члены промышленных судов получают равные права с фабричной инспекцией по надзору за исполнением фабричных законов.

7. Безусловного запрещения повсюду расплаты товарами.

7) Безусловное запрещение повсюду расплат товарами.

Надзор выборных от рабочих за составлением расценок, за браковкой товара и за расходом штрафных денег и за фабричными квартирами рабочих.

8) Надзора выборных из рабочих за правильным составлением расценок, за браковкой товара, за расходованием штрафных денег и за фабричными квартирами рабочих.

8. Закона о том, чтобы все вычеты из заработной платы рабочих, для какого бы предназначения они не делались (штрафы, браковка и пр.), вместе взятые, не могли превышать 10 коп. с рубля.

[Переписчик не разобрал].

9. Закона об ответственности фабрикантов за увечья рабочих с обязательством фабриканту доказывать, что вина на стороне рабочих.

9)

10. Закона об обязанности фабрикантов содержать школы и давать медицинскую помощь рабочим.

10) Закон об обязанности фабричного товарищества содержать школы и давать немедленно помощь рабочему.

Д. Для крестьян русская социал-демократическая партия требует:

1. Отмены выкупных платежей и вознаграждения крестьян за уплаченные выкупные платежи. Возвращения крестьянам излишне уплаченных в казну денег.

2. Возвращения крестьянам отрезанных от них в 1861 г. земель.

3. Полного равенства в податях и налогах с крестьянской и помещичьей земель.

4. Отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьян в распоряжении их землей.

Д. Для крестьян русская социал-демократическая партия требует:

1) Отмены выкупных платежей и вознаграждения крестьян за уплаченные выкупные платежи. Возвращения крестьянам излишне уплаченных денег.

2) Возвращение крестьянам отрезанных от них в 61 г. земель.

3) Отмены круговой поруки во всех законах, стесняющих крестьян в распределении их земель.

Синтетический текст.

А. 1. Все быстрей и быстрей развиваются в России крупные фабрики и заводы, разоряя мелких кустарей и крестьян, превращая их в неимущих рабочих, сгоняя все больше и больше народа в города, фабричные и промышленные села и местечки.

2. Этот рост капитализма означает громадный рост богатства и роскоши среди кучки фабрикантов, купцов и землевладельцев и еще более быстрый рост нищеты и угнетения рабочих. Вводимые крупными фабриками улучшения в производстве и машины, способствуя повышению производительности общественного труда, служат к усилению власти капиталистов над рабочими, к увеличению безработицы, а вместе с тем и к беззащитности рабочих.

3. Но доводя до высшей степени гнет капитала над трудом, крупные фабрики создали особый класс рабочих, который получает возможность вести борьбу с капиталом, потому что самые условия его жизни разрушают его связь с собственным хозяйством и, соединяя рабочих общей работой и перебрасывая их с фабрики на фабрику, сплачивают вместе массы рабочего люда. Рабочие начинают стачками

борьбу с фабрикантами и среди них появляется усиленное стремление к об'единению. Из отдельных восстаний рабочих вырастает борьба русского рабочего класса.

4. Эта борьба рабочего класса с классом капиталистов есть борьба против всех классов, живущих чужим трудом и против всякой эксплоатации. Она может окончиться лишь переходом политической власти в руки рабочего класса, передачей всей земли, орудий, фабрик, машин, рудников в руки всего общества для устройства социалистического производства, при котором все производимое рабочими и все улучшения в производстве должны итти на пользу самих трудящихся.

5. Движение русского рабочего класса по своему характеру и цели входит как часть в международное движение рабочего класса всех стран.

6. Главным препятствием в борьбе русского рабочего класса за свое освобождение является неограниченное самодержавное правительство с его безответственными чиновниками. Опираясь на привилегии землевладельцев и капиталистов и на прислужничество их интересам, оно держит в полной бесправности низшие сословия и тем связывает движение рабочих и задерживает развитие всего народа. Поэтому борьба русского рабочего за свое освобождение с необходимостью вызывает борьбу против неограниченной власти самодержавного правительства.

Б. 1. Русская социал-демократическая партия об'являет своей задачей—помогать этой борьбе русского рабочего класса развитием классового самосознания рабочих, содействием их организации, указанием настоящей цели борьбы.

2. Борьба русского рабочего класса за свое освобождение есть борьба политическая и первой задачей ее является достижение политической свободы.

3. Поэтому русская социал-демократическая партия, не отделяя себя от рабочего движения, будет поддерживать всякое общественное движение против неограниченной власти самодержавного правительства, против класса привилегированных дворян-землевладельцев и против всех остатков крепостничества и сословности, стесняющих свободу конкуренции.

4. Напротив того, русская социал-демократическая партия будет вести войну со всеми стремлениями облагодетельствовать трудящиеся классы опекой неограниченного правительства и его чиновников и задержать развитие капитализма, а следовательно, и развитие рабочего класса.

5. Освобождение рабочего класса должно быть делом самих рабочих.

6. Русскому народу нужна не помощь неограниченного правительства и его чиновников, а освобождение от их гнета.

В. Исходя из этих воззрений, русская социал-демократическая партия требует прежде всего:

1. Созвания Земского Собора из представителей всех граждан для выработки конституции.

2. Всеобщего и прямого избирательного права для всех русских граждан, достигших 21 года, без различия национальности и вероисповедания.

3. Свободы собраний, союзов и стачек.

4. Свободы печати.

5. Уничтожения сословий и полного равенства всех граждан перед законом.

6. Свободы вероисповедания и равноправности всех национальностей. Передачи ведения метрик в руки самостоятельных гражданских чиновников, независимых от полиции.

7. Предоставления каждому гражданину права преследовать всякого чиновника перед судом, без жалобы по начальству

8. Отмены паспортов, полной свободы передвижений и переселений.

9. Свободы промыслов и занятий и уничтожения цехов.

Г. Для рабочих русская социал-демократическая партия требует:

1. Учреждения промышленных судов во всех отраслях промышленности, с выборными судьями от капиталистов и рабочих поровну.

2. Законодательного ограничения рабочего дня 8 часами в сутки.

3. Законодательного запрещения ночной работы и смен. Запрещения работы детей до 15 лет.

4. Законодательного установления праздничного отдыха.

5. Распространения фабричных законов и фабричной инспекции на все отрасли промышленности во всей России и на казенные фабрики, а также и на кустарей, работающих на дому.

6. Фабричная инспекция должна иметь самостоятельное положение и не находиться в ведомстве министерства финансов. Члены промышленных судов получают равные права с фабричной инспекцией по надзору за исполнением фабричных законов.

7. Безусловного запрещения повсюду расплаты товарами.

Надзора выборных из рабочих за правильным составлением расценок, за браковкой товара, за расходованием штрафных денег и за фабричными квартирами рабочих.

8. Закона о том, чтобы все вычеты из заработной платы рабочих, для какого бы предназначения они ни делались (штрафы, браковка и проч.), вместе взятые, не могли превышать 10 коп. с рубля.

9. Закона об ответственности фабрикантов за увечья рабочих обязательством фабриканту доказывать, что вина на стороне рабочих.

10. Закона об обязанности фабрикантов содержать школы и давать медицинскую помощь рабочим.

Д. Для крестьян русская социал-демократическая партия требует:

1. Отмены выкупных платежей и вознаграждения крестьян за уплаченные выкупные платежи. Возвращения крестьянам излишне уплаченных в казну денег.

2. Возвращения крестьянам отрезанных от них в 1861 г. земель.

3. Полного равенства в податях и налогах с крестьянской и помещичьей земель.

4. Отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьян в распоряжении их землей.

Об яснение программы.

Программа разделяется на три главные части. В первой части излагаются все воззрения, из которых вытекают остальные части программы. В этой части указывается, какое положение занимает рабочий класс в современном обществе, какой смысл и значение имеет его борьба с фабрикантами и каково политическое положение рабочего класса в русском государстве.

Во второй части излагается ЗАДАЧА ПАРТИИ и указывается, в каком отношении она находится к другим политическим направлениям в России. Здесь говорится о том, какова должна быть деятельность партии и всех, сознающих свои классовые интересы рабочих, и как следует им относиться к интересам и стремлениям других классов русского общества.

3-я часть содержит практические требования партии. Эта часть подразделяется на 3 отдела. 1-й отдел содержит требование общегосударственных преобразований. 2-й отдел — требования и программу рабочего класса. 3-й — требования в пользу крестьян. Некоторые

предварительные об'яснения к этим отделам даны ниже перед переходом к практической части программы.

А. 1. Программа говорит прежде всего о быстром росте крупных фабрик и заводов, потому что это главное явление в современной России, совершенно изменяющее все старые условия жизни, в особенности условия жизни трудящегося класса. При старых условиях почти все количество богатств производилось мелкими хозяевами, которые составляли громадное большинство населения. Население жило неподвижно по деревням, производя большую часть продуктов либо на свое собственное потребление, либо на небольшой рынок окрестных селений, мало связанный с другими соседними рынками. На помещиков работали те же мелкие хозяева, и помещики заставляли их производить продукт главным образом на собственное потребление. Домашние продукты отдавались в обработку ремесленникам, которые жили тоже по деревням или ходили набирать работу по окрестностям.

И вот со времени освобождения крестьян эти условия жизни массы народа подверглись полному изменению: на место мелких ремесленных заведений стали появляться крупные фабрики, которые росли с чрезвычайной быстротой; они вытесняли мелких хозяев, превращая их в наемных рабочих, и заставляли сотни и тысячи рабочих работать вместе, производя в громадном количестве товар, распродающийся по всей России.

Освобождение крестьян уничтожило неподвижность населения и поставило крестьян в такие условия, что они не могли уже кормиться с оставшихся у них клочков земли. Масса народа бросилась на поиски заработка, идя на фабрики, на постройку железных дорог, соединяющих разные концы России и развозящих повсюду товары крупных фабрик. Масса народа пошла на заработки в города, занималась постройкой фабричных и торговых зданий, доставкой топлива к фабрикам, подготовлением материалов для нее. Наконец, множество лиц занято было работой на дому, раздаваемой купцами и фабрикантами, не успевающими расширять своих заведений. Такие же изменения произошли в земледелии, помещики стали производить хлеб на продажу, появились крупные посевщики из крестьян и купцов, сотни миллионов пудов хлеба стали продаваться за границу. Для производства потребовались наемные рабочие, и сотни тысяч и миллионы крестьян пошли, забрасывая свои крохотные наделы, в батраки и поденщики к новым хозяевам, производящим хлеб на продажу. Вот эти-то изменения старых условий жизни и описывает программа, говоря, что крупные фабрики и заводы разоряют мелких кустарей и крестьян, превращая их

в наемных рабочих. Мелкое производство повсюду заменяется крупным, и в этом крупном производстве массы рабочих уже простые наемники, работающие за заработную плату на капиталиста, который владеет громадными капиталами, строит громадные мастерские, закупает массы материала и кладет себе в карман всю прибыль этого массового производства об'единенных рабочих. Производство стало капиталистическое и оно давит беспощадно и безжалостно всех мелких хозяев, разрушая их неподвижную жизнь в деревнях, заставляя их простыми чернорабочими ходить из конца в конец всей страны, продавая свой труд капиталу. Все бóльшая и бóльшая часть населения окончательно отрывается от деревни и от сельского хозяйства и собирается в города, фабричные и промышленные села и местечки, образуя особый класс людей, не имеющих никакой собственности, класс наемных рабочих-пролетариев, живущих только продажей своей рабочей силы.

Вот в чем состоят те громадные изменения в жизни страны, которые произведены крупными фабриками и заводами: мелкое производство заменяется крупным, мелкие хозяева превращаются в наемных рабочих. Что же означает эта перемена для всего трудящегося народа и к чему она ведет? Об этом и говорит дальше программа.

А. 2. Замена мелкого производства крупным сопровождается заменой мелких денежных средств в руках отдельного хозяина — громадными капиталами, заменой мелких, ничтожных барышей — миллионными барышами. Поэтому рост капитализма ведет повсюду к росту роскоши и богатства. В России создался целый класс крупных денежных тузов, фабрикантов, железнодорожников, купцов, банкиров, создался целый класс людей, живущих доходами с денежных капиталов, отдаваемых под проценты промышленникам; обогатились крупные землевладельцы, получая с крестьян [много] *) выкупа за землю, пользуясь их нуждой в земле для повышения цен на отдаваемую в аренду землю, заводя в своих имениях крупные свеклосахарные и винокуренные заводы. Роскошь и мотовство во всех этих классах богачей достигла небывалых размеров, и парадные улицы больших городов застроились их княжескими палатами и роскошными замками. Но положение рабочего по мере роста капитализма все ухудшалось. Заработки если и увеличились кое-где после освобождения крестьян, то очень немного и не надолго; потому — что масса приливающего из деревни голодного народа сбивала цены, а между тем с'естные и жизненные припасы все дорожали, так что даже при увеличившейся плате рабочим приходи-

*) Переписчик поставил: „довольно“. *Ред.*

лось получать меньше средств к жизни; заработок найти становилось все труднее и труднее, и рядом с роскошными палатами богачей (или на окраинах городов) росли лачуги рабочих, принужденных жить в подвалах, в переполненных сырых и холодных квартирах, а не то и прямо в землянках около новых промышленных заведений. Капитал, становясь все крупнее, сильнее давил на рабочих, превращая их в нищих, принуждая отдавать все свое время фабрике, загоняя на работу жен и детей рабочих. Таким образом, вот в чем состоит первая перемена, к которой ведет рост капитализма: громадные богатства скопляются в руках небольшой кучки капиталистов, а массы народа превращаются в нищих.

Вторая перемена состоит в том, что замена мелкого производства крупным повела ко многим улучшениям в производстве. Прежде всего на место труда по одиночке, порознь в каждой маленькой мастерской, у каждого мелкого хозяина отдельно, стала работа соединенных рабочих, трудящихся вместе на одной фабрике, у одного землевладельца, у одного подрядчика. Совместный труд гораздо успешнее (производительнее) одиночного и дает возможность производить товары гораздо легче и скорее. Но всеми этими улучшениями пользуется один капиталист, который платит рабочим их же гроши и даром присваивает всю выгоду от соединенного труда рабочих. Капиталист оказывается еще сильнее, рабочий еще слабее, потому что он привыкает к одной какой-нибудь работе и ему труднее перейти на другое дело, переменить занятие

Другим, гораздо более важным улучшением в производстве являются МАШИНЫ, которые вводит капиталист. Успешность труда увеличивается во много раз от употребления машин; но капиталист обращает всю эту выгоду против рабочих: пользуясь тем, что машины требуют меньшего физического труда, он ставит к ним женщин и детей, платя им меньшую плату. Пользуясь тем, что при машинах нужно гораздо меньше рабочих, он выталкивает их массами с фабрики и пользуется этой безработицей, чтобы еще сильнее поработить рабочего, чтобы увеличить рабочий день, чтобы отнять у рабочего ночной отдых и превратить его в простой придаток машины. Безработица, созданная машинами и постоянно увеличивающаяся, ведет теперь к полной беззащитности рабочего. Его искусство теряет цену, он легко заменяется простым чернорабочим, быстро привыкающим к машине и охотно идущим работать за меньшую плату. Всякая попытка отстоять себя от еще большего давления капитала ведет к расчету. По одиночке рабочий оказывается совершенно бессильным перед капиталом, машина грозит задавить его.

А. 3. Мы показали в об'яснении к предыдущему пункту, что рабочий в одиночку оказывается бессильным и беззащитным перед капиталистом, вводящим машины. Рабочему приходится во что бы то ни стало искать средств дать отпор капиталисту, чтобы отстоять себя. И такое средство они находят в с о е д и н е н и и. Бессильный в одиночку, рабочий становится силой в соединении с своими товарищами, получает возможность бороться против капиталиста и дать ему отпор.

СОЕДИНЕНИЕ становится необходимостью для рабочего, против которого стоит уже крупный капитал. Но возможно ли соединить массу стороннего друг другу сбродного народа, работающего хотя бы и на одной фабрике? Программа указывает те условия, которые подготовляют рабочих к соединению и развивают в них способности и умение соединяться. Эти условия следующие: 1) крупная фабрика с машинным производством, требующим постоянной работы круглый год, совершенно разрывает связь рабочих с землей и с собственным хозяйством, делая его полным пролетарием. А собственное хозяйство на кусочке земли раз'единяло рабочих, давало каждому из них некоторый особый интерес, отдельный от интересов товарища, и таким образом препятствовало их об'единению. Разрыв рабочего с землей разрывает эти препятствия. 2) Далее, совместная работа сотен и тысяч рабочих сама собой приучает рабочих к совместному обсуждению своих нужд, к совместному действию, наглядно показывая одинаковость положения и интересов всей массы рабочих. 3) Наконец, постоянные перебрасывания рабочих с фабрики на фабрику приучают их сличать условия и порядки на разных фабриках, сравнивать их, убеждаться в одинаковости эксплоатации на всех фабриках, заимствовать опыт других рабочих в их столкновениях с капиталистом и таким образом усиливают сплочение, солидарность рабочих. Вот эти-то условия, вместе взятые, и повели к тому, что появление на свет крупных фабрик и заводов вызвало соединение рабочих. Среди русских рабочих это соединение выражается чаще всего и сильнее всего в стачках (о том, почему нашим рабочим недоступно соединение в форме союзов или касс, мы будем говорить позже). Чем сильнее развиваются крупные фабрики и заводы, тем чаще, сильнее и упорнее становятся рабочие стачки, потому что чем сильнее гнет капитализма, тем более необходим совместный отпор рабочих. Стачки и отдельные восстания рабочих, как говорит программа, составляют в настоящее время самое распространенное явление на русских фабриках. Но, по мере дальнейшего роста капитализма и учащения стачек, они оказываются недостаточными. Фабриканты принимают против них общие меры: они заключают между собой союз,

они выписывают рабочих из других мест, они обращаются за содействием к государственной власти, которая помогает им подавлять сопротивление рабочих. Против рабочих стоит уже не один отдельный фабрикант каждой отдельной фабрики, против них стоит весь класс капиталистов с помогающим ему правительством. Весь КЛАСС КАПИТАЛИСТОВ вступает в борьбу со всем КЛАССОМ РАБОЧИХ, изыскивая общие меры против стачек, добиваясь от правительства законов против рабочих, перенося фабрики и заводы в более глухие местности, прибегая к раздаче работы на дом и к тысяче всяких других уловок и ухищрений против рабочих. Соединение рабочих отдельной фабрики, даже отдельной отрасли промышленности оказывается недостаточным для отпора всему классу капиталистов, становится безусловно необходимым совместное действие ВСЕГО КЛАССА РАБОЧИХ. Таким образом из отдельных восстаний рабочих вырастает борьба всего рабочего класса. Борьба рабочих с фабрикантами превращается в классовую борьбу. Всех фабрикантов соединяет один интерес — держать рабочих в подчинении и платить им как можно меньше рабочей платы. И фабриканты видят, что им не отстоять своего дела иначе, как при совместном действии всего класса фабрикантов, иначе, как приобретая влияние на государственную власть. Рабочих точно так же связывает один общий интерес — не дать капиталу задавить себя, отстоять свое право на жизнь и на человеческое существование. И рабочие точно так же убеждаются, что и им необходимо об'единение. совместное действие всего класса — рабочего класса — и что для этого необходимо добиться влияния на государственную власть

А. 4. Мы об'яснили, каким образом и почему борьба фабричных рабочих с фабрикантами становится классовой борьбой, борьбой рабочего класса — пролетариев с классом капиталистов — буржуазией. Спрашивается, какое значение для всего народа и всех трудящихся имеет эта борьба? При современных условиях, о которых мы говорили уже в об'яснении к 1 пункту, производство посредством наемных рабочих все более и более вытесняет мелкое хозяйство. Число людей, ЖИВУЩИХ НАЕМНЫМ ТРУДОМ, быстро увеличивается и не только увеличивается число постоянных фабричных рабочих, но еще более увеличивается число крестьян, которые должны искать себе той же наемной работы, чтобы прокормиться. В настоящее время работа по найму, работа на капиталиста стала уже самой распространенной формой работы. Господство капитала над трудом охватило массу населения не только в промышленности, но и в земледелии. Вот эту-то

эксплоатацию наемного труда, которая лежит в основании современного общества, крупные фабрики доводят до высшей степени развития. Все приемы эксплоатации, которые употребляются всеми капиталистами во всех отраслях промышленности, от которых страдает вся масса рабочего населения России — здесь, на фабрике, собираются вместе, усиливаются, делаются постоянным правилом, распространяются на все стороны труда, жизни рабочего, создают целый распорядок, целую систему выжимания соков из рабочего капиталистом. Поясним это примером: везде и всегда каждый, нанимающийся на роботу, отдыхает, оставляет работу в праздник, если его празднуют в окрестности. Совсем другое дело на фабрике: нанимая работника, фабрика распоряжается уже им как ей угодно, не обращая никакого внимания на привычки рабочего, на обычный образ жизни, на его семейное положение, на умственные потребности. Фабрика гонит его на работу тогда, когда ей это нужно, заставляя пригонять к ее требованиям всю свою жизнь, заставляя разрывать на части свой отдых, при работе сменами заставляя работать [и] ночью, [и] в праздник. Все злоупотребления, какие можно себе представить относительно рабочего времени, фабрика пускает в ход, а вместе с тем вводит свои «правила», свои «порядки», обязательные для каждого рабочего. Фабричный порядок оказывается нарочно подогнанным так, чтобы выжать из нанятого рабочего все то количество труда, какое он может дать, выжать как можно скорее и затем выбросить его долой! Другой пример. Всякий нанимающийся на работу обязывается, конечно, подчиняться хозяину, исполнять то, что ему прикажут. Но, обязываясь исполнять временную работу, нанимающийся вовсе не отказывается от своей воли; находя неправильным или чрезмерным требование хозяина, он уходит от него. Фабрика же требует, чтобы рабочий отказался совершенно от своей воли; она заводит у себя дисциплину, заставляет рабочего по звонку вставать на работу и прекращать ее, она присваивает себе право самой наказывать рабочего и за каждое нарушение ею же составленных правил подвергает его штрафу или вычету. Рабочий становится частью громадного машинного аппарата: он должен быть так же беспрекословен, порабощен, лишен собственной воли, как и сама машина.

Еще 3-й пример. Всякий, нанимающийся на работу, сплошь и рядом оказывается недовольным хозяином, обращается с жалобой на него в суд или к начальнику. И начальник и суд решают спор обыкновенно в пользу хозяина, держат его руку, но это потворство хозяйским интересам основывается не на общем правил[е или] законе, а на услужли-

вости отдельных чиновников, которые иногда больше защищают, иногда меньше, которые решают дело несправедливо в пользу хозяина или по знакомству с хозяином, или по незнанию условий работы и неумению понять рабочего. Каждый отдельный случай такой несправедливости зависит от каждого отдельного столкновения рабочего с хозяином, от каждого отдельного чиновника. Фабрика же соединяет вместе такую массу рабочих, доводит притеснения до такой степени, что становится невозможным [разбирать] особо каждый случай. Создаются общие правила, составляется закон об отношениях рабочих к фабрикантам, закон, обязательный для всех. И в этом законе потворство интересам хозяина закрепляется уже государственною властью. На место несправедливости отдельных чиновников становится несправедливость самого закона. Появляются, напр., такие правила, что рабочий за прогул не только теряет заработок, но платит еще штраф, а хозяин, посылая гулять рабочего, ничего не платит ему; что хозяин может расчитать рабочего за грубость, а рабочий не может по той же причине уйти от него; что хозяин в праве самовольно налагать штрафы, вычет или требовать сверхсрочной работы и т. п.

Все эти примеры показывают нам, каким образом фабрика усиливает эксплоатацию рабочих и делает эту эксплоатацию всеобщей, делает из нее целый «п о р я д о к». Рабочему волей неволей приходится уже теперь иметь дело не с отдельным хозяином и его волей и притеснением, а с произволом и притеснением всего класса хозяев. Рабочий видит, что его угнетатели не какой-нибудь один капиталист, а весь класс капиталистов, потому что у всех заведений одинаковый порядок эксплоатации; отдельному капиталисту нельзя даже отступить от этого порядка: если бы он вздумал, напр., сократить рабочее время, ему обошлись бы дороже товары, чем его соседу, другому фабриканту, который заставляет рабочего за ту же плату работать дольше. Чтобы добиться улучшения своего положения, рабочему приходится теперь иметь дело с целым общественным устройством, направленным к эксплоатации труда капиталом. Против рабочего стоит уже не отдельная несправедливость одного какого-либо чиновника, а несправедливость самой государственной власти, которая берет под свою защиту весь класс капиталистов и издает обязательные для всех законы в пользу этого класса. Таким образом борьба фабричных рабочих с фабрикантами неизбежно превращается в борьбу против всего класса капиталистов, против всего общественного устройства, основанного на эксплоатации труда капиталом. Поэтому борьба рабочих и приобретает обще-

ственное значение, становится борьбой от лица всех трудящихся против всех классов, живущих чужим трудом. Поэтому борьба рабочих открывает собою новую эпоху русской истории и является зарей освобождения рабочих.

На чем же держится господство класса капиталистов над всей массой рабочего люда? На том, что в руках капиталистов, в их частной собственности находятся все фабрики, заводы, рудники, машины, орудия труда; на том, что в их руках громадные количества земли (из всей земли Евр. России более $^1/_3$ принадлежит землевладельцам, число которых не составляет полумиллиона). Рабочие, сами не имея никаких орудий труда и материалов, должны продавать свою рабочую силу капиталистам, которые платят рабочим только то, что необходимо на содержание их, и весь излишек, производимый трудом, кладут себе в карман; они уплачивают таким образом только часть потребленного им на работу времени и присваивают себе остальную часть. Все увеличение богатства, происходящее от соединенного труда массы рабочих или улучшений в производстве, достается классу капиталистов, и рабочие, трудясь из поколения в поколение, остаются такими же неимущими пролетариями. Поэтому есть только одно средство положить конец эксплоатации труда капиталом, именно: уничтожить частную собственность на орудия труда, передать все фабрики, заводы, рудники, а также все крупные имения и т. п. в руки всего общества и вести общее социалистическое производство, направляемое самими рабочими. Продукты, производимые общим трудом, будут тогда итти в пользу самих трудящихся, а производимый ими излишек над их содержанием будет служить для удовлетворения потребностей самих рабочих для полного развития всех их способностей и равноправного пользования всеми приобретениями науки и искусства. В программе и указано поэтому, что только этим может окончиться борьба рабочего класса с капиталистами. А для этого необходимо, чтобы политическая власть, т.-е. власть управления государством из рук правительства, находящегося под влиянием капиталистов и землевладельцев, или из рук правительства, состоящего прямо из выборных представителей капиталистов, перешла в руки рабочего класса.

Такова конечная цель борьбы рабочего класса, таково условие его освобождения. К этой конечной цели должны стремиться сознательные, об'единенные рабочие; но у нас в России они встречают еще огромные препятствия, мешающие им вести борьбу за свое освобождение.

А. 5. Борьбу с господством класса капиталистов ведут в настоящее время уже рабочие всех европейских стран, а также рабочие Америки и Австралии. Соединение и сплочение рабочего класса не ограничивается пределами одной страны или одной национальности: рабочие партии разных государств громко заявляют о полной одинаковости (солидарности) интересов и целей рабочих всего мира. Они собираются вместе на общие конгрессы, выставляют общие требования к классу капиталистов всех стран, учреждают международный праздник всего об'единенного, стремящегося к своему освобождению, пролетариата (1 мая), сплачивая рабочий класс всех национальностей и всех стран в одну великую рабочую армию. Это об'единение рабочих всех стран вызывается необходимостью, тем, что класс капиталистов, господствующий над рабочими, не ограничивает своего господства одной страной. Торговые связи между различными государствами становятся все теснее и обширнее; капитал переходит постоянно из одной страны в другую. Банки, — эти громадные склады капиталов, собирающие его отовсюду и распр[еделяющие его] в ссуду капиталистам, становятся из национальных международными, собирают капиталы из всех стран, распределяют их капиталистам Европы и Америки. Громадные акционерные компании устраиваются уже для заведения капиталистических предприятий не в одних странах, а в нескольких сразу; появляются международные общества капиталистов. Господство капитала международно. Вот почему и борьба рабочих всех стран за освобождение имеет успех лишь при совместной борьбе рабочих против международного капитала. Вот почему товарищем русского рабочего в борьбе против класса капиталистов является и рабочий немец, и рабочий поляк, и рабочий француз точно так же, как врагом его являются капиталисты и русские, и польские, и французские. Так, в последнее время иностранные капиталисты особенно охотно переносят свои капиталы в Россию, строят в России отделения своих фабрик и заводов и основывают [общества] для новых предприятий в России. Они жадно набрасываются на молодую страну, в которой правительство так благосклонно и угодливо к капиталу, как нигде, в которой они находят рабочих менее об'единенных, менее способных к отпору, чем на Западе, в которой жизненный уровень рабочих, а потому и их заработная плата гораздо ниже, так что иностранные капиталисты могут получать громадные, неслыханные у себя на родине, барыши. Международный капитал протянул уже свою руку и на Россию. Русские рабочие протягивают руки международному рабочему движению.

А. 6. Мы говорили уже о том, как крупные фабрики и заводы доводят до высшей степени гнет капитала над трудом, как они создают целую систему приемов эксплоатации; как рабочие, восставая против капитала, неизбежно приходят к необходимости об'единения всех рабочих, к необходимости совместной борьбы всего рабочего класса. В этой борьбе против класса капиталистов рабочие сталкиваются с общими государственными законами, которые берут под свою охрану капиталистов и их интересы.

Но ведь, если рабочие, соединяясь вместе, оказываются в силах вынуждать уступки капиталистов, давать им отпор, то рабочие могли бы точно так же своим об'единением влиять на государственные законы, добиваться их изменения. Так и поступают рабочие всех других стран, но русские рабочие не могут прямо влиять на государство. Рабочие поставлены в России в такие условия, при которых они лишены самых простых гражданских прав. Они не смеют ни собираться, ни обсуждать своих дел совместно, ни устраивать союзов, ни печатать свои заявления, другими словами — государственные законы не только составлены в интересах класса капиталистов, но они прямо лишают рабочих всякой возможности влиять на эти законы и добиться их изменения. Происходит это оттого, что в России (и только в одной России из всех европейских государств) сохраняется до сих пор неограниченная власть самодержавного правительства, то-есть такое государственное устройство, при котором издавать законы, обязательные для всего народа, может один только царь по своему усмотрению, а исполнять эти законы могут одни только чиновники, назначаемые им. Граждане лишены всякого участия в издании законов, обсуждении их, предложении новых, требовании отмены старых. Они лишены всякого права требовать отчета от чиновников, проверять их действия, обвинять пред судом. Граждане лишены даже права обсуждать государственные дела: они не смеют устраивать собрания или союзы без разрешения тех же чиновников. Чиновники являются таким образом в полном смысле слова безответственными; они составляют как бы особую касту, поставленную над гражданами. Безответственность и произвол чиновников и полная безгласность самого населения порождают такие вопиющие злоупотребления власти чиновников и такое нарушение прав простого народа, какое едва ли возможно в любой европейской стране.

Таким образом, по закону русское правительство является совершенно неограниченным, оно считается как бы совершенно независимым от народа, стоящим выше всех сословий и классов. Но если бы это было действительно так, отчего бы и закон и правительство во всех столкно-

вениях рабочих с капиталистами становились на сторону капиталистов? Отчего бы капиталисты встречали все больше поддержки по мере того, как увеличивается их число и растет их богатство, — а рабочие встречали все более сопротивлений и стеснений?

На самом деле правительство не стоит выше классов и берет под свою защиту один класс против другого, берет под свою защиту класс имущих против неимущих, капиталистов против рабочих. Неограниченное правительство не могло бы и управлять таким громадным государством, если бы оно не оказывало всяческих льгот и поблажек имущим классам.

Хотя по закону правительство является неограниченной и независимой властью, но на деле капиталисты и землевладельцы имеют тысячи способов влиять на правительство и на государственные дела. У них есть свои, законом признанные, сословные учреждения, дворянские и купеческие общества, комитеты торговли и мануфактуры и т. п. Выборные представители их или просто становятся чиновниками и принимают участие в управлении государством (напр., предводители дворянства) или приглашаются в качестве членов во все правительственные учреждения: напр., фабриканты по закону заседают в фабричных присутствиях (это — начальство над фабричной инспекцией), выбирая туда своих представителей. Но этим прямым участием в управлении государством они не ограничиваются. В своих обществах они обсуждают государственные законы, вырабатывают проекты, и правительство по каждому поводу спрашивает обыкновенно их мнение, оно предлагает им какой-нибудь проект и просит сделать на него замечания.

Капиталисты и землевладельцы устраивают общерусские с'езды, на которых обсуждают свои дела, изыскивая разные мероприятия на пользу своего класса, заявляют от лица всех дворян-помещиков, от «всероссийского купечества» ходатайства об издании новых законов и изменении старых. Свои дела они могут обсуждать в газетах, ибо как не стесняет правительство печать своей цензурой, но отнять у имущих классов право обсуждать свои дела оно и думать не смеет. Они имеют всяческие ходы и доступы к высшим представителям государственной власти и легче могут обсуждать произвол низших чиновников, легко могут добиться отмены особенно стеснительных законов и правил. И если ни в одной стране в мире нет такого множества законов и правил, такой беспримерной полицейской опеки правительства, предусматривающей всякие мелочи и обессиливающей всякое живое дело — то ни в одной стране в мире не нарушаются так легко эти буржуазные правила и так легко не обходят эти полицейские законы по одному мило-

стивому соизволению высшего начальства. А в этом милостивом соизволении никогда не отказывают *).

Б. 1. Этот пункт программы самый важный, самый главный, потому что он указывает, в чем должна состоять деятельность партии, защищающей интересы рабочего класса и деятельность всех сознательных рабочих. Он указывает, каким образом стремления социализма, стремления устранить вечную эксплоатацию человека человеком должны быть соединены с тем народным движением, которое нарождается условиями жизни, созданными крупными фабриками и заводами.

Деятельность партии должна состоять в содействии классовой борьбе рабочих. Задача партии состоит не в том, чтобы сочинить из головы какие-либо модные средства помощи рабочим, а в том, чтобы примкнуть к движению рабочих, внести в него свет, помочь рабочим в этой борьбе, которую они уже сами начали вести. Задача партии защищать интересы рабочих и представлять интересы всего рабочего движения. В чем же должна проявляться помощь рабочим в их борьбе?

Программа говорит, что эта помощь должна состоять, во-1-х, в развитии классового самосознания рабочих. О том, как борьба рабочих с фабрикантами становится классовой борьбой пролетариата с буржуазией — мы уже говорили.

Из сказанного нами тогда вытекает, что надо разуметь под классовым самосознанием рабочих. Классовое самосознание рабочих есть понимание рабочими того, что единственное средство улучшить свое положение и добиться своего освобождения заключается в борьбе с классом капиталистов и фабрикантов, которые созданы крупными фабриками и заводами. Далее, самосознание рабочих означает понимание того, что интересы всех рабочих данной страны одинаковы, солидарны, что они все составляют один класс, отдельный от всех остальных классов общества. Наконец, классовое самосознание рабочих означает понимание рабочими того, что для достижения своих целей рабочим необходимо добиваться влияния на государственные дела, как добились и продолжают добиваться землевладельцы и капиталисты. Каким же путем приобретают рабочие понимание всего этого?

Рабочие приобретают его, постоянно почерпая его из той самой борьбы, которую они начинают вести с фабрикантами и которая все

---

*) Гектографированная тетрадь содержит здесь слова: „[*пропуск I*] владычество безответств. чиновников, чем всякого вмешательства общества в правит. дела, чем охотнее представляет оно возможность [** пропуск II *]“. *Ред.*

больше и больше развивается, становится резче, втягивает большое число рабочих по мере развития крупных фабрик и заводов. Было время, когда вражда рабочих против капитала выражалась только в смутном чувстве ненависти против своих эксплоататоров, в смутном сознании своего угнетения и рабства и в желании отомстить капиталистам. Борьба выражалась тогда в отдельных восстаниях рабочих, которые разрушали здания, ломали машины, били фабричное начальство и т. п. Это была первая, начальная форма рабочего движения, и она была необходима потому, что ненависть к капиталисту всегда и везде являлась первым толчком к пробуждению в рабочих стремления к защите себя. Но из этой первоначальной формы русское рабочее движение уже выросло. Вместо смутной ненависти к капиталисту рабочие стали уже понимать враждебность интересов класса рабочих и класса капиталистов. Вместо неясного чувства угнетения они стали уже разбирать, чем именно и как именно давит их капитал, и восстают против той или другой формы угнетения, ставя предел давлению капитала, защищая себя от алчности капиталиста. Вместо мести капиталистам они переходят теперь к борьбе за уступки, они начинают выставлять одно требование за другим к классу капиталистов и требуют себе улучшения условий работы, повышения платы, сохранения рабочего дня. Каждая стачка сосредоточивает все внимание и все усилия рабочих то на одном, то на другом условии, в которые поставлен рабочий класс. Каждая стачка вызывает обсуждение этих условий, помогает рабочим оценить их, разобраться, в чем состоит тут давление капитала, какими средствами можно бороться против этого давления. Каждая стачка обогащает опыт всего рабочего класса. Если стачка удачна, она показывает ему силу об'единения рабочих и побуждает других воспользоваться успехом товарищей. Если она неудачна, она вызывает обсуждение причин неуспеха и изыскание лучших приемов борьбы. В этом начавшемся теперь повсюду в России переходе рабочих к неуклонной борьбе за свои насущные нужды, борьбе за уступки, за лучшие условия жизни, заработка и рабочего дня, заключается громадный шаг вперед, сделанный русскими рабочими, и на эту борьбу, на содействие ей должно быть обращено поэтому главное внимание с.-д. партии и всех сознательных рабочих. Помощь рабочим должна состоять в указании тех наиболее насущных нужд, на удовлетворение которых должна итти борьба, в разборе тех причин, которые особенно ухудшают положение тех или других рабочих, в раз'яснении фабричных законов и правил, нарушение которых (и обманные уловки капиталистов) так часто подвергают рабочих двойному грабежу. Помощь должна состоять в том, чтобы точнее и определеннее выразить

требования рабочих и публично выставить их, в том, чтобы выбрать наилучший момент для сопротивления, в том, чтобы выбрать способ борьбы, обсудить положение и силы обеих борющихся сторон, обсудить, нельзя ли избрать еще лучшего способа борьбы (прием вроде м. б. письма к фабриканту, или обращения к инспектору, или к врачу, смотря по обстоятельствам, если не следует прямо перейти к стачке и т. д.).

Мы сказали, что переход русских рабочих к такой борьбе указывает на сделанный ими громадный шаг вперед. Эта борьба ставит (выводит) рабочее движение на прямую дорогу и служит верным залогом его дальнейшего успеха. На этой борьбе массы рабочего люда учатся, во-1-х, распознавать и разбирать один за другим приемы капиталистической эксплоатации, соображать их и с законом, и с своими жизненными условиями, и с интересами класса капиталистов. Разбирая отдельные формы и случаи эксплоатации, рабочие научаются понимать значение и сущность эксплоатации в ее целом, научаются понимать тот общественный строй, который основан на эксплоатации труда капиталом. Во-2-х, на этой борьбе рабочие пробуют свои силы, учатся об'единению, учатся понимать необходимость и значение его. Расширение этой борьбы и учащение столкновений ведет неизбежно к расширению борьбы, к развитию чувства единства, чувства своей солидарности сначала среди рабочих данной местности, затем среди рабочих всей страны, среди всего рабочего класса. В-3-х, эта борьба развивает политическое сознание рабочих. Масса рабочего люда поставлена условиями самой жизни в такое положение, что они (не могут) не имеют ни досуга, ни возможности раздумывать о каких-нибудь государственных вопросах. Но борьба рабочих с фабрикантами за их повседневные нужды сама собой и неизбежно наталкивает рабочих на вопросы государственные, политические, на вопросы о том, как управляется русское государство, как издаются законы и правила и чьим интересам они служат. Каждое фабричное столкновение необходимо приводит рабочих к столкновению с законами и представителями государственной власти. Рабочие слушают тут впервые «политические речи». Сначала хотя бы от фабричных инспекторов, раз'ясняющих им, что уловка, посредством которой их дожал фабрикант, основана на точном смысле правил, утвержденных надлежащей властью и оставляющих на произвол фабриканта дожимать рабочих, или что притеснения фабриканта вполне законны, потому что фабрикант пользуется только своим правом, опирается вот на такой-то закон, утвержденный государственной властью и охраняемый ею. К политическим об'яснениям г.г. инспекторов прибавляются иногда еще более полезные «политические об'яснения» г. министра, напоминающего рабочим о

чувствах «христианской любви», которой они обязаны фабрикантам за то, что фабриканты наживают миллионы на счет труда рабочих. После к этим об'яснениям представителей государственной власти и к непосредственному знакомству рабочих с тем, в чью пользу эта власть действует—присоединяются еще листки или другие об'яснения социалистов, так что рабочие вполне уже получают на такой стачке свое политическое воспитание. Они учатся понимать не только особые интересы рабочего класса, но и особое место, занимаемое рабочим классом в государстве. Итак, вот в чем должна состоять та помощь, которую может оказать с.-д. партия классовой борьбе рабочих в развитии классового самосознания рабочих посредством содействия им в борьбе за свои наиболее насущные нужды.

Вторая помощь должна состоять, как говорится в программе, в содействии организации рабочих. Та борьба, которую мы сейчас описали, требует необходимо организации рабочих. Организация становится необходимой и для стачки, чтобы успешнее вести ее, и для сборов в пользу стачечников, и для устройства рабочих касс, и для агитации среди рабочих, распространения среди них листков или об'явлений, воззваний и т. п. Еще более необходима организация, чтобы защитить себя от преследования полиции и жандармерии, чтобы скрыть от них все соединения рабочих, все их сношения, чтобы устроить им доставку книг, брошюр, газет и т. д. Помощь во всем этом — такова вторая задача партии.

Третья состоит в указании настоящей цели борьбы, т.-е. в раз'яснении рабочим того, в чем состоит эксплоатация труда капиталом, на чем она держится, каким образом частная собственность на землю и орудия труда ведет к нищенству рабочих масс, заставляет их продавать свой труд капиталистам и отдавать им даром весь излишек, производимый трудом рабочего сверх его содержания, в раз'яснении, далее, того, как эта эксплоатация неизбежно ведет к классовой борьбе рабочих с капиталистами, каковы условия этой борьбы и ее конечные цели — одним словом, в раз'яснении того, что вкратце указано было в этой программе.

Б. 2. Что это значит, что борьба рабочего класса есть борьба политическая? Это значит, что рабочий класс не может вести борьбу за свое освобождение, не добиваясь влияния на государственные дела, на управление государством, на издание законов. Необходимость этого влияния давно уже поняли русские капиталисты, и мы показали, каким образом они, несмотря на всяческие запрещения полицейских законов, сумели найти себе тысячи способов влияния на государственную власть, и как

эта власть служит интересам класса капиталистов. Отсюда само собой следует, что и рабочему классу невозможно вести своей борьбы, невозможно даже добиться постоянного улучшения своей участи помимо влияния на государственную власть.

Мы уже говорили, что борьба рабочих с капиталистами неизбежно приведет их к столкновению с правительством, и правительство само изо всех сил старается доказать рабочим, что только борьбой и соединенным сопротивлением они могут повлиять на государственную власть. Особенно наглядно показывают это те крупные стачки, которые были в России в 1885—6 г.г. Правительство сейчас же занялось правилами о рабочих, тотчас же издало новые законы о фабричных порядках, уступив [пропуск] настоятельным требованиям рабочих (напр., введены были правила по ограничению штрафов и о правильной расплате), точно так же и теперешние (96 г.) стачки опять-таки вызвали немедленно участие правительства, и правительство уже поняло, что ему нельзя ограничиться арестами и высылками, что смешно потчивать рабочих глупыми наставлениями о благородстве фабрикантов (см. циркуляр министра финансов Витте к фабричным инспекторам. Весна 96 г.) [102]). Правительство увидело, что «соединенные рабочие представляют из себя силу, с которой приходится считаться», и вот оно предприняло уже пересмотр фабричных законов и созывает в С. П. Б. с'езд старших фабричных инспекторов, чтобы обсудить вопрос о сокращении рабочего дня и о других неизбежных уступках рабочим.

Таким образом мы видим, что борьба рабочего класса с классом капиталистов необходимо должна быть борьбой политической. Эта борьба, действительно, оказывает уже теперь влияние на государственную власть, приобретает политическое значение. Но чем дальше развивается рабочее движение, тем яснее, резче выступает и чувствуется полная политическая бесправность рабочих, о которой мы говорили раньше, полная невозможность для рабочих открытого и прямого влияния на государственную власть. Поэтому самым насущным требованием рабочих и первой задачей влияния рабочего класса на государственные дела должно быть *достижение политической свободы*, т.-е. прямого, обеспеченного законами (конституцией) участия всех граждан в управлении государством, обеспечение за всеми гражданами права свободно собираться, обсуждать свои дела, влиять на государственные дела союзами и печатью. Достижение политической свободы становится «*насущным делом рабочих*», потому что без нее рабочие не имеют и не могут иметь никакого влияния на государственные дела и таким образом неизбежно остаются бесправным, униженным,

бессловесным классом. И если даже теперь, когда борьба рабочих и сплочение их только еще начинается, правительство спешит уже сделать уступки рабочим, чтобы остановить дальнейший рост движения, то нет сомнения, что когда рабочие сплотятся и об'единятся под руководством одной политической партии, они сумеют заставить правительство сдаться, сумеют завоевать себе и всему русскому народу политическую свободу!

В предыдущих частях программы было указано, какое место занимает рабочий класс в современном обществе и современном государстве, какова цель борьбы рабочего класса и в чем состоит задача партии, представляющей интересы рабочих. При неограниченной власти правительства в России нет и не может быть явных политических партий, но есть политические направления, выражающие интересы других классов и оказывающие влияние на общественное мнение и на правительство. Поэтому, чтобы выяснить положение с.-д. партии, необходимо теперь указать отношение ее к остальным политическим направлениям в русском обществе, чтобы рабочие определили то, кто может быть их союзником, до каких пределов и кто их враг. Это и указывается в 2-х следующих пунктах программы.

Б. 3. Программа об'являет, что союзниками рабочих являются, во-1-х, все те слои общества, которые выступают против неограниченной власти самодержавного правительства. Так как эта неограниченная власть есть главное препятствие в борьбе рабочих за свое освобождение, то отсюда само собою следует, что прямой интерес рабочих требует поддержки всякого общественного движения против абсолютизма (абсолютный — значит неограниченный; абсолютизм — неограниченная власть правительства). Чем сильнее развивается капитализм, тем глубже становятся противоречия между этим чиновничьим управлением и интересами самих имущих классов, интересами буржуазии. И с.-д. партия об'являет, что она будет поддерживать все слои и разряды буржуазии, выступающие против неограниченного правительства.

Для рабочих бесконечно выгоднее п р я м о е в л и я н и е буржуазии на государственные дела, чем теперешнее ее влияние через посредство оравы продажных и бесчинствующих чиновников. Для рабочих гораздо выгоднее о т к р ы т о е влияние буржуазии на политику, чем теперешнее п р и к р ы т о е, якобы всесильным «независимым» правительством, которое пишется «Божьей милостью» и дарует «свои милости» страждущим и трудолюбивым землевладельцам и бедствующим и угнетенным фабрикантам. Рабочим нужна о т к р ы т а я б о р ь б а

с классом капиталистов, чтобы весь русский пролетариат мог видеть, за какие интересы ведут борьбу рабочие, мог учиться, как следует вести борьбу, чтобы происки и стремления буржуазии не прятались в прихожих великих князей, в гостинных сенаторов и министров, в закрытых от всех департаментских канцеляриях, чтобы оно выступило наружу и раскрыло глаза всем и каждому на то, кто на самом деле внушает правительственную политику и к чему стремятся капиталисты и землевладельцы. Поэтому долой все, что прикрывает теперешнее влияние класса капиталистов, поэтому поддержка всех и всяких представителей буржуазии, выступающих против чиновничества, чиновничьего управления, против неограниченного правительства! Но, об'являя о своей поддержке всякого общественного движения против абсолютизма, с.-д. партия признает, что она не отделяет себя от рабочего движения, потому что у рабочего класса свои особые интересы, противоположные интересам всех других классов. Оказывая поддержку всем представителям буржуазии в борьбе за политическую свободу, рабочие должны помнить, что имущие классы могут лишь временно быть их союзниками, что интересы рабочих и капиталистов не могут быть примирены, что устранение неограниченной власти правительства нужно рабочим лишь для того, чтобы открыто и широко повести свою борьбу с классом капиталистов.

Далее с.-д. партия об'являет, что будет оказывать поддержку всем восстающим *) против класса привилегированных дворян-землевладельцев. Дворяне-помещики считаются в России первым сословием в государстве. Остатки их крепостной власти над крестьянами до сих пор угнетают массу народа. Крестьяне остаются еще прикрепленными к земле, чтобы господа помещики не могли **) испытывать недостаток в дешевых и покорных батраках. Крестьяне до сих пор как бесправные и несовершеннолетние отданы на произвол чиновников, оберегающих чиновничий карман, вмешивающихся в крестьянскую жизнь, чтобы крестьяне «исправно» платили выкупы или оброки крепостникам-помещикам, чтобы они не смели «уклоняться» от работы на помещиков, не смели, напр., переселяться и этим заставить, пожалуй, помещиков нанимать рабочих со стороны, не таких дешевых и не так задавленных нуждой. Закабаляя миллионы и десятки миллионов крестьян в службу себе и

*) Гектографированная копия содержит здесь слова. „Конец. Поддержку всем восстающим". *Ред.*

**) Гектографированная копия содержит здесь следующее: „[*]— платить выкуп за освобождение из-под власти*)]". *Ред.*

поддерживая их бесправность, г.г. помещики пользуются за эту доблесть высшими государственными привилегиями. Дворянами-землевладельцами замещаются главным образом высшие государственные должности (да и по закону дворянское сословие пользуется наибольшим правом на государственную службу); знатные помещики стоят ближе ко двору и прямее и легче всех склоняют на свою сторону политику правительства. Они пользуются своей близостью к правительству, чтобы грабить государственную казну и получать из народных денег подарки и подачки в миллионах рублей, то в виде крупных поместий, раздаваемых за службу, то в виде «уступок» *).

---

*) На этом кончается имеющаяся в нашем распоряжении гектографированная копия. *Ред.*

Рецензия на книгу:

Karl Kautsky. Die Agrarfrage. Eine Uebersicht über die Tendenzen der modernen Landwirtschaft und die Agrarpolitik u. s. w. Stuttgart, Dietz, 1899 *).

Книга Каутского представляет из себя самое замечательное — после 3-го тома «Капитала»—явление новейшей экономической литературы. Марксизму не доставало до сих пор работы, систематически рассматривающей капитализм в земледелии. Теперь Каутский пополнил этот пробел первым отделом своей об'емистой (450 стр.) книги, озаглавленным: «Развитие сельского хозяйства в капиталистическом обществе» (стр. 1—300). В предисловии Каутский совершенно справедливо замечает, что статистического и описательно-экономического материала по вопросу о земледельческом капитализме накопилась «подавляющая» масса; насущная потребность состоит в том, чтобы открыть «основные тенденции» экономической эволюции в данной области народного хозяйства, чтобы представить разнообразные явления земледельческого капитализма как «частичные проявления одного общего (целостного) процесса» (eines Gesammtprozesses). В самом деле, формы сельского хозяйства и отношения между сельским населением в современном обществе отмечаются таким гигантским разнообразием, что нет ничего легче, как нахватать из любого исследования кучку указаний и фактов,

*) При составлении II тома, куда по плану должна была войти эта статья, в руках редакции не было апрельской книжки журнала „Начало" за 1899 г., которая, ввиду того, что она была конфискована цензурой при самом выходе журнала из типографии, представляет большую библиографическую редкость. Ныне эта книжка „Начала" разыскана. В ней имеется рецензия т. Ленина на книгу К. Каутского „Аграрный вопрос" в 1-ом немецком издании, которая нами здесь и перепечатывается.

Рецензия написана, видимо, одновременно с тем, как написано было предисловие Вл. Ил. к первому изданию „Развития капитализма в России", т.-е. в марте 1899 г. в Шуше, Енисейской губ. *Ред.*

«подтверждающих» воззрения данного писателя. Именно по этому приему построен целый ряд рассуждений в нашей народнической прессе, пытающейся доказать жизнеспособность мелкого крестьянского хозяйства или даже его превосходство перед крупным производством в земледелии. Отличительная черта всех этих рассуждений состоит в том, что выхватываются отдельные явления, цитируются отдельные случаи и не делается даже попыток связать их с общей картиной всего аграрного строя капиталистических стран вообще и с основными тенденциями всей новейшей эволюции капиталистического земледелия. Каутский не впадает в эту обычную ошибку. Занимаясь в течение более чем 20 лет вопросом о капитализме в земледелии, он располагает чрезвычайно обширным материалом; в частности, Каутский основывает свое исследование на данных последних сельско-хозяйственных переписей и анкет в Англии, Америке, Франции (1892) и Германии (1895). Но он ни разу не теряется среди груды фактов, ни разу не упускает из виду связи самого мелкого явления с общим строем капиталистического земледелия и с общей эволюцией капитализма.

Каутский ставит перед собой не какой-нибудь частный вопрос, напр., об отношении крупного и мелкого производства в земледелии, а общий вопрос о том, овладевает ли капитал сельским хозяйством, преобразует ли он в нем формы производства и формы собственности и как именно идет этот процесс. Вполне признавая крупную роль докапиталистических и некапиталистических форм сельского хозяйства в современном обществе и необходимость выяснить отношение этих форм к чисто капиталистическим, Каутский начинает свое исследование с чрезвычайно яркой и точной характеристики патриархального крестьянского хозяйства и земледелия феодальной эпохи. Установив таким образом исходные пункты развития капитализма в земледелии, он переходит к характеристике «современного земледелия». Сначала это последнее характеризуется с его технической стороны (плодопеременная система, разделение труда, машины, удобрения, бактериология), и перед читателем встает яркая картина того гигантского переворота, который произвел капитализм в течение нескольких десятилетий, превратив сельское хозяйство из рутинного ремесла в н а у к у. Далее исследуется «капиталистический характер современного сельского хозяйства», — краткое и популярное, но в высшей степени точное и талантливое изложение теории Маркса о прибыли и ренте. Каутский показывает, что система фермерства и система ипотек представляет из себя лишь две различные формы одного и того же, отмеченного Марксом, процесса отделения сельско-хозяйственных предпринимателей

от землевладельцев. Затем рассматривается отношение крупного и мелкого производства, при чем оказывается, что техническое превосходство первого над вторым несомненно. Каутский обстоятельно доказывает это положение и подробно останавливается на выяснении того обстоятельства, что устойчивость мелкого производства в земледелии зависит отнюдь не от его технической рациональности, а от того, что мелкие крестьяне надрываются над работой больше, чем наемные рабочие, и понижают уровень своих потребностей ниже уровня потребностей и жизни этих последних. Данные, приводимые Каутским в подтверждение этого, в высшей степени интересны и рельефны. Разбор вопроса о товариществах в сельском хозяйстве приводит Каутского к тому выводу, что они выражают собою несомненный прогресс, будучи, однако, переходом не к общинному производству, а к капитализму; товарищества не уменьшают, а усиливают превосходство крупного производства в земледелии над мелким. Нелепо ждать, чтобы крестьянин в современном обществе мог перейти к общинному производству. Обыкновенно ссылаются на данные статистики, которая не свидетельствует о вытеснении мелкого земледелия крупным, но эти данные говорят лишь о том, что процесс развития капитализма в земледелии гораздо сложнее, чем в промышленности. И в этой последней основная тенденция развития перекрещивается нередко такими явлениями, как распространение капиталистической работы на дому и пр. В земледелии же вытеснение мелкого производства мешает, прежде всего, ограниченность земельной площади; скупка мелких участков для образования крупного, — дело очень и очень нелегкое; при интенсификации земледелия уменьшение площади хозяйства совместимо иногда с увеличением количества получаемых продуктов (поэтому статистика, оперируя исключительно с данными о площади хозяйств, имеет мало доказательного значения). Концентрация производства происходит посредством скупки одним владельцем многих имений; образуемые таким образом латифундии служат базисом для одной из высших форм крупного капиталистического земледелия. Наконец, крупному землевладению и невыгодно было бы полное вытеснение мелкого: последнее доставляет ему рабочие руки! Поэтому землевладельцы и капиталисты проводят нередко законы, искусственно поддерживающие мелкое крестьянство. Мелкое земледелие приобретает устойчивость тогда, когда оно перестает быть конкурентом крупного, когда превращается в поставщика рабочей силы для него. Отношения между крупными и мелкими землевладельцами все более приближаются к отношениям между капиталистами и пролетариями. Процессу «пролетаризирования крестьянства» Каутский

посвящает отдельную главу, богатую данными — особенно по вопросу о «подсобных занятиях» крестьян, т.-е. о различных формах работы по найму.

Выяснив основные черты развития капитализма в земледелии, Каутский переходит к доказательству исторически преходящего характера этой системы общественного хозяйства. Чем дальше развивается капитализм, тем с бо́льшими затруднениями встречается ведение торгового (товарного) земледелия. Монополия земельной собственности (поземельная рента), право наследства, майораты препятствуют рационализации земледелия. Города все более и более эксплоатируют деревни, отнимая лучшие рабочие силы у сельских хозяев, высасывая все бо́льшую долю богатства, производимого сельским населением, которое в силу этого теряет возможность возвратить почве то, что берется от нее. Останавливаясь особенно подробно на обезлюдении деревень, Каутский вполне признает, что от недостатка рабочих всего меньше страдают средне-крестьянские хозяйства, но тут же прибавляет, что «добрые граждане» (мы можем сказать также: и русские народники) напрасно ликуют по поводу этого факта, напрасно думают видеть в нем начинающееся возрождение крестьянства, опровергающее применимость теории Маркса к земледелию. Если крестьянство меньше других земледельческих классов страдает от недостатка наемных рабочих, то оно гораздо сильнее страдает от ростовщичества, гнета податей, от нерациональности своего хозяйства, от истощения почвы, от чрезмерной работы и от недостаточного потребления. Наглядным опровержением взгляда оптимистически настроенных мелко-буржуазных экономистов служит тот факт, что не только сельские рабочие, но и дети крестьян... бегут в города! Но особенно крупные изменения в условия европейского земледелия внесла конкуренция дешевого хлеба, ввозимого из Америки, Аргентины, Индии, России и пр. Каутский подробно рассматривает значение этого факта, порожденного развитием индустрии, ищущей себе рынков. Он описывает падение производства зерновых хлебов в Европе под влиянием этой конкуренции, понижение ренты и особенно подробно останавливается на «индустриализации земледелия», которая проявляется, с одной стороны, в наемной промышленной работе мелких крестьян, с другой стороны, в развитии сельско-хозяйственных технических производств (винокурение, сахароварение и пр.) и даже в вытеснении некоторых отраслей сельского хозяйства обрабатывающей промышленностью. Оптимистические экономисты, — говорит Каутский, — напрасно думают, что такие видоизменения европейского земледелия могут спасти его от кризиса: кризис все расширяется

и может кончиться лишь общим кризисом всего капитализма. Конечно, это нисколько не дает права говорить о гибели сельского хозяйства, но его консервативный характер канул в вечность; оно попало в состояние беспрерывного преобразования, состояние, характеризующее вообще капиталистический способ производства. «Значительное пространство земли под сельско-хозяйственным крупным производством, капиталистический характер которого все более и более развивается; рост аренды и ипотек, индустриализация земледелия,—таковы элементы, подготовляющие почву для обобществления сельско-хозяйственного производства»... Было бы абсурдом думать,—говорит Каутский в заключение,—что в обществе одна часть развивается в одном направлении, другая—в противоположном. На самом деле «общественное развитие идет в сельском хозяйстве в том же направлении, как и в индустрии».

Применяя результаты своего теоретического анализа к вопросам аграрной политики, Каутский высказывается, естественно, против всяких попыток поддержки и «спасения» крестьянского хозяйства. Нечего и думать о том,—говорит Каутский,—чтобы деревенская община могла перейти к крупному общинному земледелию (стр. 338, параграф: «Der Dorfkommunismus; ср. стр. 339). «Охрана крестьянства (D. Bauernschutz) означает не охрану л и ч н о с т и крестьянина (против такой охраны, конечно, не возражает никто), а охрану с о б с т в е н н о с т и крестьянина. Между тем, именно собственность крестьянина и есть главная причина его обнищания и принижения. Наемные рабочие в земледелии уже теперь зачастую находятся в лучшем положении, чем мелкие крестьяне. Охрана крестьянства, это не охрана крестьянства от нищеты, а охрана тех оков, которые приковывают крестьянина к его нищете» (стр. 320). Процесс коренного преобразования капитализмом всего сельского хозяйства только еще начинается, но этот процесс быстро идет вперед, вызывая превращение крестьянина в наемного рабочего и усиленное бегство населения из деревень. Попытки задержать этот процесс были бы реакционны и вредны: как ни тяжелы последствия этого процесса в современном обществе, но последствия задержки процесса еще хуже и ставят трудящееся население в еще более беспомощное и безысходное положение. Прогрессивная деятельность в современном обществе может стремиться только к тому, чтобы ослабить вредное действие капиталистического прогресса на население, чтобы усилить сознательность этого последнего и способность к коллективной самозащите. Каутский настаивает, поэтому, на обеспечении свободы передвижения и пр., на отмене всех остатков феодализма в сельском хозяйстве (напр., Gesindeordnungen, которая ставит сельских рабочих в лично

зависимое, полукрепостное положение), на запрещении работы детей до 14 лет, на установлении 8-мичасового рабочего дня, на строгой санитарной полиции, надзирающей за рабочими жилищами, и пр. и пр.

Надо надеяться, что книга Каутского появится и в русском переводе.

„Начало“ № 4, апрель 1899 г.,
за подписью Вл. Ильин.

Предисловие ко 2-му изданию брошюры «Задачи русских социал-демократов» *).

Прошло ровно пять лет с тех пор, как написана предлагаемая брошюра, выходящая теперь вторым изданием вследствие надобностей агитации. За этот небольшой срок наше молодое рабочее движение сделало такой громадный шаг вперед в положении русской социал-демократии и в состоянии ее сил произошли такие глубокие изменения, что покажется, пожалуй, странным, как могла явиться надобность в простой перепечатке старой брошюры. Неужели «задачи русских социал-демократов» нисколько не изменились в 1902 г. по сравнению с 1897 г.? Неужели не подвинулись ни на шаг вперед взгляды на этот счет самого автора, который тогда подводил итоги только еще «первому опыту» своей партийной деятельности?

Такие (или подобные им) вопросы, вероятно, возникнут не у одного читателя, и для ответа на эти вопросы мы должны сослаться на брошюру «Что делать» и дополнить кое-что из сказанного там. Сослаться — чтобы указать на изложение автором его взглядов на с о в р е м е н н ы е задачи социал-демократии; дополнить — сказанное там (стр. 31—2, 121, 138) об условиях, при которых была писана переиздаваемая теперь брошюра, и о ее отношении к особому «периоду» в развитии русской социал-демократии. Таких периодов вообще я назвал в указанной брошюре («Что делать») четыре, при чем последний отнесен «к области настоящего, отчасти будущего», третьим периодом названо господство (или, по крайней мере, широкое распространение) «экономического» направления, начиная с 1897—8 года, вторым периодом годы 1894—8 и первым 1884—1894. Во втором периоде мы не видим, в отличие от третьего, разногласий в среде самих социал-демократов. Социал-демократия была тогда единой идейно, и тогда же сделана была попытка добиться также единства практического, организацион-

*) Статья по случайным причинам не вошла в V том Собр. сочинений. *Ред.*

ного (образование Рос. С.-Д. Р. Партии). Главное внимание социал-демократов было тогда устремлено не на выяснение и решение тех или иных внутренних партийных вопросов (как в третьем периоде), а на идейную борьбу с противниками социал-демократии, с одной стороны, на развитие практической партийной работы, — с другой.

Между теорией и практикой социал-демократов не было того антагонизма, который существовал в эпоху «экономизма».

Предлагаемая брошюра и отражает в себе особенности тогдашнего положения и тогдашних «задач» социал-демократии. Брошюра зовет к углублению и расширению практической работы, не видя никаких «препятствий» к этому в невыясненности каких-либо общих взглядов, принципов и теорий, не видя (не существовавшего тогда) затруднения в сочетании политической и экономической борьбы. Брошюра обращается к противникам социал-демократии со своими принципиальными раз'яснениями, к народовольцам и народоправцам, стараясь рассеять те недоразумения и предубеждения, которые заставляют их сторониться от нового движения.

И вот в настоящее время, когда период «экономизма», видимо, подходит к концу, позиция социал-демократов оказывается опять сходной с тою, которая была пять лет тому назад. Конечно, задачи, стоящие перед нами теперь, неизмеримо сложнее сообразно гигантскому росту движения за это время, — но основные особенности настоящего момента воспроизводят, на более широком базисе и в большем масштабе, особенности «второго» периода. Несоответствие между нашей теорией, программой, тактическими задачами и практикой исчезает, по мере исчезновения экономизма. Мы опять смело можем и должны звать к углублению и расширению практической работы, ибо расчистка теоретических предпосылок этой работы в значительной степени уже произведена. Мы опять должны обратить особенное внимание на несоциал-демократические нелегальные направления в России, при чем перед нами опять оказываются те же, в сущности, — только гораздо более развитые, оформившиеся, «зрелые» направления, как и в первой половине 90-х годов прошлого века.

Народовольцы в процессе сбрасывания старых своих риз дошли до превращения в «социалистов-революционеров», как бы самым уже этим названием показывая, что они остановились на полдороге. От старого («русского» социализма) они отстали, а к новому (социал-демократии) не пристали. Единственную теорию революционного социализма, какая только известна современному человечеству, т.-е. марксизм, они

сдают в архив на основании буржуазной («социалисты»-!) и оппортунистической (-«революционеры»!) критики. Безыдейность и беспринципность ведут их на практике к «революционному авантюризму», выражающемуся и в их стремлении поставить на одну доску такие социальные слои и классы, как интеллигенцию, пролетариат и крестьянство, и в их шумной проповеди «систематического» террора и в их замечательной аграрной программе-минимум (социализация земли, — кооперации, — прикрепление к наделу. См. «Искру» №№ 23 и 24), и в их отношении к либералам (см. «Рев. Росс.» № 9 и рецензию т. Житловского на «Освобождение» в № 9 «Socialistische Monatshefte»), и во многом другом, о чем нам придется еще, вероятно, говорить неоднократно. В России так еще много социальных элементов и условий, питающих интеллигентскую неустойчивость, вызывающих желание радикально настроенных личностей сочетать отжившее старое и безжизненное модное, мешающих им слить свое дело с ведущим свою классовую борьбу пролетариатом, — что русской социал-демократии придется еще посчитаться с направлением или направлениями подобно «социально-революционному», покуда капиталистическая эволюция и обострение классовых противоречий не отнимет у них всякой почвы.

Народоправцы, которые в 1897 году отличались не меньшей неопределенностью (см. ниже, стр. 33—35) *), чем теперешние соц.-рев. сошли вследствие этого очень быстро со сцены. Но их «трезвая» идея — совершенно отделить требование политической свободы от социализма — не умерла и не могла умереть, ибо в России очень сильны и все усиливаются либерально-демократические течения среди самых разнообразных слоев крупной и мелкой буржуазии. Поэтому законным наследником народоправцев, их определенным, последовательным, зрелым продолжателем явилось либеральное «Освобождение», желающее группировать вокруг себя представителей буржуазной оппозиции в России. И насколько неизбежно отзревание и отживание старой дореформенной России, патриархального крестьянства, старого типа интеллигенции, способной одинаково увлекаться и общиной и сельско-хозяйственными кооперациями и «неуловимым» террором, — настолько же неизбежны рост и созревание имущих классов капиталистической России, буржуазии и мелкой буржуазии, с их трезвым либерализмом, начинающим сознавать, что нерасчетливо содержать тупое, дикое, дорого стоющее и нисколько не защищающее от социализма абсолютное правительство, — с их требованием европейских форм классовой борьбы и классового

*) Стр. 357—358 наст. издания. *Ред.*

господства, — с их прирожденным (в эпоху пробуждения и роста пролетариата) стремлением прикрывать свои буржуазные классовые интересы отрицанием классовой борьбы вообще.

Нам есть, поэтому, за что и поблагодарить г.г. либеральных помещиков, пытающихся основать «земскую конституционную партию». Во-первых, — начнем с наименее важного, — мы поблагодарим их за то, что они убрали от русской социал-демократии г. Струве, окончательно превращая его из квази-марксиста в либерала, помогая нам на живом примере демонстрировать перед всеми и каждым настоящее значение бернштейнианства вообще и русского бернштейнианства в особенности. Во-вторых, стремясь сделать сознательно-либеральными разные слои русской буржуазии, «Освобождение» тем самым поможет нам ускорить превращение в сознательных социалистов большей и большей массы рабочих. У нас так много было и есть расплывчатого, либерально-народнического квази-социализма, что по сравнению с ним явным шагом вперед является новое либеральное направление. Рабочим так легко будет теперь наглядно демонстрировать русскую либеральную и демократическую буржуазию, пояснять необходимость самостоятельной рабочей политической партии, составляющей едино с международной социал-демократией, — интеллигентов так просто будет звать теперь к решительному определению своей позиции: либерализм и л и социал-демократия, — половинчатые теории и направления будут так быстро измалываться жерновами этих двух растущих и усиливающихся «антиподов». В-третьих, — и это самое важное, конечно, — мы поблагодарим либералов, е с л и они своей оппозицией расшатают союз самодержавия с некоторыми слоями буржуазии и интеллигенции. Говорим: «если», ибо своим кокетничанием с самодержавием, своим превознесением мирной культурной работы, своей войной против «тенденциозных» революционеров и т. п., либералы расшатывают не столько самодержавие, сколько борьбу с самодержавием. Неуклонно и непримиримо разоблачая всякую половинчатость либералов, всякую попытку их заигрывать с правительством, мы тем самым и будем обессиливать эту предательскую сторону политической деятельности господ либеральных буржуа, мы тем самым будем парализовать их шуйцу и обеспечивать наибольшие результаты работы их десницы.

Таким образом, и народовольцы и народоправцы сделали очень большие шаги вперед в смысле развития, определения и оформления их настоящих стремлений и их настоящей природы. Та борьба, которая в первой половине 90-х годов прошлого века была борьбой между небольшими кружками революционной молодежи, возобновляется теперь

как решительная борьба зрелых политических направлений и настоящих политических партий.

Переиздание «Задач», ввиду этого, явится, может быть, небесполезным и в том отношении, что напомнит молодым членам партии ее недавнее прошлое, покажет возникновение того положения социал-демократов среди других направлений, которое вполне определилось только теперь, поможет яснее и отчетливее представить себе однородные по существу, но более сложные «задачи» современного момента.

Перед социал-демократией с особенной силой выдвигается теперь задача положить конец всякому разброду и шатанью в своей среде, сплотиться теснее и слиться организационно под знаменем революционного марксизма, — направить все усилия к об'единению всех практически работающих социал-демократов, к углублению и расширению их деятельности, а вместе с этим обратить серьезное внимание на выяснение возможно более широкой массе интеллигентов и рабочих истинного значения двух выше названных направлений, с которыми уже давно приходится считаться социал-демократии.

Август 1902 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список произведений В. И. Ленина, относящихся к периоду 90-х годов, до сего времени не разысканных.

Статьи 1892—1893 г.г.

С. И. Мицкевич в статье: «Как появились статьи «Что такое друзья народа» (см. «Что такое друзья народа» в изд. «Московский Рабочий» и «Новая Москва», стр. XV и XVIII) говорит, что в самарский период жизни В. И-ча, до осени 1893 г., Вл. И. написал статью, посвященную *критике книги В. В. «Судьбы капитализма в России»*, которую (как об этом говорит в своих воспоминаниях т. Григорьев — см. «Пролетарская Революция» № 8/20) он читал в Н.-Новгороде.

Об этой статье, вероятно, говорит А. А. Ганшин: «...когда В. И. приехал в Петербург из Самары в 1893 г., то привез с собой рукопись, кажется, под таким заглавием: «Обоснование народничества в трудах В. В. и других».

Кроме этого М. И. Семенов (М. Бланк) в своих воспоминаниях («Старый товарищ А. П. Скляренко», стр. 11) говорит, описывая собрания в квартире Скляренко, где часто бывал и Вл. Ильич:

«Он читал нам здесь свои статейки, касавшиеся, главным образом, вопросов экономического развития России. Здесь разбирались работы Николая — она, Постникова («Южно-русское крестьянское хозяйство») *), критиковались с марксистской точки зрения труды В. В., Карышева и других столпов народничества... У меня долго хранились некоторые статьи Владимира Ильича, пока их не отобрали во время последующих многочисленных обысков. Это были тетрадки в четвертую долю листа, исписанные мелким четким почерком с многочисленными табличками, которыми тогда Владимир Ильич очень любил иллюстрировать изложение».

---

*) Это, видимо, та работа: „Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни", которая напечатана в этом томе, стр. 7—60. *Ред.*

«Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов».

Выпуск второй.

Написано летом 1894 г.

Переписка с Н. Е. Федосеевым.

Началась с 1894 года.

В. И. в своем письме о Федосееве (см. 2 часть XVIII тома Собр. соч., стр. 108—«Несколько слов о Н. Е. Федосееве») пишет:

«Н. Е. Федосеев был одним из первых, начавших провозглашать свою принадлежность к марксистскому направлению. Помню, что на этой почве началась его полемика с Н. К. Михайловским, который отвечал ему в «Русском Богатстве» на одно из его нелегальных писем. На этой почве началась моя переписка с Н. Е. Федосеевым... Насколько я помню, моя переписка с Н. Е. Федосеевым касалась возникающих тогда вопросов марксистского или с.-д. мировоззрения»...

Вскоре после смерти Н. Е. Федосеева Вл. Ильич писал о нем своей сестре А. И. Елизаровой в письме от 16/VIII 1898 г.:

«Вместе с твоим письмом получил известие из Архангельска, что М. Г. *) тоже застрелилась (18/VII), получив 16/VII известие о кончине Н. Е. Ужасно это трагическая история! И дикие клеветы какого-то негодяя Юхоцкого (политический!! ссыльный в Верхоленске) сыграли в этом финале одну из главных ролей. Н. Е. был страшно поражен этим и удручен. Из-за этого он решил не брать н и о т к о г о помощи и терпел страшные лишения. Говорят, дня за 2—3 до смерти он получил письмо, в котором повторяли эти клеветы. Чорт знает, что такое! Хуже всего в ссылке эти «ссыльные истории», но я никогда не думал, чтобы они могли доходить до таких размеров! Клеветник был открыто и решительно осужден всеми товарищами, и я никак не думал, что Н. Е. (обладавший некоторым опытом по части ссыльных историй) берет все это так ужасно близко к сердцу»...

Листок по поводу стачки у Семянникова.

Листок этот относится к январю 1895 г., когда на заводе б. Семянникова («Невско-механический завод Московского Товарищества») вспыхнули «беспорядки» (подробно см. брошюру Тахтарева (Петербуржца): «Очерк петроградского рабочего движения 90-х годов»).

---

*) М. Г. Гопфенгауз. *Ред.*

В своих воспоминаниях о «Союзе борьбы» («Творчество», 1920 г., № 7—10) Н. К. Крупская говорит следующее об этом листке:

«Листок *написал Ленин,* переписал его от руки печатными буквами в 4-х экземплярах, Бабушкин разбросал по заводу. 2 листка подняли сторожа, а два подняты были рабочими и пошли по рукам—это считалось большим успехом тогда».

Тахтарев в своей книге говорит не о листке, а о *брошюрке.* Акимов-Махновец («Очерк развития с.-д-тии в России», стр. 44—45) говорит: «...в январе 1895 г... была выпущена первая *прокламация* по поводу стачки у Семянникова»,—но после этого тотчас приводит цитату из Тахтарева о *брошюрке,* очевидно, считая их за одно».

Статьи из «Рабочего Дела» № 1.

Владимиру Ильичу в № 1 «Рабочего Дела» принадлежало несколько статей. Какие именно, точно установить до сих пор еще не представляется возможным, но на основании печатаемого ниже «Доклада» департамента полиции, приводимых в нем показаний самого Вл. Ильича и примечаний Л. Мартова, просматривавшего этот доклад, можно с большей или меньшей уверенностью приписать Вл. Ильичу следующие статьи:

а) **«К русским рабочим»**

Это—передовая статья, содержание которой кратко передает сам **Вл.** Ил. (лишнее подтверждение принадлежности статьи ему) в «Что делать» (см. V том Собр. соч.)

*«Передовая статья этой газеты *) (которую, быть может, лет через 30 извлечет какая-нибудь «Русская Старина» из архивов департамента полиции) обрисовывала исторические задачи рабочего класса в России и во главе этих задач ставила завоевание политической свободы».*

б) **«Фридрих Энгельс».**

На принадлежность этой статьи (некролога) Вл. Ильичу указывает Л. Мартов.

в) **«Ярославская стачка 1895 г.».**

г) **2 рукописи о стачке ткачей в Иваново-Вознесенске.**

О принадлежности последних вещей, о которых Вл. Ильич говорит (там же), как «о ряде корреспонденций не только из Петербурга, но и из других местностей России (напр., о побоище рабочих в Ярослав-

*) Т.-е. «Рабочего Дела». *Ред.*

ской губ.),—можно судить по «Докладу», в котором говорится, что Вл. Ил. «не отрицал, что эти рукописи и найденные у него статьи об Ярославской стачке написаны им».

Кроме этого, к помещению в «Раб. Деле» предназначалась статья «О чем думают наши министры», напечатанная на стр. 275—279.

«Об'яснение законов о стачках».

Н. К. Крупская в своих воспоминаниях в «Творчестве» говорит об этой брошюре следующее:

«Тем временем *) с арестованными «декабристами» **) удалось завязать правильные сношения с воли; при помощи химических писем, шифрованных записок, передаваемых через родственников, мы сообщали «декабристам» о ходе работы, они писали советы, передавали еще не переданные связи. *Владимир Ильич написал молоком целую брошюру «О стачках», которая потом была проявлена, переписана и сдана в типографию...».*

Типография, в которой печаталась эта брошюра, была та же типография группы народовольцев на Лахте, в которой печаталась и брошюра «Об'яснение закона о штрафах». Во время печатания брошюры «О стачках» — в конце июня 1896 г. — как раз и нагрянула полиция, и брошюра погибла ***)

Тахтарев в своей книге называет эту брошюру более полным именем: «Об'яснение законов о стачках». Ввиду того, что Н. К. Крупская и брошюру «Об'яснение законов о штрафах» называет так же сокращенно—«О штрафах», мы полагаем, что название, приводимое Тахтаревым, более точно.

Переписка с Г. М. Кржижановским об отрезках.

Относится к 1896 г. или январю 1897 г.,—времени сидения в Предварилке. Л. Мартов говорит о ней (см. «Записки социал-демократа», Берлин 1922 г., стр. 331):

«Кажется, Кржижановский сообщил нам о «выдумке Ильича», которую тот ему сообщил в переписке во время заключения в Предварилке. «Выдумка» состояла в формулировании такого положительного

*) Т.-е. к январю 1896 г. *Ред*

**) Т.-е. Лениным и его товарищами, арестованными 9-го декабря 1895 г. *Ред.*

***) Тов. А. Шаповалов, работавший в типографии на Лахте, говорит в своем письме в Институт Ленина, что за печатание брошюры „О стачках" только думали лишь приниматься, но арест типографии помешал этому. *Ред.*

требования в области аграрной политики, которое, удовлетворяя земельную жажду крестьян и тем давая социал-демократии возможность приобрести в крестьянском движении опору, в то же время не рисковало при своем осуществлении затормозить ход экономического развития. Речь шла о знаменитых «отрезках», то-есть о требовании передачи крестьянам всей земли, которою они владели до великого грабежа 19 февраля 1861 года. Основным аргументом Ульянова было, что на «отрезных» землях преимущественно держатся кабальные отношения в деревне, и что, стало быть, возвращение этих земель хотя и увеличит площадь крестьянского землевладения, но устранит главный фактор, мешающий развитию капитализма в земледелии. «Выдумка», после подробных дебатов, в конце концов, нам понравилась, и мы сочли ее достойной обсуждения в партии. Позже я целиком воспринял ее — задолго до введения ее в партийную программу...».

Переписка с Л. Мартовым о П. П. С.

Переписка эта относится к началу 1897 г. и велась в Предварилке «точками» на книгах тюремной библиотеки. Л. Мартов в своих «Записках социал-демократа» рассказывает следующее [рассказ относится ко времени перед от'ездом в ссылку, когда, после 4-х дней свободы, Мартову и другим пришлось снова сесть в тюрьму (Вл. Ильичу было разрешено ехать в ссылку на собственный счет, почему он в тюрьму больше не сел)]:

«К нашему кружку тесно примкнули Федосеев, Абрамович, Строжецкий и Петкевич. Однако, если с последними тремя нас связывала общность революционных настроений и умственных интересов, то теоретический эклектизм, характеризовавший этих «пе-пе-эс», плохо гармонировал с нашей марксистской ортодоксальностью. Вскоре после знакомства с ними, нам пришлось выступить в роли своего рода арбитров между ними и польскими рабочими, во главе с Влостовским и Петрашеком. С жаром, который несколько удивил нас, сильно отставших в вопросах международной политики, польские товарищи дебатировали обострившийся в то время критский вопрос, приведший к войне между Грецией и Турцией. «Пе-пе-эс», верные старой марксо-либкнехтовской демократической традиции, подходили к вопросам восточной политики с шаблонной точки зрения борьбы с царизмом, видя в критском восстании, как и во всех явлениях, разлагавших Турцию, если не непременно результат происков царизма, то факторы, ему благоприятные; поэтому они высказывались за победу Турции и против поддержки критских

инсургентов пролетариатом. Напротив, польские рабочие социал-демократы, сознавая связь этого туркофильства с национально-революционными стремлениями Польск. Соц. Партии, против которых их мобилизовала Роза Люксембург, яростно отстаивали критскую революцию, как восстание угнетенного народа. Обе стороны, как сказано, искали у нас поддержки. Наше положение было затруднительно. Традиция Маркса-Либкнехта владела еще и нашими умами и была сильно подновлена как недавними выступлениями Плеханова, который на цюрихском конгрессе 1893 г., вслед за Ф. Энгельсом, отмежевался от Розы Люксембург, а позже в предисловии к польскому изданию истории Туна воскликнул: «да здравствует независимая Польша», так и особенно появившимися недавно статьями Каутского: «Finis Poloniae?», в которых стремления польских социалистов к независимости защищались и обосновывались. По поводу этих статей, прочтенных нами в Предварилке, я имел с В. И. Ульяновым переписку («точками» в книгах тюремной библиотеки), узнал, что он довольно решительно склоняется к П. С. Партии, к которой симпатии он питал еще и до статей Каутского. В последнем счете и симпатии, полагаю, не опирались тогда на определенное убеждение в неизбежности и прогрессивности образования независимой Польши, а гораздо более питались высокой оценкой значения для обще-русского революционного дела деятельности Пол. Соц. Партии, которая впервые сумела, став во главе рабочих масс, образовать могущественную политическую силу, борющуюся с царизмом. Признавая это значение партии, приходилось, по немецкой пословице, «mit in Kauf nehmen» (принимать за одно) и ее идеологию. Таково было настроение моих петербургских товарищей, но с другой стороны им трудно было переварить отрицательное отношение к революционно-демократическому восстанию критских крестьян. У меня же эти сомнения усиливались более близким знакомством с внутри-польскими революционными отношениями, с которыми я познакомился в Вильне. Это знакомство, если и не закрепило целиком моих симпатий за позицией Розы Люксембург и ее друзей, то заронило достаточно сомнений в социал-демократической классовой чистоте политики Пол. Соц. Партии. В дебатах же, которые развернулись перед нами, мы воочию могли убедиться, что при большей широте политического кругозора и импонировавшей нам склонности все злободневные вопросы ставить в связь с большими линиями международной революционной политики, наши друзья пе-пе-эсовцы плохо парировали удары рабочих, обличавших польскую социалистическую партию в тенденции применять свою политику к комбинациям международной

дипломатии и совершенно отрывать от перспектив развития классового движения. В конце концов, долгие и жаркие дебаты, в которых мы сами принимали активное участие, склонили наше мнение и по частному—критскому—вопросу и по общественному вопросу ориентации международной политики социал-демократии на сторону рабочих — учеников Розы Люксембург.

Соглашение с группой «молодых народовольцев».

Соглашение это было написано перед отправлением в ссылку (в феврале 1897 г.), когда Вл. Ильичу и другим его товарищам было разрешено пробыть четыре дня на воле.

Б. Горев-Гольдман говорит об этом соглашении (см. «Из партийного прошлого», Ленинград 1924):

«На этих же собраниях *) шла речь о возможном соглашении или об'единении с той зародышевой группой с.-р-ов, о которой я выше упоминал **). Ленин выработал текст соглашения (это была целая статья!) и тогда же проявил тот деловой оппортунизм, в форме уважения к чужой силе, который так характерен для него. «Раз у них есть типография,—говорил он,—то они многое могут диктовать нам, и мы на многое должны соглашаться» ***).

Письма к П. Маслову и Л. Мартову о ценах на хлеб.

Относятся к марту—апрелю 1897 г.

Л. Мартов («Записки с.-д.») рассказывает об этом следующее:

«Из полученного нами письма от Ульянова, которому удавалось оттягивать под предлогом болезни свой от'езд в Сибирь, мы узнали о расколе, прозившем молодой семье русских марксистов. Дело шло о конфликте между группой Струве, Туган-Барановского—с одной стороны и самарскими марксистами — с другой.

В 1896 году самарцам П. П. Маслову, Р. Э. Циммерману, А. А. Санину, В. О. Португалову и др. удалось, по счастливой случайности, получить в свои руки ежедневную газету «Самарский Вестник», кото-

---

*) Т-е. на собраниях в квартире Цедербаумов, где было устроено свидание отправлявшихся в ссылку с работниками „Союза борьбы", оставшимися на воле. *Ред.*

**) Т.-е. с группой „молодых народовольцев" (Белевский, Фейт и др.). *Ред.*

***) В брошюре К. Тахтарева говорится, что при аресте типографии народовольцев на Лахте (летом 1896 года) вместе с брошюрой „Об'яснение законов о стачках" (принадлежавшей, как указано выше, В. И. Ленину) были взяты документы, касающиеся договора „Союза" и Группы Народовольцев. Возможно, что здесь речь идет о том же соглашении, о котором говорит и Б. Горев *Ред.*

рую они, поскольку позволяла это провинциальная цензура, старались сделать боевым органом марксистской мысли. Это, конечно, не могло удаться им в сфере руководства рабочим движением и прямой пропаганды социализма, но осуществлялось, по крайней мере, в области повседневной борьбы с народнической идеологией.

Так вот эта самарская группа, приобревшая в партии известный авторитет, забила в набат по поводу некоторых тенденций, проявившихся в деятельности столичных легальных марксистов.

Речь шла о позиции, занятой Струве и Туганом в дискуссии, которая развернулась в Вольно-Экономическом обществе по вопросу о значении для народного хозяйства хлебных цен *). Вопрос этот, непосредственно затрагивавший аграриев, кричавших о разорении сельского хозяйства, благодаря падению цен на мировом хлебном рынке, был подхвачен народническими противниками капитализма, которые в своей симпатии к сохранению натурального крестьянского хозяйства всячески старались доказать, что трудовое крестьянство в высоких ценах на хлеб не заинтересовано, а, напротив, сплошь и рядом, будучи вынуждено прикупать хлеб, заинтересовано, подобно городскому населению, в низких ценах.

Вмешавшиеся в спор Струве и Туган-Барановский поставили весь вопрос на почву положения о прогрессивности и неизбежности развития капитализма в сельском хозяйстве и, поскольку высокие цены на хлеб являются фактором такого развития, тогда как низкие цены способствуют сохранению упорноживучих форм кабальных экономических отношений в деревне (испольная и отработочная аренда и т. п.), они решительно высказались за желательность высоких цен.

Самарских товарищей эта постановка вопроса и сделанные из нее выводы крайне взволновали. Не без основания увидели они в методе, которым оперировали петербургские легальные марксисты, продолжение того одностороннего апологетического (по отношению к капитализму) истолкования марксизма, в котором $1^1/_2$ года назад упрекал автора «Критических заметок» Тулин-Ульянов. В письмах к товарищам, копии которых нам были доставлены, П. П. Маслов об'являл выступление Струве и Тугана политическим скандалом и грозил, от имени своих друзей, открыто выступить против фальсификации социал-демократической точки зрения. Сильный в критике он, однако, насколько помнится, был довольно слаб в положительной части, ибо, под влиянием, вероятно, реакции против Струве, противопоставлял его

*) Дискуссия эта происходила 1 и 2 марта 1897 г. *Ред.*

тезису голый антитезис, повторяя вслед за народниками утверждение, что массе потребляющего населения—в том числе и трудовым крестьянам—выгодны низкие цены, и игнорируя вопрос о вытеснении высокими ценами отсталых кабальных форм вопроса. Как в вопросе о «свободе торговли» или «протекционизме» в Германии 40-х годов, позиция марксистов не могла быть исчерпана простым «да» или «нет» на основании простого соображения о непосредственном влиянии той и другой системы на промышленность, а должна была быть выведена из изучения эволюции всего хозяйственного организма страны, так и в данном случае русский социал-демократ должен был подняться над ограниченностью обеих точек зрения: народнической, выражавшей инерцию отсталых хозяйственных форм, и аграрно-капиталистической, отражавшей тенденцию имущих классов самым простым, кратчайшим и выгодным для себя путем решить проблему под'ема производительных сил.

Слабые стороны критики Маслова были замечены В. И. Ульяновым, и он с большой запальчивостью, почти без оговорок, стал на сторону Струве и Тугана. В пересланной им нам копии своего ответа Маслову и в письме к нам по тому же вопросу, он обеими ногами становился на почву Струве-Тугановской постановки задачи, решая ее в том смысле, что высокие цены, убивая кабальные отношения в деревне, подготовляют условия для революции. От прежнего недоверия к капиталистическому апологетизму Струве у Тулина не оставалось и следа, и в этом настроении он пребывал и в следующие годы, когда (в своих «Этюдах и очерках» и «Развитии капитализма») специально занимался аграрным вопросом. Напротив, он проникся большим недоверием к самарцам, подозревая их в склонности к сентиментальному, капитулирующему перед народничеством, замазыванию вопроса о прогрессивности процесса «раскрестьянивания» русской деревни. В таком духе писал он нам, приглашая нас коллективно воздействовать на самарцев, чтобы удержать их от открытого выступления против Струве.

Мы в общем и целом стали на позицию Ульянова, но у нас все-таки немного сосало под ложечкой: беспокойство о том, как бы прямолинейное отстаивание всего, что содействует развитию капитализма, не сделало нас орудием непосредственных интересов имущих классов, было все-таки пробуждено письмами Маслова. Мы написали, поэтому, «миротворческие» письма обеим сторонам, убеждая их не начинать открытой полемики и искать сближения между двумя точками зрения; теоретически, впрочем, мы солидаризировались с Ульяновым, но право на недоверие к легальному марксизму признали за его антагонистом. Н. Е. Федосеев, связанный с самарцами личной дружбой, взялся успо-

коить взбаламученное самарское море и призвать Маслова и его коллег блюсти во что бы то ни стало единство марксистского фронта перед врагами. Ему это удалось» *).

Письмо Л. Мартову о брошюре П. Аксельрода.

Относится к зиме 1898—1899 г.г.

Мартов сообщает о нем следующее:

«Неосведомленность о подпочвенных течениях в партии заставила меня крайне поразиться полученной мною брошюрой П. Б. Аксельрода о взаимных отношениях либеральной и социальной демократии, в которой автор пытался в высшей степени осторожной и деликатной форме нащупать одно из зол тогдашнего движения: политическую примитивность практиков-социал-демократов, думавших, что борьбу рабочего класса за материальные и правовые улучшения можно совершенно изолировать от ведущихся вне пролетариата классовых битв между различными частями имущего общества, а потому об'ективно подготовлявших наступление такого момента, когда остро вспыхнувшая в самих пролетарских массах потребность борьбы с основным злом русской жизни—самодержавием — толкнет их на путь следования за иной, не социалистической партией, которая в глазах широких слоев народа явится носительницей идеи этой борьбы. Незнакомый с действительными настроениями молодого поколения социал-демократических работников, я усмотрел в этих критических замечаниях П. Б. отрицание всего нашего метода подхода к рабочим массам, со стороны повседневно рождающегося и возобновляемого их антагонизма с непосредственными эксплоататорами-капиталистами. С другой стороны, еще неприятно в брошюре Аксельрода поразили меня, если не самые его надежды на политическую роль, которую, по его мнению, должна сыграть борьба цензовых органов самоуправления против бюрократии, то его советы приурочить тактику партии к использованию этой борьбы.

Последнее так поразило меня потому, что в это самое время я был всецело поглощен разразившимся в Западной Европе кризисом социал-демократии. Регулярно получаемое мною «Neue Zeit» дало мне возможность судить о значении выступления Бернштейна, а сведения о расколе французской партии, в связи с вступлением Мильерана в бур-

*) Для сравнения см. в № 58 „Самарского Вестника“ от 13 марта 1897 г. письмо в редакцию С. Т. А. — „К вопросу о хлебных ценах“ и ответ на него редакции „С. В.“. *Ред.*

жуазное правительство, не оставили никакого сомнения о подлинном характере возникавшего повсюду «ревизионизма». И теоретически, и практически я без колебаний стал на сторону «ортодоксии», то-есть революционного марксизма против реформизма, и под углом этого настроения считал советы П. Б. Аксельрода могущими поколебать классовую непримиримость русских сознательных рабочих, побудив их в сближении с непролетарскими классами искать той силы, которую должна была им доставить их упорная борьба под собственным знаменем.

Своими мыслями я поделился с моими минусинскими друзьями, которым я писал, что Аксельрод несвоевременно затрагивает вопрос о (в принципе допускавшемся мною) координировании рабочего движения с буржуазно-либеральным и несправедливо критикует деятельность наших организаций, заподозривая ее в намеренной «экономической» узости. Я писал, что намерен отвечать Аксельроду в защиту партии.

Мне отвечал В. И. Ульянов, писавший, что брошюры Аксельрода он не видал, а потому судить о ней не берется, хотя и обеспокоен моими указаниями о тенденции П. Б. подчеркивать некоторую общность задач либеральной и социальной демократии; он тоже находил нужным в данный момент, ввиду поднятого бернштейнианцами шума, не перекидывать мостов между социализмом и буржуазным радикализмом. Но что касается мягких упреков П. Б. нашим молодым практикам, он советовал мне не спешить солидаризироваться с последними и не брать их под свою защиту, ибо у него есть сведения, что в Петербурге и за границей некоторые молодые деятели точно начинают интерпретировать задачи партии странным образом. Не сообщая более конкретных подробностей, В. И. писал лишь, что в ряде номеров петербургского органа «Рабочая Мысль» заметна склонность замалчивать задачи политической борьбы и что за границей против Плеханова и всей «Группы Освоб. Труда» ведется систематический поход молодыми эмигрантами (в числе их К. М. Тахтаревым), который ему кажется подозрительным. Он советовал мне, поэтому, не выступать в печати, а попытаться снестись непосредственно с Аксельродом и Плехановым».

Письмо Л. Мартову о «Credo».

Относится к лету 1899 г.

Л. Мартов рассказывает о нем:

«Летом 1899 года получил я от В. Ильина письмо, в котором он сообщал, что новые, связанные с бернштейнианством, тенденции среди

практиков партии, наконец, нашли свое выражение в одном документе, который ему прислали из-за границы и которого копию он мне прислал. Документ этот, под заголовком «Credo» («Верую»), заключал в себе довольно путанное и сбивчивое изложение взглядов автора или авторов на ход развития рабочего движения в разных странах и ряд выводов для России, из которых основным был тот, что, сохраняя самостоятельное движение, как класс, в сфере борьбы за свои профессиональные интересы, русский пролетариат должен поддерживать ту политическую борьбу с царизмом, которую уже ведет буржуазное общество, и не пытаться создавать собственной политической партии. По словам Ильина, эта запоздалая попытка втиснуть развитие российского пролетариата в те рамки, в которых за 35 лет до того Шульце-Делич хотел удержать германский пролетариат, связывалась с именем «некоего Прокоповича», о личности которого Ильин ничего не мог сообщить, кроме того, что он, по слухам, пишет какую-то «ученую книгу». Но он слышал, что П. и его жена пользовались большим влиянием в эмигрантских кругах и что развивавшиеся в «Credo» идеи сыграли свою роль в до-нельзя обострившемся кризисе заграничной организации, побудившем «Группу Освобождения Труда», которая осталась в меньшинстве, сложить с себя функцию редактирования изданий «Союза русских социал-демократов за границей». Отныне мы знаем,—писал Ильин,—во имя чего поднята борьба против «стариков» и под каким флагом идет мобилизация «молодых» практиков, группирующихся в России вокруг «Рабочей Мысли» и близких ей групп; это анти-революционное бернштейнианство, в теории капитулирующее перед буржуазной наукой, и постепеновщина в практике, отвергающая образование самостоятельной социал-демократической партии. С этими тенденциями надо повести решительную борьбу, и почин ее взяли на себя мои минусинские друзья. На собрании 17 ссыльных они выработали нечто вроде манифеста к социалистам, содержавшего обстоятельную критику центральных идей «Credo» и противопоставлявшего им в отчетливой форме основные тезисы революционного марксизма относительно конечных и ближайших задач рабочей партии в России. Предлагая «об'явить войну всему кругу идей, нашедшему свое выражение в этом документе», минусинские товарищи предлагали всем марксистским группам выявить свое отношение к поднятым ими вопросам. В своем письме Ильин писал о том, что, отправляя протест за границу, он делает попытку теснее связаться с заграничными «стариками».

Письма по вопросам философии к Ф. Ленгнину.

Письма эти относятся к 1898—1899 г.г.

О них т. Ленгник рассказывает следующее:

«Письма эти, к великому сожалению, утеряны во время моих скитаний после сибирской ссылки. Я думаю, что они были отняты у меня во время обыска в 1901 году в Самаре. Просьба к самарским товарищам просмотреть архивы самарского жандармского управления.

В сибирской ссылке я стал интересоваться вопросами философии и между прочим также философией Юма и Канта. Скептицизм Юма особенно, повидимому, гармонировал с той безнадежной обстановкой, в которой протекала тогда сибирская ссылка, когда партии еще фактически не было и когда о побегах нельзя было и думать; без налаженной «паспортной техники» побег должен был кончиться неминуемой неудачей, побег же за границу для эмигрантского прозябания казался мне чем-то еще более ужасным и безнадежным, чем ссылка. За границу тогда бежала, напр., из с. Казачинского А. А. Якубова, которую я всячески старался отговорить от побега. Философия же Канта была мне привита еще с детства вместе с германскими классиками, из которых особенно Шиллер, как известно, был пламенным энтузиастом кантианства.

Вл. Ильич, вероятно от товарищей, узнал об этих моих увлечениях, и у нас с ним завязалась чрезвычайно оживленная переписка по философским вопросам. Я старался его обратить в свою веру, излагал ему поэтическую красоту кантовской «Критики практического разума», а иногда ударялся в крайний скептицизм, опираясь на Юма и его блестящего ученика Шопенгауэра, который тоже привлек мое скучающее в ссылке внимание.

В своих ответных письмах Вл. Ильич, насколько я помню, очень деликатно, но и вполне определенно выступил решительным противником и юмовского скептицизма и кантовского идеализма, противопоставляя им жизнерадостную философию Маркса и Энгельса. Он с жаром доказывал, что *не может быть никаких границ человеческому знанию*, которое должно прогрессировать и *отделяться от идеалистической, буржуазной шелухи по мере роста революционного рабочего движения*, которое должно определить не только поведение и миросозерцание самого рабочего класса—насквозь ясное, жизнерадостное и захватывающее своей простой красотой,—но оно определит самым точным образом и поведение и миросозерцание своих классовых про-

тивников и заставит их, вместо туманных, заоблачных теорий и мечтаний, говорить языком фактов и огнем баррикад...

Через несколько уже писем Вл. Ильича я был поколеблен до самого основания. Я бросил своих идеалистических философов и устремился к изучению философии марксизма, для которой мои увлечения были уже далеким, далеким прошлым. «Антидюринг» стал моей настольной книгой, и этим избавлением на всю жизнь от идеалистического плена я всецело обязан дорогому, милому, бесценному Вл. Ильичу».

П. Лепешинский в своих воспоминаниях («На повороте») добавляет, что письма Вл. Ильича к т. Ленгнику иногда представляли собой целые длинные трактаты по философии.

Рецензия на книгу А. Богданова: «Краткий курс экономической науки».

Напечатана в декабрьском (конфискованном) номере «Нового Слова» за 1897 г.

Письмо к Л. Мартову о «тройственном союзе».

Относится к концу 1899 года.

Л. Мартов о нем рассказывает:

«Появление «Credo» оживило мою переписку с В. И. Ульяновым и А. Н. Потресовым. Все мы в январе следующего года кончили ссылку и вопрос о борьбе с новыми тенденциями и о нашей работе, в условиях воцарившегося в партии разброда и развала, очень нас заботил. Живя за 6.000 верст от России, я мог только терпеливо выжидать момент, когда с меня спадут путы полицейского надзора. Мои друзья находились в более выгодных условиях и могли, сговариваясь с единомышленниками, подготовлять кое-что практически. В конце последнего года ссылки я получил, поэтому, от В. И. Ульянова письмо, в котором он мне глухо предлагал заключить «тройственный союз», в который входил бы, кроме нас двух, еще А. Н. Потресов, для борьбы с ревизионизмом и «экономизмом». Этот союз прежде всего должен соединить свои силы с «Группой Освоб. Труда». Сквозь строки письма я угадывал какое-то налаживающееся предприятие журнального характера. Я ответил, конечно, полным согласием, предлагая товарищам располагать моими силами и обещая, не медля ни одного дня, отправиться, по окончании ссылки, туда, куда это будет нужно».

Статьи для «Рабочей Газеты» № 3.

Владимир Ильич, перечисляя эти статьи, рассказывает о них в «Что делать?» (см. V том Собр. соч., стр. 249):

«Центр. Ком. Бунда чрез посредство одного провинциального городка обращается к одному из членов «Искры» *) с предложением принять на себя редакцию возобновляемой «Рабочей Газеты» и получает, конечно, согласие. Предложение затем изменяется: предлагают сотрудничество, ввиду новой комбинации с редакцией. И на это получается, разумеется, согласие. Посылаются статьи (которые удалось сохранить)—

«Наша программа» — с прямым протестом против бернштейниады поворота в легальной литературе и «Рабочей Мысли»;

«Наша ближайшая задача» — «организация правильно выходящего и тесно связанного со всеми местными группами органа партии; недостатки господствующего «кустарничества»;

«Насущный вопрос», — разбор возражения, что надо сначала развить деятельность местных групп, прежде чем браться за постановку общего органа; настаивание на первостепенной важности «революционной организации» — на необходимости «довести организацию, дисциплину и конспиративную технику до высшей степени совершенства».

«Предложение возобновить «Рабочую Газету»—говорит Вл. Ильич,—не осуществляется и статьи остаются ненапечатанными».

Там же Вл. Ильич дает указание на свой

Письменный доклад 2-му (несостоявшемуся) с'езду партии,

рассказывая о нем следующее:

«Член комитета, организующий второй очередной с'езд нашей партии, сообщает члену группы «Искры» программу с'езда и *ставит кандидатуру этой группы на функцию редактирования возобновляемой «Рабочей Газеты»*. Его предварительный, так сказать, шаг *санкционируется затем и тем комитетом, к которому он принадлежал, и Центр. Комитетом Бунда;* группа «Искры» получает указание о месте и времени с'езда, но (неуверенная, можно ли ей будет, по некоторым причинам, послать делегата на этот с'езд) составляет также *письменный*

*) Т.-е. к Вл. Ильичу. *Ред.*

доклад с'езду. В этом докладе проводится та мысль, что одним выбором Центрального Комитета мы не только не решим вопроса об об'единении в такое время полного разброда, как переживаемое нами, но и рискуем компрометировать великую идею создания партии в случае нового быстрого и полного провала, который более чем вероятен при господствующей неконспиративности; что надо начать поэтому с приглашения всех комитетов и всех других организаций поддерживать возобновленный общий орган, который реально свяжет все комитеты фактической связью, реально подготовит группу руководителей всем движением, а превратить такую созданную комитетами группу в Ц. К. комитеты и партия легко уже сумеет, раз такая группа вырастет и окрепнет. С'езд, однако, не осуществляется вследствие ряда провалов, и *доклад по конспиративным соображениям уничтожается,* будучи прочтен только несколькими товарищами, в том числе уполномоченными одного комитета».

К выходу настоящего тома редакции не удалось проверить и установить принадлежность перу Вл. Ильича критики Profession de foi Киевского Комитета, на которую дает указание В. Акимов-Махновец в своем «Очерке развития социал-демократии в России» (стр. 110, примечание).

Статьи, исправленные и посланные т. Лениным в „Работник".

I.

Вести из России.

Петербург, 20 октября.

Читающие «*Русские Ведомости*» не могли не обратить внимание на печатавшиеся в средине августа корреспонденции о выселении духоборцев Ахалкалакского уезда Тифлисской губ. О причинах же этого выселения почти ничего не говорится. Между тем, эта возмутительная история стоит того, чтобы на нее было обращено большее внимание. Она вскрывает нам тот страшный азиатский деспотизм, который совершенно немыслим в цивилизованной стране. Вот факты этой истории.

Но сначала я должен сделать отступление за восемь лет назад, иначе эти факты будут недостаточно ясны. В это время умерла известная у духоборцев Лукерья Васильевна Калмыкова, которая признавалась их духовной главой. Перед смертью она назначила своим преемником некоего Петра Веригина, пользовавшегося большим уважением среди духоборцев. К нему же должна бы была перейти и общественная касса, около 100.000 руб. Но у Лукерьи был брат, которому не понравилось, что сестра сделала своим преемником не его, брата, а человека постороннего. Ему удалось склонить на свою сторону духоборцев двух селений, и он, опираясь, с одной стороны, на своих единомышленников, а с другой, на наши юридические законы, не признающие общественной собственности там, где нет юридического лица, оттягал эти 100.000 (при чем, говорят, около половины этой суммы ушло в карманы администрации).

Как раз в это же время вышел приказ, обязывавший духоборцев отбывать воинскую повинность, от которой раньше они были освобождены.

Два селения, стоявшие на стороне брата Лукерьи, согласились, но остальные пять селений отказались, так как обязательное при отбы-

вании воинской повинности ношение оружия противоречит их религиозным убеждениям. Но после того, как у них был арестован Петр Веригин с некоторыми влиятельными духоборцами и сослан сначала в Архангельскую губ., а потом в Обдорск, и остальные пять селений присоединились к первым, думая своим повиновением смягчить участь Петра Веригина. В то же время они неустанно ходатайствовали о его возвращении из ссылки. Им обещали, но только этим и ограничились. В таком положении дело находилось несколько лет. В последнее время среди духоборцев стал опять замечаться поворот к старому. Буду продолжать рассказ словами очевидца, имя которого ручается за достоверность рассказа.

«Здесь за Кавказом теперь всех занимает духоборческая «история» — отказ от ношения оружия. После Елизаветпольской истории (где солдаты-духоборцы отказались от службы) солдаты из духоборцев сдали свои ружья в Карсе. Там начальство, желая их «образумить», устроило мнимую казнь. Поставили виселицу, пошили саваны и вывели духоборцев на казнь. Они все упрямились. На них надели саваны... Но дело не вытерело. Пришлось снять.

«28-го июня общество духоборцев Ахалкалакского уезда в сопровождении женщин и детей отнесло на поле свое оружие, обложило его дровами и углем, облило керосином и сожгло. Костер горел всю ночь, а духоборцы пели псалмы.

«29-го днем тифлисский губернатор направил на них казаков. Казаки понеслись в атаку. Духоборцы поставили женщин и детей в кучу, а сами встали кругом, взявшись за руки. Не могли храбрые воины прорвать живой цепи. Убитых и раненых духоборцы убирали в средину. Наконец, надоели казачьему командиру бесплодные атаки и он прекратил их. Духоборцам велел итти в селение к губернатору. Руганью встретил губернатор духоборцев и спросил стариков: «Будете ли служить?» Старики отвечали, что они стары и никто их в солдаты не возьмет. Тогда губернатор вызвал поименно трех запасных рядовых и предложил им тот же вопрос. Получив отрицательный ответ, губернатор приказал их бить. Били сильно».

Другое, близко стоящее к духоборцам, лицо так передает эту дикую сцену. После отказа вызванных запасных, раздалась команда: «В плети!». Засвистали казацкие плети, раздались стоны. «Стой!» — командует губернатор. — «Будете служить?» — «Нет». — «В плети!» Но тут из рядов духоборцев вышли все запасные — человек 50—60, побросали свои книжки к ногам губернатора и заявили о своей солидарности с избиваемыми товарищами. Губернатор отдал приказ бить

всех нещадно, передал обязанности правителя уездному начальнику и уехал.

Так били каждый день *шесть дней*. Начальство негласно разрешило казакам насиловать женщин и девушек. Мужчины все под арестом, а христолюбивое воинство толпами ломится через двери и окна в хаты. Все окна высадили (одна женщина оказалась убитой). Когда казаки одумались и неохотно стали помогать губернатору «управлять вверенной ему губернией», то их заменили лезгинской милицией. Лезгины, помня присягу, не позволяли сомнениям вкрадываться в свои сердца.

На 7-й день губернатор отобрал из семи духоборческих селений 35 семей и послал в ссылку неизвестно куда. Поехали духоборцы на фургонах. Пришлось побросать имущество. Приехавшие для покупки продаваемого духоборцами имущества армяне, видя, что делается, стали плакать и жалеть духоборцев. Их плетьми выгнали из села. В напутствие ссылаемым губернатор сказал, что отдал приказание ничего им по дороге не продавать. «Дохните с голоду!» — добавил он. Духоборческие семьи оцеплены. Духоборцев никуда не пускают. Не отпускают ни елизаветпольских, ни карских духоборцев. На железнодорожных станциях начальники станций получили приказание не продавать им билетов. «Но духоборцы,—прибавляет рассказчик,—не унывают и сердца их не смущены».

Письмо очевидца было послано в то время, когда «история» далеко была не закончена. О развязке я узнал уже из другого письма. 35 семей, высланных вначале по приказанию губернатора, были авангардом, за которым вскоре последовали *тысячи* новых. Но куда же выселили такую громадную массу зажиточного трудолюбивого населения? Их не выселили, а *сесселили* и расселили самым варварским образом. Духоборцев разбросали отдельными семьями по разным горским деревушкам Тифл. губ. и Дагест. области, при чем не дали ни клочка земли, не дали жилищ и не дали ни куска хлеба. Туземным властям был отдан приказ не давать духоборцам никакой работы. Очевидно, тысячи семей обречены на голодную смерть. Рассказчик высказывает предположение, что именно эту цель и преследует правительство. Факты подтверждают предположение. Одна из телеграмм «Русских Вед.» говорит, что среди духоборцев открылся кровавый понос.

Вот картинка, служащая дополнением к армянскому вопросу, так интересующему Европу.

„Работник“ № 1–2,
без подписи.

II.

Стачка ткачей на фабрике товарищества Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры.

Мирный в обыкновенное время городок Иваново-Вознесенск в октябре нынешнего 1895 года представлял из себя военный лагерь. Стоявшие в городе войска ежеминутно готовы были ринуться на бой с врагом. Но кто же был этот враг. Да никто другой, как мирные обыватели этого городка, которые своим трудом одевают чуть ли не половину России. Все дело в том, что ткачи фабрики Ив.-Вознесенской мануфактуры, принадлежащей четырем компанионам, Витову, Новикову, Фокину и Зубкову, в числе более 2.000 человек, отказались работать за такое вознаграждение, которого не хватает даже на полуголодное существование.

С 1-го октября была введена новая расценка, которая на 20—25% понижала заработную плату ткача.

Расценка обыкновенно устанавливается два раза в год; на лето—от Пасхи до Покрова, и на зиму—от Покрова до Пасхи. При чем зимняя расценка обыкновенно понижается против летней на 5 — 10% вследствие прилива рабочих из деревень. В нынешнем же году некоторые фабриканты удержали и на зиму летнюю расценку, при которой ткач мог заработать 8—12 руб. в месяц *).

Обыкновенно новая расценка вывешивается за 1—2 недели до начала работ, так что рабочие заранее успевают ознакомиться с новыми условиями. Товарищество же вывесило новую расценку только 30-го сентября. Все рабочие не успели ознакомиться с ней в этот день и решили остаться работать и после 1-го октября. Придя на работу 2-го октября и узнав о новой расценке, рабочие выразили неудовольствие и потребовали директора г. Свешникова, которому и заявили, что работать на таких условиях они не согласны. Директор отказался изменить условия. На следующий день 3-го октября рабочие все-таки пришли на фабрику, но за станки не встали, а начали совещаться, как быть. Было решено заявить фабричному инспектору

*) Нужно заметить, что нынешняя летняя расценка была ниже средней; среднюю же можно считать по 12 — 15 руб. в мес., но товарищество решило повести понижение еще дальше. Оно надеялось, что, ввиду увеличения скорости машин на 10 %, понижение это будет не так чувствительно, но на деле оказалось далеко не так. Рвались чаще нитки, больше стало браку, и в результате увеличение скорости ткацких станков не отразилось на таком же увеличении заработной платы.

и выбрать для переговоров 30 человек. Рабочие собрали сведения о зимней расценке за 20 лет, с 1875 по 1895 г., и, когда прибыл на фабрику фабричный инспектор г. Гончаров, ему рассказали в чем дело, указали на расценку за 20 лет и требовали назначения средней за этот период расценки, такой, какая была в 1888 году. Инспектор ограничился тем, что посоветовал рабочим приняться за работу, т.-е. принять новую расценку, указывая на то, что *вероятно* затруднительные обстоятельства заставили хозяев понизить прежнюю расценку.

Нужно заметить, что между хозяевами не было полной солидарности. Один из них, г. Зубков, недовольный делами фабрики и той частью прибыли, которая приходилась на его долю, был против понижения и впоследствии открыто становился на сторону рабочих, раздавая, как говорят, хлеб стачечникам.

На следующий день фабрика остановилась. Рабочие, собравшись перед фабрикой, твердо заявили, что не уступят фабрикантам, и постановили в течение *двух недель* не приниматься за работу *).

Следующее обстоятельство было особенно благоприятно для рабочих. У трех компаньонов Товарищества были, кроме того, ситценабивные фабрики, где перерабатывался миткаль, полученный с ткацкой. С остановкой последней, ситце-набивные фабрики должны были сократить производство за недостатком фабриката. А когда Товарищество обратилось на соседние ткацкие фабрики, то фабриканты последних с удовольствием предложили свой миткаль, но на каждый аршин накинули $^3/_4$ коп., — прибавка настолько значительная, что Товарищество предпочло лучше сократить производство. При таких обстоятельствах всякий лишний день стачки грозил компаньонам громадными убытками, так как при сокращенном производстве приходилось нести все те же расходы по содержанию администрации, освещению и проч.

С 4-го по 8-е октября дело обстояло так:

Рабочие ежедневно сходились большими и малыми группами на улицах, площадях и квартирах и обсуждали свое положение. Картина была невиданная для России. Весь город дышал борьбой, все умы были взволнованы стачкой. Фабриканты всех ткацких фабрик были сильно встревожены, боясь, как бы стачка у Товарищества не подействовала заразительно и на их рабочих, тем более, что последние явно сочувствовали забастовавшим. Ежедневно летели телеграммы к губернатору.

---

*) Об'являть заранее срок стачки было большой ошибкой со стороны рабочих.

Наконец, 8-го октября к вечеру прибыл в Иваново-Вознесенск губернатор Теренин с прокурором, жандармским начальником и старшим фабричным инспектором владимирского округа Астафьевым Вместе с ними прибыло 800 человек пехоты, 200 казаков и масса жандармов и шпионов.

На другой день, 9-го октября, губернатор явился на сходку забастовавших ткачей и обратился к ним с речью, в которой уговаривал рабочих не волноваться, прекратить «бунт» и приняться за работу. Он все разберет, и если найдет притязания хозяев неосновательными, то принудит их повысить расценку. Но эти иезуитские увещания не подействовали на рабочих. Они поставили вопрос ребром: ручается ли губернатор, что расценка будет повышена. Губернатор отказался от положительного ответа и рабочие разошлись с прежним решением продолжать стачку.

Вечером того же дня состоялось совещание г.г. фабрикантов под председательством губернатора и в присутствии всех приехавших властей.

Прежде всего губернатор об'явил, что содержание войска ложится на всех фабрикантов Ив.-Вознесенска. Это вызвало взрыв неудовольствия среди последних, тем более, что фабриканты, как говорят, не требовали войска. Все фабриканты не ткацких фабрик наотрез отказались нести какие-либо расходы по содержанию войска. Тогда расходы были разложены между фабрикантами только ткацких фабрик пропорционально числу станков *).

Об'ясняя причины понижения расценки, Товарищество ссылалось на свой прошлогодний отчет, где сумма чистой прибыли была показана всего в 320 рублей с копейками. Вздорность этой суммы видна уже из того, что большая часть вырабатываемого миткаля поступает на ситце-набивные фабрики тех же владельцев и, следовательно, прибавочная стоимость, получаемая с ткачей, реализуется только при продаже продуктов ситце-набивных фабрик и фигурирует в отчетах этих последних. Вздорность этой суммы подтверждает и такой факт: один из Ив.-Вознесенских фабрикантов Гаренин тут же на собрании предложил передать ему ткацкую фабрику с тем, что он повысит расценку ткачей и будет выплачивать Товариществу эту же прибыль. Компаньоны, конечно, отказались.

Между прочим, на этом заседании выяснилась вполне и роль фабричной инспекции, на которую по закону (ст. 54 Уст. о промыш-

*) Содержание войска ежедневно обходилось около 1.000 рублей. Войско выступило только 2-го ноября.

ленности, п. 4) возлагается «принятие мер к предупреждению споров и недоразумений и неудовольствия и миролюбивого соглашения сторон». В данном случае, когда большинство фабрикантов высказалось за прекращение стачки путем повышения расценки, старший фабричный инспектор г. Астафьев поставил на вид, что это значит «давать повадку», что через это теряется «престиж власти». К такому мнению представителя фабричной инспекции не могли, конечно, не присоединиться и официальные представители этой власти.

В конце концов было решено не уступать рабочим и сломить их сопротивление во что бы то ни стало.

С этого момента произошел поворот в отношении к стачечникам. До сих пор они свободно собирались на сходки и против них не предпринималось никаких насильственных мер. К тому же нужно заметить, что рабочие все время вели себя крайне спокойно, не давая никаких поводов к вмешательству полиции и войска. Тем более, что, устраивая стачку, рабочие в данном случае держались вполне на законной почве. Ст. 1358 ул. о наказ. предусматривает прекращение работ «*до истечения установленного времени* с целью повышения заработной платы», а здесь срок найма уже истек и рабочие не согласились только на новые условия *).

Но для поддержания того же «престижа власти» войска и полиция не могли оставаться спокойными зрителями этого, хотя и законного, но в то же время и крайне опасного для существующего порядка протеста со стороны рабочих. Ждали только хотя бы самого незначительного повода, чтобы пустить в дело войска. Такой повод представился, наконец.

Когда 11-го октября рабочие снова собрались на совещание, они заметили отсутствие шести товарищей, выдававшихся раньше своей энергией и присутствовавших на всех сходках. Оказалось, что в ночь с 10-го на 11-е эти шестеро рабочих были арестованы. Арест их глубоко возмутил рабочих. И вот 12-го октября они направились большой толпой к губернаторской квартире и просили дать им об'яснение о причинах ареста. Губернатор, конечно, ответил бранью и отдал приказание казакам расчистить толпу. При этой дикой казачьей расправе пострадало не мало и лиц, вовсе непричастных к стачке. Как раз

---

*) Так как отказ от работ последовал в течение первых семи дней после 1-го октября (в это время как рабочие, так и фабриканты имеют право безнаказанно расторгнуть договор. См постановление владимирского фабричного присутствия от 11-го октября 1886 года), поэтому судебного процесса против участников забастовки не возбуждено. „Русск. Вед." 1895, № 308.

в это время происходила смена рабочих, и рабочие с фабрики Дербенова, Гарелина и Бурылина проходили мимо. Разбирать, кто тут был из стачечников и кто нет, было некогда, и удары казацких нагаек сыпались направо и налево. В толпе был смят казаками даже 60-летний старик, учитель ремесленного училища. После этой расправы рабочие стали собираться только по квартирам.

Но стачка, видимо, приходила к концу. Голод, при отсутствии всякой поддержки извне, заставлял рабочих все ниже и ниже опускать головы. Некоторые из рабочих, не порвавших еще связей с землей, стали расходиться по деревням.

Фабриканты же с своей стороны деятельно старались через своих агентов набирать новых рабочих по деревням. Их принимали, однако, на том условии, что платить будут по 30 коп. в день и что в случае прекращения стачки преимущество будет отдано старым рабочим, а всех вновь нанятых переведут в запасные, с платой по 20 коп. в день.

Сначала работало 20, потом 30 чел., а 16 — 17 октября их набралось до 150 человек. Работали 3 — 4 часа в сутки, при чем преимущественно по вечерам. Рабочих ставили у станков ближе к окнам и освещали всю фабрику. Стачечники, конечно, понимали, что это только «фортель» капиталистов, и подсмеивались. Но время шло, все, что было в запасе, было поедено, оставалось покориться. Один за другим потянулись рабочие на фабрику и 19-го октября последняя приняла прежний вид.

Из 2.000 забастовавших рабочих не принято 80 человек.

Повидимому, рабочие потерпели поражение. Но стачка все же сделала свое дело. Она показала, что рабочие могут бороться, могут стойко противопоставить притеснениям фабрикантов свою об'единенную силу и что при более благоприятных обстоятельствах они могут и победить. Это сознали, очевидно, и фабриканты, и правительство. По последним известиям, фабричная инспекция установила минимум заработной платы 48 коп. в день. Если, работая сдельно, ткач вырабатывал меньше, его должны расчитывать поденно по 48 коп. Это есть уже большая уступка требованиям рабочих, хотя последовавшая и после прекращения стачки.

Настолько страшна об'единенная сила рабочих, что даже поражение ее необходимо превращается в победу. На это особенно должны обратить внимание рабочие.

„Работник" № 1—2, 1896 г.

III

Сельские рабочие в юго-восточных губерниях Европейской России.

Социал-демократия, везде ставя себе целью организовать борьбу рабочего класса против его эксплоататоров, до сих пор вынуждена была направлять все свои усилия на организацию исключительно фабрично-заводского пролетариата, и только в последнее время вопрос о пропаганде среди сельских рабочих стал одной из главных задач европейской социал-демократии. В России, где пролетариат крупной индустрии занимает далеко не первое место, по своей численности, среди других групп капиталистически эксплоатируемого населения, вопрос о поднятии уровня классового самосознания сельских рабочих представляет существенный вопрос.

Автор настоящей заметки имеет в виду, на основании личных наблюдений и некоторого знакомства с условиями жизни сельских рабочих, обрисовать в общих чертах их положение и показать, что воздействие социал-демократии на рабочий класс в этой форме «народного» производства, уже теперь не везде так невозможно, как многие думают.

Сельские рабочие не представляют в целом такой экономической обособленной, вполне сложившейся группы со всеми характерными признаками современных пролетариев, как фабрично-заводские рабочие. Они в большинстве случаев не совершенно еще «освободились» от средств производства, они владеют небольшим участком земли и, несмотря на свои хозяйственные неудачи, силятся во что бы то ни стало удержать его. «Народа», как единого целого, как однородной массы, уже давно не существует; даже самому близорукому наблюдателю бросаются в глаза, по меньшей мере, две группы: 1) экономически сильная и 2) экономически слабая, превышающая первую по своей численности. Каждый член этой второй группы является перед нами, то в виде самостоятельного — по крайней мере, по форме — производителя, то в виде наемного рабочего. И это обстоятельство имеет немаловажное значение. Оно ставит эту экономически слабейшую группу во внутреннее противоречие: выступая в качестве наемных рабочих, они склонны к организации, к об'единению для борьбы со своими эксплоататорами; как самостоятельные хозяева, как частные собственники, они являются взаимными конкурентами.

Кто нанимает в деревне рабочего?

Во-первых, помещик. Во-вторых, хозяйственный мужичек, многолошадный и многоземельный, которому нужны кредит, машины, образование и проч., а главное, наемный рабочий.

Рабочих нанимают на короткие и долгие сроки.

Летом, в страду, когда хозяйство требует одновременного приложения многих рабочих сил, в деревне является самой обыкновенной поденная работа. Заработная плата поденных рабочих изменяется в зависимости от напряженности работы или от ее сложности. Тяжелая работа, которую не может исполнять всякий, а только здоровый и сильный человек, напр., косьба, жнитво, оплачивается дороже: 50—70 к. и даже рубль в день мужчине. Женщины получают на такой работе 50—60 коп. Полка (от слова полоть), работа исключительно женщин, подростков и детей, оплачивается дешевле: обыкновенно 20 коп. в день на своих харчах (взрослому работнику).

Процесс этой работы, полки (напр., подсолнухов), кажется нам не безынтересным. На полке работает обыкновенно несколько сот человек рабочих: женщин, подростков и детей. Плата соответственно: 20, 10 и 5 коп. на своем хлебе (при дешевизне хлеба в 1895 г. плата доходила до 15 коп. взрослым). Работа очень несложна и состоит в том, чтобы вырывать мотыгой траву из земли и окапывать самый подсолнух. Но на припеке июньского солнца, от зари до зари ковырять землю, согнувшись всем корпусом, под грубыми окриками администрации, и получать за это всего 20 коп. — очень тяжело даже для людей, видавших всякие виды по части эксплоатации. Раздражение крестьянок, обыкновенно глухое и скрытое, иногда проявляется в шумных заявлениях, что так нельзя работать, но грубая брань приказчиков скоро заставляет их замолкнуть. К этому надо прибавить частую недобросовестность при расплате, производимой при том через неделю, между тем как поденщице часто именно в тот день нужны деньги, когда она выходит на работу. Так как полка продолжается несколько дней под-ряд, то большая часть рабочих ночует тут же в поле, под открытым небом, несмотря ни на какую погоду. Хотя круг крестьян, приходящих на такие работы, довольно определенный, но прочная, постоянная организация среди них едва ли возможна, так как у себя дома они частные собственники. На массовой работе они, однако, очень восприимчивы ко всякому возбуждению протеста, что нам приходилось не раз наблюдать при так наз. на языке местного начальства «недоразумениях с рабочими», иногда кончавшимися временным успехом последних.

Рассмотрим теперь разряды постоянных рабочих, нанимаемых на долгие сроки. Это — сельский пролетариат, безземельный, безлошадный и сплошь и рядом бездомовый, крестьянство, выброшенное из вековой колеи развитием товарного хозяйства, крестьянство, платящее «опуста», загнанное сообщниками и всяким начальством, это — «народ», попол-

няющий кадры промышленного пролетариата и выставляющий бесчисленные полки в резервную армию промышленности, это — «избыточное» население деревни. Иногда сельский батрак совсем не имеет собственности, иногда у него есть клочек земли, за который платит подать богатый мужик, получая с него втрое работой.

Поздней осенью, когда приходит срок платить помещику и правительству, а спешные работы уже кончились и денег взять неоткуда, эти пролетарии стучатся у порогов хозяйственных мужичков и в конторах помещичьих имений с просьбой взять в работники на зиму. Заключается договор в волостном правлении обыкновенно на таких условиях: 2—4 руб. (зимой) в месяц на хозяйских харчах, наем на год, так, чтобы годичный заработок не превышал 45—60 руб. в год. Но не многим удается таким образом спасти свой хлеб *) или корову для семьи и устроиться на зиму. Громадное же большинство остается «самостоятельным» и выносит все ужасы зимней безработицы или уходит на заработки. В марте начинается предусмотрительный наем рабочих на лето, естественно, еще по очень низкой цене. Заработная плата начинает повышаться по мере приближения работ, и в июле доходит до 10 рублей в месяц. Кроме заработной платы, «экономический» **) рабочий пользуется еще пайком; ему выдается обычное месячное: пуд муки, 10 фун. пшена и фунт масла. Живут рабочие чаще всего вместе в одной избе при экономии. Рабочий день — от зари до зари, летом и зимою, полчаса дается на завтрак, полтора часа на обед, так что летом рабочий день продолжается 14 часов, исключая время отдыха и обеда.

«Батраки» — самая безнадежная часть сельских рабочих в смысле восприимчивости к революционной пропаганде. Разбросанные небольшими группами (у хозяйственных мужичков их бывает по 1—2 человека), они относятся к своему хозяину, скорее как слуга к своему господину, чем как рабочие к капиталисту. Никогда не приходилось нам замечать среди таких рабочих дружного протеста. Все их стремления лежат позади их настоящего положения, в желании восстановить свое рухнувшее хозяйство, снова сделаться частными собственниками: они ждут спасения не от общей борьбы против своих эксплоататоров, а от борьбы каждого порознь за свою мелкую собственность, не от об'единения, а от конкуренции. Уровень их умственного развития чрезвычайно низок, чувство собственного достоинства в них совершенно не развито

*) Обыкновенно работник берет при найме часть денег и платит ими подати и „ренту" помещику, который, в случае неуплаты, имеет право взять себе хлеб крестьянина с арендованного им участка.

**) Всякое помещичье имение на юге называется „экономией"

Только дальнейшее развитие классовых противоречий покажет им единственно разумный выход из их положения: борьбу соединенными силами против эксплоататоров за улучшение своего существования.

Двусторонний характер — рабочего и частного собственника — свойственен не всему сельскому пролетариату. Значительную часть его мы встречаем только как наемных рабочих. С начала июня в степи, по проселкам и большим дорогам встречаете вы группы в два—три человека, идущих на заработки. Это большею частью татары, кочующие целыми семьями. В убогой кибитке, запряженной тощей лошаденкой, сидят его жена и дети, а рядом мерно шагает сам хозяин. Иногда они путешествуют еще проще. Жена тащит деревянную тележку с ребенком и хлебом, а муж идет сзади; потом роли меняются. Так проходят они не одну сотню верст и под дождем, и под припеком горячего солнца, останавливаясь на ночлег и отдыхая тут же в степи под открытым небом, пока не найдут работы. Рабочие-татары, при крайне низком уровне потребностей, довольствуются ничтожной платой и сильно понижают своей конкуренцией плату всех вообще сельских рабочих. Отсюда презрительное отношение к ним крестьян.

По мере наступления работ, движение рабочих начинает усиливаться. Идут уже значительными группами, и не одни только татары, но вообще крестьяне восточных губерний, преимущественно Казанской и Вятской, пробираясь на юг. Сначала, в июне, идут косари, в июле жнецы, позже молотильщики *), а к осени большие толпы рабочих пробираются на сахарные заводы, на зимние заработки. На родине остался у них домишко, заколоченный или сданный на попечение родных, остался ничтожный посев, порученный убрать им же, а сами они, свободные от всех привычек, инстинктов частного собственника, идут искать лучших условий жизни. В них нет ограниченности и затуганности, свойственных их собратьям, сельским батракам, не выходящим за пределы своего места. Если они и не сознательно понимают, то инстинктивно чувствуют всю глубину противоположности своих интересов и интересов их нанимателей. В них всегда живо чувство протеста и сознание необходимости быть заодно с «артелью». Если пропаганде среди сельских рабочих суждено иметь какое-нибудь практическое значение в ближайшем будущем, то наиболее восприимчивыми к ней окажутся несомненно именно эти артели.

Еще на пути к конечному пункту их странствия — к заводу или рабочему рынку — сельские буржуа и помещичьи управляющие выезжают на большие дороги в критическую минуту «недостатка» рабочих

*) Разумеется, это разделение не по специальностям, а по времени работы.

рук «ловить» этих рабочих, принять их на-время для текущих работ Нанимаясь ненадолго, такие рабочие не видят особенных причин дорожить местом и являются в помещичьих экономиях наиболее оппозиционным элементом. Они всегда настойчиво требуют своевременной и добросовестной расплаты, они первые заводят разговор об улучшении пищи, об увеличении времени на отдых и т. п. Разумеется, далеко не всегда получается ожидаемый результат. Разбросанность этих артелей, часто меняющийся состав и другие обстоятельства их жизни вряд ли позволят в короткое время создать среди них прочную организацию, кассу и т. п. Тем не менее, агитация социал-демократии не может остаться бесплодной в этой среде. Без сомнения, некоторые неблагоприятные условия нашей деревни (не вполне развившаяся противоположность классов, низкая степень умственного развития, малонаселенность и проч.) затрудняют, по крайней мере, на первое время, воздействие социал-демократии на сельских рабочих при самом процессе производства, в месте их работы и постоянного пребывания. Но социал-демократия может иметь значительное влияние на них в местах их временного, но громадного средоточия — на рабочих рынках, где следует направить все усилия на один пункт, существенный для рабочего при найме, на повышение заработной платы. Мы попытаемся здесь описать рабочий рынок.

* * *

Приближается время жатвы. В деревне, все — и помещик, и хозяйственный мужичок, и пролетаризированный крестьянин — с одинаковым вниманием, но с различными мыслями поглядывают на нивы. Хозяева, соображая, каков будет урожай и подсчитывая будущие барыши — при предполагаемых ценах на рабочие руки. Помещик раскидывает умом, сколько десятин жнитвы у него уже «сдано», т.-е. сколько должны ему выжать крестьяне по обязательствам осенью, когда они нуждались в деньгах, и он давал им их под жнитво, назначая цену значительно, иногда вдвое ниже той, которая об'явится потом на базаре; припоминает, сколько крестьяне обязаны выжать ему за выгон, и сколько в виде уплаты аренды за землю, и сколько, наконец, он должен будет нанять жнецов на базаре. Как ни разнообразны способы опутать крестьянина-пролетария, закрепостить его экономически, но убрать весь хлеб «своими силами» возможно только при небольшом посеве. Даже хозяйственные крестьяне не обходятся без найма жнецов на базаре, а помещики и подавно.

Пролетарии смотрят, каковы хлеба, и стараются предугадать цены на рабочие руки.

В каждом земледельческом районе, с радиусом верст 15—20, местечко или село, наиболее развитое в промышленном отношении, стоящее на большой дороге или близ реки, служит рынком, где производители обмениваются своими товарами, где заключаются разные сделки и подряды, где скупщики, главная сила деревенских базаров, закупают сырье и хлеб для отправки на всемирный рынок. К такому-то местечку, где бывает значительный, по народному выражению, «кредитный» базар начинают в середине июля стекаться сельские пролетарии. Здесь вам встретится и кочующий целое лето татарин, случайно проходивший мимо в поисках за работой и завернувший сюда по дороге, и чуваш, пришедший сюда с специальной целью наняться на жнитво в этой хлебородной местности, и крестьянин ближайшей деревни, совсем освободившийся из-под «власти земли» или еще имеющий ничтожный посев, который уберут дома и без него. Приходят большими партиями и в одиночку. Окрестным помещикам, засевающим тысячи десятин, нужна не одна тысяча серпов, и вся эта огромная масса пролетариев сошлась здесь с одним желанием: продать свою рабочую силу.

Эта армия пролетариев располагается лагерем в поле за селом, на берегу речки. В стороне пасутся лошаденки, сделавшие не малый конец, чтобы доставить своих хозяев на рынок труда. Под телегами располагаются женщины с грудными детьми; подростки, мальчики и девочки возятся у костров, приготовляя более чем скромный обед; все они одеты чрезвычайно бедно, в грубое, рваное платье; тут же лежит обыкновенно собака, верный сторож рухляди и детей, оставляемых одиноко в степи во время работы, когда все способные к труду уйдут далеко во ржи. Жнут все, от мала до велика. Но на рынке фигурируют только взрослые мужчины. Они группируются в партии чел. по 10, 20 и более, разбиваясь по деревням, и только случайно одинокий пришлец пристает к какой-нибудь группе. У каждой группы есть свой старший, выбираемый сообща всеми членами из старых или опытных, бывалых жнецов; его легко узнать: он держит в руках всю массу связанных вместе серпов своей группы, его внешний вид, выражение лица и осанка прямо соответствуют количеству находящихся у него серпов: с большим числом серпов старший держится уверенно, чувствуя за собой силу; имея 5—6 серпов, он угрюм, робок, принижен. Накануне вечером и утром в день базара рабочие сговариваются, какой цены им держаться и, повидимому, твердо решают не спускать ниже ее ни в каком случае. Это сговаривание совершенно неорганизованно и делается вполне стихийно Переходя от одной группы к другой, вслушиваясь в разговоры и вставляя свои замечания, каждый жнец не раз обойдет базарную площадь.

где происходят все эти толки, и таким образом составляется общее мнение о высшей цене, которую можно запросить и которую каждый рабочий готов, повидимому, блюсти со страстной ревнивостью. Наем происходит чаще всего на десятину, при чем десятина принимается «сотельная», в 4.000 кв. саж. При обыкновенном урожае и средних ценах на хлеб, плата за жнитво такой десятины колеблется между 7—15 р., но в 1895 г. при общем падении цен на хлеб, она колебалась (в Самарской губ.) между 3—5—6 рублями. В один день сжать и связать в снопы десятину могут, при среднем урожае и средней напряженности труда, 10 человек.

Утром в день базара на площади замечается необыкновенное оживление. Все жнецы уже нетерпеливо ждут покупателей своего товара. Все они понимают важность предварительного соглашения в цене. Но каждый из них боится остаться не при чем, пропустить случай, а это значит либо остаться на несколько дней без заработка в пору самых горячих летних работ, либо продать свою рабочую силу за бесценок при первой возможности. Наиболее энергичные, расторопные (обыкновенно молодые жнецы), чувствуя, что в глубине души каждый боится конкуренции другого, и понимая, как важно действовать заодно, снуют по базару от одной группы к другой и энергично убеждают не сбавлять цены — при сочувственном одобрении толпы. Социалисты могут воспользоваться таким моментом. Важно только сорганизовать это соглашение, об'единить прежде всего его руководителей. Первый шаг здесь в том, чтобы поселить в жнецах взаимную уверенность, хотя бы только на один этот день; энергичным воздействием можно этого добиться.

Рабочие ждут, а нанимателя не торопятся, зная по опыту, что «раньше обеда» *) не нанять. Но уже рано по утру начинается торг. Управляющие и хозяйственные мужички ходят в толпе и не торопясь, хладнокровно и терпеливо торгуются с рабочими. Везде, в каждой группе, на вопрос: по чем жать? получают они один и тот же ответ 8 рублей, с готовностью поторговаться.

По мере того, как солнце все выше и выше поднимается на небе, растет тревога в душе каждого рабочего: что, если его не наймут? Беспокоится и наниматель: просят дорого, нанять невыгодно, а не нанять нельзя, сразу всего хлеба не уберешь, он может осыпаться от ветра, лечь, попортиться от дождя и града, да, может быть, и рабочая сила еще вздорожает. Торг становится все более и более ожесточенным. Вот управляющий, у которого 3.000 дес. посева, убеждает рабочих согла-

*) Временем обеда считается полдень, когда базар заканчивается.

ситься жать за 5 р., говоря, что никто их не наймет и они «прошляются» даром, что у него работы много и корм хороший и т. п., а между тем и он, и рабочие прислушиваются, не нанялся ли кто, не «об'явилась» ли цена. Обыкновенно группа, первая продавшая свою рабочую силу, определяет цену. Томительный страх остаться без работы, скрытый до этой минуты, прорывается тогда наружу, и одна за другой заключаются сделки с незначительными отклонениями в обе стороны от первоначальной цены. Тактичный социалист-рабочий, а не интеллигент, которому, при современных условиях деревни невозможно вести там непосредственно пропаганду — может, сорганизовав соответствующую группу, убедить рабочих не сдаваться ни в каком случае и подождать дня два другого базара в другом месте, верст за 40 от первого. Держась единодушно, рабочие настояли бы на своей цене, потому что ждать долее землевладельцам было бы невозможно. Теперь мы пока наблюдаем такие сцены. Старый жнец группы как будто начинает сдаваться на убеждения нанимателя, его берет сомнение и раздумие. Он обращается к товарищам и, тихо перешептываясь, спрашивает их согласия. В эту минуту подбегает запыленный, раскрасневшийся от усталости молодой жнец и с сверкающими глазами, энергично жестикулируя, начинает укорять колеблющихся и уговаривает не отступать. Наниматели грубо обрывают дерзкого и стараются оттереть его от толпы. Долго продолжается борьба, пока давление капитала не сделает своего дела.

Между тем солнце печет все сильнее, голод и жажда томят рабочего, а он все еще в мучительной неизвестности, что будет с ним и его семьей; его гнетет неизвестность его положения. Он знает, что, согласись он сейчас на условия, ему дадут «на серпы», он пойдет в трактир пить чай и есть калач (хлеб из яровой муки). А наниматели, уж не раз напившись чаю, все также невозмутимо поглядывают друг на друга и на рабочих, уверенные в том, что «их возьмет». Наконец, кто-нибудь из жнецов уступает, и борьба чаще всего кончается общим поражением рабочих, т.-е. цену устанавливают наниматели. Нам однакоже известен случай, когда ни один рабочий не согласился на предлагаемую плату; все они ушли на соседний базар, но там повторилась обычная история.

Таким образом торг заканчивается. Свободный договор капиталиста и рабочего заключен. Они бьют по рукам. Серпы из рук старшего переходят в руки нанимателя, и он с плохо скрываемым чувством удовольствия, уверенный и самодовольный выходит из толпы и спокойно едет к себе в имение, а немного времени спустя за ним выступает толпа рабочих; упрямо и покорно несут они свою шкуру, зная, что ее «таки

порядочно примнут, прежде чем выжмут из нее то, для чего ее купили» *).

Что ждет их на месте? Суровый труд с ничтожным вознаграждением, да грубость администрации. В этих крестьянах мы не встретим фанатиков частной собственности. При данных условиях, это — проникнутые бессознательною ненавистью к эксплоататорам, способные восстать на борьбу во имя классовых интересов пролетариата. Организация этих рабочих дело не легкое; как рабочие, они необходимо борются, и социал-демократия обязана притти им на помощь в этой борьбе, организовать ее и указать ее конечную цель.

„Работник" № 5—6, 1899 г.,
за подписью ***Товарищ.***

---

*) В некоторых экономиях, если управляющему или хозяину покажется, что жнецы жнут не чисто, т.-е. оставляя редкие колосья, жнецов заставляют выдергивать их по всей ниве.

ДОКУМЕНТЫ
И
МАТЕРИАЛЫ

№ 1 (к стр. 76).

Письмо К. Маркса в редакцию „Отечественных Записок"—1877 г.

I.

Автор статьи «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского» человек, очевидно, умный и найди он в моем изложении «первоначального накопления» хотя что-нибудь подтверждающее его выводы, он, конечно, привел бы такое место. За неимением чего-либо подобного, он был вынужден удовольствоваться небольшой вставкой (hors-d'oeuvre), полемической выходкой против русского «беллетриста», помещенной в примечании к первому немецкому изданию «Капитала» *). В чем же я упрекаю этого писателя? В том, что он сделал открытие «русского коммунизма» не в России, а в сочинении прусского регирунгсрата Гакстгаузена **), и что в его руках русская община служит только доводом для доказательства того, что гнилая старуха Европа должна быть возрождена победой панславизма. Моя оценка этого писателя может быть справедливою, может быть и ложною, но ни в каком случае она не дает ключа к моим воззрениям на усилия «русских людей найти для своего отечества путь развития, отличный от того, которым шла и идет Западная Европа».

В послесловии ко второму немецкому изданию «Капитала» я говорю о «великом русском ученом и критике» ***) с тем высоким уважением, какого он заслуживает (стр. 817). Ученый этот в своих замечательных статьях исследовал вопрос, должна ли Россия, чтобы перейти к капиталистическому строю, начать с уничтожения поземельной общины, как того добиваются либеральные экономисты, или же, наоборот, она может, не претерпевая всех мучений этого строя, усвоить все плоды

*) Т.-е. против Герцена. Во втором немецком издании „Капитала" Маркс выкинул это примечание. *Ред.*

**) См. прим. 34 в II томе Собр. соч. Н. Ленина. *Ред.*

***) О Н. Г. Чернышевском. См. стр. XLIII „Капитала". т. I, изд. 1923 г., под ред. И. Степанова. *Ред.*

его, развивая собственные исторические данные. Он высказывается в смысле последнего решения. И мой почтенный критик имел, по меньшей мере, столько же основания из моего уважения к этому «великому русскому ученому и критику» вывести заключение, что я разделяю взгляды последнего на этот вопрос, как и, наоборот, из моей полемической выходки против русского «беллетриста» и панслависта сделать вывод, что я их отвергаю. Наконец, так как я не люблю оставлять ничего на долю догадок (quelque chose à deviner), то я выскажусь без обиняков. Чтобы иметь возможность судить с знанием дела об экономическом развитии современной России, я выучился по-русски и затем в течение долгих лет изучал официальные и другие издания, имеющие отношение к этому предмету. Я пришел к такому выводу: если Россия будет продолжать итти по тому же пути, по которому она шла с 1861 года, то она лишится самого прекрасного случая, который когда-либо представляла народу история, чтобы избежать всех перипетий капиталистического строя.

II.

В главе о «первоначальном накоплении» я только имел намерение проследить тот путь, которым в Западной Европе экономический капиталистический строй вышел из недр экономического феодального строя. А путь этот вел к тому, чтобы раз'единить производителя от его средств производства, обращая первого в наемника (пролетария в современном смысле этого слова), а последние в капитал. В этой истории «составляет эпоху всякий переворот, который служит средством подвинуть вперед формирование капиталистического класса... Но основою всего процесса служит экспроприация землевладельцев». В конце главы я рассматриваю историческое направление (tendance) капиталистического накопления и утверждаю, что его последнее слово — это преобразование капиталистической собственности в общественную. В этом месте я не приводил никаких доказательств этого положения, по той простой причине, что само это положение есть не более, как краткое резюме длинного ряда данных, уже разобранных в главе о капиталистическом производстве.

Теперь спрашивается, какое же приложение к России может извлечь мой критик из моего краткого исторического очерка? Только следующее: если Россия стремится стать нацией капиталистической по образцу западно-европейских наций, — а в течение последних лет она наделала себе в этом смысле много вреда,—она не достигнет этого, не преобразовав предварительно доброй доли своих крестьян в пролетариев; а после этого, приведенная раз на лоно капиталистического строя, она

подпадет под власть его неумолимых законов, как и всякая другая непосвященная (profane) нация. Вот и все! Но этого слишком мало для моего критика. Ему непременно надо преобразовать мой очерк происхождения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию общего хода развития, в теорию, которой фатально должны подчиниться все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они находятся, чтобы в конце концов притти к такому экономическому строю, который обеспечивает наибольшую свободу проявления производительных способностей общественного труда и всестороннее развитие человека. Но прошу у него извинения. Это значит делать мне много чести и в то же время много бесчестия (honte). Возьмем пример. В различных местах «Капитала» я делаю намеки на судьбу плебеев древнего Рима. Вначале это были свободные крестьяне, обрабатывающие для себя свои собственные участки земли. В течение римской истории они были экспроприированы. То же движение, которое раз'единило связь их с принадлежавшими им средствами производства и существования, предполагает не только образование крупной поземельной собственности, но также и крупных денежных капиталов. И так в одно прекрасное утро появились, с одной стороны, свободные люди, лишенные всего, кроме их рабочей силы, а с другой — для эксплоатации этого труда — владельцы всех приобретенных богатств. Что же произошло? Римские пролетарии стали не наемными рабочими, а праздношатающейся чернью, «mob», более низкою, чем бывшие «белые бедняки» (poor whites) южных штатов, и вместе с ними развился не капиталистический способ производства, а рабский. Следовательно, события поразительно аналогичные, но происходящие в среде исторически различной, приводят к результатам совершенно несходным. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сравнивая их, легко найти ключ к этим явлениям, но никогда нельзя притти к пониманию их, имея в руках отмычку (passe partout) историко-философской теории, высшее достоинство которой состоит в том, чтобы быть наи-историческою (supra-historique).

№ 2 (к стр. 245).

Судебный салют рабочему вопросу.

(Статья М. Каткова в № 146 «Московских Ведомостей» от 28 мая 1886 г.)

Вчера, в старом богоспасаемом граде Владимире, раздался сто один салютационный выстрел в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса. Итак, да здравствует рабочий вопрос и droit au travail! Пора ему явиться на Руси. У нас есть и jury, и арлекинада судебных прений, и свои

maîtres Lachaud, — как же не быть у нас рабочему вопросу со всею его свитой! Одно к одному, одно тесно связано с другим. Разве вслед за принесенною пародией чужих учреждений не появился у нас и социализм, и заговоры, и политические преступления, разве Россия не ославилась в целом мире как революционный вулкан? Мы знаем, что все это был обман и призрак, но призрак этот действовал и оставил очень реальные последствия. Призрак этот действует и теперь и последствия его еще далеко не исчерпаны. Все эти неестественные явления в нашей жизни весьма естественно порождаются легкомысленно заимствованными из чужих стран, фальшиво понятыми, фальшиво поставленными учреждениями, которые расстроили и одурманили нас, и, не сделав нас ни французами, ни англичанами, грозят сделать нас никуда негодными русскими. Мы убедились ежедневным опытом в несостоятельности и нелепости внесенных к нам с новыми учреждениями доктрин; мы убедились в невозможности жить долее в этих условиях; все сверху до низу чувствуем мы и сознаем настоятельную необходимость избавить страну от этих чужеядных начал, — и нет ничего легче, как положить конец нашему расстройству, отрезвить и оздоровить наши учреждения; но тем не менее, из года в год, продолжаем мы терпеть и питать в себе это зло, давая ему распространять свое действие на все сферы нашей жизни, мутить общество и, наконец, развращать народные массы.

Почти за полтора года пред сим на Никольской фабрике, в Покровском уезде, Владимирской губернии, произошли беспорядки, о которых тогда писалось во всех газетах. Если публика забыла подробности этого происшествия, то читанный на этих днях во Владимирском окружном суде обвинительный акт, в котором изложены установленные следствием по этому делу сведения, напоминают нам все эти подробности. Это была такая же подделка под рабочие движения во Франции или Бельгии, столь же бессмысленная, грубая и фальшивая, как и принесенные к нам политические доктрины, которые до сих пор фигурируют в наших учреждениях. Если не по размерам, то по своему характеру сцены, происходившие на Никольской фабрике, принадлежат к одной категории с беспорядками в Деказвилле, с тою только разницею, что там эти явления имеют своего рода смысл и вызываются некоторыми условиями тамошней жизни, между тем как у нас они возбуждаются искусственно. Бунт на Никольской фабрике содержал в себе все, что нужно для того, чтобы Россия могла представиться одержимою недугом пролетариата и рабочего вопроса и, что важнее, представить в России трагикомедию борьбы труда с капиталом. Что тут были дрессированные подстрекатели и руководители, в этом нельзя было сомневаться с самого начала. В этом

бунте было все, и буйство, и грабеж, и пляска женщин как будто в Деказвилле, были побоища, было даже убийство, наконец, было сопротивление властям и нападения на военную команду. Руководители оказались людьми отлично для этого дела приспособленными, умеющими скрываться за толпой и вести свое дело систематически. Что дело было горячее, явствует уже из того, что власти, давно утратившие дух и склонные действовать послабительно, должны были вызвать военную команду. Несколько сот человек, помним мы, были пригнаны в Москву, в Пересыльный замок, откуда партиями препровождались на места жительства. Этим бы лучше было и кончить. Что же касается руководителей и подстрекателей, то они были хорошо сведомы правительству. Еслиб имелось в виду только прекратить зло, то стоило бы только изъять двух - трех человек из среды рабочего люда и выслать их в знакомые им места. Ближайший руководитель дела, крестьянин Смоленской губернии Мосеенок, равно как и другой крестьянин, работавший не на Никольской фабрике, а на одной из соседних, но бывший в единомыслии и постоянных сношениях с Мосеенком, Лука Иванов, еще в 1878 году, состоя на одной из петербургских фабрик, были замечены полицией в политической неблагонадежности, были высланы на места жительства, вновь появились в Петербурге и, как участники в тайном сообществе, были препровождены в Сибирь, в Каинский округ, откуда освобождены в 1880, во время столь памятной «диктатуры сердца». Мосеенок шлялся по разным фабрикам, ища повидимому удобной почвы для пропаганды, просвещая рабочих, читая и толкуя им об «эксплоатации» рабочего труда капиталом. Он-то, с подручным ему молодым парнем, и старался устроить на Никольской фабрике стачку и забастовку, по всем правилам выработанной по сему предмету доктрины. Стачка и забастовка не удались; вышел простой бунт, дикий разбой и грабеж. Как Мосеенок, так и Лука Иванов, находились в сношениях еще с одним, гораздо более значительным государственным преступником, некиим Аппельбергом... Итак, дело было бы кончено благополучно, попросту без затей, еслиб администрация приняла свои меры, даже если бы никаких дальнейших мер не принимала. Но, к сожалению, были тогда же арестованы 33 человека, заключены во Владимирский тюремный замок и преданы суду как главные участники буйства, а девятеро из них еще специально как стачечники и забастовщики. Просидели они в тюремном замке слишком год. 10 февраля стачечников и забастовщиков судили и приговорили к разным срокам тюремного заключения; остальные же были отпущены на поруки, в ожидании процесса собственно о беспорядках на фабрике, который начался на этих днях и окончился вчера.

Присяжным были заданы с т о о д и н вопрос, из коих на каждый был дан ими ответ отрицательный. Присяжные, таким образом, как сказано в полученной нами телеграмме, сполна о п р а в д а л и всех подсудимых. А так как судились из числа рабочих признанные за главных зачинщиков и участников, то вышло как бы так, что беспорядков вовсе не было, что если были в этом деле виновные, то разве только хозяин фабрики. И буйство, и поломанные станки, и разграбленные лавки, и побитые люди, и нападения с угрозами убийства на мирных товарищей-рабочих, и сопротивление властям и войскам, все это признано делом законным и справедливым. Присяжные не то что помиловали подсудимых, — миловать они не имеют права, что̀ и об'яснил им пред их удалением в совещательную комнату председатель суда: они о п р а в д а л и подсудимых, то-есть признали бунт законным бунтом и грабеж справедливым грабежом. Что оправдывается, то заслуживает одобрения и подражания. Остается только горький вопрос: за что̀ же так долго томились в тюрьме добрые люди, эти мученики? Оправдать и помиловать, всякий видит, две разные вещи. Допустим, что рабочие были вынуждены к буйству превышающими всякую меру притеснениями; допустим, что фабрика была для них сущим адом, что с ними обращались как плантаторы в романе Бичер-Стоу с неграми, и что хозяин фабрики был хуже этих плантаторов: ввиду таких ужасов, жаль было бы карать этих несчастных, выведенных из терпения и доведенных до исступления; следовало бы оказать им снисхождение и быть может полное помилование, однако не обеляя, не одобряя, то-есть не оправдывая деяний несомненно преступных. Но наши судебные порядки изгладили это существенное различие. Суд вообще бывает у нас судом не столько над преступниками, сколько над потерпевшими, и в данном случае суд происходил не столько над рабочими, привлеченными к ответственности за буйство, сколько над дирекцией фабрики, которая якобы донимала рабочих чрезмерными штрафами. Весьма печальную роль играл, при допросе, сам хозяин фабрики и другие служащие при ней лица. Они, видимо, говорили как бы не своим голосом и не осмеливались настаивать на каком-либо своем праве. Особенно бывший смотритель на фабрике, Шорин, на которого главным образом были злы рабочие, так что ему бы не сдобровать во время бунта, еслиб он не спрятался на чердак и потом не убежал задним ходом из своей квартиры, куда вторглась буйная толпа, видимо, хотел выставить себя либералом и филантропом, на счет своего бывшего хозяина. Эта неестественность и фальшь об'ясняются общим упадком духа и опасением подвергнуться ошельмованию на суде и потом в печати.

Теперь спрашивается, действительно ли так притеснялись рабочие, что им было не в мочь и ничего не оставалось, как бить, ломать и грабить. Никольская фабрика существует давно; она принадлежит к числу лучших мануфактур. Рабочие не состоят к фабрике ни в каких крепостных или обязательных отношениях; приходят они добровольно и уходят, по окончании договорного срока, беспрепятственно. Еслиб именно на этой фабрике чинились нестерпимые притеснения, то она давно закрылась бы, между тем как число рабочих в ней доходило до одиннадцати тысяч, и никогда рабочие не бунтовали, пока не поселился между ними Мосеенок. Двух месяцев было достаточно ему, чтобы поставить их на ноги. При фабрике есть школа на 600 человек, больница на двести кроватей и, кроме лавки от самой фабрики для продовольствия рабочих, есть другая конкурирующая с ней на артельном начале, самими рабочими содержимая лавка, которая также подверглась нападению буйной толпы. Штрафы, — но штрафы на фабриках — необходимость; без них не было бы никакого слада с рабочими, и фабрику хоть закрывай. Без строгого порядка и должной требовательности не может итти дело. Все кричат и сетуют, что мы далеко отстали от других народов в промышленном деле; глумятся за это над своим варварством, выставляют себя пасынками природы, просят охраны нашей промышленности от иностранной конкуренции, дабы дать ей срок окрепнуть и усовершенствоваться. Но можно ли достигнуть сколько-нибудь уважительных результатов при рабочих распущенных, пьяных, небрежных, и послужит ли самим рабочим в пользу их распущенность, их пьянство, их небрежность? Мы готовы взять назад все, что было настойчиво говорено нами о потребности охраны промышленного дела в России; мы готовы, наоборот, просить Министерство Финансов, чтоб оно отменило все таможенные преграды. Пусть лучше все наши мануфактуры закроются, если положение нашей промышленности, равно как и другие отправления общественной жизни, будут регулироваться нашими присяжными поверенными и нашими присяжными заседателями (к слову сказать, в данном случае, старшиной владимирских присяжных состояло лицо финансового ведомства).

Итак, мы дозволяем себе спросить, нужно ли было и зачем было нужно предавать бунтовавших рабочих суду? Что ожидалось от нашего суда? Чего иного можно было ожидать, кроме нового скандала... Но с народными массами шутить опасно... Что должны подумать рабочие ввиду оправдательного вердикта Владимирского суда? Весть об этом решении мгновенно облетела весь этот мануфактурный край. Наш корреспондент, выехавший из Владимира тотчас после состоявшегося приговора, уже слышал о нем на всех станциях...

№ 3 (к стр. 277).

Письмо Дурново к Победоносцеву.

Совершенно доверительно.

М. В. Д.

Милостивый Государь Константин Петрович!

Сведения, полученные в течение последних лет, свидетельствуют, что лица, неблагонадежные в политическом отношении, а также часть учащейся молодежи известного направления, по примеру шестидесятых годов, стремятся к поступлению в воскресные школы в качестве преподавателей, лекторов, библиотекарей и т. п. Такое систематическое стремление, не оправдываемое даже изысканием способа приобретения средств для существования, так как все обязанности в подобных школах исполняются безвозмездно, доказывает, что вышеозначенное явление представляет собою одно из средств борьбы на легальной почве с существующим в России государственным порядком и общественным строем противоправительственных элементов. По имеющимся сведениям, все воскресные школы, учрежденные городскими управлениями, земствами, а равно и частными лицами до 1891 года на основании Положения о начальных народных училищах 1874 г. состоят в ведении М. Н. П. и находятся под наблюдением дирекции и инспекции народных училищ, губернского и городского училищных советов, при чем высшее наблюдение за преподаванием Закона Божия и религиозно-нравственным направлением обучения принадлежит по ст. 7 Положения епархиальному архиерею через назначенных им с этою целью особых лиц. Заведывание же делами и ответственность за порядок лежит в силу ст. 14 Положения — в школах общественных — на попечителях и попечительницах, а в частных — на распорядителях и распорядительницах. Преподаватели избираются на основании циркуляра М. Н. П. от 3-го мая 1875 года содержателями или учредителями училищ и допускаются к исполнению должности инспектором народных училищ, по предварительному сношению об их нравственных качествах и политической благонадежности с местной администрацией. После же 1891 года открытие воскресных школ и управление ими переданы в исключительное ведение епархиального начальства и в какой мере применяются вышеизложенные правила Положения о начальных народных училищах М. В. Д. неизвестно. Между тем, из имеющихся сведений усматривается, что не только в составе преподавателей встречаются люди вредного в политическом отношении направления, но что нередко самые школы находятся под негласным руководством целого кружка неблагонадежных лиц, члены коего, совер-

шенно не принадлежащие к официальному персоналу служащих, по приглашению ими же поставленных учителей и учительниц, читают по вечерам лекции и занимаются по временам с учащимися, при чем в некоторых школах на каждого ученика приходится по отдельному неофициальному учителю. Хотя публичные чтения в школах этого типа допускаются на основании Высочайше утвержденного Положения 24 декабря 1876 года, беседы же духовно-нравственного содержания разрешаются епархиальным начальством под надзором указанных им лиц, но порядок, допускающий возможность чтения лекций людьми посторонними, дает полный простор для проникновения в число лекторов лиц прямо революционной среды, которые, разумеется, сумеют воспользоваться всяким предметом и любой одобренной программой для внушения слушателям, конечно, с осторожностью и с соблюдением постепенности, противоправительственных идей. Яркой иллюстрацией к вышеизложенному может служить отобранное по обыску у лица, привлеченного к дознанию политического характера, письмо преподавателя одной из воскресных школ, фамилия которого до сего времени остается не выясненною.

«С формулировкой Вашей задачи исторических чтений, пишет он, «я согласен, если только внести поправки в п. 2-й. Именно, что только «коллективное самосознание, совокупность отдельных критических лич-«ностей может дать осязательные плоды. Деятельность отдельной лич-«ности, как бы широко она ни была развита, сводится обыкновенно если «не к нулю, то к бесконечно малой величине, парализуемая встречными «противными деятельностями. Да и есть ли особая нужда напирать на «роль личности, когда ей и так склонны навязывать излишнее значение? «Ведь постоянно приходится слышать: «Куда нам дуракам чай пить!». Да «и чем об'яснить продолжительность и абсолютную власть в России, как «не тем же самым превозношением отдельной личности на счет массы. «А это у Вас, кажется, упущено из виду. Далее я бы еще более выдвинул «практическую задачу: именно, ознакомление с современной действи-«тельностью, как следствием предыдущей исторической жизни. Следует «остановиться на тех фактах нашей истории, которые так или иначе «отзываются на текущей действительности или, по крайней мере, об'-«ясняют ее. Об'единяющей идеей в этом случае можно было бы выста-«вить идею закрепощения и раскрепощения сословий. Ведь крестьянский «вопрос есть исходная точка для об'яснения современного строя (рабочий «вопрос неразрывно связан с ним и другие стороны нашей жизни тоже). «К нему бы можно было приурочить некоторые другие Ваши темы, напр., «Разина, Пугачева; хотя они и действовали в разное время, но смысл их

«бунтов был один и тот же. А ведь надо иметь в виду кратковременность «срока чтений, а потому останавливаться лишь на наиболее характерных, «наиболее типичных фактах. С этой же точки зрения мне кажется из- «лишне обособлять Бироновщину и Аракчеевщину. Точно также незачем «так долго останавливаться на московских князьях, особенно не надо «упускать из виду текущую жизнь. Ведь только знакомство с условиями «тебя окружающими сделают из тебя человека сознательного и актив- «ного. Ваша проповедь может привести к результатам прямо противопо- «ложным тем, коих Вы желаете. Именно эта борьба, привлекательная «с нравственной стороны, но сопряженная с личными страданиями, мо- «жет во многих не усилить энергию, а ослабить ее».

Независимо от сего в М. В. Д. имеется полученная негласным путем программа для публичного чтения в одной из московских воскресных школ следующего содержания: «Происхождение общества, разви- «тие общественной организации. Государство и для чего оно нужно. «Порядок, свобода, справедливость. Формы государственного устройства. «Монархия абсолютная и конституционная. Труд — основа общего бла- «госостояния. Полезность и богатство. Производство, обмен и капитал «Как распределяется богатство. Преследование собственного интереса. «Собственность и ее необходимость. Освобождение крестьян с землею. «Рента, прибыль, заработная плата. Отчего зависит плата и ее виды. «Бережливость». Чтение по этой программе, безусловно негодной для народной школы, дает полную возможность лектору ознакомить постепенно слушателей с теориями Карла Маркса, Энгельса и др., и присутствующее по назначению епархиального начальства лицо едва ли в состоянии будет уловить в чтении начатки социал-демократической пропаганды. Для более точного ознакомления с составом служащих в воскресных школах затребованы были сведения о церковно-приходской воскресной школе при московской фабрике Товарищества Прохоров. Трехгорной мануфактуры, о мужской воскресной школе, открытой 15-го минувшего января в г. Ельце с разрешения епархиального начальства под наблюдением соборного протоиерея о. Г. Селихово и о воскресной школе в г. Тифлисе при главных мастерских закавказской железной дороги, разрешенной к открытию Его Высокопреосвященством экзархом Грузии в декабре прошлого года согласно ходатайства начальника названной дороги. Из полученных официальных отзывов усматривается, что в первой из вышепоименованных школ в числе преподавателей состоят следующие лица, известные по своей неблагонадежности или по сношениям с лицами вредного направления: бывший студент москов. унив. Дмитрий Дмитриевич Соло-

довников, томская мещанка Таисия Михайловна Акимова, таганрогская мещанка Надежда Степановна Селеда, дочь гражданина города Вехно, Софья Семеновна Якобсон и итальянская подданная Матильда Исидоровна Семерга. Кроме того, зимою прошлого года означенную школу посещали в качестве лекторов еще несколько лиц, ныне, впрочем, устранившихся от занятий.—Учредителем Елецкой воскресной школы, помещающейся за рекой Сосной, где живет преимущественно простой и мастеровой люд и где находятся железнодорожные мастерские, состоит инспектор Александровского Елецкого технического железнодорожного училища Андрей Иванов Яшнов, который, будучи студентом московского технического училища, вращался в противоправительственных кружках и находился в сношениях с лицами, привлеченными к делам политического характера; из числа учителей и учительниц Департаменту более или менее известны по сомнительной благонадежности бывшая ученица Елецкой гимназии Анна Ивановна Архипова, Александр Павлов Бутягин, врач Владимир Андреев Варгунин, бывшая слушательница С. П. Б. высших женских курсов Фелидота Ивановна Коренева, Екатерина Никоновна Однолюбова и мещанка Антонина Николаевна Сафонова.

Тифлисская школа фактически пока еще не открыла своих действий, но в числе 16 человек, из'явивших желание принять участие в обучении, уже значатся шесть человек, весьма неблагонадежных в политическом отношении, а именно: бывший студент новороссийского университета Рудольф Иванов Данилович, бывш. студент петербургского университета Николай Иванов Семенов, бывший студент москов. коммерческого училища Петр Васильев Румянцев, бывший студент технологического института В. В. Тимофеев, Николай Карлов Кессених и бывший студент московского университета Николай Яковлев Слепородский, при чем трое первых привлекались в качестве обвиняемых по делам политического характера и понесли соответствующие наказания.

Сообщая об изложенном Вашему Высокопревосходительству для сведения, я считаю долгом добавить, что по моему мнению представляется настоятельно необходимым принятие самых действительных мер к устранению возможности лицам, не принадлежащим к официальному составу воскресных школ, выступать в качестве лекторов и вообще принимать всякое, хотя бы даже косвенное участие в преподавании или наблюдении за школьными занятиями. Равным образом весьма желательно, чтобы епархиальное начальство, по сношении с администрацией, занялось тщательной проверкой лиц, уже допущенных к занятиям в шко-

лах, а при назначении новых наставников предварительно собирались бы сведения об их благонадежности. Вместе с сим, прилагая копию циркуляра губернаторам, градоначальникам, обер-полицмейстерам и начальникам жандармских управлений, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство, не изволите ли Вы признать полезным сделать распоряжение по вверенному Вам ведомству о том, чтобы, в случае требования сведений о политической благонадежности, запросы по этому предмету были направляемы губернским начальством к местным губернаторам, а центральными правлениями в Департамент Полиции.

Примите и проч.

Подписал: *Ив. Дурново.*

18-го марта 1895 г.

№ 2603.

№ 4 (к стр. 296).

Циркуляр Витте к стачечникам.

Сим, по приказанию министра финансов, об'является рабочим с.-петербургских бумагопрядильных и ткацких фабрик.

В течение последних двух недель на некоторых с.-петербургских хлопчато-бумажных мануфактурах рабочие прекращали работы и устраивали стачки, подстрекаемые к тому злонамеренными людьми, которые давно уже приглашают их забастовать и сулят, что этим путем рабочие добьются для себя разного рода выгод.

Уже за эти дни рабочие сами убедились, что стачка повела к дурным последствиям для них: рабочие потеряли обычный свой заработок, многие за целый полумесяц; зачинщики и коноводы арестованы, и по закону будут подлежать строгому наказанию. А сколько страху и нужды натерпелись за это время ни в чем неповинные семьи рабочих...

Когда рабочие забастовывают, то даже справедливые их желания во время забастовки не могут выслушиваться; — никакие просьбы от них не могут приниматься, потому что забастовщики, самовольно, скопом бросая работу, действуют б е з з а к о н н о.

З а к о н защищает рабочих и указывает путь, которым они могут отыскать правду, если чувствуют себя обиженными. Закон говорит, что в случае каких-либо между фабрикантом и рабочими неудовольствий, которые полюбовно не улаживаются, рабочие должны обратиться к фабричному инспектору; он разберет дело и решит его. Если решение фабричного инспектора не удовлетворит рабочих, они могут обратиться в Департамент Торговли и Мануфактур, а то и к самому Министру Финансов, и никогда жалобы рабочих в Департамент или Министру не оста-

вались без расследования и удовлетворения, если они не были противозаконны.

Пусть рабочие будут уверены, что правительству одинаково дороги как дела фабрикантов, так и рабочих. Правительство заботится об улучшении их быта и облегчении их работы, насколько это можно и выгодно для самих рабочих.

Пусть рабочие не верят тем, кто пишет подметные листки; не от доброго сердца подстрекают они рабочих и не к добру их ведут, а пользуются ими как орудием для достижения своих преступных целей. Пусть разумные рабочие не только не слушают подстрекателей, но раз'ясняют своим молодым и неопытным товарищам, что, только повинуясь закону, можно ожидать удовлетворения справедливых ходатайств, стачки же будут всегда вести к несчастию и к разорению рабочих.

Каждый обязан долг свой выполнять по закону и жить по правде Божией. Только такой человек может быть полезным отечеству, и о нем будет заботиться Царское Правительство. Всякий же нарушитель закона и порядка никогда не найдет поддержки у начальства а, напротив, за свое беззаконие понесет должное наказание

С.-Петербург, 15 июня 1896 года.

№ 5 (к стр. 296)

К петербургским рабочим.

(Прокламация петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».)

Товарищи! Стачка ткачей так напугала царское правительство, что оно пускается на всякие средства, лишь бы замять ее. Сначала оно нас всячески запугивало: грозило и судом, и тюрьмою, обещало всех нас выслать на родину, и действительно арестовало и выслало более тысячи человек, — но все это не помогло. Теперь оно прибегает к «подметным» листкам, разговаривает с нами, — чего раньше не бывало. Царское правительство приглашает нас жить по правде божией и уверяет, что ему одинаково дороги интересы фабрикантов и рабочих. Ой, правда ли? Правда, правда. Посмотрите, товарищи: капиталисты устраивают и стачки для повышения цен на товары, и с'езды для обсуждения своих плутней, — рабочим же обсуждать сообща свои нужды нельзя: это незаконно. Капиталистам обещали возместить так или иначе убытки за время стачки, — к рабочим же приставили солдат, жандармов, казаков, должно быть, для того, чтобы капиталисты не притесняли. Капиталистов звали на совещание к министру, ну, а рабочих — в кутузку. И все это потому, что министр заботится об улучшении нашего быта и облегчении

работы, насколько это можно и выгодно для нас самих. Ведь мы не понимаем сами своих интересов, это все злоумышленники и подстрекатели действуют. Мы не можем сами понимать, как тяжело работать по 15 часов в сутки и не иметь никогда отдыха, мы не можем сами понимать, как тяжело постоянно жить впроголодь. Куда нам! Этому научили нас подстрекатели. Министр и фабричные инспектора — покровители наши и защитники наших «законных» требований? Хитро сказано — «законных» требований. Будто мы не знаем законов. Будто мы не знаем, что наши требования о насущных нуждах наших, сокращении рабочего дня, увеличении заработной платы считаются незаконными.

А то, что есть в законе, то разве соблюдается? Столь заботливое о нас правительство, приглашая нас поступать по закону, разослало недавно секретный циркуляр мировым судьям, предписывая разбирать дела фабрикантов с рабочими не по закону, а по обычаям, какие существуют на фабрике, попросту говоря, как фабрикант захочет.

Эх, братцы, полно нам слушать министра! Посмеемся над его воззванием и будем продолжать наше тяжелое и славное дело, будем по-прежнему неустанно и твердо бороться сами за свои интересы и будем тому же учить наших молодых и неопытных товарищей. Вся наша трудовая жизнь научила нас, что кроме самих себя у нас нет друзей, что только суровою борьбою можем мы добиться чего-либо от капиталистов и правительства. Нас не испугают никакие угрозы, не устрашат никакие жертвы. Мы будем бороться, пока не добьемся своей великой цели — освобождения рабочего класса.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

27-го июня 1896 г.

№ 6 (к стр. 303).

Циркуляр Витте фабричным инспекторам.

Министерство Финансов. *Секретно.*
Департамент Торговли и Мануфактур.

Чинам фабричной инспекции.

Случаи беспорядков в текущем году на некоторых мануфактурах побуждают меня обратить внимание ваше на эти печальные явления, нарушающие спокойное течение промышленности к ущербу для фабрикантов и к еще большему вреду для самих рабочих.

Беспорядки последнего времени, как это раньше наблюдалось, были вызваны или теми переходящими с фабрики на фабрику рабочими,

которые по своим нравственным качествам не могли себе приобрести прочного положения ни на одной из мануфактур, или людьми, превратно понимающими интересы рабочих и стремящимися искусственно создать у нас ту печальную рознь, которая возникла между фабрикантами и рабочими на Западе.

Эти люди, являющиеся злейшими врагами не только общественного порядка, но и действительных интересов самих рабочих, тем опаснее, что они вносят в среду рабочих смуту во имя отвлеченных или заведомо ложных идей, совершенно чуждых народному духу и складу русской жизни.

Стоя близко к фабричной жизни и зная, как легко толпа может поддаваться подстрекательствам, вы должны обратить особое внимание на возможно частое раз'яснение рабочим всей незаконности их действий, ведущих к беспорядкам на фабриках, и их ответственности за нарушение закона и порядка.

В нашей промышленности преобладает патриархальный склад отношений между хозяином и рабочими. Эта патриархальность во многих случаях выражается в заботливости фабриканта о нуждах рабочих и служащих на его фабрике, в попечениях о сохранении лада и согласия, в простоте и справедливости во взаимных отношениях. Когда в основе таких отношений лежит закон нравственный и христианские чувства, тогда не приходится прибегать к применению писанного закона и принуждения.

Способствуя и помогая этому доброму течению всеми зависящими от вас мерами, действуя силою вашего нравственного авторитета, раз'ясняя рабочим значение всего полезного и доброго, что для них делается не по обязанности, а по христианскому побуждению и из благородных помыслов, вы будете проявлять ту живую и плодотворную деятельность, которая, независимо от ее прямой пользы для других, даст вам самим большее нравственное удовлетворение, нежели одно лишь нелицеприятное и строгое исполнение обязанностей формальных блюстителей закона.

Я поручил Департаменту Торговли и Мануфактур предложить вам следить с особенным вниманием за всяким проявлением среди фабрикантов заботливости о рабочих и представлять описание учреждений, устройств и порядков, имеющих целью благо рабочих, дабы, по опубликовании их затем во всеобщее сведение, обратить на них внимание остальных фабрикантов и пробудить в них благородное соревнование в следовании добрым примерам. Вместе с тем с особенным вниманием вы должны следить и своевременно доводить до сведения Министерства

Финансов о всех таких нездоровых проявлениях и неустройствах на фабриках, которые могут порождать беспорядки.

Как люди, ясно понимающие важность лежащих на вас обязанностей, как люди образованные и близко знакомые с фабричным бытом, вы должны пользоваться подходящим случаем, чтобы внушить рабочим, что не только незаконность притязаний, но даже стремление к достижению законных прав, но противозаконным или насильственным путем, будет неизбежно приводить не к улучшению, а к ухудшению их положения, ибо правительство, при таких обстоятельствах, не может допустить осуществления желаний рабочих даже в том случае, если бы фабриканты, под влиянием угроз или по добродушию, из'явили согласие на уступки, и что закон призван одинаково ограждать справедливые интересы как фабрикантов, так и рабочих.

В заключение не могу не выразить уверенности в благотворных последствиях своего обращения к вам, так как с особенно отрадным чувством осведомлялся из ваших донесений, что на всех фабриках, где происходили беспорядки, рабочие, по раз'ясиении им законных их обязанностей, внимали увещаниям фабричной инспекции и других местных властей и немедленно становились вновь на работу. Я убедился также и в том, что со стороны инспекции были приняты все разумные меры к скорейшему водворению порядка: все инспектора, в особенности старший фабричный инспектор Владимирской губернии, принявший на себя, с моего разрешения, ответственный пост временного директора-распорядителя фабрики и тем предупредивший распространение беспорядков на соседние мануфактуры, проявили достойную похвалы распорядительность.

№ 7 (к стр. 341).

Предисловие П. Б. Аксельрода

к 1-му изданию «Задач русских с.-д-ов».

Предлагаемая брошюра написана была около года тому назад, но нами — к сожалению — получена, вместе с другим манускриптом того же автора *), лишь недавно. Она, однако, за это время нисколько не утратила своего жизненного интереса и значения. И если мы выражаем сожаление по поводу ее позднего появления в печати, то только потому, что полгода тому назад она явилась бы отчасти как бы непосредствен-

*) «О законе 2 июня». После известной брошюры «О штрафах», написанной тем же автором, эта новая и популярная брошюра является самым лучшим произведением нашей рабочей литературы. Льстим себя надеждой, что трудности и препятствия не помешают ему и впредь обогощать эту литературу произведениями своего пера.

ным комментарием к «Манифесту Российской Социал-Демократической Рабочей Партии», выдвигающему на первый план те же практические задачи, какие ставит перед нею автор печатаемого произведения. Автор сильно и настойчиво подчеркивает неразрывную связь социалистических и демократических задач нашего движения. «Пропагандируя среди рабочих, социал-демократы не могут обходить вопросы политические и сочли бы всякую попытку обойти их или даже отодвинуть глубокой ошибкой и отступлением (курсив наш) от основных положений всемирного социал-демократизма». И не только в пропаганде, но и в агитации вопросы эти, по убеждению автора, не могут быть отодвигаемы на задний план. Да не подумает какой-нибудь наивный читатель, что он предлагает звать рабочих на баррикады или подстрекает их на устройство заговоров. Ничуть не бывало. Решить вопрос о средствах «для нанесения решительного удара абсолютизму» он предоставляет самой рабочей партии, когда она настолько разрастется и укрепится, что почувствует себя достаточно сильной для вступления в окончательный бой с этим врагом. Но, заявляет он, и теперь уже, «агитируя среди рабочих на почве ближайших экономических требований, социал-демократы неразрывно связывают с этим и агитацию на почве ближайших политических нужд, бедствий и требований рабочего класса».

Такими же существенными и важными мы считаем замечания автора по вопросу об отношении промышленного городского пролетариата и социал-демократии к другим слоям угнетенных масс и к другим революционным фракциям. Он решительным образом протестует против того, «чтобы русская социал-демократия игнорировала остальные слои русского пролетариата и рабочего класса», кустарей, сельских батраков и массы разоренного крестьянства. Но, как революционер, счастливо соединяющий в себе опыт хорошего практика с теоретическим образованием и широким политическим кругозором, наш автор прекрасно сознает необходимость сосредоточения всех активных сил нашей партии на деятельности среди фабрично-заводских рабочих. И, несмотря на это, наши передовые рабочие и деятели не только должны, но и имеют полную возможность обращать серьезное внимание и на положение и интересы вышеуказанных народных масс. Каким образом? Читайте внимательно стр. 9—12 *), и вы увидите, как просто разрешается это кажущееся противоречие.

Для эмигрантов, давно уже оставивших родину, чрезвычайно при-

*) Стр. 345—348 наст. издания. *Ред.*

ятно чувствовать и сознавать себя вполне солидарными с наиболее мыслящими и инициативными руководителями революционного движения в России. Не могу, поэтому, отказать себе в удовольствии отметить, что и в вопросе об отношении русской социал-демократии к народным массам, стоящим вне городского промышленного пролетариата, и к другим оппозиционно-прогрессивным слоям мы вполне солидарны с автором. «Задача приобретения русскими социал-демократами приверженцев и прямых или косвенных союзников среди непролетарских классов решается прежде всего и главным образом характером пропагандистской деятельности в среде самого пролетариата» *). Эти строки, написанные мною осенью прошлого года, как мне кажется, совпадают по духу и тенденции с тем, что говорит наш автор по тому же предмету.

В брошюре своей наш автор обращается главным образом к противникам из лагеря революционной интеллигенции. Он старается рассеять укоренившиеся в них предрассудки и предубеждения против социал-демократии. Это обстоятельство наложило особый отпечаток на его произведение. В нем, как бы помимо воли автора, отождествляется то, что д о л ж н о быть, с тем, что е с т ь: задачи и тактика, которые русская социал-демократия д о л ж н а преследовать, чтобы остаться верной духу своих учений, изображаются автором как бы уже безусловно господствующими в действительности. Мы слишком давно живем вне России и слишком далеки от поля борьбы, чтобы с полной уверенностью судить о фактическом состоянии нашего движения. Мы можем судить о нем, главным образом, по заявлениям более молодых товарищей, сравнительно недавно попавших за границу. А эти товарищи, за редкими исключениями, довольно далеки еще от тех практических воззрений, на почве которых стоит автор настоящей брошюры, и уверяют, что так же, как они, смотрит на практику русской социал-демократии большинство активных групп. Очень может быть, что действительное настроение умов далеко не таково, каким оно представляется сквозь очки, окрашенные их суб'ективными симпатиями и антипатиями, фактические проявления этого настроения в прокламациях и деятельности товарищей в главных центрах движения отчасти даже прямо противоречат заявлениям упомянутых товарищей. Тем не менее, в общем, как кажется, движение наше еще только стремится к той ступени развития, которой вполне соответствует тактическая точка зрения автора. По всей вероятности, он и сам так думает. И если из его брошюры выносится другое впечатление, то это, нужно думать, об'ясняется ее главной целью: устранить

*) „К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов".

господствующие в лагере наших революционных противников недоразумения на счет практических задач, вытекающих из учений социал-демократии. Преследуя эту цель, автор естественно должен был особенно подчеркивать те стороны и те моменты нашего движения, в которых тенденция к постановке и осуществлению этих задач проявляется, так сказать, стихийно, хотя пока еще в зачаточных формах.

Считаю нелишним отметить тот факт, что около того времени, когда предлагаемое произведение писалось, готовился к печати № 2 «Рабочей Газеты», вышедшей в свет, если не ошибаюсь, в декабре прошлого или в январе настоящего года. Этот номер газеты, по самому своему содержанию, по подбору фактов и явлений русской жизни, по известиям, сообщаемым в нем, и по задачам, которые редакция выдвинула на первый план, представляет собою практическое применение в области литературной пропаганды тактики, указываемой нашим автором. Напечатанная нами недавно брошюра «Современная Россия» также написана была в прошлом году. Автор ее *), заметим мимоходом, участвовал, как передавали, в составлении известной брошюры «Об агитации», сослужившей в свое время такую огромную службу нашему движению, и, вместе с автором печатаемого произведения, принадлежит не только к самым талантливым, но и к наиболее влиятельным среди основателей наших главных рабочих организаций. Наконец, в своем «Манифесте» с'езд наших товарищей, состоявшийся последней весной, дал как бы официальное выражение и санкцию тем взглядам на положение, задачи и тактику нашей партии, которые высказаны в упомянутых произведениях. Все это дает основание надеяться, что недалеко то время, когда она в самом деле будет вполне сознательно и последовательно проводить на практике ту программу действия, которую указывает печатаемая брошюра.

П. Аксельрод.

Осень, 1898 года.

№ 8 (к стр. 353).

О программных вопросах.

(Статья П. Л. Лаврова из № 4 «Летучего Листка группы Народовольцев».)

а) Социализм, как сознанная рабочими классовая борьба труда с капиталом, есть основное историческое явление нашего времени. Все остальные вопросы не могут и не должны быть поставлены иначе, как по отношению к этому основному явлению. Из того условия, что социализм есть борьба, сознанная рабочими, следует, что его окончатель-

---

*) Л. Мартов. *Ред.*

ное торжество может быть делом лишь самих рабочих, организованных, как класс, во время борьбы для того, чтобы поглотить все классы в минуту своего торжества и с тем вместе положить конец классовой борьбе в истории человечества.

б) Для России борьба социалистическая не может быть ведена с успехом и привести к торжеству рабочих ни помимо борьбы с абсолютизмом, ни поглощая все революционные силы исключительно этой борьбою. Лишь партия, способная комбинировать рационально решение этих обеих задач или приблизиться, по возможности, к их одновременному решению, имеет шансы на прочный успех.

Все остальные вопросы нашего времени, которые ставят себе социалисты всех стран и русские революционеры всех оттенков, суть лишь более или менее удачные приемы подготовления к решению этих основных задач, и политика всех фракций может быть оценена лишь по отношению к только что указанному подготовлению.

Программа народников-пропагандистов 70-х годов была, по моему мнению, в теоретическом отношении поставлена правильно, но оказалась вполне несостоятельной: во-1-х, по недостатку подготовления классового сознания в той доле русского рабочего класса (крестьян), на которую была направлена почти исключительно деятельность пропагандистов-революционеров; во-2-х, по недостатку подготовления самих пропагандистов знанием того «народа», в который они несли свою пропаганду. Для меня лично вовсе не решен отрицательно и бесповоротно для будущего вопрос, не придется ли русским революционерам, после неудачи всех прочих политических приемов борьбы против абсолютизма на социалистическом основании, вернуться к задаче, оказавшейся непосильной для социалистов 70-х годов, но видоизменяющейся с каждым годом расширением культуры в народе, именно к такой задаче — внеся в русское крестьянство сознание задач всемирного социализма, подготовить и вызвать в этом самом крестьянстве восстание, которое унесет одновременно и абсолютизм, и все те завоевания, которые уже сделал или еще сделает капитализм на нашей родине. Впрочем, для этой программы в настоящую минуту, как я сказал выше, недостает безусловно никакого элемента содействующих и сочувствующих; следовательно, о ней речи быть не может.

Народоправцы имеют за собою длинную традицию в прошлом, но они разрывают связь своего революционного дела с тем, что я признал основным историческим явлением настоящего, следовательно, хотят для России вернуть историю назад сравнительно с тем, что было и есть в других странах. Политическая борьба против абсолютизма необхо-

дима и обязательна, но она является при новых условиях: она не может уже быть ведена социалистами при исчезнувших для них нравственных условиях прежних чисто политических революций. Чисто политическая программа не в состоянии уже вызвать в настоящее время того энтузиазма и того самоотвержения, которые необходимы для рискованного дела. К этой программе, по рассуждению (более или менее ошибочному), могут пристать люди, руководимые расчетом, и между либералами, не затронутыми социалистическими течениями нашего времени, политическая партия еще возможна. Но энтузиазм молодежи всегда толкает последнюю в среду той или другой социалистической партии. Это положение наглядно подтверждается современными фактами: опыт целой четверти века показал, что русские либералы не в состоянии были организовать партию, устроить заговор или даже вызвать серьезное литературное течение в подполной прессе ни при Александре II, когда все условия позволяли это сделать, ни при Александре III, когда они должны были возмутиться гонениями, на них обрушившимися. Им недоставало для этого энтузиазма, не знающего опасений. За недостатком достаточного политического энтузиазма в рядах либералов и революционеров, социалисты, среди которых этот энтузиазм вызывает чуть ли не во всех странах значительные исторические явления, хотят привить этот свой социалистический энтузиазм политическим группам, отрицающим именно те принципы, которые могут в настоящее время вызвать этот энтузиазм; социалисты надевают маску политиков-несоциалистов, но не могут сами перед собою скрыть, что они лицемерят перед собою и перед другими. Для всех этих маскарадных политиков нет будущности.

После якобинцев 70-х годов, после «Свободной России», после лондонской «Свободной России», народоправцы повторяют снова эту маскарадную попытку. Так, как она совершается, она удастся не может, и сообщаемые нам сведения об уступках социалистам со стороны народоправцев весьма правдоподобны... На мой взгляд, единственная рациональная политика социалистов, свертывающих свое красное знамя ввиду чисто-политической задачи, могла быть такой: остатками своего политического энтузиазма разогреть русских либералов до того, чтобы они организовались в серьезную политическую партию; совершив эту геркулесову работу, предоставить этим либералам всю политику, а самим (если в них останется еще какая-либо способность к деятельности после своего маскарада) перейти к естественной роли противников либерализма, капитализма и т. п. Но эта комбинация в практическом своем осуществлении по своей сложности и трудности едва ли не превосходит и задачу организовать русскую рабочую партию при господстве абсо-

лютизма, не организуя в то же время революционной партии против этого абсолютизма; и задачи подготовить и вызвать социалистическое восстание русского крестьянства; и задачи подготовить и совершить по преднамеренному плану захват власти социалистами...

Русские социал-демократы, как нам сообщают, пользуются успехом. Они, как нам пишут, «распространяют социалистическое миросозерцание»; следовательно, в этом отношении подготовляют решение задач как мирового, так и специально русского социализма. Но пропаганда идей есть для социалистов всего мира лишь один элемент этого подготовления. Другой — организация рабочих. На Западе, деятельность которого служит для русских социал-демократов безусловным образцом, история создала почву этой организации. Ее приходится укреплять, расширять, отстаивать, но почва в юридических формах и общественных правах дана. В России ее нет. Организацию русской рабочей партии приходится создавать при условиях существования абсолютизма со всеми его прелестями. Если социал-демократам удалось бы сделать это, не организуя в то же время политического заговора против абсолютизма со всеми условиями подобного заговора, то, конечно, их политическая программа была бы надлежащей программой русских социалистов, так как освобождение рабочих силами самих рабочих совершилось бы. Но оно весьма сомнительно, если не невозможно.

Если же нам придется, так или иначе, группировать не только рабочие силы для борьбы с капиталом, но сплачивать революционных личностей и группы для борьбы с абсолютизмом, то русские социал-демократы фактически примут программу своих противников, народовольцев, как бы они себя ни называли. Разница во взглядах на общину, на судьбы капитализма в России, на экономический материализм суть частности, весьма маловажные для действительного дела и способствующие или мешающие решению частных задач, частных приемов подготовления основных пунктов, но — не более.

О том, что здесь существенно, нельзя издавать книги, продающиеся в лавках; о нем едва ли можно спорить даже в подпольной литературе, которую читают не все, потому что существенно здесь одно и только одно: возможна ли организация революционной партии, направленной против абсолютизма? Или же неизбежно лишь подготовить первую в самом процессе функционирования второй и в самой тесной связи между обеими задачами? Я полагаю, что первое невозможно и что, следовательно, все социалисты-революционеры в России, как бы они ни думали об общине, о судьбах капитализма и об экономическом

материализме, неизбежно должны прийти ко второй политической программе.

Это самое показывает, что из трех политических программ, которые теперь на-лицо в среде русских революционеров, наиболее рациональной я считаю программу народовольцев. Она имеет свою историю... В этой программе оставлены элементы, с которыми я был несогласен, но которые, по моему мнению, не мешали мне быть союзником народовольцев на основании общности основных воззрений. Я всегда публично высказывался, что элемент терроризма, допущенный в эту программу, есть элемент крайне опасный для партии..., точно так же я всегда считал задачу захвата власти невозможной в какой-либо рассчитанной программе действий... Во всяком случае, при соображении достоинств и недостатков этой программы, я нашел уже в 1883 г. и повторяю в 1895 году, что для меня эта программа подготовления социального переворота и разрушения русского абсолютизма есть наиболее рациональная и единственная, которая удовлетворяет аксиомам, выше поставленным. Но она также программа очень трудная. Дело идет об одновременном распространении социалистических идей и сплочении зародышей рабочей организации под давлением абсолютизма, с одной стороны, и, с другой, об организации революционного заговора, не упуская из виду ни того, ни другого. Организация, сближение кружков, сношения между ними, их постоянное расширение, энергия личностей, примкнувших к программе — необходимые условия. Предоставляю самим народовольцам, действующим в России, судить, поступили ли они в эти два последние года сообразно этому условию.

...Но каковы бы ни были течения общественной мысли и как бы рациональна ни была сравнительно та или другая программа, однако, во-первых, все течения мысли состоят из личных мыслей и личной деятельности, и без энергичного и упорного действия и противодействия личностей никакое течение не может ни образоваться, ни усилиться, ни победить. Во-вторых, самая рациональная программа устанавливается вовсе не сама собою, не автоматически, а энергическою деятельностью личностей.

Русская молодежь высказала в своей истории достаточную решимость рисковать для идеи, чтобы не нужно было повторять, что личный риск, даже безрассудный, предпочтительнее инерции, даже более или менее охраняющей личности. Но, может быть, полезно заметить и следующее: «народовольцы» — армия и была армией с энергическим штабом в блестящий период ее деятельности. Может ли она продолжать свое сложное дело, не упуская из виду того и другого элемента своей

задачи, без этой военной организации? Не должны ли все ее учения быть направлены не только на то, чтобы сплотить народовольческие группы, но и чтобы создать для нее центральный руководящий орган?.. Я не могу себе представить функционирования партии «Народной Воли» без центрального руководительства.

П. Лавров.

№ 9 (к стр. 371).

К русским рабочим.

Программа «Северного Союза Русских Рабочих».

Сознавая крайне вредную сторону политического и экономического гнета, обрушивающегося на наши головы со всей силой своего неумолимого каприза, сознавая всю невыносимую тяжесть нашего социального положения, лишающего нас всякой возможности и надежды на сколько-нибудь сносное существование, сознавая, наконец, более невозможным сносить этот порядок вещей, грозящий нам полнейшим материальным лишением и парализацией духовных сил, мы, рабочие Петербурга, на общем собрании от 23-го и 30-го декабря 1878 года пришли к мысли об организации общерусского союза рабочих, который, сплачивая разрозненные силы городского и сельского рабочего населения и выясняя ему его собственные интересы, цели и стремления, служил бы ему достаточным оплотом в борьбе с социальным бесправием и давал бы ему ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для успешного ведения борьбы.

Организация Северного Союза Русских Рабочих должна иметь строго определенный характер и преследовать именно те цели, какие поставлены в ее программе.

В члены этого союза избираются исключительно только рабочие и через лиц, более или менее известных, числом не менее двух.

Всякий рабочий, желающий сделаться членом Союза, обязан предварительно ознакомиться с нижеследующей программой и с сущностью социального учения.

Все члены Союза должны сохранять между собою полную солидарность, и нарушивший ее подвергается немедленному исключению. Член же, навлекший на себя подозрение, изобличающее его в измене Союзу, подвергается особому суду выборных.

Каждый член обязан вносить в общую кассу Союза известную сумму, определяемую на общем собрании членов.

Делами Союза заведывает комитет выборных, состоящий из десяти членов, на попечении которого лежат также обязанности по кассе и

библиотеке. Общие собрания членов происходят раз в месяц, где контролируется деятельность комитета и обсуждаются вопросы Союза.

Собрания уполномочивают комитет только в действиях, являющихся непосредственно в интересах всего Союза.

На обязанности комитета лежит также право сношения с представителями провинциальных кружков и фракций рабочих России, принявших программу Северного Союза.

Провинциальные фракции Союза удерживают за собою автономное значение в сфере деятельности, определяемой общей программою, и подчиняются только решениям общих представительных собраний.

Центральная касса предназначается исключительно на расходы, необходимые для выполнения планов Союза, и на поддержку рабочих во время стачек.

Библиотека имеет целью бесплатно удовлетворять потребностям столичных рабочих, даже не принадлежащих к Союзу.

Расходы на ее содержание и на выписку книг идут из кассы Союза и из сумм, жертвуемых рабочими.

Северный Союз Русских Рабочих, тесно примыкая по своим задачам к социально-демократической партии Запада, ставит своей программою:

1) Ниспровержение существующего политического и экономического строя государства, как строя крайне несправедливого.

2) Учреждение свободной народной федерации общин, основанных на полной политической равноправности и с полным внутренним самоуправлением на началах русского обычного права.

3) Уничтожение поземельной собственности и замены ее общинным землевладением.

4) Правильную ассоциационную организацию труда, предоставляющую в руки рабочих-производителей продукты и орудия производства.

Так как политическая свобода обеспечивает за каждым человеком самостоятельность его убеждений и действий, и так как ею прежде всего обеспечивается решение социального вопроса, то непосредственными требованиями Союза должны быть:

1) Свобода слова, печати; право собраний и сходок.

2) Уничтожение сыскной полиции и дел по политическим преступлениям.

3) Уничтожение сословных прав и преимуществ.

4) Обязательное бесплатное обучение во всех школах и учебных заведениях.

5) Уменьшение количества постоянных войск или полная замена их народным вооружением.

6) Право сельской общины на решение дел, касающихся ее, как-то: размера податей, надела земли и внутреннего самоуправления.

7) Уничтожение паспортной системы и свобода передвижения.

8) Отмена косвенных налогов и установление прямого, сообразно доходу и наследству.

9) Ограничение числа рабочих часов и запрещение детского труда.

10) Учреждение производительных ассоциаций, ссудных касс и дарового кредита рабочим ассоциациям и крестьянским общинам.

Вот в главных чертах та программа, руководиться какою поставило себе задачею общее собрание петербургских рабочих от 23-го и 30-го декабря.

Путем неутомимой и деятельной пропаганды в среде своих собратьев, Северный Союз надеется достичь тех результатов, которые выдвинут и у нас рабочее сословие и заставят его заговорить о себе, о своих правах; посему на обязанности каждого члена этого Союза лежит священный долг вести посильную агитацию в угнетаемой и отзывчивой на требования справедливости рабочей массе. Услуга его не останется забытой потомством, и славное имя его, как апостола евангельской истины, занесется в летописи истории.

Рабочие! Вас зовем мы теперь, к вашему голосу совести и сознанию обращаемся мы.

Великая социальная борьба уже началась — и нам нечего ждать; наши западные братья уже подняли знамя освобождения миллионов — и нам остается только примкнуть к ним. Рука об руку с ними пойдем мы вперед и в братском единении сольемся в одну грозную боевую силу...

На нас, рабочие, лежит великое дело — дело освобождения себя и своих братьев, на нас лежит обязанность обновления мира, утопающего в роскоши и истощавшего наши силы, — и мы должны дать его.

Вспомните, кто первый откликнулся на великие слова Христа, кто первый был носителем его учения о любви и братстве, перевернувшего весь старый мир? — Простые поселяне... Мы тоже зовемся к проповеди, мы тоже призываемся быть апостолами нового, но в сущности только непонятого и позабытого учения Христа. Нас будут гнать, как гнали первых христиан, нас будут бить и издеваться над нами, но будем неустрашимы и не постыдимся их поруганий, так как одно это озлобление против нас уже покажет нам бессилие в борьбе с нравственным величием идей, в борьбе с той силой, какую мы представим собою.

«Вы развращаете мир, скажут нам, вы разрушаете семью, вы по-

пираете собственность и оскверняете религию». Нет, будем отвечать им, не мы развращаем мир, а вы; не мы причина зла, а вы. Напротив, мы идем обновить мир, возродить семью, установить собственность, как она должна быть, и воскресить великое учение Христа о братстве и равенстве...

Рабочие! Становитесь смело под наше знамя социального переворота, сомкнитесь в дружную братскую семью и, опоясавшись духовным телом истины, идите проповедывать свое учение по городам и селам! Ваше будущее лежит в этой спасительной пропаганде, и ваш успех зависит от нравственной силы вашей; с нею мощны вы, с нею вы покорите мир.

Знайте, что в вас заключается вся сила и значение страны, вы — плоть и кровь государства, и без вас не существовало бы других классов, сосущих теперь вашу кровь. Вы смутно сознаете это, но у вас нет организации, нет идеи, которой вы бы руководились, нет, наконец, нравственной поддержки, столь необходимой для дружного отпора врага. Но мы, рабочие-организаторы Северного Союза, даем вам эту руководящую идею, даем вам нравственную поддержку в сплочении интересов и, наконец, даем вам ту организацию, в какой нуждаетесь вы.

Итак, за вами, рабочие, последнее слово, от вас зависит участь великого Союза и успех социальной революции в России.

«Петербургская Вольная Типография» 12-го января 1879 года. Печатано по просьбе рабочих.

№ 10 (к стр. 372).

Программная статья из № 1 «Рабочей Мысли»—октябрь 1897 г.

Рабочее движение в России теперь может считаться приобщенным к общеевропейскому рабочему движению. Теперь, конечно, никто не станет сомневаться, что руке в синем обшлаге не удержать его постепенного, неуклонного развития. То погасая до едва тлеющей искры, то разрастаясь в море огня, оно все шире и глубже захватывает рабочие массы и, хотя медленно, но прочно, дисциплинирует их, научая борьбе с врагом. Такой живучестью рабочее движение обязано тому, что рабочий сам берется за свою судьбу, вырвав ее из рук руководителей. Это вполне понятно. До тех пор, пока движение было лишь средством для успокоения больной совести кающегося интеллигента, оно было чуждо самому рабочему. Масса была холодна и безучастна к делу; убежденные рабочие — бойцы за свое собственное дело являлись в виде исключений и во всяком случае не могли дать по количеству заметной окраски движению. Средства доставлял тощий студенческий кошелек. За что сражаться, с кем, по какому поводу? На это совсем не было

ответа у рабочего не интеллигента, а рядового из массы, который собственно и значит все для движения. Да и не могло быть на это ответа, потому что экономическая основа движения была затменена стремлением постоянно не забывать политического идеала; вопрос был поставлен так, что не давал сам по себе ответа, а раз'яснить каждому нет возможности, потому что обычные занятия обнимают сравнительно очень небольшой круг людей. Одним словом, можно сказать, что средний рабочий стоял вне движения. Стачки 1896 г. можно считать первым и пока единственным проявлением самостоятельной рабочей мысли, воплотившейся в стройные формы, если не считать прежде бывших стачек, возникших более или менее стихийно, взрывом, а не как борьба по обдуманному плану. Раз вопрос, за что бороться, ясен, раз враг перед глазами, русский рабочий умеет бороться, он уже доказал это. Борьба за экономические интересы — самая упорная борьба, самая сильная по количеству душ, которым она понятна, и по геройству, с которым самый обыкновенный человек отстаивает свое право на существование. Таков закон природы. Политика всегда послушно следует за экономикой и, в общем итоге, политические оковы разбиваются попутно. Борьба за экономическое положение, борьба с капиталом на поле ежедневных насущных интересов и стачки, как средство этой борьбы — вот девиз рабочего движения. Эта борьба понятна всем, она закаляет силы и сплачивает рабочих. В ней каждый шаг вперед есть улучшение в жизни, есть новое средство к дальнейшим победам. Раз привлечена вся масса рабочих, этим обеспечены средства к борьбе. Движение перестает быть нищим, живущим подачками со стороны. Средства должны давать сами бойцы, и каждый трудовой грош, вложенный в дело, будет дороже тысяч, данных со стороны. Стремление рабочих заводить кассы знаменует переход к вполне сознательной эпохе движения. Эти кассы должны давать в будущем средства прежде всего не для занятий, не для книг, а для насущного хлеба во время разгара боя, во время стачек. Вокруг касс должны группироваться рабочие, и каждая из них дороже для движения, чем сотня других организаций. Конечно, и дело самообразования должно итти своим чередом, воспитывая интеллигентные единицы. Пусть рабочие ведут борьбу, зная, что борются они не для каких-то будущих поколений, а для себя и своих детей, пусть помнят, что каждая победа, каждая пядь, отбитая у врага, есть пройденная ступень лестницы, ведущей к их собственному благополучию; пусть имеющие силы призывают слабых к борьбе и строят их в ряды сами, не рассчитывая ни на чью помощь. Победа впереди, и только тогда верх будет одержан бойцами, когда девизом их будет: «**рабочие для рабочих**».

№ 11 (к стр. 372).

Ближайшие задачи русского рабочего движения.

(Передовая статья из № 2 «Рабочей Газеты» — ноябрь 1897 г.).

Когда говорят о рабочем движении в Англии, Германии, Франции или другой какой-либо заграничной стране, то у всякого перед глазами встает вполне ясная картина. Там существуют громадные рабочие союзы и могущественные рабочие партии. Там устраиваются многочисленные собрания и с'езды, на которых открыто обсуждаются нужды и задачи рабочих. В парламентах *) заседают представители от рабочих, неустанно защищающие их интересы и заявляющие их требования. Наконец, там существует рабочая пресса, распространяются в громадном количестве газеты, журналы, книги, посвященные рабочему вопросу. Короче, и словом и делом заграничное рабочее движение заявляет о себе. Его все знают и о нем все говорят. Злейшие враги рабочего движения не могут отрицать его существование и его силу.

Не то у нас. Под гнетом царского самодержавия рабочее движение не может жить открытою жизнью. У нас запрещены и преследуются рабочие союзы и собрания; у нас нет парламента, нет представителей от рабочих, у нас нет прессы, которая открыто бы защищала интересы рабочих. Во всей стране никто не может публично говорить о русском рабочем движении. И не только наши враги отрицают его существование, но немало найдется и рабочих, которые не знают, что в России существует рабочее движение.

А между тем русское рабочее движение не только существует, но и имеет уже значительную силу. Об этом свидетельствуют не только стачки и волнения рабочих, то и дело вспыхивающие в разных концах России, об этом свидетельствует и множество других фактов. Правда, у нас нет открытых, всеми признанных, союзов. Но у нас существуют тайные союзы и кассы, помогающие борьбе рабочих, об'единяющие их и раз'ясняющие им их положение. Нам запрещают устраивать собрания и публично обсуждать интересующие нас вопросы; но это не мешает нам устраивать собрания тайные. У нас запрещают книги, в которых свободно обсуждается рабочий вопрос. Но мы читаем и распространяем книги запрещенные. У нас не бывает открытых и торжественных с'ездов представителей рабочих, но это не мешает им с'езжаться тайно, не

*) Парламент, это — учреждение, издающее законы, устанавливающее подать и налоги и определяющее расходы страны. Парламент составляется из выборных от всех граждан, а следовательно, и от рабочих.

мешает также русским рабочим посылать своих представителей на международные рабочие с'езды за границей *).

В России не существует парламента, мы не принимаем участия в издании законов, однако упорной борьбой и нам иногда удается вырвать у правительства полезный для нас закон. Издание закона 2 июня сего года об ограничении рабочего дня знаменует славную победу русского рабочего движения.

И с каждым днем русское рабочее движение все более и более усиливается. Тяжелое экономическое положение неудержимо толкает русского рабочего на борьбу за лучшую жизнь. Никакие притеснения правительства не в состоянии прекратить эту борьбу. На место каждого, вырванного из строя, борца за рабочее дело, появляются двое других. Каждый рабочий, высланный с поля борьбы, переносит эту борьбу в новое место, способствует распространению рабочего движения в России. Каждый выстрел в толпу рабочих будит массу рабочих, внушая ей вражду и ненависть к притеснителям. Так, несмотря на тяжелое ярмо правительственных притеснений, рабочее движение растет и крепнет.

Каковы же ближайшие задачи русского рабочего движения, к чему оно прежде всего должно стремиться?

Русские рабочие находятся под двойным гнетом — под гнетом капиталистической эксплоатации и под гнетом правительственных притеснений. Они страдают не только от чрезмерного, изнуряющего труда и от нищенской платы, не только от вредных условий труда, порождающих болезни и раннюю старость; не только от того, что их дети вырастают без материнского ухода и обречены с детского возраста на губительную фабричную работу, не только от всех этих и еще тысячи других экономических условий, — русские рабочие страдают еще и от своего политического бесправия. Они страдают от того, что по малейшему подозрению каждого из них могут оторвать от родных и друзей, бросить в тюрьму и сослать в Сибирь. Они страдают от того, что за малейшую попытку борьбы за улучшение своего положения их об'являют бунтовщиками, высылают против них, как против неприятельской армии, войско, которое не останавливается даже перед пролитием невинной крови женщин и детей. Русские рабочие страдают от того, что им запрещают читать книги, где выясняется положение рабочих, запрещают собираться, устраивать союзы, кассы. Короче, русские рабочие страдают еще от того, что они не пользуются никакими политическими правами.

---

*) На последнем с'езде в Лондоне было 8 представителей от русских рабочих.

Тяжела борьба с капиталистическим гнетом, не легко рабочему добиться улучшения своего экономического положения, но в тысячу раз это становится труднее, когда рабочий не имеет права ни говорить, ни писать, ни читать, ни собираться, ни об'единяться, ни бороться. И хотя никакие преследования не могли остановить роста русского рабочего движения, однако неизмеримо сильнее было бы это движение, и неизмеримо крупнее были бы его успехи, если бы русские рабочие пользовались политическими правами. Если бы в наши стачки не вмешивалась ни полиция, ни жандармы, ни войско, если бы наши союзы могли жить открытою жизнью, если бы голос, призывающий нас на борьбу, мог беспрепятственно раздаваться перед многотысячной массой, если бы никакие книги, газеты, прокламации не подвергались преследованию и наши лучшие товарищи не вырывались из нашей среды, — тогда русское рабочее движение играло бы такую же роль в жизни России, какую играют западно-европейские рабочие партии в жизни заграничных государств.

В железных тисках правительственного гнета становится уже тесно русскому рабочему движению. Как воздух нужен всякому живому существу, так нужна нам политическая свобода. Не добившись свободы стачек, собраний, союзов, слова и печати, не добившись права принимать участие в управлении страной и в издании законов — мы никогда не сбросим с себя гнетущих нас цепей экономического рабства. Вот почему, борьба с самодержавным правительством за политическую свободу — есть ближайшая задача русского рабочего движения.

Но для того, чтобы выполнить эту трудную задачу, для того, чтобы одержать победу над царским правительством, русское рабочее движение должно еще вырасти и окрепнуть. И не только армия борющихся русских рабочих должна увеличиться в количестве, но каждый солдат этой армии должен яснее понять цели и средства своей борьбы и научиться итти дружно, в ногу со своими товарищами. Но этого мало. Подобно тому, как тысяча солдат, об'единенных в один полк, имеющих одного вождя и одно знамя, проявляют в войне гораздо бо́льшую силу, чем десять тысяч разрозненных, лишенных предводителя и потерявших знамя, — точно так же и русское рабочее движение удесятерит свои силы, если выступит как единое стройное целое с общим именем и стройной организацией. Уже недостаточно того, что русские рабочие сочувствуют друг другу: нужно, чтобы они содействовали. Мало того, что они понимают значение и пользу единения: нужно, чтобы они действительно об'единились. Наступает пора, когда отдельные, разбросанные всюду рабочие, кружки и союзы

должны превратиться в один общий союз или одну общую партию. Эта партия будет способствовать об'единению русских рабочих и росту русского рабочего движения; она будет направлять силы и средства оттуда, где они в избытке, туда, где в них нуждаются; она будет руководить борьбой русских рабочих, будет стремиться к тому, чтобы сделать эту борьбу стройной и организованной. Русское рабочее движение, пока незаметное и скрытое, проявится наружу во всей своей силе.

Всякая партия, выступающая впервые на арену истории, должна прежде всего развернуть свое знамя. На этом знамени она должна начертать те цели, за которые она намерена бороться, и не только ближайшие, но и самые отдаленные, конечные цели. И русские рабочие, выступая как об'единенная сила, как партия, должны развернуть свое знамя, должны показать своим друзьям и врагам, кто они, к каким целям они стремятся и какими средствами пользуются для достижения этих целей

Какое же знамя будет развеваться над русским рабочим движением? Конечно, то самое знамя, на котором великие учителя рабочих Маркс и Энгельс начертали слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», то знамя, под которым борются передовые рабочие всех стран земного шара, к которому и в России примыкают почти все рабочие кружки, кассы и союзы. Это—красное знамя международной социал-демократии. Русская рабочая партия будет партией социал-демократической.

Об'явив себя социал-демократами, об'единенные русские рабочие тем самым вполне ясно и определенно покажут, каковы их цели и стремления, каковы их ближайшие и дальнейшие задачи, каковы их средства и способы борьбы.

Развернув над собой знамя социал-демократии, они покажут, что подобно социал-демократам всего мира, они стремятся не только к частичным улучшениям своего положения, не только к увеличению заработной платы, сокращению рабочего дня, введению страхования рабочих, не только к приобретению политических прав, но что их конечною целью является полное переустройство общества на социалистических началах, т.-е. создание такого общественного строя, когда фабрики, заводы, пути сообщения, земля и все вообще средства производства будут находиться в руках общества, когда все члены общества будут равны, когда не будет сытых тунеядцев и голодных работников. Далее, об'явив себя социал-демократами, русские рабочие покажут, что достижение своих целей они считают возможным только пу-

тем постепенного развития самосознания в рабочем классе, его об'единения и неустанной борьбы с господствующими классами. Словом, русские рабочие присоединяются к тем целям и средствам, которые выработали их заграничные товарищи путем долгого и тяжелого опыта.

Образование русской социал-демократической партии даст сильный толчок развитию русского рабочего движения. Окрепшее и усилившееся русское рабочее движение свергнет иго самодержавия и добьется политической свободы. А когда мы получим возможность открыто говорить и писать все, что угодно, собираться в собрания, устраивать союзы и стачки, когда мы добьемся права участвовать в издании законов и в управлении страной, тогда наша борьба пойдет вперед семимильными шагами. Наша рабочая партия вырастет и окрепнет и приобретет такое же громадное значение, какое имеют партии наших заграничных товарищей. Она сольется с ними в один международный рабочий союз, в один всемирный могучий поток, который смоет с земли нищету, рабство, невежество, преступление и создаст новый мир, — мир счастья и справедливости.

№ 12 (к стр. 379).

Проект программы русских социал-демократов,

составленный Группой «Освобождение Труда».

Русские социал-демократы, подобно социал-демократам других стран, стремятся к полному освобождению труда от гнета капитала. Такое освобождение может быть достигнуто путем перехода в общественную собственность всех средств и предметов производства, перехода, который повлечет за собою:

а) устранение современного товарного производства (т.-е. купли и продажи продуктов на рынке) и

б) замену его новой системой общественного производства по заранее составленному плану, ввиду удовлетворения потребностей как целого общества, так и каждого из его членов, в пределах, допускаемых состоянием производительных сил в данное время

Эта коммунистическая революция вызовет самые коренные изменения во всем складе общественных и международных отношений.

Заменяя современное господство продукта над производителем — господством производителя над продуктом, она внесет сознательность туда, где господствует ныне слепая экономическая необходимость; упрощая и осмысливая все общественные отношения, она вместе с тем предоставит каждому гражданину реальную экономическую возможность

непосредственного участия в обсуждении и решении всех общественных дел.

Это непосредственное участие граждан в заведывании общественными делами предполагает устранение современной системы политического представительства и замену ее прямым народным законодательством.

Кроме того, теперь уже можно предвидеть международный характер предстоящей экономической революции. При современном развитии международного обмена, упрочение этой революции возможно лишь при участии в ней всех или, по крайней мере, нескольких цивилизованных обществ. Отсюда вытекает солидарность интересов производителей всех стран, признанная и провозглашенная еще Международным Товариществом Рабочих.

Но так как освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, так как интересы труда, в общем, диаметрально противоположны интересам эксплоататоров, и так как, поэтому, высшие классы всегда будут препятствовать указанному переустройству общественных отношений, — то неизбежным предварительным его условием является захват рабочим классом политической власти в каждой из соответствующих стран. Только это временное господство рабочего класса может парализовать усилия контрреволюционеров и положить конец существованию классов и их борьбе.

Эта политическая задача вносит элемент разнообразия в программы социал-демократов различных государств, сообразно общественным условиям каждого из них в отдельности.

Практические задачи, а, следовательно, и программы социал-демократов естественно должны иметь более сложный характер в тех странах, где современное капиталистическое производство только стремится еще стать господствующим, и где трудящиеся массы находятся под двойным игом развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства. В таких странах социал-демократам приходится добиваться, как переходных ступеней, таких форм общественного устройства, которые уже теперь существуют в передовых странах и необходимы для дальнейшего развития рабочей партии. Россия находится именно в таком положении. Капитализм сделал в ней громадные успехи со времени крепостного права. Старая система натурального хозяйства уступает место товарному производству и тем самым открывает огромный внутренний рынок для крупной промышленности. Патриархальные, общинные формы крестьянского землевладения быстро разлагаются, община превращается в простое средство закрепощения государству

крестьянского населения, а во многих местностях она служит также орудием эксплоатации бедных общинников богатыми. В то же время, приурочивая к земле интересы огромной части производителей, она препятствует их умственному и политическому развитию, ограничивая их кругозор узкими пределами деревенских традиций. Русское революционное движение, торжество которого послужило бы, прежде всего, на пользу крестьянству, почти не встречает в нем ни поддержки, ни сочувствия, ни понимания. Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства. Необходимым следствием этого является бессилие и робость тех образованных слоев высших классов, материальным и умственным интересам которых противоречит современная политическая система. Возвышая голос во имя народа, они с удивлением видят, что он равнодушен к их призывам. Отсюда — неустойчивость политических воззрений, а временами уныние и полное разочарование нашей интеллигенции.

Такое положение дел было бы вполне безнадежно, еслибы указанное движение русских экономических отношений не создавало новых шансов успеха для защитников интересов трудящегося класса. Разложение общины создает у нас новый класс промышленного пролетариата. Более восприимчивый, подвижной и развитой, класс этот легче отзывается на призыв революционеров, чем отсталое земледельческое население. Между тем, как идеал общинника лежит назади, в тех условиях патриархального хозяйства, необходимым политическим дополнением которых было царское самодержавие, участь промышленного рабочего может быть улучшена лишь благодаря развитию новейших, более свободных форм общежития. В лице этого класса народ наш впервые попадает в экономические условия, общие всем цивилизованным народам, а потому только через посредство этого класса он может принять участие в передовых стремлениях цивилизованного человечества. На этом основании русские социал-демократы считают первой и главнейшей своей обязанностью образование революционной рабочей партии. Рост и развитие такой партии встретит, однако, в современном русском абсолютизме очень сильное препятствие.

Поэтому борьба против него обязательна даже для тех рабочих кружков, которые представляют собою теперь зачатки будущей русской рабочей партии. Низвержение абсолютизма должно быть их первой политической задачей.

Главным средством политической борьбы рабочих кружков против абсолютизма русские социал-демократы считают агитацию среди рабочего класса и дальнейшее распространение в нем социалистических идей

и революционных организаций. Тесно связанные между собою в одно целое, организации эти, не довольствуясь частными столкновениями с правительством, не замедлят перейти, в удобный момент, к общему, решительному на него нападению, при чем не остановятся и перед так называемыми террористическими действиями, если это окажется нужным в интересах борьбы.

Целью борьбы рабочей партии с абсолютизмом является завоевание демократической конституции, обеспечивающей:

1) Права быть избирателем и избираемым как в Законодательное Собрание, так и в провинциальные и общинные органы самоуправления всякому гражданину, не приговоренному судом за известные, строго определенные законом, позорные действия к потере политической правоспособности.

2) Определенную законом денежную плату народным представителям, позволяющую выбирать их из бедных классов населения.

3) Всеобщее, светское, даровое и обязательное образование, при чем, государство должно снабжать бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями.

4) Неприкосновенность личности и жилища граждан.

5) Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний и ассоциаций.

6) Свободу передвижений и занятий.

7) Полную равноправность всех граждан, независимо от религии и племенного происхождения.

8) Замена постоянного войска всеобщим вооружением народа.

9) Пересмотр всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, несовместимых с достоинством человека.

Опираясь на эти основные политические требования, рабочая партия выдвигает ряд ближайших экономических требований, как, напр.:

1) Радикальный пересмотр наших аграрных отношений, т.-е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ. Предоставление права отказа от надела и выхода из общины тем из крестьян, которые найдут это для себя удобным и т. п.

2) Устранение современной податной системы и установление прогрессивного подоходного налога.

3) Законодательное регулирование отношений рабочих (городских и сельских) к предпринимателям и организация соответствующей инспекции с представительством от рабочих.

4) Государственная помощь производительным ассоциациям, организующимся во всевозможных отраслях земледелия, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянами, горными, фабричными и заводскими рабочими, кустарями и т. д.).

Эти требования настолько же благоприятны интересам крестьянства, как и интересам промышленных рабочих; поэтому, добиваясь их осуществления, рабочая партия проложит себе широкий путь для сближения с земледельческим населением. Выброшенный из деревни в качестве обедневшего члена общины, пролетарий вернется в нее социал-демократическим агитатором. Его появление в этой роли изменит безнадежную теперь судьбу общины. Ее разложение неотвратимо лишь до тех пор, пока само это разложение не создаст новой народной силы, могущей положить конец царству капитализма. Такой силой явится рабочая партия и увлеченная ею беднейшая часть крестьянства.

Примечание. Как видно из вышесказанного, русские социал-демократы полагают, что работа интеллигенции, в особенности при современных условиях социально-политической борьбы, должна быть прежде направлена на более развитой слой трудящегося населения, каким и являются промышленные рабочие. Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, социал-демократы могут, с гораздо большей надеждой на успех, распространить свое воздействие на крестьянство, в особенности в то самое время, когда они добьются свободы агитации и пропаганды. Само собою, впрочем, разумеется, что даже в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своей деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России. Социал-демократы не только не оттолкнут от себя таких людей, но приложат все старания, чтобы согласиться с ними в основных принципах и приемах своей деятельности.

№ 13.

Доклад по делу о вознйкших в С.-Петербурге в 1894 и 1895 г.г. преступных кружках лиц, именующих себя „социал-демократами".

12 декабря 1895 г. Департамент Полиции сообщил С.-Петербургскому Губернскому Жандармскому Правлению, для производства дознания, полученные путем розыска и наблюдения сведения о преступной деятельности в Петербурге тайных кружков лиц, именующих себя «социал-демократами». Из этого сообщения видно, что, начиная с декабря 1894 г., в столице стали разновременно возникать волнения среди заводских и фабричных рабочих, как-то: на Невском механическом заводе *), в Новом Порту **), в Новом Адмиралтействе ***), на Путиловском заводе ****), на фабриках Лаферма *****) и Торнтона ******), при чем среди рабочих подбрасывались воззвания, подстрекавшие к сопротивлению и борьбе с хозяевами и начальством. Наблюдением было выяснено, что эти воззвания исходили от упомянутых «социал-демократов», которые поставили своей задачей пропаганду среди рабочих противоправительственных идей и образование ряда тайных рабочих кружков с целью выработать сплоченную, организованную силу для борьбы с капиталистами и правительством. По агентурным сведениям еще в половине 1894 г. среди социал-демократов возникла центральная группа, в которую входили: помощник присяжного поверенного Владимир Ульянов, студенты Технологического Института Василий Старков, Петр Запорожец и Александр Малченко, дочь коллежского асессора Елизавета Агринская и дочь землемер-таксатора Вера Сибилева. Стараниями этой группы к началу 1895 г. были образованы отдельные кружки рабочих на окраинах столицы, а именно за Невской и Нарвской

*) 23 декабря 1894 г. из-за промедления в выдаче заработной платы, повторили в феврале 1895 г. *Прим. Л. Мартова.*

**) В феврале 1895 г. из-за увеличения рабочего времени. *Прим. Л. Мартова.*

***) В феврале 1895 г. *Прим. Л. Мартова.*

****) В июле 1895 г. (в сталелитейной мастерской). *Прим. Л. Мартова*

*****) В ноябре 1895 г. *Прим. Л. Мартова.*

******) В ноябре 1895 г. *Прим. Л. Мартова.*

заставами, на Васильевском острове, в Гавани и друг., которыми руководили «интеллигенты» из числа социал-демократов; последние раздавали рабочим подпольные издания и устраивали рабочие кассы и библиотеки. Результатом такой деятельности социал-демократов были упомянутые волнения на петербургских фабриках и заводах и распропагандирование многих рабочих, среди которых социал-демократы нашли себе деятельных сотрудников. В этом отношении, по данным наблюдения, в особенности выделялись рабочие: Василий Шелгунов, Иван Яковлев (из-за Невской заставы), Василий Антушевский, Борис Зиновьев и Петр Карамыщев (из-за Нарвской заставы) и Петр Кайзер (из Колпино). Действуя в разных рабочих кружках, эти лица, под руководством социал-демократов, имели между собою общение, образуя таким образом «центральную рабочую группу». Независимо от сего социал-демократы, стремясь к образованию одного тайного социал-демократического сообщества, устраивали общие сходки единомышленников; так, наблюдением установлена их общая сходка в Удельном лесу в мае 1895 г., на которой, в числе других лиц, были Старков, Запорожец, Малченко, Агринская, Сибилева, а также братья Анатолий и Василий Ванеевы. Затем 3 сентября была устроена общая сходка, под видом прогулки вверх по Неве на пароходе «Тулон», в которой деятельное участие принимал присоединившийся к социал-демократам чиновник Комиссии погашения государственных долгов Пантелеймон Лепешинский. Дальнейшим наблюдением было, между прочим, выяснено, что осенью 1895 г. к социал-демократам примкнули инженер-технолог Глеб Кржижановский и студенты С.-Петербургского университета Павел Романенко и Технологического Института Марк Шат *). К декабрю того же года среди социал-демократов постепенно выработалась следующая организация. Во главе их находилась центральная группа, в которую входили: Ульянов, Старков, Кржижановский, Шелгунов и Яковлев; эта группа разделялалась на «комитет», который следил за деятельностью отдельных рабочих кружков, и «литературную группу», на обязанности которой лежало собирание сведений о положении рабочих на различных заводах и фабриках и о случаях неудовольствия или несогласия между рабочими и хозяевами, дабы социал-демократы могли воспользоваться этими сведениями и своевременно распространить на том или другом заводе свои воззвания, подстрекавшие рабочих к стачкам. В свою очередь, рабочие

*) Агентурные сведения о персональном составе данной группы с.-д. (впоследствии названной „стариками“) весьма неточны. Так, ни В. Сибилева, ни Е. Агринская, ни М. Шат, ни П. Романенко к группе не принадлежали, а Г. М. Кржижановский входил в нее гораздо раньше осени 1896 г. *Прим. Л. Мартова.*

делились на отдельные кружки, представители которых входили в центральную рабочую группу *).

По распоряжению Департамента Полиции, все названные выше лица в ночь на 9 декабря были арестованы и при производстве обысков у всех их было найдено значительное число революционного содержания подпольных изданий и рукописей.

Несмотря на эти аресты, оставшиеся на свободе единомышленники задержанных социал-демократов, как видно из сообщения Департамента Полиции от 4 января 1896 г., не прекратили своей преступной деятельности. Так, 18 декабря на Путиловском заводе были разбросаны воззвания, начинающиеся словами: «Товарищи! В настоящее время производятся сбавки по всем паровозным работам». В этих воззваниях рабочие приглашаются к продолжению войны с фабричными порядками собственными силами, указывается на хорошие результаты, достигнутые рабочими, благодаря стачкам, имевшим место в конце 1895 г., на нескольких петербургских фабриках и заводах, а также проводится мысль, что рабочие в своей борьбе с хозяевами, которая называется в воззвании борьбою «законною», не могут рассчитывать на правительство, так как последнее всегда поддерживает капиталистов, при чем каждого, даже вполне справедливо протестующего рабочего, признает бунтовщиком и, как такового, арестует и высылает из столицы.

Вслед затем однородные воззвания, в конце которых значится «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», появились на Александровском механическом заводе за Невской заставой и на фабрике Лебедева на Выборгской стороне. Наконец, 3 января на Галерном острове было найдено значительное количество прокламаций, в которых изложено, что смущенные стачками капиталисты обратились к правительству против осмелившихся пошевелиться рабочих, и власти, верные своему долгу оберегать богачей, горячо взялись за дело, что, по мнению жандармов, стачки вызываются беспокойными подстрекателями, распространяющими воззвания, вследствие чего в ночь на 9 декабря жандармы произвели набеги, и десятки людей брошены в тюрьму. Далее

---

*) В изображении строения организации агентурные сведения равным образом путают, смешивая „Центральную рабочую группу", состав которой ими выше очерчен более или менее правильно, с той центральной организационной группой, которая руководила всем делом с.-д. агитации и пропаганды и из которой в ноябре 1895 года образовался „Союз борьбы за освобождение рабочего класса". Слово „Комитет" едва ли тогда было в употреблении, но если и было, то применялось, конечно, не к центру рабочей группы, а к центральной группе пропагандистов. *Прим. Л. Мартова.*

в прокламации провозглашается: «Тем не менее стачки продолжаются, листки воззваний появляются по-прежнему, их распространяет «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», который будет продолжать свое дело; он остался невредим, так как полиция ошиблась в адресе; ничто не прекратит борьбы, пока рабочий класс не освободится от гнета капиталистов» *). По данным наблюдения в составлении и распространении указанных воззваний принимали деятельное участие студенты Технологического Института Сергей Муромов и Николай Малишевский, инженер-технолог Евгений Богатырев, бывший студент университета Юлий Цедербаум и лекарь Ляховский, которые и были арестованы в ночь на 4 января.

Ближайшим поводом для деятельности социал-демократов среди рабочих и распространения между последними воззваний, призывавших рабочих к борьбе с капиталистами, служили возникавшие разновременно на фабриках и заводах недоразумения между рабочими и хозяевами из-за заработной платы, и заявления социал-демократов о том, что они ведут борьбу за освобождение рабочего класса от гнета капиталистов, повидимому, указывали, что целью их является единственно улучшение быта рабочих, хотя и преступным путем стачек, и что, таким образом, агитационная их деятельность имеет исключительно экономический характер.

Но произведенное в С.-Петербургском Губернском Жандармском Управлении по означенным сообщениям Департамента Полиции дознание, начавшееся 12 декабря 1895 г., выясняет, что борьба рабочих с капиталистами-хозяевами, на которую постоянно и деятельно подстрекали рабочих социал-демократы, должна была, по их программе, служить лишь школою для постепенного развращения рабочих в политическом отношении и образования из них сплоченной и организованной силы для восстания в более или менее отдаленном будущем против правительства с целью ниспровержения существующего государственного строя. Это с особенною ясностью выражено в отобранных в значительном количестве при указанных выше арестах брошюрах: «Предисловие» **), «Рабочий день» и «Царь-голод», которые распространялись между петербургскими рабочими в 1895 г. По произведенному при дознании осмотру названных брошюр оказалось следующее.

---

*) Прокламация эта составлена Л. Мартовым. *Прим. Л. Мартова*

**) Повидимому, под заголовком „Предисловие“ фигурировала известная брошюра „Об агитации“, написанная по поручению виленской с.-д. группы в 1894 г. А. Кремером и впоследствии изданная за границей (в 1896 г.) с предисловием А. Б. Аксельрода. *Прим. Л. Мартова.*

В брошюре «Предисловие» автор ее прямо заявляет: «мы (социал-демократы) должны стремиться выработать политическое самосознание в массе рабочих, заинтересовать ее в политической борьбе». Для сего, по мнению автора, необходима подготовительная работа, при которой агитатор должен внимательно изучать быт рабочих на той или другой фабрике и подмечать хотя бы самые мелкие, но практические недочеты в отношениях рабочих и фабриканта и побуждать первых к противодействию. Эти мелкие требования рабочих будут, по всей вероятности, удовлетворяться фабрикантом, а пред'явление требований и следующий затем успех научат рабочих практическим приемам борьбы, при чем из массы выдвинутся единичные личности по их энергии, которые иначе затерялись бы в толпе. Народная масса вовлекается в борьбу не теоретическими рассуждениями агитаторов, а логикой вещей, самым ходом событий, и тогда на почве возбуждения, вызванного этой борьбой, рабочий более восприимчив к принятию таких идей, которые раньше ему самому показались бы бреднями. Автор говорит, что такой способ агитации будет первоначальною школою для русского пролетариата, неискусившегося в классовой борьбе. Мало-по-малу рабочий собственным опытом придет к выводу о невозможности успеха от единичной борьбы на той или другой фабрике и тогда рабочие разных фабрик будут сами стремиться к соединению. По мере вступления в эту фазу, рабочее движение примет политическую окраску, так как рабочие убедятся, что против них не один, не несколько хозяев, а все высшие классы и правительство. При первом же столкновении рабочих с законом фабричный инспектор откажет им в помощи, появятся войска и рабочие получат первый урок политической мудрости, такие случаи станут повторяться все чаще и чаще и тем масса будет все более и более подготовляться для политической борьбы,— одна искра... и накопленный горючий материал даст взрыв. По словам автора брошюры, тот не социал-демократ, кто своею деятельностью не содействовал росту классового сознания и революционных требований пролетариата... на западе рабочий класс с руководителями разрушил не одну твердыню абсолютизма «божею милостью». В брошюре «Царь голод», написанной для рабочих и крестьян популярным языком, доказывается, что голодание бедных происходит единственно от несправедливости состоятельных классов и правительства и что в России верховная власть возникла путем насилия, тогда как представители ее приказывали народу верить, что эта власть от бога.

Брошюра «Рабочий день» заключает в своих первых четырех главах изложение отношений фабричных рабочих к их хозяевам, кото-

рые без всякого личного труда эксплоатируют первых, находя для этого постоянную поддержку в правительстве. В пятой главе брошюры изложена программа подготовительной революционной деятельности рабочего класса для ниспровержения в России самодержавной власти. Эта программа состоит в следующем: «Рабочие, организованные в партию, в рабочие союзы, становятся великой непобедимой армией. Стачки, в настоящее время, представляют самое сильное орудие в руках рабочих. Ничто так не важно в борьбе, как организация и солидарность рабочих, их стойкость и мужество. Но для того, чтобы сорганизоваться, необходима политическая свобода, которой нет только в России... Царь правит самовластно, весь народ не имеет никакого значения. Царь может сделать с ним, что хочет, как прежде помещик с крепостными. Рабочие лишены возможности заявлять о своих правах, так как в России нет свободы слова, печати, собраний, союзов, свободы стачек и так как правительство заодно с угнетателями рабочих—капиталистами. А потому русским рабочим остается одно—«добиваться низвержения главного своего врага—самодержавия и бороться за политическую свободу». В заключение в этой брошюре говорится, что рабочим всех стран пришлось низвергнуть самодержавие, низвергнет его и русский рабочий, несмотря на то, что у царя много шпионов и солдат. Русские рабочие должны теперь соединяться в тайные кружки, чтобы просвещать своих товарищей, которые еще не понимают, чего им надо добиваться. Эти кружки должны об'яснять рабочим, что им надо бороться с гнетом и произволом самовластного правительства и с эксплоатациею капиталистов. С каждым днем будет расти число сознательных рабочих, все больше и больше будет среди них недовольных правительством, шаг за шагом будет увеличиваться их сила, пока не наступит час падения самодержавия. «Учащаяся молодежь уже давно начала, в лице своих лучших представителей, борьбу с правительством, но сил ее одной слишком недостаточно, чтобы справиться с ним. Только когда рабочие возьмут протянутую им студентами-социалистами руку, они будут силой».

Изложенную программу социал-демократов представляется необходимым иметь в виду для правильной оценки последующих фактов, выясненных дознанием, которое захватывает преступную деятельность этих лиц большею частью в подготовительный период противоправительственного рабочего движения.

Но сами социал-демократы не выдерживали в агитационной деятельности своей программы и вместо подготовления рабочих к политическому движению путем подстрекательства их на борьбу с хозяевами исключительно на экономической почве, они начинали с того, что воз-

буждали рабочих против верховной власти. Это видно как из изложенного выше содержания изданных для рабочих брошюр «Царь-голод» и «Рабочий день», так в особенности из установленных дознанием данных о преступной деятельности обвиняемого бывшего чиновника Комиссии погашения государственных долгов губернского секретаря Пантелеймона Николаева Лепешинского.

По произведенному у него в ночь на 9 декабря 1895 г. в доме № 7, по Торговой улице, обыску, были найдены все принадлежности для печатания мимеографическим способом, как-то: рамка, два валька, студенистая масса и стеклянный цилиндр для приготовления валька, литографская краска и 350 листов тонкой навощенной и разграфленной в клетку бумаги, употребляемой для мимеографических работ. На упомянутой рамке был натянут лист такой бумаги с проколотым на нем точками текстом первой страницы, начатой печатанием брошюры по поводу стачек на еврейской табачной фабрике Эдельштейна в Вильно.

Все это несомненно указывало на то, что печатание производилось в квартире Лепешинского. Кроме сего, у последнего оказалось семь экземпляров воспроизведенной указанным выше способом прокламации под заглавием: «Императорского Дома Нашего приращение». Эта прокламация сочинена по поводу рождения ее императорского высочества великой княжны Ольги Николаевны и начинается стихами, в которых проводится мысль, что рождение княжны является для народа не радостью, а новым лишним бременем; стихи оканчиваются словами: «ах, скоро ли рукою твердою ты (т.-е. народ) с корнем вырвешь это зло и скажешь лишь с усмешкою гордою,—было, быльем поросло». Далее изложены преступного характера суждения о доходах царствующего дома, при чем встречается резкая форма оскорбления величества, так как Государь Император называется «Августейшим животным», а в конце прокламации написано: «в результате этого счастья (т.-е. рождения великой княжны) будет то, что несколько десятков тысяч новых разорений в крестьянском мире из-за недоимок увеличит количество голодных людей в России и умножит число лиц, которые должны будут попасть в тюрьмы и на каторгу. Так пусть же будет проклято все это отродье паразитов, это величайшее зло и несчастье нашей родины».

По производстве экспертизы почерка, которым написана эта прокламация, эксперты Дмитриев и Голике пришли к заключению, что первый полулист прокламации написан рукою упомянутого студента С.-Петербургского университета Павла Павлова Романенко, а второй полулист—рукою Лепешинского. По мнению экспертов, тот же Романенко

несомненно написал «Отчет С.-Петербургского отделения общества Красного Креста» (для помощи политическим ссыльным и заключенным, с 1 мая по 1 декабря 1895 года, оттиски которого в числе 230 экземпляров были найдены при обыске у Лепешинского. Этот отчет, несомненно, был отпечатан последним, так как в отобранных у него бумагах имеются следы от пробы тиснения текста отчета. В тех же бумагах был найден также напечатанный на мимеографе экземпляр разбросанного в ноябре 1895 г. на фабрике Торнтона воззвания, начинающегося словами: «Рабочие и работницы фабрики Торнтона, 6 и 7 ноября должны быть для всех вас памятными днями». В этом воззвании заключается призыв ткачей к продолжению возникшей на названной фабрике стачки для того, чтобы принудить хозяев фабрики исполнить требования рабочих относительно условий работы и платы за эту работу и за квартиры в фабричных зданиях. Кроме сего, у Лепешинского оказалось значительное количество революционных изданий, напечатанных в 1895 году в тайной типографии, выпускающей брошюры с пометкою «издание группы народовольцев», а именно 16 экземпляров брошюры «Царь-голод», 16 экземпляров брошюры «Рабочий день», народовольческая программа, 32 экземпляра брошюры «Ткачи», брошюра под заглавием «Стачки и их значение для рабочих», с описанием пяти рабочих стачек, бывших весною и летом 1895 г. в Ярославле, Иваново-Вознесенске и Москве; эта брошюра воспроизведена мимеографическим способом. Печатные брошюры оказались неразрезанными. Названная брошюра «Ткачи» есть перевод с немецкого драмы Гауптмана, в которой последовательно излагаются сцены несправедливого расчета фабриканта с истомленными работой ткачами, бедственного положения последних в их домашнем быту, постепенное возникновение среди голодающих ткачей брожения, которое переходит в открытое восстание против богачей-фабрикантов. Далее следуют картины нападения ткачей на чинов полиции и на фабрику с разрушением ее и поджогом, и драма заканчивается появлением войска, которое стреляет на улице деревни в толпу невооруженных ткачей, убивая не только последних, но их жен и стариков в самых их жилищах. В упомянутой рукописи о стачках, найденной у Лепешинского, драма «Ткачи» особенно рекомендуется для чтения русским рабочим, на которых она может производить гораздо более резкое и сильное впечатление, чем другие подпольные произведения, изложенные в форме рассуждения. Привлеченный к делу в качестве обвиняемого Пантелеймон Николаев Лепешинский, не признавая себя виновным в принадлежности к социал-демократическому сообществу, показал, что в половине ноября 1895 г. одно

лицо, которое он отказывается назвать, предложило ему заняться воспроизведением на мимеографе подпольных сочинений, которые ему будут приносить. Лепешинский согласился и сам приготовил принадлежности для тиснения, в том числе валик, для которого металлическая ручка была сделана, по словам обвиняемого, другим лицом, каковым оказался по дознанию рабочий Василий Яковлев Антушевский. Обвиняемый Лепешинский признал, что им отпечатаны 230 экземпляров Отчета общества Красного Креста для помощи политическим ссыльным и заключенным и 450 экземпляров прокламации «Императорского Дома нашего приращение», и об'яснил, что весь текст этой прокламации был первоначально написан одною рукою, но при печатании оказалось, что второй полулист плохо выходит, а потому он переписал этот полулист собственноручно. По отпечатании Лепешинский, по его словам, убедился, что прокламация написана в чрезмерно-резком тоне, а потому он все оттиски, за исключением отобранных у него, уничтожил. Но это последнее об'яснение Лепешинского не заслуживает доверия, так как в дознании имеются указания на распространение названной прокламации, экземпляр которой, видимо бывший в значительном пользовании, был отобран у упомянутого выше рабочего Василия Антушевского, другой же экземпляр был, во время обыска у Лепешинского, выброшен в форточку из соседней комнаты студента Степана Гуляницкого.

Относительно остальных, найденных у Лепешинского, преступных изданий он об'яснил, что народовольческие брошюры были сложены у него его знакомым для хранения потому, что квартира его, как лица, находившегося на государственной службе, казалась более безопасною; что же касается воззвания к рабочим фабрики Торнтона, то он такового не печатал и лишь получил один экземпляр воззвания от знакомого.

Приведенное выше указание экспертизы на то, что половина текста прокламации «Императорского Дома нашего приращение» и «Отчет общества Красного Креста» несомненно написаны студентом С.-Петербургского университета Павлом Романенко, нашло себе подтверждение в результатах произведенного у Романенко обыска и в данных дознания.

По обыску у Романенко были, между прочим, найдены 54 листа тонкой навощенной бумаги, разграфленной сеткой; эта бумага, по внешнему виду и по размерам клеток сетки, оказалась тождественной с бумагою, найденною у Лепешинского, которою он пользовался для мимеографических работ, а также—рецепт для составления желатиновой массы, печатный экземпляр «Манифеста» партии народного права,

на котором отмечено карандашом «переписать, возвратить в субботу 58 ст.» (т.-е. число строк манифеста), рукопись «Карл Каутский. Основы социал-демократии», на первой странице которой написана фамилия Антушевского, экземпляр «Отчета общества Красного Креста для помощи политическим ссыльным и заключенным», написанный, по заключению экспертов, рукою Романенко для мимеографа и тождественный по содержанию с отчетами, отпечатанными Лепешинским. Кроме сего, у Романенко оказалось значительное число революционных сочинений, а именно: 24 экземпляра «Речи Алексеева» с предисловием Плеханова, брошюры «Хитрая механика», «Задачи рабочей интеллигенции в России», соч. Аксельрода, «Голос за русский народ», «История революционного движения в России» Туна, «Наемный труд и капитал» Маркса, «О безвыходности украинского социализма в России» и брошюра «Ткачи».

Вместе с сим у студента Степана Гуляницкого, у которого проживал обвиняемый Лепешинский, при обыске была найдена рукопись со статьею об Императоре Александре III, которая представляет из себя возмутительное издевательство над личными качествами и деятельностью в бозе почившего Императора, и биографиею государственного преступника Михайлова. В конце рукописи помещены заметки о лицах, казненных по делу 1 марта 1881 года. По заключению экспертов, эта рукопись написана рукою Романенко, и сам Гуляницкий, не указывая прямо, от кого именно он получил эту рукопись, признавал возможным, что ее дал ему Романенко, который в течение 1895 г. изредка посещал его, при чем заходил и к Лепешинскому; последний также не отрицал своего знакомства с Романенко. Эти данные дознания указывали, что Романенко, хранивший у себя революционные издания, принимал ближайшее участие в преступной деятельности Лепешинского, при чем написал последнему, для воспроизведения на мимеографе, прокламацию «Императорского Дома нашего приращение» и «Отчет тайного общества для помощи политическим ссыльным и заключенным». Допрошенный в качестве обвиняемого, студент С.-Петербургского университета Павел Павлов Романенко не признал себя виновным в указанном выше преступном деянии, но не отрицал того, что бывал осенью 1895 года у Гуляницкого и познакомился с Лепешинским. Относительно найденных у него преступных изданий Романенко показал, что частью их купил, частью получил от своих знакомых, которых назвать не желает; относительно рукописи об Императоре Александре III Романенко утверждал, что эта рукопись написана не им и что он не давал ее Гуляницкому. Что же касается найденного у него экземпляра Отчета общества Красного Креста, то, по словам Романенко, он получил этот Отчет от

кого-то из знакомых за несколько дней до произведенного у него обыска. Но из показаний Лепешинского оказывается, что он напечатал этот Отчет вечером 8 декабря, а так как Лепешинский и Романенко были одновременно арестованы в ночь на 9 декабря, при чем у Романенко имелся уже экземпляр Отчета, тождественный с отобранными у Лепешинского 8 декабря, когда печатался упомянутый Отчет. Это обстоятельство вполне подтверждает указания дознания на то, что Романенко был соучастником Лепешинского.

Кроме означенной выше рукописи об Императоре Александре III, у Гуляницкого, занимавшего комнату рядом с комнатою, в которой Лепешинский производил печатание на мимеографе, при чем эти помещения соединялись незапертою дверью, была найдена рукопись революционного содержания, озаглавленная «По поводу речи царя», написанная рукою Гуляницкого. В этой рукописи сначала изложены рассуждения, в которых автор осмеливается порицать речь Государя Императора, сказанную 17 января 1895 года перед представителями сословий, а затем излагается призыв к борьбе с правительством и разрабатывается программа социалистической пропаганды и агитации, успехи которой, терроризируя правительство, заставят его, по мнению автора, пойти на уступки.

Независимо от сего, при дознании выяснилось, что крестьянин Степан Максимов—дворник дома, в котором был произведен в ночь на 9 декабря 1895 г. обыск в квартире Гуляницкого и Лепешинского, помещавшейся в 4-м этаже, 10 или 11 декабря, обметая от снега карниз над 1-м этажем, смел с него в месте, которое приходится под окнами упомянутой квартиры, правильно сложенный вчетверо лист бумаги, который оказался экземпляром прокламаций «Императорского Дома нашего приращение». Так как у Лепешинского найдено семь таких же экземпляров и все принадлежности тиснения, то ему не было никакой надобности выбрасывать один лист прокламации из числа многих, изобличавших его вещественных доказательств, и так как обыск производился сначала у Лепешинского, а затем обыскивавшие направились в соседнюю комнату Гуляницкого, то едва ли может подлежать сомнению, что найденная дворником Максимовым прокламация была выброшена Гуляницким через имевшуюся в его комнате форточку. По обстановке, при которой вели совместную жизнь Лепешинский и Гуляницкий сначала в доме № 7 по Торговой улице, и по роду работы на мимеографе, для которой Лепешинский протягивал поперек комнаты веревку с блоком, нельзя допустить, чтобы о производстве этой работы не было известно Гуляницкому, а нахождение Максимовым выброшенной прокла-

мации указывает на то, что Гуляницкий знал и о результатах тайной работы, производившейся в его квартире с его ведома. Но обвиняемый студент С.-Петербургского Технологического Института Степан Степанов Гуляницкий на допросе при дознании утверждал, что ему, будто бы, не было известно о том, что Лепешинский занимался печатанием на мимеографе, и что он найденной Максимовым прокламации не выбрасывал. Относительно рукописи «По поводу речи царя» Гуляницкий признал, что она переписана им с печатного экземпляра, а рукопись со статьями об Императоре Александре III он, как упомянуто выше, получил года три тому назад, не помнит от кого именно, может быть и от Романенко.

Хранение Гуляницким упомянутой прокламации в связи с тем указанным выше фактом, что экземпляр той же прокламации был отобран у рабочего Антушевского, является новым доказательством, опровергающим показание обвиняемого Лепешинского о том, что он все напечатанные им экземпляры этой прокламации, кроме найденных у него, уничтожил.

Точно так же оказывается ложным и другое заявление Лепешинского о том, что он, не занимаясь устной пропагандой, не входил в преступные сношения с рабочими. Уже в его показании содержатся указания на то, что к нему в его квартиру иногда приходило 3 или 4 человека рабочих, в том числе Антушевский и Филипп Галактионов, с которыми он вел беседу по рабочему вопросу. Если, судя по политическому направлению Лепешинского, можно только предположительно заключать о содержании этих бесед, то, независимо от указания на эти собрания, дознание представляет несомненные доказательства того, что Лепешинский вовлекал рабочих в преступную деятельность. В этом отношении обращает на себя особенное внимание рабочий Антушевский. По произведенному у него обыску были, между прочим, найдены вырванные из записной книжки листки, на которых, как признано экспертизою и самим Антушевским написан рукою Лепешинского рецепт для составления массы из глицерина и желатина, а также записан спермацет, употребляемый для наклейки вощеной бумаги на рамку мимеографа; кроме того, на тех же листках оказались чертежи станка для мимеографа, металлической ручки, валика и точно такого стеклянного цилиндра для приготовления валика из студенистой массы, какой при обыске оказался у Лепешинского. Это указывало, что последний учил Антушевского производству работ на мимеографе, при чем давал ему восковую сетчатую бумагу, кусок которой со следами опыта начертания на ней букв был также найден у Антушевского. Приготовление

металлического станка для валька с выдвижным стержнем, необходимого для мимеографа, не могло не быть затруднительно для Лепешинского, и нахождение у Антушевского рисунка этого станка давало основание предполагать, что Лепешинский поручил изготовление этого станка Антушевскому, что и нашло себе затем полное подтверждение при дознании в об'яснениях Антушевского.

Но этим не ограничивались преступные сношения Лепешинского с Антушевским. По обыску у последнего, кроме вышеуказанного, были найдены: 1) три экземпляра описанной выше брошюры «Предисловие», 2) пять экз. брошюры «Царь-голод», 3) шесть экз. брошюры «Ткачи», 4) три экз. брошюры «Рабочий день», 5) воспроизведенная на мимеографе статья «Стачки и их значение для рабочих», тождественная с найденной у Лепешинского, 6) брошюра Дикштейна «Кто чем живет», 7) три копии секретных циркуляров воронежского и петербургского губернаторов 1877, 1892 и 1893 г.г., 8) «Речь Лаврова», 9) брошюра «Что теория ценностей должна раз'яснить», 10) рукопись, озаглавленная «К годовщине 1 марта», в которой цареубийцы восхваляются, как герои, отдавшие свою жизнь за благо народа, для которого они должны служить примером в борьбе с его правительством, 11) «Эрфуртская программа», 12) рукопись, начинающаяся словами «Какова бы ни была цель и форма нашего союза»; из содержания этой рукописи, повидимому представляющей предисловие к уставу кассы, усматривается, что проектируемая организация рабочего союза ставит главною задачею «вести систематическую борьбу за освобождение труда от порабощения его капиталом», и имея в виду, что в этой борьбе имеет большое значение устройство стачек, автор рекомендует рабочим начать прежде всего с учреждения кассы для помощи стачечникам. По произведенной экспертизе эта статья оказалась, несомненно, написанною рукою Лепешинского и это обстоятельство признал и сам Лепешинский, сознавшийся в том, что он передал эту рукопись Антушевскому, при чем, будто бы, не желал подстрекнуть его на устройство тайных кружков. Но передача Антушевскому рукописи, повидимому, достигла намеченной в ней цели, так как у Антушевского оказались написанные его рукою: 1) программа рабочей организации, в которой указывается на необходимость вести борьбу с капитализмом путем устройства стачек, пред'являть требования правительству через подачу петиций и манифестаций, вести на фабриках и заводах в обыденной жизни, на сходках и в кружках самообразования, широкую пропаганду идей «лучшего строя», организовать названные кружки и изыскивать все способы для агитации; 2) записка о статьях прихода и расхода тайного рабочего товарищества; 3) пра-

вила центральной рабочей кассы для устройства библиотек, поддержания старых и образования новых рабочих кружков и 4) два наброска речи, которую Антушевский приготовлялся сказать рабочим об эксплоатации их капиталистами. В этой речи к числу капиталистов причисляется царь, так как у него лучшие земли, фабрики, заводы, на которых рабочие трудятся только на царя, при чем из крестьян и рабочих высасывается последняя кровь. Антушевский призывает рабочих к сплочению и к борьбе с правительством для изменения существующего строя. Эти проекты речи имеют соотношение с оказавшейся у того же Антушевского пароходной квитанцией, выданною 24 августа 1895 г. на имя Лепешинского в получении 30 руб. на прогулку на пароходе «Тулон» от Летнего сада вверх по Неве 3 сентября с 8½ час. утра. По данным наблюдения и показанию Василия Галла *), во время этой прогулки, в которой участвовали, в числе других, Лепешинский, Антушевский, Галактионов, рабочий Андреев, Шелгунов, дочь полковника Елена Дмитриевна Устругова и дочь землемер-таксатора Вера Владимировна Сибилева,—первые двое произносили речи о тяжелом положении рабочего класса и способах к его улучшению, при чем правительство называлось «узурпатором» и «угнетателем народа». Остальных участников этой сходки не представилось возможным обнаружить, но из найденного в бумагах Антушевского счета расходов по прогулке на пароходе видно, что общая сумма этих расходов была разделена между 19 лицами.

Обвиняемый Лепешинский, допрошенный при дознании по поводу участия его в сходке на пароходе «Тулон», показал, что лица, задумавшие устроить эту прогулку, обратились к нему в конце августа с просьбою заказать пароход потому, что он, как человек привилегированный, мог устроить это с меньшими затруднениями, чем простой рабочий. Он заказал пароход, деньги же были уплачены не им и ему неизвестно, почему пароходная квитанция оказалась у Антушевского. Но это последнее обстоятельство вполне об'ясняется тем, что, судя по упомянутому счету расходов, в числе которых значатся и 30 рублей, уплаченных за пароход, все расходы по поездке производил Антушевский. По словам Лепешинского, в прогулке на пароходе «Тулон» участвовало до 15 человек, в том числе несколько женщин. Прогулка продолжалась от 10 часов утра до вечера, при чем до Шлиссельбурга не доезжали; дорогою участники делали сообщения о прочитанном, о крестьянской

*) Привлекавшийся уже к прежним делам о рабочей пропаганде англичанин Василий Галл явно играл роль если не провокатора в прямом смысле слова, то агента-информатора охранки в рабочей среде. *Прим. Л. Мартова.*

общине и друг.; говорил и Лепешинский, но, по уверению его, эта прогулка имела характер увеселения, а не сходки тайного сообщества.

Ввиду изложенных данных к дознанию был привлечен в качестве обвиняемого крестьянин Василий Яковлев Антушевский, служивший токарем по металлу в механической мастерской Невской пригородной конножелезной дороги. При допросе Антушевский, признавая, что принадлежит к рабочему кружку, показал, что познакомился с Лепешинским в июле 1895 г. на гулянье и посещал его в доме № 79 по Забалканскому пр. и в доме № 7 по Торговой улице. Лепешинский рассуждал с ним о бедственном положении рабочих и познакомил его с устройством мимеографа. Оказавшиеся на отобранных у него листках записной книжки чертежи цилиндра для приготовления мимеографического валька и станка для того же валька нарисованы им по указанию Лепешинского, который на одном из этих листков написал состав массы, с обозначением весовых ее частей, для приготовления валька, необходимого при работе на мимеографе. По просьбе Лепешинского он сделал для него по упомянутому рисунку металлический станок для валька, отобранный при обыске у Лепешинского. Кроме того, Лепешинский дал ему кусок мимеографической бумаги, на которой пишется текст, предназначаемый для воспроизведения, и Антушевский упражнялся в письме по этой бумаге, подложив под нее напильник, который необходим для того, чтобы на бумаге контуры букв выходили последовательными рядами точечных проколов; Лепешинский предупредил однажды Антушевского, что вскоре выйдет прокламация, которую полезно распространить в среде рабочих; через короткое время он передал ему экземпляр прокламации под заглавием «Императорского Дома нашего приращение» и показывал целую пачку отпечатанных им, Лепешинским, таких же прокламаций. Антушевский, признавая себя виновным в хранении найденных у него преступных изданий, отказался об'яснить, от кого он их получил, и не отрицал, что указанные выше рукописные заметки об устройстве кассы и библиотеки и программа борьбы рабочих с капиталистами и правительством написаны им самим. Антушевский показал, что найденную у него квитанцию об уплате 30 рублей за пароход он получил на имя Лепешинского в пароходной кассе Финляндского легкого пароходства и участвовал в устроенной, сколько ему известно, Лепешинским прогулке на «Тулоне» для того, чтобы участвовавшие в ней рабочие могли познакомиться друг с другом. Для этой прогулки Антушевский заготовил отобранные у него и указанные выше речи преступного содержания, но этих речей, будто бы, рабочим не произносил. По словам Антушевского, в числе лиц, участвовавших в этой прогулке, находились две жен-

щины, и это, в свою очередь, вполне согласуется с данными наблюдения, по которым в сходке на пароходе участвовали Елена Устругова и Вера Сибилева.

При дальнейшем производстве дознания Антушевский изменил свое показание и стал утверждать, что он не изготовлял металлического станка для валька по заказу Лепешинского, но это заявление не заслуживает уважения, ибо сам Лепешинский не умел об'яснить, как он приготовил упомянутый станок, и представляется вполне правдоподобным первое показание Антушевского о том, что Лепешинский поручил ему изготовить станок, т.-е. исполнить работу, соответствующую роду обычных занятий Антушевского, как рабочего по изготовлению металлических вещей.

Другой обнаруженный из числа рабочих участник сходки на пароходе «Тулон» рабочий ткацкой фабрики Кожевникова Филипп Галактионов, не признавая себя виновным в принадлежности к социал-демократам, отрицал какие-либо свои сношения с последними, но наблюдением выяснено, что он посещал Елену Устругову и, по показанию Лепешинского, не только бывал у него на квартире с другими рабочими для бесед, но и находился в числе лиц, ездивших 3 сентября на «Тулоне». По произведенному у Галактионова обыску ничего преступного в политическом отношении найдено не было; в числе имевшихся у него книг оказался экземпляр брошюры «Экономическая система Карла Маркса», издание Павленкова.

К иным результатам привел обыск, произведенный у Елены Уструговой. У нее были найдены: 1) преступного содержания брошюра «Кто чем живет», соч. Дикштейна, 2) несколько приготовленных для воспроизведения на гектографе листков (стр. 57—63) перевода сочинения Лассаля «Идея рабочего сословия», составляющих продолжение таких же листков, найденных у близкой знакомой Уструговой, учительницы Веры Сибилевой, 3) записная книжка, в которой оказались записанными инициалами преступные издания «Кто чем живет», «Что нужно знать каждому рабочему», «Речь Бардиной», «Летучий листок», «На рубеже» и друг.; имевшееся у Уструговой число экземпляров этих изданий, цена каждого экземпляра и количество полученных за них денег, с подведением общего итога вырученной суммы, 4) три копии адресов земств, поданных на имя государя императора Николая II, 5) тетрадь, в которой написаны статьи, начинающиеся словами «наша конечная цель—социальное равенство» и выписки из брошюр «Рабочий день», «Царь-голод», из «Манифеста коммунистической партии» и письма исполнительного комитета Императору Александру III и 6) фотогра-

фии Герцена и ареста Белинского. Вместе с тем из показания ее отчима присяжного поверенного Корсакова видно, что Устругова, оставив учение в высших женских курсах, сделалась учительницей в воскресной школе и вступила в непосредственные отношения к рабочим, которые иногда собирались в ее комнате, при чем Устругова об'яснила эти посещения необходимостью заняться с учениками в дополнение к урокам в школе. По данным же наблюдения, вполне согласующимися с упомянутыми записями в книжке Уструговой, она занималась распространением среди рабочих революционных изданий, при чем было замечено, что такие издания она приносила в Щербаков переулок в квартиру рабочих Дмитрия Давыдова и Петра Соколова, которые, однако, отрицали это обстоятельство при допросе их на дознании.

Обвиняемая дочь полковника Елена Дмитриева Устругова показала, что она не принадлежала ни к какому противоправительственному сообществу и преступной в политическом отношении пропагандой не занималась. Отрицая распространение ею революционных изданий среди рабочих и свое участие в сходке на пароходе «Тулон», Устругова, не представляя никаких, заслуживающих обсуждения, об'яснений значения ее заметок в записной книжке о продаже революционных изданий и о листках из сочинений Лассаля, приготовленных для тектографирования, показала, что она знакома с рабочим Галактионовым, который ее посещал вместе с другими рабочими по поводу обучения их в воскресной школе Технического общества в Глазовой улице, и с учительницей Верою Сибилевою, с которою она совместно обучала в 1895 г. рабочих в той же школе, а также с рабочим Николаем Рядовым. Ниже будет изложено, что из числа рабочих, посещавших эту школу, наиболее способные к их распропагандированию направлялись в квартиру, нанятую Николаем Рядовым над помещением школы, и в этой квартире устраивались сходки под руководством обвиняемых по сему дознанию студентов Технологического Института Петра Запорожца и Василия Старкова.

Что же касается дочери землемер-таксатора Веры Сибилевой, то выяснение ее участия в преступной пропаганде социал-демократов приводит дознание к исследованию деятельности тайного кружка рабочих, образованного за Нарвской заставой литейщиком мещанином Николаем Яковлевым Ивановым и состоявшего из Николая Иванова, его брата Константина, рабочего Путиловского завода Ивана Васильева Ефремова, литейщика Семянниковского завода Петра Иванова Машенина, названного выше рабочего Николая Рядова и мещанки Федосьи Никифоровой Норинской. Из об'яснений этих лиц, данных при дознании, оказалось следующее.

Николай Иванов еще летом 1894 года образовал тайный кружок, в который ввел работавшего в то время на Путиловском заводе Петра Машенина, и последний стал посещать сходки этого кружка в квартире Иванова в доме № 64 по Петергофскому шоссе за Нарвскою заставою. На этих сходках, по словам Машенина, занимались разговорами по рабочему вопросу и Николай Иванов читал вслух книжки, из числа которых Машенин помнит «Хитрую механику», «Праздник 1 мая», «Труд и капитал». Николай Иванов, носивший прозвище «Киськи», говорил на сходках, что в Петербурге имеется много таких же кружков рабочих на окраинах города, почти везде, где находятся фабрики и заводы. Упомянутая Федосья Норинская с августа 1894 г. по февраль 1895 г. проживала в квартире Николая Иванова и также принимала участие в сходках его кружка, занятиями которого руководил интеллигент, признаваемый Норинскою и Константином Ивановым в личности привлеченного к сему дознанию студента Петра Запорожца, который на сходках раз'яснял рабочим разные вопросы о товаре, о заработной плате и т. п. Посещая кружок, Запорожец не называл своей фамилии, именовался «Василием Федоровичем» и носил рабочий костюм. То же подтвердил при дознании рабочий Путиловского завода Филимон Петров, который познакомился с Николаем Ивановым через Василия Шелгунова, и, бывая у Иванова за Нарвской заставой, встречал там Федосью Норинскую, Николая Рядова и рабочего Петра Давыдова. Этих лиц он видал на происходивших в квартире Иванова сходках, которыми руководил упомянутый студент Запорожец.

Через Николая Иванова Федосья Норинская, Константин Иванов, Ефремов и Машенин познакомились с названной выше Верою Сибилевой, которая, вместе со своею подругою, учительницею Елизаветою Капитоновой Агринской была во время рождественских праздников на вечеринке в квартире Николая Иванова и пригласила всех названных лиц притти к ее знакомым. Вскоре после этой вечеринки, а именно, 5 января 1895 г. Николай Иванов повел Норинскую, своего брата Константина, Ефремова и Машенина, а также знакомую Норинской Елизавету Желабину в какой-то дом на Гагаринской улице, где, по данному Сибилевой адресу, они разыскали квартиру, в которой их встретили Сибилева, Елизавета Агринская и еще один господин с дамою. Этих последних поименованные лица, пришедшие с Николаем Ивановым, признали на дознании в личностях доктора городской Пантелеймоновской больницы Степана Станиславова Быковского и его сожительницы—сестры Елизаветы Агринской—Елены. По словам Норинской, на этом собрании Сибилева и Елизавета Агринская беседовали с пришедшими о рабочем

вопросе, говорили о необходимости организации рабочих кружков для борьбы как с фабрикантами, так и с правительством, которое поддерживает фабрикантов; а Быковский советовал дружно сплотиться рабочим кружкам для немедленной борьбы с правительством, так как, по его словам, необходимо в этой борьбе перейти к более быстрым действиям.

Это показание Норинской дополняется об'ясиениями других лиц, участвовавших на сходке у Быковского. Иван Ефремов показал, что с ним исключительно вела разговор Елена Агринская, которая убеждала его в том, что рабочие должны соединяться в кружки, стараться увеличивать их число и устроить одну общую организацию для борьбы с фабрикантами и правительством, а Быковский толковал, что рабочие должны действовать скорее, и через смуты на фабриках и заводах заставить правительство уступить их требованиям. Кроме сего, из показаний Константина Иванова и Петра Машенина оказывается, что Быковский рассказал собравшимся в его квартире рабочим о том, что в Москве студенты освистали профессора за его лекцию о царствовании Императора Александра III и разбросали затем списки басни фон-Визина о смерти льва—царя зверей. Быковский при этом рассказе прочел рабочим названную басню под заглавием «Лисица казнодей», которая, в применении к рассказу о случае с московским профессором, получала значение глумления над священною памятью в Бозе почившего Императора. Копия этой басни имеется при деле, так как оказалась в числе бумаг, отобранных у обвиняемого Антушевского.

Кроме сего, допрошенный при дознании слесарь Василий Галл показал, что бывший на сходке у Быковского Николай Иванов говорил ему, что Быковский на этой сходке высказывал, что ожидать, пока рабочие разовьются путем кружковой деятельности и раздачи им книжек, слишком долго, нужно действовать быстрее, энергичнее, с натиском на правительство, как действовали народовольцы.

Привлеченные к дознанию, ввиду изложенных данных, в качестве обвиняемых врач Степан Станиславов Быковский и дочь титулярного советника Елена Капитонова Агринская были подвергнуты обыску, при чем у Быковского была найдена рукопись со статьей по поводу стачки на еврейской табачной фабрике Эдельштейна в Вильно; эта статья оказалась тою самою, первую страницу которой начал печатать на мимеографе обвиняемый Лепешинский в вечер перед его арестом.

Статья, изложенная в найденной у Быковского тетради,—преступного в политическом отношении содержания; в ней рабочие возбуждаются к борьбе с правительством, которое, по словам автора, везде стремится водворить русское бесправие не только между евреями и поля-

ками, но даже и в Финляндии, в последней со времени вступления на престол «недоброй памяти» Александра III». В пример стачек приводятся волнения в Белостоке и обещается поддержка русских, польских и литовских рабочих для борьбы с русским правительством.

При допросе обвиняемый Степан Быковский показал, что он не знает, как попала к нему описанная рукопись, которую он до обыска в своей квартире не видал. 5 января 1895 г. у него было нескольких рабочих и Вера Сибилева, которая пришла к Елизавете Агринской, проживавшей вместе с ее сестрой Еленой в его квартире на Гагаринской улице. Разговор, между прочим, зашел о беспорядках в Московском университете, где студенты разбросали басню фон-Визина. Так как у Быковского был список этой басни, то, по просьбе присутствовавших, он прочитал вслух эту басню, не имея намерения смущать рабочих. По уверению Быковского, ни он сам, ни Сибилева, ни Агринская в тот вечер не вели с рабочими никаких противоправительственных разговоров и не склоняли рабочих к организации тайных кружков. Обвиняемая Елена Капитонова Агринская первоначально отвергала факт сходки 5 января и даже свое знакомство с Верою Сибилевой, но впоследствии признала, что рабочие означенного числа в квартире Быковского действительно были, но при этом ни она, ни другие лица никаких разговоров об организации рабочих кружков и борьбе с правительством не вели. Что же касается Веры Владимировой Сибилевой и Елизаветы Капитоновой Агринской, также привлеченных к сему дознанию в качестве обвиняемых, то их преступная деятельность не ограничилась устройством в квартире Быковского сходки для участников кружка, составленного рабочим Николаем Ивановым. Последний, как видно из показаний названных выше рабочих Ефремова и Машенина, принадлежавших к его кружку, водил весьма часто их, по субботам, на квартиру Веры Сибилевой, в доме № 26 по Загородному проспекту, под предлогом обучения грамоте, но, вместо обучения, беседы заключались в том, что Сибилева рассуждала с Николаем Ивановым о рабочих стачках и советовала организовать среди рабочих кружки самообразования и кассы взаимопомощи, устраивать забастовки на заводах и фабриках и стачки рабочих с целью, как она говорила, улучшить быт рабочих; кроме того, Сибилева читала им о 8-часовом рабочем дне и о каких-то похоронах, на которых пели марсельезу. В одно из этих посещений Сибилева дала Машенину, для прочтения, напечатанную синими буквами брошюру (очевидно, гектографированную), которая, по ее заголовку, имела значение ежемесячного издания, и в ней говорилось о стачках рабочих и арестах; издание это было секретное. Ефремов, получив брошюру от

Машенина, передал ее рабочему Василию Галлу, который при дознании сослался по этому обстоятельству на запамятование. Точно так же, как видно из показаний Василия Галла, Сибилева передала Федосье Норинской для чтения брошюру «Новейшая русская история», в которой изложено революционное движение в России, начиная с Каракозова и кончая 1-м мартом 1881 года.

Независимо от приведенных указаний на распространение Сибилевой подпольных изданий, из дознания видно, что ее квартира была одним из центров, откуда рабочие снабжались этого рода изданиями. В конце апреля Николай Иванов должен был уехать из Петербурга на родину. По этому случаю в его квартире собралась 26 апреля сходка, на которой участвовали не только члены его кружка, но и представители других тайных кружков, существовавших в то время, как будет изложено ниже, за Нарвской заставой. На этой сходке, как видно из показания Ивана Ефремова, участвовали рабочие Борис Зиновьев, Петр Карамышев, Николай Дудинский, Николай Иванов, Федосья Норинская, Наталья Кейзер и он, Ефремов. Во время сходки Николай Иванов читал «Хитрую механику», а затем происходили выборы лица, которое заменило бы уезжавшего Николая Иванова по снабжению рабочих кружков запрещенными изданиями; был выбран Борис Зиновьев. Последний на допросе при дознании, между прочим, показал, что по упавшему на него на этой сходке выбору он должен был получать книги для рабочих в доме № 26 по Загородному пр., где, как упомянуто выше, проживала в то время Вера Сибилева. Но, по словам Зиновьева, он уклонился от выбора, опасаясь ответственности. Тем не менее причина, вызвавшая устройство этой сходки с указанной выше целью, дает основание с уверенностью заключить, что Сибилева распространяла, в особенности через Николая Иванова, революционные издания в среде рабочих. По словам Зиновьева, на описанной сходке Николай Иванов читал статью, которую он назвал московской новинкой и в которой говорилось о необходимости рабочим сплотиться для дружной борьбы с существующим порядком. Жившая по указанному Зиновьевым адресу Вера Сибилева, как видно из вышеизложенного, по своей преступной деятельности находилась в ближайшем соотношении с Елизаветою Капитоновою Агринскою, с которой она изыскивала способы давать помощь рабочим, привлеченным к дознаниям по обвинению в государственных преступлениях, и устраивать новые тайные рабочие кружки. Еще на сходке 5 января 1895 года у Быковского Сибилева, по словам Норинской, сказала ей, что если для пострадавших рабочих понадобятся деньги, то чтобы Норинская обращалась к ней, Сибилевой. Вследствие того предложения Но-

ринская разновременно получила от Сибилевой 30 рублей, из которых отправила своему мужу, Норинскому, высланному по делу группы народовольцев в Екатеринослав, 15 рублей и обвинявшимся по тому же делу Николаю Богданову *) — 10 р. и Логину Желабину — 5 р. 30 января 1895 г. Федосья Норинская переехала от Николая Иванова на квартиру к рабочему Василию Галлу в дом № 179 по набережной Фонтанки. По словам Галла, на этой квартире Норинскую посещали Вера Сибилева и рабочие Василий Шелгунов и Иван Иванов Яковлев, входившие, по данным наблюдения, в центральную группу социал-демократического сообщества. Сибилева приносила Норинской деньги, собранные в пользу высланных из Петербурга по политическим делам, например, Николаю Богданову и Норинскому. Однажды ночью к Федосье Норинской зашли Шелгунов и Николай Иванов, возвращавшиеся с какой-то сходки, и сообщили ей, что в Петербург тайно приехал Николай Богданов, и что надо собрать для него денежное пособие. Вскоре после того к Норинской пришла Сибилева и сказала, что за деньгами для Богданова надо с'ездить к какому-то интеллигенту, который живет и служит на каком-то заводе за Невской заставой химиком. К этому интеллигенту Норинская ездила часто, при чем Галл видал у нее билеты конки до Мурзинки. Это показание Галла совпадает с результатами наблюдения за преступною деятельностью упомянутого Ивана Иванова Яковлева, у которого в Гавани в доме № 71, по Наличной улице, 5 марта 1895 г. была сходка; на ней находились в числе других лиц Николай Иванов, Шелгунов и прибывший тайно в Петербург Николай Богданов. Федосья Норинская, при пред'явлении ей изложенного показания Галла, отрицала свои поездки в Мурзинку к какому то химику за деньгами и утверждала, что она получила деньги непосредственно от Сибилевой. Последняя оказывала денежную помощь привлеченным к политическим дознаниям не только сама, но и совместно с Елизаветой Капитоновой Агринской, которая в кружке Николая Иванова была известна под именем «Лидии Николаевны». Иван Иванов Кейзер, высланный из Петербурга в Колпино под надзор полиции по делу о группе народовольцев и поступивший там рабочим на судостроительный завод, а также его жена Наталья Степанова при дознании показали, что Сибилева и Агринская в феврале 1895 года приходили к Кейзеру в Петербурге, расспрашивали о порядках в доме предварительного заключения, где Кейзер содержался перед тем

*) Н. Богданов, слесарь карточной фабрики, привлекался к делам о рабочей пропаганде еще в 1891 г., а потом в 1894 г. *Прим. Л. Мартова.*

под стражею, и дали ему в пособие 10 рублей. Затем к Кейзеру заходила одна Агринская, принесла ему книги и обещала помогать ему деньгами. После от'езда Ивана Кейзера в Колпино, летом того же года, Кейзер через Желабину получил от Агринской 5 рублей, а в конце июля Сибилева и Агринская, узнав от Степановой адрес Кейзера, ездили к нему в Колпино. Вместе с тем Агринская устроила знакомство Ивана Кейзера с сыном чиновника Василием Александровым Ванеевым, служившим в Колпино на упомянутом заводе. Выше, при изложении данных наблюдения за деятельностью социал-демократов в Петербурге, были в числе лиц, участвовавших в преступном сообществе, указаны братья Анатолий и Василий Ванеевы. Младший из них, Василий Ванеев, прибыв в Колпино на службу на заводе в начале 1895 г., через Зинаиду Невзорову познакомился с Сибилевой и Агринской и в мае участвовал вместе с последними на сходке социал-демократического сообщества в Удельном лесу, где также находились Старков, Запорожец, Малченко и Анатолий Ванеев.

По произведенному у Василия Ванеева 9 декабря обыску были найдены: 1) записная книжка, в которой значится, что Ванеев давал читать служившему на Колпинском заводе Якову Андрееву сочинение Дикштейна, и 2) письмо следующего содержания: «Если вы захотите познакомиться с тем господином, то скажите, что Вас послала Лидия Николаевна, фамилии он не знает. Всего хорошего». Это письмо, как признала при дознании Елизавета Агринская, было написано ею и послано Ванееву, судя по штемпелю на конверте, 3 июля 1895 г. Значение этого письма вполне выясняется при сопоставлении его с письмом, найденным у Ивана Кейзера. В этом письме Кейзер пишет своей жене Наталье Степановой из Колпино в Петербург: «узнай от Лиды (т.-е. от Елизаветы Агринской) послала ли она ко мне для знакомства некоего Василия Александровича». Затем следует подробное описание примет этого лица и далее говорится: «по его словам, он знаком с Лидою, Верою и другими. Как только узнаешь, то тотчас же, как можно скорее, отвечай мне».

Иван Кейзер, привлеченный в 1894 г. к дознанию о С.-Петербургской группе народовольцев, играл в этой группе выдающуюся среди других рабочих роль, и проживание его в 1895 году в Колпино среди местных рабочих одновременно с Василием Ванеевым послужило Елизавете Агринской поводом ближе познакомить этих лиц, при чем, судя по содержанию приведенных писем, это знакомство имело конспиративный характер.

Допрошенный в качестве обвиняемого сын титулярного советника

Василий Александров Ванеев, не признавая себя виновным в принадлежности к социал-демократическому сообществу, показал, что, познакомившись через Зинаиду Невзорову с Елизаветой Агринской и Верою Сибилевой, он был в гостях у Агринской на даче в Удельной и, по приглашению своего брата Анатолия, участвовал в прогулке в Удельном лесу, где видел человек шесть или семь молодых людей в статских костюмах, и, кроме того, его брат Анатолий и товарищ последнего технолог были в студенческой форме. Во время этой прогулки никаких вопросов о революционной деятельности не возбуждалось, по крайней мере, Василий Ванеев этого не слыхал. С Иваном Кейзером он познакомился по указанию Елизаветы Агринской, приславшей ему упомянутое выше письмо. Ванеев бывал у Кейзера и встречался там с рабочими, при чем однажды в квартире Кейзера получил от рабочего Коинова брошюру «Кто чем живет», сочинение Дикштейна; эту брошюру Василий Ванеев, в свою очередь, давал читать сначала писарю завода, а затем младшему указателю рабочих, Якову Андрееву Андрееву, который брошюры ему не возвратил.

Но допрошенный при дознании названный Андреев, у которого по обыску ничего преступного найдено не было, отрицал сделанное на него Ванеевым указание. Последнее, однако, заслуживает доверия, так как соответствует сделанной Ванеевым записи в его книжке.

Из вышеизложенного усматривается, что Вера Сибилева и Елизавета Агринская вели преступные сношения с кружком Николая Иванова, устроили сходку у Быковского, на которой подстрекали рабочих к противоправительственной деятельности, затем они входили в сношения с лицами, привлеченными к политическим дознаниям, и оказывали им денежную поддержку и способствовали, через знакомство Василия Ванеева с Кейзером, развитию преступной пропаганды в Колпино. Кроме сего, Сибилева распространяла среди рабочих революционные издания как лично, так и через Николая Ивановича и участвовала в сходке на пароходе «Тулон». По обыску, произведенному в ночь на 9 декабря 1895 г., у Сибилевой были найдены: 1) 3 экземпл. брошюры «Рабочий день», при чем один из этих экземпляров оказался неразрезанным, а другой сильно зачитанным, 2) 3 неразрезанные экземпляра брошюры «Ткачи», 3) 1 экз. брошюры «Царь-голод», 4) 2 экз. брошюры «Кто чем живет» Дикштейна, 5) брошюра «Что теория ценностей должна раз'яснить», 6) газета «Русский Рабочий» № 1 января 1894 г. (Парижское изд. народовольцев), 7) брошюра «Предисловие», в которой изложена программа социал-демократической пропаганды, 8) брошюра «Речь Алексеева» с предисловием Плеханова, 9) сказка Щедрина «Вяленая

вобла», 10) приготовленные для воспроизведения на гектографе листки с переводом сочинения Лассаля «Идея рабочего сословия» (стран. 49 и 56 включительно), продолжение этого перевода оказалось, как упомянуто выше, у обвиняемой Устругової; по заключению экспертов, эти листки написаны обвиняемым по сему дознанию Анатолием Ванеевым и 11) гектограф, бывший в значительном употреблении. На допросе в качестве обвиняемой дочь землемер-таксатора Вера Владимирова Сибилева не признала себя виновной в принадлежности к социал-демократическому сообществу и отрицала как свое участие в каких-либо тайных сходках, так и свои преступные сношения с рабочими. Найденные у нее революционные издания она, по ее словам, частью купила или нашла, частью получила от других лиц, которых указать не желает, и предполагала раздавать их своим знакомым. Найденные у нее страницы из сочинения Лассаля она предполагала воспроизводить на имевшемся у нее гектографе и часть этих листков случайно оставила у своей подруги Елены Устругової, у которой они и были отобраны при обыске. Что касается Елизаветы Агринской, то при аресте ее в ночь на 9 декабря 1895 г. ничего преступного найдено не было, кроме запрещенных в России сочинений Бебеля и Браке и журнала «Die Neue Zeit» № 44—1894 года, а из ее переписки оказался относящимся к сему дознанию адрес Пантелеймона Николаева Лепешинского по месту его службы; этот адрес был написан рукою Елизаветы Агринской на клочке бумаги таким образом: «мин. погаш. госуд. долга, Лепеш. П. Н. Пантелеймонская ул. Николаевская». Через несколько дней после ареста Агринской, ее квартирная хозяйка Александра Иванова Фальберг, убирая комнату, которую занимала Агринская, стала вынимать ящики комода и между днами комода и нижнего ящика нашла сверток в газетной бумаге с какими-то печатными листками, при чем прочитала слова «долой царя». Догадавшись, что это запрещенные издания, она представила сверток полиции. По осмотру этого свертка при дознании в нем оказались: 1) гектографированная брошюра, в которой содержались статьи: «Рабочий день», издание русских социал-демократов «Об агитации», «Речь на 1 мая 1895 г.» и «Очерк революционного движения в России» Кричевского, 2) печатная брошюра «Рабочий день», издание группы народовольцев, 3) два экз. воспроизведенной на пишущей машине брошюры «Праздник 1 мая», перевод с польского, 4) воспроизведенная тем же способом социал-демократическая брошюра «Предисловие».

Обвиняемая дочь титулярного советника Елизавета Капитонова Агринская не признала себя виновною в принадлежности к социал-демокра-

тическому сообществу и показала, что найденные в ее комнате подпольные издания ей не принадлежат; по какому поводу она записала адрес неизвестного ей Лепешинского, об'яснить не может; пропагандою социал-демократических идей среди рабочих не занималась и не называла себя «Лидиею Николаевною». Желая познакомиться с бытом рабочих, она с Верою Сибилевою 31 декабря 1894 г. была за Нарвской заставой на вечеринке у Николая Иванова и пригласила его к себе. 5-го января Иванов неожиданно явился к ней в квартиру Быковского не один, а в сопровождении нескольких человек, полагая, что и у нее также будет вечеринка. Эти лица остались напиться чаю, при чем не происходило никаких разговоров о рабочих кружках и стачках, и она не помнит, читал ли Быковский в тот вечер басню «Лисица-казнодей». Тогда же у нее была в гостях и Вера Сибилева. С Василием Ванеевым Елизавета Агринская познакомилась на даче в Удельной и признает за свое письмо, которое она послала ему в Колпино, исполняя его желание познакомить его с Кейзером. Этого Кейзера Агринская узнала случайно во время поездки в Колпино и потому не могла заходить к нему, когда он жил еще в Петербурге. Агринская утверждала, что она Анатолия Ванеева, Старкова, Запорожца и Малченко не знает и на сходке в Удельном лесу не была. Это показание Агринской, относительно времени ее знакомства с Кейзером, опровергается последним; Кейзер знает Агринскую и Сибилеву с весны 1894 года, когда они посещали Матвея Фишера, принадлежавшего к С.-Петербургской группе народовольцев.

Изложенное показание Агринской о том, что она не занималась противоправительственной пропагандой среди рабочих, прямо опровергается приведенными выше показаниями участников тайного рабочего кружка Николая Иванова.

Проживавшая у Иванова Федосья Норинская не прекратила своей преступной деятельности и после того, как переехала от Иванова в конце января в квартиру Василия Галла в дом № 179 по Фонтанке. Галл на допросе при дознании показал, что недели через две после переезда к нему Норинской, которая занимала одну с ним и его женою комнату, к Норинской стали приходить по праздничным дням разные незнакомые ему люди, а именно Николай и Константин Ивановы, Иван Ефремов, Петр Машенин, Николай Рядов и рабочие Путиловского завода Борис Зиновьев и Петр Карамышев, а также «интеллигент», которого Галл признал в пред'явленном ему студенте Технологического Института Анатолия Александрова Ванеева. На этих сходках Ванеев читал биографию Лассаля и толковал о том, чтобы рабочие устраивали

стачки с целью требовать возвышения заработной платы и уменьшения рабочего дня и для устранения эксплоатации рабочих их хозяевами, при этом Ванеев, именовавшийся «Антоном», нападал на правительство, обвиняя его в том, что оно не защищает рабочих от произвола фабрикантов. Эти сходки продолжались до Пасхи и из-за них Галл, как он уверяет, отказал Норинской от квартиры.

Привлеченная к дознанию в качестве обвиняемой мещанка Федосья Никифорова Норинская, у которой по обыску ничего преступного обнаружено не было, признала себя виновною в принадлежности к социал-демократическому сообществу и, подтверждая изложенные выше обстоятельства относительно сходок в квартире Николая Иванова за Нарвской заставой, которыми руководил интеллигент Запорожец, о сходке у Быковского, а также о получении ею от Сибилевой денег для помощи лицам, высланным из Петербурга по политическим делам, показала, что в то время, когда она проживала в квартире Василия Галла, к ней лично никто не приходил и сходки устраивала не она, а сам Галл. Его посещали названные в его показании лица и в числе их Анатолий Ванеев, которого она признала по пред'явленной ей фотографической карточке. Что происходило на этих сходках, Норинской неизвестно, так как она уходила в город и на них не присутствовала.

Этот взаимный оговор Галлом и Норинской друг друга приводит к тому заключению, что оба они одинаково участвовали в собраниях кружка, происходивших в доме № 179 по Фонтанке, так как для Норинской этот кружок был лишь продолжением кружка Николая Иванова с теми же участниками из числа рабочих, а для Галла, уже ранее привлекавшегося к уголовной ответственности за участие в таких же кружках, не могло не быть известно все то, что происходило по праздникам в его комнате, на его глазах, с начала февраля до Пасхи 1895 г. Посему рабочий великобританский подданный Василий Иванов Галл был также привлечен к дознанию в качестве обвиняемого и представил приведенные выше об'яснения. По произведенному у него обыску ничего преступного в политическом отношении найдено не было.

Точно так же были привлечены к уголовной ответственности по сему дознанию и названные выше участники кружков, собиравшихся в квартире Николая Иванова и Василия Галла, а именно: Николай и Константин Ивановы, Иван Ефремов и Петр Машенин. При обысках у этих лиц ничего относящегося к делу не обнаружено, за исключением оказавшегося у Ефремова письма Николая Иванова, писанного им 28 мая 1895 г. по от'езде из Петербурга в конце апреля на родину. Иванов, подписавшийся «Киська», заботится о судьбе своего кружка

и, между прочим, спрашивает Ефремова: «любезный друг Ваня... занимаетесь ли вы или нет, если нет, то почему; квартиры ли нет, или нету того господина, который обещал ходить к вам».

На допросах при дознании обвиняемый лужский мещанин Николай Яковлев Иванов показал, что не принадлежит ни к какому кружку и даже не слыхал о существовании таких кружков, которые занимаются противоправительственною деятельностью, в его квартире не происходило никаких сходок и Бориса Зиновьева, который, будто бы, был избран на одной из таких сходок в конце апреля, перед от'ездом Иванова из Петербурга, для того, чтобы заменять Иванова по снабжению рабочих революционными изданиями, он вовсе не знает. Упомянутое выше письмо к Ефремову относится к занятиям музыкой и к учителю музыки.

Обвиняемый лужский мещанин Константин Яковлев Иванов, представляя изложенные выше свои об'яснения о посещениях сходок в их квартире Петром Запорожцем, о сходке в квартире Быковского и выборах Бориса Зиновьева 26 апреля представителем вместо уезжавшего Николая Иванова, показал, что в феврале 1895 г. брат его Николай сказал ему, чтобы он пришел на квартиру Федосьи Никифоровой в доме № 179 по Фонтанке, где соберутся товарищи. У Норинской Константин Иванов застал Ефремова, Машенина, Рядова и брата Николая. Там же находился «интеллигент», лица которого обвиняемый не запомнил (по указаниям же Галла и Норинской это был Анатолий Ванеев). Этот «интеллигент» читал по книжке, что фабриканты наживаются, а рабочим едва хватает на хлеб, и об'яснял присутствовавшим, как улучшить положение рабочих, но что именно при этом он говорил, Константин Иванов не помнит.

Обвиняемый петрозаводский мещанин Иван Васильев Ефремов, в дополнение к приведенным выше его показаниям, об'яснил, что он был введен в кружок, собиравшийся в квартире Галла и Норинской, Николаем Ивановым, и видел там Машенина, Рядова и Анатолия Ванеева, который читал при нем «Хитрую механику», о революции во Франции и других странах, и толковал, как следует рабочим стоять за свои интересы.

Обвиняемый кронштадтский мещанин Петр Иванов Машенин, подтверждая свои показания о посещениях им сходок у Николая Иванова, а также сходки у Быковского, и собраний в квартире Сибилевой, заявил, что он не помнит, приходилось ли ему бывать в квартире Галла в доме № 179 по Фонтанке.

Что же касается участников кружков Николая Ивановича и Норин-

ской, выборгского мещанина Николая Евстафьева Рядова, то из показаний Филимона Петрова, рабочего Порфирия Михайлова, Галла и Норинской относительно деятельности Рядова выяснилось следующее. Галл показал, что в Глазовой улице на квартире Рядова, которую называли «школою», происходили сходки особого кружка, которым руководил интеллигент, называвшийся «Василием Федоровичем», и эти сходки посещали братья Ивановы и Норинская. Последняя не отрицала сего обстоятельства и признала, что раза три была на сходках в квартире Рядова, где встречала Николая Иванова и Василия Яковлева Антушевского. Сходками руководил тот же «Василий Федорович», который ранее приходил на сходки в квартире Николая Иванова, т.-е. Петр Запорожец. То же подтвердил бывший на сходках у Рядова рабочий Филимон Петров, добавивший, что на этих сходках участвовал и соквартирант Рядова Петр Давыдов, которого Петров ранее встречал у Николая Иванова, и что Запорожец читал у Рядова о политической экономии и однажды высказал, что у «них» (т.-е. у интеллигентов) вскоре будет своя типография, и они будут печатать книги для раздачи рабочим. По словам Петрова, на сходки к Рядову приходил еще другой какой-то интеллигент. Личность этого интеллигента выяснилась из показания рабочего из-за Невской заставы Порфирия Михайлова. Последний об'яснил, что в начале 1895 г. он ходил учиться в бесплатную воскресную школу в Глазовой улице, где видал двух барышен, Веру и Раису, которых он по пред'явленным фотографическим карточкам признает в Вере Сибилевой и Елизавете Агринской. Когда он бывал в этой школе, то, по приглашению находившегося там Николая Яковлева Иванова, поднимался из школы этажом выше в квартиру Николая Рядова. В эту квартиру Иванов приводил его из школы два раза и оба раза он встречал там Василия Яковлева Антушевского и интеллигента, которого он признает в личности инженер-технолога Василия Васильева Старкова. При Михайлове заседаний кружка не происходило, но находившиеся в квартире приглашали его притти вечером, когда начнутся занятия кружка.

Обвиняемый Василий Яковлев Антушевский отвергал сделанную на него Филимоном Петровым и Порфирием Михайловым ссылку, а привлеченный к дознанию, на основании показания Петрова, рабочий Обуховского завода крестьянин Петр Кондратьев Давыдов, у которого по обыску ничего преступного не найдено, показал, что хотя он и проживал вместе с Рядовым на Глазовой улице, но по праздничным дням не бывал дома и потому не может сказать, происходили ли у Рядова какие-либо сходки.

При обыске Николая Рядова было найдено значительное число преступных изданий, а именно: 1) печатная «заметка о Лопатине» соч Лаврова (Парижское издание 1888 г.), 2) три печатные экз. прокламации «По поводу речи царя», тождественной с найденной в рукописи у Гуляницкого, 3) гектографированное издание соч. Туна «История революционного движения в России», 4) три гектографированные экземпляра «Речи Лаврова», 5) такое же воззвание к рабочим по поводу стачки на Галерном острове. Воззвание начинается эпиграфом «В борьбе обретешь ты право свое» и имеет целью склонить рабочих продолжать борьбу, для успеха которой рабочие должны соединиться в рабочий союз, 6) четыре фотографии-карикатуры на различные формы правления и 7) гектографированная брошюра по рабочему вопросу социалистического содержания, в конце которой Рядов написал: «прочитал, прочитал всю, но выучить не в состоянии за один раз, прочитаю другой раз, постараюсь, тогда посмотрим»; на обложке брошюры написано «Николай Рядов».

Обвиняемый выборгский мещанин Николай Евстафьев Рядов, не признавая себя виновным в принадлежности к какому-либо противоправительственному кружку, показал, что оказавшиеся у него преступные издания он частью нашел в конце 1894 года и в том числе прокламацию по поводу речи царя (между тем эта прокламация издана 1 марта 1895 г.), а частью купил, кроме заметки о Лопатине, которая принадлежит высланному из Петербурга Логину Желабину. По словам Рядова, в его квартире на Глазовой улице иногда собирались его знакомые: Антушевский, Желабина, Норинская, Николай Иванов и Петр Давыдов и они читали что-нибудь из легальной литературы. Такие же чтения бывали и в квартире Галла, где только сам Галл раз читал по тетрадке о французских рабочих и их песни. Ничего преступного на всех этих беседах не происходило и никто из интеллигентов не участвовал. Анатолия Ванеева, Запорожца и Старкова он не знает и на сходках в квартире Николая Иванова никогда не бывал.

Упомянутый выше рабочий из-за Невской заставы Порфирий Михайлов был допрошен при дознании вследствие указания на него, сделанного рабочим Василием Волынкиным. В свою очередь в отношении Волынкина при наблюдении за деятельностью социал-демократов было выяснено, что во время беспорядков, происходивших в начале ноября 1895 г., на фабрике Торнтона, помощник присяжного поверенного Ульянов и инженер-технолог Старков ходили за Невскую заставу к рабочему Александровского сталелитейного завода Никите Меркулову, давали ему деньги, в пользу семейств рабочих, задержанных за беспо-

рядки на означенной фабрике, и 12 ноября принесли ему большое количество воззваний, один экземпляр которого был найден у обвиняемого Лепешинского. Эти воззвания были разбросаны на фабрике Торнтона, куда их принесли от Меркулова рабочие Василий Андреев Шелгунов и Василий Михайлов Волынкин. Ввиду этих указаний на Волынкина, в ночь на 9 декабря 1895 г. у него был произведен обыск, но ничего относящегося к дознанию найдено не было. 17 декабря Волынкин явился к допросу добровольно с повинной, при чем из его показаний, а равно из показаний привлеченных к дознанию в качестве обвиняемых рабочих Порфирия Михайлова, Кузьмы Григорьева Царькова и Семена Афанасьева, у которых по обыску не было найдено ничего преступного, выяснилась преступная деятельность трех тайных кружков рабочих, образовавшихся в 1895 г. за Невской заставой под руководством «интеллигентов», принадлежавших к социал-демократическому сообществу, а именно, кружка Порфирия Михайлова, Волынкина и Царькова, кружка Меркулова и кружка Шелгунова.

По отношению к первому из этих кружков в дознании имеются следующие данные.

Обвиняемый Василий Волынкин показал, что в 1894 году, проживая в артели рабочих на фабрике Торнтона, он познакомился с Порфирием Михайловым, к которому в то время приходил Петр Морозов *) (привлеченный к дознанию о группе народовольцев); они читали книжки, в том числе какой-то «сборник». В начале 1895 г. Михайлов, носивший в среде рабочих кличку «студента», был уволен с фабрики, вскоре после того был уволен и Волынкин. Последний, не имея ночлега, обратился за помощью к Порфирию Михайлову, тот принял его на свою квартиру, которую он нанимал за 14 руб. в месяц на Шлиссельбургском проспекте, в доме, где помещался трактир «Перепутье». Будучи без места, Михайлов не мог, по мнению Волынкина, держать такую квартиру на свои деньги и получал таковые от «студентов», что затем высказывал Волынкину и сам Михайлов. Так, он говорил Волынкину: «надо с'ездить к Василию Федоровичу за деньгами» и добавлял «у них» (т.-е. у интеллигентов) общая касса, из которой они выдают деньги пострадавшим рабочим. Получаемые деньги Михайлов и Волынкин проигрывали на биллиарде и пропивали, при чем раз пьяный Ми-

*) Ткач Петр Морозов, один из влиятельнейших рабочих первого периода с.-д. пропаганды в Петербурге, был вместе с упоминаемым в деле Фишером, Конст. Норинским (Фокиным) и Логином Желабиным „из'ят“ во время большого провала „народовольцев“ летом 1894 г. (дело М. С. Александрова-Ольминского и др.). Умер в Екатеринославской губернии в конце 1899 г. *Прим. Л. Мартова.*

хайлов стал кричать на улице: «мы социал-демократы», «кто нас тронет,—расшибем». В то время, когда Волынкин и Михайлов проживали над трактиром «Перепутье», к ним, по словам Волынкина, раз приходил молодой человек в белом нагольном тулупе, в высоких сапогах и барашковой шапке. Это был «Василий Федорович», которого Волынкин на дознании признал в личности студента Технологического Института Анатолия Александрова Ванеева. Последний спросил Михайлова, указывая на Волынкина, «это что за человек», стал расспрашивать Волынкина об условиях найма и положении рабочих на фабрике Торнтона. Через несколько дней Михайлов сказал, что ему «велели» переменить квартиру, вследствие чего они переехали в дом Мартьянова, по Шлиссельбургскому проспекту, оттуда через три недели в дом Ганцева, по Муравьевскому переулку, где поселились вместе с рабочим Кузьмой Григорьевым Царьковым. Вскоре же к ним явился осматривать квартиру «интеллигент», одетый в рабочее платье; Михайлов и Царьков называли его «Григорьем Ивановичем», Волынкин не признает его в личности инженер-технолога Глеба Кржижановского. Он поручил Царькову в следующее воскресенье собрать товарищей, и с тех пор в течение великого поста в этой квартире неоднократно происходили сходки под руководством Кржижановского. В сходках принимали участие, кроме Волынкина, Порфирия Михайлова и Царькова,—рабочие фабрики Торнтона Прокофий Степанов и Павел Зиновьев Воинцев. Кржижановский, между прочим, расспрашивал их подробно о расценках работы на фабрике Торнтона, и вообще о положении рабочих, ответы записывал и говорил, что эти сведения ему необходимы для составления книжки, которую обещал им прочитать. Сам он, Кржижановский, раз'яснил на сходках, что весь труд рабочего идет главным образом в пользу хозяина, рабочим же достается лишь какая-нибудь десятая или двадцатая копейка, но за фабрикантов две силы—«деньги и войско», и читал по рукописи сказку: «Как царь Ахреян ходил Богу жаловаться». Кржижановский говорил, что эту сказку надо еще раз прочесть, чтобы понять, к чему там все написано, и оставил ее участникам кружка, и сказку еще раз читал вслух Царьков; последнему Кржижановский дал 10 руб.; эти деньги Царьков пропил. После Пасхи этот кружок распался, так как Порфирий Михайлов уехал на родину, Царьков переселился на Выборгскую сторону, а Волынкин вновь поступил на фабрику Торнтона. Михайлов перед от'ездом указал Волынкину квартиру Кржижановского в доме № 9, по Коломенской улице, куда Волынкин ходил за получением денежных пособий и получал два раза по пяти рублей и в третий раз 15 рублей, которые Кржижановский дал для

Волынкина Василию Шелгунову. В одно из посещений квартиры Кржижановского Волынкин видал там помощника присяжного поверенного Ульянова.

Обвиняемый Кузьма Григорьев Царьков, подтверждая изложенное показание Волынкина, об'яснил, что перед наймом квартиры для кружка в доме Ганцева, он с Порфирием Михайловым и Волынкиным ходили к «Григорию Ивановичу», т.-е. к Кржижановскому, в Коломенскую улицу и застали у него до 12 собравшихся «интеллигентов»; Кржижановский принял на себя плату за квартиру; кроме того, Царьков еще два раза был у Кржижановского за денежными пособиями и показал, что в пред'явленных ему фотографических карточках Ульянова и Запорожца признает лиц, которых он видел в квартире Кржижановского. По словам Царькова, в сходках на его общей с Михайловым и Волынкиным квартире участвовали, кроме указанных Волынкиным Прокофия Степанова и Павла Воинцева, еще Иона Петров Котельников и Семен Афанасьев. На эти сходки Кржижановский приносил брошюры «Рабочий день», «Ткачи» и сказку «Как царь Ахреян ходил Богу жаловаться»; эти брошюры он оставил Михайлову и ему, Царькову.

Обвиняемый Порфирий Михайлов представил при дознании об'яснения, не согласные с показаниями Волынкина и Царькова. Не отрицая, что в общей их квартире в доме Ганцева, по Муравьевскому переулку, происходили сходки тайного кружка, он утверждал, что Кржижановского не знает и в доме № 9, по Колпинской улице, у «интеллигента» не бывал. Из показания Михайлова видно, что кружок, в котором он участвовал, образовался еще в 1893 г. и в состав его входили привлеченные к ответственности по дознанию о С.-Петербургской группе народовольцев Петр Морозов, Сергей Фунтиков и Михаил Хорьков, а также Прокофий Степанов, Николай Кроликов, Павел Воинцев и рабочие Сергей и Тихон. В доме Ганцева, по уверению Михайлова, кружком руководил не Кржижановский, а какой-то интеллигент, именовавшийся «Владимиром Петровичем», который жил по Николаевской улице в д. № 37. «Владимир Петрович» приносил революционные издания и однажды предложил Михайлову работу в тайной типографии, которая находилась где-то в Финляндии. О последнем обстоятельстве Михайлов также слышал от племянника Фунтикова Филимона Петрова и рабочего Василия Яковлева. Кроме «Владимира Петровича», на квартиру Михайлова приходил еще другой интеллигент, которого он признал в Анатолии Ванееве. Упомянутые в показании Михайлова рабочие Сергей и Тихон и Василий Яковлев, как видно из сообщения Охранного отделения, выяснены не были. Филимон Петров не подтвердил сделан-

ную на него ссылку, прочие же участники кружка Михайлова, за исключением Ионы Котельникова, при дознании показали, что никакого «Владимира Петровича» они не знают и не видали. Котельников же об'яснил, что «Владимир Петрович» действительно ходил в кружок, но не в доме Ганцева, а гораздо ранее—еще в 1894 г., и был арестован одновременно с Михайлом Хорьковым. Действительно, по указанному Михайловым адресу, на Николаевской улице до конца марта 1895 г. жил Василий Браудо, арестованный одновременно с Хорьковым, принадлежащий к группе народовольцев и занимавшийся пропагандою среди рабочих за Невскою заставою.

Ввиду сделанных Михайловым, Волынкиным и Царьковым указаний на Прокофия Степанова, Павла Воинцева, Иону Петрова Котельникова, Николая Кроликова и Семена Афанасьева, как на участников кружка, эти лица также были привлечены к делу в качестве обвиняемых. По обыску у них ничего преступного найдено не было.

Обвиняемый крестьянин Прокофий Степанов, не признавая себя виновным, показал, что он тайного кружка в доме Ганцева не посещал; то же утверждали и обвиняемые крестьяне Павел Зиновьев Воинцев и Николай Кроликов, при чем последний добавил, что он уже шесть лет состоит браковщиком на фабрике Торнтона и по своим обязанностям часто сталкивается с рабочими, вследствие чего они против него озлоблены и могут ложно обвинять его в сношениях с неблагонадежными лицами. В дополнение к приведенным выше указаниям на участие Кроликова в кружке Михайлова, Волынкина и Царькова, Волынкин показал, что Кроликов имеет сношения с «интеллигентами», которые печатают запрещенные издания, так как 19 января 1895 года, встретившись с Волынкиным в булочной на Шлиссельбургском проспекте, на вопрос последнего, скоро ли будут напечатаны сведения, отобранные интеллигентами от рабочих об их положении на фабриках, ответил, что в воскресенье 21 января с'ездит и узнает, и если уже напечатаны, то привезет; после этого Волынкин Кроликова не видел. Обвиняемый Кроликов, не отрицая своей встречи в булочной с Волынкиным, бывшей не 19, а 23 января, заявил, что он не вел с ним разговора о запрещенных изданиях.

В свою очередь, принадлежность к кружку Степанова и Воинцева подтверждается показаниями обвиняемых Котельникова и Афанасьева. Обвиняемый Иона Петров Котельников не признал себя виновным и заявил, что он посещал кружок Порфирия Михайлова единственно с целью разузнать, что там происходит, и доносить о том в Охранное отделение. По словам обвиняемого кружок Михайлова посещали Про-

кофий Степанов, Павел Воинцев и интеллигент «Григорий Иванович», т.-е. Кржижановский. Обвиняемый крестьянин Семен Афанасьев признал себя виновным в участии в названном кружке и показал, что познакомился с лицами, занимающимися кружковою деятельностью, через Прокофия Степанова, который, работая с ним на фабрике Торнтона, стал убеждать его в необходимости борьбы рабочих с капиталистами, чтобы достигнуть 8-мичасового рабочего дня, и дал ему почитать книжку «Спартак». Афанасьев на той же фабрике познакомился с Порфирием Михайловым, затем слышал, что он на деньги «интеллигентов» нанимал квартиру над трактиром «Перепутье», а затем поселился с Волынкиным и Царьковым в доме Ганцева. Афанасьев раза четыре бывал в этой квартире на сходках, которыми руководил Кржижановский, и на которых, кроме квартирохозяев, он встречал Котельникова и Прокофия Степанова. Кржижановский обсуждал на сходках вопросы о порядках и работах на фабрике, читал, как рабочие разных стран добивались уменьшения рабочего дня, и сказал, что сведения о тяжелом положении рабочих на фабрике Торнтона будут отпечатаны за границею и распространены по всем петербургским фабрикам и заводам.

Кроме изложенного, Семеном Афанасьевым представлены при дознании подробные сведения о деятельности преступного кружка рабочего Меркулова, проживавшего у Афанасьева на квартире в доме № 16, по Прогонному переулку.

Еще ранее, чем Меркулов поселился у Афанасьева, а именно в конце мая 1895 г., упомянутый выше Прокофий Степанов и рабочий Федор Михайлов (по прозвищу Англичанка) уговорили Афанасьева пойти с ними на сходку в дом Ожикова № 69, по Шлиссельбургскому проспекту. Эта сходка происходила в квартире рабочего Никиты Меркулова под руководством какого-то интеллигента, которого он не признал в числе лиц, привлеченных к сему дознанию, но интеллигент, которого, по словам Афанасьева, называли врачом, похож на Степана Быковского. На сходку собралось до 20 человек рабочих, незнакомых Афанасьеву, за исключением Прокофия Степанова, Федора Англичанки, Василия Андреева Шелгунова и хозяина квартиры Меркулова. Интеллигент вел разговор о необходимости устройства кассы для оказания помощи рабочим после арестов, так как рабочие будут смелее настаивать на своих требованиях, когда будут знать, что в случае ареста их семьи получат денежную помощь; кроме того, он читал на сходке книжку о том, как рабочие в Англии, Германии и Франции достигли уменьшения рабочего дня. В конце сентября того же года Никита Меркулов, через посредство Василия Шелгунова, нанял у него, Афанасьева, ком-

нату в доме № 16, по Прогонному переулку. К Меркулову стали ходить разные лица; прежде других пришел Глеб Кржижановский, который вскоре привел студента Технологического Института Николая Георгиева Малишевского, который и посещал несколько раз сходки, происходившие у Меркулова. На этих сходках из рабочих бывали Прокофий Степанов, Василий Волынкин, Иван Бабушкин и Шелгунов. Последние двое заявили Кржижановскому, что они недовольны поставленным им руководителем Малишевским, а потому Кржижановский ввел в кружок Меркулова новое лицо, а именно помощника присяжного поверенного Владимира Ульянова, а также приходили к Меркулову студенты Военно-Медицинской Академии Константин Тахтарев и Александр Никитин, желавшие свести знакомство с Ульяновым, и врач Яков Лейбов Ляховский, который бывал на сходках у Меркулова осенью 1895 года всегда вместе с Кржижановским. 2 декабря у Меркулова происходила большая сходка, на которую Афанасьева не допустили; на этой сходке были рабочие Бабушкин, Шелгунов и несколько интеллигентов, из числа которых Афанасьев признает Кржижановского, студентов Тахтарева и Никитина и инженер-технологов Василия Васильева Старкова и Александра Леонтьева Малченко. Насколько Афанасьев мог слышать из своей комнаты, на сходке шла речь об устройстве рабочей кассы.

Еще ранее этой сходки в начале ноября, когда начались волнения на фабрике Торнтона, упомянутый Ульянов принес Меркулову 40 руб. для выдачи семействам арестованных рабочих, говоря, что если этого будет недостаточно, то он даст еще.

Изложенное показание Семена Афанасьева о кружке Меркулова подтвердили при дознании Волынкин, Порфирий Михайлов и Кузьма Царьков. Из показания Волынкина видно, что еще весною 1895 года Меркулов держал квартиру на деньги, даваемые ему «интеллигентами»; на квартире Меркулова в доме № 16, по Прогонному переулку, Волынкин видал Кржижановского, Тахтарева, Никитина и Ляховского. На одной из сходок Ляховский спрашивал Меркулова, есть ли у него книжки «Кто чем живет», «Царь-голод», «Рабочий день», «Ткачи»; Меркулов отвечал, что есть в достаточном количестве, кроме брошюры «Ткачи», которая осталась лишь в одном экземпляре. Через несколько дней Ляховский принес Меркулову шесть экземпляров этой брошюры и Меркулов раздавал все эти издания рабочим, которые нередко прочитывали их, собираясь у Меркулова; сам Ляховский на одной из сходок читал им брошюру «Кто чем живет», при чем Меркулов говорил, что знает это сочинение наизусть.

Обвиняемый Порфирий Михайлов также показал, что, посещая зимою 1895 г. сходки в квартире Меркулова, он встречал там упомянутых выше Ульянова и Ляховского, а в числе рабочих Власа с Семянниковского завода и Илью с фабрики Максвеля. На одной из этих сходок Ульянов читал рабочим брошюру «Ткачи».

Обвиняемый Кузьма Царьков, как видно из его показания, был на сходке у Меркулова всего один раз и застал там Кржижановского, Ляховского, Волынкина, Афанасьева и еще каких-то двух рабочих с фабрики Максвеля, при чем слушал, как Ляховский рассказывал о труде и капитале и о том, почему фабрикант богат, а рабочий беден. На этой сходке Кржижановский предложил Царькову подыскать на Выборгской стороне, где тогда работал Царьков, квартиру для сходок рабочих, которыми Кржижановский брался руководить; Царьков квартиру подыскал, но к тому времени Кржижановский был арестован.

Наконец, по показанию обвиняемого Ионы Петрова Котельникова, он, посещая сходки у Меркулова, встречал там «интеллигента», которого он признает в личности студента Технологического Института Петра Запорожца, называвшегося «Василием Федоровичем».

На основании изложенных данных, рабочий Александровского чугунно-литейного завода Никита Егоров Меркулов был привлечен к дознанию в качестве обвиняемого. По произведенным у него двум обыскам было найдено следующее: 1) гектографированный «Сборник» № 2, заключающий в себе статьи революционного содержания, а именно программы «Народной воли» и «Исполнительного Комитета», «Письма к русской революционной интеллигенции» и «Роль массовых протестов в революционной борьбе», 2) гектографированная копия известной брошюры «Насущный вопрос», издания партии народного права, 3) печатная статья «Всероссийское разорение» Плеханова, 4) четыре экземпляра брошюры «Ткачи», 5) два экземпляра брошюры «Кто чем живет» и 6) лист бумаги, на которой рукою Меркулова написано начало речи к товарищам относительно необходимости рабочим об'единиться.

На допросе при дознании обвиняемый Никита Меркулов, не признавая себя виновным, показал, что ни к какому кружку он не принадлежал, сходок у него не происходило, никого из названных выше лиц не знает, а найденные у него революционные издания случайно купил в числе других книг на рынке. Ввиду приведенного выше указания Порфирия Михайлова на участников кружка Меркулова рабочих Илью и Власа, были приняты меры к выяснению этих личностей, при чем эти рабочие, как видно из сообщения Охранного отделения от 9 февраля 1896 г., оказались крестьянами Ильею Ивановым Ивановым и Власом

Афанасьевым Щегловым. По обыску у Иванова ничего преступного обнаружено не было, но при дознании Порфирий Михайлов признал Иванова за того самого рабочего, который был участником кружка Меркулова. У Щеглова же по обыску было найдено 34 неразрезанные экземпляра печатной брошюры под заглавием «Об'яснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». На обложке этой брошюры напечатано «издание книжного магазина А. Е. Васильева», Херсон, типография К. Н. Субботина, Екатерининская ул., дом Никитина, 1895 год, «продается во всех книжных магазинах Москвы и С.-Петербурга», «дозволено цензурою, Херсон 14 ноября 1896 г.». По наведенным при дознании справкам, все эти отметки на брошюре оказались вымышленными, а по заключению экспертов, шрифт, которым напечатана брошюра и брошюры «Рабочий день» и «Царь-голод» представляется тождественным. Основная мысль этой брошюры изложена в последней 8-й ее главе, где автор говорит: «история погромов (т.-е. стачек) 1885 г. показывает нам, какая громадная сила заключается в соединенном протесте рабочих. Необходимо только позаботиться о том, чтобы эта сила употреблялась сознательнее, чтобы она не тратилась даром на месть тому или другому отдельному хозяину, на погром той или другой ненавистной фабрики или завода, чтобы вся сила этого возмущения и этой ненависти направлялась против всех фабрикантов и заводчиков вместе, против всего их класса и шла на постоянную, упорную борьбу с ним. Сталкиваясь с начальством, рабочие поймут, что правительство и его чиновники держат сторону хозяев, а законы составляются так, чтобы хозяину было легче прижимать рабочего. Поняв это, рабочие поведут борьбу не только с хозяевами, но и с теми несправедливыми порядками, которые установлены законом» *).

По пред'явлении Власа Щеглова Порфирию Михайлову, он не признал его за участника кружка Меркулова.

Допрошенные в качестве обвиняемых Илья Иванов Иванов и Влас Афанасьев Щеглов не признали себя виновными в принадлежности к названному кружку и в посещении сходок, а относительно найденных у Щеглова брошюр он показал, что получил их на хранение от одного лица, которое он отказался указать. Но значительное количество оказавшихся у Щеглова брошюр указывает на него, не как на простого их хранителя, а как на пособника лиц, имевших в виду распространить эти подпольные издания.

*) Насколько мне известно, эта брошюра, отпечатанная в типографии „группы народовольцев", была написана В. И. Ульяновым. *Прим. Л. Мартова.*

Что же касается третьего рабочего кружка, составленного в 1895 году за Невской заставой рабочим Василием Андреевым Шелгуновым, то относительно деятельности этого кружка в дознании имеются нижеследующие данные.

Обвиняемый Волынкин был введен в этот кружок осенью 1895 г. и бывал на сходках, происходивших в квартире Шелгунова в д. № 23, по Александровской улице. Там он увидал «интеллигента», которого он признает в личности Владимира Ульянова, которого он ранее встретил в квартире Кржижановского в Коломенской улице. Ульянов выспрашивал у него сведения о фабричных расценках. Сходки у Шелгунова, по словам Волынкина, посещал рабочий Иван Васильев, личность которого не представилось возможным выяснить. На одной из этих сходок руководителями были упомянутые выше врач Ляховский и студент Тахтарев. Первый рассказывал рабочим о том, как во Франции происходила революция и затем раз'яснил, что революция нужна для того, чтобы народ мог выбрать депутатов, которые за него подавали бы голос перед правительством и стремились к свободе печати, слова и сходок. Ляховский, в присутствии Тахтарева, говорил, что рабочие должны соединиться и произвести революцию с целью изменения правительства, как во Франции, где, если недовольны президентом, то его можно сменить. На замечание Волынкина, что при такой смене никто России денег в долг не поверит, Ляховский сказал Волынкину, что он глуп.

Обвиняемый Семен Афанасьев также раз шесть бывал на сходках у Шелгунова вместе с Меркуловым и встречал там рабочего Бабушкина и названных выше Ульянова, Тахтарева и Никитина. Эти лица склоняли при нем рабочих к устройству кассы. С одной из этих сходок Афанасьев ушел до ее окончания и потом слышал от Меркулова, что сходка продолжалась до 5 часов утра, было три заседания с переменным составом рабочих, а интеллигенты оставались все время те же.

Устроитель этого кружка Шелгунов, как указано было выше, служил посредником между Волынкиным и Кржижановским в передаче первому денежных пособий, нанял у Афанасьева на деньги «интеллигентов» квартиру для кружка Меркулова, принимал в этом кружке деятельное участие и впоследствии, как будет изложено ниже, принимал для распространения народовольческие издания, выступал в роли руководителя рабочих при противоправительственной пропаганде и участвовал на сходке на пароходе «Тулон».

По обыску у Шелгунова оказались: 1) брошюра «Кто чем живет» Дикштейна, 2) три экз. брошюры «Ткачи», 3) три экз. брошюры «Рабочий день», 4) два экземпляра брошюры «Царь-голод», 5) воспроизве-

денное на мимеографе воззвание, начинающееся словами «Рабочие и работницы фабрики Торнтона»; это воззвание тождественно с найденным у Лепешинского и было разбросано на названной фабрике Шелгуновым.

На допросах в качестве обвиняемого запасный ефрейтор Василий Андреев Шелгунов, не признавая себя виновным, отрицал устройство у себя на квартире сходок и свое участие в кружке Меркулова. Никого из названных выше интеллигентов и рабочих, за исключением Меркулова и Семена Афанасьева, он не знает. Шелгунов признает, что ездил на пароходе «Тулон» вверх по Неве с рабочими для прогулки, но это было не 3 сентября, а в начале августа. Найденные у него революционные издания он получил от какого-то «Григория Николаевича», которого не признал по пред'явленным ему фотографическим карточкам лиц, привлеченных к дознанию.

В предыдущем изложении указан ряд так называемых «интеллигентов», которые являлись руководителями тайных рабочих кружков, образованных в целях выполнения социал-демократической программы анти-правительственной пропаганды, а именно, Анатолий Ванеев, Ульянов, Кржижановский, Запорожец, Старков, Малченко, Тахтарев и Никитин. Эти лица, как видно из показаний обвиняемых Ивана Кейзера, Николая Михайлова, Тимофея Самохина и Муромова, принадлежали к сообществу, называвшемуся «старой интеллигенциею» и носившему кличку «Малченко и К°» *).

Выше было указано, что из числа этих лиц Анатолий Ванеев, именовавшийся «Антоном» и «Василием Федоровичем», руководил кружком, собиравшимся в квартире Галла и Норинской, в доме № 179 по Фонтанке, снабжал рабочего Порфирия Михайлова деньгами и в рабочем костюме посещал Михайлова в то время, когда тот вместе с Волынкиным жил на Шлиссельбургском проспекте в квартире над трактиром «Перепутье». Обвиняемый Царьков видел Ванеева на Коломенской улице в квартире Кржижановского, который заменил его по руководительству кружком Порфирия Михайлова, Волынкина и Царькова, а из показания рабочего Балтийского завода Тимофея Самохина видно, что Ванеев посещал его осенью 1895 г. и читал ему в присутствии рабочих Путиловского завода Зиновьева и Карамышева о стачке в Белостоке.

По произведенному у Анатолия Ванеева обыску были найдены: 1) гектографированное воззвание, начинающееся словами «Товарищи.

---

*) Ни К. Тахтарев, ни Никитин к группе „старой интеллигенции" не принадлежали и, лишь будучи знакомы с отдельными ее членами, вели пропаганду на свой страх и риск. *Прим. Л. Мартова.*

В паровозомеханических мастерских сбавка», 2) такое же воззвание (в 4 экземплярах) «К прядильщикам фабрики Кенига», 3) такая же брошюра «Праздник 1 мая» (перевод с польского), 4) порванная на клочки записка, под заглавием «к отчету библиотечной комиссии», из которой видно, что тайной библиотекой распространялись такие издания, как «Хитрая механика», «Манифест» партии народного права, письма Аксельрода, сочинение Кеннана, Дикштейна и Бебеля. По заключению экспертов, эта записка написана рукою Петра Запорожца. Кроме сего у Ванеева оказалось собрание рукописей, предназначенных для первого нумера предположенной преступным сообществом к изданию подпольной газеты «Рабочее дело». Эти рукописи следующие: 1) Листок бумаги, на котором изложено содержание первого нумера газеты «Рабочее дело», с обозначением всех последующих рукописей и с об'явлением, что «Рабочее дело» будет выходить в неопределенные сроки, по мере накопления материала; эта рукопись написана Ульяновым. 2) Вступительная статья газеты «К русским рабочим», в которой излагается, что богатство капиталистов создается рабочими, на долю которых достается лишь каторжный труд и бедность. Для того, чтобы изменить такое положение, рабочие должны соединиться и начать соединенною силою борьбу с капиталистами и с правительством, которое всегда является врагом рабочих,—правительство в борьбе рабочего с фабрикантом поступает с рабочим, как с преступником, натравляет на него войско и полицию, сажает в тюрьму за стачки, лишает его права собраний и сходок для обсуждения своих нужд и преследует даже за знакомство с образованными людьми и чтение книжек. Статья кончается воззванием к рабочим: «итак, борьба с фабрикантом за человеческие условия жизни, борьба с произволом и всевластием правительства; рабочие, соединяйтесь и боритесь дружно и стойко за великое дело»; эта статья, как установлено экспертизою, написана Петром Запорожцем. 3) Рукопись под заглавием «Фридрих Энгельс»; в ней по поводу смерти Энгельса говорится, что он был великим учителем социалистов и стоял, между прочим, за интересы русских рабочих, которые приглашаются почтить его память, откликнувшись на его призыв: «пролетарии всех стран, соединяйтесь». 4) Рукопись под заглавием: «О чем думают наши министры»; в ней рассказывается, что Министр Внутренних дел Дурново обратился к Обер-Прокурору Святейшего Синода Победоносцеву с письмом от 18 марта 1895 г. за № 2603, в котором говорит, что в воскресные школы стремятся поступать учителями, библиотекарями и т. п. лица, неблагонадежные в политическом отношении, с целью борьбы с правительством. Автор рукописи, рассуждая

на эту тему, делает вывод, что министры боятся образованных людей смотрят на рабочих, как на порох, а на знание и образование, как на искру, от соединения которых должен последовать взрыв и направиться прежде всего на правительство; в заключение автор просит рабочих показать министрам, что ничто не может отнять у рабочих сознание; без знания рабочие беззащитны, с знанием они—сила. Эта рукопись, а равно и предшествующая написаны также Петром Запорожцем. 5) Две рукописи о стачках папиросниц на фабрике Лаферм и рабочих на фабрике Торнтона, бывших в Петербурге в 1895 г.; в этих статьях описывается ход стачек, притеснение и насилие, которым, будто бы, подвергались при этом рабочие. Почерк этих рукописей не представилось возможным определить. 6) Рукопись, озаглавленная «Ярославская стачка 1895 года»; в этой статье говорится, что она написана рабочим и что стачка была прекращена силою оружия, при чем в статье тенденциозно приведена одобрительная резолюция Государя Императора на докладе о действиях войск и основанная на ней благодарность Командующего войсками за умелое и своевременное употребление оружия. Эта статья оказалась написанною рукою обвиняемого Романенко, соучастника Лепешинского, занимавшегося печатанием литературы социал-демократов. 7) Две рукописи о стачке ткачей, бывшей 6 октября 1895 года в Иваново-Вознесенске, и стачке в С.-Петербургской мастерской механической обуви 8 ноября того же года. Обе статьи, как признано экспертизою, написаны рукою Ульянова, и 8) статья, написанная Запорожцем, в виде корреспонденции из С.-Петербурга, Вильно и Минска также о стачках рабочих. Все означенные рукописи, повидимому, были заготовлены для печатания, так как текст их написан на одной стороне каждого листа. Содержание указанных статей убеждает, что социал-демократическое сообщество, задумавшее издавать газету «Рабочее Дело», в своей пропаганде среди рабочих следовало программе действий, изложенной в приведенных в начале сего заключения брошюрах «Предисловие» и «Рабочий день» и направленной, как к своей конечной цели, к ниспровержению существующего в России государственного строя *).

На допросе при дознании в качестве обвиняемого студент Технологического Института Анатолий Александров Ванеев не признал себя

---

*) Газета „Рабочее Дело", по соглашению между с.-д. группой „стариков" и „группой народовольцев", должна была печататься в типографии последней. У Ванеева в ночь обыска оказались снятые для сдачи в печать копии с рукописей, действительно переписанные преимущественно рукою П. К. Запорожца, которого на этом основании следствие признало их автором, что отразилось и на

виновным в принадлежности к какому-либо противоправительственному или социал-демократическому сообществу и показал, что никогда не посещал рабочих кружков. Найденные у него рукописи были принесены к нему для хранения за несколько дней до обыска в общем свертке одним лицом, которое он не желает назвать; он этого свертка не развертывал и потому не знает содержания рукописей; точно так же ему не принадлежит и разорванная записка из отчета библиотечной комиссии с указанием революционных изданий, и он не знает, каким образом эта записка оказалась в его квартире. Ванеев признает, что в мае 1895 г. он вместе со своим братом, Василием Старковым, Запорожцем и Малченко был в Удельном лесу, но эта была лишь прогулка, устроенная единственно для отдохновения во время экзаменов. Вместе с тем Ванеев признал, что был знаком с Кржижановским и Ульяновым и изредка их посещал.

Летом 1895 г. Владимир Ульянов был за границею, куда, по сведениям Департамента Полиции, отправился с целью приискать способы для водворения в империю революционной литературы; этой цели он, по агентурным сведениям, достиг, войдя в сношения с эмигрантом Плехановым. В сентябре Ульянов возвратился в Петербург и, как указано выше, принял деятельное участие в преступной пропаганде, приняв на себя руководительство в кружках Меркулова и Шелгунова.

По обыску у Ульянова оказались: 1) гектографированное воззвание к прядильщикам фабрики Кенига, тождественное с отобранными у Анатолия Ванеева *), 2) разорванная рукопись, озаглавленная «Мастерская приготовления механической обуви» и написанная, как признано экспертизою, Петром Запорожцем, который, описывая в самом мрачном виде порядки в этой мастерской и указывая, что законы о рабочих—одна сплошная несправедливость, убеждает рабочих дружно взяться за святое дело; в заключении он говорит: «проснемся же и будем готовиться к великой борьбе с нашими угнетателями», и 3) написанная самим Ульяновым статья «Ярославская стачка 1895 года», тождественная по содержанию с рукописью под тем же заглавием, найденною у Анатолия Ванеева в числе статей, заготовленных для газеты «Рабочее дело».

приговоре по данному делу. На самом деле, статьи „К русским рабочим“ и „Фр. Энгельс“ были, сколько помнится, написаны В. И. Ульяновым и, кажется, им же статья „О чем думают наши министры“; статья о забастовке у Лаферма—должно быть, покойным А. А. Ванеевым и М. А. Сильвиным, а о стачке у Торнтона—Г. М. Кржижановским. *Прим. Л. Мартова.*

*) Составлено Мартовым и распространено в конце декабря 1895 года. *Прим. Л. Мартова.*

Кроме сего у Ульянова была найдена вырезка из «Московских Ведомостей» о стачке рабочих на еврейской фабрике Эдельштейна в Вильно; в этой заметке упоминается, что местный еврейский проповедник (маггид) взял на себя роль примирителя евреев рабочих с их хозяином. Этот случай дал тему для составления противоправительственного содержания статьи, найденной, как упомянуто выше, у врача Степана Быковского, и при печатании этой же статьи на мимеографе был заарестован Лепешинский.

Привлеченный к дознанию в качестве обвиняемого помощник присяжного поверенного Владимир Иванов Ульянов не признал себя виновным в принадлежности к социал-демократическому сообществу, отказался давать какие-либо об'яснения о своем знакомстве с другими лицами и утверждал, что никогда не бывал в каких-либо кружках рабочих. Относительно найденных у него и у Анатолия Ванеева рукописей, из коих оглавление к первому нумеру газеты «Рабочее дело» и две статьи о стачках оказались написанными рукою Ульянова, он уклонился от дачи показания, но не отрицал, что эти рукописи и найденные у него статьи об Ярославской стачке написаны им. Свою поездку за границу Ульянов об'яснил желанием приобрести некоторые книги, из которых он мог указать только два сочинения.

У обвиняемого инженер-технолога Глеба Максимилианова Кржижановского при обыске были отобраны сочинения Маркса, Энгельса, Каутского, конспект Эрфуртской программы и тетради с выписками из сочинения Чернышевского, Лаврова и др. и заметками по социалистическим вопросам. Кржижановский при допросе первоначально отрицал свое участие в социал-демократической пропаганде среди рабочих, но затем, когда дознанием было выяснено, что он, именуясь «Григорием Ивановичем», устроил тайный кружок Порфирия Михайлова, Волынкина и Царькова, руководил этим кружком, а также кружком Меркулова, куда ввел Ляховского, собирал от рабочих сведения об отношениях к хозяевам и расценках работы, служившие материалом для подпольной социал-демократической литературы, раздавал рабочим, в целях поддержания пропаганды, деньги и противоправительственные издания,—Кржижановский показал, что его знакомство с некоторыми рабочими, которых он расспрашивал об их житье, имело исключительно филантропически-литературные цели, при чем он не помнит случая, чтобы читал рабочим сказку о том, «Как царь Ахреян ходил Богу жаловаться». Представить ближайшие об'яснения о посещениях им рабочих кружков Кржижановский отказался. Обвиняемого Ульянова он знает и несколько раз у него бывал. Это их знакомство под-

тверждается и тем обстоятельством, что одна из найденных у Кржижановского тетрадей с выписками из венской газеты о значении в кругу социалистов и рабочих Фридриха Энгельса оказалась написанною рукою Ульянова.

Выше было указано, что к социал-демократическому сообществу, носившему название «старой интеллигенции», принадлежал также и студент Технологического Института Александр Леонтьев Малченко, по фамилии которого то же сообщество носило кличку «Малченко и К°», и что Малченко принимал участие в преступном кружке Меркулова, у которого был на сходке 2 декабря совместно с Кржижановским, Тахтаревым, Никитиным, Старковым и Ляховским. При обыске у Малченко были найдены: 1) «Основные положения Эрфуртской программы» соч. Каутского, 2) программа вопросов для собирания от рабочих сведений об их быте, 3) описанная выше брошюра «Предисловие» и 4) рукописные статьи: одна с описанием бунта рабочих в Белостоке в августе 1895 г., а другая—воззвание под заглавием «Борьба с правительством», написанное по поводу названной стачки. В этом воззвании, между прочим, говорится, что русское правительство «позорной рукой» вмешалось (в Белостоке) в борьбу рабочих с фабрикантами, что правительство—враг рабочих, подчиниться ему—значит испытать судьбу русского народа, который обобран и угнетен вековым перенесением царско-татарской неволи. Воззвание призывает рабочих к сплоченной борьбе, так как, по мнению автора, главным вопросом теперь является коренная перемена существующих политических отношений, достижение демократической польской республики для пролетариата и через пролетариат. Это воззвание, как установлено экспертизою, написано рукою Петра Запорожца. Обвиняемый Александр Малченко отрицал свою принадлежность к социал-демократам и показал, что он не бывал в рабочем кружке за Невской заставою; Старкова и Запорожца знает, и летом 1895 года ездил вместе с ним и с инженер-технологом Михаилом Названовым в Удельный лес, где была не сходка, а обыкновенная прогулка. Найденные у него книгу Каутского и рукописи он получил от знакомого, которого отказался назвать

Остальные из обнаруженных участников социал-демократического сообщества: инженер-технолог Василий Васильев Старков и студент Технологического Института Петр Кузьмин Запорожец, а также врач Ляховский, проявили свою преступную деятельность не только среди рабочих за Невской заставой, а также первые двое в рабочих кружках за Нарвской заставой, а последний по распространению преступного со-

держания воззваний после декабрьских арестов 1895 года, о чем и будет изложено ниже.

Что же касается студентов Военно-Медицинской Академии Константина Тахтарева и Александра Никитина, то относительно их Департаментом Полиции были сообщены к дознанию следующие сведения. Тахтарев летом 1894 года, проживая в Париже, находился в постоянных сношениях с политическими эмигрантами Давидом Сосисом, Лазаревым, Шлемою Раппопортом и Кацем. По возвращении в Россию Тахтарев в начале 1895 года часто ходил в статском платье за Невскую заставу, где посещал квартиры рабочих. В мае он выехал в Саратовскую губернию в селение Турки, где был подвергнут обыску ввиду того, что у проживавшей в соседней с ним комнате фельдшерицы Добровольской оказался склад революционных изданий. Осенью того же года Тахтарев в Петербурге снова возобновил свои посещения рабочих за Невской заставой, где вел знакомство с рабочим Иваном Васильевым Бабушкиным, которому 14 сентября студент Никитин, по поручению Тахтарева, привез сверток с книгами. Посещая рабочих, Тахтарев называл себя «Петром Ивановичем». Кроме этих указаний дознанием, как было уже изложено, установлено, что Тахтарев и Никитин посещали кружок Меркулова совместно с Ляховским и кружок Шелгунова совместно с Ульяновым и что в этих кружках принимал участие и рабочий Иван Бабушкин, который, как видно из показаний Волынкина, заведывал до своего ареста какой-то рабочей кассой. Ввиду этих данных Тахтарев, Никитин и Бабушкин были привлечены к дознанию в качестве обвиняемых.

По произведенным обыскам у Тахтарева и Бабушкина ничего преступного в политическом отношении найдено не было, у Никитина же оказалось: 1) гектографированный отчет Отделения Общества Красного Креста для помощи политическим ссыльным и заключенным по 15 декабря 1895 г. и чековая книжка для сбора денег, 2) книга «Социал-демократ» (Женевское издание 1892 г.) со статьями Плеханова, Засулич, Аксельрода, Дебагория-Мокриевича и др., 3) печатная брошюра «Что нужно знать и помнить каждому рабочему» и 4) печатная брошюра «Рабочая революция» (изд. 1895 года), в которой целью революции поставляется лишение капиталистов их собственности, которая должна стать коллективною собственностью всего рабочего класса. Эта революция уничтожит капиталистов, уничтожит и правительство, так как власть также должна перейти к рабочим. Время переворота на Западе приближается, там рабочие давно организовались в рабочую армию; их примеру предлагается последовать и русским рабочим, дабы революция не застала их слабыми и неподготовленными.

Обвиняемые не признали себя виновными в принадлежности к какому-либо противоправительственному сообществу или кружку. Константин Тахтарев показал, что летом 1895 года в Париже он познакомился с Раппопортом и ходил на праздник Лаврова, где слушал его речь; Соскиса он не знал. В Петербурге он, без всяких противозаконных целей, ходил со своим знакомым Иваном Бабушкиным в квартиры рабочих, называясь «Петром Ивановичем», бывал и у Меркулова; делал это, желая поближе узнать быт рабочих и сочувствуя их положению. Бабушкину он давал для чтения легальные книги и однажды послал их ему через студента Никитина. Ни Ульянова, ни других привлеченных к сему дознанию лиц он не знает.

Обвиняемый Никитин, отрицая посещение им сходок у Меркулова и Шелгунова, показал, что только раз был у рабочего Бабушкина и передал ему по поручению Тахтарева книги; Ульянова и Кржижановского вовсе не знает. Найденные у него «Отчет Красного Креста» и чековую книжку он получил от кого-то в Академии, а книгу «Социал-демократ» и брошюры принесены на его квартиру в его отсутствие неизвестно кем. Наконец, обвиняемый Бабушкин на допросе заявил, что будто бы он никого из участвующих в сем дознании лиц не знает и ни на каких сходках рабочих не бывал.

Кроме сходок в кружках Порфирия Михайлова, Меркулова и Шелгунова, обвиняемые Кржижановский и Ульянов посещали тайные собрания, которые происходили в 7-й линии Васильевского острова, в доме № 86, в особой квартире, нанятой в августе 1895 года рабочим Иваном Федоровым. Последний на дознании показал, что: А) работая в Главном Адмиралтействе, он познакомился там с крестьянином Василием Евграфовым Змиевым, который часто стал заходить к нему в означенную квартиру и в октябре 1895 г. привел к нему Глеба Кржижановского, который назвался «Григорием Ивановичем». Кржижановский после того многократно посещал Федорова, расспрашивал о притеснениях рабочих, о расценках и т. п. и назначал в квартире Федорова свидания с разными лицами, незнакомыми Федорову, которого во время этих свиданий высылали вон из комнаты. Б) Кроме того, у Федорова иногда происходили сходки, на которых участвовало человек 6—8; из числа их Федоров признал обвиняемых Ульянова, Бабушкина, Кузьму Царькова, Шелгунова, а также рабочего Николая Полетаева. О том, что в такой-то день в квартире Федорова предстоит свидание Кржижановского с кем-либо, или сходка, Федоров получал заблаговременно извещение от одного интеллигента, которого он признал в личности инженер-технолога Михаила Названова. Последний говорил Федорову, чтобы тот уничтожил

записки с упомянутыми извещениями, которые иногда оставлялись у Федорова, и дал ему список вопросов для собрания сведений о жизни рабочих. Федорова с Названовым познакомил Кржижановский, при чем сказал, что фамилия этого человека «Максимов». В) Тот же Кржижановский, а также З м и е в предупреждали Федорова, что не следует никому говорит о происходивших на его квартире собраниях. Г) Федоров не мог раз'яснить, что именно происходило на этих сходках, и помнит только, что Кржижановский вел разговоры о жизни рабочих, о каких-то книгах и т. п. Но изложенные указания Федорова, в связи с данными наблюдениями, подтверждают, что соучастники социал-демократического сообщества старались сводить знакомство с рабочими разных фабрик и заводов, разузнавали от них о возникавших в том или другом месте столкновениях рабочих с их хозяевами и причинах таковых и пользовались этими сведениями для своей подпольной литературы и дальнейшей агитации. В тех же целях была составлена и программа вопросов о быте рабочих, данная Названовым Федорову и неоднократно встречающаяся в тождественных экземплярах у других лиц, привлеченных к сему дознанию. Вместе с тем конспиративный характер свиданий, которые назначал Кржижановский с разными лицами в квартире Федорова, и происходивших там же сходок не оставляет сомнения, что эти свидания и сходки устраивались также в целях социал-демократической пропаганды, и что З м и е в и Названов являлись в этом случае пособниками Кржижановского и Ульянова; ввиду сего они также были привлечены к дознанию в качестве обвиняемых. По произведенным у них обыскам не было обнаружено ничего преступного в политическом отношении. Д) На допросе при дознании обвиняемый Василий Евграфов З м и е в показал, что Кржижановского не знает и на квартире у Федорова никогда не бывал, да и самого Федорова видел только раз, издалека, во время работы в Адмиралтействе, хотя не отрицает, что перед арестом приходил на квартиру отца Федорова в Шпалерной улице, желая получить через него место на заводе, а квартиру узнал в Адресном Столе, написав на вопросном листке одну фамилию «Федоров». Е) Но эти об'яснения не могут заслужить доверия, и очевидно, что З м и е в хорошо знал как самого Федорова, так и квартиру его отца, которого он не мог бы разыскать через Адресный Стол, не указав его звания, имени и отчества.

Обвиняемый инженер-технолог Михаил Кондратьев Названов не признал себя виновным в принадлежности к какому-либо противоправительственному кружку и сначала отрицал свое знакомство с рабочим Иваном Федоровым, но при передопросах признал, что посещал квар-

тиру Федорова в доме № 86 по 7-й линии Васильевского острова, где виделся с рабочими с целью поближе познакомиться с их жизнью и потребностями, так как имел в виду получить должность фабричного инспектора, каковую действительно и получил к концу 1895 года. Ни на каких сходках у Федорова он не присутствовал, не предупреждал его о том, что в его квартире в такой-то день назначено собрание, а равно не давал Федорову программы для собирания сведений о рабочих. Как он познакомился с Федоровым, не помнит и не отрицает, что знает по Институту обвиняемых Запорожца, Анатолия Ванеева, Старкова и Кржижановского, с рабочим же Меркуловым он не знаком. Но последнее обстоятельство опровергается Семеном Афанасьевым, который показал, что, идя за Невской заставой с Меркуловым, он встретил Названова, с которым Меркулов поздоровался.

Кроме изложенных данных дознания относительно преступной деятельности сообщества социал-демократов, называвшегося «старой интеллигенциею», дознанием выяснен ряд фактов, которыми устанавливается, что члены названного сообщества, а именно: Запорожец, Старков, Ульянов, Кржижановский, а также бывший студент Университета Юлий Цедербаум занимались агитациею среди рабочих Путиловского завода за Нарвской заставой, где они встретили деятельных сотрудников в рабочих Борисе Зиновьеве и Петре Карамышеве. Оба последние были уже упомянуты выше, во-первых, при описании сходки, бывшей в квартире обвиняемого Николая Иванова перед от'ездом его из Петербурга (на этой сходке Зиновьев был избран заместителем Иванова по снабжению рабочих запрещенными изданиями, которые он должен был получать от Сибилевой), а во-вторых, при изложении данных дознания о кружке Галла и Норинской, сходки которого посещали Зиновьев и Карамышев. Ввиду этих указаний Зиновьев и Карамышев были привлечены к дознанию в качестве обвиняемых, при чем по произведенному у них обыску в числе книг были найдены сочинение Энтельса «Происхождение семьи, общества и государства», «История французской революции» Карно и «Экономическая теория Маркса».

Обвиняемый, сын чиновника Петр Иванов Карамышев при допросах не отрицал, что был 26 апреля у Николая Иванова вместе с Зиновьевым, которого для чего-то выбирали, и что посещал Норинскую и Галла, но на сходках в их квартире не участвовал. Затем по всем дальнейшим на него указаниям по сему дознанию Карамышев не дал определенных об'яснений, ограничиваясь отрицанием, или ссылкою на запамятование.

Напротив,—обвиняемый мещанин Борис Иванов Зиновьев признал себя виновным и показал следующее. В декабре 1894 г. он прочитал

книгу «Русский рабочий в революционном движении» и под влиянием чтения этой книги и других запрещенных изданий у него, по его словам, сложились революционные убеждения, которые он желал вселить возможно большему числу рабочих. С этою целью Зиновьев в течение 1895 года составил четыре рабочих кружка, один за другим, и в собраниях этих кружков перебывало до 30 человек рабочих и несколько «интеллигентов». Сначала Зиновьев отказывался указать имена участников его кружков, но затем об'яснил, что первый по времени кружок возник в деревне Тентелевке, в квартире рабочего Петра Карамышева, который жил совместно с рабочими Дудинским и Мустом. В феврале 1895 г. Зиновьев познакомился с инженер-технологом Василием Старковым, который два раза посетил этот кружок; но последний вскоре распался, потому что Дудинский и Муст участвовали в нем только потому, что жили в одной квартире с Карамышевым и кружком не интересовались. Карамышев оставил эту квартиру и переехал жить совместно с Зиновьевым в доме № 6 по Огородному переулку. Зиновьев признает, что он был на сходке в квартире Николая Иванова 26 апреля 1895 года с Карамышевым, о чем его показание уже было изложено выше. Что же касается кружка Норинской и Галла, то хотя он бывал в их квартире, но в сходках там не участвовал.

Через Старкова Зиновьев познакомился с Кржижановским, Ульяновым и Запорожцем, которые иногда и посещали его в Огородном переулке. Из них Запорожца он свел на квартиру рабочего Петра Акимова, жившего в том же переулке, и в этой квартире стали устраиваться, под руководством Запорожца, сходки. Из числа участвовавших на этих сходках Зиновьев указал, кроме Акимова, на рабочих Шепелева, Морозова, Малинина и Калинина. Сходки происходили также и на общей квартире Зиновьева и Карамышева; так, по словам Зиновьева, одна из таких сходок была 4 декабря, при чем в ней участвовали Василий Старков и Юлий Цедербаум. По окончании этой сходки Зиновьев передал Цедербауму рукопись сочиненного им, Зиновьевым, воззвания к рабочим, начинавшегося словами «Товарищи, в паровозомеханической (мастерской) сбавка». Это воззвание решено было напечатать на гектографе или иным каким-либо способом. Цедербаум велел ему притти за листками воззвания в тот же день вечером в первую роту Измайловского полка. Туда Зиновьев отправился с Карамышевым и получил от Цедербаума пачку воззваний, которых было до 200 листков, при чем из разговоров с Цедербаумом полагает, что это была его работа. Эти воззвания, по словам Зиновьева, были разбросаны 5 декабря на Путиловском заводе Карамышевым и Шепелевым.

При дальнейшем исследовании изложенные показания Бориса Зиновьева вполне подтвердились.

Рабочие Тимофей Самохин и Дмитрий Демичев показали: первый,—что Зиновьев и Карамышев, посещая его, давали ему читать брошюру «Кто чем живет», «Рабочий день», «Брюссельский конгресс», а второй,—что он получил от Зиновьева брошюру «Ткачи».

Рабочий Путиловского завода Петр Иванов Акимов, у которого по обыску были найдены брошюры «Наемный труд и капитал» Маркса и соч. Тихомирова «Почему я перестал быть революционером», был привлечен к дознанию в качестве обвиняемого и показал, что посещал Карамышева, когда тот жил в Тентелевке с Дудинским и в Огородном переулке с Зиновьевым. В конце июля 1895 г. на Путиловском заводе произошли среди рабочих беспорядки и Зиновьев на несколько дней был арестован. Во время этого ареста Карамышев, опасаясь, что у него будет сделан обыск, передал Акимову спрятать «Манифест коммунистической партии», брошюру «Кто чем живет» и один экземпляр «Летучего листка» за апрель 1895 года; Акимов, по его словам, эти издания сжег.

Зиновьев и Карамышев неоднократно приходили к Акимову и толковали о положении рабочих. Они говорили, что неминуемо будет восстание рабочих против капиталистов, что следует на всех фабриках иметь знакомых в среде рабочих и узнавать от них о возникающих в том или другом месте стачках; они просили Акимова,—если он встретит более или менее смышленого рабочего, познакомить его с ними, а они уже знают, что делать. 3 сентября Акимов случайно зашел к Зиновьеву и Карамышеву и застал у них собрание, из числа участников которого он при дознании признал обвиняемых Ивана Яковлева и Глеба Кржижановского, а также Василия Старкова. Приход Акимова, видимо помешал собравшимся, а потому Акимов вскоре ушел и не знает, что там происходило. Вскоре после того Карамышев дал Акимову почитать книгу Лондонского издания «Социал-демократ». 24 сентября он принес ее обратно и снова застал у Зиновьева и Карамышева сходку, на которой он видел Кржижановского и Владимира Ульянова, а также, сколько помнит, Яковлева и Старкова. Зиновьев сказал Акимову, что присутствующие, которые его не знают, стесняются, а потому он, отдав книгу, ушел.

Относительно сходок, происходивших по показанию Зиновьева в квартире Акимова, последний об'яснил, что у него была только одна сходка в конце октября или в начале ноября 1895 года, в которой участвовали рабочие: Зиновьев, Карамышев, Шепелев, Демичев, Морозов,

Калинин и Малинин, а также один «интеллигент», которого Акимов признал в личности студента-технолога Петра Запорожца. Последний раз'яснил присутствовавшим, что труд рабочего оплачивается плохо, а это вызывает в некоторых местностях России и в особенности в Польше забастовки и стачки, что рабочих доведут до того, что они все восстанут. Когда между собравшимися зашла речь об устройстве кассы для помощи на время стачек, то Запорожец выразил опасение, что правительство арестует такую кассу, что было бы иначе, если бы у нас в России была свобода слова и печати и можно было бы научить незнающих, как надо им действовать. На этом собрании Запорожец читал по тетрадке, написанной синими буквами, о стачке в Белостоке и у него или у Зиновьева и Карамышева Акимов видел печатные брошюры «Рабочий день», «Ткачи» и «Царь-голод». Первые две Карамышев передал рабочему Малинину, и при этом Запорожец сказал, что за деньги может доставить много таких брошюр.

Это показание Петра Акимова оказывается неполным в том отношении, что, как по об'яснению Зиновьева, так и по показанию мещанина Николая Данилова, добровольно явившегося в Жандармское Управление с своим заявлением, у Акимова происходила не только одна указанная им сходка.

По заявлению Данилова, в сентябре 1895 г. (а не в конце октября или начале ноября, как говорит Акимов) последний позвал его к себе в гости; у Акимова Данилов увидал Зиновьева, Карамышева, Шепелева, Малинина, Демичева и Запорожца, который читал о Белостокской стачке и говорил о необходимости устройства рабочих кружков для подготовления рабочих к стачкам. Через неделю после того Акимов вновь позвал Данилова к себе на сходку, на которой Данилов увидал тех же лиц и еще рабочего Калинина. Запорожец читал что-то из сочинений Карла Маркса, говорил о необходимости подготовления выдающихся рабочих для руководительства отдельными рабочими кружками, которые надо организовать незначительными по об'ему, но в большом количестве. Образование кружков, крупных по числу членов, по словам Запорожца, неудобно, так как трудно найти квартиру для собраний такого кружка, а кроме того, и не безопасно, так как на это может обратить внимание полиция.

Ввиду изложенных указаний Зиновьева, Акимова и Данилова, при дознании были допрошены в качестве обвиняемых рабочие крестьяне Дмитрий Иванов Морозов, Семен Петров Шепелев, Дмитрий Семенов Демичев, Петр Семенов Малинин и Евграф Федоров Калинин, которые на допросах все признали, что участвовали в сходках у Акимова и ука-

зали, что сходками руководил Петр Запорожец. Из числа этих обвиняемых Шепелев и Калинин показали, что они были на сходках у Акимова два раза; что именно происходило на первой сходке, Шепелев не помнит, а на второй—Запорожец читал книжку о порядках в Петербурге и раздавались брошюры «Рабочий день», «Царь-голод» и «Ткачи»; первые две взял Морозов, а последнюю Демичев; Калинин также видел на сходках у Акимова названные брошюры и помнит, что Запорожец внушал рабочим о необходимости устройства стачек. Кроме сего из показания Малинина видно, что Запорожец на одной из этих сходок заявлял о сборе денег для какой-то типографии, а по показанию Морозова—тот же Запорожец толковал, что правительство стоит за фабрикантов и не смотрит за интересами рабочих и что потому русским и польским рабочим необходимо соединиться для общей борьбы с капиталистами.

Таким образом, из вышеизложенных данных дознания оказывается, что студент С.-Петербургского Технологического Института Петр Кузьмин Запорожец был деятельным соучастником социал-демократического сообщества, так называемой «старой интеллигенции», и, судя по найденным у Анатолия Ванеева рукописям, является автором противоправительственного содержания статей, озаглавленных «К русским рабочим», «Фридрих Энгельс», «О чем думают наши министры», и корреспонденций о стачках, предзначавшихся для подпольной социал-демократической газеты «Рабочее дело»; а кроме сего написал найденное у Ульянова воззвание к рабочим «Мастерской приготовления механической обуви» и оказавшиеся у Малченко: описание Белостокской стачки и революционного характера воззвание под заглавием «Борьба с правительством». Тот же Запорожец руководил кружками обвиняемых Николая Иванова на Петергофском шоссе, Николая Рядова на Глазовой улице и, наконец, кружком, собиравшимся в Огородном переулке за Нарвской заставой, у Петра Акимова.

По произведенному у З а п о р о ж ц а обыску были найдены: 1) литографированное воззвание «К прядильщикам фабрики Кенига», призывающее рабочих к стачке, 2) конспект Эрфуртской программы, 3) программы вопросов для собирания сведений о быте рабочих, 4) тетрадь, в которой рукою Запорожца записаны книги, купленные в течение октября и ноября 1895 г. для пополнения народных библиотек, при чем в числе их значатся «Ткачи» (10 экземпляров), «Рабочий день» (20 экземпляров) и «Царь-голод» (10 экземпляров); в той же тетрадке сделана заметка о бывшем в ноябре собрании по делам библиотек, на котором был прочтен отчет о состоянии кассы. Вместе с тем, как выше

упомянуто, у Анатолия Ванеева оказалась заметка, написанная Запорожцем «К отчету библиотечной комиссии», из которой видно, что эта комиссия занималась распространением революционных изданий.

Обвиняемый студент С.-Петербургского Технологического Института Петр Кузьмин Запорожец, не признавая себя виновным в принадлежности к социал-демократическому сообществу, показал, что он никого из рабочих не знает и сходки их не посещал; из обвиняемых ему знакомы только товарищи по институту; заметки к отчету библиотечной комиссии и статей для газеты «Рабочее дело», найденных у Анатолия Ванеева, он не писал, а рукопись о Белостокской стачке и борьбе с правительством, оказавшаяся у Малченко, переведена им с польского. Относительно заметок о народных библиотеках Запорожец об'яснил, что он с несколькими товарищами рассылал легальные книги в народные библиотеки; он был кассиром по сбору денег для этих библиотек и записывал купленные другими лицами книги, при чем не обратил внимания на то, что в числе этих книг были нелегальные брошюры. На сходке в Удельном лесу он не был, но ему случалось бывать в Лесном с Малченко и Старковым. Что касается указания Зиновьева на участие «интеллигентов» Василия Старкова и Юлия Цедербаума на бывшей у Зиновьева 4 декабря сходке, то эти указания были подтверждены при дознании Николаем Даниловым и обвиняемыми Морозовым, Шепелевым и Демичевым.

Николай Данилов показал, что означенного числа его позвал на сходку Зиновьев, у которого он увидал Старкова, Цедербаума, Карамышева, Демичева, Шепелева, Морозова и рабочего Путиловского завода Ивана Львова. На сходке Зиновьев и Карамышев доказывали, что необходимо, ввиду предполагавшейся на Путиловском заводе сбавки заработной платы, выпустить воззвания, и один из интеллигентов сказал, что может приготовить такие воззвания, при чем уговорились, что вечером в тот же день Зиновьев отправится к интеллигенту за этими воззваниями. Тут же было решено, что воззвания должны и впредь выпускаться от имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». 5 декабря на Путиловском заводе действительно были разбросаны листки.

На тех же лиц, как на участников сходки 4 декабря, указал и обвиняемый Морозов. На сходке он слышал, как Старков сказал, что Цедербаум напечатает воззвание. Вечером в тот же день за листками воззвания ходили Зиновьев и Карамышев, а на другой день утром листки разбрасывали на заводе Шепелев и рабочий Василий Богатырев; о последнем обстоятельстве Морозов слышал от Данилова и Шепелева. Эти

показания подтвердил и обвиняемый Шепелев, пояснив, что Зиновьев и Карамышев, принеся домой вечером 4 декабря воззвания, дали ему 20 листков; половину их он отдал Морозову, а остальные бросил на заводе около своей мастерской. Обвиняемый Демичев также признал, что был на сходке у Зиновьева и Карамышева 4 декабря и в числе других лиц видел там Ивана Львова.

Вследствие приведенных указаний на мешанина Ивана Алексеева Львова, он был допрошен при дознании, как обвиняемый, и показал, в дополнение к изложенным сведениям о сходке 4 декабря, что по поводу выпуска воззваний Зиновьев и Карамышев вели разговор преимущественно с Цедербаумом, который, между прочим, сказал им, что «обещали напечатать прокламации хорошо». На сходке уговорились, что листки воззвания будут разбрасывать на заводе он, Львов, Карамышев, Зиновьев, Шепелев и Демичев, но с 5 декабря Карамышев листков к нему не принес, а потому он и не участвовал в их разбрасывании. Обвиняемый Львов также подтвердил, что 4 декабря на сходке было решено впредь прокламации выпускать от имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Выше уже было изложено, что участвовавший в сходке 4 декабря инженер-технолог Василий Васильев Старков, принадлежавший к социал-демократическому сообществу, руководил кружком Рядова в Глазовой улице, участвовал в сходках в мае в Удельном лесу и на квартире Зиновьева и Карамышева 3 и 24 сентября, а также на сходке, происходившей 2 декабря у Меркулова за Невской заставой, где Старков был вместе с Малченко, Кржижановским, Тахтаревым и Никитиным.

По произведенному у Старкова обыску были найдены печатная брошюра: «Кто чем живет», «Восемнадцатое брюмера», соч. Карла Маркса (женевское издание Социал-демократической библиотеки) и рукопись, под заглавием «Чего требуют ткачи». В этой рукописи, состоящей из четырех пунктов, из которых каждый начинается словами: «Мы требуем», идет речь об изменении расценки рабочего заработка, а затем написано воззвание: «Товарищи, обещание инспектора о двух копейках надбавки не будет исполнено. Нас обманут. Будем же сами добиваться исполнения наших требований. Смелей, товарищи, не уступайте же». По заключению экспертов, изложенные «требования» и «воззвание» написаны Старковым; гектографированный экземпляр их был найден у обвиняемого Шата и такие же листки были разбросаны в ноябре 1895 года во время беспорядков на фабрике Торнтона.

Допрошенный в качестве обвиняемого, Василий Старков, не отрицая своего знакомства с Ульяновым и своими товарищами по Институту

из числа обвиняемых, показал, что никого из рабочих он не знает и ни на каких сходках не бывал, воззваний никому не давал разбрасывать, и найденная у него рукопись с требованиями ткачей написана им исключительно для себя для памяти того, что он слышал от других лиц.

В декабре 1895 г. участники социал-демократического сообщества, называвшегося, по словам допрошенных при дознании зубного врача Михайлова, студента Муромова и рабочего Ивана Кейзера, «старой интеллигенцией», а именно Малченко, Запорожец, Ульянов, Кржижановский, Анатолий Ванеев, Старков и примкнувшие к ним Тахтарев, Никитин были арестованы, а упомянутые выше врач Ляховский и Цедербаум еще некоторое время продолжали свою преступную деятельность одновременно с другой группой социал-демократов, называвшейся в отличие от первой «молодой интеллигенцией».

Указания на эту группу были даны при дознании упомянутым выше обвиняемым С.-Петербургским ремесленником Иваном Ивановым Кейзером. В 1894 г. Кейзер был привлечен к дознанию за участие в так называемой С.-Петербургской группе народовольцев и содержался под стражей. По освобождении из-под стражи Кейзер был отдан под особый надзор полиции, при чем ему было разрешено проживать в Колпино. При наблюдении за социал-демократами были замечены сношения с ними Кейзера, которого, как изложено выше, посещали Сибилева, Елизавета Агринская и Василий Ванеев, а потому, при возбуждении настоящего дознания у Кейзера в Колпино, был произведен обыск, по которому найдены брошюры «Рабочий день» (в двух экземплярах), «Кто чем живет», «Что теория ценностей должна раз'яснить» и рукописный перевод из сочинений Энгельса, под заглавием «Послесловие».

Из показания, данного Иваном Кейзером, видно следующее:

Перед Пасхой 1895 г. он узнал от Ивана Иванова Яковлева, принадлежавшего по агентурным сведениям к числу рабочих, наиболее распропагандированных социал-демократами, что с ним, Кейзером, желает познакомиться «интеллигент» Петр Егорович, проживающий в д. № 37 по Николаевской улице. Этот человек оказался зубным врачом Николаем Николаевичем Михайловым, который еще весною 1894 г. посещал сходки в квартире принадлежавших к группе народовольцев рабочих Фишера и Норинского. Михайлов повез Кейзера в дом № 1 по Можайской улице, где познакомил с двумя интеллигентами: «Николаем Ивановичем», который впоследствии оказался студентом Технологического Института Илларионом Чернышевым,—и студентом того же Института Шатом. Все они расспрашивали Кейзера о том, что представляет собою

в деле пропаганды Иван Яковлев и есть ли у него какой-либо организованный кружок. Убедившись из слов Кейзера, что у Яковлева имеются лишь разрозненные единицы, они толковали между собою о враждебных им проделках другой группы интеллигентов, которую они называли «Малченко и К°», и склоняли Кейзера организовать рабочий кружок самообразования в Колпине, при чем брали на себя руководить кружком Кейзера, но последний отказался, так как находился под надзором полиции *). В начале июня Кейзер, по приглашению Михайлова, вновь был у него одновременно с Чернышевым. Михайлов просил Кейзера познакомить их с двумя-тремя выдающимися рабочими, а то, по словам Михайлова, «люди» (т.-е. они—интеллигенты) хотят трудиться и не могут потому что нет рабочих. Михайлов дал Кейзеру денег и так как на лето уезжал из Петербурга, то просил вместо него ходить к Чернышеву. Во время отсутствия Михайлова Кейзер виделся с обвиняемым Василием Шелгуновым, которого он знает с начала 1894 г., так как тогда был у Шелгунова в Гавани на сходке. На этой сходке он видел народовольца Михаила Сушинского и привлеченного к сему дознанию инженер-технолога Василия Старкова; между интеллигентами тогда шел спор, какого следует держаться направления, народовольческого или социал-демократического. Рабочие решили этот спор, потому что вскоре отстали от первых и последовали за социал-демократами, пропаганда которых была более безопасна. Летом 1895 г., когда Шелгунов пришел к Кейзеру, последний уговорил его познакомиться с новыми интеллигентами, т.-е. Михайловым, Чернышевым и Шатом, при этом говорил, что Михайлов не скупится на деньги и готов снабжать книжными пособиями. В конце июля Михайлов возвратился в Петербург и приехал к Кейзеру в Колпино, где вновь просил Кейзера устроить свидание с Шелгуновым, а также вы-

*) Протоколы допросов различных обвиняемых по этому делу не оставляют никакого сомнения в том, что явной врач Михайлов, уже с 1893 года состоявший агентом охранки, для выполнения своей провокаторской миссии систематически дезорганизовал работу группы соц.-дем. „стариков", противопоставляя ей группу „молодых" (И. В. Чернышев, Малишевский, Евг. Богатырев, Шат, Муромов и др.), к которой стекались соц.-демократы, жаждавшие практической работы и недовольные тем, что группа „стариков", из-за конспиративных соображений, держалась весьма замкнуто и неохотно допускала новых лиц. Н. Михайлов, пользуясь этим положением, старался „отбивать" влиятельных рабочих у „старой группы" и через них легко узнавал, какие кружки и в каких пунктах организованы ее членами. Из дела видно, что за исключением кружков, организованных учительницами Глазовской школы (кружки Н. Иванова и Н. Рядова), Михайлову удалось нащупать все главные с.-д. рабочие кружки за Нарвской и Невской заставами, в Гавани и в Коломне. *Прим. Л. Мартова.*

дававшимися по преступной пропаганде среди рабочих за Нарвской заставой рабочими Путиловского завода Борисом Зиновьевым и Петром Карамышевым, при этом днем этого свидания назначил 13 августа и сказал, чтобы Кейзер привел рабочих в дом № 2 по Серпуховской улице Кейзер, которому Михайлов неоднократно давал денежные пособия, отправился за Невскую заставу к Шелгунову, где встретился с Зиновьевым и Карамышевым, и там же на другом берегу Невы была устроена сходка рабочих, в которой участвовали: Шелгунов, Зиновьев, Карамышев, Кейзер, Иван Иванов Яковлев и Владимир Князев и друг., всего до 12 человек. На этой сходке обсуждались планы дальнейшей деятельности, способы упорядочения рабочих кружков, и было решено собрать сведения, где и сколько имеется более или менее распропагандированных рабочих. Кейзер, уговорив Шелгунова, Зиновьева и Карамышева познакомиться с Михайловым, назначил всем собраться 13 августа на улице первой роты Измайловского полка. Но в этот день свидание с Михайловым не состоялось, так как Кейзер перепутал адрес дома, куда надо было притти на сходку. 20 августа Кейзер отправился к Михайлову в дом № 9 по Кабинетской улице, чтобы сообщить о своей неудаче, и познакомился у него с новыми интеллигентами, которых он признает в личностях студентов Технологического Института Евгения Богатырева и Николая Малишевского. Вскоре после того Кейзер по письму Михайлова пришел в дом № 2, по Серпуховской улице, в квартиру Богатырева, где в то время находились: Богатырев, Михайлов, Шат, Чернышев Малишевский, Шелгунов, Зиновьев и Карамышев.

На этой сходке Шат говорил, что необходимо устроить рабочий кружок в Колпино и что за книгами и деньгами для этого дела не станет, а Чернышев сказал речь о причинах, побудивших их, интеллигентов, искать знакомства с собравшимися рабочими, и указывал, что дело пропаганды пришло в совершенный упадок, никакой действительной организации среди рабочих не существует, а есть лишь кое-где слоняющиеся единицы, что интеллигенты вместо того, чтобы «работать», только считаются между собой и строят друг другу козни. В ответ на это Зиновьев сказал, что причину разрушения дела пропаганды надо искать в том, что в дело по всей вероятности замешались провокаторы, которых надо разыскать и примерно наказать. До конца сходки Кейзер не оставался, и потому не знает, чем она кончилась.

Допрошенный в качестве обвиняемого, зубной врач Николай Николаев Михайлов, у которого по обыску ничего относящегося к делу не было найдено, подтвердил изложенное показание Кейзера, добавив, что Иван Яковлев и Кейзер говорили ему весной 1895 г., что положение

дела среди рабочих идет плохо, касса опустела, в библиотеке книг почти нет, и Кейзер намеревался устроить собрание для восстановления кассы. Летом того же года Михайлов узнал от Кейзера, что среди рабочих существует неудовольствие на тактику «интеллигентов» и что с целью обсуждения программы действия на Петербургской стороне происходила большая сходка,—там было до 40 рабочих и несколько интеллигентов, при чем решили от системы кружков перейти к агитации (т.-е. подстрекательству рабочих к стачкам) по примеру московских рабочих, где рабочая партия без отдельных кружков возросла до 700 человек, и избрали центральную группу рабочих, в которую вошли Шелгунов, Яковлев, Кейзер и др. По словам Михайлова, его познакомил с Шелгуновым Кейзер, с которым он для этого ездил за Невскую заставу. На сходке, происходившей на квартире Богатырева, как показывает Михайлов, шла речь о том, совместима ли кружковая деятельность с агитационною, на что рабочие ответили утвердительно.

При передопросе Кейзер показал, что ни о какой сходке на Петербургской стороне он Михайлову не говорил.

Обвиняемый Василий Шелгунов и Петр Карамышев уклонились от каких-либо раз'яснений по содержанию показаний Кейзера и Михайлова, а обвиняемый Борис Зиновьев, подтверждая об'яснения Кейзера, заявил, что он был вместе с Карамышевым, Шелгуновым и Яковлевым на сходках за Невской заставой на другом берегу Невы и в квартире Богатырева. На первой из них он доказывал, что образование рабочих кружков не приносит пользы революционной деятельности потому, что кружки не выражают всего рабочего движения и полиции их легко обнаружить, что, напротив, надо направить все силы на агитацию всей массы рабочих, пользуясь для этого каждым недоразумением между ними и фабрикантами. Зиновьев говорил: «Я при этом имел в виду, что мы, наиболее интеллигентные рабочие, станем во главе движения». На сходке у Богатырева, где, по словам Зиновьева, было человек 8 интеллигентов, последние заявили Шелгунову, Кейзеру, ему, Зиновьеву, и Карамышеву, что готовы работать в революционном направлении и просили присутствовавших представителей рабочих познакомить их с последними для ведения среди рабочих пропаганды. Зиновьев добавил, что еще ранее этой сходки Малишевский от имени новой группы интеллигентов пытался сблизиться с рабочими и с этой целью была устроена сходка на Волковом поле, на котором, кроме Зиновьева и Малишевского, участвовали Карамышев, Шелгунов и Петр Акимов.

На сходке ни до чего не договорились, но тут Зиновьев впервые узнал, что в то время в Петербурге были две группы: «старая интелли-

генция», к которой принадлежали Запорожец, Старков и др., и «новая», с которой он встретился затем на сходке у Богатырева.

Обвиняемый Акимов подтвердил, что находился на сходке на Волковом поле и видел там Шелгунова и Малишевского.

Ввиду изложенных указаний на преступную деятельность сына чиновника, рабочего Ивана Иванова Яковлева, он был привлечен к уголовной ответственности по сему дознанию, при чем по обыску у него были найдены два экземпляра брошюры «Ткачи» и письмо, устанавливающее его сношения с Андреем Фишером, подвергнутым наказанию за участие в группе народовольцев, из которых он также близко знал Норинского. Обвиняемый Яковлев, не признавая себя виновным, показал, что он ни в каких кружках не участвовал и вообще преступной пропагандой не занимался.

Из числа поименованных выше соучастников социал-демократического сообщества, называвшегося «молодой» или «новой интеллигенцией», у студента Технологического Института Марка Моисеева Шата, относительно которого обвиняемый студент Муромов показал, что Шат сочувственно относился к социал-демократическому движению, был также произведен обыск; по этому обыску у него было обнаружено значительное количество революционных изданий, а именно: 1) 19 экз. печатного воззвания, озаглавленного «К народу». Это воззвание начинается словами «Горька, очень горька твоя доля, русский крестьянский народ» и оканчивается возгласом «Да здравствует крестьянская Русь! Да здравствует народная воля!». В тексте воззвания излагается следующее: «русский народ всю жизнь несет непосильный труд, который не вознаграждается, так как трудовые деньги народа отбираются от него в виде податей и налогов для раздачи царским правительством чиновникам, купцам и помещикам, народ обнищал и разорился при покойном царе (Александре III), а мы молчали да покорялись. Не поможет нам и новый царь, если также будем молчать. Новый царь молодой, неопытный, его возьмут в руки чиновники, да помещики, и при нем еще хуже будет бедствовать русский народ, а потому нужно добиваться, чтобы у крестьян было больше земли и скота, нужно добиваться, чтобы царь не единолично или со своими приближенными управлял государством, а земский собор, выборные от всего русского народа, нужно добиваться свободы слова, свободы сходок, а то теперь ссылают в Сибирь тех, кто заступается за право русского народа. Братцы, не позволим нашим врагам править и распоряжаться нами, возьмем правление великой русской земли в свои собственные руки». 2) Три экземпляра печатного воззвания под заглавием «К русским революционерам» от союза русских социалистов-рево-

люционеров. Автор воззвания обращается к революционерам всех фракций и групп и, называя их товарищами, говорит: «все мы убеждены в настоящее время в необходимости бороться с главным препятствием мирной пропаганды наших идеалов, прогрессивного развития русского народа и подготовления окончательного торжества социалистической идеи (т.-е. самодержавием) *), пропустить какой-либо удобный случай для этого—было бы преступлением». Далее изложено в воззвании резкое осуждение царствования Александра III, которое называется темнейшей и позорнейшей главой нашей истории, и говорится, что новый царь не захочет или не сумеет что-либо изменить в господствующей в России реакции, и что самодержавный душитель русских революционеров падет на этот раз не от террориста, а потому, что, при современном состоянии культуры русского народа, самодержавие стало нелепостью. Воззвание призывает социалистов-революционеров к инициативе в этом направлении, они должны вдохнуть жизнь в передовые слои общества и в народ и направить общие усилия к свержению самодержавия, этого естественного врага как русской интеллигенции, так и русского рабочего народа, честь социалистического знамени и кровные интересы России требуют непрерывной активной борьбы с самодержавным деспотизмом. 3) Четыре экземпляра печатной брошюры под заглавием «Отчего русский рабочий народ голодает?»; брошюра оканчивается словами: «долой самодержавие, да здравствует народная воля». 4) Одиннадцать экземпляров печатного воззвания под заглавием «Новый царь» (оттиск из революционной газеты «Русский рабочий», издаваемой в Париже русскими эмигрантами-народовольцами. 5) Несколько экземпляров упомянутой газеты, а именно 6—№ 2 1894 г., 8—№ 1 за январь 1895 г. и 12—№ 2 за февраль того же года, а также об'явление об издании этой газеты. 6) Семь экземпляров брошюры «Ткачи». 7) Восемь экземпляров брошюры «Царь-голод». 9) **) Четыре экземпляра «Кто чем живет». 10) Печатная брошюра «На родине» №№ 2 и 3 (Лондонское и Женевское издания). 11) Воспроизведенное на пишущей машине воззвание «Чего требуют ткачи?», которое в ноябре 1895 г. разбрасывалось на фабрике Торнтона и рукописное изложение которого, написанное обвиняемым Старковым, было найдено у сего последнего. 12) Печатная брошюра со статьями по вопросу о 8-часовом рабочем дне и 13) рукопись со статьей по поводу стачки на еврейской фабрике Эдельштейна в Вильно, тождественная по содержанию с найденной в квартире обвиняемого врача Быковского.

---

*) Очевидно, надо читать „над самодержавием". *Ред*

**) № 8 пропущен в подлиннике. *Ред.*

Обвиняемый Марк Шат, не признавая себя виновным к принадлежности к социал-демократическому кружку, показал, что знаком с Чернышевым, Богатыревым и Малишевским и бывал у первых двух на квартире, но ни разу не присутствовал на какой-либо сходке. Что же касается оказавшегося у него склада революционных изданий, то все найденное было принесено к нему за два дня до обыска на квартире в одной связке в его отсутствие неизвестным лицом, которое оставило ему записку без подписи с просьбою сохранить связку до завтра. Так как на другой день никто за этой связкой не явился, то Шат развернул ее и, увидав, что там революционные издания, спрятал их в ящик комода с грязным бельем, намереваясь потом сжечь, и только случайно воззвание к ткачам положил в карман тужурки, где оно и оказалось во время обыска. Зубного врача Николая Михайлова Шат, по его словам, не знает.

Этот Михайлов, как видно из дальнейших об'яснений Ивана Кейзера, неоднократно имел с последним свидания в течение осени 1895 г., приезжал к Кейзеру в Колпино и дал Кейзеру найденные у него при обыске брошюры: «Рабочий день» и «Кто чем живет». Михайлов упрекал Кейзера за то, что он водит их за нос и не устраивает рабочего кружка в Колпине, и, говоря, что у них в кассе имеется около 1.000 р., обещал, что Кейзеру, если только он организует кружок, простят его долг, образовавшийся из разновременно выданных ему Михайловым денег, для этого кружка Кейзер может вместо своей плохой квартиры нанять особняк и ему будет ежемесячно выдаваться пособие. Перед одним из приездов Михайлова в Колпино, по его требованиям Кейзер должен был собрать у себя рабочих, но явился только Каинов, который, по показанию Василия Ванеева, дал последнему брошюру «Кто чем живет».

Обвиняемый Михайлов не отрицал, что ездил к Кейзеру в Колпино и раз встретил у Кейзера одного рабочего, с которым не вел никаких разговоров.

Ввиду указаний дознания на рабочего Владимира Каинова и распространения им революционных изданий, Каинов был обыскан, при чем у него найдены брошюры «Кто чем живет», «Рабочий день», «Ткачи» и «Царь-голод» (последняя в двух экземплярах).

На допросе Каинов признал, что посещал собрания рабочих, происходившие в Колпине в квартире Кейзера, на одном из этих собраний Кейзер читал какую-то запрещенную брошюру. Из числа найденного у него брошюру «Кто чем живет» он получил от рабочих Владимира Князева и Густава Пармаса, с которыми проживал в Петербурге на одной квартире, эту брошюру он дал прочитать Василию Ванееву, который ему

ее не возвратил, а остальные брошюры принадлежат Кейзеру и после его ареста принесены Каинову рабочими, которым Кейзер давал их читать. Фамилии этих рабочих, а равно посещавших сходки у Кейзера, Каинов не указал, ссылаясь на запамятование.

По обыскам у кронштадтского мещанина Густава Карлова Пармаса и у колпинского мещанина Владимира Александрова Князева были найдены у первого—брошюра «Ткачи» и коробка со шрифтом, а у второго—незначительная часть такого же шрифта. Этот шрифт, по заключению экспертов, пригоден лишь для набора нескольких слов. Пармас и Князев, не отрицая своего знакомства с Каиновым, утверждали, что никаких запрещенных брошюр ему не передавали, а Пармас, кроме того об'яснил, что брошюру «Ткачи» и шрифт он купил на толкучке для метки белья и печатания своей фамилии.

Кроме изложенных и проверенных дознанием об'яснений Ивана Кейзера, при его допросе выяснились преступные сношения его и обвиняемого Николая Михайлова с прапорщиком запаса Александром Александровым Ергиным, на которого имелись указания в дознании о С.-Петербургской группе народовольцев и фамилия его значилась на плане Аничкова дворца, найденном у обвиняемой по тому дознанию Екатерины Александровой. Иван Кейзер сознался, что в 1893 году он, по настоянию Михаила Сущинского, составил известное народовольческое воззвание «Братцы-товарищи» и свою рукопись, по указанию того же Сущинского, передал Ергину для напечатания в тайной народовольческой типографии. Воззвание было напечатано и распространено в том же году. Михайлову это было известно, а потому он весной 1895 года спросил Кейзера, не знает ли тот Ергина, именовавшегося «Владимиром Ивановичем», и, передавая Кейзеру брошюру «Рабочий день», сказал: «не хотите ли почитать новенькую», при чем сообщил Кейзеру, что тайная народовольческая типография, в которой отпечатаны брошюры «Рабочий день», «Ткачи» и «Царь-голод», находится в поместье. В мае 1895 года Кейзер случайно встретился с Ергиным на улице и возобновил с ним знакомство. Ергин предложил ему заняться распространением среди колпинских рабочих книг и обещал приехать к Кейзеру в Колпино, но не исполнил обещания, так как должен был отправиться на лето в Финляндию на учебный сбор по воинской повинности. В ноябре Николай Михайлов снова завел с Кейзером разговор об Ергине, назвав последнего единственным представителем народовольческой группы, члены которой были арестованы в 1894 году. Михайлов, указывая на связь Ергина с тайной типографией, которая продолжала и в 1894 и 1895 годах печатать революционные сочинения, просил Кейзера войти

в сношения с Ергиным и дал его адрес: «Канонерская ул., дом № 2». Кейзер должен был вступить с Ергиным в переговоры о том, не возьмется ли Ергин напечатать в тайной типографии что-либо, если это потребуется, при чем Михайлов поручил Кейзеру об'яснить Ергину, что на напечатанном не должно значиться слов «издание группы народовольцев», так как это препятствует успешному распространению брошюр в народе, и приходится означенные слова в брошюрах отрывать; напротив, было бы хорошо, если бы на подпольных изданиях значилось «дозволено цензурою». С целью возобновить сношения с Ергиным Кейзер не пошел прямо к нему на квартиру, а, узнав, что Ергин иногда заходит к неразысканному при дознании рабочему Сергею, жившему на Старопетергофском проспекте, он просил этого Сергея как-нибудь устроить ему свидание с Ергиным по весьма важному делу. Вскоре Сергей уведомил Кейзера, что Ергин ждет его в указанный день. Кейзер отправился к Ергину, и последний согласился принимать рукописи для напечатания и сказал, что впредь на брошюрах не будут печататься слова «издание группы народовольцев». По этому последнему обстоятельству надлежит заметить, что в числе приобщенных к сему дознанию брошюр «Царь-голод», «Рабочий день» и «Ткачи» встречаются двоякого рода экземпляры, одни с упомянутыми словами, а другие, как надо полагать, позднейшего издания, без этих слов, и на многих экземплярах первого издания те же слова оторваны. Кроме сего при дознании имеется брошюра «Об'яснение о штрафах, взимаемых с рабочих», отобранная, как было изложено выше, у обвиняемого Щеглова, которая напечатана, по мнению экспертов, в той же тайной типографии, при чем на ее обложке обозначено «дозволено цензурой».

В разговоре с Кейзером Ергин, подобно Михайлову, сказал, что типография находится в поместье, а на вопрос, откуда добыт шрифт ответил, что шрифт привезен из-за границы контрабандным путем и как выразился Ергин, «достался нам потом и кровью».

Обвиняемый Николай Михайлов, по содержанию изложенного показания Кейзера, показал, что Ергина не знает и Кейзера к нему не посылал. Но показание Кейзера о ближайшем отношении Ергина к тайной народовольческой типографии подтверждается нижеследующими выясненными дознанием данными.

Добровольно явившийся к дознанию рабочий Николай Данилов, между прочим, заявил, что в конце сентября 1895 г. к нему на квартиру в его отсутствие пришел рабочий Николай Полетаев и оставил у него тюк, обвернутый в бумагу и обвязанный веревкою. На другой день Полетаев, уезжавший на время из Петербурга на родину, просил похра-

нить тюк до его возвращения. После от'езда Полетаева Данилов полюбопытствовал посмотреть, что именно находится в тюке, и, надорвав обертку, увидел в тюке брошюры «Рабочий день» и «Царь-голод», которых было штук сто. Опасаясь ответственности за хранение их, Данилов отправился в Охранное отделение и заявил начальнику отделения, который велел ему хранить тюк до возвращения Полетаева и отдать последнему, посему, когда возвратившийся в Петербург Полетаев пришел к Данилову в сопровождении обвиняемого Василия Андреева Шелгунова, то Данилов, по указанию Полетаева, отдал тюк Шелгунову, который и унес его неизвестно куда.

Крестьянин Николай Гурьянов Полстаев, у которого была отобрана запрещенная книга «Положение рабочего класса в России» соч. Флеровского, был допрошен в качестве обвиняемого и показал, что в мае 1895 г. у своего знакомого Прошина он познакомился с «интеллигентом», который именовался «Михайлом Платоновичем». Этого интеллигента он признал в личности Александра Ергина. Вскоре последний зашел к Полетаеву одновременно с Прошиным и крестьянином Гдовского уезда Егором Афанасьевым, которые по оконченному в 1894 г. дознанию об Алюшкевиче, Баринове, обвиняемом по сему делу Николае Николаеве Михайлове и других, подлежали высылке из Петербурга. Ергин сказал, что достал им в помощь несколько денег. В конце сентября, когда Полетаев жил у Николая Иванова, обвиняемого по сему дознанию, к Полетаеву пришел Ергин и принес тюк пуда в полтора весом, при чем сказал, что в тюке запрещенные издания, которые он просит сохранить короткое время. Полетаев согласился, но затем, уезжая на родину, снес тюк к Данилову, который был в тот день пьян и, не разобрав, в чем дело, сказал ему: «вали». По возвращении в Петербург и ввиду просьбы Данилова взять от него тюк, последний, по просьбе Полетаева, был взят у Данилова Василием Шелгуновым, который на допросе отрицал это обстоятельство.

Кроме изложенного в дознании по отношению к Полетаеву имеется указание Ивана Федорова о том, что Полетаев посещал сходки, происходившие в квартире Федорова на Васильевском острове, но Полетаев заявил, что Федорова не знает и на сходках в квартире Федорова не бывал.

Таким образом из показаний Ивана Кейзера, Данилова и Полетаева явствует, что Ергин находился в ближайшем соотношении к народовольческой тайной типографии еще с 1893 г., когда он взял у Кейзера для напечатания воззвание «Братцы-товарищи», и что через Ергина проходили издания этой типографии в значительном количестве.

По произведенному у Ергина обыску были найдены брошюры: «Рабочий день» и «Хитрая механика». Обвиняемый сын коллежского советника, прапорщик запаса артиллерии, Александр Ергин, показал, что ни к какому преступному сообществу не принадлежал и противоправительственной пропагандой не занимался. С Кейзером он познакомился у одного рабочего, которого сам посещал, и Кейзер выразил желание посетить его, Ергина. Придя к Ергину, Кейзер неожиданно спросил о том, как добывается шрифт для типографии, на что Ергин ответил, что не знает, но думает, что шрифт только потом и кровью можно достать из-за границы. (Когда Ергин давал это об'яснение, напоминающее с внешней стороны показание Кейзера, то ему о содержании этого показания известно не было.) Далее Ергин заявил, что он знает Полетаева и был у него один раз, именуясь «Михаилом Платоновичем», но запрещенных книг Полетаеву на сохранение не давал. Прошина он не знает, и не отрицает, что дал Полетаеву деньги в пользу высылавшихся из Петербурга рабочих.

Преступная деятельность социал-демократического сообщества, называвшегося «молодой интеллигенцией», к которой, как обнаружилось при дознании, кроме названных выше Михайлова, Чернышева, Малишевского, Богатырева и Шата, принадлежал студент-технолог Сергей Муромов, появилась, главным образом, после декабрьских арестов участников сообщества «старой интеллигенции» и выразилась в распространении среди рабочих новых воззваний, призывавших к борьбе.

Содержание появившихся в декабре 1895 г. воззваний и места их распространения были указаны в начале сего заключения. Первое из них, по времени появления, начинавшееся словами: «Товарищи, в настоящее время производится сбавка по всем паровозным работам», было разбросано на Путиловском заводе. Дознанием установлено, что это воззвание было составлено Малишевским и Муромовым и отпечатано на мимеографе последним.

Относительно Малишевского ранее было изложено, что он летом 1895 г. пытался сблизиться с рабочими из-за Нарвской заставы и с этой целью участвовал на сходках, происходивших на Волковом поле и в квартире Богатырева, а осенью, по показанию Семена Афанасьева, Глеб Кржижановский ввел Малишевского в кружок Меркулова в качестве руководителя, но неудачно, так как рабочие остались им недовольны, и Кржижановский заменил Малишевского Ульяновым. Далее из показаний Николая Данилова видно, что после декабрьских арестов Малишевский приходил к Данилову вместе с студентом Муромовым, и они расспрашивали, кто из рабочих арестован и, как говорил Данилов Ше-

пелеву, дали 15 рублей для передачи матери арестованного Зиновьева. Данилов также опасался ареста, а потому Малишевский пытался скрыть Данилова путем помещения его в больницу под видом больного. Данилов по его указанию ходил в Невскую больницу за Невской заставой к доктору Караваеву, но тот его не принял. Малишевский несколько раз посещал рабочего Балтийского завода Тимофея Самохина и вел разговор о том, как устраивать сходки для развития рабочих и стачки; кроме того, Малишевский заходил к обвиняемому Ивану Львову и расспрашивал его о произведенных в декабре арестах.

В половине декабря Муромов и Малишевский пришли на квартиру Шепелева, у которого в то время были Данилов и рабочий Василий Богатырев. По словам Данилова и Шепелева, Малишевский и Муромов говорили, как вести кружковую пропаганду после арестов, как устроить квартиру, и просили указать рабочих, которые посещали бы сходки.

Через несколько дней Малишевский, встретив на улице Шепелева и обвиняемого Морозова, позвал их с собой в поле к полотну Балтийской железной дороги, там Шепелев и Морозов увидали Муромова и Иллариона Чернышева. Интеллигенты расспрашивали их подробно об об'явленной на Путиловском заводе сбавке с заработной платы и Чернышев сказал, что по поводу этой сбавки будут выпущены «листки».

Действительно, 18 декабря на Путиловском заводе были разбросаны воззвания, начинающиеся словами: «Товарищи, в настоящее время производятся сбавки по всем паровозным работам», содержание их изложено в начале сего заключения.

Допрошенный при дознании в качестве обвиняемого, рабочий Василий Богатырев, который участвовал в упомянутой сходке у Шепелева и о котором ранее было упомянуто, что он, как показал обвиняемый Морозов, разбрасывал 5 декабря воззвания, напечатанные Цедербаумом, — при допросе не признал себя в том виновным и об'яснил, что 5 декабря он поднял в заводе одно воззвание и принес к Данилову, у которого он жил на квартире. Данилов отобрал у него листок и сжег. Николай Данилов подтвердил это обстоятельство.

Обвиняемый студент С.-Петербургского Технологического Института Сергей Иннокентьев Муромов, у которого при обыске были найдены брошюра «Ткачи» и рукопись с описанием стачки работниц на фабрике Лаферм, первоначально отрицал при допросах свою прикосновенность к сему дознанию, но затем показал следующее. С октября 1895 г. он принадлежал к социал-демократическому кружку, который составляли, кроме него, Малишевский, Чернышев, Евгений Богатырев и Николай Михайлов; что же касается студента Шата, то он сочув-

ственно относился к движению. После декабрьских арестов, коснувшихся другого социал-демократического кружка, который назывался «старой интеллигенцией» (Запорожец, Малченко, Анатолий Ванеев и друг.), кружок, к которому принадлежал Муромов, решил ободрить рабочих, смущенных арестами, устроить новые кружки самообразования и, в случае понижения заработной платы и других притеснений со стороны фабрикантов, выпускать воззвания. В половине декабря они вместе с Малишевским, действительно, заходили на квартиру рабочих Данилова и Шепелева и расспрашивали об арестах и о том, что происходило на Путиловском заводе. У Шепелева они рассуждали об устройстве вновь кружка рабочих и узнали, что на заводе предполагается сбавка заработной платы. По поводу этой сбавки он, Муромов, и Малишевский тогда же решили выпустить воззвания и просили рабочих достать им точные сведения о сбавке, когда таковая последует. Через несколько дней, а именно 16 декабря, в поле Муромов, Малишевский и Чернышев увидались с рабочими, в числе которых Муромов помнит Шепелева: рабочие сообщили им необходимые сведения о сбавке, а они обещали доставить рабочим напечатанные листки воззвания.

Это воззвание 17 декабря Муромов и Малишевский написали на квартире последнего, и Муромов, взяв на своей квартире заранее приготовленные им восковую бумагу, валек и краску, отправился печатать воззвание к одному своему знакомому, которого отказался назвать, пошел к нему единственно потому, что его квартира была более удобна для подобной работы. У этого знакомого, при его содействии, Муромов мимеографическим способом отпечатал 96 экземпляров воззвания и отнес их к Малишевскому и ничего не знает о дальнейшей их судьбе.

Из об'яснений Муромова видно, что в 1894 г. он знал Константина Иванова и Виктора Окольского, осужденных за принадлежность к группе народовольцев, и бывал на их совместной квартире.

Обвиняемый студент Технологического Института Николай Георгиев Малишевский, после неоднократных допросов, приводивших к отрицательным результатам, наконец, признал, что он действительно принадлежал к социал-демократическому сообществу. По его словам, преступная его деятельность началась с декабря 1894 г., когда он стал посещать квартиру рабочих Филимона Петрова и Петра Грибакина, у которых он познакомился с Борисом Зиновьевым. Петрову и Грибакину он дал письменную программу вопросов о быте рабочих, и Грибакин написал ему ответы. В июне 1895 г. он сошелся с Чернышевым и Михайловым, и они решили «работать» вместе. С целью поближе сойтись с рабочими, он устроил упомянутую выше сходку на Волковом поле, на ко-

торой были Зиновьев, Карамышев, Акимов, а также Чернышев. На этой сходке было решено устраивать стачки рабочих путем воззваний, а также организовать рабочие кружки.

Он также бывал на сходке в квартире Богатырева. В октябре он пробовал начать «работу» за Невской заставой в кружке Меркулова и Бабушкина, но неудачно. Эта неудача подорвала кредит их кружка среди рабочих, а потому кружок бездействовал до декабрьских арестов. Далее, относительно посещений им с Муромовым в декабре 1895 г. рабочих и составления 17 декабря воззвания, Малишевский вполне подтвердил изложенное выше показание обвиняемого Муромова, добавив, что, по получении от последнего листков воззвания, он передал их одному лицу, которое отказывается назвать, это лицо сожгло почти все листки, кроме трех или четырех экземпляров. В это же время Малишевский пытался поместить Данилова в больницу, чтобы скрыть его от ареста, но это не удалось.

Указанный Малишевским рабочий Филимон Петров, привлеченный по сему дознанию в качестве обвиняемого, ввиду участия его в кружке Николая Рядова, собиравшегося на Глазовой улице, показал, что во время проживания его совместно с Грибакиным их посещал Малишевский и приносил им книги, в том числе «сказки Щедрина», и дал программу вопросов о быте рабочих на фабрике. Ответы были написаны им и Грибакиным, и Малишевский выбрал и взял себе рукопись Грибакина.

23 декабря 1895 г. Малишевский и другие соучастники кружка, к которому он принадлежал, собрали сходку в квартире упомянутого выше рабочего Ивана Федорова в д. № 86 по 7-й линии Васильевского острова. В этой сходке участвовали Малишевский, Николай Михайлов, Чернышев, Евгений Богатырев, рабочий Львов, Шепелев, Тимофей Самохин и квартирный хозяин Федоров *), что и признано всеми этими лицами при допросе их на дознании, за исключением Богатырева.

Относительно этой сходки обвиняемый Иван Львов показал, что на сходку его и Шепелева позвал и привел Малишевский; когда к Федорову все собрались, тогда встал Чернышев и, сказав: «Господа, заседание можно открыть», повел далее речь о притеснениях фабрикантами рабочих, которые могут взять верх над хозяевами путем единения между собой и общей стачки, а так как рабочим на время стачек трудно жить без работы, то Чернышев предложил учредить рабочую кассу и тут же

---

*) А также Елизавета Желабина и Левашкевич, о которых производится отдельное от сего дознания исследование.

положил на стол 10 рублей. Обвиняемый Шепелев подтвердил это показание Львова, добавив, что Данилов предупредил его 22 декабря, что на другой день к нему придет интеллигент звать его на сходку и советовал итти, и что на сходке Тимофей Самохин был избран секретарем.

Обвиняемый Николай Николаев Михайлов показал, что цель сходки 22 декабря была—подсчитать силы, расстроенные арестами, и привести в порядок деятельность по пропаганде. В этом отношении собравшиеся решили создать центральную группу, которой подчинить деятельность всех рабочих так, чтобы никто ничего не мог делать на свой личный страх, а лишь с согласия центральной организации, которой должен был сообщаться отчет о деятельности отдельных рабочих. Составление таких отчетов взял на себя Тимофей Самохин. Тот же Самохин высказывал о необходимости слияния с остатками «Малченко и К°» для совместной работы. На сходке была учреждена касса, в которую он, Михайлов, и Чернышев тогда же внесли по десяти рублей.

Обвиняемый Малишевский, в свою очередь, об'яснил, что на сходку 23 декабря его позвал Николай Михайлов, по просьбе которого он привел в квартиру Федорова рабочих Шепелева и Львова. На сходке, между прочим, обсуждался вопрос о соединении с остатками «старой интеллигенции», для чего было предположено устроить сходку 7 января, но эта сходка не состоялась вследствие арестов, произведенных в ночь на 4 января, однако Михайлов перед тем пытался вступить в предварительные переговоры с членами «старой интеллигенции»; так, за несколько дней до нового года он имел свидание с Цедербаумом *), а 31 декабря ждал к себе какого-то «интеллигента», который, несмотря на свое обещание, к нему не пришел. В свою очередь Малишевский, после сходки 23 декабря, пытался устроить квартиру для собрания рабочего кружка.

О подыскании такой квартиры он просил Ивана Львова и дал ему свой адрес. На второй день Рождества Малишевский с Муромовым приходили к Шепелеву и просили позвать Львова, который был в то время в театре, желая узнать, не нашел ли он квартиры. Шепелев ходил за Львовым, но тот отказался притти и ответил, что квартиры для сходок нет.

---

*) На этом свидании, происходившем в присутствии Н. Г. Малишевского и сапожника Левашкевича, Н. Михайлов, на самом деле, требовал от Мартова об'яснений по поводу распространяемых им слухов о подозрительном характере его деятельности и получил от Мартова ответ, что мы и впредь намерены предостерегать, кого можно, от сношений с ним, как с лицом подозрительным. *Прим. Л. Мартова.*

Вследствие приведенных указаний на деятельность социал-демократической группы, именовавшейся «молодой интеллигенцией», а также, как показал обвиняемый Морозов, «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» *) были привлечены к сему дознанию Чернышев, Богатырев и участвовавшие на сходке 23 декабря Иван Федоров и Тимофей Самохин.

По обыску, произведенному у Ивана Федорова, были отобраны: 1) печатная книга «Дело о совершенном 1 мая 1881 г. злодеянии» (цензурное издание), два экз. брошюры «Об'яснение закона о штрафах» (найдено, как было указано выше, в числе 34 экземпляров у рабочего Щеглова), 3) печатная брошюра «Что нужно знать и помнить каждому рабочему», 4) рукопись, в которой изложено о том, чтобы интеллигентные рабочие отмечали среди своих знакомых рабочих таких лиц, которые могли бы возбуждать рабочую массу к заявлению своих требований; при этом указываются способы к такому образу действий интеллигентного рабочего, 5) рукописная копия известного письма Цебриковой к государю императору, 6) три тетради с вопросами, касающимися быта рабочих, 7) карманная книжка, в которой, между прочим, написано «онкеранрая 11,10», и 8) клочок бумаги с двумя рядами букв русского алфавита, расположенных в разбивку.

Относительно обвиняемого Ивана Федорова ранее было уже изложено, что он предоставлял свою квартиру для конспиративных свиданий Кржижановского с разными лицами и для сходок рабочих под руководством Ульянова, что и признал на допросе во время дознания. Он также подтвердил, что 23 декабря у него была сходка, в которой участвовали вышеуказанные лица. Относительно отобранных у него книг и бумаг Федоров заявил, что, за исключением карманной книжки, трех тетрадей с вопросами и клочка бумаги с буквами, остальное было кем-то положено на заводе в карман его пальто, в том числе и письмо Цебриковой, которое он за его ветхостью сжег, оставив у себя с него копию, вопросы в трех тетрадях написаны им с рукописи, данной ему обвиняемым Названовым, что же касается слова «онкеранрая 11,10» и букв алфавита, то они означают шифр, указанный ему Чернышевым, при чем

---

*) Явная бессмыслица. „Молодые" своих прокламаций именем „Союза" не подписывали. Уцелевшие от декабрьских арестов члены „группы стариков" (С. И. и Л. Н. Ратченко, М. А. Сильвин, С. А. Гофман, Я. П. Пономарев, А. А. Якубова, З. П. Невзорова, Н. К. Крупская, В. М. Трепюхин, д-р Я. М. Ляховский и Мартов) приняли это название и стали им подписывать листки во второй половине декабря 1895 года. *Прим. Л. Мартова.*

означенное слово есть зашифрованное слово «Ординарная» (улица) и написана потому, что в январе Чернышев сказал Федорову, что в Ординарной улице, в доме № 9, кв. № 8 будет сходка, на которую звал Федорова. По указанию Чернышева, он записал шифром название улицы и поставил числа 11,10, означающие номера дома и квартиры, увеличенные на два. По словам Федорова, он не ходил по этому адресу, по показанию же Николая Данилова, в указанном доме не происходило никакой сходки и он от дворника узнал, что в квартиру № 8 жильцы переехали накануне того дня, в который Данилов приходил в этот дом, ожидая попасть на сходку.

Обвиняемый инженер-технолог Илларион Васильев Чернышев, у которого по обыску не оказалось ничего преступного, не признал себя виновным в принадлежности к социал-демократическому сообществу, но при дальнейших допросах показал, что участвовал на сходках в квартирах Богатырева и Ивана Федорова, а также в поле, близ полотна Балтийской железной дороги, но не помнит, чтобы на последней сходке он говорил о необходимости выпустить воззвание по поводу сбавок на Путиловском заводе.

Обвиняемый инженер-технолог Евгений Георгиев Богатырев, у которого по обыску также не обнаружено ничего преступного, на допросах при дознании отрицал свою прикосновенность к сему дознанию.

Обвиняемый крестьянин Тимофей Тимофеев Самохин, признавая себя виновным, показал, что революционной деятельностью он стал заниматься с лета 1894 г. в Москве, где посещал сходки рабочих. Приехав в Петербург, он поступил на работу на Балтийский завод и стал посещать своих московских знакомых Шепелева, Морозова и Демичева, а через них познакомился с Зиновьевым, Карамышевым и Малишевским; Зиновьев давал ему читать брошюры: «Ткачи», «Рабочий день» и «Царь-голод», а Малишевский, как упомянуто выше, несколько раз приходил к Самохину и толковал об устройстве рабочих кружков. Точно также у него бывали Чернышев, Евгений Богатырев и Анатолий Ванеев; последний пришел вместе с Зиновьевым и Карамышевым и прочитал им о стачке в Белостоке. Обвиняемый Самохин признает, что 23 декабря он участвовал в квартире Ивана Федорова на сходке, при чем был избран секретарем.

В конце декабря к Самохину, по его словам, пришел неизвестный ему интеллигент и передал около ста листков прокламаций, начинавшихся словами: «Товарищи рабочие, стачки последнего времени привели в необычайное смущение наших капиталистов хозяев» и «Что такое со-

циалист и политический преступник» *). В последней прокламации «социалист» выставляется доброжелателем народа, жертвующим собой, идя против «варварского» нашего правительства, которое защищает интересы фабрикантов и заводчиков и желает держать бедняка рабочего в своих руках, чтобы спокойно отнимать у него последние кровные гроши на роскошь и животные прихоти чиновников.

Часть этих прокламаций Самохин дал для разбрасывания на Балтийском заводе рабочим, жившим вместе с ним, Василию Титову и Михаилу Кириллову, а остальные спрятал на месте своей работы на заводе. Одну из прокламаций «Что такое социалист и политический преступник» рабочий Ефим Ларионов Егоров, в присутствии его, Самохина, приклеил на заводском заборе.

Это последнее обстоятельство подтвердил рабочий Осип Максимов, который видел названную прокламацию на заводе прикленною к забору. Тот же Максимов показал, что он видел у Василия Титова прокламацию «Ко всем петербургским рабочим», и этого же рода листки Титов и Самохин давали читать рабочему Григорию Сарафанову. Кроме сего, из показаний допрошенных при дознании обвиняемого Малинина и рабочих Григория Никандрова и Ивана Савельева и названных Сарафанова и Максимова выяснилось, что после ареста Самохина, перед приходом на Балтийский завод полиции для обыска верстака Самохина, Титов осмотрел этот верстак и принял меры к сокрытию от полиции связки с какими-то бумагами или книгами.

Ввиду приведенных указаний Василий Осипов Титов, Михаил Кириллов и Ефрем Ларионов Егоров были допрошены в качестве обвиняемых, с производством у них обысков, при чем ничего преступного найдено не было.

Обвиняемый Василий Титов показал, что, проживая вместе с Самохиным, он видел у него воззвания, начинавшиеся словами «Товарищи-рабочие», «Ко всем петербургским рабочим» и «Что такое социалист и политический преступник», их было до ста экземпляров. Самохин давал читать воззвания рабочим и часть листков передал в судостроительное отделение завода. Получив воззвания от Самохина, которые он хранил в своем шкапчике на заводе, Титов показывал их рабочим Сарафанову и Максимову и слышал, что Ефим Егоров наклеил листок с заглавием «Что такое социалист и политический преступник» на заводском заборе. Титов также не отвергал, что перед обыском полицией верстака

---

*) Написана И. В. Бабушкиным и издана „Союзом Борьбы". *Примечание Л. Мартова.*

Самохина он вынул из шкапа последнего сверток, который был сожжен.

Обвиняемый, пензенский мещанин, Михаил Афанасьев Кириллов об'яснил, что зимой Самохин, встретившись на лестнице с ним, передал ему пачку листков, прося разбросать их в судостроительной мастерской Балтийского завода; Кириллов тут же бегло прочитал напечатанное на листках лиловой краской и, видя, что на листках говорится о беспорядках на фабриках Торнтона, Лаферма и др., а также против правительства, возвратил пачку Самохину, отказавшись исполнить его просьбу.

Наконец, обвиняемый Ефим Ларионов Егоров признал, что он наклеил в заводе на заборе прокламацию «Что такое социалист и политический преступник». Сделал это по просьбе Самохина, который дал ему три таких листка и ранее того давал читать книжки; в одной из них рассказывалось о бунте рабочих в Англии.

Оказавшиеся у Самохина прокламации: «Ко всем петербургским рабочим», «Товарищи рабочие, стачки последнего времени привели в необычайное смущение наших хозяев капиталистов» и «Что такое социалист и политический преступник» исходили, как выяснено дознанием, от неоднократно упоминавшегося выше Юлия Цедербаума, а появившиеся в первых числах января 1896 года воззвания на фабрике Лебедева по поводу бывшей на этой фабрике стачки, выпушены лекарем Ляховским. В предыдущем изложении было уже указано, что Цедербаум и Ляховский принадлежали к социал-демократической группе «старой интеллигенции» и что Юлий Цедербаум 4 декабря, вместе со Старковым, участвовал в сходке у рабочих Зиновьева и Карамышева, взял у первого рукопись воззвания для напечатания и того же числа вечером передал названным рабочим до 200 листков этого воззвания для распространения на Путиловском заводе. Что же касается Ляховского, то относительно его уже было изложено выше, что он являлся руководителем рабочих кружков Меркулова и Шелгунова. После декабрьских арестов, которые не коснулись Цедербаума и Ляховского, последние продолжали свою преступную деятельность.

Обвиняемый Василий Волынкин показал, что в ночь на 9 декабря у него был произведен обыск, при чем его оставили на свободе. Дня через три он был у Семена Афанасьева, туда пришли Цедербаум и Ляховский. Он стал упрекать их за то, что, благодаря участию его в сходках, у него произведен обыск, он остался без места и без куска хлеба. На это Ляховский ответил: «Ничего, не унывай, не первый год производятся обыски и забирают», и дал Волынкину 3 рубля, а затем обвиняемый Бабушкин, который служил посредником между интеллигентами и рабочими и ездил на известные ему квартиры интеллигентов, привез

ему еще 5 рублей. 25 дек. Волынкин пошел на Выборгскую сторону к бывшему своему соквартиранту Кузьме Царькову и нашел его там в трактире вместе с Семеном Афанасьевым. Царьков спросил Волынкина, получил ли он письмо, которое послал ему через рабочего Федора Михайлова (он же «Англичанка») и Семена Афанасьева, о том, чтобы Волынкин сходил к Ляховскому и попросил его прислать «возбудительных листков», потому что у них на Выборгской уже третий день забастовка на фабрике Лебедева, а между тем листков нет. Волынкин такого письма не получал, а Афанасьев отговорился, что не видал Волынкина и не мог передать ему просьбы Царькова. После того Царьков, Афанасьев и Волынкин, не зная квартиры Ляховского, все-таки пытались устроить свидание с ним; для этого Волынкин и Афанасьев два раза ходили к упоминавшемуся ранее рабочему Петру Грибакину, прося его позвать Бабушкина, который, как выше сказано, мог устроить желаемое свидание. 31 декабря Грибакин отвел их в трактир Юсова, против фабрики Торнтона, а через некоторое время вызвал Волынкина на улицу, где последний увидал Ляховского, которому и передал просьбу Царькова. Ляховский обещал на другой день ходить по улице, где живет Царьков, с которым и должен был свести его Волынкин. Назначенное Ляховским свидание с Царьковым состоялось, Ляховский расспросил Царькова о порядках на фабрике Лебедева и велел Царькову на другой день, т.-е. 2 января, встретиться с ним у Артиллерийской Академии. Волынкин не был на этом втором свидании, но слышал от Царькова, что Ляховский и еще какой-то его товарищ виделись с ним и что 80 листков распущено на фабрике Лебедева, из них 12 наклеены, а остальные разбросаны, за исключением нескольких экземпляров, которые Царьков отнес на мельницу Баранова и там читал их вместе с рабочими.

Эти листки, напечатанные мимеографическим способом, имеются при дознании; они значатся изданными от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и двоякого содержания. Одни озаглавлены «Требования ткачей фабрики Лебедева», которые заключаются в том, чтобы были освобождены рабочие фабрики, арестованные за беспорядки, происшедшие на этой фабрике 20 декабря, а другие начинаются словами: «Товарищи, 20 декабря вы доказали» и заключают в себе одобрение рабочим за оказанное ими сопротивление, при чем говорится, что полиция незаконно, без всякого повода задержала многих ткачей для острастки другим, что на стороне грабителя-хозяина фабрики были его капитал, фабричный инспектор, полиция, жандармы и русские законы, запрещающие рабочим сговариваться о своих делах; на стороне же рабочих не было никого, так как рабочие не предвидели такого случая

и не устроили между собой товарищеского рабочего союза, чтобы на собранные заблаговременно деньги продержаться на время стачки; рабочим советуется готовиться к борьбе, и когда она станет возможна, все, как один человек, должны бросить работу.

Обвиняемые Семен Афанасьев и Кузьма Царьков подтвердили изложенное выше показание Волынкина, при чем Царьков добавил следующее. После того, как Волынкин 1 января свел его с Ляховским на Сампсоньевском проспекте, Ляховский стал расспрашивать его об обстоятельствах забастовки на фабрике Лебедева и требовал для составления воззвания подробных сведений. Для доставления Ляховскому этих сведений Царьков обратился к ткачу фабрики Лебедева Федору Михайлову (Англичанке), и в тот же день вечером около фельдшерской школы Царьков и Англичанка виделись с Ляховским. На другой день, согласно уговору с Ляховским, Царьков и Федор Англичанка пришли в портерную на углу Сампсоньевского проспекта и Нейшлотского переулка и встретились там с Ляховским, которого сопровождал другой какой-то интеллигент. В портерной Ляховский сказал Царькову, что листки готовы, и вслед за тем, выйдя на улицу, дал Царькову пачку листков, при чем сказал, чтобы Царьков разбросал на фабрике все листки и не оставлял у себя ни одного из опасения обыска. Ляховский желал знать о результате разбрасывания листков и они уговорились встретиться 3 января в трактире Лейкина на Дворянской улице. В этом трактире Царьков сообщил Ляховскому, что листков 20 передал Федору Англичанке, который разбросал их на фабрике по ткацким станкам; остальные частью были брошены ночью в окно фабрики, частью в коридоре дома, в котором жил Царьков. На том же свидании в квартире Лейкина Ляховский советовал Царькову не ограничивать своей деятельности распространением листков, а устроить квартиру для сходок рабочих на Выборгской стороне и обещал ввести Царькова и Федора Англичанку на какие-то сходки на Васильевском острове.

По изложенным указаниям на преступную деятельность рабочих Федора Михайлова (он же Англичанка) и Петра Грибакина, они были допрошены в качестве обвиняемых, при чем Федор Михайлов подтвердил изложенное выше показание Царькова и об'яснил, что полученные от последнего листки он снес на фабрику Лебедева и положил там в вагерклозете. Обвиняемый же Грибакин отрицал всякое свое участие в деле. между тем, как указано выше, он вел сношения с Малишевским, устроил свидание Ляховского с Волынским, как показал последний, высказывал Волынкину, что рабочим следовало бы не в одиночку, а сообща, большим числом, разом заявлять свои требования, и добавил при этом, что

теперь государь часто ездит из дворца во дворец, но при допросах Грибакин не подтвердил это показание Волынкина.

Что касается Юлия Цедербаума, то приведенные относительно его в сем заключении сведения дополняются показаниями обвиняемых Шепелева и Львова, из которых видно, что 2 января Цедербаум принес к Шепелеву, у которого в то время был Львов, экземпляров 80 воззваний, которые были сложены по три листа вместе так, что приходилось в каждой пачке по одному воззванию «Ко всем петербургским рабочим», «Товарищи рабочие» и «Что такое социалист и политический преступник». Цедербаум говорил, что 3 января эти воззвания будут разбросаны на 20 фабриках и заводах, и что он принес то, что у него осталось. Цедербаум предложил Шепелеву и Львову разбросать воззвания на Путиловском заводе. Шепелев показывает, что он взял от Цедербаума листков 20, из них он три бросил на заводе, один дал Морозову, а остальные взял у него Калинин. Львов же говорит, что полученные им от Цедербаума прокламации он сжег; то же утверждает и Калинин, который показал, что получил от Шепелева лишь одну пачку из трех листков.

По обыскам у Цедербаума и Ляховского ничего преступного найдено не было. Допрошенный в качестве обвиняемого Юлий Иосифов Цедербаум не признал себя виновным в принадлежности к социал-демократическому сообществу и заявил, что обвиняемых по сему дознанию рабочих он не знает, ни на каких их сходках не бывал и воззваний не распространял.

Обвиняемый же лекарь Яков Меерович-Лейбович Ляховский, первоначально отрицавший свою виновность, при окончании дознания показал, что по совету одного своего знакомого врача, назвать которого отказался, он, желая узнать быт рабочих, несколько раз бывал за Невской заставой в квартире Никиты Меркулова, где вел с рабочими разговоры об их житье-бытье, не заключавшие в себе ничего преступного. 30 декабря приятель-врач сказал Ляховскому, что его желает видеть рабочий Василий (т.-е. Волынкин), они вдвоем отправились к Волынкину на Выборгскую сторону, нашли его в трактире, и Волынкин сообщил им, что на одной фабрике произошло столкновение рабочих с хозяином и что Ляховского желает видеть рабочий с этой фабрики Григорьев (т.-е. Кузьма Григорьев Царьков). С последним Ляховский виделся на другой день один, без приятеля-врача, и узнал от Царькова подробности упомянутого столкновения. Не зная, какой дать совет Царькову, он назначил свидание с ним на Нижегородской улице, а сам отправился к упомянутому врачу и все ему рассказал. В условленное время, приведя врача на

Нижегородскую улицу, он оставил врача с Царьковым и не знает происходившего между ними разговора.

Но через два или три дня он, по просьбе врача, ходил в трактир Лейкина узнать о судьбе ткачей от Царькова, который сказал, что ткачи вынуждены были согласиться на сбавку заработной платы. Никаких воззваний он рабочим не давал, а делал ли это его врач-приятель, он не знает. Но это показание опровергается изложенными выше показаниями Волынкина, Царькова и Федора Англичанки, из которых видно, что Царьков получил воззвания от Ляховского, а не от его сотоварища, оставшегося при дознании необнаруженным.

Кроме перечисленных лиц, к дознанию были привлечены потомственный почетный гражданин Александр Владимиров Нагоров, бывший студент С.-Петербургского Технологического Института Яков Петров Пономарев, крестьяне Амос и Яков Константиновы Лебедевы, жена ремесленника Наталья Степанова Кейзер, колпинский мещанин Константин Константинов Куприанов, крестьянин Николай Ефремов Дудинский, студент Военно-Медицинской Академии Николай Алексеев Богораз, студенты С.-Петербургского Университета Виктор Константинов Сережников и Николай Васильев Митрофанов-Шеманов и слушательницы высших женских курсов Елена Васильева Сибирская и Анна Михайлова Катаурова, относительно которых первоначальные данные наблюдения, послужившие основанием к допросу этих лиц в качестве обвиняемых, не подтвердились при дознании, за исключением Нагорова и Катауровой, которые изобличаются в хранении революционных изданий. Это усматривается из нижеследующих данных в отношении каждого из названных лиц:

1) Относительно Александра Нагорова в сообщении Департамента Полиции от 13 декабря 1895 г. значится, что Нагоров принадлежал к социал-демократическому кружку, совместно с Запорожцем, Малченко, Сибилевой и другими и, по распределению между членами кружка ролей, принял на себя участие в заведывании общими делами и организациею денежной помощи рабочим, привлекаемым к дознаниям, при чем Сибилева при содействии Нагорова неоднократно посылала через обвиняемую по сему дознанию Норинскую денежные суммы привлеченным к дознанию о группе народовольцев рабочим Константину Норинскому, Фишеру, Кейзеру, Логину Желабину и Николаю Богданову.

По произведенному у Нагорова по месту его жительства в деревне Мурзинке обыску были найдены брошюры «Ткачи» и «Былое и Думы» Герцена (Женевское издание 1879 г.).

Допрошенный в качестве обвиняемого Александр Нагоров, не признавая себя виновным в принадлежности к какому-либо противоправительственному сообществу, показал, что найденные у него сочинения он приобрел покупкою и что никого из прикосновенных к сему дознанию лиц он не знает, за исключением Веры Сибилевой, с которой встретился у одного общего их знакомого два года тому назад и потом раз видел ее случайно на улице. Это показание Нагорова было опровергнуто дознанием. Хотя обвиняемый Галл и показал, что жившая у него на квартире Норинская ездила за деньгами для высланных из Петербурга рабочих к какому-то химику или технику, служащему где-то на заводе за Невской заставой, при чем Галл неоднократно после таких поездок Норинской видал у нее билеты конки до Мурзинки, но это заявление Галла, повидимому, заключавшее в себе указания, подходившие к личности Нагорова, не подтвердилось при дальнейшем дознании, так как Норинская, проживавшая у Галла зимою и весною 1895 г., показала, что она Нагорова не знает и не ездила за Невскую заставу, а кроме сего выяснилось, что указанные Галлом поездки Норинской, во всяком случае, не могли относиться к Нагорову, потому что последний до 1 сентября 1895 г. жил не в Мурзинке, а по Николаевской железной дороге на Глухоозерском заводе и только с указанного числа перешел на службу на Обуховский сталелитейный завод, находившийся между Мурзинкой и Александровским селом.

2) Рабочий Балтийского завода солдатский сын Константин Куприанов, по агентурным сведениям, входил в так называемую центральную группу для руководства рабочим движением и посещал сходки рабочих в квартире обвиняемого Ивана Иванова Яковлева, в доме № 74 по Наличной улице. По обыску у Куприанова ничего преступного найдено не было, и он на допросе, не признавая себя виновным, показал, что знает Яковлева и иногда заходил к нему, но при этом никогда не заставал у него других знакомых Яковлева. Дознанием не обнаружено никаких указаний на сношения Куприанова с другими прикосновенными к делу лицами и при всех допросах во время дознания не получено никаких данных, которые удостоверяли бы преступную деятельность Куприанова.

3) Работница резиновой мануфактуры Наталья Степанова, вышедшая в конце июля 1895 г. замуж за обвиняемого по сему дознанию С.-Петербургского ремесленника Ивана Кейзера, была привлечена в качестве обвиняемой ввиду указания наблюдения на то, что ее квартира в доме № 5 по Колпинской улице, где она жила до замужества, являлась, повидимому, местом для сходок рабочих и для склада революционных

сочинений, и что эту квартиру посещали обвиняемые Вера Сибилева, Елизавета Агринская и Иван Кейзер. Выше было уже изложено, что Сибилева и Агринская, как выяснено дознанием, приходили к Наталье Степановой, как невесте Кейзера, желая узнать от нее адрес Кейзера в Колпине; что же касается замеченных агентурою сходок в означенной квартире рабочих и хранения революционных изданий, то при этом необходимо иметь в виду, что у той же квартирной хозяйки, у которой жила Степанова, проживали Елизавета Желабина и обвиняемый Иван Иванов Яковлев, а потому приведенные указания агентуры могут быть отнесены в равной мере к каждому из этих лиц; что же касается посещения Кейзера, то таковые об'ясняются его близкими отношениями к Наталье Степановой, как к его невесте. По обыску у Натальи Кейзер ничего преступного найдено не было и допрошенная в качестве свидетельницы ее бывшая квартирная хозяйка Ольга Иванова показала, что к обвиняемой никто из рабочих не ходил. Сама Наталья Кейзер подтвердила при дознании сведения о посещении ее Сибилевой и Агринскою с указанною выше целью и отрицала свою виновность в противоправительственной деятельности.

4) Рабочий Путиловского завода крестьянин Николай Ефремов Дудинский был в числе других лиц, подвергнутых в ночь на 9 декабря 1895 г. обыску по распоряжению Департамента Полиции, ввиду агентурных сведений о том, что обвиняемые Борис Зиновьев и Петр Карамышев в июне 1895 г. во время беспорядков на Путиловском заводе, опасаясь обыска, перенесли из своих квартир при участии Дудинского и обвиняемого Петра Акимова хранившиеся в этой квартире революционные издания. Упомянутый обыск не привел ни к каким положительным результатам и вызвавшие его агентурные сведения не нашли себе подтверждения ни в показаниях Зиновьева, Карамышева и Акимова, ни в других данных дознания. Обвиняемый Зиновьев, между прочим, показал, что в начале 1895 г. он пытался устроить рабочий кружок в деревне Тентелевке у Карамышева, который нанимал там комнату в квартире Дудинских, но эти попытки не имели успеха, так как Дудинский и другой его квартирант, Муст, не интересовались кружком, и Карамышев оставил эту квартиру, переехав жить вместе с Зиновьевым в Огородный переулок. Кроме сего, обвиняемый Ефремов при дознании, между прочим, показал, что 26 апреля 1895 г. во время сходки у Николая Иванова для выбора заместителя Иванова, на время его от'езда из Петербурга, находился также и Дудинский, но засим из показаний как Ефремова, так и других участников сходки не видно, чтобы Дудинский принимал в ней деятельное участие. Обвиняемый же Дудинский при допросе показал,

что он ни к какому тайному кружку не принадлежал, не помогал Зиновьеву и Карамышеву прятать вне их квартиры запрещенные книги и что 26 апреля действительно был у одного своего знакомого Николая Иванова, куда позвал его Карамышев, там он видел Николая и Константина Ивановых, Ефремова, Зиновьева, Карамышева и еще какого-то человека. С ними он не сидел, а в другой комнате осматривал по просьбе Константина Иванова испорченное ружье последнего и вскоре ушел домой, и потому и не знает, о чем рассуждали собравшиеся у Ивановых, слышал только, как Зиновьев сказал К а р а м ы ш е в у, что надо устроить рабочую кассу.

5) Студент Военно-Медицинской Академии Николай Алексеев Богораз был подвергнут обыску и привлечен к делу ввиду первоначального заявления, сделанного в Охранном Отделении обвиняемым Волынкиным, который по пред'явленным ему фотографическим карточкам признал Богораза за лицо, руководившее тайными рабочими кружками за Невской заставой. По обыску у Богораза ничего преступного не было найдено и сам он при допросе отрицал свою виновность. Засим при дознании, по пред'явлению Волынкину лично обвиняемых Богораза и Ляховского, обнаружилось, что Волынкин указал на Богораза ошибочно, и что все его заявления относительно преступной деятельности Богораза должны быть отнесены не к Богоразу, а к Ляховскому

Далее относительно привлеченных к дознанию: 6) дочери священника Елены Васильевой Сибирской и студентов С.-Петербургского Университета, 7) Виктора Константинова Сережникова и 8) Николая Васильева Митрофанова-Шеманова в упомянутом сообщении Департамента Полиции были изложены следующие сведения, добытые наблюдением. 17 сентября 1895 г. обвиняемый по сему дознанию Анатолий Ванеев в статском платье пришел к обвиняемому Михаилу Названову, куда вскоре прибыла Елена Сибирская. В это же время к дому, в котором проживал Названов, подошел и обвиняемый Владимир Ульянов, но, не заходя в дом, вскоре удалился. Через четверть часа Ванеев вместе с Сибирской поехали в дом № 48 по Гороховой улице, Сибирская осталась ожидать на извозчике, а Ванеев отправился к студенту Сережникову. Спустя полчаса Ванеев вышел от последнего в сопровождении студента Митрофанова-Шеманова, при чем они вынесли и поставили на извозчика чемодан желтой кожи, который Сибирская отвезла к себе на квартиру. Сопровождавший ее часть пути Митрофанов-Шеманов заходил при этом к себе на квартиру, вынес оттуда сверток бумаг и передал его Сибирской. Все эти обстоятельства обратили на себя внимание ввиду агентурных сведений о том, что только перед тем возвратившийся из-за

границы Ульянов привез значительное количество революционных изданий. По произведенным обыскам у Митрофанова-Шеманова ничего преступного найдено не было, у Сережникова оказался каталог запрещенных изданий и выписки из сочинений по рабочему вопросу, а у Сибирской и проживавшей вместе с нею 9) дочери подполковника Анны Михайловой Катауровой были отобраны: у первой — брошюра «Ткачи», а у второй—брошюра «Рабочий день». Допрошенные в качестве обвиняемых Сибирская, Митрофанов-Шеманов и Сережников, не признавая себя виновными в принадлежности к социал-демократическому сообществу, показали, что они не знают друг друга, а равно Ульянова, Анатолия Ванеева и Названова за исключением Сережникова, который посещал Ванеева, и что в сентябре они никакого чемодана не перевозили. Это последнее обстоятельство не подтвердилось при дознании, так как допрошенный в качестве свидетеля агент Коротков, наблюдавший за перевозкою чемодана, мог удостоверить только факт этой перевозки, но он лично обвиняемых не знает, и так как наблюдение происходило вечером, то за темнотой он не мог разглядеть лиц, перевозивших чемодан, указания же на то, что Ванеев и Сибирская были у Названова, что Ванеев заходил за чемоданом к Сережникову и что с Сибирской поехал от Сережникова Митрофанов-Шеманов, который по дороге заходил к себе за свертком, основано лишь на том предположении, что все описанное происходило в домах, где жили поименованные обвиняемые.

Точно так же не была точно определена и личность женщины, везшей чемодан. Из показаний Короткова и полицейского надзирателя Цветкова видно, что упомянутая женщина была закутана в башлык. Под'ехав к дому № 39 по 2 линии Васильевского острова, она вошла с чемоданом во двор этого дома и о чем-то говорила с дворником; Коротков не спросил затем этого дворника, кто была эта женщина, и лишь на другой день Цветков выяснил ее личность, для чего расспрашивал дворника, и, по его словам, пришел к заключению, что это должно быть была проживавшая в этом доме Сибирская, хотя дворник и говорил ему, что последняя башлыка не носит. Дворник Данков и квартирохозяйка Сибирской Анна Волкова удостоверили, что Сибирская никакого чемодана в означенное время не привозила, что башлыка у нее нет и что личность, привезшая чемодан, могла не проживать в их доме, так как двор в этом доме проходной. Обвиняемые Анатолий Ванеев и Названов также отвергли свое знакомство с Сибирской, при чем допрошенные, по указанию Названова, Вера и Арсений Нечаевы показали, что вечером 17 сентября, т.-е. когда по агентурным сведениям к Названову приходили Ванеев и Сибирская, Названов был в Колпине на именинах Веры Нечае-

вой. Относительно найденных у Сибирской и Катауровой брошюр «Ткачи» и «Рабочий день» они об'яснили, что так как Сибирская заведывала библиотекой высших женских курсов, то к ним на квартиру нередко в их отсутствие слушательницы курсов приносили разные книги, и должно быть кто-нибудь из них оставил и упомянутые брошюры. Сибирская к сему добавила, что брошюру «Ткачи» она нашла у себя на столе с запиской «15 к. за прочтение».

Наконец, в отношении обвиняемых: 10) студента С.-Петербургского Технологического И-та Якова Петрова Пономарева и рабочих 11) Амоса и 12) Якова Лебедевых, как видно из сообщения Департамента Полиции от 4 января 1896 г., имелись агентурные указания о том, что появившееся в конце декабря 1895 г. воззвание «Ко всем петербургским рабочим» было составлено обвиняемыми Цедербаумом и Ляховским и отпечатано Пономаревым, и что на фабрике Паля это воззвание было разбросано рабочими Амосом и Яковом Лебедевыми. Эти сведения ничем не были подкреплены при дознании, ввиду отрицания Пономаревым и Лебедевыми при допросе указанных обстоятельств. Пономарев показал, что Цедербаума и Ляховского не знает, хотя Цедербаум дал противоположное показание, а обвиняемый Муромов об'яснил, что знает Пономарева как лицо, сочувствующее социал-демократическому движению, но за сим дознанием не установлено никаких фактических данных, которые удостоверяли бы печатание Пономаревым воззваний. По обыску у Пономарева была отобрана брошюра Гофмана «Десять заповедей для состоятельного класса» революционного содержания. Что же касается Лебедевых, у которых по обыску не найдено ничего преступного, то они показали, что воззваний не разбрасывали, но слышали, что на фабрике Паля за неделю до праздников Рождества Христова появились какие-то воззвания. Эту неделю Яков Лебедев, по его показанию, ни разу не ходил на фабрику по причине болезни, что вполне подтвердилось собранными об этом обстоятельстве сведениями, как это видно из сообщения Охранного Отделения от 23 января 1896 года

Из всего вышеизложенного усматривается, что дознанием установлены данные, указывающие, что группу «народовольцев», совершенно расстроенную в 1894 г. уголовным преследованием, заменили в противоправительственной пропаганде среди рабочих лица одинаковых с народовольцами убеждений, но начавшие действовать по иной программе и именовавшиеся социал-демократами. Эта программа излагалась в подпольных брошюрах, издававшихся в тайной типографии, и состояла в постепенном сплочении рабочих на почве их борьбы за свои экономические интересы в одну организованную массу, в тех видах, что борьба

на экономической почве послужит для рабочих школою и последовательно увлечет массу в борьбу за политические права, которая разрушит существующий государственный строй. Ставя своей конечной целью государственный переворот посредством организованной силы рабочих, социал-демократы, как видно из распространявшихся ими подпольных брошюр и воззваний, которые призывали рабочих к стачкам или поддерживали уже возникшие столкновения рабочих с их хозяевами, неизменно указывали рабочим на правительство, как на их главного врага, действующего, будто бы, за спиною хозяев во вред рабочим.

Дознанием установлено, что «социал-демократы» в 1894 г. и 1895 г образовали между собой сообщество для совместной противоправительственной пропаганды через тайные рабочие кружки. К одному из этих сообществ, известному среди других социал-демократов под названием «старой интеллигенции», принадлежали обвиняемые Петр Запорожец, Глеб Кржижановский, Владимир Ульянов, Анатолий Ванеев, Василий Старков, Юлий Цедербаум, Яков Ляховский, Александр Малченко, Константин Тахтарев и Александр Никитин. Одною и тою же деятельностью с ними занимались Вера Сибилева и Елизавета Аграпская, которым содействовали Степан Быковский, Елена Аграпская и Елена Устругова. Печатанием произведений социал-демократов занимались Пантелеймон Лепешинский и Павел Романенко при пособничестве Степана Гуляницкого. Кроме сего, преступное сообщество находило себе содействие в обвиняемых Михаиле Названове и Василии Ванееве. Социал-демократическое сообщество в своей преступной пропаганде в рабочих кружках встретило деятельных сотрудников из числа наиболее распропагандированных рабочих, которые собирали вокруг себя отдельные рабочие кружки; постепенным развращением в политическом отношении участников этих тайных кружков и занялись члены указанного социал-демократического сообщества. Такими сотрудниками социал-демократов, как выяснено дознанием, были рабочие: Василий Антушевский, Николай Иванов, Николай Рядов, Никита Меркулов, Василий Шелгунов, Иван Бабушкин, Борис Зиновьев и Петр Карамышев. К этим лицам примыкают группы рабочих, которых они вовлекали в свои кружки.

В отдельности, как видно из предыдущего изложения, преступная деятельность каждого из этих лиц выразилась в следующем:

1. Студент С.-Петербургского Технологического Института Петр Кузьмин Запорожец является одним из главных деятелей сообщества; он составил найденные у Анатолия Ванеева статьи революционного содержания для задуманной социал-демократами подпольной газеты «Рабочее Дело», а также написал оказавшуюся у обвиняемого Малченко статью

«Борьба с правительством», хранил значительное число противоправительственных изданий и распространял их среди рабочих, участвовал на сходке членов сообщества в Удельном лесу, руководил под псевдонимом «Василия Федоровича» рабочими кружками Николая Иванова и Рядова, посещал и руководил сходками рабочих, собиравшихся в квартирах рабочих Меркулова, Зиновьева и Карамышева, а также у Петра Акимова.

2. Инженер-технолог Глеб Максимилианов Кржижановский изобличается в распространении среди рабочих революционных изданий и в организовании рабочих кружков. Он платил за квартиру рабочих Порфирия Михайлова, Волынкина и Царькова и руководил занятиями их кружка, именуясь «Григорием Ивановичем»; руководил таким же кружком Меркулова, куда вводил для пропаганды по социал-демократической программе новых руководителей, а именно Ульянова и Ляховского, склонял рабочего Царькова устроить тайный рабочий кружок на Выборгской стороне, устроил конспиративную квартиру на Васильевском острове у рабочего Ивана Федорова, где происходили его свидания с различными рабочими и сходки, и посещал тайные собрания рабочих, происходившие в сентябре 1895 г. в Огородном переулке, в квартире рабочих Зиновьева и Карамышева.

3. Помощник присяжного поверенного Владимир Ильин Ульянов летом 1895 г. ездил за границу, где, по агентурным сведениям, вошел в сношения с эмигрантом Плехановым с целью установить способ для правильного водворения в Петербург революционной литературы, затем по возвращении в Петербург, участвовал в составлении статей для подпольной газеты сообщества «Рабочее Дело», руководил кружками Меркулова и Шелгунова за Невской заставой, посещал сходки у Ивана Федорова на Васильевском острове и в квартире Зиновьева и Карамышева в Огородном переулке, именуясь «Федором Петровичем», и передал Меркулову деньги для поддержания рабочих, сделавших в ноябре 1895 г. забастовку на фабрике Торнтона.

4. Студент С.-Петербургского Технологического Института Анатолий Александров Ванеев хранил рукописи статей преступного содержания для газеты сообщества «Рабочее Дело», участвовал в сходке сообщества в Удельном лесу, руководил кружком рабочих, собиравшихся в квартире Василия Галла и Федосьи Норинской, для поддержания пропаганды снабжал Порфирия Михайлова деньгами и склонял к преступной кружковой деятельности рабочего Балтийского завода Самохина.

5. Инженер-технолог Василий Васильев Старков в 1894 г. находился в сношениях с участником «группы народовольцев» Михаилом Сущинским и вместе с ним был на сходке у Шелгунова в Галерной га-

вани, хранил революционные издания, в 1895 г. руководил рабочими кружками Карамышева в деревне Тентелевке и Николая Рядова в Глазовой улице, участвовал в сходке сообщества в Удельном лесу в мае и в сходках рабочих в квартире Зиновьева и Карамышева в сентябре, составил листок требований рабочих и воззвание по поводу стачки на фабрике Торнтона, бывшей в ноябре, участвовал в сходке сообщества 2 декабря в квартире Меркулова и 4 декабря в квартире Зиновьева и Карамышева, где им и Цедербаумом вместе с рабочими обсуждался вопрос о напечатании воззвания, подстрекавшего рабочих Путиловского завода к стачке, после чего это воззвание было действительно напечатано Цедербаумом и распространено на названном заводе.

6. Сын потомственного почетного гражданина Юлий Иосифович Цедербаум в 1892 г. привлекался к производившемуся в С.-Петербургском Губернском Жандармском Управлении дознанию о распространении воззваний «Свободное слово» и «От группы народовольцев» и по Высочайшему повелению от 9 декабря того же года был подвергнут тюремному заключению на 5 месяцев и 2 года находился под гласным надзором полиции, но в 1894 году был вновь привлечен при том же Управлении к дознанию за участие в организации в С.-Петербурге преступных кружков среди учащейся молодежи. Это дознание было прекращено. В 1895 г. преступная деятельность Цедербаума проявилась в том, что он стал одним из деятельных членов социал-демократического сообщества; так на сходке 4 декабря у Зиновьева и Карамышева, где он был вместе с Старковым, Цедербаум взял у Зиновьева для напечатания текст воззвания для путиловских рабочих, напечатал его в тот же день и передал Зиновьеву и Карамышеву для распространения на заводе, где листки этого воззвания и были разбросаны 5 декабря; после декабрьских арестов он вместе с Ляховским посещал за Невской заставой рабочих с целью ободрить их и уверить, что дело пропаганды будет продолжаться, несмотря на аресты; наконец, 2 января 1896 г. Цедербаум передал рабочим Шепелеву и Львову для распространения преступного содержания прокламации, начинавшиеся словами: «Ко всем петербургским рабочим», «Что такое социалист и политический преступник» и «Товарищи рабочие, стачки последнего времени привели в необычайное смущение наших хозяев капиталистов», при чем Цедербаум говорил, что эти воззвания будут разбросаны на 20 фабриках и что он передает названным рабочим то, что у него осталось.

7. Лекарь Яков Меерович-Лейбович Ляховский был руководителем противоправительственной пропаганды в рабочих кружках Меркулова и Шелгунова, куда его ввел Кржижановский, распространял среди рабо-

чих преступные издания, после декабрьских арестов посещал с Цедербаумом распропагандированных рабочих за Невской заставой с целью ободрить их и с тою же целью давал Волынкину деньги; в первых числах января он вошел в преступные сношения с рабочими Волынкиным, Царьковым и Федором Михайловым (он же Англичанка) и обещал последним двум напечатать воззвания для поддержания стачки на фабрике Лебедева, а затем передал им для распространения печатанные на мимеографе листки такого воззвания, которые и были распространены среди рабочих.

8. Студент С.-Петербургского Технологического Института Александр Леонтьев Малченко участвовал вместе с другими членами сообщества в сходках в Удельном лесу и 2 декабря 1895 г. в квартире рабочего Никиты Меркулова и хранил противоправительственные издания и рукописи, в том числе написанную Петром Запорожцем статью революционного содержания под заглавием «Борьба с правительством».

9. Студент Военно-Медицинской Академии Константин Тахтарев, находясь в 1894 г. за границей, вступил в сношения с русскими политическими эмигрантами, а по возвращении в Россию вел в 1895 г. противоправительственную пропаганду среди рабочих совместно с Никитиным, Ульяновым и Ляховским, при чем посещал сходки кружка Меркулова, у которого был 2 декабря на собрании членов сообщества и руководил с Ульяновым сходками рабочих на квартире Шелгунова.

10. Студент той же Академии Александр Никитин хранил революционные издания и совместно с Тахтаревым участвовал в сходках рабочих на квартирах Меркулова и Шелгунова, а также в собрании членов сообщества, происходившем у Меркулова 2 декабря 1895 г.

11. Дочь землемера-таксатора Вера Владимировна Сибилева изобличается в том, что 5 января 1895 г. вместе с Елизаветою Агринской устроила сходку рабочих в квартире врача Быковского с целью побудить их организовать тайные кружки для борьбы с хозяевами и правительством и с тою же целью неоднократно собирала рабочих в своей квартире в доме № 26 по Загородному проспекту, участвовала в собрании членов сообщества в Удельном лесу, хранила значительное количество противоправительственных изданий и распространяла их среди рабочих лично и через обвиняемого Николая Иванова, снабжала через Норинскую деньгами лиц, высланных из Петербурга по политическим делам, и входила в преступные сношения с Иваном Кейзером с целью организации преступного кружка рабочих в Колпино.

12. Дочь титулярного советника Елизавета Капитонова Агринская в 1894 г. находилась в сношении с лицами, принадлежавшими к группе

народовольцев, а в 1895 г. хранила у себя подпольные издания социал-демократов, участвовала в сходке членов сообщества в Удельном лесу, устроила 5 января совместно с Сибилевой сходку рабочих у врача Быковского и входила в преступные сношения с высланным из Петербурга в Колпино по политическому дознанию Иваном Кейзером, оказала ему денежную помощь и устроила ему знакомство с обвиняемым Василием Ванеевым в видах развития противоправительственной пропаганды среди колпинских рабочих, при чем именовалась «Лидией Николаевной».

13. Врач Степан Станиславов Быковский допустил в своей квартире на Гагаринской улице 5 января 1895 г. устройство сходки рабочих, во время которой внушал рабочим о необходимости немедленной и энергичной борьбы с правительством и с целью возбуждения рабочих против прославления царствования Императора Александра III, прочитал им на этой сходке басню «Лисица казнодей»; кроме сего он хранил рукопись преступного содержания.

14. Дочь титулярного советника Елена Капитонова Агринская участвовала в сходке у Быковского 5 января 1895 г. и говорила при этом рабочим, что они должны организоваться в кружки и стараться увеличивать число таких кружков для борьбы с хозяевами и правительством.

15. Дочь полковника Елена Дмитриева Устругова, находясь в преступных сношениях с Верой Сибилевой, с которой предполагала производить на гектографе сочинения Лассаля, хранила революционные издания, тайно продавала их и распространяла среди рабочих, которые иногда собирались у нее на квартире.

16. Губернский секретарь Пантелеймон Николаев Лепешинский, проживая у студента Гуляницкого, занимался печатанием на мимеографе преступных сочинений, для чего устроил надлежащие приспособления; им были напечатаны отчет тайного общества для помощи политическим ссыльным и заключенным, преступного содержания прокламации «Императорского Дома Нашего приращение», экземпляры которой он дал Гуляницкому и рабочему Антушевскому, и начата печатанием противоправительственного содержания брошюра по поводу стачки евреев-рабочих на фабрике Эдельштейна в Вильно; кроме сего, Лепешинский имел у себя склад революционных изданий и входил в преступные сношения с рабочими, которых собирал у себя на квартире, при чем он научал Антушевского работе на мимеографе и передал ему сочиненную им, Лепешинским, статью, призывавшую рабочих к образованию союза для борьбы и устройства стачек, а также принимал деятельное

участие в устройстве 3 сентября 1895 г. сходки рабочих под видом прогулки на пароходе «Тулон», во время которой произнес речь, возбуждавшую рабочих против правительства.

17. Студент С.-Петербургского Университета Павел Павлов Романенко хранил у себя значительное количество революционных изданий и был сотрудником Лепешинского по произведению на мимеографе подпольных произведений, при чем написал текст прокламации «Императорского Дома Нашего приращение» и отчета тайного общества для помощи политическим ссыльным и заключенным, а также переданную им Гуляницкому брошюру преступного в политическом отношении содержания об Императоре Александре III и государственных преступниках.

18. Студент С.-Петербургского Технологического Института Степан Степанов Гуляницкий предоставил в своей квартире Лепешинскому, в нанимаемой у него последним комнате, заведомо для Гуляницкого, заниматься печатанием на мимеографе противоправительственных произведений, хранил у себя таковые, при чем собственноручно переписал прокламацию под заглавием «По поводу речи Царя».

19. Инженер-технолог Михаил Кондратьев Названов участвовал в сходке членов социал-демократического сообщества в Удельном лесу, устраивал в квартире Ивана Федорова на Васильевском острове тайные свидания Кржижановского с отдельными рабочими и сходки последних под руководством Кржижановского и Ульянова и передал Федорову выработанную социал-демократами программу вопросов для собирания сведений из заводской и фабричной жизни, необходимых для подпольной литературы.

20. Сын титулярного советника Василий Александров Ванеев хранил революционные издания и давал читать обвиняемому Андрееву запрещенную брошюру «Кто чем живет», участвовал в сходке социал-демократов в Удельном лесу, вел преступные сношения с Елизаветою Агринскою в видах устройства рабочего кружка в Колпино, с той же целью свел знакомство с обвиняемым Иваном Кейзером.

21. Крестьянин Василий Яковлев Антушевский находился в преступных сношениях с Лепешинским, по просьбе которого сделал металлический станок для мимеографического валька, учился у Лепешинского печатанию на мимеографе, устроил по указаниям Лепешинского тайный рабочий кружок с целью, как значится в собственноручной заметке Антушевского, борьбы с правительством и изменения существующего строя, вместе с Лепешинским устроил сходку рабочих на пароходе «Тулон» и произнес на этой сходке сочиненную им речь противо-

правительственного содержания; наконец, он посещал тайные сходки рабочих в квартире Рядова на Глазовой улице и хранил революционные издания.

22. Лужский мещанин Николай Яковлев Иванов с 1894 года образовал в своей квартире за Нарвской заставой преступный кружок рабочих, на сходках которого читал рабочим революционные издания, и ввел в этот кружок в качестве руководителя обвиняемого Петра Запорожца; участвовал 5 января 1895 г. в сходке у Степана Быковского, куда привел других рабочих, посещал обвиняемую Сибилеву, к которой приводил рабочих для бесед об организации кружков, и через его посредство Сибилева распространяла в рабочей среде подпольные издания, участвовала в сходках на квартире Галла и Норинской, а также у Николая Рядова.

23. Кронштадтский мещанин Николай Евстафьев Рядов хранил значительное количество революционных изданий, устроил в своей квартире на Глазовой улице преступный кружок рабочих, которыми руководили обвиняемые Запорожец и Старков, и посещал сходки в квартире Галла и Норинской

24. Рабочий Никита Егоров Меркулов хранил и распространял среди рабочих революционные издания, образовал преступный рабочий кружок, который собирался у него в доме № 69 по Шлиссельбургскому проспекту и в доме № 16 по Прогонному переулку, посещал сходки в кружке Шелгунова, принял от Ульянова деньги для поддержания рабочих стачечников на фабрике Торнтона и участвовал в происходившей 2 декабря 1895 г. в его квартире сходке членов социал-демократического сообщества для организации рабочей кассы.

25. Запасный ефрейтор Василий Андреев Шелгунов в 1894 г. участвовал в происходившей в его квартире в Галерной гавани тайной сходке, на которой был народоволец Сущинский и социал-демократ Старков, при чем возбуждался вопрос, какого направления следует держаться рабочим, народовольческого или социал-демократического; в 1895 г. находился в преступных сношениях с Кржижановским, который через него передавал деньги распропагандированным рабочим, посещал сходки кружка Меркулова, для которого нанял квартиру в доме № 16 по Прогонному переулку у Семена Афанасьева, устроил у себя такой же тайный рабочий кружок в доме № 23 по Александровской улице за Невской заставой под руководством Ульянова, Ляховского, Тахтарева и Никитина: участвовал на сходке на пароходе «Тулон», хранил революционные издания и принял от рабочего Данилова, по указанию обвиняемого Полетаева, и скрыл тюк с изданиями тайной на-

родовольческой типографии; наконец, участвовал в тайных сходках, происходивших на берегу Невы за Невской заставой, в квартире обвиняемого Евгения Богатырева и на Волковом поле, на которых обсуждались вопросы об усилении противоправительственной пропаганды среди рабочих под руководством второго социал-демократического сообщества, именовавшегося «молодою интеллигенциею»

26. Рабочий Иван Васильев Бабушкин является деятельным сотрудником в преступной кружковой деятельности последнего, при чем содействовал вступлению Ульянова в руководители этого кружка, посещал сходки, происходившие у Шелгунова, вел сношения с Тахтаревым и Никитиным и, посещая интеллигентов-руководителей на их квартирах, которые не были известны другим рабочим, являлся посредником между ними и интеллигентами и передавал рабочим денежные вспомоществования.

27. Мещанин Борис Иванов Зиновьев посвятил свою деятельность противоправительственной пропаганде и для сего в 1895 г. составил рабочие кружки в деревне Тентелевке, в квартире Карамышева, под руководством обвиняемого Старкова, затем в сентябре на общей квартире его и Карамышева, в Огородном переулке за Невской заставой, где происходили сходки под руководством Кржижановского, Ульянова и Запорожца, а также у рабочего Петра Акимова, под руководством того же Запорожца, участвовал на сходке у Николая Иванова, где был избран заместителем Иванова по получению от Сибилевой революционных изданий для распространения среди рабочих, составил воззвание по поводу уменьшения платы на Путиловском заводе, призывавшее рабочих к стачке, и передал это воззвание 4 декабря обвиняемому Цедербауму для напечатания, а затем напечатанные листки воззвания дал Карамышеву и Шепелеву для распространения на заводе, участвовал в тайных сходках в квартире Галла и Норинской, за Невской заставой, на берегу Невы, в квартире обвиняемого Евгения Богатырева и на Волковом поле, и давал рабочим Самохину и Демичеву подпольные издания.

28. Сын чиновника Петр Иванов Карамышев пытался организовать преступный рабочий кружок в своей квартире в деревне Тентелевке под руководством Старкова, участвовал в сходках, происходивших в квартире его и Зиновьева, в Огородном переулке, в квартирах обвиняемых Николая Иванова, Галла и Норинской и Петра Акимова, а также был на сходках за Невской заставой, на берегу Невы, на Волковом поле и в квартире Евгения Богатырева, участвовал на сходке 4 декабря 1895 г., на которой было решено напечатать составленное Зиновьевым воззва-

ние к путиловским рабочим, ходил с Зиновьевым к Цедербауму за напечатанными листками этого воззвания и распространял их среди названных рабочих, а также передал революционные издания Петру Акимову для сокрытия на случай обыска, Самохину и Малинину—для прочтения.

29. Рабочий Филипп Галактионов находился в преступных сношениях с обвиняемыми Лепешинским и Уструговой, посещал собрания рабочих у этих лиц и участвовал в сходке на пароходе «Тулон».

30. Мещанка Федосья Никифорова Норинская, проживая у Николая Иванова, участвовала в сходках его кружка, а также в сходке у Степана Быковского, куда была приведена Ивановым, заведомо допускала сходки рабочих под руководством Анатолия Ванеева в общей квартире ее и Василия Галла, в доме № 179 по Набережной Фонтанки, хранила запрещенную брошюру о революционном движении в России, данную ей Сибилевой, и посылала полученные от последней деньги в помощь лицам, высланным из Петербурга по политическим дознаниям, в том числе своему мужу, наказанному по делу о «группе народовольцев».

31. Великобританский подданный Василий Иванов Галл, который в 1894 г. привлекался к политическому дознанию за участие в тайных рабочих кружках и был отдан под гласный надзор полиции на один год, в 1895 г. устраивал в своей квартире совместно с Норинской тайные сходки рабочих под руководством Анатолия Ванеева.

32. Лужский мещанин Константин Яковлев Иванов участвовал в сходках кружка, образованного его братом Николаем Ивановым, который привел его на сходку в квартире Степана Быковского, кроме того, Константин Иванов посещал сходки рабочих у Галла и Норинской и в квартире Рядова на Глазовой улице.

33. Петрозаводский мещанин Иван Васильев Ефремов участвовал в кружке Николая Иванова, был на сходке у Степана Быковского и посещал сходки в квартире Сибилевой, а также у Галла и Норинской, и хранил подпольную брошюру, данную ему Машениным.

34. Кронштадтский мещанин Петр Иванов Машенин участвовал в кружке Николая Иванова, на сходке у Степана Быковского, посещал сходки в квартире Галла и Норинской, а также у Сибилевой, от которой получил и передал Ефремову брошюру подпольного издания.

35. Крестьянин Петр Кондратьев Давыдов участвовал в сходках кружка Николая Рядова на Глазовой улице.

36. Рабочий Филимон Петров участвовал в сходках, происходивших у Николая Рядова на Глазовой улице.

37. Рабочий Кузьма Григорьев Царьков совместно с рабочими Порфирием Михайловым и Волынкиным устроил в общей их квартире, в доме Ганцева по Муравьевскому переулку, за Невской заставой, на деньги, данные Кржижановским, преступный рабочий кружок под руководством последнего, был на сходке в кружке Меркулова и вошел в преступные сношения с обвиняемым Ляховским по напечатанию воззваний, которые он затем распространял на фабрике Лебедева и на мельнице Баранова.

38. Рабочий Порфирий Михайлов находился в преступных сношениях с Анатолием Ванеевым и Кржижановским, совместно с Царьковым и Волынкиным устроил преступный рабочий кружок на деньги и под руководством Кржижановского, а также посещал сходки в квартире Меркулова.

39. Рабочий Василий Михайлов Волынкин совместно с Порфирием Михайловым и Царьковым, в общей их квартире, устроил преступный рабочий кружок на деньги и под руководством Кржижановского, посещал сходки в кружках Меркулова и Шелгунова и входил в преступные сношения с обвиняемым Ляховским по напечатанию воззваний, которые затем были распространены на фабрике Лебедева.

40. Крестьянин Федор Михайлов (по прозвищу Англичанка) посещал сходки кружка Никиты Меркулова в доме № 69 по Шлиссельбургскому проспекту, куда ввел обвиняемого Семена Афанасьева, вступил в преступные сношения с обвиняемым Ляховским по напечатанию воззваний и разбрасывал таковые на фабрике Лебедева.

41. Крестьянин Петр Степанов Грибакин доставил обвиняемому Малишевскому сведения из фабричной жизни, собранные по программе социал-демократов, и свел Ляховского с Царьковым в видах напечатания через Ляховского воззваний и распространения их на фабрике Лебедева.

42. Крестьянин Семен Афанасьев участвовал в кружке Порфирия Михайлова, Волынкина и Царькова, посещал сходки у Меркулова в доме № 69 по Шлиссельбургскому проспекту, а затем предоставил Меркулову свою квартиру в доме № 16 по Прогонному переулку, заведомо для преступной кружковой деятельности.

43. Крестьянин Порфирий Степанов участвовал в кружке Порфирия Михайлова, Царькова и Волынкина, посещал сходки у Меркулова и в целях пропаганды устроил знакомство Порфирия Михайлова с Семеном Афанасьевым и ввел последнего в кружок Меркулова.

44. Крестьянин Павел Зиновьев-Воинцев участвовал в кружке Михайлова, Царькова и Волынкина.

45. Крестьянин Иона Петров Котельников посещал сходки в кружке Михайлова, Царькова и Волынкина и в кружке Меркулова.

46. Крестьянин Николай Иванов Кроликов участвовал в кружке Порфирия Михайлова.

47. Крестьянин Илья Иванов Иванов участвовал в кружке Меркулова

48. Рабочий Влас Афанасьев Щеглов принял для скрытия предназначенные для распространения 34 экземпляра брошюры противоправительственного содержания под заглавием «Об'яснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах».

49. Крестьянин Василий Евграфов Змеев был посредником между Кржижановским и Иваном Федоровым по устройству конспиративной квартиры на Васильевском острове для противоправительственной пропаганды среди рабочих.

50. Крестьянин Иван Федоров предоставил свою квартиру в доме № 86 по 7-ой линии Васильевского острова для тайных сходок членов социал-демократического общества и рабочих, устраивавшихся Кржижановским, Ульяновым и Названовым, а также для сходки 23 декабря 1895 г., в которой участвовал вместе с членами социал-демократического сообщества, именовавшегося «молодой интеллигенцией»; кроме сего хранил революционные издания.

51. Крестьянин Семен Петров Шепелев участвовал в сходках, происходивших у Петра Акимова под руководством Запорожца, был на сходке у Зиновьева и Карамышева 4 декабря 1895 г., после чего принял от этих лиц и разбрасывал 5 декабря на Путиловском заводе воззвания преступного содержания, в половине декабря вошел в преступные сношения с обвиняемыми Муромовым и Малишевским и под руководством их устроил в своей квартире в Огородном переулке сходку, на которой было решено напечатать воззвание для рабочих названного завода, после чего через несколько дней сообщил Муромову необходимые для воззвания сведения на сходке в поле, у полотна Балтийской железной дороги; 23 декабря участвовал в сходке социал-демократического сообщества «молодой интеллигенции» в квартире Федорова на Васильевском острове. 2 января 1896 г. получил от обвиняемого Цедербаума прокламации «Ко всем петербургским рабочим», «Что такое социалист и государственный преступник» и «Товарищи рабочие, стачки последнего времени привели в необычайное смущение наших хозяев капиталистов» и разбрасывал эти прокламации на Путиловском заводе.

52. Мещанин Иван Алексеев Львов участвовал в сходке у Зиновьева и Карамышева 4 декабря 1895 г. и принял на себя разбрасывание на

Путиловском заводе воззваний, составленных Зиновьевым и напечатанных Цедербаумом, с тою же целью 2 января 1896 г. принял от Цедербаума прокламации «Ко всем петербургским рабочим», «Что такое социалист и политический преступник» и «Товарищи рабочие, стачки последнего времени привели в необычайное смущение наших хозяев капиталистов», участвовал в сходке 23 декабря в квартире Федорова на Васильевском острове.

53. Крестьянин Петр Иванов Акимов в сентябре 1895 г. предоставил свою квартиру в Огородном переулке для сходок рабочих под руководством Запорожца и сам участвовал в этих сходках, а также в сходке на Волковом поле; скрыл у себя переданные ему Карамышевым революционные издания.

54. Крестьянин Дмитрий Иванов Морозов участвовал в сходках у Петра Акимова, у Зиновьева и Карамышева 4 декабря 1895 г. и у Шепелева, близ полотна Балтийской железной дороги, хранил подпольные издания.

55. Крестьянин Дмитрий Семенов Демичев участвовал в сходках у Петра Акимова и в сходке 4 декабря 1895 г. у Зиновьева и Карамышева; хранил революционные издания.

56. Крестьянин Петр Семенов Малинин участвовал в сходках у Петра Акимова и хранил революционные издания.

57. Крестьянин Евграф Федоров Калинин участвовал в сходках у Петра Акимова.

58. Крестьянин Василий Богатырев разбрасывал в декабре 1895 г. на Путиловском заводе воззвания, напечатанные Цедербаумом, и участвовал в сходке на квартире Шепелева, происходившей в половине декабря под руководством обвиняемых Муромова и Малишевского.

59. С.-Петербургский ремесленник Иван Иванов Кейзер привлекался в качестве обвиняемого к дознанию о группе народовольцев, производившемуся в С.-Петербургском Губернском Жандармском Управлении в 1894 г., при чем Кейзер был изобличен в принадлежности к преступному кружку Матвея Фишера, в участии в тайной рабочей кассе и в распространении революционных изданий. Разрешение относительно Кейзера сего обвинения приостановлено ввиду привлечения Кейзера к настоящему дознанию, на котором он сознался, что в 1893 г. он, по указанию Михаила Сущинского, составил и передал Александру Ергину, для напечатания, прокламацию «Братцы товарищи», изданную вскоре после того тайной народовольческой типографией. В 1895 г. Кейзер, высланный из Петербурга в Колпино под надзор полиции, вошел в преступные сношения с обвиняемыми Верой Сибилевой, Елизаветою Агрин-

скою, Василием Ванеевым и Николаем Михайловым по устройству в Колпино рабочего кружка; участвовал в сходках за Невскою заставою, на берегу Невы, и в квартире обвиняемого Евгения Богатырева, собирал у себя в Колпино рабочих, читал и давал им революционные издания; наконец, вошел в преступные сношения с Александром Ергиным с целью устроить через него печатание противоправительственных сочинений в тайной типографии.

60. Крестьянин Владимир Коинов *) посещал в Колпине сходки у Кейзера, хранил и давал другим читать революционные издания.

61. Крестьянин Николай Гурьянов Полетаев посещал сходки в квартире Федорова на Васильевском острове, вошел в преступные сношения с Александром Ергиным и принял от него для сокрытия тюк с изданиями тайной народовольческой типографии, перепрятал этот тюк к рабочему Данилову, а затем, с его ведома, преступные издания были взяты от Данилова и скрыты обвиняемым Шелгуновым.

62. Сын чиновника Иван Иванов Яковлев участвовал в сходках в сентябре 1895 г. в Огородном переулке у Зиновьева и Карамышева, а также за Невской заставой, на берегу Невы, занимался противоправительственною пропагандою среди рабочих и хранил революционные издания.

63. Прапорщик запаса артиллерии Александр Александров Ергин с 1893 г. принадлежал к так называемой С.-Петербургской «группе народовольцев» и имел ближайшее отношение к тайной типографии этой группы, печатавшей подпольные издания этой группы, а затем и социал-демократов; в 1893 г. он, по указанию Михаила Сущинского, принял от Кейзера для напечатания прокламацию «Братцы товарищи», после чего печатные экземпляры этой прокламации были распространены народовольцами; в 1895 г. Ергин склонял Кейзера к распространению революционных изданий и принял предложение Кейзера печатать этого рода произведения в тайной типографии, передал рабочему Полетаеву для сокрытия тюк с изданиями той же типографии и снабжал деньгами лиц, подлежавших высылке из Петербурга по политическим дознаниям, при чем в своих преступных сношениях именовался «Владимиром Ивановичем» и «Михаилом Платоновичем».

Независимо от преступной деятельности социал-демократического сообщества, называвшегося «старою интеллигенцией», дознанием вы-

---

*) В „Докладе" фамилия этого рабочего пишется различно: местями Коинов, местами Каинов. Мы каждый раз сохраняем орфографию оригинала. *Ред.*

ясняет образование второго такого же общества, именовавшегося «молодой интеллигенцией». К этому сообществу, начавшему пропагандировать во второй половине 1895 г., принадлежали обвиняемые Николай Михайлов, Марк Шат, Сергей Муромов, Николай Малишевский, Илларион Чернышев, Евгений Богатырев и Тимофей Самохин. Преступная деятельность этих лиц и нескольких примыкающих к ним рабочих выразилась в следующем.

64. Зубной врач Николай Николаевич Михайлов, привлекавшийся в 1894 г. к дознанию по С.-Петербургскому Губернскому Жандармскому Управлению об Алюшкевиче, Баринове и др., в 1895 г. устроил преступный кружок в Колпино и через Ивана Кейзера, которого снабжал деньгами, устроил сходку членов сообщества и наиболее распропагандированных рабочих в квартире Евгения Богатырева, в доме № 2 по Серпуховской улице, для усиления среди рабочих противоправительственной пропаганды, вошел через Кейзера в сношение с Ергиным в целях устроить через последнего печатание преступных произведений в тайной типографии, передал Кейзеру для распространения революционные издания, участвовал 23 декабря 1895 г. в сходке членов сообщества и рабочих в квартире Федорова на Васильевском острове, куда, по его указаниям, были приведены рабочие Шепелев и Львов.

65. Студент С.-Петербургского Технологического Института Марк Моисеев Шат участвовал в сходке в квартире Богатырева и имел склад революционных изданий.

66. Студент того же Института Сергей Иннокентьев Муромов в половине декабря вместе с Малишевским руководил сходкой у обвиняемого Шепелева, был на сходке в поле у полотна Балтийской железной дороги, составил, напечатал и передал Малишевскому для распространения воззвания к Путиловским рабочим преступного содержания, хранил революционные издания.

67. Студент того же Института Николай Георгиев Малишевский посещал сходки у Меркулова, участвовал в сходках у Евгения Богатырева и на Волковом поле, склонял рабочих Самохина и Львова к образованию тайных рабочих кружков; в половине декабря 1895 г. вместе с Муромовым был на сходках у Шепелева и в поле у полотна Балтийской железной дороги, составил воззвание, напечатанное Муромовым, и передал это воззвание для распространения, после чего 18 декабря оно было разбросано на Путиловском заводе; собирал через обвиняемого Грибакина по социал-демократической программе сведения из фабричной и заводской жизни и участвовал в сходке сообщества 23 декабря у Федорова, куда привел рабочих Шепелева и Львова.

68. Инженер-технолог Илларион Васильев Чернышев участвовал в сходке членов сообщества и рабочих в квартире Евгения Богатырева, а также в сходках на Волковом поле и у полотна Балтийской железной дороги; был руководителем сходки 23 декабря у Федорова на Васильевском острове.

69. Инженер-технолог Евгений Георгиев Богатырев предоставил свою квартиру в доме № 2 по Серпуховской улице для сходки членов сообщества и рабочих, в которой и сам участвовал, а также был 23 декабря на сходке в квартире Федорова.

70. Крестьянин Тимофей Самохин вошел в преступные сношения с обвиняемыми Анатолием Ванеевым и Малишевским по образованию тайных рабочих кружков, получал от Зиновьева и Карамышева революционные издания, участвовал в сходке 23 декабря в квартире Федорова, при чем был избран «секретарем» сообщества, и распространял на Балтийском заводе прокламации преступного содержания.

71. Крестьянин Василий Осипов Титов распространял на Балтийском заводе социал-демократические прокламации.

72. Крестьянин Ефим Ларионов Егоров по указанию Самохина наклеил на заборе Балтийского завода прокламацию «Что такое социалист и политический преступник».

73. Мещанин Михаил Кириллов распространял на Балтийском заводе прокламации преступного содержания.

74. Крестьянин Яков Андреев Андреев, 75. мещанин Владимир Александров Князев и 76. мещанин Густав Карлов Пармас хранили у себя в 1895 г. революционные издания.

Во время производства сего дознания, из числа обвиняемых находились под стражей: Афанасьев Семен с 23 января по 2 февраля 1896 г., Акимов Петр с 9 декабря 1895 г. по 30 января 1896 г., Богатырев Василий с 28 января по 20 февраля 1896 г., Быковский Степан с 9 декабря 1895 г. по 14 марта 1896 г., Богатырев Николай с 9 декабря по 26 января 1896 г., Ванеев Василий с 9 декабря 1895 г. по 4 марта 1896 г., Галактионов Филипп с 19 января по 29 февраля 1896 г., Гуляницкий Степан с 9 декабря 1895 г. по 12 марта 1896 г., Дудинский Николай с 9 декабря 1895 г. по 30 января 1896 г., Давыдов Петр с 13 по 19 февраля 1896 г., Ефремов Иван с 9 декабря 1895 г. по 24 января 1896 г., Иванов Илья с 12 февраля по 4 марта 1896 г., Иванов Константин с 9 декабря 1895 г. по 4 января 1896 г., Кейзер Иван с 9 декабря 1895 г. по 22 марта 1896 г., Кейзер Наталья с 9 декабря 1895 г. по 17 января 1896 г., Катаурова Анна с 9 по 19 декабря 1895 г., Кроликов Николай с 29 января по 15 февраля 1896 г., Куприанов Константин с 9 декабря 1895 г. по 23 ян-

варя 1896 г., Лебедев Амос с 4 по 27 января 1896 г., Лебедев Яков с 4 по 27 января 1896 г., Львов с 4 января по 8 февраля 1896 г., Михайлов Порфирий с 9 декабря 1895 г. по 25 января 1896 г., Михайлов Николай с 13 февраля по 18 марта 1896 г., Морозов Дмитрий с 4 по 11 января 1896 г., Муромов Сергей с 4 января по 20 марта 1896 г., Нагоров Александр с 9 декабря 1895 г. по 9 апреля 1896 г., Никитин Александр с 9 декабря 1895 г. по 19 марта 1896 г., Демичев Дмитрий с 3 января по 28 июня 1896 г., Названов с 3 января по 28 июня 1896 г., Грибакин с 28 января по 28 июня 1896 г., Самохин с 30 января по 28 июня, Змеев с 7 февраля по 27 июня, Норинская Федосья с 9 декабря 1895 г. по 30 января 1896 г., Пономарев Яков с 4 января по 4 апреля 1896 г., Сибирская Елена с 9 декабря 1895 г. по 5 января 1896 г., Тахтарев Константин с 5 января по 13 марта 1896 г., Титов Василий с 21 февраля по 2 марта 1896 г., Устругова Елена с 13 марта по 9 апреля 1896 г., Царьков Кузьма с 4 января по 20 апреля 1896 г., Чернышев Илларион с 19 февраля по 21 мая 1896 г., Шепелев Семен с 4 по 12 января 1896 г. и с 20 по 23 февраля 1896 г., Щеглов Влас с 8 февраля по 20 апреля 1896 г.

Кроме сего продолжают содержаться под стражей с 9 декабря 1895 г. Антушевский Василий, Агринская Елизавета, Ванеев Анатолий, Вргин Александр, Запорожец Петр, Зиновьев Борис, Кржижановский Глеб, Карамышев Петр, Лепешинский Пантелеймон, Малченко Александр, Меркулов Никита, Полетаев Николай *), Романенко Павел, Рядов Николай, Старков Василий, Сибилева Вера, Ульянов Владимир, Шелгунов Василий, Яковлев Иван и Марк Шат. С 3 января 1896 г.—Иванов Николай, с 4 января: Богатырев Евгений, Бабушкин Иван, Ляховский Яков, Малишевский Николай, Цедербаум Юлий.

На основании всего вышеизложенного прокурор С.-Петербургской Судебной Палаты полагал разрешить настоящее дознание, на основании 1035 ст. Уст. Угол. Суд., в административном порядке и, признав нижепоименованных обвиняемых изобличенными по дознанию в преступлении, предусмотренном 250 ст. Улож. о Наказ., из них:

1) Прапорщика запаса артиллерии и губернского секретаря Александра Александрова Ергина, 28 лет, 2) студента С.-Петербургского Технологического Института Петра Кузьмина Запорожца, 24 лет, 3) губернского секретаря Пантелеймона Николаева Лепешинского, 28 лет, 4) студента С.-Петербургского Университета Павла Павлова Романенко, 28 лет, 5) студента С.-Петербургского Технологического Института Степана Степанова Гуляницкого, 25 лет, 6) студента того же института

*) Освобожден 28 июня 1896 г.

Анатолия Александрова Ванеева, 24 лет, 7) инженер-технолога Глеба Максимилианова Кржижановского, 23 лет, 8) инженер-технолога Василия Васильева Старкова, 26 лет, 9) помощника присяжного поверенного Владимира Ильина Ульянова, 28 лет, 10) сына потомственного почетного гражданина Юлия Иосифова Цедербаума, 23 лет, 11) лекаря из виленских мещан Якова Лейбова Ляховского, 25 лет,—первого, как участника «группы народовольцев», а остальных, как главных деятелей социал-демократического сообщества, выслать под надзор полиции в Восточную Сибирь: Ергина на 8 лет, Запорожца, Лепешинского и Романенко на 5 лет каждого, а Ванеева, Гуляницкого и Кржижановского, Старкова, Ульянова, Цедербаума и Ляховского на три года каждого;

обвиняемых: 12) врача Степана Станиславова Быковского, 29 лет, 13) дочь землемера-таксатора Веру Владимирову Сибилеву, 24 лет, 14) дочь титулярного советника Елизавету Капитонову Агринскую, 27 лет, 15) инженер-технолога Александра Леонтьева Малченко, 25 лет, 16) сына генерал-лейтенанта студента Военно-Медицинской Академии Константина Михайлова Тахтарева, 25 лет, 17) студента той же Академии Александра Федорова Никитина, 22 лет, 18) инженер-технолога Евгения Георгиева Богатырева, 26 лет, 19) крестьянина Лифляндской губернии, Рижского уезда, Даленской волости, Василия Яковлева Антушевского, 22 лет, 20) Лужского мещанина Николая Яковлева Иванова, 26 лет, 21) Салецкого мещанина Николая Евстафьева Рядова, 21 года, 22) крестьянина Вологодской губ. Тотемского уезда села Лейденского, Ивана Васильева Бабушкина, 23 лет, 23) крестьянина Калужской губ. Жиздринского уезда деревни Буды, Никиту Егорова Меркулова, 22 лет, 24) запасного ефрейтора Василия Андреева Шелгунова, 28 лет, и 25) сына надворного советника Петра Иванова Карамышева, 18 лет — первых семь, как членов социал-демократического сообщества, а остальных, как наиболее распропагандированных рабочих, устроивших тайные преступные кружки, при чем Карамышев оказал при дознании упорное запирательство, по вменении им в наказание предварительного содержания под стражей, выслать под надзор полиции в Архангельскую губ. на три года каждого;

обвиняемых: 26) С.-Петербургского мещанина Бориса Иванова Зиновьева, 21 года, 27) крестьянина Московской губ. Коломенского уезда Семена Петрова Шепелева, 26 лет, 28) С.-Петербургского ремесленника Ивана Иванова Кейзера, 25 лет, 29) зубного врача Николая Николаева Михайлова, 25 лет, 30) студента С.-Петербургского Технологического Института Сергея Иннокентьева Муромова, 22 лет, 31) студента того же Института Николая Георгиева Малишевского, 22 лет, 32) технолога

Иллариона Васильева Чернышева, 26 лет, по вменении им в наказание предварительного содержания под стражей, выслать под надзор полиции в северо-восточные уезды Вологодской губ. на три года каждого, при чем это наказание считать относительно Кейзера назначенным по совокупности с ответственностью Кейзера по дознанию о С.-Петербургской группе народовольцев;

обвиняемого: 33) студента С.-Петербургского Технологического Института Марка Моисеева Шата, 24 лет, заключить в тюрьму на восемь месяцев и затем отдать под надзор полиции на два года;

обвиняемых: 34) дочь полковника Елену Дмитриеву Устругову, 23 лет, 35) крестьянина Смоленской губ. Сычевского уезда, деревни Белый Холм, Кузьму Григорьева Царькова, 23 лет, 36) крестьянина Владимирской губ., Меленковского уезда, Гусевского завода, Петра Иванова Акимова, 25 лет, 37) крестьянина Смоленской губ., Сычевского уезда, деревни Заболотья, Ивана Федорова Федорова, 22 лет, 38) крестьянина Московской губ., Серпуховского уезда, деревни Глотаево, Тимофея Тимофеева Самохина, 23 лет, 39) крестьянина Московской губ., Волоколамского уезда, деревни Софьино, Филиппа Галактионова, 29 лет, 40) крестьянина Смоленской губ., Гжатского уезда, деревни Антоновки, Василия Михайлова Волынкина, 33 лет, 41) крестьянина Смоленской губернии, Юхновского уезда, деревни Вавуленки, Порфирия Михайлова Михайлова, 25 лет, 42) крестьянина Смоленской губ., Сычевского уезда, Марьинской волости, Прокофия Степанова Степанова, 40 лет, 43) крестьянина Витебской губ., Себежского уезда, Чайкинской волости, Власа Афанасьева Щеглова, 24 лет, 44) Нижегородского мещанина Ивана Алексеева Львова, 26 лет, 45) крестьянина Смоленской губ., Гжатского уезда, деревни Субботники, Федора Михайлова Михайлова (он же Англичанка), 30 лет, 46) крестьянина Вологодской губ., Яренского уезда, деревни Голянина, Владимира Осипова Коинова, 18 лет, 47) крестьянина Владимирской губ., Покровского уезда, деревни Родионовой, Василия Осипова Титова, 21 года, 48) крестьянина Калужской губ., Мало-Ярославского уезда, Ефима Илларионова Егорова, 32 лет, заключить в тюрьму: Устругову, Царькова, Акимова, Федорова и Самохина на шесть месяцев, Галактионова, Волынкина, Порфирия Михайлова, Степанова, Щеглова, Львова, Федора Михайлова и Коинова на три месяца, а Титова и Егорова на два месяца каждого;

обвиняемых: 49) сына отставного канцеляриста Ивана Иванова Яковлева, 22 лет, 50) дочь титулярного советника Елену Капитонову Агринскую, 26 лет, 51) жену крестьянина Федосью Никифорову Норинскую, 24 лет, 52) инженер-технолога Михаила Кондратьева Названова, 23 лет,

53) крестьянина Костромской губ., Галичского уезда, Ногатинской волости, деревни Кожухова, Николая Гурьянова Полетаева, 24 лет, 54) крестьянина Московской губ., Подольского уезда, деревни Голенищева, Дмитрия Семенова Демичева, 31 года, 55) крестьянина Витебской губернии, Велижского уезда, Петра Степанова Грибакина, 19 лет, 56) крестьянина Тверской губ., Старицкого уезда, Василия Евграфова Змеева, 33 лет, 57) сына титулярного советника Василия Александрова Ванеева, 22 лет, 58) великобританского подданного Василия Иванова Галла, 29 лет, 59) Лужского мещанина Константина Яковлева Иванова, 21 года, 60) петрозаводского мещанина Ивана Васильева Ефремова, 22 лет, 61) кронштадтского мещанина Петра Иванова Машенина (он же Садовников), 28 лет, 62) крестьянина Витебской губ., Себежского уезда, Петра Кондратьева Давыдова, 20 лет, 63) крестьянина Смоленской губ., Сычевского уезда, Павла Зиновьева Воинцева, 33 лет, 64) крестьянина той же губ., Гжатского уезда, Николая Иванова Кроликова, 33 лет, 65) крестьянина той же губ., Сычевского уезда, Иону Петрова Котельникова, 25 лет, 66) крестьянина Московской губ., Верейского уезда, Семена Афанасьева Афанасьева, 37 лет, 67) крестьянина Тверской губ., Старицкого уезда, Илью Иванова Иванова, 23 лет, 68) крестьянина Смоленской губ., Гжатского уезда, деревни Малой Ломки, Дмитрия Иванова Морозова, 33 лет, 69) крестьянина Московской губ., Бронницкого уезда, Петра Семенова Малинина, 28 лет, 70) крестьянина Ярославской губ., Мышкинского уезда, деревни Сумы, Евграфа Федорова Калинина, 25 лет, 71) крестьянина Московской губ., Можайского уезда, деревни Горки, Василия Алексеева Богатырева, 25 лет, 72) Пензенского мещанина Михаила Афанасьева Кириллова, 25 лет, и 73) крестьянина Тверской губ., Весьегонского уезда, Филимона Петрова Петрова, 26 лет, засчитав Яковлеву, Названову, Демичеву, Полетаеву, Грибакину, Змееву и Василию Ванееву в наказание предварительное содержание их под стражей, отдать под надзор полиции вне столиц, Яковлева на три года, Елену Агринскую, Норинскую, Названова, Полетаева и Грибакина на 2 года, остальных на один год каждого; ввиду изобличения обвиняемых: 74) крестьянина Тверской губ., Старицкого уезда, Якова Андреева Андреева, 22 лет, 75) Колпинского мещанина Владимира Александрова Князева, 24 лет, 76) кронштадтского мещанина Густава Фридриха Карлова Пармса, 24 лет, 77) кандидата С.-Петербургского Университета Александра Владимирова Нагорова, 28 лет, 78) дочери подполковника Анны Михайловой Катауровой, 20 лет, и 79) дочери священника Елены Васильевой Сибирской, 28 лет, лишь в хранении противоправительственных изданий, уголовное преследование этих лиц прекратить ввиду 3 м.

252 ст. Улож. о Наказ. и за силою ст. XXIII и ст. XIII Всемилостивейшего Манифеста 14 мая 1896 года, а также прекратить преследование обвиняемых: 80) крестьянина Смоленской губ., Ельнинского уезда, Николая Ефремова Дудинского, 20 лет, 81) жены С.-Петербургского ремесленника Наталии Степановой Кейзер, 24 лет, 82) Колпинского мещанина Константина Константинова Куприанова, 25 лет, 83) студента С.-Петербургского Университета Виктора Константинова Сережникова, 22 лет, 84) студента того же университета Николая Васильева Митрофанова Шеманова, 21 года, 85) студента С.-Петербургского Технологического Института, сына священника Якова Петрова Пономарева, 27 лет, 86) крестьянина Петербургской губ., Гдовского уезда, Амоса Константинова Лебедева, 37 лет, 87) крестьянина того же уезда, Якова Константинова Лебедева, 34 лет, 88) студента Военно-Медицинской Академии Николая Алексеева Богораза, 22 лет, за недостаточностью улик к их обвинению, освободив лиц, относительно которых дознание подлежит прекращению, от принятых против них мер пресечения способов уклоняться от следствия и суда; все вещественные доказательства оставить при деле.

Управляющий Министерством Юстиции Сенатор Завадский находил, что из числа привлеченных по настоящему делу обвиняемых Александр Ергин, имевший с 1893 г. ближайшее отношение к тайной типографии, доставлял в последнюю для воспроизведения рукописи революционного содержания и распространял в широких размерах отпечатанные в ней преступные брошюры и воззвания. Константин Тахтарев и Александр Никитин, примкнув к существовавшей в С.-Петербурге группе социал-демократов, именовавшейся «старой интеллигенцией», принимали участие в организации кружков среди рабочих для целей противоправительственной пропаганды. Пантелеймон Лепешинский и Павел Романенко, относясь сочувственно к революционному движению, имели у себя в значительном количестве нелегальные издания и занимались воспроизведением таковых посредством мимеографа, при чем первый составил статью преступного направления, а Романенко переписывал сочинения возмутительного содержания. Кроме того, Лепешинский устраивал в интересах агитации сходки и снабжал рабочих запрещенными брошюрами. Степан Гуляницкий, у коего по обыску обнаружены рукописи противоправительственного характера, был посвящен в означенную выше деятельность Лепешинского, но не довел о ней до сведения властей. Степан Быковский, Елена Устругова и Елена Агринская проявили попытки сблизиться с рабочими для привлечения их к образова-

нию тайных кружков в видах наиболее успешного достижения социалистических целей.

Василий Ванеев посещал преступные собрания и давал рабочим для прочтения имевшуюся у него нелегальную брошюру. Михаил Названов оказывал содействие агитаторам в установлении конспиративных сношений с рабочими и в собирании сведений, предназначавшихся, повидимому, для составления подпольных произведений. Марк Шат и Тимофей Самохин, принадлежавшие к сообществу, присвоившему себе наименование «молодой интеллигенции», принимали меры к развитию социалистического движения среди рабочих, при этом первый хранил у себя в интересах пропаганды нелегальные издания, а Самохин энергично распространял преступные воззвания. Рабочие Петр Карамышев, Петр Акимов, Василий Волынский (он же Михайлов), Кузьма Царьков, Порфирий Михайлов, Иван Федоров, Василий Галл и Федосья Норинская, поддерживая связи с интеллигентными агитаторами, оказывали им услуги в осуществлении противоправительственных замыслов предоставлением своих квартир для преступных собраний и привлечением к участию в последних других рабочих. Кроме того, из числа сих обвиняемых Карамышев и Царьков распространили запрещенные произведения, Акимов и Федоров имели подпольные издания в значительном количестве, очевидно для целей пропаганды, а Норинская принимала на себя снабжение денежными средствами лиц, прикосновенных к социалистическому движению. Относительно рабочих Ивана Бабушкина, Семена Шепелева и Ивана Яковлева дознанием выяснено, что они, подчинившись влиянию руководителей упомянутых выше кружков, проявляли активное участие в агитации, при чем Бабушкин, пользовавшийся особым доверием членов группы «старая интеллигенция», являлся посредником в их преступных сношениях с рабочими, Шепелев устроил у себя в квартире сходку для обсуждения мер к поддержанию беспорядков среди заводского населения и разбрасывал противоправительственные прокламации, а Яковлев пропагандировал социалистические идеи. Рабочие Филипп Галактионов, Константин и Илья Ивановы, Прокофий Степанов, Влас Щеглов, Иван Львов, Федор Михайлов, Владимир Койнов, Василий Титов, Ефим Егоров, Николай Полетаев, Дмитрий Демичев, Василий Змеев, Иван Ефремов, Петр Машенин (он же Садовников), Петр Давыдов, Павел Зиновьев (он же Воинцев), Николай Кроликов, Иона Петров (он же Котельников), Семен Афанасьев, Дмитрий Морозов, Петр Малинин, Евграф Калинин, Василий Богатырев, Михаил Кириллов и Филимон Петров, войдя в состав организованных для целей агитации кружков, посещали тайные собрания, на которых обсуждались вопросы, ка-

сающиеся противоправительственного движения, и читались подпольные брошюры.

Из числа поименованных лиц Василий Богатырев, Титов, Кириллов, Львов, Калинин, Федор Михайлов и Егоров принимали участие в распространении революционных воззваний, Щеглов хранил в значительном количестве запрещенные издания, Полетаев скрыл от властей тюк с недозволенными к обращению сочинениями, Морозов, Демичев, Коинов, Малинин, Машенин и Ефремов имели у себя нелегальные произведения, а Змеев способствовал руководителям означенных кружков в подыскании квартиры для преступных сходок. Рабочий Петр Грибакин содействовал упоминавшемуся ранее обвиняемому Царькову в приобретении противоправительственных прокламаций в видах распространения таковых среди рабочих. Наконец, бывший студент Технологического Института Яков Пономарев изобличается в хранении запрещенной брошюры.

Вследствие сего и принимая во внимание степень откровенности об'яснений, данных поименованными выше лицами, уровень их умственного развития и время нахождения в предварительном заключении, а также, имея в виду, что совершенное Пономаревым деяние влечет за собой по закону (4 ч. 252 ст. Улож. о Наказ.) наказание, не соединенное с праволи шениями, Сенатор Завадский, разделяя предположения Прокурора С.-Петербургской Судебной Палаты относительно других обвиняемых, полагал:

I) выслать под надзор полиции: а) в Восточную Сибирь Александра Ергина на 5 лет, а Пантелеймона Лепешинского на 3 года и б) в Архангельскую губ. Павла Романенко на три года;

II) подвергнуть тюремному заключению: Марка Шата на 8 месяцев, Тимофея Самохина, Петра Акимова, Кузьму Царькова, Ивана Федорова, Семена Шепелева и Власа Щеглова на 6 месяцев, Порфирия и Федора Михайловых, Филиппа Галактионова, Прокофия Степанова, Ивана Львова и Владимира Каинова на 3 месяца, Василия Титова, Ефима Егорова и Михаила Кириллова на два месяца, а затем подчинить сих лиц гласному надзору полиции, вне столичных губерний и университетских городов, Самохина, Царькова, Порфирия Михайлова, Федорова и Шепелева на три года, Шата и Акимова на 2 года, а Галактионова, Степанова, Щеглова, Львова, Федора Михайлова, Каинова, Титова, Егорова и Кириллова на один год каждого;

III) вменив поименованным ниже одиннадцати лицам в наказание предварительное содержание под стражей, учредить гласный надзор полиции в избранных местах жительства, кроме столичных губерний и университетских городов, за Константином Тахтаревым, Александром

Никитиным, Петром Карамышевым, Иваном Бабушкиным и Иваном Яковлевым на три года, за Михаилом Названовым, Николаем Полетаевым и Петром Грибакиным на два года, а за Василием Ванеевым, Дмитрием Демичевым и Василием Змеевым на один год;

IV) подчинить гласному надзору полиции, вне столичных губерний и университетских городов, Степана Гуляницкого, Степана Быковского и Елену Устругову на 3 года, Елену Агринскую, Федосью Норинскую, Василия Волынкина (он же Михайлов) и Василия Галла на два года, Константина Иванова, Ивана Ефремова, Петра Машенина (он же Садовников), Петра Давыдова, Павла Зиновьева (он же Боинцев), Николая Кроликова, Иону Петрова (он же Котельников), Семена Афанасьева, Илью Иванова, Петра Малинина, Дмитрия Морозова, Евграфа Калинина, Василия Богатырева и Филимона Петрова на один год, и

V) прекратить настоящее дело в отношении Якова Пономарева, на основании 1 ч. XIII и XXIII ст. Высочайшего Манифеста 14 мая 1896 года.

Рассмотрев обстоятельства настоящего дела, в связи с имеющимися в Департаменте Полиции сведениями, Департамент находит: 1) что обвиняемые Петр Акимов, Порфирий Михайлов, Николай Михайлов и Василий Галл дали при допросах откровенные показания, во многих способствовавшие выяснению обстоятельств настоящего дела, а последние двое из них, кроме того, оказывали содействие при розысках *) 2) что

---

*) Только здесь впервые „доклад" слегка намекает на „розыскную" роль Н. Н. Михайлова, который, как и Галл, все время трактуется в качестве обвиняемого и даже первоначально предназначается к ссылке в Вологодскую губ. Между тем, в хранящемся в Историко-революционном архиве „деле о с.-д. кружках" имеется следующий любопытный документ относительно Н. Н. Михайлова:

17 января 1896 г. по IV Отд.

Секретно.

№ 118. Г. начальнику Спб. Жандармск. Управления.

Ввиду полученных в Департаменте полиции сведений о том, что обвиняемый Иван Кайзер в показаниях своих указывает на участие в деятельности кружка „социал-демократов" зубного врача Николая Михайлова, Департамент Полиции считает долгом уведомить Ваше Пр-ство, что, по соображениям розыскного характера, принятие в настоящее время каких-либо мер против названного Михайлова представляется безусловно нежелательным.

Директор Сабуров.

Скрепил делопроизводитель Янкулко.

Только через месяц Департамент сообщил Жандармскому Управлению, что Михайлов может быть теперь привлечен к следствию. Это произошло, повидимому, тогда, когда слухи о провокации Михайлова получили широкое распространение. *Прим. Л. Мартова.*

Борис Зиновьев и Василий Титов, при совершении преступления, в коем они обвиняются, находились в несовершеннолетнем возрасте, 3) Александр Ергин, Филипп Галактионов, Елена Устругова, Петр Давыдов, Илья Иванов и Влас Щеглов в настоящее время привлечены при С.-Петербургском Губернском Жандармском Управлении в качестве обвиняемых к новым дознаниям и 4) обвиняемый Самохин, состоя по настоящему делу под особым надзором полиции в с. Орехове, Владимирской губернии, как видно из произведенного расследования, вел подозрительную переписку с обвиняемым Титовым, позволял себе самовольные отлучки из Орехова, по агентурным сведениям, подозревается в распространении 28 минувшего октября преступных брошюр и в последнее время высказал угрозу убийством местного станового пристава.

По изложенным соображениям, а равно ввиду продолжительного содержания под стражею обвиняемого Марка Шата—разделяя предположения Министерства Юстиции в отношении остальных обвиняемых, Департамент признает соответственным: 1) обвиняемых Бориса Зиновьева, Марка Шата и Порфирия Михайлова, по вменении им в наказание предварительного ареста, подчинить гласному надзору полиции на 3 года, вне столичных губерний и университетских городов, 2) обвиняемых Петра Акимова, Василия Титова, Николая Михайлова и Василия Галла, по вменении первым трем из них в наказание предварительного ареста, подчинить гласному надзору полиции на два года, с запрещением Акимову и Титову, во время состояния под надзором полиции, жительства в столичных губерниях и университетских городах, 3) обвиняемого Тимофея Самохина, по отбытии им определенного срока тюремного заключения, подчинить гласному надзору полиции на предположенный срок в избранном месте жительства, кроме столиц, университетских городов и губерний столичных, Владимирской, Нижегородской, Ярославской и Тверской, и 4) в отношении обвиняемых: Александра Ергина, Власа Щеглова, Филиппа Галактионова, Елены Уструговой, Петра Давыдова и Ильи Иванова настоящее дело приостановить для совместного рассмотрения с вновь возникшими о них дознаниями.

И. д. Вице-Директора *Семенов.*

17 декабря 1896 года.

Приговор в окончательной форме.

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ
Временная Канцелярия
по производству
ОСОБЫХ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ.
Января 29 дня 1897 г.
№ 255.

Арестантское. Секретно.

Господину Министру Внутренних Дел.

Государь Император, по всеподданнейшему докладу моему обстоятельств дела о студенте С.-Петербургского Технологического Института Петре Запорожце и других, обвиняемых в государственном преступлении, в 29 день января 1897 года Высочайше повелеть соизволил разрешить настоящее дознание административным порядком с тем, чтобы:

I) Выслать под гласный надзор полиции: а) в Восточную Сибирь Петра Запорожца на пять лет, а Анатолия Ванеева, Глеба Кржижановского, Василия Старкова, Якова Ляховского, Владимира Ульянова, Юлия Цедербаума, Пантелеймона Лепешинского на три года каждого и в) в Архангельскую губернию Павла Романенко, Александра Малченко, Елизавету Аграинскую, Веру Сибилеву, Евгения Богатырева, Николая Иванова, Никиту Меркулова, Василия Шелгунова, Николая Рядова и Василия Антушевского на три года каждого, вменив девяти последним в наказание предварительное содержание под стражею.

II) Подвергнуть заключению в тюрьме Тимофея Самохина, Кузьму Царькова, Ивана Федорова, Семена Шепелева на шесть месяцев, Прокофия Степанова, Ивана Львова, Фе-

дора Михайлова, по прозванию «Англичанка», и Владимира Каинова—на три месяца, Ефима Егорова и Михаила Кириллова на два месяца, а затем подчинить сих лиц гласному надзору полиции в избранных ими местах жительства, за исключением столичных губерний и университетских городов—Самохина, Царькова, Федорова и Шепелева на три года, а Степанова, Львова, Федора Михайлова, Коймова, Егорова и Кириллова на один год, воспретив, кроме того, Самохину на указанный срок пребывание в столицах и губерниях Владимирской, Нижегородской, Ярославской и Тверской.

III) По вменении в наказание Николаю Малишевскому, Сергею Муромову, Иллариону Чернышеву и Ивану Кейзеру предварительного содержания под стражею, выслать названных четырех лиц под гласный надзор полиции в один из северо-восточных уездов Вологодской губернии на три года каждого, при чем принятием означенной меры взыскания в отношении Ивана Кейзера разрешить и другое приостановленное о нем дознание, производившееся при С.-Петербургском Губернском Жандармском Управлении.

IV) Подчинить гласному надзору полиции в избранных местах жительства за исключением столичных губерний и университетских городов Константина Тахтарева, Александра Никитина, Степана Быковского, Степана Гуляницкого, Марка Шата, Петра Карамышева, Бориса Зиновьева, Порфирия Михайлова, Ивана Бабушкина и Ивана Яковлева на три года, Елену Агринскую, Михаила Названова, Федосью Норинскую, Петра Акимова, Василия Волынкина, он же Михайлов, Василия Титова, Николая Полетаева и Петра Грибакина на три года, а Василия Ванеева, Дмитрия Демичева, Василия Змеева, Константина Иванова, Ивана Ефремова, Петра Машенина, он же Садовников, Павла Зиновьева, он же Воинцев, Николая Кроликова, Иону Петрова, он же Котельников, Семена Афанасьева, Дмитрия Морозова, Петра Малинина, Евграфа Калинина, Василия Богатырева и Филимона Петрова на один год каждого, при чем Тахтареву, Никитину, Василию Ванееву, Названову, Шату, Карамышеву, Борису Зиновьеву, Акимову, Порфирию Михайлову, Бабушкину, Яковлеву, Титову, Полетаеву, Демичеву, Змееву и Грибакину вменить в наказание предварительное их содержание под стражею и V) по вменении Николаю Михайлову в наказание предварительного ареста, подчинить его, а также Василия Галла гласному надзору полиции на два года.

О таковой Монаршей воле имею честь уведомить Ваше Высокопревосходительство, вследствие отношения от 18 декабря 1896 года за № 2778, для зависящих с Вашей стороны распоряжений о высылке и подчинении полицейскому надзору вышеуказанных лиц, присовокупляя, что мною одновременно с сим поручено Прокурору С.-Петербургской Судебной Палаты приведение изложенного Высочайшего повеления в исполнение относительно выдержания подлежащих обвиняемых в тюрьме и вменения им в наказание предварительного содержания под стражею.

Министр Юстиции Статс-Секретарь *Муравьев.*

№ 14 (к стр. 287).

Список прокламаций петербургского «Союза Борьбы за освобождение рабочего класса» за 1895—1897 г.г.

В списке министра юстиции Муравьева*) имеются указания на следующие прокламации петербургского «Союза Борьбы»:

1. «*Что такое социалист и политический преступник*». За подписью «Ваш товарищ-рабочий». [Автор—И. В. Бабушкин. Выпущена в конце 1895 г.].

2. «*К товарищам-рабочим*». В прокламации сообщается об арестах, произведенных в Спб. в ночь на 9-е декабря 1895 г., при чем рабочие приглашаются по-прежнему дружно защищать свои интересы. [Автор—Л. Мартов. Имеется в Институте Ленина.]

3. «*Ко всем петербургским папиросницам*». Приглашает работниц «восстать на защиту своего бедственного положения, выступив на борьбу за общее дело». [Относится к февралю 1896 г. Имеется.]

4. «*Ко всем петербургским рабочим*». Рабочие призываются вести борьбу с фабрикантами и правительством дружно, но спокойно, без беспорядков и насилий, чтобы избежать вмешательства военной силы. [Относится, вероятно, к декабрю 1895 г. Имеется.]

5. «*Требование ткачей на фабрике Лебедева*»—призывает рабочих к требованию освобождения арестованных товарищей и к восстановлению старого заработка. Гектографированное. [Имеется.]

6. «*К рабочим Путиловского завода*», призывающая рабочих к устройству стачки.

7. «*К прядильщикам фабрики Кенига*», по поводу необходимости устройства стачки. [Автор—Л. Мартов.]

8. «*К рабочим и работницам фабрики Торнтона*». Рабочие приглашаются к повторению стачки, происходившей 6 и 7 ноября 1895 г. [Автор—В. И. Ленин; перепечатывается здесь.]

---

[1]) „Революционное движение в России в докладах министра Муравьева" пред. Л. Мартова, СПБ. 1907 г.

9. «*Чего требуют ткачи*». Прокламация убеждает рабочих требовать возвращения к той расценке, которая была ранее, определения табеля расценок по соглашению с рабочими и уменьшения платы за квартиру.

10. «*Ко всем петербургским папиросницам*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Гектографированная прокламация, приглашающая папиросниц примкнуть к союзу рабочих для борьбы за общее дело.

11. «*Товарищи*». Гектографированное воззвание, подстрекающее рабочих к организации стачек. [Относится к началу декабря 1895 года. Составлено рабочим Б. Зиновьевым и передано было Л. Мартову, который вместе с Б. Горевым-Гольдманом печатали его на квартире последнего впервые на мимеографе, при чем восковка писалась Б. Горевым от руки печатными буквами. Имеется.]

12. «*К товарищам рабочим Путиловского завода*». Гектографированная прокламация, приглашающая рабочих к устройству стачки.

13. «*К рабочим Резво-Островской мануфактуры А. П. Воронина*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Гектографированное воззвание, призывающее рабочих требовать повышения расценки и сокращения штрафов, а при неисполнении сего устроить стачку.

14. «*К рабочим Калинкинской бумагопрядильной фабрики*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «Петербург. Апрель». Гектографированное воззвание, подстрекающее рабочих к требованию отмены штрафа за опоздание. [Имеется.]

15. «*К оружейникам Сестрорецкого завода от союза рабочих в Петербурге*», за подписью «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «5 апреля 1896 года». Гектографированная прокламация, призывающая рабочих названного завода примкнуть к «Союзу» и общими силами бороться с капиталистами и правительством. [Материал для прокламации дан рабочим Ивановым. Напечатана Б. Горевым. Имеется.]

16. «*Товарищам-рабочим Александровского чугунного завода*». 13 апреля 1896 г. «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Воззвание гектографированное, приглашает рабочих устроить стачку. [Имеется.]

17. «*Рабочий праздник 1-го мая*» от имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «19 апреля 1896 года». Гектографированное воззвание, приглашающее рабочих праздновать день 1-го мая. [Автор—В. И. Ленин; перепечатывается здесь.]

18. «*К рабочим завода Феникс*», с пометкою: «С.-Петербург, 30 апреля 1896 г.». Гектографированное воззвание, приглашает рабочих требовать сокращения рабочего дня и увеличения заработной платы. [Имеется.]

19. «*Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен*», за подписью «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и с пометкою: «30 мая 1896 г.». Гектографированное воззвание. [Имеется.]

20. «*К рабочим всех петербургских бумагопрядилен*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «1-го июня 1896 г.». Гектографированное воззвание, подстрекающее рабочих к устройству стачки. [Имеется.]

21. «*Ко всем петербургским рабочим*», за подписью «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «3 июня 1896 года». Гектографированная прокламация, призывает рабочих поддерживать забастовавших ткачей, собирая деньги в пользу стачечников. [Имеется.]

22. «*Ко всем рабочим петербургских заводов*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «4 июня 1896 года». Гектографированное воззвание, призывающее рабочих к общей стачке. [Имеется.]

23. «*К рабочим Невской писчебумажной фабрики Варгунина*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «4 июня». Гектографированное воззвание, приглашающее рабочих названной фабрики примкнуть к забастовке. [Имеется.]

24. «*К русскому обществу*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «10 июня 1896 г.». Гектографированная прокламация, в которой общество приглашается сочувственно отнестись к рабочему движению и оказать рабочим материальную поддержку для борьбы. [Имеется.]

25. «*Товарищи рабочие*». Гектографированное воззвание, без обозначения времени и места выпуска, оканчивающееся призывом: «Рабочие, соединяйтесь». [Имеется.]

26. «*К рабочим ткацких и прядильных фабрик*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «27 июня 1896 г.». Гектографированное воззвание, приглашающее рабочих устроить новую стачку, чтобы довести свое дело до конца. [Имеется.]

27. «*К петербургским рабочим*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «27 июня 1896 г.». Гектографированная прокламация, приглашающая всех рабочих к совместной борьбе с капиталистами и правительством. [Имеется.]

28. «*К рабочим Балтийского завода*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «27 июня 1896 г.». Гектографированное воззвание, приглашающее рабочих к устройству стачки. [Имеется.]

29. «*К рабочим фабрики Паля*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «19 июля 1896 г.». Гектографированная прокламация, приглашающая рабочих дружнее отстаивать свои требования. [Имеется.]

30. «*К рабочим Балтийского завода*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «24 июля 1896 года». Гектографированная прокламация, призывает рабочих не соглашаться на уступки, сделанные администрацией завода, и требовать новых послаблений. [Имеется.]

31. «*К рабочим бумагопрядильных и ткацких фабрик*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «6 августа 1896 г.». Гектографированная прокламация, приглашающая рабочих требовать от хозяев и правительства улучшения их положения. [Имеется.]

32. «*К русскому обществу*, от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «сентябрь 1896 г. С.-Петербург». Гектографированное воззвание, призывающее всех, «кому дороги интересы рабочего класса», оказать посильную помощь забастовщикам. [Имеется.]

33. «*Всем С.-Петербургским рабочим*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «15 сентября 1896 г.». Воззвание гектографированное, издано по поводу происходивших стачек и приглашает рабочих «бодро итти по намеченному пути к великой, конечной цели—полному освобождению рабочего класса от гнета капитала». [Автор—Б. Горев-Гольдман. Имеется.]

34. «*Союз борьбы за освобождение рабочего класса царскому правительству*», с пометкою: «Ноябрь 1896 г.». Гектографированное воззвание, в котором заявляется, что происходившие в 1895—1896 г.г. стачки оказали громадную услугу русским рабочим, показав им, как надлежит вести борьбу за свои интересы. [Автор—В. И. Ленин; перепечатывается здесь.]

35. «*К рабочим Путиловского завода*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «С.-Петербург, 12 ноября 1896 г.». Гектографированное воззвание, подстрекающее рабочих к борьбе с администрацией завода из-за последовавшей сбавки. [Имеется.]

36. «*К рабочим Балтийского завода*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «14 ноября 1896 г.». Гектографированное воззвание, приглашающее рабочих сплотиться для борьбы за улучшение своего положения. [Автор—Б. Горев-Гольдман. Имеется.]

37. «*К рабочим бумагопрядильной мануфактуры Кенига*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «14 декабря 1896 г.». Гектографированная прокламация, призывающая к устройству новой стачки.

38. «*К рабочим Екатерингофской мануфактуры*», от Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «Декабрь, 1896 г.». Гектографированное воззвание, подстрекающее рабочих требовать сокращения рабочего дня. [Имеется.]

39. «*К рабочим Петербургских бумагопрядилен и ткацких*», от 7 января 1897 г. Гектографированное.

40. «*Петербургским ткачам и прядильщикам*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «Петербург, 9 января 1897 г.», указывающее на сокращение рабочего дня, как результат стачек, и приглашающее поддержать требование о часовом обеденном перерыве, сокращении рабочего дня в субботу и повышении расценки. Воспроизведено на мимеографе.

41. «*Ко всем Петербургским рабочим*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкой: «11 января 1897 г.», приглашающее петербургских рабочих дружно отстаивать свои требования. Воспроизведено на мимеографе. [Имеется.]

42. «*К рабочему населению С.-Петербурга*», от имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», помечено: « 6 марта 1897 г.» и приглашает фабричные классы к борьбе с правительством. Воспроизведено на мимеографе.

43. «*Петербургским ткачам и прядильщикам*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «Март, 1897 г.», приглашающее к устройству общей забастовки 16 апреля. Воспроизведено на мимеографе.

44. От имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»— «*работницам фабрики Лаферма*»,—«март, 1897 г.», призывающее к об'единению—устройству кружков и кассы. Воспроизведено на мимеографе. [Автор, очевидно, Б. Горев. Имеется.]

45. «*К рабочим Балтийского завода*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», помеченное мартом 1897 г., по поводу вывешенного в мастерских об'явления о незаконности требований рабо-

чими возврата 1% вычетов в капитал вспоможения, приглашающее дружно отстаивать свои интересы и соединиться с рабочими других фабрик и заводов для борьбы с правительством. Гектографированное.

46. «*Рабочим Кожевниковской мануфактуры*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «Март, 1897 г.», по поводу сокращения рабочего дня, приглашающее пред'явить новые требования: 1) уплаты за краденные аршины, 2) введения одних верных часов и уплаты за краденные минуты, 3) уничтожения штрафа 25 коп. за опоздания и 4) повышения расценки или выдачи лучшего материала. Воспроизведено на мимеографе.

47. «*К рабочим Балтийского завода*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «Апрель, 1897 г.», поздравляющее «товарищей с победой» по поводу обещанного администрацией завода возвращения рабочим «вычетов» и приглашающее добиваться «политической свободы». Воспроизведено на мимеографе.

48. «*К рабочим писчебумажной фабрики Варгунина*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «Апрель 1897 г.», приглашающее требовать увеличения заработной платы и сокращения рабочего дня. Воспроизведено на мимеографе.

49. От имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», под заглавием «*Всемирный рабочий праздник 1-е мая*», призывающее к об'единению для требования в будущем политических прав. Воспроизведено на мимеографе. [Автор—Б. Горев. Прокламация была тогда же отпечатана также (в первый раз) и типографским способом. Имеется.]

50. От имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»— «*К рабочим Нового Адмиралтейства*», издано 1 апреля 1897 г. Приглашает пред'явить требование об уничтожении «незаконных поборов» и сокращения рабочих часов. Воспроизведено на мимеографе.

51. «*Ко всем ткачам и прядильщикам*», от имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «Петербург, 16 апреля 1897 г.», приглашающее дружно отстаивать свои интересы и устроить общую стачку 19 апреля (1 мая нов. стиля). Воспроизведено на мимеографе. [Имеется.]

52. «*Речь товарища на всемирном рабочем празднике 1 мая*», подписанное «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», «Апрель, 1897 г.» и оканчивающееся: «Да здравствует международное движение. Да здравствует международная революционная социал-демократия». Воспроизведено на мимеографе.

53. «*Прядильщикам и ткачам*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «1 мая 1897 г.», приглашающее требовать повышения расценки. Воспроизведено на мимеографе.

54. От имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»,— «*рабочим Нового Адмиралтейства*». Издано 20 мая 1897 г.; сообщает о решении устно повторить начальству прежние требования об уничтожении «неправильных вычетов и поборов». Воспроизведено на мимеографе.

55. «*К рабочим писчебумажной фабрики Варгунина*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «28 мая 1897 г.»; ссылается на неисполнение администрацией фабрики прежних требований и приглашает дружно отстаивать свои интересы. Гектографированное.

56. «*Письмо к рабочим по поводу нового закона о длине рабочего дня*» (второе издание), 1 сентября 1897 г., «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с девизом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Воспроизведено на мимеографе.

57. «*К рабочим бумагопрядильной фабрики Зотова в гор. Костроме*», от 4 октября 1897 г. Воспроизведено на пишущей машине. [Прокламацию отвозила в Кострому молодой член «Союза» О. В. Неустроева.]

58. «*К рабочим и работницам российско-американской резиновой мануфактуры*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», без обозначения времени издания, приглашающее взамен участия в подписке на подношение блюда государю императору делать денежные взносы на устройство своей рабочей кассы взаимопомощи в борьбе с капиталистами и правительством. Воспроизведено на мимеографе. [Имеется.]

Кроме перечисленных в этом списке Муравьева, в распоряжении Института Ленина имеются еще следующие прокламации того же периода:

1. «*К рабочим Балтийского завода*»—без даты.

2. «*К ткачам фабрики Лебедева*»—1 января 1896 г.

3. «*Французским рабочим*»—3 (15) марта 1896 г. Листок написан к 25-летнему юбилею Парижской Коммуны и отправлен за границу, покрытый подписями рабочих. [Автор—А. Потресов.]

4. «*К рабочим Нового Адмиралтейства*»—7 апреля 1896 г.

5. «*К рабочим бумагопрядильни Кенига*»—4 июня 1896 г.

6. «*К прядильщикам, возобновившим работу*»—5 июня 1896 г.

7. «*К рабочим бумагопрядильных и ткацких фабрик в Петербурге*»—12 июня 1896 г.

8. «*К путиловским рабочим*»—15 июня 1896 г.

9. «*К рабочим чугунного Александровского завода*» — 15 июня 1896 года.

10. «*К рабочим Невского Механического завода*»—17 июня 1896 г.

11. «*К рабочим Путиловских заводов*»—19 июня 1896 г.

12. «*К рабочим Варшавской железной дороги*»—19 июня 1896 г.

13. «*К рабочим фабрики Лаферм*»—19 июля 1896 г.

14. «*К рабочим Варшавской железной дороги*»—26 июля 1896 г.

15. «*К рабочим писчебумажной фабрики Варгунина*»—30 июля 1896 года.

16. «*К рабочим Александровского чугунного завода и Варшавской железной дороги*»—2 августа 1896 г.

17. «*К рабочим петербургских бумагопрядилен и ткацких фабрик*»—1 января 1897 г.

18. «*К петербургским рабочим и социалистам*»—автор В. И. Ленин, перепечатывается здесь, стр. 360.

Наконец, нам известно о выпуске еще следующих прокламаций, нами пока не разысканных:

1. «*К рабочим фабрики Семянникова*» — январь 1895 г. Автор — В. И. Ленин (см. стр. 448).

2. Первый листок «*К рабочим фабрики Торнтона*» — начало ноября 1895 г.; автор, очевидно, Г. М. Кржижановский.

3. «*К рабочим Александровского механического завода*»—январь 1896 года.

4. «*Ответ английским рабочим*» на их приветствие петербургским стачечникам в 1896 г. Автор—А. Потресов.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья «*Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни*» является наиболее ранней из всех *известных* статей Вл. Ильича. Судя по воспоминаниям тов. М. Семенова (М. Блана) (см. сборник «Старый товарищ А. П. Скляренко», стр. 11), Вл. Ильич читал в самарских марксистских кружках того времени (1893 г.) свои статьи, касавшиеся вопросов экономического развития России, где разбирал с марксистской точки зрения работы Николая — она, В. В., Карышева и др. Некоторые из этих статей были отобраны у М. Семенова во время последующих обысков.

Статья «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» существовала, видимо, в нескольких списках. Один из таких списков, писанный рукой Вл. Ильича, был им передан тов. С. И. Мицкевичу, у которого рукопись была взята при обыске 3 декабря 1894 г. Эта рукопись предназначалась для печати.

В начале 1923 г. эта рукопись была найдена в жандармском «деле Мицкевича» (хранится в Московском Историко-Революционном Архиве) и напечатана в сборнике Истпарта: «К 25-летию первого съезда партии». Одновременно в бумагах Вл. Ильича была найдена вторая рукопись той же статьи, хранящаяся ныне в Институте Ленина. Из сличения обеих рукописей можно установить, что вторая рукопись является первоначальною. Список же, отобранный полицией у С. И. Мицкевича, представляет ту же статью с некоторыми добавлениями, сделанными Вл. Ильичем при окончательной переписке. К сожалению, список Мицкевича, после напечатания его в сборнике «К 25-летию первого съезда партии» не был передан в Институт Ленина и, видимо, утерян *). Поэтому в настоящем издании статья печатается по первоначальному списку Института Ленина, в подстрочных же примечаниях даются все наиболее важные добавления и разночтения по тексту, напечатанному Истпартом.

Рукопись, хранящаяся в Институте Ленина, представляет из себя тетрадку в четвертую долю листа, простой писчей бумаги, писанную очень мелким почерком черными чернилами.

[2]) Оба названные сочинения вошли в сб. «Итоги экономического исследования России по данным земской статистики»: т. I. *В. В.* «Крестьянская община» (Москва 1892 г.); т. II. *Н. Карышев.* «Крестьянские вненадельные земли» (Дерпт 1892 г.). Эти две работы долго играли роль основного обоснования народнических взглядов на экономическую эволюцию России. В своих последующих работах, посвященных этому вопросу, Вл. Ильич неоднократно касается этих сочинений В. В. и Карышева (в частности в «Развитии капитализма в России»).

---

*) В последнюю минуту нам сообщили, что рукопись вновь разыскана. *Ред.*

[3]) Первоначальная (имеющаяся в Институте Ленина) рукопись, видимо, перед окончательной отделкой для печати перечитывалась Вл. Ильичем, а вероятно и его товарищами. При этом Вл. Ильич делал для себя пометки красным карандашем и отмечал места, которые требовали добавлений (таких «добавлений» отмечено Вл. Ильичем семь). Эти «добавления» внесены в окончательный текст при переписке рукописи для печати. На одной из страниц сохранилась и карандашная отметка одного из читателей рукописи (т. Лалаянца? или т. Скляренко?): «следовало бы дать табличку». Что касается подчеркиваний красным карандашем, то ввиду их чисто технического характера мы их не воспроизводим и не отмечаем.

[4]) В печатаемом тексте слова, подчеркнутые в рукописи одною чертою, даются в разрядку; слова же, подчеркнутые в рукописи двумя чертами, выделяются жирным шрифтом.

[5]) Статья *Л. Слонимского*: «Крестьянские нужды и их исследователи» в № 3 «Вестника Европы» за 1893 г.

[6]) «*Что такое «друзья народа»* написано Вл. Ильичем весною—летом 1894 г. и издано в трех выпусках в том же году частью на гектографе, частью на автокописте, при чем первый выпуск имел повторные издания. Точные хронологические данные об изданиях «Друзей народа» дает т. С. И. Мицкевич:

«*I выпуск* написан Вл. Ил. в апреле 1894 г.

Издан первый раз на гектографе (синие чернила) в апреле или в мае 1894 г.

Издан второй раз на гектографе (синие чернила) в июле 1894 г.

Издан третий раз на автокописте (черная краска) А. А. Ганшиным и бр. Масленниковыми в «Горках» в августе 1894 г. Экземпляров этого издания пока не найдено.

Издан четвертый раз (?*) не найден) в Петербурге на гектографе. («Изд. провинц. группы соц.-дем.») Сентябрь 1894 г. (?).

II выпуск написан Вл. Ил. летом 1894 г.

Издан первый раз А. А. Ганшиным и бр. Масленниковыми в «Горках» на автокописте (черная краска) в августе-сентябре 1894 г.

Издан второй раз (?*) не найден) в Петербурге на гектографе (?).

III выпуск написан Вл. Ил. летом 1894 г.

Передан А. А. Ганшину для печати, но им не был издан, увезен в Петербург и там издан на гектографе (синими чернилами). («Изд. провинц. группы соц.-дем.».) Сентябрь 1894 г.».

Кроме того, М. Могилянский в № 23 «Былого» за 1924 г. рассказывает о перепечатке «Друзей народа» на гектографе в том же 1894 г. в Борзенском уезде Черниговской губернии в количестве около 100 экз., из которых часть была уничтожена из опасения полицейских обысков, часть же, около 30 экз., распространена в Чернигове, Киеве и Петербурге.

О количестве изданных экземпляров т. Мицкевич говорит следующее:

«Если принять во внимание, что гектограф при нашей тогдашней технике давал 30—40 оттисков и в самом лучшем случае—50, то оказывается, что первый выпуск был издан максимум в 250 экз., вероятнее—меньше, а третья часть, по-

---

*) Это издание 1 и 2 вып. приходится пока оставить под вопросом. *С. Мицкевич.*

видимому, была издана только один раз на гектографе, т.-е. максимум в 50 экз. Этим объясняется, что эта работа В. И. была сравнительно мало распространена: со слов т. Гожанского знаю, что она попала в Вильно в конце 1894 г., т. Лалаянц читал ее в Пензе в 1895 г., т. Сергиевский—во Владимире около этого же времени, а т. Перазич—в Вене в 1895 г. или в Вильне в 1896 г., но уже работники кружков второй половины 90-х годов о ней не знали...».

О том, как издавались «Друзья народа», рассказывают в своих воспоминаниях т. т. А. Ганшин и В. Масленников. А. А. Ганшин говорит:

«Ранней весной в 1894 году я узнал от своих родственников-друзей бр. Масленниковых, что им удалось, после долгих попыток, приобрести в Москве типографский шрифт. Я тотчас же предложил нашему кружку технологов-марксистов (Вл. Ильичу Ульянову, С. И. Радченко, В. В. Старкову, Г. М. Кржижановскому, Г. Б. Красину, М. К. Названову, А. Л. Малченко, А. А. Ванееву, П. К. Запорожцу) воспользоваться шрифтом и отпечатать только что написанную статью Владимира Ильича «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов», при чем всю типографскую работу я брал на себя. Условились, что рукопись мне передаст Владимир Ильич в Москве в середине июня

Приехав в Москву, я узнал от бр. Масленниковых, что шрифта нет: доставший шрифт рабочий испугался ревизии типографии и взял его обратно, но есть надежда получить шрифт из других источников. Обещали не сегодня-завтра достать, время шло, а шрифта не было.

Рукопись о Михайловском была передана мне Владимиром Ильичем на Садовой в квартире С. И. Мицкевича, которому она была дана для прочтения. Дело было только за шрифтом.

Решено было ехать в г. Юрьев-Польский, где был у меня знакомый наборщик, и предложить ему или отпечатать рукопись или снабдить нас шрифтом. Переговоры не привели ни к чему: типография была маленькая, и убыль шрифта сразу могла броситься в глаза владельцу. Но все-таки удалось достать литографский камень, на котором в конце концов и решили отпечатать статьи В. И. Местом для работы выбрали имение моего отца «Горки», Переславского уезда, Влад. губ., в 160 верстах от Москвы, куда, приобретя пишущую машинку, краски и валик и пр., перебрались мы с В. И. Масленниковым, но вследствие неумения литографскую работу поставить не удалось.

Тогда В. И. Масленников едет в Москву, достает там автокопист, пергамент и пр., начинаем печатать; работа идет медленно: станок всего на пол-листа, делаем новый—в лист. К концу августа напечатали одну только первую часть в количестве 100 экземпляров форматом в $^1/_4$ листа черной краской стараясь придать внешность типографской работы.

С начала сентября продолжаем работу в Москве, на 1-й Мещанской в д. Зайцевского, в квартире моего отца, куда приезжал из Петербурга А. Л. Малченко и забрал все готовые экземпляры и рукопись в Петербург (для Москвы ничего не оставили второпях), где она была вскоре вновь издана полностью на гектографе (синими чернилами). Насколько помню, в этом издании принимал участие А. А. Ванеев. На этом издании, повидимому, ради конспирации (т.-е. чтобы отвлечь внимание жандармов от Петербургской организации), была сделана пометка «Издание провинциальной группы социал-демократов». В ноябре я привез из Петербурга несколько экземпляров этого издания для бр. Маслен-

никовых и С. П. Мицкевича *). В «Горках» и Москве мною и В. Н. Масленниковым были изданы только две первых части: ответ Михайловскому и Южакову. Ответ Кривенко—не успели.

Рукописи о Южакове (вып. II) и Кривенко (вып. III) я получил от Владимира Ильича в Люблине, где он жил на даче у А. П. Елизаровой. Двадцатидевятилетняя давность не изгладила из памяти тех бесед, которые вел со мной Владимир Ильич, гуляя по берегу пруда в Кузьминках: уже тогда чувствовалось, что пред тобой могучая умственная сила и воля, в будущем—великий человек».

В. Масленников в своих воспоминаниях говорит:

«Вместе с А. А. Ганшиным мы обсуждали, каким образом лучше поставить издание нелегальной литературы. А. А. Ганшину удалось достать литографский камень, намечалась возможность наладить типографию, но в конце концов удалось наладить печатание при помощи автокописта.

Образец автокописта, в размере полулиста писчей бумаги, удалось получить у покойного А. Р. Бриллинга, в то время студента Московского технического училища. По имеющемуся образцу мною был сконструирован автокопист размером в лист писчей бумаги и заказан в столярных мастерских Комиссаровского технического училища. Ленту для автокописта, литографскую краску, чернила, валик удалось приобрести в магазине, кажется у Гагена. При помощи таких средств и было нами напечатано произведение Ленина в 1894 г.: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов». Печатали непосредственно с рукописи Ленина, полученной через А. А. Ганшина...».

Появившиеся в разгар борьбы с народничеством, до книги Бельтова-Плеханова: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», статьи Вл. Ильича, хотя и изданные в ограниченном количестве, произвели огромное впечатление на приверженцев завоевывавшего в то время в России свое положение марксизма, давая им блестящий материал для борьбы с народниками. Об этом рассказывают в своих воспоминаниях А. П. Елизарова («Прол. Революция» № 2 (14), Б. П. Горев-Гольдман («Из партийного прошлого», Ленинград 1924 г.), П. А. Семашко (сб. «На заре рабочего движения в Москве»), С. П. Мицкевич («Прол. Револ.» № 2 (11) и др.

Л. Мартов в своих «Записках социал-демократа» (Берлин 1922, стр. 237) пишет следующее:

«Друзья познакомили меня с петербургской литературной новинкой, ходившей в хорошо отгектографированном виде. Это была состоявшая из трех частей брошюра: «Что такое друзья народа»... После академической полемики Струве, от брошюры, исполненной желчных характеристик теоретической мысли и политических тенденций эпигонов народничества, веяло подлинной революционной страстью и плебейской грубостью... Брошюра обнаруживала и литературное дарование и зрелую политическую мысль человека, сотканного из материала, из которого создаются партийные вожди. Я интересовался личностью автора, но уровень конспирации стоял тогда так высоко, что мне ничего не уда-

*) Насколько помню, А. А. Ганшин передал мне только 3-ю часть этого издания. При обысках в Москве было найдено 3 экземпляра этой 3-й части. И, вообще, следов 1-й и 2-й части этого издания до сих пор не найдено. Были ли они перепечатаны в этом издании? *С. Мицкевич.*

лось узнать, кроме того, что брошюра вышла, повидимому из группы «стариков». Лишь впоследствии, через год, я услышал имя В. И. Ульянова».

Первый и третий выпуск «Друзей народа» найдены были Н. С. Ангарским в Берлинском архиве и почти одновременно В. И. Невским в Публичной Библиотеке в Ленинграде в начале 1923 г. Второго выпуска, посвященного разбору взглядов С. Южакова, до сих пор найти не удалось. В настоящее время оба выпуска имеются в Ленинградском Истор.-Револ. Архиве и в Институте Ленина в Москве, в хорошем состоянии, в желтой обложке.

В настоящем издании «Друзья народа» перепечатываются: 1-й выпуск—с первого издания (апрель или май 1894 г.), представляющего собою гектографированную тетрадь в четвертую долю листа в 80 стр. с дополнением «К предлагаемому изданию» из второго издания; 3-й выпуск—с единственного известного издания, представляющего такую же гектографированную тетрадь в 106 стр. Текст этого издания третьего выпуска отличается от текста издания первого выпуска разнообразием подчеркиваний и шрифтами. Для обозначения их в настоящем издании мы придерживались следующего: слова, в гектографированном издании подчеркнутые одной чертой или написанные в разрядку, набраны разрядкой; слова, подчеркнутые двумя чертами, набраны жирным строчным шрифтом; слова, написанные курсивом без подчеркиваний, набраны курсивом же; написанные курсивом и подчеркнутые—набраны курсивом в разрядку; написанные прописью—набраны прописью же; написанные прописью и подчеркнутые—набраны прописью в разрядку и, наконец, написанные прописью и подчеркнутые двумя чертами—набраны прописью жирным.

[7]) «*Русское Богатство*»—ежемесячный журнал, основанный Л. Оболенским, в начале 90-х годов перешедший к народникам и ставший в 90-х г.г. главным органом борьбы против марксизма. По выходе из него Кривенко выходил под редакцией Н. Михайловского и Вл. Короленко. Группировал вокруг себя радикально-народническую интеллигенцию, организовавшуюся потом в народно-социалистическую (н.-с.) партию, отчасти же вошедшую в партию с.-р-ов.

[8]) *Н. Михайловский* (1842—1904) — рядом с П. Л. Лавровым виднейший теоретик народничества, «властитель дум» русской интеллигенции 70—80-х г.г., давший ей собственную теорию «исторического процесса», признававшую за «критически мыслящими личностями» важную роль в направлении исторического процесса по «желательному» руслу. Примыкал к народовольцам, составляя и редактируя их издания, был автором известного письма Исполнительного Комитета Народной Воли к Александру III после 1-го марта 1881 г. с требованием амнистии, политических свобод и Учредительного Собрания. Был руководителем «Отечественных Записок», а с 90-х г.г. редактировал «Русское Богатство», на страницах которого с самого начала 90-х г.г. и до смерти в 1904 г. вел ожесточенную полемику с марксистами. Эс-эры считают Михайловского одним из основоположников их партии. Его полемические статьи против марксистов собраны в 2 томах под заголовком: «Литературные воспоминания и современная смута», а также вошли в VII том Собр соч. Н. Михайловского, СПБ. 1909 г.

[9]) Статья Н. К. Михайловского в № 10 «Русского Богатства» за 1893 г.—«Литература и жизнь». Перепечатана в Полном собр. сочин., т. VII, стр. 647—684 под заглавием: «О народничестве г-на В. В.». Эта статья Н. Михайловского немедленно по напечатании вызвала ряд откликов со стороны марксистов в виде

писем к автору статьи. Часть этих писем напечатана ныне в № 23 «Былого» за 1924 г.

[10]) *С. Кривенко*—публицист народнического направления, сотрудник «Отечественных Записок», «Русского Богатства», народнического «Нового Слова» и др. Одним из первых выступил против русских марксистов и подвергся жестокой критике сначала В. И. Ленина (см. дальше—III выпуск «Друзей народа»), а затем был осмеян Г. В. Плехановым («К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»). Собрание сочинений его вышло в 1911 году. Его статья «По поводу культурных одиночек» напечатана в «Русском Богатстве» № 12 за 1893 г.

[11]) Перепечатано в VII томе Полного собр. сочин. Н. К. Михайловского, стр. 715—758 и 758—780.

[12]) *С. Южаков* — публицист народнического направления с оттенком славянофильства и национализма. Сотрудничал в «Отечественных Записках», был одним из редакторов «Русского Богатства». Разбору его взглядов Вл. Ильич посвятил II (неразысканный) выпуск «Друзей народа» и статью «Перлы народнического прожектерства» (см. II том Собр. соч.). Его статья «Вопросы экономического развития России» напечатана в «Русском Богатстве» №№ 10 и 12 за 1893 г.

[13]) *Ю. Жуковский*—экономист и юрист, писал в «Современнике», «Вестнике Европы», редактировал журнал «Космос» (1869—1870), издал книги: «Политические и общественные теории в XIX в.» (1866), «Прудон и Луи Блан» (1867), «История политической литературы XIX в.» (1871) и др. В сентябрьском номере «Вестника Европы» за 1877 г. поместил злобствующую статью: «Карл Маркс и его книга о Капитале», где пытался опровергнуть положения Маркса. Статья вызвала ответ Н. Михайловского («К. Маркс перед судом Ю. Жуковского» в «Отеч. Записках», октябрь 1877 г.) и И. Зибера («Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского» в «Отеч. Зап.», ноябрь 1877 г.).

[14]) *Г. Спенсер* (1820—1903) — английский буржуазный философ и социолог, в своих сочинениях (главные: «Система синтетической философии», «Основания социологии») давший обоснование эволюционной точке зрения в философии и социологии, пытавшийся перенести на явления общественного порядка законы развития организмов. Был противником социализма, считая его величайшим несчастьем, какое когда-либо знал мир. Воззрения Спенсера пользовались широким распространением в России во второй половине XIX века. Спорам с теориями Спенсера Н. К. Михайловский посвятил ряд работ: «Что такое прогресс», «Что такое счастье», «Записки профана» (I и III тома Полн. собр. соч.).

[15]) Приводимая дальше цитата взята из предисловия «К критике политической экономии» К. Маркса.

[16]) «*Contrat Social*» — «Общественный договор» Ж.-Ж. Руссо, изданный в 1762 г. и сожженный женевским правительством. Основная мысль «Contrat Social»: в основе общества-государства лежит *договор*, создаваемый членами общества для гарантии взаимной свободы.

[17]) *Прудон* (1809—1865) — идеолог мелкой буржуазии, один из теоретиков анархизма. Видя причину всех зол капиталистического общества в современной форме обмена, он, в целях реорганизации этого общества, выдвигает не план коллективной организации производства, а утопическую систему, строящую

общество на началах мутуализма (взаимности) путем организации дарового кредита и меновых банков и увековечивающий мелкую частную собственность. «Нищета философии» К. Маркса посвящена разбору взглядов Прудона.

[18]) *П. Кареев*—историк и публицист, один из представителей субъективной школы социологов, в вопросах философии истории примыкавший к П. Л. Лаврову. Посвятил полемике против марксистов длинный ряд статей, своим эклектизмом вызывавших насмешки со стороны последних.

[19]) *Письмо К. Маркса о П. Михайловском* написано было К. Марксом в редакцию «Отечественных Записок» в конце 1877 г. в связи со статьей Н. Михайловского: «К. Маркс перед судом г. Ю. Жуковского». Оно осталось неотправленным и было найдено в бумагах Маркса уже после его смерти. Напечатано было в № 5 «Вести. Нар. Воли» за 1886 г. и в № 10 «Юрид. Вестника» за 1888 г. Приводим его так, как оно было напечатано в «Ю. В.» (см. «Документы», № 1).

[20]) *Морган* (1818 —1881) — американский этнолог и социолог, посвятивший себя изучению американских индейцев и в своих работах, произведших переворот во взглядах на первобытное общество, приблизившийся, независимо от Маркса и Энгельса, к методу диалектического материализма. Главный труд Моргана: «Первобытное общество» (1877; русский перевод вышел в 1900 г.) лег в основу известной книги Ф. Энгельса: «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

[21]) *В. Буренин* — реакционный публицист, в своих фельетонах в «Новом Времени» не брезговавший никакими методами борьбы с противником.

[22]) «*Новое Время*» — издававшаяся с 1876 г. в Петербурге под руководством Суворина газета, бывшая органом консервативно-дворянских и бюрократических кругов, преследовавшая всякое проявление оппозиционного, а тем паче революционного движения.

В № 6433 «Нов. Времени» от 4 февраля 1894 г. В. Буренин поместил фельетон («Критические заметки»), направленный против Н. Михайловского, но хваливший последнего за его полемику с марксистами.

[23]) *Г. Р. Мейер* (1839—1899)—один из немецких так наз. «социал-консервативных» экономистов, последователь Родбертуса. Издал его сочинения и ряд собственных работ: «Борьба четвертого сословия за свое освобождение», «Аграрное движение», «Капитализм конца века» и др.

[24]) *Руге* (1802—1880) — немецкий радикал, в 40-х годах издававший вместе с Марксом «Немецко-французский ежегодник». В революцию 1848 г. — член франкфуртского парламента, где занимает место на крайней левой. В период последовавшей затем реакции пытается для борьбы против нее организовать в Лондоне вместе с Мадзини и Ледрю-Ролленом международную ассоциацию радикальных демократов. По возвращении в Германию переметывается на сторону реакционного юнкерства и заявляет себя сторонником политики Бисмарка.

[25]) Цитата взята из письма Маркса к Руге в 1843 г.— см. «Литературное наследство К. Маркса», М. 1907 г., том I, стр. 338.

[26]) *Гальвани* (1737—1798) — итальянский анатом и физиолог, открывший явление гальванизма, сыгравшего колоссальную роль в науке об электричестве.

[27]) *Гегель* (1770—1831) — виднейший из представителей немецкой идеалистической философии, имевший огромное влияние на германскую, а также

и на русскую (Белинский) интеллигенцию. Маркс взял у Гегеля его диалектический метод, «поставив его на ноги», т.-е. преобразовав в материалистическом направлении.

Гегелю принадлежит введение трехчленной формулы развития каждого понятия *(триады): тезис*—первоначальное состояние равновесия, *антитезис*—нарушение равновесия и *синтез*—восстановление равновесия на новой основе.

[28]) *Дюринг* (1833—1902) — немецкий экономист и философ, ярый противник Маркса и социализма, пытавшийся дать свою собственную «социалитарную теорию», в экономических работах повторявший американского экономиста Кэри. Резкую критику взглядов Дюринга дали Маркс и Энгельс в книге: «Переворот в науке, произведенный г-ном Е. Дюрингом» («Анти-Дюринг»). В России большим почитателем Дюринга был И. К. Михайловский.

[29]) *«Вестник Европы»* — основанный в 1866 г. М. Стасюлевичем ежемесячный журнал, отражавший взгляды либерально-буржуазной части русского общества, главной задачей для России считавший политические реформы в либеральном духе. В 90-х годах вел борьбу с русскими марксистами, главным образом в статьях одного из своих сотрудников — Л. Слонимского.

[30]) Автор заметки — профессор петербургского университета *И. И. Кауфман*. Заметка была помещена за подписью *И. К.* и оценена Марксом как одно из лучших изложений его метода — см. стр. XLV—XLVII I тома «Капитала», русск. издание 1923 г., под ред. И. Степанова.

[31]) *«Отечественные Записки»* — основаны в 1818 году П. П. Свиньиным, в 1838 г. перешли к Краевскому, который привлек к участию в них Белинского. С 1868 г. становятся органом народничества под руководством Некрасова, Михайловского и Салтыкова-Щедрина и оказывают громадное влияние на революционную русскую интеллигенцию. В 1884 году закрыты правительством.

[32]) *Посторонний* — псевдоним И. К. Михайловского. Цитируемая Вл. Ильичем статья перепечатана в Полном собр. соч. Н. К. Михайловского, т. V, стр. 786

[33]) Речь идет о статьях Н. К. Михайловского: «По поводу русского издания книги К. Маркса» («Отечеств. Записки», апрель 1872 г.; перепечатано в Полном собр. сочин., т. X, стр. 1—12) и «К. Маркс перед судом г. Ю. Жуковского» «От. Зап.», окт. 1877 г.; перепечатано в Полном собр. соч., т. IV, стр. 165—205).

[34]) *«Русская Мысль»* — ежемесячный журнал, выходивший с 1880 года. По закрытии в 1884 г. «Отеч. Записок» и до перехода в 1892 г. к Н. Михайловскому «Русского Богатства» давал место на своих страницах статьям Н. Михайловского и всей группы «Отеч. Записок». В споре с народниками и марксистами в 90-х годах «Русская Мысль», — оставаясь органом либерально-народнической интеллигенции, — пыталась сохранить нейтралитет и объективность суждений и даже дала место на своих страницах письму Г. В. Плеханова для разъяснения позиции марксистов («Несколько слов в защиту экономического материализма» (открытое письмо В. А. Гольцеву) за подписью С. Ушаков в № 9 за 1896 г.) и ответу П. Струве его критику Л. Оболенскому («Несколько слов по поводу статьи г. Оболенского: «Новый раскол в интеллигенции» — в № 2 за 1896 г.). Позже, после революции 1905 г., «Русская Мысль» явилась прибежищем перепуганной либеральной интеллигенции, ударившейся в национализм и мистицизм, которую принял под свое крыло новый редактор журнала,

бывший марксист П. Струве, продолжающий издавать ее и сейчас в Праге, объединяя в ней правых кадетов с монархистами.

[35]) Статья Н. К. Михайловского: «Литература и жизнь» в № 6 «Русской Мысли» за 1892 г.; перепечатана в Полном собр. сочин., т. VII, стр. 297—339.

[36]) Социалистов-революционеров, как партии, в 1894 г. еще не существовало. Здесь это выражение применено в смысле общего обозначения всех революционных социалистов, включая и социал-демократов.

[37]) *А. И. Скворцов* — экономист, профессор Ново-Александрийского института сельского хозяйства. Главные из его трудов: «Влияние парового транспорта на сельское хозяйство» (1890), «Прибыль и рента» в №№ 1—4 «Юрид. Вест.» за 1890 г., «Основания политической экономии» (1898), «Экономические основы земледелия» (1900) и др. Являясь чисто буржуазным экономистом, Скворцов однако же многими считался марксистом и увлечение им, напр., Струве доходило до того, что последний считал работы Скворцова «образцом строго научного развития некоторых основных положений экономической теории Маркса», представляющим «unicum не только в русской, но и вообще во всей экономической литературе». Должную отповедь такому увлечению Вл. Ильич дал в своей статье: «Экономическое обоснование народничества и критика его в книге г. Струве» (см. II том Собр. сочин., стр. 130 и др.).

[38]) *«От издателей»* — послесловие к первому изданию первого выпуска «Что такое друзья народа» (апрель или май 1894 г.).

Упоминаемые в тексте «готовящиеся 2-й и 3-й издания» — очевидно, 2-й и 3-й *выпуски*.

[39]) *«К предлагаемому изданию»* — послесловие ко второму изданию первого выпуска (тетрадь в четвертую долю листа в 82 стр., гектографированная, шрифт пишущей машинки иной, чем у 1-го издания). Помечен июлем 1894 г. Подлинный экземпляр в Ленинградском Истор.-Револ. Архиве.

[40]) *С. Харизоменов* — земский статистик, давший ряд работ по обследованию кустарных промыслов Владимирской губернии, по подворному обследованию Таврич. губ., руководивший земско-статистическими исследованиями Саратовской, Тульской и Тверской губерний. Помещал также статьи экономического содержания в «Р. Мысли» и «Юр. Вестнике». Вл. Ильич часто пользовался данными С. Харизоменова в своем «Развитии капитализма в России» (см. III том Собр. соч.). В 70-х г.г. принимал участие в обществе «Земля и Воля».

[41]) *«Юридический Вестник»* — ежемесячный журнал, выходивший в Москве с 1867 г. по 1892 г. Редакторами его были С. А. Муромцев (впоследствии председатель I Госуд. Думы) и М. М. Ковалевский. В заведывании политико-экономическим отделом журнала участвовал также И. Зибер (прим. 44). Журнал давал иногда место статьям марксистского направления; так, напр., в нем были опубликованы исследования П. И. Скворцова.

[42]) *Н. Ф. Анненский* — публицист и статистик, образцово поставивший статистические бюро Казанского и Нижегородского земств, позже заведывавший статистическим отделом петербургской городской управы. Принадлежал к народникам, сотрудничал в «Отеч. Записках», был одним из редакторов «Рус. Богатства», позже—один из организаторов народно-социалистической партии.

[43]) *А. А. Исаев* — «Промыслы Московской губ.», М. 1876—1877, т. I и II.

[44]) *Н. И. Зибер* (1844 — 1888) — профессор киевского университета, один из первых в России популяризаторов и пропагандистов марксизма. Правда, его марксизм был в значительной степени односторонним, революционно-критическая сторона этого учения осталась ему чужда, в своих воззрениях он был эволюционистом и по некоторым вопросам приближался к взглядам русских народников, тем не менее до появления сочинений Бельтова (Плеханова), Ленина и др. его сочинения сыграли громадную роль в деле распространения идей марксизма в русской литературе, а также в проникновении их на университетскую кафедру. Главнейшие из них: «Д. Рикардо и К. Маркс в их общественно-экономических исследованиях» (1885), «Экономическая теория К. Маркса» (в «Знании» 1876—1877 г.г. и «Слове» 1878 г.), «Очерки первобытной культуры» (1883), а также полемика о Марксе с Б. Чичериным, Ю. Жуковским и др. (см. его Собрание сочинений в 2-х томах). Вл. Ильич был знаком с работами Н. Зибера еще в 1892—1893 г.г., что видно из его замечания в статье о Постникове (см. стр. 54). Биографию Зибера см. Л.Клейнборт, «Н. И. Зибер». Изд. «Колос», Ленинград 1924 г.

[45]) *Ф. Щербина* — статистик Воронежского земства, давший ряд работ о русском крестьянском хозяйстве, идеализировавших «народное производство» и общину («Сольвычегодская земельная община» в «Отечеств. Зап.» за 1874 г.; «Земельная община в Днепровском уезде» в «Русск. Мысли» за 1880 г.; «Крестьянские бюджеты» (1900); «История Воронежского земства» (1891); «Сборник статистических сведений по Воронежской губ.» (1887) и др.).

[46]) *И. А. Гурвич* — один из первых русских марксистов (см. его воспоминания о марксистском кружке 1885—1887 г.г. в Минске — «Былое» № 6 за 1907 г.). Эмигрировал в Америку, где занимал профессорскую кафедру, которой был лишен за свои взгляды. Главные его работы: «Переселение крестьян в Сибирь» (М. 1889) и «The economics of the russian village» (Нью-Йорк 1892). Последняя под названием: «Экономическое положение русской деревни» вышла в 1896 г. в переводе А. Санина с приложением статьи последнего: «Несколько замечаний по поводу теории народного производства». Книга И. Гурвича вызвала ряд как сочувственных, так и враждебных отзывов (см., напр., «Р. Мысль» № 12 за 1896 г.; статью М. Плотникова: «Поучение из-за океана» в «Нижегор. Листке» и др.), на которые А. Санин ответил большой статьей в № 269—270 «Самарского Вестника» за 1896 г. Вл. Ильич крайне высоко ценил обе работы И. Гурвича (см. его отзывы о них в «Развитии капитализма в России», III том Собр. сочин., стр. 137) и поддерживал переписку с ним. И. А. Гурвич до сего времени продолжает жить в Америке.

[47]) *Кн. Васильчиков* — публицист и общественный деятель, писавший по вопросам местного самоуправления, мелкого земельного кредита, сельского хозяйства и землевладения. В своих сочинениях стоял за сохранение «векового хода нашего общественного построения», т.-е. общинного землевладения, хотя и видел в нем препятствие к улучшению земледельческой культуры. Главное сочинение — «Землевладение и земледелие в России» (1876 г.).

[48]) *В. Орлов*—статистик московского губернского земства, данными работ которого пользовался Г. В. Плеханов в «Наших разногласиях» и В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России». Главная из них: «Крестьянское хозяйство» в «Сб. стат. свед. по Моск. губ.», т. IV, вып. 1. В. Орлов составил также «Указатель фабрик и заводов».

[49]) *И. Каблуков*—экономист и статистик, профессор московского университета и заведывающий статистическим отделом московского земства, проведший ряд образцово разработанных обследований хозяйственной жизни Московской губернии. В главных своих трудах: «Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве» и «Об условиях развития крестьянского хозяйства в России» пытался доказать преимущественность мелкой хозяйственной единицы в земледелии. Критику его взглядов Вл. Ил. дает в «Развитии капитализма в России» (стр. 160—162 и др.).

[50]) Автор статьи — *Г. З. Елисеев*, один из руководителей «Современника» и «Отечественных Записок».

[51]) *Марло*—псевдоним немецкого экономиста *К. Винкельблеха* (1810—1865). Умеренный социалист, защитник мелко-буржуазных интересов, в своем главном сочинении—«Исследование об организации труда или система мировой экономии» (1850) дает план социальной реформы в духе Фурье и Луи Блана.

[52]) Заметка перепечатана в Полном собр. сочин. Н. К. Михайловского, т. X., стр. 1—12.

[53]) *Баранов*—нижегородский, *Косич*—саратовский губернаторы.

[54]) «*Неделя*»—главный орган консервативного народничества, проповедник теории «малых дел» и т. п., выходивший под редакцией П. Гайдебурова. Уделял также место полемике с марксистами (В. В. поместил здесь в №№ 47—49 за 1894 г. свою статью «Немецкий социал-демократизм и русский буржуазизм», направленную против Струве).

[55]) Речь идет о вышедшей в 1893 г. книге В. В.: «Наши направления»

[56]) Ответ Н. Михайловского В. В. был помещен в № 10 «Русского Богатства» за 1893 г. Перепечатан в Полном собрании сочинений, т. VII, стр. 647—684 под заглавием: «О народничестве В. В.».

[57]) *П. Б. Струве*—в 90-х годах с.-д., один из авторов и редактор «Манифеста Р. С.-Д. Р. П.», выпущенного по постановлению 1-го съезда партии; участник Международного Социалистического Конгресса в Лондоне в 1896 г. Наиболее видный представитель «легального марксизма» 90-х г.г. Уже в своих первых работах, стоя еще под знаменем марксизма, под видом «критической проверки» Маркса подменил революционные идеи марксизма идеями о сотрудничестве классов, мировой эволюции социализма и т. д. Участник легальных марксистских органов («Новое Слово», «Начало», «Жизнь», «Научное Обозрение»). Резкую критику его идей Вл. Ильич дал в одной из своих первых работ: «Экономическое обоснование народничества и критика его в книге г. Струве» (см. II том Собр. сочинений). В начале 900-х г.г. Струве порывает с марксизмом и переходит в лагерь либералов, становясь во главе организации земцев-конституционалистов — «Союза Освобождения» (1904 — 1905) и редактируя орган этого «Союза» — «Освобождение» (Штутгарт). С образованием к.-д. (конституционно-демократической) партии — член ее Ц. К. После поражения революции 1905 г. становится лидером самого правого крыла либералов, скатываясь к черносотенному национализму. В 1909 г. участник реакционно-мистического сборника «Вехи». Во время гражданской войны принимал участие в правительстве Деникина, а затем был министром у Врангеля. В настоящее время редактирует в Праге журнал «Русская Мысль», объединяя в нем правых кадетов с монархистами.

[58]) *П. — он* — псевдоним *Н. Ф. Даниельсона*, писателя-экономиста 80—90-х годов. Один из наиболее ярких представителей народничества. В 1893 г. издал книгу: «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», которая вместе с работами В. В. служила главным *экономическим* обоснованием народничества. Разбор именно этой книги П. Струве в № 1 «Sozialpolitisches Centralblatt» за 1893 г. положил начало полемике между марксистами и народниками в легальной русской печати, в какой большое участие принял Н.—он. Книга П. Даниельсона неоднократно разбиралась В. И. Лениным (в частности см. его «Развитие капитализма в России» — Собр. сочинений, том III). Н.—он был первым в России переводчиком «Капитала» Маркса. Перевод этот вызвал оживленную переписку между П.—оном и Марксом и Энгельсом (см. «Письма К. Маркса и Ф. Энгельса к П.—ону». Перев. Г. Лопатина, СПБ. 1908 г.).

[59]) «Sozialpolitisches Centralblatt» (Центральный социально-политический листок) — орган правого крыла немецкой с.-д-тии. В № 1 этого издания за 1893 г., вышедшем 2 октября (17 сентября ст. ст.) помещена статья П. Струве: «К вопросу о капиталистическом развитии России». Эта статья Струве вызвала отклики Ник.—она (статья «Нечто об условиях нашего хозяйственного развития» в № 6 «Русского Богатства» за 1894 г.), В. В. («Немецкий социал-демократизм и русский буржуазизм» в №№ 47—49 «Недели» за 1894 г.) и С. Кривенко (заметка в № 10 «Русского Богатства» за 1894 г.).

[60]) *А. Энгельгардт* — народнический публицист, в 70-х годах прошлого столетия задавшийся целью поставить собственное рациональное сельское хозяйство. Опыт этот совпал со стремлением тогдашней интеллигенции «итти в народ», что создало из имения Энгельгардта место многочисленных паломничеств. Но в противность своим народническим теориям Энгельгардту пришлось для рациональной постановки своего хозяйства прибегнуть к батраческому способу его ведения. Об этом хозяйстве см. подробно у В. И. Ленина в «Развитии капитализма в России» (III том Собр. сочин.). В «Отечествени. Записках» Энгельгардт поместил ряд своих писем «Из деревни» с изложением своих взглядов, вышедших отдельной книгой в 1882 г. Вл. Ильич очень ценил эту книгу и посвятил ей несколько страниц в своей статье «Экономическое содержание народничества» (см. II том Собр. соч.). Из других его работ см.: «Вопросы русского сельского хозяйства», «История моего хозяйства».

[61]) «*Социал-Демократ*»—литературно-политическое обозрение, выходившее за границей в 1890 — 1892 г.г. Вышло всего четыре книги. Главное участие в нем принимали Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич.

Цитаты взяты Вл. Ильичем из статьи Плеханова — «П. Г. Чернышевский» в № 1 «С.-Д.», стр. 138 — 139. Цитируемые Плехановым места см. в Полном собран. сочин. Н. Г. Чернышевского, т. X, ч. 1, стр. 163 — 164.

[62]) *Вильгельм Либкнехт* (1826—1900) — один из вождей германской социал-демократии, отец Карла Либкнехта. Был близок с Марксом и Энгельсом. Подвергался ряду репрессий в эпоху исключительных законов против социалистов. Стоял на революционном крыле партии, борясь против соглашательских тенденций правого крыла ее (Фольмар и др.). Был редактором центр. органа партии «Vorwärts» (Вперед).

[63]) Статья Ник. — она: «Нечто об условиях нашего хозяйственного развития» в №№ 4 и 6 «Р. Бог.» за 1894 год.

[44]) *В. В.* — псевдоним *В. П. Воронцова*, одного из главных теоретиков народничества 80 — 90-х годов. Главные сочинения: «Судьбы капитализма в России» (1883), «Наши направления» (1893), «Очерки теоретической экономии» (1895). Сотрудничал во всех руководящих органах народничества — от Лавровского «Вперед» (в 70-х г.г.) до «Русского Богатства» Михайловского, с которым в начале 90-х г.г. разошелся. Решительно выступал против марксистов и был объектом критических статей чуть ли не всех первых марксистов в России. Систематическую критику взглядов В. В. дал Г. В. Плеханов в своем сочинении: «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова».

Вл. Ил. также уделял много внимания критике взглядов В. В. Так, по свидетельству т. Григорьева, одной из первых работ Вл. Ил., написанной им в самарский период его жизни, был реферат под заглавием: «Обоснование народничества в трудах г. В. В.». См. также различные места из его экономических статей 90-х г.г. во II томе Собр. сочинений.

Вл. Ильичу пришлось также однажды принять участие в диспуте с В. В., о котором сестра Вл. Ил. — А. И. Елизарова рассказывает следующее («Прол. Революция» № 2 (14)):

«... На рождественские праздники 1893—4 года Владимир Ильич приезжал к нам, в Москву. И тут имел место очень интересный диспут его с народниками. Вот что рассказывает о нем в своих рукописных воспоминаниях тов. Голубева-Иепева:

«Я хочу описать маленький эпизод богатой не только фактами, но и историческими событиями жизни Владимира Ильича — это одно из первых его публичных выступлений на довольно большом по тому времени нелегальном собрании. Владимира Ильича я знаю давно; в 1890 г., когда я познакомилась с ним, он был совсем еще молодым человеком, изучавшим Маркса и вообще страшно много работавшим над собой; меня, помню, страшно изумляла его необычайная работоспособность. По уже и тогда, в молодые годы, это был вылитый из стали Владимир Ильич с готовым, продуманным, остроумным и метким ответом на устах.

«Жили мы тогда в Самаре. Поволжье переживало голод (91 г.), давший как бы толчок всему оппозиционно настроенному; преобладали, конечно, народнические течения, а у Владимира Ильича была уже своя определенная точка зрения, своя определенная линия поведения. Заходили вопросы о голоде, о помощи голодающим, об участии нас, революционеров, в рабочих общественных столовых, у Владимира Ильича на все был *свой*, выгодно отличавшийся своей определенностью и революционной (это мое тогдашнее определение) выдержанностью ответ.

«Но вернусь к описываемому эпизоду. Было это зимой 1893—94 года. Я тогда была выслана под гласный надзор в Тверь. Но, пользуясь близостью, часто удирала и приезжала в Москву, где заводила порванные связи. Москва после голодного 91—92 г.г. несколько оживилась, появилось много разных кружков и организаций: народовольцы, народоправцы, культурники и т. п. Пора проповеди маленьких дел еще не прошла. Я вела сношения по преимуществу с группой так называемых народовольцев, и вот в один из моих приездов в Москву один из этих народовольцев дал мне билет на нелегальную вечеринку, очень, мол, «конспиративно» обставленную, где мы соберемся поговорить без замка на устах и обсудим общую линию поведения. «Так как вечеринка предполагает

собрать по возможности всех идущих врозь, но бьющих вместе, то, может быть, вы приведете с собой еще кого-нибудь, но только интересного». Я подумала, взяла еще билет и отнесла его Владимиру Ильичу. В те времена я была еще выдержанной якобинкой, сравнительно редко видала за этот период Владимира Ильича, но то, что он говорил, так долбило мозг, что мне казалось, что именно он скажет новое слово, укажет новый путь для выхода из того разброда, который царил тогда. Вот почему именно ему, а не кому-нибудь другому я понесла билет на эту вечеринку. Владимир Ильич согласился не сразу, но все-таки мы отправились» (М. Голубева).

«Вечеринка эта имела место в «Гиршах» (дом Гирша где-то на Бронных, кишевший тогда студентами). Квартира из трех, помнится, комнат была набита народом. Преобладало студенчество, но и интеллигентные круги Москвы были сильно представлены. Помню там между прочим Муринова, квартира которого являлась тогда некоторым образом центром передовой интеллигенции того времени. У жены его был книжный склад и издательство, ставившее себе целью издание популярной литературы для народа.

«Обставлялась эта вечеринка с той «конспирацией», которая была свойственна тогдашним собраниям такого полулегального типа. Решено было устроить ее «только для избранных», приглашения передавались шепотком, где-нибудь в углу. Так у нас в квартире товарищем Голубевой был передан накануне адрес брату — Влад. Ильичу, а мы с мужем получили этот же адрес на другой день из другого источника *). Мы думали, таким образом, что идем на разные вечеринки, но оказалось, что встретились в тех же гостеприимных «Гиршах», где «избранных» оказалась непротолченая труба. Конспирация была такова, что оказалось два входа в дом или две квартиры под одним номером, — не помню точно,— и многие тыкались сперва неправильно, а потом описательно добивались нужного. Если принять во внимание, что это были меблированные комнаты-квартиры для студенчества, — в то время самого революционного элемента,— поэтому дежурный пост для всех шпиков, то надо признать, что менее конспиративно устроить вечеринку вряд ли было возможно. Но как быть?! Более солидная публика была в то время слишком осторожна, чтобы давать свою квартиру под большие собрания. Неустрашимой являлась, как всегда и всюду, молодежь, ищущая путей, вырабатывающая свои взгляды и не останавливающаяся для этого, самого насущного для нее дела, ни перед чем.

«Тов. Голубева говорит, что был прочитан какой-то реферат, за который она обругала устроителей вечеринки: «Стоило, мол, собирать так конспиративно публику, чтобы слушать доклады об аптечках и библиотечках!». Я реферата не помню, — может быть потому, что пришла с опозданием. Помню лишь дебаты, принявшие скоро горячий характер, особенно после того, как одному очень солидному народнику, невысокого роста, плотному, с лысиной блондину, к которому молодежь обращалась очень почтительно и который сидел в некотором роде «в красном углу», стал возражать Владимир Ильич.

«Помню, что брат, тогда 23-летний юноша, стоял с толпой молодежи в дверях в другую комнату и сначала произнес несколько смелых иронических Zwischenruf'ов, заставивших всех — большинство очень неодобрительно — повернуть головы в его сторону, а затем взял слово.

---

*) От студента-народовольца Кибардина.

«Смело и решительно, со всем пылом молодости и силой убеждения, но также вооруженный и знаниями, он стал разбивать доктрину народников, не оставляя в ней камня на камне. И враждебное отношение к такой «мальчишеской дерзости» стало сменяться постепенно если не менее враждебным, то уже более уважительным отношением. Большинство стало смотреть на него, как на серьезного противника. Марксистское меньшинство ликовало, — особенно после второго, в ответ солидному народнику, слова Владимира Ильича. Снисходительное отношение, научные возражения более старшего собеседника не смутили брата. Он стал подкреплять свои мнения также научными доказательствами, статистическими цифрами и с еще большим сарказмом и силой обрушился на своего противника. Все собеседование обратилось в турнир между этими двумя представителями «отцов и детей». С огромным интересом следили за ним все, особенно молодежь. Народник стал сбавлять тон, цедить слова более вяло и, наконец, стушевался.

«Марксистская часть молодежи торжествовала победу.

«Рассказывает об этом «разговорном собрании» и Чернов в своих «Записках социалиста-революционера» на стр. 182.

«Впервые знакомство (с народоправцами. *А. Е.*) состоялось на одном из «разговорных собраний», гвоздем которого были иногородние гости. Один из них, несколько пасмурный и рыжебородый, был мне заочно хорошо известен по литературе: то был Вас. Павл. Воронцов (В. В.). На другого мне таинственно указал кто-то: «Обратите внимание вот на того, молодого, с лысинкой: это очень-очень интересный человек, он среди питерских марксистов — большая шишка; его брат тоже был крупной величины, он повешен по народовольческому делу». Это был Владимир Ульянов (Ленин). Он показался мне очень невзрачным; его картавящий голос, однако, звучал уверенностью и чувством превосходства. Он тогда еще не злоупотреблял «ругательностью» и производил приемами спора, в общем, весьма благоприятное впечатление. На него с большим азартом налетал В. П. Воронцов, приставая к нему, что называется, как с ножом к горлу: «Ваши положения бездоказательны, ваши утверждения голословны. Покажите нам, что у вас есть право вам утверждать подобные вещи; предъявите нам ваш анализ цифр и фактов действительности. Я имею право на свои утверждения, я его заработал: за меня говорят мои книги. Вот, с другой стороны, свой анализ дал Николай — он (в то время только что появились его «Очерки»). А где ваш анализ? Где ваши труды? Их нет!». Этот способ аргументации на нас не производил впечатления; что всякое молодое направление не может сразу предъявить фундаментальных трудов, — было нам понятно и в наших глазах не могло его дискредитировать. В. П. Воронцов, казалось нам, злоупотребляет случайными выгодами такой несущественной вещи, как историческое первородство его направления. Ульянов «огрызался» очень успешно, деловито, слегка насмешливо и хладнокровно. Их стычка, впрочем, выродилась быстро в беспорядочный диалог; его пришлось прервать, так как он все более принимал личный характер и терял интерес для собравшихся».

«Чернов говорит затем о выступлении «заики» Катаева, — «путаной головы», по его определению; о том, что вытолкнули «поправлять дело» его, Чернова, о разговоре после заседания с Тютчевым, который одобрил его выступление и стал зазывать в народовольческую организацию. Одним словом, Виктор Чернов сосредоточивает, конечно, внимание на выступлениях народоволь-

цев, в которых он не видит беспорядочности, и быстро утомляется возражениями соц.-дем., хотя и деловитыми. Для него центр интереса вечера состоял в выступлениях соц.-рев. и народовольцев и, понятно, им он посвящает наибольшее внимание. Мы же все — и тов. Голубева — ушли после окончания дебатов с В. В.,—как мне смутно припоминается,—как раз во время путаной речи Катаева.

«— С кем это я спорил? — спросил, по словам тов. Голубевой, Владимир Ильич, с которой он вышел в переднюю.

«— Да с В. В. (Воронцов, известный писатель-народник)

«Он страшно рассердился.

«— Что же вы мне не сказали раньше? Если бы я знал, что это В. В., я бы и спорить с ним не стал, — сказал Владимир Ильич.

«Я поняла эти его слова в том смысле, что он считал спор с В. В. бесполезным, — все равно, мол, его не переубедишь, — и потому стала оспаривать целесообразность такого спора и доказывать, какое большое значение он имел для слушателей. И, действительно, впечатление, произведенное речами Владимира Ильича, было громадное, о нем говорили, как о новой звезде, появившейся на горизонте, — одни с удовольствием и удовлетворением, другие с завистью и оглядкой, — что, мол, из этого будет» (М. Голубева).

«Я помню тоже, что диспут этот с живостью обсуждался и комментировался в кружках молодежи, многих из которой Владимир Ильич переубедил и убедил и толкнул на путь изучения Маркса. Марксисты заметно подняли головы, а имя «петербуржца», разделавшего так основательно В. В., было одно время у всех на устах».

[65]) Имеется в виду работа Ник.—она: «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства»—СПБ. 1893 г.

[66]) Автор «Насущного вопроса» — А. Богданович, близко стоявший к Партии Народного Права, позже известный критик «Мира Божьего».

[67]) *Партия Народного Права* — партия мелко-буржуазной интеллигенции, «третьего элемента», основателями которой в 1893 г. были М. А. Натансон, Аптекман, Тютчев, Гедеоновский, Мацневич и др. Близко стояли к ней и морально ее поддерживали П. К. Михайловский, Вл. Короленко и А. Богданович. Народоправцы отказывались на время от пропаганды классовой борьбы и социализма и своей задачей, «насущным вопросом» своего времени считали безоговорочное объединение всех оппозиционных и революционных сил для борьбы с самодержавием во имя единственно политической свободы. Партия успела издать свой «Манифест», брошюру «Насущный вопрос» и была разгромлена правительством в апреле 1894 года. Критику народоправчества Вл. Ильич дает в своей брошюре: «Задачи русских социал-демократов» (см. стр. 357 настоящего тома и предисловие ко 2-му изданию ее на стр. 439).

[68]) *Пайдеповы*, *Морозовы*, *Кази*, *Беловы* — крупные промышленники того времени.

[69]) Брошюра *«Объяснение законов о штрафах»* впервые была издана нелегально в типографии «группы молодых народовольцев» (см. прим. 85) в конце декабря 1895 г. Подтверждением этому могут служить следующие данные: во-первых, письмо Вл. Ильича в «Работник» (см. стр. 463), написанное *не раньше средины ноября 1895 г.*, говорит, между прочим, что народовольческая типография «берет одну нашу вещь» — т.-е. эту брошюру; во-вторых, из данных

обыска у Щеглова (см. «Доклад» департамента полиции о «Союзе борьбы», стр. 557) видно, что уже *9 февраля 1896 г.* была обнаружена целая пачка этих брошюр. В № 1—2 «Работника», однако, прямо указывается (стр. 99), что «О штрафах» издана в 1895 г. Написана она, таким образом, очевидно, в октябре-ноябре 1895 г.

Небольшая брошюра в розовой обложке имела для отвода глаз полиции вымышленные отметки: «Издание книжного магазина А. Е. Васильева», «Херсон, типография К. Н. Субботина, Екатерининская ул., дом Никитина. 1895 г.», «Продается во всех книжных магазинах Москвы и С.-Петербурга», «Дозволено цензурою, Херсон 14 ноября 1895 г.». Экземпляр этого издания брошюры имеется в настоящее время в библиотеке Социалистической Академии. Второй раз брошюра была издана в 1897 г. в Женеве в типографии «Союза русских социал-демократов».

[70]) Из дальнейшего видно, что Вл. Ильич изучал рабочее движение 80-х годов и, в частности, Морозовскую стачку по старым газетам того времени. — Теперь можно ознакомиться с этой стачкой по книге: «Морозовская стачка 7—13 января 1885 г.» под редакцией и с предисловием Д. Рязанова, изд. «Моск. Рабочий», 1923 г., а также по статье организатора этой стачки — П. Моиссенко в № 1 (24) «Пролет. Революции».

[71]) Цитируемая дальше Вл. Ильичем статья из «Московских Ведомостей» помещена в № 146 за 1886 г. Она принадлежит перу М. Каткова и перепечатана в его книге: «Собрание передовых статей «Московских Ведомостей» 1886 года», Москва 1898. Перепечатываем ее полностью (см. «Документы», № 2).

[72]) Статья *Я. Т. Михайловского* — «Заработная плата и продолжительность рабочего времени на фабриках и заводах» в книге: «Фабрично-заводская промышленность и торговля России». Изд. Деп. Торговли и Мануфактур Министерства Финансов к Всемирной Колумбовой Выставке 1893 г. в Чикаго. СПБ. 1893 г.

[73]) «*О чем думают наши министры*»—одна из статей, которые должны были войти в подготовлявшуюся «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» к печати популярную газету для рабочих—«Рабочее Дело». Л. Мартов пишет об этом следующее («Записки соц.-демократа», стр. 273 и 288):

«...Петербургская «группа народовольцев» предложила нашей организации совместное издание газеты, для которой предлагала свою, так блестяще себя проявившую, нелегальную типографию. Предварительные разговоры выяснили, что народовольцы предлагают посвятить этот общий орган задачам пропаганды социалистической конечной цели, агитации за политическую свободу и за непосредственную борьбу на экономической почве, стало быть, отказывались поднимать в органе вопросы о характере экономического развития России и отношении между крестьянством и пролетариатом и пропагандировать в нем террор. Нам оставалось, со своей стороны, «воздерживаться» от критики этих идейных традиций революционного движения и от выпячивания некоторых воззрений, чтобы сообща вести орган, который понес бы нашу социалистическую и демократическую пропаганду в массы *). Обменявшись мнениями и учтя не-

*) Несколько позже, говоря о необходимости договориться с этой же группой народовольцев, Вл. Ил. говорил: «Раз у них есть типография, то они мно-

сомненно замечавшийся в петроградской группе народовольцев сдвиг со старых народнических и заговорщических позиций, который выразился в вышедшем незадолго № 3 ее «Летучего Листка», мы единодушно решили, что опыт совместного издания надо будет сделать, в надежде, что нам удастся самим говорить, а может быть, и наших контрагентов соблазнить говорить марксистской прозой, не ставя марксистских точек над «i». На следующем нашем собрании уверенность в этой возможности сильно возросла, когда Ульянов, которому поручено было нами договориться о подробностях с представителем народовольцев, доложил нам, что этот представитель (им, очевидно, был Белевский, позднее известный под именем А. Белоруссова, так далеко от социализма и демократизма ушедший за последние годы), ничего не возражая против всех наших предложений, принял порядок, по которому газета редактируется представителями обеих групп, из которых каждый пользуется правом «вето» по отношению к материалу, доставленному другой стороной, и заявил, что первый номер его группа предлагает составить нам целиком, что уже совсем нас растрогало и обрадовало. Кржижановскому, мне и Ульянову организация поручила составить первый номер, и мы взялись за работу.

«...Мы подготовили номер газеты и после тщательного обсуждения представили его нашим товарищам по предприятию—народовольцам. Последние целиком одобрили содержание номера. Он состоял из программной статьи, написанной В. И. Ульяновым и разъяснявшей необходимость образования самостоятельной рабочей партии и борьбы за политическую свободу, как средство достижения социализма. Другие статьи *) излагали историю конфликтов на фабриках Лаферм и Торнтон, давали обзор летнего стачечного движения в Московской и Владимирской губерниях (этот материал доставили нам товарищи-москвичи) и историю всеобщей забастовки в Белостоке, написанную мной. Одна статья посвящена была походу правительства на «Комитеты грамотности», другая—смерти Фр. Энгельса. Газету, по соглашению с народовольцами, мы решили назвать «Рабочим Делом».

Номер должен был быть уже сдан в типографию, когда в ночь с 8 на 9 декабря 1895 г. полиция произвела аресты главнейших руководителей «Союза Борьбы» во главе с Вл. Ильичем, и все рукописи «Рабочего Дела» были взяты у А. А. Ванеева.

Надежды Вл. Ильича на то, что рукописи эти, «может быть, лет через 30 извлечет какая-нибудь «Русская Старина» из архивов департамента полиции»— пока еще не сбылись. Лишь в январе настоящего года удалось найти в деле департамента полиции о «Союзе борьбы» копию статьи «О чем думают наши министры».

За принадлежность статьи Вл. Ильичу говорит, во-первых, то, что сам В. И. в «Что делать?» (см. V том Собр. сочин., стр. 142) дает ее содержание; во-вторых, Л. Мартов, один из редакторов «Рабочего Дела», говорит (см. его примечание

гое могут диктовать нам, и мы на многое должны согласиться» (См. книжку Б. И. Горева: «Из партийного прошлого. Воспоминания 1895—1905 г.г.», ГИЗ, Ленинград 1924 г., стр. 38). *И. Т.*

*) Подробный перечень статей дается в «Докладе» д-та полиции (см. «Документы», № 13, стр. 560—561. Перечень статей, принадлежащих Вл. Ильичу,— в Приложении I, стр. 449) *И. Т.*

к «Докладу» на стр. 562 наст. тома), что статья, «кажется, была написана Вл. Ильичем»; в-третьих, т. Г. М. Кржижановский, третий редактор «Раб. Дела», подтверждает принадлежность статьи Вл. Ильичу.

[74]) *И. Н. Дурново* — министр внутренних дел в 1889 — 1895 г.г.; один из ярых проводников «народной политики» Александра III, введший институт земских начальников.

К. Н. Победоносцев — обер-прокурор синода, фактический глава правительства Александра III и Николая II, сметенный лишь революцией 1905 года. Вдохновитель дворянской реакции 80—90-х г.г., оплот мракобесия и черносотенства, державший страну в цепких лапах полицейщины.

[75]) Письмо Дурново к Победоносцеву перепечатывается нами полностью — см. «Документы», № 3.

[76]) Текст «*Проекта программы*» воспроизведен здесь с буквальной точностью по копии, отбитой на машинке и найденной в бумагах В. И. Ленина периода 1900—1904 г.г. Эта копия представляет ряд явных ошибок. Напр., § 4 отдела Г. копии читается: «Законодательного восстановления прав» — что просто не имеет смысла; между тем сравнение с вновь найденной копией того же «Проекта программы» явно указывает, что в рукописи В. И. Ленина стояло: «Законодательного установления праздничного отдыха». См. прим. 101.

[77]) *Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»* организовался фактически еще зимой 1894—1895 года, но название свое принял лишь в декабре 1895 г., уже после ареста своего основного ядра во главе с В. И. Лениным. «Союз борьбы» ставил своей задачей непосредственную агитацию среди рабочих фабрик и заводов на почве их насущных интересов и требований, заменив этой тактикой господствовавшую до того систему кружковых занятий с наиболее толковыми рабочими. Эта агитация совпала с массовым стачечным движением, вызванным нестерпимыми условиями труда, господствовавшими на фабриках и заводах, и захватившим до 40 тысяч рабочих (летние стачки ткачей в 1896 г.). «Союз борьбы» руководил этим движением, развив необычайную деятельность и завязав на этой почве связи с рабочей массой, которые послужили основой всей дальнейшей работы революционных социал-демократов в Петербурге.

Организационно «Союз борьбы» состоял из руководящей «Центральной организационной группы», состоявшей из вполне определившихся уже социал-демократов, которая руководила всем делом пропаганды и агитации, писала листки и брошюры, вела всю организационную работу и держала связь с другими городами. Она опиралась на «Центральную Рабочую Группу», состоявшую из представителей от рабочих, за которыми стояли пропагандистские кружки.

Главными деятелями «Союза борьбы» в 1895—1896 г. г. были: В. И. Ленин, Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, А. Л. Малченко, П. К. Запорожец, А. А. Ванеев, Ю. О. Мартов, Н. К. Крупская, З. П. Невзорова, С. И. Радченко, Л. Н. Радченко, А. А. Якубова, М. А. Сильвин, С. А. Гофман, Я. М. Ляховский, рабочие В. А. Шелгунов и И. В. Бабушкин, А. Потресов, Ф. Гурвич (Дан), Б. Горев-Гольдман.

Группе «стариков» удалось просуществовать недолго. В ночь с 8 на 9 декабря 1895 г. были арестованы Ленин, Кржижановский, Запорожец, Ванеев, Старков, Малченко и др.; в январе 1896 г. — Мартов, Ляховский; в августе 1896 г.—Крупская и др. (См. «Документы», № 13—доклад департамента полиции

по делу «Союза борьбы»). Сидя в тюрьме, «старики» не прерывали своего руководства «Союзом», посылая оттуда листовки, брошюры, давая указания.

Одним из способов агитации, который впервые широко применил и умело использовал «Союз борьбы», было распространение по фабрикам и заводам печатанных гектографским способом листков-прокламаций, в которых, на-ряду с насущными нуждами и требованиями рабочих, формулировались и требования политические. «Это были линючие лиловые маленькие листочки, но несли они новые смелые слова, простые и правдивые, близкие и понятные каждому» (З. Невзорова). Для того, чтобы написать такой листок, «Союз борьбы» предварительно тщательно собирал на месте все необходимые сведения. Вот как рассказывает Вл. Ильич о собирании им таких сведений:

«Как сейчас помню свой «первый опыт», которого я бы никогда не повторил. Я возился много недель, допрашивая «с пристрастием» одного ходившего ко мне рабочего о всех и всяческих порядках на громадном заводе, где он работал. Правда, описание (одного только завода!) я, хотя и с громадным трудом, все же кое-как составил, но зато рабочий, бывало, вытирая пот, говорил под конец занятий с улыбкой: «мне легче экстру проработать, чем вам на вопросы отвечать!» («Что делать?»).

О другом «опыте» Вл. Ильича рассказывает Л. Мартов («Записки с.-д-та», стр. 276):

«В первые дни после «беспорядков» [на ф-ке Лаферм. *И. Т.*], когда фабрика еще не работала и неизвестно было, где искать лафермовских рабочих, М.А. Сильвин пытался вместе с В. И. Ульяновым ориентироваться, засевши в какой-либо близкий к месту событий трактир и собирая на лету то, что в беседах между собой расскажут посетители о событии. Пользы, однако, получилось мало. Как передавал Ульянов, купцы и мещане, виденные им в трактире, рассказывали лишь о перипетии обливания работниц водой из пожарных кишек и заканчивали рассказ нравоучительной сентенцией, отирая пот после соответствующего количества чайных порций: «А, потому—ни-и скандаль!»

В «Документах», № 14, мы приводим список прокламаций «Союза борьбы» за 1895 — 1897 г г. по отчету министра юстиции Муравьева («Революционное движение в России 1894 — 1905 г.г.» с пред. Л. Мартова, 1907), отмечая (в скобках) имеющиеся в Институте Ленина и дополняя известными нам прокламациями того же периода, не вошедшими в список Муравьева.

Из многочисленной литературы о «Союзе борьбы» см. воспоминания Н. К. Крупской, В. Шелгунова и др. в «Творчестве» № 7—10 за 1923 г.; «Очерк петербургского рабочего движения в 90-х г.г.» К. Тахтарева (Петербуржца); воспоминания Б. Горева (Гольдмана) — «Из партийного прошлого», ГИЗ. Ленинград 1924 г

[78]) Стачка на фабрике Торнтона 5—8 ноября 1895 г. явилась одним из первых крупных событий рабочего движения, где группа «стариков» применила свою новую тактику массовой агитации. Группа выпустила два листка к рабочим ф-ки Торнтона. Первый листок, написанный, очевидно, Г. М. Кржижановским и до настоящего времени не разысканный, был выпущен перед началом забастовки и формулировал требования рабочих. Печатаемый нами второй листок, написанный Вл. Ильичем, был выпущен уже по окончании забастовки (т. Аким в-Маховец дает его дату—10 ноября,—см. его «Очерк развития с.-д-ии», стр. 52).

Листок был перепечатан за границей в 1896 в № 1 — 2 «Работника».

О стачке на фабрике Торнтона см. подробно у К. Тахтарева-Петербуржца: «Очерк петербургского рабочего движения 90-х годов», где также перепечатан этот листок.

[79]) *Майский листок* «Союза борьбы» 1896 г., присланный Вл. Ильичем из тюрьмы, впервые удалось размножить в огромном по тому времени количестве — свыше 2.000 экземпляров (эту цифру точно устанавливает Б. Горев-Гольдман, печатавший листок) и распространить по 40 фабрикам и заводам Ленинграда. Именно этот листок имел громадное влияние на рост сознания ленинградских рабочих. «Когда через месяц после этого вспыхнули знаменитые стачки 1896 г., рабочие говорили нам, что первым толчком к их объединению был этот маленький, скромный майский листок» (З. Волжанский, «Волна» № 6, 1 мая 1906 г.). — «Многие рабочие потом говорили, что если бы не майский листок, то, может быть, не было бы и летних стачек» (Тахтарев-Петербуржец). — Б. Горев-Гольдман в своей книжке («Из партийного прошлого», Ленингр. 1924) говорит: «Выпустив и распространив майский листок, мы *чувствовали*, что сделали большое революционное дело. Разразившаяся спустя полтора месяца великая забастовка ткачей и прядильщиков, у которых брожение началось и не прекращалось *именно под влиянием первомайской прокламации* и ждало лишь повода, чтобы проявиться в активной форме, — эта забастовка показала наглядно нам и всему миру, что наше чувство не обмануло нас... Забастовка началась именно там, где случайно наш листок был лучше всего распространен» ..

[80]) Точное указание на принадлежность Вл. Ильичу прокламации «*Царскому правительству*» дают В. Акимов-Махновец («Очерк истории с -д-тии в России», стр. 49 и 54) и Б. Горев-Гольдман («Из партийного прошлого», стр. 36).

Прокламация явилась ответом на опубликованное в № 158 «Правительственного Вестника» от 19(31) июля 1896 г. правительственное сообщение о летних стачках 1896 года в Ленинграде. К. Тахтарев пишет следующее по поводу издания указанного правит. сообщения:

«Правительству и другим классам общества впервые пришлось взглянуть на рабочий класс, как на новую народившуюся общественную силу. Для правительства и реакционеров стало уже поздно повторять избитую ложь, что у нас в России нет рабочего вопроса, и хвастаться «патриархальными отношениями» хозяев к рабочим, якобы царящим на русских фабриках.

«Несмотря на все желание, движения нельзя было скрыть, ибо оно было вынесено, как говорится, на улицу и благодаря прокламациям Союза получило широкую огласку. Весь Петербург мог проверить то, что писалось в листках. Делать было нечего, и правительство, умудренное горьким опытом, пускается на новую штуку — объявить официально о забастовках... Конечно, сообщение было тотчас же перепечатано другими газетами и облетело все даже самые отдаленные уголки России. Правительство постаралось однако и тут слукавить: чтобы умалить грандиозность движения, оно убавило число забастовщиков почти больше, чем на половину. Любопытно также, что на этот раз члены «Союза борьбы» и других революционных организаций из «подстрекателей», какими они являлись в прежних секретных циркулярах Витте, превратились в «злонамеренных личностей», которые «пытались воспользоваться уже совершившимися стачками с целью придать им преступный характер». Как бы в ответ на

все эти правительственные сообщения, осенью «Союзом» была выпущена длинная прокламация»...

Прокламация была перепечатана в заграничном издании книжки Петербуржца (К. Тахтарева)—«Очерк петербургского рабочего движения 90-х г.г.» (1902).

Упоминаемый в прокламации циркуляр Витте фабричным инспекторам — см. «Документы», № 6.

[81]) Первый раз правительство обратилось с сообщением по поводу стачек 1895 г. во Владимирской губернии. Сообщение было напечатано в газетах в самом начале 1896 года.

Кроме этого необходимо отметить знаменитый циркуляр Витте к стачечникам летом 1896 г., перепечатываемый нами полностью (см. «Документы», № 4).

Интересен способ, к которому прибег Витте для распространения этого обращения, о чем рассказывает К. Тахтарев-Петербуржец: «Министерская прокламация, как ей и надлежит быть, была расклеена на стенах и заборах и раздавалась полицейскими. Но во многих местах рабочие проходили мимо и не читали ее, а, получая от полицейских, просто рвали и бросали ее, с упоминанием всех родителей. Тогда кое-где усердные городовые начали разбрасывать прокламации подобно тому, как разбрасывались листки «Союза». «Было умори тельно смотреть, — говорили некоторые рабочие, — как слуги правительства не нашли ничего лучшего, как подражать в тактике «Союзу».

В ответ на это ханжеское обращение министра финансов «Союз борьбы» выпустил одну из своих характернейших прокламаций: «К петербургским рабочим» (см. «Документы», № 5).

[82]) Датой написания брошюры «*Новый фабричный закон*» можно считать время тотчас после издания закона 2 июня, т.-е. июнь-июль 1897 г. Приложение же, как видно из самого текста, написано в октябре того же года. Судя по предисловию П. Б. Аксельрода к 1-му изданию брошюры (см «Документы», № 7), рукопись попала за границу лишь осенью 1897 г. Лишь в 1899 г. она вышла в свет в Женеве в издании «Союза русских соц.-демократов».

[83]) Приводим этот циркуляр, изданный в начале 1896 г., попавший в германские с.-д. газеты и опубликованный затем во многих русских газетах, в том числе провинциальных, в средине апреля 1896 г. (см. «Документы», № 6).

[83а]) «В. Ф.» — «Вестник финансов, промышленности и торговли». Статья, на которую здесь и в дальнейшем ссылается Вл. Ильич, — «Продолжительность и распределение рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности» в № 26 от 29 июня (11 июля) 1897 г.

[84]) Настоящее издание «*Задач русских социал-демократов*» печатается по тексту 1-го издания, вышедшего за границей в 1898 г. и сверенному с имеющимся в Институте Ленина рукописным текстом, с которого набиралось 1-е издание. Как заметит читатель, печатный текст имеет некоторые, весьма незначительные, изменения сравнительно с рукописью, сделанные, по всей вероятности, в корректуре группой «Освобождение Труда», в частности П. Б. Аксельродом, снабдившим брошюру своим предисловием.

2-е издание этой брошюры вышло за границей же в конце 1902 г. с предисловием к нему В. И. Ленина. 3-е издание вышло за границей в сентябре 1905 г. с новым предисловием Вл. Ильича.

Мы перепечатываем предисловие П. Б. Аксельрода к 1-му изданию

(см. «Документы», № 7) и предисловие Вл. Ильича ко 2-му изданию (см. «Дополнения», стр. 439). Предисловие к 3-му изданию перепечатано в VI томе Собр. сочин., стр. 442.

[85]) «*Летучие Листки группы народовольцев*» издавались организовавшейся осенью 1891 г. группою молодых народовольцев (М. С. Александров-Ольминский, Ергин, Федулов, Астырев, Прейс, Белевский, Фейт и др.), взгляды которых постепенно склонялись в сторону социал-демократизма. Группа обладала собственной нелегальной типографией, выпустила ряд брошюр, прокламаций и четыре номера «Летучих Листков». Последний № 4 от 9 декабря 1895 г. носил уже, за исключением некоторых лишь частей, явный социал-демократический характер и вызвал против себя протесты других народовольческих групп. Группа находилась в сношениях с «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» и печатала некоторые из изданий «Союза», в том числе брошюры Вл. Ил. «О штрафах» и «О стачках». Была разгромлена первый раз в апреле 1894 г. и окончательно в июле 1896 г. См. статью М. С. Александрова (Ольминского): «Группа народовольцев» в № 11 «Былого» за 1906 г.

[86]) «*Работник*» — непериодический сборник «Союза русских социал-демократов», выходивший в 1896 — 1899 г.г. за границей под редакцией Г. Плеханова, П. Аксельрода и В. Засулич. Вышло всего 6 номеров в трех книгах. Кроме него, выходили еще *Листки «Работника»*, из которых №№ 1—8 (1896— 1898 г.г.) выходили под той же редакцией, последний же № 9 — 10 вышел в ноябре 1898 г. под временной редакцией после того, как группа «Освобождение Труда» отказалась от редактирования изданий «Союза русских социал-демократов».

[87]) «*Союз русских социал-демократов*» — заграничная организация, основанная в начале 1895 г. по инициативе группы «Освобождение Труда». В начале «Союз» находился всецело под руководством группы и последней принадлежала редакция изданий «Союза». Вскоре, однако, перевес в «Союзе» берут оппортунистически настроенные «молодые» (Кричевский, Акимов и др.), и в ноябре 1898 г. на 1 съезде «Союза» группа «Осв. Труда» отказывается от редактирования изданий «Союза». На 2 съезде «Союза» в апреле 1900 г. произошел окончательный раскол, и группа вместе с примыкавшими к ней членами «Союза» (Д. Кольцов, Л. Аксельрод-Ортодокс) ушли со съезда и образовали новую Революционную Организацию «Социал-Демократ».

[88]) *П. Л. Лавров* (1823 — 1900) — виднейший представитель революционного народничества, член общества «Земля и Воля», потом партии «Народная Воля», член I Интернационала, эмигрант. Издавал за границей (сначала в Цюрихе, потом в Лондоне) свой орган «Вперед» (1873 — 1876), в котором развивал взгляды о необходимости «итти в народ» с целью длительной пропаганды и перевоспитания народных масс в духе социалистических идей, — в противоположность бунтарям-бакунистам, считавшим русский народ готовым к социалистической революции и шедшим к нему с агитацией за немедленное восстание. Был редактором «Вестника Народной Воли» (1883 — 1886 г.г.) и вплоть до своей смерти (1900 г.) авторитетнейшим истолкователем взглядов народовольцев. В своих «Исторических Письмах» (под псевдонимом *Миртова*), имевших громадное влияние на русскую интеллигенцию, явился родоначальником так наз. «русской социологической школы».

Упоминаемые здесь Вл. Ильичем «*Материалы*» — сборники: «Материалы

для истории русского социально-революционного движения», выходившие за границей с 1893 г. в издании «Группы старых народовольцев» (П. Лавров, Н. Русанов, Е. Серебряков и др.) и явившиеся главным органом старых народовольческих групп.

Летом 1897 г. Г. В. Плеханов написал брошюру: «Новый поход против русской социал-демократии» (изд. группы «Освоб. Труда»; перепечатана в IX томе Собр. сочинений Г. В. Плеханова), явившуюся ответом как на статью П. Лаврова, напечатанную в № 4 «Летучего Листка группы народовольцев», так, главным образом, на «Открытое письмо к народовольцам — издателям «Летучего Листка» «Старого народовольца» (Е. Г. Левита — впоследствии большевика, ум. в 1911 г.), помещенное в № 6 — 7 «Материалов». Об этой брошюре Плеханова и «слышал» В. И. Ленин в Сибири.

№ 5 «Летучего Листка» не вышел.

Мы перепечатываем целиком (см. «Документы», № 8) разбираемую Вл. Ильичем статью П. Лаврова «О программных вопросах», как она была напечатана в № 4 «Л. Л.». Статья П. Л. Лаврова показывает тот предел теоретической путаницы и политической беспомощности, до которой дошли «старые народовольцы» к моменту выступления революционных марксистов.

[89]) «*Рабочее Дело*» — выходивший за границей с апреля 1899 г. по февраль 1902 г. под редакцией Б. Кричевского, А. Мартынова, В. Иваньшина и П. Теплова орган «Союза русских социал-демократов», выражавший оппортунистическое направление в рядах русских с.-д-ов.

Оценку тенденций «Рабочего Дела» Вл. Ильич дал подробно в «Что делать?» (см. V том Собр. сочин.).

[90]) «*Протест российских социал-демократов*» явился ответом на формулированные Е. Кусковой *) в так наз. «Credo» (символ веры) взгляды русских «экономистов», где под них подводился теоретический фундамент в виде модного в то время бернштейнианства (прим. 91). Об обстоятельствах, при которых Вл. Ильич получил в ссылке названное «Credo», т. А. И. Елизарова — в письме в редакцию Собр. соч. Ленина — рассказывает следующее:

«Это было, помнится, весною 1899 года. В одну из своих поездок из Москвы в Петербург, куда я ездила главным образом по поводу издававшихся тогда книг Владимира Ильича — «Экономические этюды» и «Развитие капитализма в России», я зашла, как обычно, к Александре Михайловне Калмыковой. У нее был в то время книжный магазин на углу Литейного и Невского (кажется, Литейный, 60), который служил в некотором роде штаб-квартирой. Там можно было узнать о жизни соц.-дем. организаций, о всех переменах и изъятиях, происшедших в них. Прежде всего, по приезде в Питер, забегаешь, бывало, в этот книжный склад.

---

*) *Е. Д. Кускова* — в 90-х годах перешла от народоправцев к с.-д-ам и играла видную роль в заграничном «Союзе русских социал-демократов». Вскоре окончательно отошла от с.-д. и примкнула к либералам. Ее группа издавала в 1906 г. журнал «Без заглавия», а затем газету «Товарищ», неизменно поддерживавшие кадетов. После Октябрьской революции эмигрирует за границу, где озлобленно выступает против Советской власти на страницах кадетско-эсэровских «Дней».

«Александра Михайловна стояла очень близко к первым марксистским организациям Петербурга. Струве вырос в ее семье, — был в гимназические годы ее воспитанником и, как она говорила, был ближе ей, чем ее собственный сын, пошедший по другому пути. Эта выдающаяся по уму и энергии женщина, принадлежавшая к довольно высокому кругу—ее муж был, если не ошибаюсь, сенатором,—оказывала очень деятельные услуги нелегальным соц.-дем. организациям, главным образом «Союзу борьбы», и находилась в курсе их работы. Все первые члены «Союза борьбы» — Радченко, Крупская, Якубова, Невзорова, народовольческой организации — Книпович, — были в тесной связи с нею. Пользуясь своими большими связями в обществе, она устраивала квартиры, склады, добывала деньги. У ней же происходили первые заседания редакций тогдашних легальных марксистских газет.

«Я получала от нее разные питерские новинки, которые пересылала или пересказывала в письмах Владимиру Ильичу в ссылку.

«И вот раз она передала мне ту, составленную Прокоповичем и Кусковой, программу, которая известна теперь под именем «Credo», сказав, что хотя составители сами не работают, но имеют некоторое влияние среди «молодых».

«По возвращении в Москву я к очередному химическому письму брату, которые писала в книгах и журналах, прибавила и это, химически переписанное, произведение. Стремясь естественно к возможной краткости и сжатости при этом кропотливом и утомительном способе переписки, я дала документу первое пришедшее в голову краткое название, написав: «Посылаю тебе некое «Credo» «молодых». Моя совершенно отрицательная оценка этого писания, как измышления досужих литераторов, отголоска которого в жизни я не видала не только вокруг себя, в Москве, но даже в питерской «Рабочей Мысли», далеко до этого не договорившейся,—вероятно, невольно еще возрасла в процессе той кропотливой и неблагодарной работы, которую представляло химическое переписыванье. Казалось, что не стоит мне переписывать, а Владимиру Ильичу проявлять это либеральное умствованье. Обозначив его для краткости «Credo» «молодых», я не верила, чтобы оно могло служить для руководства действовавших соц.-демократов.

«Поэтому, когда из ответа Владимира Ильича я увидела, какое глубокое возмущение оно вызвало, когда я узнала о намерении выступить с протестом против него, я обвиняла себя, что неточность его обозначения в моем письме придала ему в глазах брата большее, чем следовало, значение. И я поспешила объяснить, что именем «Credo» «документ» назван мною и что молодые соц.-демократы, насколько мне известно, им не руководствуются. Но протест тем не менее был составлен и послан.

«При свидании с Владимиром Ильичем по возвращении его из ссылки мы затронули эту тему и он очень удивился, узнав, что название «Credo» дано было не автором, а мною случайно (очевидно, в химическом письме это как-то исчезло для него), но потом сказал, усмехнувшись: «Ну, все равно. Протестовать все-таки следовало».

«Помню также, что Кускова очень возмущалась, — один раз в личном разговоре со мною, — что документ был назван «Credo», как авторы его не называли».

Сама Е. Кускова по поводу «Credo» писала (см. «Былое» № 10, октябрь 1906 г.) следующее:

«Здесь не лишним будет рассказать, «как делается история». Никакой «фракции», писавшей «Credo», никогда не существовало, а было вот что. Жили за границей два человека N.N. и М. М. *). Они сражались с «ортодоксией» русской социал-демократии, будучи однако горячо преданы идее социал-демократической рабочей партии и интересам рабочего движения в России. Никакого политического движения рабочих в России в то время не было. Было стачечное движение чисто экономического характера. Сначала «Бунд», потом «Рабочая Мысль», потом N. N. и М. М., потом «Рабочее Дело» начали настаивать на том, что, если соц.-дем партия хочет быть партией рабочих, она должна подойти к ним, исходя не из абстрактных учений Маркса и Энгельса, а из *их непосредственных* интересов. Затем: опираться должна эта партия не на веления людей, за границей сидящих, а на *самодеятельность рабочих*, в каком бы виде эта самодеятельность ни выражалась, хотя бы, например, в виде похоронных касс. В то время такая самодеятельность только и выражалась в стачках на экономической подкладке и кое-где на попытках организовать профессион. движение. «Экономисты» были поклонниками самодеятельности масс в ее различных видах, и формулировали это главным образом в статье г. N. N., напечатанной в «Vademecum'е» Г. В. Плехановым. Статья называется: «Ответ на брошюру Аксельрода: «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов». Вся статья написана в доказательство необходимости исходить в образовании партии из интересов рабочих. В ней говорится, что «сознание рабочих не тесто, лепить из которого «мы» (интеллигенты) призваны по собственному образу и подобию. «Мы» и «наши» усилия могут лишь дополнять то, чему учит рабочего жизнь» (Vademecum, стр. 49). Или: «история делается массами, поэтому сознание только масс является историческим фактором» и т. д. Эти, подобные и шаблонные для современной психологии, вещи тогда были приняты за злой «экономизм», а автор (N. N.) подвергнут анафеме. Проклятые истинными социал-демократами N. N. и М. М. уехали в Россию, но на границе N. N. был арестован и увезен в Петербург. В Петербург же приехал и М. М. и под влиянием заграничной распри с правоверными продолжал беседы на острые темы марксизма и рабочего движения в петербургской литературной среде, в которой тогда еще было довольно много «ортодоксов». Однажды после горячего спора к М. М. обратились с просьбой формулировать кратко свои взгляды на спорные вопросы, чтобы удобней было в споре опереться на что-либо стройное и цельное. М. М. один, без всяких соучастников, набросал спешно и не для печати краткое изложение своих взглядов. Бумажонка была взята кем-то из участников спора. Прошло некоторое время. Автор «взглядов» на бумажонке совсем забыл об ее существовании. Его друг N. N. все еще сидел в тюрьме и не подозревал, в какую историю попадет М. М. Вдруг в один прекрасный день в руки М. М. попадается «Протест» 17 социал-демократов против какого-то еретического «Credo». М. М. читает и с изумлением видит, что это «Credo»—не что иное, как его бумажонка, с наскоро набросанными для спора положениями. Изумлению его не было пределов, когда затем, в дальнейшем, это несчастное «Credo» стало историческим документом, социал-демократия была объявлена в опасности, а сами авторы (увы, у соц.-дем. тогда множилось в глазах!) злейшими врагами социал-демократии. Кто это «Credo» напечатал,

*) N. N.—С. Прокопович; М. М —Е. Кускова. *И. Т.*

кто на бумажонке поставил это заглавие (в подлиннике—заголовка не было), М. М. и до сих пор не знает. Все изложенное—точно, так как автором «Credo» была я, пишущая эти строки. За подписью М. М. в Vademecum'е опубликованы мои *частные* письма к членам группы «Освобождение Труда».

Вл. Ильич, получив от А. И. Елизаровой «Credo», тотчас составил проект «Протеста» и предложил его на обсуждение всей колонии минусинских с.-д-ов. Тов. П. Н. Лепешинский дает как подробный рассказ об обсуждении проекта, так и перечень тех 17-ти человек, которые этот «Протест» подписали (см. «На повороте», стр. 100—102):

«Незадолго перед смертью А. А. Ванеева наше Ермаковское было ареною шумного, многолюдного съезда. Все социал-демократы Минусинского уезда летом (кажется, в июле) 1899 г. собрались по инициативе Владимира Ильича, чтобы достойным образом реагировать на пресловутое profession de foi так называемых «молодых» социал-демократов,—на известный, ставший историческим, документ под названием «Credo». Получивши из Петербурга рукопись с этим «кредо», Владимир Ильич взволновался, как охотник, почуявший близость очень крупной дичи. Он сейчас же составил себе план отповеди авторам «Credo» и набросал *проект* протеста против этого нового символа веры. Было решено «Протест» сделать коллективным, и для этой цели всем товарищам собраться в с. Ермаковском (именно в Ермаковском, главным образом потому, что А. А. Ванеев был уже в это время окончательно прикован к постели и не мог бы приехать в Минусинск или иной какой-нибудь пункт).

«Протест» начинался словами: «Собрание социал-демократов одной местности, в числе 17 человек, приняло единогласно следующую резолюцию...». Кто же эти 17 человек? Я думаю, что мне удастся вспомнить всех участников собрания, принявших эту резолюцию. Вот эти участники: а) из с. Шушенского: 1) *Вл. Ильич Ульянов*; 2) *И. К. Ульянова (Крупская)*; 3) *Оскар Энберг* (петерб. рабочий);—б) из Минусинска: 4) *В. В. Старков*; 5) *А. М. Старкова*; 6) *Г. М. Кржижановский*; 7) *З. П. Кржижановская* (Невзорова);—в) из с. Тесинского: 8) *А. С. Шаповалов* (петерб. рабочий); 9) *Н. И. Панин* (петерб. рабочий); 10) *Ф. В. Ленгник*; 11) *Егор. Вас. Барамзин*, и—г) из Ермаковского: 12) *А. А. Ванеев*; 13) *Д. В. Ванеева*; 14) *М. А. Сильвин*; 15) *В. К. Курнатовский*; 16) *О. Б. Лепешинская* и 17) *П. Н. Лепешинский*

«Предварительное оживленное собрание, сопровождавшееся товарищеским обедом, происходило у меня на квартире, при чем я помню, как Владимир Ильич горячо доказывал многим из нас, что «Credo» очень симптоматично, что прозевать этого явления нельзя, что «экономизм»—грядущая болезнь нашей социал-демократии.

«...Окончательное заседание, на котором была принята резолюция 17-ти, происходило в квартире Ванеева. Нельзя сказать, чтобы единогласие было достигнуто сразу, без всяких прений. Наоборот, и тут, как всегда водится, выделилась оппозиция к проекту и «слева» и «справа». А. А. Ванеев возмущался мягкостью тона резолюции и требовал более категорического, более решительного ошельмования авторов одиозного документа. В то же самое время Ф. В. Ленгник настаивал на том, чтобы изъять из резолюции те места, которые устанавливают связь новой линии русских «молодых» социал-демократов с шатанием философской марксистской мысли среди оппортунистических элементов немецкой социал-демократии (неокантианцев). Он ссылался при этом на то, что в дан-

ном случае непосвященным, рядовым марксистам, заброшенным в сибирскую глушь, трудно из своего непрекрасного далека судить о подлинном настроении умов в европейских центрах жизни, и лучше поэтому отказаться от гипотетических суждений. Владимир Ильич, идя на уступку в этом отношении, исключил некоторые абзацы из протеста, которые могли бы показаться сомнительными с точки зрения «непосвященных», но потом, кажется, очень сожалел о своей уступчивости».

Из воспоминаний Л. Мартова видно, что Вл. Ильич писал также и ему о «Credo», предлагая присоединиться к «Протесту» (см. стр. 457 настоящего тома). Туруханская колония во главе с Л. Мартовым вынесла резолюцию о присоединении к минусинскому протесту и сняла несколько копий его для рассылки по другим колониям. Колония ссыльных г. Орлова Вятской губ. (В. Боровский, Ф. Гурвич (Дан), А. Потресов и др.) также приняла аналогичный протест.

В 1900 г. Г. В. Плеханов перепечатал «Протест» в своей брошюре: «Vademecum (путеводитель) для редакции „Рабочего Дела"».

Вл. Ильич упоминает о «Credo», давая его оценку, также в «Что делать?» (см. V том Собр. соч., стр. 130), ошибочно относя время его написания к *концу* 1899 года.

[91]) *Бернштейниада*—оппортунистическое направление в рядах международной социал-демократии, начало которому было положено немецким с.-д. Эд. Бернштейном в ряде его статей, затем объединенных в книге: «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (1899), где он пытался подвергнуть пересмотру («ревизии», отсюда—«ревизионизм») философские и экономические основы революционного марксизма и заменить их теорией примирения классовых противоречий и верой в возможность достижения социализма путем его постепенного «врастания» в капиталистический режим.

[92]) Приводим полностью программу «Северно-русского рабочего союза»—см. «Документы», № 9.

Из большой литературы о «Союзе» см. Г. В. Плеханова—«Русский рабочий в революционном движении».

Программа «Южно-русского рабочего союза» 1879 г., написанная П. Б. Аксельродом, к сожалению, не сохранилась. Мы поэтому излагаем ее словами А. Потресова («П. Б. Аксельрод. 45 лет общественной деятельности», СПБ. 1914 г.):

«Перед нами программа, в которой прежняя анархическая федерация общин уже отодвинута в далекое будущее, зато рядом с требованием перехода всей земли в собственность крестьян на общинных началах выдвинута идея областного самоуправления и в программу включена совершенно несовместимая с анархической концепцией программа-minimum под видом «ближайших требований», как «поводов для агитации». В их числе есть и требования, направленные на улучшение условий труда, есть и политические требования, как требование всеобщего избирательного права и др. Программа считается с возможностью введения в России конституционного режима и полагает необходимым в таком случае использовать период возбуждения для выставления на выборах кандидатов с этой социально-революционной программой».

Литература о «Южно-русском рабочем союзе» крайне бедна. Воспоминания о нем см. у П. Б. Аксельрода—«Пережитое и передуманное» (Берлин 1923 г.).

[93]) *П. Б. Аксельрод*—вначале бакунист; в 1879 г. принимает участие в организации «Южно-русского рабочего союза»; с расколом «Земли и Воли» примыкает к черно-передельцам. В 1883 г. вместе с Плехановым, Дейчем, В. Засулич и Игнатовым основывает с.-д. группу «Освобождение Труда». Его работы 90-х г.г. высоко ценятся работающими в России с.-д. и, между прочим, В. И. Лениным. С 1900 г. один из редакторов «Искры» и «Зори». На II съезде партии в 1903 г. примыкает к меньшевизму и дает ему принципиальное обоснование в своих фельетонах в «Искре». Один из самых последовательных противников большевизма. В годы реакции—возглавляет «ликвидаторство». Участник Циммервальдской конференции, где занимал колеблющуюся позицию. В настоящее время один из лидеров II Интернационала.

[94]) «*Рабочая Мысль*»—с.-д. газета, выходившая с октября 1897 г. по декабрь 1902 г. (№№ 3—11 и № 16 вышли за границей, остальные в России) под руководством К. Тахтарева-Петербуржца и Н. Лохова-Ольхина. Наиболее яркая выразительница «экономизма», все внимание сосредоточивавшая на узко-экономической борьбе, противопоставляемой борьбе политической, якобы не входящей в задачи рабочего класса, преклонявшаяся перед стихийностью рабочего движения и относившаяся враждебно к централистической организации партии и к «интеллигенции».

№ 1 «Рабочей Мысли», на программную статью которого ссылается Вл. Ильич, был отпечатан на мимеографе и составляет библиографическую редкость. Перепечатываем целиком эту статью, ввиду ее исторического интереса, из № 9—10 «Листка Работника» (1899)—см. «Документы», № 10.

[95]) «*Спб. Рабочий Листок*»—газета, издававшаяся петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Вышло всего два номера. № 1, помеченный январем 1897 г., вышел в начале февраля в количестве 300—400 экз., отпечатанных на мимеографе. № 2 был составлен в марте, послан за границу и там с некоторыми изменениями напечатан в сентябре 1897 г. Оба номера были составлены целиком Б. Горевым (Гольдманом).

[96]) «*Рабочая Газета*»—орган киевских социал-демократов. Вышло всего два номера: № 1, август 1897 г.—печатался в Киеве и № 2, ноябрь 1897 г.—печатался в Екатеринославе. Участие в нем принимали Б. Эйдельман, П. Тучапский, И. Вигдорчик, В. Перазич и др. I съезд Р. С.-Д. Р. П. признал «Рабочую Газету» центральным органом партии. О попытках возобновления «Рабочей Газеты» в 1900 г. при участии Вл. Ильича—см. стр. 461 наст. тома.

№ 1 и 2 «Раб. Газеты» перепечатаны целиком в сборнике Истпарта: «К 25-тилетию первого съезда партии» (1923). В настоящем томе мы приводим полностью цитируемую Вл. Ильичем передовую статью № 2 «Раб. Газеты»—см. «Документы», № 11.

[97]) Рукопись этой—впервые публикуемой—работы Вл Ильича найдена в его бумагах периода «Искры». Рукопись представляет 24 листа самой тонкой папиросной бумаги большого формата, исписанных одним из самых мелких почерков Вл. Ильича, без каких-либо помарок и исправлений. Весь характер рукописи внушает мысль, что автор имел в виду условия конспирации и конспиративного хранения. На первом листе рукописи, сбоку, более крупным почерком, по рукой Вл. Ильича, сделана пометка: «1899». Вполне возможно, что эта пометка сделана Вл. Ильичем уже впоследствии, при разборе и сортировке

бумаг. В самом тексте рукописи упоминается 1900 год. Для определения времени написания рукописи, кроме указанных обстоятельств, имеет большое значение заключительная фраза всей работы. Она гласит: «слышать мнение социалистов других фракций нам было бы очень желательно и *мы не отказались бы от напечатания их отзывов*» (подчеркнуто нами). Из этих слов, на наш взгляд, непререкаемо следует, что статья была написана в такой момент, когда автор мог рассчитывать на осуществление плана издания какого-то органа и мог этим органом располагать. В таком положении Вл. Ильич мог находиться только после возвращения из ссылки, а так как конспиративный облик рукописи говорит за то, что она писалась в России, то с большой долей вероятности следует отнести ее к «псковскому» периоду жизни Вл. Ильича, к началу 1900 г., когда, вернувшись из ссылки и обосновавшись в Пскове, он отсюда приготовлял издание «Искры». В ряду этих подготовительных работ—разработка вопросов программы играла, конечно, важнейшую роль. Рукопись, вероятно, впоследствии была переслана за границу и таким образом оказалась в заграничном архиве Вл. Ильича. Вероятно, при разборке своих бумаг,—возможно, спустя уже несколько лет,—Вл. Ильич, по ошибке, отнес ее к 1899 г. вместо 1900 г. О громадном значении этой работы Вл. Ильича и для истории его взглядов на программные вопросы и для истории нашей партии и рабочего движения нет надобности здесь распространяться.

[98]) См. «Документы», № 12. Впервые проект программы был напечатан в виде приложения к брошюре «Чего хотят социал-демократы?», изд. группы «Освобождение Труда», Женева 1888 г.

[99]) *Эрфуртская программа*—программа германской социал-демократической партии, принятая на съезде в гор. Эрфурте в 1891 г. и заменившая собою старую «Готскую» программу 1875 г., от которой она отличалась более марксистским характером и устранением элементов лассальянства. Составлена была К. Каутским.

Цитируемый Вл. Ильичем абзац Эрфуртской программы гласит:

«Рука об руку с этим монополизированием средств производства совершается притеснение раздробленных мелких предприятий колоссальным крупным производством, совершается гигантский рост производительности человеческого труда. Но все выгоды этого превращения монополизируются капиталистами и крупными землевладельцами. Для пролетариата и упадающих средних слоев—мещан, крестьян—оно обозначает увеличение непрочности существования, нищеты, гнета, порабощения, унижения, эксплоатации».

[100]) Печатаемые нами два письма Вл. Ильича 1895 г. за границу, судя по содержанию, относятся к осени 1895 г., после возвращения Вл. Ильича в сентябре из-за границы, куда он ездил налаживать связь с группой «Освобождение Труда», а второе письмо безусловно написано в ноябре, так как в нем упоминается стачка у Торнтона, происходившая, как известно, 5—8 ноября 1895 г., и говорится о предположении издавать газету—«Рабочее Дело», провалившуюся 8—9 декабря 1895 г.

«Сборник», о котором идет речь в обоих письмах Вл. Ильича, и для которого предназначались упоминаемые в письмах корреспонденции,—непериодический сборник «Работник», первая книжка которого вышла в марте 1896 г. в Женеве, как издание «Союза русских социал-демократов». Судя по публикуе-

мым письмам, следует, кажется, предположить, что само издание сборников «Работник» было обсуждено группой «Освобождение Труда» совместно с В. И. Лениным во время пребывания последнего за границей летом 1895 г. и посещение Вл. Ильичем Вильны, Москвы и др. городов после возвращения из-за границы было связано с работой по постановке этих сборников. Во всяком случае из писем Вл. Ильича явствует, что он достаточно близко стоял к делу издания «Работника».

Адресованы письма были, очевидно, одному из членов группы «Освобождение Труда» (Аксельроду?), редактировавшей сборник «Работник». Подтверждается это и тем, что часть упоминаемых в обоих письмах материалов была помещена именно в «Работнике».

У нас нет достаточных оснований приписывать авторство этих материалов Вл. Ильичу, но несомненно, что он их просматривал и очевидно исправлял для печати. Мы поэтому перепечатываем в *Приложении II* посланные Вл. Ильичем и напечатанные в «Работнике» статьи: а) «*Вести из России*» (о выселении духоборов)—«Работник» № 1—2; б) «*Стачка ткачей на фабрике т-ва Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры*»—в том же номере; в) «*Сельские рабочие в юго-восточных губерниях Евр. России*»—№ 5—6.

Часть же упомянутого Вл. Ильичем материала полностью напечатана не была, но, видимо, вошла в общие сводки сведений из России, печатавшихся «Работником». Сводку сведений о стачках из № 3—4 «Работника», куда, вероятно, вошли и сведения, сообщенные Вл. Ильичем, мы здесь перепечатываем:

«*Петербурге.*—В начале ноября стачка на суконной фабрике Торнтона; требования рабочих формулированы в двух прокламациях «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Фабрикант удовлетворил требования рабочих.

В то же время [10 ноября. *И. Т.*] вспыхнула стачка папиросниц на табачной фабрике Лаферма. Число участниц равнялось 1500. Требовали уничтожения штрафов и браковок. Беспорядки на фабрике продолжались два дня. Результат: высылка 30 работниц из Петербурга и удовлетворение требования для остальных.—Следствием этой стачки был циркуляр фабричного инспектора, запрещающий фабрикантам произвольно браковать товар и приказывающий употреблять штрафные суммы на нужды работниц».

[101]) Настоящий том был уже сверстан, когда редакции стал известен новый список той работы Вл. Ильича, которая напечатана на стр. 281—285, под заглавием: «Проект программы социал-демократической партии».

Новый список, найденный Истпартом в Женевском архиве партии, представляет гектографированную тетрадь, в которой помещены под-ряд, как одно цельное произведение, и «Проект программы» и «Объяснение программы». Таким образом, мы имеем теперь: два списка «Проекта программы» (один—найденный в бумагах Вл. Ильича и напечатанный на стр. 281—285, и другой—воспроизведенный в указанной выше гектографированной тетради) и один, вновь найденный, список «Объяснения программы».

В основе всех этих списков лежит текст Вл. Ильича, написанный им в тюрьме, в июне или июле 1896 г. (первоначальное предположение, что «Проект программы» написан Вл. Ильичем в тюрьме уже в конце 1895 г., опиравшееся на тот факт, что на списке, найденном в бумагах Вл. Ильича, имеется отметка его рукой «1895»,—видимо ошибочно, хотя теоретически не исключена и та возможность,

что «Проект программы» написан Вл. Ильичем в тюрьме в декабре 1895 г., а «Объяснение программы»—там же спустя несколько месяцев).

По воспоминаниям Н. К. Крупской и А. И. Елизаровой текст Вл. Ильича был передан на волю в виде записи жидким молоком между строк какой-то книги (подробнее см. «Пролетарская Революция» № 3, 1924 г.). Этот подлинный текст Вл. Ильича должен был быть сначала проявлен, затем переписан и, наконец, переписан вторично для воспроизведения на гектографе.

Этот сложный процесс, при котором первоначальный текст Вл. Ильича должен был пройти через руки по меньшей мере двух-трех переписчиков, вполне объясняет как разночтения в двух имеющихся списках «Проекта программы», так и ряд бросающихся в глаза ошибок и описок в единственном имеющемся у нас списке «Объяснения программы». Этим же, вероятно, объясняется и то, что гектографированная тетрадь не доводит до конца «Объяснения программы», а обрывается на объяснении приблизительно только первой половины программы.

При этих условиях воспроизведение текста вновь найденного списка «Проекта программы» и «Объяснения программы» с буквальной точностью в начертании слов, расположении абзацов, пунктуации и т. п. было бы излишним педантизмом.

Там, где ошибки, описки, пропуски или искажения переписчиков явно бросаются в глаза, мы—без особых оговорок—освобождали от них текст Вл. Ильича.

Что касается самого «Проекта программы», то из сопоставления обоих имеющихся списков ясно, что в обоих первоначальный текст Вл. Ильича подвергся искажениям. Сопоставление их, однако, к счастью, дает возможность восстановить первоначальный текст, вероятно, с буквальной точностью. Мы даем оба списка параллельно и затем тот текст, который, будучи основан на обоих списках и на тексте «Объяснения», может, как нам кажется, почитаться наиболее близким к тому, что было в действительности написано самим Вл. Ильичем.

Здесь необходимо упомянуть об одном примечании к письму П. Б. Аксельрода от 12/VII 1901 г. в недавно вышедших за границей «Письмах П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова» (Берлин 1924 г.). В письме П. Б. Аксельрод говорит о «наброске», который мог бы годиться как введение к программе. Редакция издания так комментирует это место:

«Набросок», о котором упоминает здесь П. Б. Аксельрод, был сделан Лениным; история его такова: вопрос о программе встал в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» еще в 1895 г.; после ареста в декабре 1895 г. Ленин в тюрьме составил проект этой программы; написанный химическими чернилами в книге, между строк, он был переслан им летом 1896 г. на волю, А. Н. Потресову; последний едва успел проявить книгу и переписать проект, как был арестован сам; рукопись была оставлена им у одного из своих знакомых, но последний, испугавшись арестов, уничтожил ее. Зимою 1900 и 1901 г.г. Ленин восстановил этот свой набросок и давал его читать Аксельроду и Плеханову; сохранился ли он, нам не известно».

Это свидетельство в общем совпадает с воспоминаниями Н. К. Крупской (неверно, что текст был переслан из тюрьмы А. Н. Потресову: он был переслан Н. К. Крупской, ею же был расшифрован и попал к А. Н. Потресову через А. И.

Елизарову после ареста Н. К. Крупской в августе 1896 г.). Недоумение вызывает лишь фраза П. Б. Аксельрода о том, что «набросок» мог бы служить *введением* к программе, а не канвой для самой программы.

Необходимо здесь отметить также указание К. Тахтарева - Петербуржца («Очерк», стр. 63) о составлении программы по поручению «Союза борьбы» «одним товарищем, стоявшим тогда в стороне от активной деятельности. Поручение было выполнено в виде программы партии. Но, к несчастью, в силу полицейских условий, проект программы был уничтожен, даже не будучи прочитан большинством участников Союза».

К. Тахтарев не указывает точной даты написания этого проекта, но относит его явно к 1896 г. Поэтому не совсем вяжется с этим отнесение этой цитаты из К. Тахтарева М. Лядовым («История Росс. с.-д. партии», ч. II, стр. 37) к периоду I съезда партии. Лядов пишет в примечании к К. Тахтареву: «Этот проект программы был написан сидевшим в то время в петербургской тюрьме Н. Лениным и включал в себя основные положения принятой на II съезде аграрной программы». Это верно, но явно относится не к периоду I съезда, т.-е. не к 1898 г., а к 1896 году.

[102]) См. «Документы», № 6.

Указатель имен.

А.

Аксельрод П. Б.—371—372, 379, 387, 395—396.
Александр III—350.
Анненский Н. Ф.—131, 166.

Б.

Баранов—177.
Беловы—235.
Бернштейн—380.
Бисмарк—174, 365.
Блос—76, 89.
Богдановский—147.
Бонапарт—95, 391.
Буренин—84, 87, 109, 112, 185.

В.

В. В.—10, 87, 161, 169, 172, 178, 183, 201, 217—218.
Васильчиков—156.
Вернер—20.
Верховский—247, 271.
Витте—188, 296, 298, 303—304, 383, 389.
Волгин (Плеханов)—193—194.

Г.

Гальвани—91.
Гауптман—365
Гегель—69, 91, 93, 95—97.
Герцен—178, 186.
Гладстон—174, 394.
Григорьев—147, 166.
Гурвич—146, 171.

Д.

Дарвин—66, 72, 78.
Дементьев—133.
Дурново—277, 279.
Дюринг—78, 91, 93, 96—98 100—101, 105, 109.

Е.

Ермолов—188, 201.

Ж.

Жуковский Ю —67, 97, 101.

З.

Зибер—54, 139.

И.

Исаев—137.

К.

Каблуков—161.
Кази—235.
Кареев—74.
Карышев Н.—10, 18, 21, 156, 169, 171.
Каутский—66, 85, 89, 178, 226, 381, 384—385, 392—394.
Klopstock—66.
Короленко С. А.—22—223.
Косич—177.
Кривенко—65, 124, 129—131, 134, 140—143, 145, 148—151, 156—158, 162—163, 165, 168, 172, 174, 177, 179—180, 183—187, 190—192, 216, 220, 224.

Л.

Лавров П. Л.—353—354, 356—357.
Либкнехт—208.
Люксембург Роза—392.

М.

Маркс—65—69,72—74, 76 81, 84—87, 89—100, 104—105, 107—112,

114, 116—119, 133, 155, 173, 180—181, 204, 216, 218, 223, 225—227, 229, 233—234, 279, 369, 377, 380, 391.
Марло—167.
Мейер—89.
Микулин—264—266.
Михайловский Н.—65—69, 72—93, 95—98, 100—102, 104—107, 109—112, 114, 116—124, 129—130, 158, 173, 176, 178—184, 218, 225—226, 233—234.
Михайловский Я. Т.—255, 262.
Морган—78, 80.
Морозов Т. С.—235, 243—245 249, 251, 259.

Н.

Найденовы—235.
Наполеон—см. Бонапарт
Николай—он—136, 185, 187, 216—218, 220—223, 225, 228—231.

О.

Орлов В.—161.

П.

Плеханов—107, 118, 186, 193, 201, 353.
Победоносцев—186, 277, 279, 389.
Постников В. Е.—7, 9—11, 13—22, 24—41, 44—53, 55—60.
Посторонний (Михайловский)—101.
Прудон—73.
Пугачев—278.

Р.

Разин—278.
Руге—91.
Руссо—100.

С.

Скворцов А. И.—121.
Слонимский—49, 229.
Спенсер—68.
Струве—185—187, 216—217, 220, 228—231.

Т.

Трирогов—48.

У.

Успенский Гл.—171.

Х.

Харивоменов С.—130.

Ч.

Чернышевский—178, 180, 185—186, 193—195.

Щ.

Щедрин—176.
Щербина—141—146, 149.

Э.

Энгельгардт А. Н.—193.
Энгельс—76—78, 80, 85, 89, 91—93, 97—98, 100, 104—108, 223—224, 279, 369.

Ю.

Южаков—43, 55, 65, 111, 124, 129, 132, 140, 149, 155, 157, 162, 167, 173—175, 198, 201.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
ПРЕДИСЛОВИЕ Л. Б. Каменева	1
Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни. По поводу книги В. Е. Постникова—«Южно-русское крестьянское хозяйство».	9—60
I	9
II	13
III	24
IV	34
V	56
Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов (Ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов)	61—237
Выпуск первый	63
От издателей	124
К предлагаемому изданию	125
Выпуск третий	127
Приложения автора к III выпуску.	
I	212
II	216
III	232
Об'яснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах	239—274
I. Что такое штрафы?	241
II. Как прежде налагались штрафы и чем были вызваны новые законы о штрафах?	243
III. По каким поводам фабрикант может налагать штрафы?	247
IV. Как велики могут быть штрафы?	253
V. Каков порядок наложения штрафов	255
VI. Куда должны итти, по закону, штрафные деньги?	259
VII. На всех ли рабочих распространяются законы о штрафах?	269
VIII. Заключение	272
О чем думают наши министры?	275
Проект программы социал-демократической партии (1896 г.)	281
Прокламации петербургского „Союза борьбы за освобождение рабочего класса" 1895—1896 г.г.	287—300
К рабочим и работницам фабрики Торнтона	289
Рабочий праздник 1-го мая (19-го апреля по-нашему)	293

Стр.

Царскому правительству 296
Новый фабричный закон. . . . . . 301—340
I. Чем вызвано издание нового фабричного закона? 303
II. Что следует считать рабочим временем? 305
III. Насколько сокращает рабочее время новый закон? 307
IV. Что считает закон «ночным временем» для рабочих? . . . 309
V. Как доказывает министерство финансов, что ограничить сверхурочные работы было бы «несправедливо» по отношению к рабочему? 312
VI. Какие права дает закон министрам? 316
VII. Как наше «христианское» правительство урезывает праздники для рабочих 319
VIII Чем обеспечено исполнение нового закона? 324
IX. Улучшит ли новый закон положение рабочих? 326
X. Какое значение имеет новый закон? 329

Приложение.

I 331
II 332
III 333
IV 334
V 336
VI 337
VII 340

Задачи русских социал-демократов . . . . . 341—362
К петербургским рабочим и социалистам от «Союза Борьбы». 360
Протест российских социал-демократов 363
Проект программы нашей партии (1900 г.) 375

Дополнения.

Письма за границу 1895 г. . . . . . 401—403
Письмо первое 401
Письмо второе 402
Проект программы (1896 г.) . . . . . 404—432
Текст, отбитый на машинке 404
Текст гектографированной тетради . . . . . —
Синтетический текст 410
Об'яснение программы 413
Рецензия на книгу: „K. Kautsky Die Agrarfrage“ 433
Предисловие ко 2-му изданию брошюры „Задачи русских социал-демократов“ 439

Приложения.

I. **Список произведений В. И. Ленина, относящихся к периоду 90-х г. г., до сего времени не разысканных** 447
II. **Статьи, исправленные и посланные В. И. Лениным в „Работник“.**
I. Вести из России 463

Стр.

II. Стачка ткачей на фабрике товарищества Иваново-Вознесенской мануфактуры 466
III. Сельские рабочие в юго-восточных губерниях Европейской России 471

Документы и материалы.

1. Письмо К. Маркса в редакцию «Отечественных Записок» — 1877 г. 483
2. «Судебный салют рабочему вопросу» (Статья М. Каткова в № 146 «Моск. Ведом.» от 23 мая 1886 г.) . . 485
3. Письмо Дурново к Победоносцеву — 18 марта 1895 г. . . 490
4. Циркуляр Витте к стачечникам — 15 июня 1896 г. . . . 494
5. «К петербургским рабочим» (Прокламация петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» — 27 июня 1896 г.) 495
6. Циркуляр Витте фабричным инспекторам — 1896 г. . . 496
7. Предисловие П. Б. Аксельрода к 1-му изданию брошюры «Задачи русских социал-демократов» 498
8. «О программных вопросах» (Статья П. Л. Лаврова из № 4 «Летучего Листка группы народовольцев») . . . 501
9. «К русским рабочим» (Программа «Северного Союза Русских Рабочих») 506
10. Программная статья из № 1 «Рабочей Мысли» — октябрь 1897 г. 509
11. «Ближайшие задачи русского рабочего движения» (Передовая статья из № 2 «Рабочей Газеты» — ноябрь 1897 г.). 511
12. Проект программы русских социал-демократов, составленный группой «Освобождение Труда» 515
13. Доклад по делу о возникших в С.-Петербурге в 1894 и 1895 г. г. преступных кружках лиц, именующих себя «социал-демократами» 520
14. Список прокламаций петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» за 1895—1897 г. г. . . . 630

Примечания 639

Указатель имен 674

I том Собрания сочинений **Н. Ленина**

(В. И. Ульянова)

подготовлен к печати и снабжен примечаниями

И. П. Товстухой

под редакцией **Л. Б. Каменева.**

